E 73/91

1.3.
91.

ПОЛИТИКА, ИСТОРІЯ

и

АДМИНИСТРАЦІЯ.

КРИТИЧЕСКІЯ И ПОЛИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ,

А. Градовскаго.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
Гостиный Дворъ, №№ 18, 19 и 20.

МОСКВА,
Кузнецкій Мостъ, д. Рудакова.

1871.

74

С 73
О 91

ПОЛИТИКА, ИСТОРІЯ

и

АДМИНИСТРАЦІЯ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ М. О. ВОЛЬФА (СПБ., ПО ФОНТАНКѢ, № 59).

ПОЛИТИКА, ИСТОРІЯ

и

АДМИНИСТРАЦІЯ.

КРИТИЧЕСКІЯ И ПОЛИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ

А. Градовскаго.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный Дворъ, №№ 18, 19 и 20.

МОСКВА, Кузнецкій Мостъ, д. Рудакова.

1871.

2007088090

* БИБЛІОТЕКА *

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Этотъ сборникъ не есть первый томъ «полнаго собранія» моихъ сочиненій, выбранныхъ, размѣщенныхъ по отдѣламъ и т. д. Я издаю здѣсь почти все, что было написано мною съ 1866 по 1870 годъ (исключая, конечно, докторской диссертаціи). Мнѣ пришло на мысль издать почти *все*, потому что статьи и этюды мои касались разныхъ вопросовъ, которыми, въ сферѣ мысли и въ сферѣ политики, живетъ наше общество.

Сборникъ раздѣленъ на три отдѣла. Происхожденіе перваго изъ нихъ понятно само собою. Какъ спеціалистъ по наукамъ политическимъ, я не могъ не остановиться внимательно на трехъ крупныхъ произведеніяхъ русской историко-политической литературы за послѣдніе три года: книгѣ г. Чичерина «о народномъ представительствѣ», изслѣдованіи г. Горчакова о «Монастырскомъ приказѣ» и сочиненіи г. Сергѣевича «Князь и Вѣче.» Два этюда, помѣщенные во второмъ отдѣлѣ, требуютъ нѣкотораго объясненія. Этюдъ, озаглавленный «Государство и прогресъ», написанъ по поводу книги Бюше Traité de politique, вышедшей въ 1866 г. Систематическій и новый трактатъ по предмету политики уже самъ по себѣ долженъ былъ остановить на себѣ вниманіе каждаго образованнаго человѣка. Но интересъ увеличился, кромѣ того, личностью автора. Бюше одинъ изъ достойныхъ представителей того славнаго поколѣнія французскихъ ученыхъ, которое воспиталось подъ вліяніемъ С. Симона, и къ которому принадлежали и принадлежатъ — О. Контъ, А. Тьерри, М. Шевалье, Литтре и т. д. Наконецъ, книга стремится дать положительный отвѣтъ на вопросы, поставленные преобразовательнымъ движеніемъ

въ сферѣ экономической и позитивною философіею въ области теоретической политики. Каждому извѣстно, съ какимъ интересомъ наше общество относится къ планамъ экономическихъ реформъ и успѣхамъ положительной философіи. Поэтому знакомство съ книгою Бюше представлялось мнѣ весьма полезнымъ, и я посвятилъ ему цѣлый критическій этюдъ *).

Второй этюдъ, «Парламентаризмъ во Франціи» написанъ по слѣдующему случаю. Въ 1868 году наше общество внимательно слѣдило за борьбою либеральной партіи во Франціи съ системой Наполеона III. Цѣль этой борьбы заключалась въ возвращеніи къ «началамъ 1789 г.» и въ возстановленіи парламентскихъ формъ. Всматриваясь въ развитіе этой борьбы, прислушиваясь къ толкамъ журналистики и публицистики, я какъ-то не довѣрялъ возможности «увѣнчанія зданія». Размышленія о возможномъ результатѣ борьбы навели меня на общій вопросъ: что такое парламентаризмъ во Франціи, гдѣ его жизненныя начала, гдѣ условія его успѣха? Для разрѣшенія этого вопроса я рѣшился изучить исторію парламентаризма во Франціи въ его зародышѣ; я остановился на одномъ изъ отцовъ конституціонной школы, Б. Констанѣ, и показалъ отношеніе его теоріи къ практикѣ французской государственной жизни. Заключительная глава этого этюда содержитъ въ себѣ мой взглядъ на общее значеніе конституціонныхъ идей во Франціи. Мнѣ казалось, въ 1869 году, что конституціонныя реформы не разрѣшатъ противорѣчій французской жизни и не умиротворятъ партій; что Франція хочетъ не парламентаризма, а революціи. Событія, кажется, подтвердили и подтверждаютъ этотъ взглядъ. Министерство Э. Оливье ничего не сдѣлало и не могло сдѣлать. Теперешнее правительство, поддерживающее умѣренную республику, съ перспективою Орлеанской династіи впереди, кажется, ничего не сдѣлаетъ. Парламентаризмъ вывѣтрился во Франціи вмѣстѣ съ тѣми слоями общества, идеямъ и интересамъ которыхъ онъ соотвѣтствовалъ. Буржуазія, повидимому, не имѣетъ политической будущности. У нея нѣтъ болѣе идей, остались одни интересы, да и то низкаго раз-

*) Глава, заключающая въ себѣ біографію Бюше, заимствована мною, почти до словно, изъ біографическаго очерка, приложеннаго г. Оттомъ, къ Traité de Politique.

бора. За нею стоитъ низшее сословіе, съ громаднымъ рабочимъ вопросомъ. Что выйдетъ изъ этой новой силы, принесетъ-ли она горе или радость политическому міру, трудно сказать напередъ; но трезвая наука должна констатировать фактъ, а очевидность факта бьетъ въ глаза; только слѣпые не видятъ его.

Третій отдѣлъ названъ мною «вопросами дня», кажется, не безъ основанія. Судьба крестьянскаго вопроса, мѣстнаго самоуправленія, печати и отношеніе русскаго государства къ его окраинамъ, вотъ что волновало русское общество въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ, волнуетъ и теперь, ибо кто же скажетъ, что эти вопросы разрѣшены или близки къ разрѣшенію? Инстинктивная ненависть къ новымъ крестьянскимъ учрежденіямъ, порожденная чувствомъ соболѣзнованія объ утратѣ крѣпостнаго права, вдохновляетъ до сихъ поръ разныхъ темныхъ публицистовъ. Главною мишенью ихъ выстрѣловъ служитъ русская сельская община, удостоившаяся теперь нападеній со стороны Петербургскаго земства. Между этими публицистами видное мѣсто занимаетъ нѣкто, пишущій подъ именемъ Шедо-Ферроти. По таланту своему онъ превосходитъ своихъ товарищей. Онъ превосходитъ ихъ также внутреннею ложью своихъ аргументовъ. Въ писаніяхъ гг. Лиліенфельда и др. мы имѣемъ дѣло съ чувствомъ сожалѣнія объ утраченномъ оброкѣ во всей его чистотѣ и наивности. Г. Шедо-Ферроти облекается въ тогу либерала и поклонника просвѣщеннаго запада. Его брошюра противъ сельской общины вызвала мою статью, помѣщенную первоначально въ «Зарѣ». Затѣмъ русское общество было заинтересовано судьбою печати и мѣстнаго управленія по поводу пересмотра законовъ о печати и проекта губернской реформы, не выработанныхъ до настоящаго времени. Подъ вліяніемъ понятнаго интереса, возбужденнаго этими двумя предположеніями, я написалъ рядъ статей въ «Голосѣ» и «Судебномъ Вѣстникѣ», гостепріимно принявшихъ мои соображенія. Наконецъ, вопросъ объ окраинахъ Россіи, занимавшій и занимающій наше общество, вызвалъ статью мою «Историческій очеркъ генералъ-губернаторствъ въ Россіи». Связь этого учрежденія съ вопросомъ объ окраинахъ понятна. По моему убѣжденію, дѣло объединенія нашего отечества требуетъ не искусственныхъ мѣръ, нерѣдко переходящихъ

въ насильственныя, а распространенія на окраины всѣхъ условій нашей государственности, въ ея обновленномъ видѣ: крестьянскаго надѣла, мировыхъ и другихъ судебныхъ установленій, земскихъ учрежденій. Вообще-же дѣло объединенія нуждается въ системѣ нормальнаго, общаго для всѣхъ мѣстностей порядка у правленія Поэтому всякій исключительный порядокъ администраціи идетъ въ разрѣзъ съ интересами государственнаго единства. Но система генералъ-губернаторствъ представляетъ собою начало исключительности, слѣдовательно разрозненности въ государственномъ управленіи. Поэтому я и старался подвергнуть ее критикѣ съ точки зрѣнія теоріи и исторіи.

Таково происхожденіе статей, помѣщенныхъ въ этомъ сборникѣ. Я смѣю думать, что онѣ вызваны явленіями и вопросами, дѣйствительно занимавшими наше общество и занимающими его до настоящаго времени. Поэтому онѣ могутъ имѣть значеніе и теперь, если только эти явленія и вопросы вѣрно поняты и оцѣнены мною. Но если даже невѣрно? Это дастъ поводъ нашей литературѣ лишній разъ высказаться по поводу вопросовъ, которые занимали меня лично и достойны вниманія цѣлаго общества.

А. Градовскій.

8 марта 1871 г.
С.-Петербургъ.

ОТДѢЛЪ I.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ТЕОРІЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА *).

О народномъ представительствѣ. Сочиненіе Б. Чичерина, Москва, 1866 года.

Книга г. Чичерина весьма пріятное явленіе въ нашей литературѣ Ученый, простой читатель, администраторъ, студентъ, даже читательница, никто не отступитъ предъ нею. Обширная начитанность, умѣнье обобщать, удачныя сопоставленія фактовъ, мастерское изложеніе, наглядная постановка выводовъ, связь ихъ съ современными вопросами, привлекаютъ всякаго любознательнаго читателя. Масса аргументовъ въ ту и другую сторону и тонъ ученаго безпристрастія обратятъ на нее вниманіе администраторовъ. Учащійся найдетъ въ ней хорошо изложенную теорію представительства. Ни одна сторона дѣла не упущена изъ виду; принципъ представительства, его различные виды, его историческое развитіе и условія, каждому изъ этихъ вопросовъ посвящено по нѣскольку блестящихъ страницъ.

I.

Вопросъ о народномъ представительствѣ есть часть обширнаго вопроса о формахъ правленія вообще, или ученія о правительствѣ. Само собою разумѣется, что ученіе это тѣсно связано съ теоріей общества, которое обусловливаетъ ту или другую форму правленія. Г. Чичеринъ вполнѣ признаетъ это. Представительное правленіе есть, по его замѣчанію, «господство общественнаго мнѣнія, посредствомъ всецѣлаго перенесенія воли гражданъ на выборныя лица». Изслѣдовать свойства и задачи этого *общественнаго мнѣнія* и его условія, сколько намъ кажется, и есть первая задача теоріи представительнаго правленія. Безъ этого невозможенъ вопросъ ни о свойствахъ, ни о задачахъ народнаго представительства. Разсматривать свойства формы, а потомъ взглянуть на содержаніе какъ на ея условія—путь невѣрный и про-

*) Написана въ 1867 году.

тиворѣчащій началамъ здравой соціологіи. Если общественное мнѣніе господствуетъ въ странѣ, управляетъ ею, то что же будемъ мы изучать, какъ не это общественное мнѣніе? Не все ли равно какую форму ни приметъ *интеллигенція* народа въ дѣлѣ управленія? Форма сама по себѣ не имѣетъ никакихъ свойствъ: они даются ей содержаніемъ, а такимъ содержаніемъ въ вопросѣ о представительствѣ является экономическая и умственная организація даннаго народа.

Между тѣмъ, г. Чичеринъ начинаетъ именно съ формы. Изученіе формы, отдѣльно отъ содержанія, сопряжено съ двумя коренными недостатками: во-первыхъ, намъ приходится искать принципа политическихъ отношеній въ разныхъ юридическихъ фикціяхъ и отвлеченіяхъ, а во вторыхъ, мы вносимъ въ понятіе объ обществѣ и государствѣ раздвоеніе, ведущее къ печальному противоположенію этихъ двухъ органически связанныхъ понятій. Это случилось и съ г. Чичеринымъ. «Когда древніе установляли у себя политическую свободу, учитъ г. Чичеринъ, они призывали каждаго гражданина къ непосредственному участію въ государственныхъ дѣлахъ.... новые народы отказались отъ рѣшенія государственныхъ дѣлъ совокупнымъ совѣщаніемъ гражданъ. *Право* голоса въ народномъ собраніи замѣнилось *выборнымъ началомъ;* вмѣсто вѣча является представительство». Когда все это было? Трудно сказать. Начнемъ съ того, что древніе никогда не *установляли* у себя политической свободы. Участіе въ народномъ собраніи было не правомъ, а необходимостію для гражданина. Кто не участвовалъ въ народномъ собраніи, тотъ становился въ разрядъ полусвободныхъ, опекаемыхъ лицъ, которыя являются несамостоятельными не только по отношенію къ политическимъ дѣламъ, но и по отношенію къ праву собственности, къ браку и т. д. Это затрогивало не только политическую, но и гражданскую свободу лица, — словомъ, его юридическую личность вообще. Мало того, при тѣсной связи религіи съ государствомъ, исключеніе гражданина изъ народнаго собранія отлучало его отъ религіи, ибо многіе акты (напримѣръ, цензъ) были столько же религіознымъ, сколько политическимъ дѣломъ. Гражданинъ участвовалъ въ народномъ собраніи потому же, почему онъ приходилъ во храмъ; онъ подавалъ голосъ потому же, почему на другой день приносилъ жертву. Избраніе консула было такою же обязанностію, какъ участіе на праздникѣ Вакха или Сатурна. Можетъ быть, подъ *установленіемъ* свободы авторъ разумѣетъ революціи, происходившія въ древнихъ государствахъ, напримѣръ, борьбу плебеевъ съ патриціями? Но вѣдь здѣсь дѣло шло не объ измѣненіи принципа. Чрезъ революцію государство включило въ себя большее количество членовъ, которые прежде стояли *вне его;* это значитъ, что плебеи пріобрѣли права *семейственныя*, *религіозныя* и *политическія*, то-есть стали гражданами; но самыя условія гражданства не измѣнились. Слѣдовательно, участіе въ народномъ собраніи было не какимъ-либо особымъ *правомъ*, а непремѣннымъ

условіемъ полноправія гражданскаго. Засимъ спрашивается, когда и гдѣ новые народы отказались отъ права рѣшенія государственныхъ дѣлъ совокупнымъ совѣщаніемъ гражданъ? Отказаться можно отъ того, что имѣешь: гдѣ же у новоевропейскихъ народовъ непосредственная демократія, какъ ее называютъ? Въ лѣсахъ Германіи? Но тамъ не было еще государства. Въ общинахъ? Но общины также предшествовали государству, которое выстроилось вовсе не по ихъ образцу.

Мы не будемъ вдаваться здѣсь въ исторію представительства: это завело бы насъ слишкомъ далеко. Мы остановимся преимущественно на основномъ положеніи г. Чичерина, которымъ опредѣляется его взглядъ на народное представительство. Это броситъ намъ свѣтъ и на историческое развитіе предмета, занимающее у автора отдѣльную книгу. Начнемъ съ сопоставленія нѣкоторыхъ опредѣленій сущности народнаго представительства. Мы привели уже одно изъ нихъ. «*Право* голоса въ народномъ собраніи *замѣнилось выборнымъ началомъ*». Слѣдовательно, съ выборнымъ началомъ упразднено какое-то право, какъ основаніе участія гражданина въ народномъ собраніи, и замѣнено чѣмъ-то другимъ. Посмотримъ дальше, на слѣдующей страницѣ: «Въ новыхъ обществахъ масса гражданъ, пользующихся политическою свободой, имѣющихъ *право* голоса, ограничивается выборомъ представителей».... Слѣдовательно, опять право, какъ основаніе участія въ общественныхъ дѣлахъ. Подумаешь, что и въ новыхъ обществахъ осуществляется какое-то *право*, хотя и въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ. Представительство, — говоритъ авторъ, и говоритъ весьма основательно,—не есть простое порученіе. Представитель, «призванный къ участію въ политическихъ дѣлахъ, пріобрѣтаетъ извѣстную долю власти и тѣмъ самымъ становится *выше своихъ* избирателей, которые, *въ качествѣ* подданныхъ, обязаны подчиняться его рѣшеніямъ». Далѣе: «Такимъ образомъ *воля* гражданъ всецѣло переносится на представителя; за ними не остается ничего, кромѣ голаго факта выбора». Одно изъ извѣстныхъ положеній въ наукѣ права заключается въ томъ, что никто не можетъ дать другому то, чего самъ не имѣетъ, и всякій даетъ столько, сколько самъ имѣетъ. Въ силу чего же представитель, какъ полагаетъ г. Чичеринъ, дѣлается частью верховной власти? Въ силу ли того, что граждане передали ему свои права? Но вѣдь они ихъ сами не имѣютъ, потому что отказались отъ нихъ при зарожденіи новаго государства. *Воля гражданъ?* Но что такое въ юридическихъ наукахъ воля, если за нею не стоитъ право, признанное и освященное законами, обычаемъ, силой—всѣмъ, чѣмъ хотите, но только право, дѣйствительное право, а не *голое*, за которымъ ничего нѣтъ. Еще можетъ быть голое право собственности: оно имѣетъ свой опредѣленный объектъ; но гдѣ объектъ голаго права выборовъ? Къ чему оно относится, что оно собою представляетъ? Граждане,—разсуждаетъ г. Чичеринъ,—не имѣютъ права участвовать въ управленіи, но мо-

гутъ избирать членовъ самодержавнаго собранія; пока это право привязано къ личности отдѣльнаго гражданина, оно голое, или безсодержательное право; при переносѣ же его на представителя, оно разомъ превращается въ громадное политическое право! Можетъ быть, по пословицѣ—съ міру по ниткѣ, голому рубашка? Но когда рѣчь идетъ о рубашкѣ, то вопросъ лишь въ количествѣ нитокъ, а тутъ вопросъ *о качествѣ:* что не есть право для единицы, то не превращается въ право, если этихъ единицъ соберется много. Видя, что дѣло этимъ не поясняется, г. Чичеринъ продолжаетъ: «Представительное начало въ своей полнотѣ является какъ бы *юридическимъ вымысломъ*, но это вымыселъ, вытекающій изъ самого *существа дѣла, изъ государственнаго начала*, изъ отношенія власти къ гражданамъ, изъ господства общаго блага надъ частными цѣлями». Совершенно справедливо. Вся *сущность дѣла* дѣйствительно въ государственномъ началѣ, а не въ правахъ вымышленныхъ и не вымышленныхъ. Фикція (или вымыселъ) всегда предполагаетъ право, фактъ, дѣйствительность, которая и даетъ ей смыслъ. *Предполагается*, что монархъ присутствуетъ въ судахъ. Здѣсь есть смыслъ: суды дѣйствуютъ его именемъ и отъ него получили опредѣленную степень власти для отправленія правосудія. Онъ есть источникъ правосудія. *Предполагается*, что народъ перенесъ свое право на представителя: здѣсь или нѣтъ смысла, или есть очень глубокій. Одно изъ двухъ: или народъ не имѣетъ правъ, и тогда ему нечего переносить, а юристу вымышлять; или онъ ихъ имѣетъ, и тогда палата является дѣйствительнымъ, а не вымышленнымъ истеченіемъ или выраженіемъ воли народа. Но авторъ на этомъ не останавливается: «Представитель не только лицо *служащее государству*, но на этой службѣ онъ заступаетъ мѣсто самихъ гражданъ, на сколько они призваны къ участію въ государственныхъ дѣлахъ. Въ немъ *выражается ихъ право*; чрезъ него проводятся ихъ мнѣнія». Наконецъ, что нибудь одно: или есть право, или нѣтъ права? Въ ученой книгѣ надо же остановиться на чемъ нибудь, нужна исходная точка. А то посмотрите, что тутъ выходитъ: представитель есть лицо служащее, слѣдовательно, подчиненное государству; стало-быть въ немъ не выражается никакого права, кромѣ того, которое каждое государство сообщаетъ своимъ органамъ. И въ то же время онъ представитель чьего-то права. Какого? Должно быть голаго. Итакъ, представитель есть государственный слуга, представляющій голыя права своихъ согражданъ. Такъ понимается этотъ вопросъ въ современной Франціи.

Однако надобно же въ чемъ нибудь искать причины затруднительнаго положенія г. Чичерина. Невозможно, чтобъ онъ такъ покончилъ съ этимъ капитальнымъ вопросомъ. Дѣйствительно, предъ нами цѣлая глава о политической свободѣ. Извѣстно, что представительныя учрежденія принимаются за одно и то же съ политическою свободой, или ставятся непремѣннымъ условіемъ ея. Судя по началу упомянутой главы, можно думать, что

здѣсь произойдетъ разрѣшеніе вопроса. Авторъ начинаетъ съ противоположенія разныхъ взглядовъ на представительство. «Двойственность началъ, лежащая въ каждомъ представительствѣ, является и въ самомъ его источникѣ—въ политической свободѣ. Послѣдняя призываетъ гражданъ къ участію въ государственныхъ дѣлахъ. Въ представительномъ устройствѣ это участіе выражается главнымъ образомъ въ выборномъ правѣ. Что же такое выборное право?» Мы, съ своей стороны, всегда думали, что свобода есть цѣль представительства,—цѣль, которая въ свою очередь является орудіемъ для достиженія другихъ высшихъ цѣлей. Теперь ее называютъ *основаніемъ* представительства. Она призываетъ гражданъ къ участію въ государственныхъ дѣлахъ. Значитъ, что же? она и есть то, чего мы тщетно искали прежде: она какъ будто право? Нѣтъ, она сама выражается въ выборномъ правѣ. На чемъ же основано это выборное право? Что оно выражаетъ? Свободу. Нечего дѣлать, простимся съ вопросомъ о свойствѣ народныхъ правъ, перенесенныхъ на представителя. Будемъ изслѣдовать свободу и выборное *право*.

Авторъ начинаетъ съ противоположенія мнѣнія демократовъ, что выборное начало есть право каждаго лица на участіе въ общихъ дѣлахъ, мнѣнію писателей охранительнаго направленія, которые видятъ въ этомъ обязанность, возлагаемую на гражданъ во имя общественной пользы. Неизвѣстно почему, въ послѣднюю категорію попалъ и Джонъ Стюартъ Милль, который, кажется, иначе смотритъ на вопросъ, а потому и не впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой, какъ это утверждаетъ авторъ. Замѣчаніе Милля, что представительство можетъ осуществиться только въ той странѣ, гдѣ граждане смотрятъ на него, какъ на священную обязанность, г. Чичеринъ принялъ за опредѣленіе самого существа выборнаго права. Впрочемъ мы еще возвратимся къ Миллю. Теперь перейдемъ къ свободѣ, выраженіе которой есть будто бы выборное начало.

Прежде всего нѣсколько новыхъ положеній. «Выборное право есть прежде всего право» (но какое, не можемъ понять!). «Оно *дается* гражданину, не какъ должностному лицу, а какъ члену общества, дабы онъ могъ проводить свои мнѣнія, защищать свои интересы. Но источникъ всякаго права есть свобода. *Право есть именно опредѣленная закономъ* свобода дѣйствовать». Законъ опредѣляетъ свободу; значитъ, онъ есть ея источникъ, а свобода есть источникъ выборнаго права. Значитъ, источникъ выборнаго права есть законъ. Это было бы проще, а главное, совершенно соотвѣтствовало бы истинному значенію представительства и выборнаго права, которое, какъ мы это подробно докажемъ ниже, принадлежитъ не къ числу прирожденныхъ правъ гражданскихъ, а къ числу правъ пріобрѣтаемыхъ, или даруемыхъ верховною властію, въ виду чисто-государственныхъ потребностей. Но авторъ не останавливается на этомъ; онъ продолжаетъ: «Потому выборное право

однозначительно съ политическою свободой». Никогда мы не слыхали, чтобы послѣдствіе было однозначительно съ своею причиной, источникомъ; но все это было бы хорошо, еслибъ авторъ рѣшился, наконецъ, опредѣлить, что чему служитъ источникомъ. Свобода есть источникъ права, но сама вытекаетъ изъ закона. Значитъ, право вытекаетъ изъ закона. Читатель вѣритъ, хотя все еще не знаетъ, откуда же вытекаетъ самый законъ? Конечно, онъ можетъ согласиться и съ тѣмъ, что законы исходятъ отъ власти, что, ergo, власть есть источникъ и свободы, и права. Но г. Чичеринъ разубѣждаетъ его въ этомъ чрезъ нѣсколько строкъ: «Каждый свободный членъ общества долженъ имѣть возможность защищать свои права. При подчиненіи личной свободы общественной власти, это требованіе можетъ быть удовлетворено единственно участіемъ гражданина въ самой власти, опредѣляющей и охраняющей права.... личное право должно искать гарантіи въ правѣ политическомъ». Стало быть какъ будто нужно *право*, которое имѣло бы другія основанія, чѣмъ законъ и власть. И дѣйствительно: «Свобода есть источникъ политическаго права, какъ и всякаго другаго. Однако, съ другой стороны, нѣтъ сомнѣнія, что, получая такое развитіе, становясь на эту степень, она пріобрѣтаетъ совершенно другой характеръ, нежели въ частной жизни. Изъ личной она превращается въ общественную, рѣшаетъ судьбу всѣхъ (?), становится органомъ цѣлаго. *Поэтому*, здѣсь къ началу права присоединяется начало обязанности». Сколько намъ кажется, автору въ этихъ нѣсколько темныхъ выраженіяхъ хотѣлось сказать очень простую вещь, именно, что участіе гражданъ въ политическихъ дѣлахъ дѣлаетъ изъ нихъ *власть*, ибо дѣйствительно нельзя участвовать въ правительствѣ, не будучи *властью*, и что власть налагаетъ на носителей ея извѣстныя обязанности, для исполненія которыхъ нужна извѣстная *способность*. Въ самомъ дѣлѣ, авторъ и переходитъ къ этому вопросу, доказывая, что нельзя давать власти лицу ничего не смыслящему въ дѣлѣ управленія, при чемъ онъ, впрочемъ слегка, возражаетъ Миллю, который предположилъ въ женщинахъ способность къ политическимъ дѣламъ. Не нужно говорить, сколько краснорѣчивыхъ страницъ написано авторомъ по этому поводу, то-есть, по поводу способности, а не женщинъ, о которыхъ онъ сказалъ очень мало. Тутъ и превосходство собственности надъ образованіемъ, которое ведетъ только къ революціямъ, и разница между мѣстнымъ и государственнымъ представительствомъ и т. д. Мы спросимъ здѣсь автора только вотъ о чемъ: въ итогѣ, въ силу чего участвуетъ гражданинъ въ выборѣ, въ силу ли *права*, ему предоставленнаго, или *способности?* Способность никогда не составляетъ права: она есть его условіе; можетъ быть рѣчь о *способности къ праву*, но кто же говоритъ о способности, какъ о правѣ? *Право* есть *способность* дѣйствовать, а признанная закономъ *способность* дѣйствовать есть основаніе права, или также право. Итакъ, все же право является основаніемъ участія гражданина въ

представительствѣ. Но какое право? Гдѣ его начало? Это осталось не рѣшеннымъ.

II.

Мы здѣсь остановимся. Ничего нѣтъ утомительнѣе этихъ колебаній изъ стороны въ сторону, этого построенія въ воздухѣ за неимѣніемъ почвы подъ ногами. А между тѣмъ авторъ легко бы могъ избѣгнуть этой непріятной гимнастики. Ему стоило бы только принять въ соображеніе ту очень простую вещь, что вопросъ о представительствѣ не есть вопросъ о борьбѣ и примиреніи двухъ противоположныхъ правъ,—права гражданъ и права государства, — а вопросъ о наилучшей организаціи власти. Авторъ не пошелъ дальше Гегеля. Очень жаль. Соціальныя науки хоть немного, а ушли впередъ, именно настолько, чтобы понять, что вопросъ *о правахъ*, въ государственной наукѣ, есть печальный продуктъ революціонно-метафизической школы,—продуктъ, пригодившійся для критики и разрушенія отжившаго порядка, но ничего не создавшій вновь.

Вотъ въ чемъ дѣло. Представительная система не есть противоположеніе полновластія народа полновластію государства или, выражаясь точнѣе, полновластію монарха. Это совершенно особый вопросъ, который, какъ мы это сейчасъ увидимъ, не имѣетъ никакого отношенія къ народному представительству. Вслѣдствіе этого, мимоходомъ сказать, мы и не коснемся ученія о полновластіи народа, которому г. Чичеринъ, вслѣдствіе его взгляда на предметъ, посвятилъ цѣлую главу. Мы приведемъ здѣсь только вполнѣ основательное замѣчаніе, которое авторъ дѣлаетъ въ концѣ этой главы: «Степень развитія свободы, мѣсто, которое она занимаетъ въ общественномъ организмѣ, верховное или подчиненное ея значеніе опредѣляются *не абсолютными* требованіями разума, а относительными требованіями жизни. Политическая свобода не составляетъ неотъемлемаго права народа; въ ней нельзя видѣть непремѣннаго условія всякаго государственнаго порядка. Народное представительство установляется тамъ, гдѣ оно требуется общимъ благомъ, гдѣ оно отвѣчаетъ настоящимъ нуждамъ государства, гдѣ оно способно дѣйствовать въ согласіи съ другими элементами, гдѣ оно содѣйствуетъ достиженію извѣстныхъ цѣлей. Поэтому основный вопросъ состоитъ здѣсь въ пользѣ, которую оно приноситъ, и въ условіяхъ, которыя для него требуются».

Трудно понять, какимъ образомъ авторъ, написавъ эти строки, посвятилъ такъ много страницъ весьма страннымъ и совершенно безполезнымъ соображеніямъ. Еслибы только-что приведенныя слова стояли во главѣ книги, еслибы все послѣдующее изложеніе строго соотвѣтствовало этимъ началамъ, русская литература пріобрѣла бы нѣчто серьезное. Случилось иначе. Мы

видѣли, что находится въ началѣ книги. Посмотримъ, какъ авторъ развиваетъ только-что выставленныя начала.

Мы думали, что этою разумною постановкой вопроса откроется изслѣдованіе общественныхъ элементовъ, изъ коихъ постепенно вырабатывается народное представительство. Соотношеніе классовъ общества, умственное движеніе, экономическія условія, форма землевладѣнія, религіозныя убѣжденія, вотъ богатый матеріалъ для изслѣдователя. Но авторъ предпочелъ разсмотрѣть эти вопросы въ концѣ книги, говоря объ условіяхъ народнаго представительства. Сколько намъ кажется, это не совершенно вѣрный методъ. Нѣтъ сомнѣнія, что физическія условія страны, тотъ или другой составъ общества, общественное мнѣніе, существованіе или несуществованіе партій, личная свобода гражданъ, организація мѣстнаго управленія, суть условія народнаго представительства, но совершенно не въ томъ смыслѣ, какъ принимаетъ ихъ авторъ. По его мнѣнію, представительныя учрежденія уподобляются нѣкоему древу, которое тогда только можетъ приносить благіе плоды, когда будетъ посажено въ соотвѣтственной атмосферѣ. Такъ, пальма нуждается въ знойныхъ лучахъ южнаго солнца, ель въ стужѣ и пескѣ холоднаго климата и т. д.; оттого пальма никогда не будетъ расти въ Архангельскѣ, а елка не появится въ Сахарѣ. Врядъ ли это справедливо въ примѣненіи къ государственнымъ учрежденіямъ. Дѣйствительно, общественное мнѣніе, состояніе классовъ общества и т. д. являются условіями представительныхъ учрежденій и политической свободы, но состоятъ съ ними не въ такомъ отношеніи, какъ температура къ дереву, а въ какомъ находится зерно къ колосу, или ингредіенты къ составу, который изъ нихъ образуется. Представительныя учрежденія являются въ странѣ не потому, что *ихъ можно* ввести, а потому, что собственность и просвѣщеніе стали дѣйствительною силой и не могутъ не занять мѣста въ государственной организаціи. Какую форму примутъ они въ такомъ случаѣ—это совершенно посторонній вопросъ, и та форма оказалась бы наилучшею, которая была бы прямымъ выраженіемъ дѣйствительной силы и взаимнаго соотношенія данныхъ элементовъ и вырабатывалась бы изъ нихъ самихъ, а не была бы простымъ примѣненіемъ готовой доктрины, которая на дѣлѣ можетъ иногда давать результаты противоположные тому, что имѣется въ виду. Словомъ, подобно тому, какъ хорошее законодательство есть вѣрное отраженіе народнаго быта, какъ всякая форма правленія есть выраженіе состоянія общества въ данную минуту, такъ и народное представительство есть продуктъ извѣстнаго общественнаго состоянія, къ которому оно относится какъ къ своей причинѣ, а не какъ ко внѣшнему, благопріятствующему только условію. Авторъ не желалъ принять этого въ соображеніе, и вслѣдствіе этого поставилъ вопросъ о представительствѣ на несвойственную ему почву, и изслѣдовалъ его безъ всякой почвы.

Прежде всего, какъ мы видѣли, онъ свелъ вопросъ о представительствѣ на вопросъ о правѣ, хотя подъ конецъ и пришелъ, кажется, къ заключенію, что это не есть вопросъ права. Говоримъ: *кажется*, потому что чрезъ нѣсколько времени онъ снова заговорилъ о правахъ гражданъ. Чтобы покончить съ этимъ вопросомъ, мы постараемся выставить здѣсь нѣсколько положеній, которыя могутъ перенести насъ на настоящую почву. Государственныя формы, подобно всякой великой идеѣ, переживаютъ многія фазы: обновленія, организаціи, упадка, возстановленія. Новое европейское государство было орудіемъ прогресса въ феодальную эпоху, орудіемъ организаціи въ эпоху возрожденія, когда вокругъ него сплотились всѣ умственныя и матеріальныя силы страны, и причиной упадка при Людовикѣ XIV и XV. Еслибы въ концѣ царствованія Людовика XV кто нибудь разобралъ правительственную организацію Франціи, онъ нашелъ бы въ ней слѣдующія характеристическія черты: слабость и неумѣнье правительства, отсутствіе въ немъ твердыхъ принциповъ, полное къ нему недовѣріе общества, ненаціональность его политики, безнравственность его государственныхъ людей. Это въ одной сферѣ. Въ другой поднимались великія умственныя и экономическія силы страны, начинавшія уже организоваться для борьбы со старымъ порядкомъ. Все идетъ съ нимъ въ разладъ — философія, руководимая энциклопедіей, промышленость, трудъ, капиталъ. Охотно устранившіяся отъ политической роли въ героическій періодъ организующей и прогрессивной монархіи, эти силы, нѣкогда слабыя, почувствовали свою силу и пожелали не только новой организаціи, но и участія въ ней. Онѣ стали не только условіемъ, но и причиной переворота. Періодъ разрушенія и обновленія былъ дологъ, да врядъ ли онъ и теперь окончился. Идея прогресса живетъ еще на счетъ идеи порядка и организаціи. Оттого такой разладъ между обществомъ и правительствомъ, оттого такое фальшивое представленіе о принципѣ представительства. Вызванное борьбой между правительствомъ, ставшимъ изъ начала организующаго началомъ разстройства, и обществомъ, горячо отдавшимся идеѣ прогресса, которую оно понимало въ формѣ разрушенія, оно являлось и еще является вульгарнымъ умамъ въ видѣ противоположенія двухъ правъ: права монарха, оспариваемаго революціей, и правомъ народа, возвѣщеннымъ ею. Но кто, при солидномъ изученіи дѣла, не согласится, что все это ученіе принадлежитъ эпохѣ переходной, что въ эпоху организаціи участіе обществъ въ правительственномъ дѣлѣ явится, напротивъ, тѣснымъ союзомъ націи и монарха, такимъ же органическимъ развитіемъ національныхъ силъ, какою была и старая монархія въ свое время? Революціонная Европа взяла представительныя учрежденія у Англіи, ибо нуждалась въ готовой, хоть и чужой организаціи, обобщивъ и огладивъ ихъ, и лишивъ той характеристической жизненной силы, какую имѣютъ они въ Англіи. Вотъ почему палаты и прочій конституціонный аппаратъ по отношенію къ общественнымъ элемен-

тамъ западной Европы являются формой безъ содержанія, которая одинаково годится и для революціонныхъ затѣй, и для реакціонныхъ попытокъ. И вотъ эту-то форму, одну, безъ ея содержанія, г. Чичеринъ изучаетъ въ цѣлой главѣ о свойствахъ народнаго представительства, и притомъ даже безъ условій, опредѣляющихъ ея развитіе. Мы сейчасъ увидимъ, на сколько онъ успѣлъ въ этомъ. Теперь пока остановимся на опредѣленіи нѣсколькихъ терминовъ, которые намъ совершенно необходимы для дальнѣйшаго изученія вопроса.

Прежде всего мы видимъ, что въ народномъ представительствѣ менѣе всего можетъ быть рѣчи о правѣ, какъ основаніи участія гражданъ въ политическихъ дѣлахъ. Представительное правленіе есть участіе общества въ правительственной дѣятельности. Тотъ или другой классъ или элементъ общества получаетъ это участіе въ силу того, что чисто правительственныя средства не стоятъ уже на одномъ уровнѣ съ глубоко и всесторонне развившимися элементами общества, ставшими дѣйствительными по отношенію къ правительству силами. Что же дѣлать съ этими силами? Если онѣ останутся внѣ правительства, онѣ превратятся во вредную и оппозиціонную силу, лишатъ правительство, прежде сильное пассивностію народа, его національнаго характера, изолируютъ его, превратятъ въ сухую неплодную смоковницу. Остается ввести ихъ въ правительственныя сферы, гдѣ онѣ сдѣлаются живою связью между верховною властью и народомъ, обильнымъ источникомъ правительственныхъ силъ. Съ этою цѣлію народу или его общественнымъ силамъ *даются извѣстныя права*, точно также, какъ сообщается извѣстная степень власти разнымъ правительственнымъ органамъ. Во всякомъ случаѣ, при обсужденіи *принципа* народнаго представительства, права эти являются какъ бы условіемъ или принадлежностью этой формы правленія, но никакъ не *основой*, не началомъ.

Мы заранѣе предвидимъ возраженіе, которое намъ могутъ сдѣлать. Намъ скажутъ: «Вы говорите *о способахъ* пріобрѣтенія выборнаго права; но все-таки это право остается основаніемъ участія гражданъ въ политической жизни страны». Нѣтъ, скажемъ мы. Мы говоримъ о верховномъ началѣ народнаго представительства, которое есть необходимость такой организаціи власти въ данную минуту общественнаго развитія, и по отношенію къ этому началу право, предоставленное гражданамъ, есть только *способъ* для достиженія этой цѣли. Право, поставленное принципомъ представительства, превращается во что-то незыблемое, недоступное ни государственной политикѣ, ни постепенному развитію, сообразно требованіямъ даннаго общества. Это понятіе дѣлаетъ невозможнымъ истинный, послѣдовательный прогрессъ. Во имя *права*, общество съ одной стороны можетъ быть совершенно устранено отъ участія въ политической жизни, даже когда оно совершенно созрѣло и громко заявляетъ о своей способности, и съ другой—это участіе можетъ быть рас-

пространено на неподготовленныя массы, въ родѣ тѣхъ, которыя олицетворяютъ демократическій цезаризмъ нынѣшней Франціи. Только здравый взглядъ на организацію власти, свойственную данной минутѣ, призываетъ къ дѣлу готовыя общественныя силы и сообщаетъ имъ нужныя для того права.

Вслѣдствіе этого вопросъ о введеніи представительства сводится не къ *условіямъ* его, а къ изслѣдованію *признаковъ* государственной и общественной организаціи, наиболѣе пригодной въ данную минуту. Можетъ ли власть обойдтись одними бюрократическими средствами при такомъ-то развитіи общественныхъ силъ? Бюрократія стоитъ ли на одномъ уровнѣ съ обществомъ? Общественные элементы не представляютъ ли большихъ залоговъ для прогрессивнаго движенія государства и установленія въ немъ истинно-національнаго порядка? Не предвидится ли вреда, если эти выросшія силы страны останутся въ сторонѣ отъ правительственнаго дѣла, въ качествѣ глухой, но сильной оппозиціи? Вотъ критеріумъ для опредѣленія времени введенія свободныхъ учрежденій, или по крайней мѣрѣ предоставленія общественнымъ силамъ болѣе широкаго поля дѣйствія.

Только въ ряду такихъ условій возможно и обсужденіе вопроса о свойствахъ народнаго представительства. Мы видимъ, что г. Чичеринъ обсуждаетъ эти свойства отдѣльно. Онъ говоритъ: вотъ свойства народнаго представительства, а вотъ условія, при которыхъ оно можетъ существовать. Намъ кажется, что здѣсь возможно было бы иначе поставить эти вопросы. Можно было бы сказать: вотъ признаки, при появленіи которыхъ необходимо бо́льшее участіе общества въ правительственномъ дѣлѣ, а участіе это лучше всего можетъ выразиться въ формѣ народнаго представительства, котораго свойства въ этомъ отношеніи слѣдующія. Но, какъ всякая организація, оно требуетъ отъ дѣятелей, призванныхъ къ управленію, и отъ самого общества вотъ такихъ качествъ. Первый вопросъ установилъ бы критеріумъ здравой критики существующаго порядка, исходную точку дальнѣйшаго изслѣдованія; второй показалъ бы способы и средства призванія общества къ дѣятельности; третій указалъ бы самому обществу способъ его дѣятельности. Первые два вопроса относятся къ сферѣ организаціи власти; послѣдній — къ вопросу о народномъ воспитаніи, важность котораго для политической жизни указалъ еще Аристотель. Во всякомъ случаѣ, при такой постановкѣ вопросовъ, форма явилась бы *однимъ изъ средствъ* великой цѣли — новой организаціи власти при новыхъ общественныхъ потребностяхъ. При способѣ же, употребленномъ г. Чичеринымъ, форма является чѣмъ-то главнымъ, высокимъ, единственнымъ, къ чему народъ долженъ готовиться цѣлые вѣка.

Созерцая свойства отвлеченной формы, нѣтъ ничего легче, какъ поднять ее на такую высоту, что обладаніе ею сдѣлается навсегда невозможнымъ для даннаго народа. Нѣтъ ничего легче, съ другой стороны, какъ и уни-

зить ее такъ, что въ обществѣ навсегда поселится къ ней отвращеніе. Точно также легко выставить массу доводовъ за и противъ, оставивъ читателя безъ всякаго результата. Всѣ эти способы одинаково употребляются различными школами публицистовъ, и часто безъ всякаго умысла, а просто потому, что они не хотятъ анализировать простаго вопроса, который долженъ быть исходнымъ пунктомъ для каждаго здравомыслящаго публициста: возможны ли сохраненіе порядка и необходимая доля прогресса въ обществѣ при данныхъ правительственныхъ средствахъ, и не слѣдуетъ ли призвать на помощь власти новыя общественныя силы, накопившіяся и созрѣвшія подъ ея же благотворнымъ вліяніемъ? Это устранило бы и пагубный вопросъ о противоположеніи двухъ правъ, якобы враждебныхъ, и многое другое, вредящее дѣлу, а главное, низвело бы *форму*,—для многихъ, къ сожалѣнію, сдѣлавшуюся главнымъ дѣломъ,—на ея настоящее мѣсто.

Надо отдать справедливость г. Чичерину. Не смотря на то, что онъ разсматриваетъ форму изолированно, видно, что онъ проникнутъ сознаніемъ важнаго значенія общественныхъ силъ въ этомъ дѣлѣ. Далѣе, всѣ свойства представительства, выгодныя и невыгодныя, выставлены имъ безпристрастно. Это интересный образчикъ дедукціи. Авторъ сказалъ все, что можно сказать и въ пользу и противъ.

«Обсуждая пользу представительныхъ учрежденій, говоритъ авторъ, необходимо разсмотрѣть, какое значеніе они имѣютъ для общихъ государственныхъ интересовъ, оказываютъ ли они имъ содѣйствіе или помѣху? И здѣсь во многихъ отношеніяхъ благодѣтельныя послѣдствія ихъ неопровержимы. Все, что можетъ сдѣлать общественная мысль въ приложеніи къ государственной жизни, дается политическою свободой».

Затѣмъ слѣдуетъ выясненіе этихъ полезныхъ сторонъ. Позволимъ себѣ вкратцѣ изъяснить здѣсь его мысли, большею частью его собственными словами.

Народное представительство служитъ, говоритъ авторъ, постояннымъ органомъ общественнаго мнѣнія: здѣсь оно получаетъ общее средоточіе и правильную организацію. Хотя не всегда непогрѣшимое, оно служитъ однако лучшимъ средствомъ поставить на свѣтъ состояніе общества и управленія, открыть глаза правительству и во время обнаружить общественные недостатки. При этомъ, оно же оказываетъ правительству значительное пособіе и при обсужденіи средствъ къ устраненію зла. Далѣе, польза, приносимая государству народнымъ представительствомъ, не ограничивается свободнымъ проявленіемъ общественной мысли. Для этого были бы достаточны и другіе пути. Гораздо важнѣе то, что мысль здѣсь прямо входитъ въ дѣло, что общественное мнѣніе становится выраженіемъ воли народной, участія гражданъ въ общихъ дѣлахъ государства. Этимъ устанавливается дѣйствительный контроль общества надъ государственнымъ управленіемъ. А этимъ

контролемъ достигаются многія важныя дѣла, сдерживается произволъ, устраняются необдуманныя рѣшенія, которыя нерѣдко навлекаютъ бѣдствія на страну, водворяется необходимая правильность въ финансовомъ управленіи. Представительныя собранія дѣйствуютъ на правительство не только какъ задержка, противовѣсъ, но и какъ побужденіе къ дѣятельности, не давая ему закоснѣть въ рутинѣ: представительныя учрежденія сами въ значительной степени доставляютъ элементы хорошаго правительства. Здѣсь выдѣлываются люди, развиваются и выказываются способности, которыя на почвѣ бюрократіи часто глохнутъ подъ гнетомъ формализма и рутины. Они служатъ лучшею политическою школой и для народа: гласное обсужденіе вопросовъ развиваетъ въ народѣ политическую мысль; необходимость совокупной дѣятельности изощряетъ практическія способности гражданъ, и можно сказать, что только съ помощью представительныхъ учрежденій общественное мнѣніе можетъ достигнуть надлежащей зрѣлости. Хотя журнализмъ также можетъ оказать здѣсь большія услуги, но онѣ не могутъ сравниться съ выгодами представительныхъ учрежденій. Свобода печати безъ представительнаго собранія лишена гарантій и настоящей почвы. Мысль, не переходящая въ дѣло, всегда остается отвлеченною и не практическою; дѣятельность служитъ ей мѣриломъ и руководствомъ. Наконецъ, представительныя учрежденія внушаютъ народу и большую привязанность къ существующему порядку: въ нихъ гражданинъ любитъ свою свободу и свои права; чувствуя себя живымъ членомъ государственнаго организма, какимъ онъ сдѣлался чрезъ нихъ, онъ всѣми силами заботится о его сохраненіи, и государство пріобрѣтаетъ новыя опоры въ мысляхъ и сердцахъ своихъ согражданъ.

Это—выгоды. За невыгодами дѣло не станетъ. Какая форма не имѣетъ ихъ? Такимъ же анализомъ г. Чичеринъ обнаруживаетъ и темныя стороны народнаго представительства. «Государственное управленіе, говоритъ онъ, требуетъ отъ правительства двухъ существенныхъ качествъ: высшаго сознанія и единства воли. И то и другое далеко не всегда обезпечивается политическою свободой». Занятіе общественными дѣлами требуетъ высшихъ способностей, которыя не всегда можно предполагать въ массѣ. Огромная масса людей также не способна судить о государственномъ устройствѣ и управленіи, какъ о законахъ физики или химіи. Преждевременное врученіе политическаго права одному поколѣнію опредѣляетъ судьбу послѣдующихъ и можетъ навлечь на нихъ неисчетныя бѣдствія. Далѣе, къ невыгодамъ, проистекающимъ отъ низкаго уровня политическаго знанія, присоединяется трудность собрать воедино многія разрозненныя воли. Всякій, кто обращалъ вниманіе на дѣятельность законодательныхъ палатъ, знаетъ съ какою медленностью, а иногда наоборотъ, съ какою излишнею поспѣшностію производятся въ нихъ дѣла. Безконечныя и безполезныя рѣчи,

многочисленныя поправки, предлагаемыя даже людьми ничего несмыслящими въ дѣлѣ законодательства, запросы, безплодные на нихъ отвѣты, увлеченія личными вопросами, невниманіе къ важнымъ, но сухимъ, практическимъ вопросамъ — все это характеризуетъ представительныя собранія. Они менѣе всего способны къ обдуманному, зрѣлому, стройному законодательству. Французскій кодексъ изданъ Наполеономъ (а разработанъ въ конвентѣ, замѣтимъ въ скобкахъ); напротивъ, Англія грѣшитъ противъ единства законодательства. Представители часто являются задержкой реформы полезной для массы, когда это затрогиваетъ ихъ личные интересы или интересы ихъ класса. Отсюда трудность коренныхъ преобразованій, какъ бы они ни были нужны. Еще менѣе способны палаты къ управленію, которое по преимуществу требуетъ единства воли. Въ этомъ дѣлѣ даже ограниченіе ихъ функцій однимъ контролемъ не можетъ устранить многихъ золъ. Спрашивается, гдѣ обезпеченіе государственныхъ интересовъ, если невѣжество должно контролировать знаніе? Плодомъ правительственной дѣятельности дурной палаты можетъ быть разслабленіе государства или глубокое общественное потрясеніе. Важную невыгоду представляетъ также борьба партій, это необходимое условіе представительнаго правленія. Человѣкъ, принадлежащій къ извѣстной партіи, систематически становится на одностороннюю точку зрѣнія; онъ отказывается отъ безпристрастнаго обсужденія вопросовъ, упускаетъ изъ виду общую цѣль и устремляетъ свое вниманіе главнымъ образомъ на то, что можетъ доставить торжество его партіи. Взаимное раздраженіе заглушаетъ голосъ правды, совѣсти: отсюда страшное развитіе лжи, которая проникаетъ въ самыя нѣдра общества и становится неизбѣжнымъ, неисцѣлимымъ общественнымъ недугомъ. Прописки, крамолы, нерѣдко даже подкупъ составляютъ явленіе обыкновенное въ представительныхъ государствахъ. Хуже всего то, что разгаръ страстей, сопровождающій борьбу партій, не ограничивается общественными вершинами, тѣми немногими дѣятелями, которые ведутъ между собой борьбу въ представительныхъ палатахъ, на выборахъ и въ печати. Раздвоеніе, непріязнь, взаимная ненависть сторонъ проникаютъ въ глубину общества, народъ распадается на враждебные лагери, является возможность междуусобія и разстройства общественнаго организма. Самая мирная и законная борьба имѣетъ свои темныя стороны: правительство поставлено здѣсь лицомъ къ лицу съ систематическою оппозиціей, что совершенно неизбѣжно, какъ скоро въ государствѣ образуются партіи. Надежда на общее содѣйствіе — не болѣе, какъ мечта. Часто на оппозицію уходятъ лучшія силы страны, и это парализуетъ правительственное дѣйствіе.

Что же перевѣшиваетъ, выгоды или невыгоды? «Заключеніе, говоритъ г. Чичеринъ, не всегда будетъ одинаково, и представительное устройство не всегда окажется умѣстнымъ. Слѣдовательно, задача сводится къ тѣмъ

условіямъ, которыя необходимы для того чтобы народное представительство могло держаться и дѣйствовать съ пользой для народа и государства.»

Этимъ заключаетъ авторъ свое изслѣдованіе о свойствахъ народнаго представительства. Мы изложили здѣсь его доводы въ пользу и противъ этой формы, смѣемъ думать, вполнѣ. Къ какому же мы придемъ результату? Это вопросъ чрезвычайно затруднительный, тѣмъ болѣе, что авторъ самъ не пришелъ ни къ какому положительному результату, что и видно изъ немногихъ словъ, заканчивающихъ главу. Можетъ быть, г. Чичеринъ и правъ, не давая никакой окончательной оцѣнки представительной формы. При томъ способѣ изслѣдованія вопроса, какой онъ избралъ, достаточно и тѣхъ многочисленныхъ аргументовъ, которыми онъ обогатилъ арсеналъ защитниковъ и противниковъ этой формы. Мы съ своей стороны относимся къ этому предмету съ полнымъ равнодушіемъ, полагая, что не въ формѣ дѣло. Общество, политически созрѣвшее и неослабленное внутренними междуусобіями, чуждое революціи, сумѣетъ само выработать пригодную для себя форму.

Насъ занимаетъ другой вопросъ: въ какой степени вѣрно изслѣдовалъ г. Чичеринъ самый вопросъ о формѣ? Есть два способа изслѣдовать свойства и значеніе формы правленія. Ее можно разсматривать какъ органическій вопросъ даннаго общественнаго строя, или просто какъ послѣдствіе сочетанія извѣстныхъ правительственныхъ силъ, независимо отъ соотношенія общества и правительства. Въ изслѣдованіи г. Чичерина примѣчаются оба эти способа, причемъ, однако, они не проходятъ чрезъ все изложеніе, а употребляются имъ отдѣльно одинъ отъ другаго. Такъ, говоря о выгодахъ представительства, онъ до извѣстной степени разсматриваетъ вліяніе его на организацію правительственныхъ и народныхъ силъ; затѣмъ, говоря о невыгодахъ представительства, онъ замыкается въ сферу той или другой организаціи палатъ и какъ будто совершенно забываетъ объ обществѣ и правительствѣ. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ нельзя не замѣтить много промаховъ въ научномъ отношеніи.

Начнемъ съ анализа тѣхъ выгодъ, которыя г. Чичеринъ приписываетъ народному представительству. Перечитывая еще разъ эти краснорѣчивыя страницы, нельзя не замѣтить, что всѣ эти выгоды можно приписать всякой формѣ правленія, смотря, конечно, по тому, въ какую эпоху ея развитія будемъ мы ее разсматривать. Каждое правительство въ свое время является организаторомъ общественныхъ силъ, а слѣдовательно и общественнаго мнѣнія. Франція обязана королевской власти, когда послѣдняя была еще орудіемъ прогресса, образованіемъ богатаго и просвѣщеннаго третьяго сословія, коего содѣйствіе, съ различныхъ сферахъ управленія, помогло государству побѣдить феодальную безурядицу. Королевская власть держалась сочувствіемъ народа, слѣдовательно, также общественнымъ мнѣніемъ, ею организованнымъ. Мало того, правительство является иногда просвѣтителемъ и первымъ предводителемъ

общественнаго мнѣнія, какъ при Петрѣ I, Екатеринѣ II, и т. д. Бываетъ, далѣе, время, когда каждое правительство является лучшимъ средствомъ обнаружить настоящее состояніе общества и управленія, а именно въ государствѣ только-что сложившемся, гдѣ отдѣльныя его области не знаютъ другъ друга, гдѣ плохое состояніе путей сообщенія, отсутствіе промышленности и промышленныхъ центровъ, разбросанность народонаселенія, низкій уровень образованія дѣлаютъ невозможнымъ сближеніе между людьми, обмѣнъ между ними мыслей и мнѣній, а слѣдовательно, и обнаруженіе общественнаго состоянія, которое знаетъ только власть, объединившая государство. Нѣтъ сомнѣнія, что администрація Екатерины II лучше понимала положеніе Россіи, чѣмъ тогдашнее полуграмотное общество. Точно также каждое правительство въ свое время умѣетъ найдти болѣе или менѣе дѣйствительныя средства къ ограниченію произвола разныхъ правительственныхъ лицъ. Петръ I горячо ратовалъ противъ самовластныхъ судей, которые дѣлали что хотѣли, «ибо излишнюю мочь имѣли». Абсолютное же правительство часто является не только орудіемъ прогресса, но нерѣдко принуждено выдерживать борьбу за свои прогрессивныя намѣренія. Сколько вынесли Петръ I, Іосифъ II, Карлъ III, Аранда, Струэнзе! Съ какою оппозиціей, и явною и тайною, приходилось имъ бороться! Не одни представительныя учрежденія обладаютъ привилегіей выставлять и хорошихъ общественныхъ дѣятелей. Весь вопросъ въ данныхъ условіяхъ времени. Бываютъ минуты, когда косность общества, внутренняя его организація таковы, что кромѣ бюрократіи ничто не можетъ проложить дорогу таланту. Что можетъ дать государству общество, организовавшееся, напримѣръ, въ понятіяхъ мѣстничества? Откуда, въ теченіе всего XVIII ст., выходили таланты, двигавшіе Россіей? Какими путями дѣйствовали великіе объединители Франціи, въ родѣ Л'Опиталя? Феодальныя и мѣстническія понятія не способны выдѣлывать людей и развивать ихъ способности: бюрократія служитъ весьма долго лучшею школой въ этомъ отношеніи. Такою же школой служитъ въ свое время каждая правительственная власть и для политическаго воспитанія народа. Политическія начала въ своемъ зародышѣ нуждаются въ сильной охраняющей ихъ рукѣ. Ришелье воспиталъ и взростилъ національный духъ французовъ, быть можетъ, лучше чѣмъ это могли бы сдѣлать въ то время представительныя собранія; Пруссія подъ рукой Фридриха Великаго изъ ничтожнаго королевства выросла до великаго государства. Не одни представительныя учрежденія внушаютъ народу и большую привязанность къ существующему порядку; въ теченіе долгихъ періодовъ монархи группируютъ вокругъ себя всѣ чувства, надежды и желанія націи. Нерѣдко въ нихъ гражданинъ любитъ и свою свободу, и свои права; еще чаще чрезъ нихъ становится онъ членомъ государственнаго организма, отъ участія въ которомъ долгое время устраняли его феодалъ или помѣщикъ. Всему свое время.

То же самое можно сказать и о невыгодахъ, приписываемыхъ г. Чичеринымъ представительнымъ собраніямъ.

Должно замѣтить, что если при изложеніи выгодъ онъ не ограничивался тѣсными рамками палатъ, но бралъ въ разсчетъ и вліяніе ихъ на различные элементы общества, то при изложеніи невыгодъ онъ выставляетъ преимущественно такія стороны, которыя свойственны организаціи, взятой самой по себѣ, *и притомъ всякой организаціи*. Начнемъ съ общаго положенія. Высшее сознаніе и единство воли, какъ необходимое условіе государственнаго управленія, не можетъ быть вполнѣ обезпечено не только представительными собраніями, но и никакими другими учрежденіями. Скажемъ болѣе: если *даже* представительныя собранія не обезпечиваютъ этихъ двухъ существенныхъ условій управленія, то тѣмъ *менѣе* можно ожидать этого отъ другихъ формъ, не заключающихъ въ себѣ такихъ условій устойчивости, не призывающихъ къ управленію такое количество талантовъ и мнѣній, какъ народное представительство. Не думаетъ ли авторъ найдти такое высшее сознаніе и единство воли въ бюрократіи? Бываютъ минуты въ государственной жизни, когда это болѣе или менѣе вѣрно, но далеко не всегда. Самъ г. Чичеринъ говоритъ, что бюрократія держится формальностями и рутиной, а это плохія условія для выработки высшаго сознанія. Далѣе, единство воли далеко не всегда отличаетъ страну, не имѣющую представительныхъ учрежденій. Въ государственномъ правѣ единство воли прежде всего обусловливается единствомъ политической системы, которое можетъ быть выработано только на широкомъ полѣ общественнаго мнѣнія. Гдѣ различныя вѣдомства безусловно отданы въ руки отдѣльныхъ лицъ; гдѣ лица эти дѣйствуютъ независимо другъ отъ друга по важнѣйшимъ государственнымъ вопросамъ; гдѣ они не связаны никакою солидарностью, и гдѣ отвѣтственность ихъ случайна; гдѣ съ перемѣной лица измѣняется и самая система; гдѣ то, что вчера было цѣлію правительства, завтра становится опаснымъ нововведеніемъ—не говорите мнѣ о единствѣ воли. Это единство на бумагѣ, въ законѣ; на дѣлѣ его нѣтъ и быть не можетъ. Масса, говоритъ авторъ, не имѣетъ высшихъ способностей и не можетъ судить о государственномъ управленіи. Два противорѣчія. Вопервыхъ, масса участвуетъ въ управленіи только *выборомъ* представителей, слѣдовательно, не непосредственно, а посредственно; поэтому ея способности въ дѣлѣ управленія—вещь посторонняя; она выбираетъ, но не управляетъ. Вовторыхъ, въ высшей степени сомнительно, чтобы въ палатѣ, вышедшей изъ выборовъ, было меньше способностей, чѣмъ въ бюрократическихъ установленіяхъ. Почему присутствіе высшихъ способностей сомнительнѣе въ палатѣ, чѣмъ въ коммиссіи? Развѣ на каждомъ шагу не встрѣчаются лица, власть имѣющія и толкующія о государственномъ управленіи, понимая въ немъ столько же, сколько въ законахъ физики или химіи, какъ говоритъ авторъ? Далѣе, трудность

объединить дѣятельность палатъ, соединить разрозненныя воли; каждый знаетъ, съ какою медленностью, а иногда, наоборотъ, съ какою поспѣшностью производятся въ нихъ дѣла. Не знаемъ, можно ли упрекнуть бюрократическія учрежденія въ поспѣшности; но за то горькій опытъ доказалъ, что медленность, *волокита* — ихъ отличительное свойство. Если авторъ сѣтуетъ на безполезныя и безконечныя рѣчи, многочисленныя поправки, предлагаемыя даже людьми, ничего несмыслящими въ дѣлѣ законодательства, запросы, безплодные на нихъ отвѣты, увлеченія только личными вопросами, то, переставивъ нѣсколько слова, мы можемъ составить вѣрную характеристику тѣхъ недостатковъ, которыми отличаются бюрократическія установленія. Не знаемъ, бываютъ ли въ нихъ безполезныя и безконечныя рѣчи, такъ какъ засѣданія ихъ происходятъ при закрытыхъ дверяхъ; но за то мы можемъ удостовѣрить автора, что они не отстанутъ отъ представительныхъ собраній въ дѣлѣ безконечныхъ справокъ, поправокъ, запросовъ, оттяжекъ, упрятыванія дѣла подъ сукно (чего не знаютъ представительныя собранія, можетъ быть, за неимѣніемъ сукна), заключеній, противорѣчій, личныхъ взглядовъ и увлеченій, которыя здѣсь еще сильнѣе, ибо не сдерживаются гласностію и контролемъ общественнаго мнѣнія. Представительныя собранія плохо-де кодифицируютъ. Но, вопервыхъ, наука права еще не доказала, есть ли кодификація такое благодѣяніе для общества, а вовторыхъ, бюрократія нерѣдко законодательствуетъ еще плоше, умышленно оставляя темныя мѣста въ новомъ законѣ, съ своекорыстными цѣлями. Представительство часто-де является задержкой реформы, когда она противорѣчитъ интересамъ управляющихъ классовъ. Но, вопервыхъ, не всегда представительство основано на однихъ собственно правительственныхъ классахъ, а также выходитъ изъ открытой и безпрерывно расширяющейся массы гражданъ; а вовторыхъ, бюрократія еще чаще является противницей не только всякой реформы, но даже дѣйствительнаго и повсемѣстнаго примѣненія изданныхъ уже законовъ. Коренныя преобразованія труднѣе-де съ представительствомъ. И слава Богу! Если справедливо, что представительство отличается тѣмъ, что всѣ необходимые общественные элементы, въ родѣ собственности, гражданской свободы и свободы совѣсти, являются подъ его эгидой въ формѣ дѣйствительно неприкосновенныхъ правъ, то мы не видимъ, почему это можетъ смущать благомыслящихъ гражданъ? Палаты не способны-де къ управленію. Но есть разныя степени участія палатъ въ дѣлѣ управленія, а отъ представительства вообще еще очень далеко до парламентаризма. Палаты, впрочемъ, нигдѣ непосредственно не управляютъ, а болѣе или менѣе, и притомъ косвенно участвуютъ въ составленіи правительственнаго персонала и способствуютъ къ направленію дѣйствій исполнительной власти. Но, во всякомъ случаѣ, никто не станетъ отрицать важности *закона* принадлежащаго представительству вліянія на систему и способъ управленія.

Управленіе, поставленное въ полную отъ него независимость, дѣлаетъ представительство безполезнымъ, или наталкиваетъ его на дорогу систематической оппозиціи и борьбы съ правительствомъ. Плодомъ правительственной дѣятельности дурной палаты можетъ быть только разслабленіе государства или глубокое общественное потрясеніе,—говоритъ авторъ. По нашему мнѣнію, состояніе Испаніи въ концѣ XVIII столѣтія можно назвать полнымъ разслабленіемъ, а французская революція есть глубокое общественное потрясеніе, но и то и другое явленіе вызваны не представительнымъ управленіемъ, а безумною, фанатическою дѣятельностью іезуитовъ и ряда Филипповъ Испанскихъ, и постыдною администраціей Лудовика XV. Важную невыгоду представительства въ дѣлѣ управленія составляетъ-де также господство въ немъ партій, дѣлающихъ лица, къ нимъ принадлежащія, односторонними, пристрастными и даже недобросовѣстными; они-де имѣютъ въ виду только торжество своихъ партій, и всякія средства считаютъ для того годными; отсюда-де интрига, подкупы, клевета и безпримѣрное развитіе лжи. Но безъ партій не обходится ни одно правительство, каково бы ни было его наименованіе. Разница заключается только въ томъ, что партіи, сведенныя въ широкую сферу народнаго представительства, имѣютъ цѣли болѣе высокія, чѣмъ когда онѣ замкнуты въ узкія рамки канцелярій и коммиссій. Въ парламентахъ партіи соединяются во имя идеи, а тутъ такимъ центромъ являются личныя отношенія. Тамъ все направлено къ тому, чтобы провести идею въ жизнь; здѣсь идетъ рѣчь объ эксплуатаціи лица, шествующаго по пути государственныхъ отличій: нельзя ли-де и намъ черезъ него попасть въ люди? Во имя торжества великаго принципа, Уальполь подкупалъ парламентъ, что могло быть только въ извѣстную эпоху, при безгласности, при системѣ исключительныхъ привилегій, при узко организованномъ представительствѣ, при недостаткѣ развитія общественнаго мнѣнія. Изъ своекорыстныхъ видовъ и для повышенія своихъ представителей, бюрократія клевещетъ на ихъ противниковъ, выставляя ихъ въ черномъ цвѣтѣ предъ высшею властью. Туча журналовъ клеймитъ разными названіями своихъ противниковъ въ представительномъ правленіи, и каждые выборы представляютъ широкое поле для интригъ. Каждая открывшаяся вакансія въ бюрократіи вызываетъ такую же интригу, но часто болѣе гнусную, ибо сфера ея не вольный воздухъ гласности и свободной печати, а тьма канцелярій и подземные ходы бюрократіи. Будемъ ли говорить о подкупахъ? Боже мой, да гдѣ же авторъ открылъ болѣе классическую область подкуповъ, взяточничества и казнокрадства, какъ не въ сферѣ бюрократіи? Что говоритъ онъ далѣе о лжи? Ложь опасна не тамъ, гдѣ ее можно опровергнуть, гдѣ общественное мнѣніе станетъ на сторону правды. Ложь опасна тамъ, гдѣ лгать позволяютъ только одной сторонѣ,—и какъ широко пользуется иногда бюрократія этою привилегіей! Наконецъ, авторъ говоритъ, что борьба пар-

тій въ представительствѣ не ограничивается общественными вершинами: раздвоеніе и взаимная ненависть проникаютъ въ глубину общества, и является возможность междуусобія. Однако, именно тамъ, гдѣ организація партій проникаетъ въ глубину общества, она и не можетъ сопровождаться тою ненавистью, которая развивается между общественными слоями. Партіи, проходящія черезъ общество сверху до низу, если только это не разныя національности, могутъ напротивъ способствовать дѣлу умиротворенія, собирая подъ одно знамя интересы разныхъ общественныхъ слоевъ.

Такимъ образомъ, минимыя свойства народнаго представительства, выставленныя г. Чичеринымъ, могутъ пригодиться для характеристики каждой системы управленія, *въ ея послѣдовательномъ развитіи* и при различныхъ условіяхъ. Еслибъ авторъ, вмѣсто длинной исторіи развитія представительныхъ учрежденій, внесъ историческую точку зрѣнія въ анализъ и оцѣнку различныхъ формъ правленія, то отъ этого много выиграла бы ясность представленія, постановка вопросовъ, а главное, онъ пришелъ бы къ болѣе удовлетворительному выводу, чѣмъ тотъ, который имъ изложенъ въ концѣ главы.

III.

Длинное изслѣдованіе свойства представительства не привело автора ни къ какимъ результатамъ. Между тѣмъ правильная постановка вопроса именно здѣсь могла бы послужить надежнымъ руководствомъ для дальнѣйшаго изслѣдованія. Мы не можемъ понять значенія представительства изъ его свойствъ: свойства сами по себѣ ничего не могутъ опредѣлить, тѣмъ болѣе что представительныя учрежденія раздѣляютъ ихъ со многими другими и даже со всѣми формами правленія. Между тѣмъ, авторъ считаетъ вопросъ установленнымъ, и переходитъ къ разсмотрѣнію видовъ представительства, къ историческому ихъ развитію, и наконецъ къ условіямъ. Но что такое представительство? Гдѣ его основы? Есть ли оно идеалъ управленія, или, напротивъ, эта форма указываетъ на переходное состояніе общества, — это вопросы, авторомъ не разрѣшенные; а безъ нихъ нельзя, да, намъ кажется, и безполезно приступать къ изслѣдованію другихъ вопросовъ. Прежде всего надобно знать, что мы будемъ изучать, и чистосердечно сознаемся, мы рѣшительно не поняли этого по прочтеніи всего перваго раздѣла книги г. Чичерина. Можетъ быть, еслибы то, что онъ называетъ *условіями* представительства, было изслѣдовано имъ какъ *причины* его вызывающія, онъ пришелъ бы къ другимъ результатамъ. Мы высказали выше эту мысль; теперь постараемся разъяснить ее подробнѣе. Не станемъ вдаваться въ анализъ и въ государственное значеніе этихъ различныхъ условій, выставленныхъ авторомъ. Это будетъ сдѣлано въ слѣдующихъ главахъ, гдѣ положенія наши будутъ разсмотрѣны съ другой точки зрѣнія и подкрѣплены другими дово-

дамп. Здѣсь намъ предстоитъ менѣе объемистая задача: намъ хочется поставить вопросъ о народномъ представительствѣ на ту почву, заключить его въ ту сферу, гдѣ только и можетъ быть изслѣдованъ вопросъ о каждой формѣ правленія. Можетъ быть, мы впадемъ здѣсь въ нѣкоторыя повторенія, но намъ необходимо привесть здѣсь уже высказанныя нами положенія въ ряду другихъ, чтобы покончить съ этимъ вопросомъ. Собранныя въ одно мѣсто, возраженія эти нагляднѣе покажутъ основанія нашего несогласія съ научными пріемами г. Чичерина.

Ни одна организація власти не имѣетъ вѣчнаго, абсолютнаго значенія. Каждая изъ нихъ вызывается къ жизни и живетъ относительнымъ положеніемъ общества и правительства, съ одной стороны, и различныхъ общественныхъ элементовъ между собою, съ другой. Каждая форма правленія удовлетворяетъ своему назначенію до тѣхъ поръ, пока она можетъ удовлетворять правительственнымъ цѣлямъ по отношенію къ обществу, и пока съ другой стороны общественные элементы не вступятъ въ новыя комбинаціи, не удовлетворяющіяся прежнимъ положеніемъ общества по отношенію къ правительству. Съ этой точки зрѣнія, вопросъ о представительствѣ есть вопросъ объ организаціи власти въ данныхъ условіяхъ государства,—такой организаціи, которая удовлетворяла бы столько же задачамъ правительства по отношенію къ обществу, сколько и потребностямъ самого общества. Слѣдовательно, это прежде всего вопросъ гармоніи, правильности государственныхъ отношеній. Тутъ нѣтъ противоположенія двухъ правъ, а рѣчь идетъ о необходимости; тутъ дѣло не въ принципѣ власти или въ мѣстѣ ея нахожденія, а въ организаціи средствъ государства для достиженія его цѣли. Вотъ почему вопросъ о представительствѣ возникаетъ въ государствахъ основанныхъ на совершенно различныхъ понятіяхъ о власти; онъ свойственъ столько же демократіямъ, исходящимъ изъ идеи народной верховности, сколько монархіямъ, гдѣ власть зиждется на идеѣ верховности государя. Какъ средство, какъ форма, оно не подрываетъ ни того, ни другаго принципа; въ немъ не идетъ даже рѣчь о принципѣ, а если и идетъ, то благодаря фальшивому взгляду на вещи, проистекающему или изъ революціонныхъ замысловъ, или изъ происковъ бюрократіи. Истинному гражданину, равно какъ и монарху, прямо смотрящему на вещи, не свойственна эта точка зрѣнія. Опытъ доказалъ, что тамъ, гдѣ вопросъ былъ поставленъ надлежащимъ образомъ, народное представительство явилось дальнѣйшимъ, прогрессивнымъ, органическимъ развитіемъ государства, надежнымъ средствомъ къ достиженію государственныхъ цѣлей.

Итакъ, здѣсь должно искать разрѣшенія вопроса. На этой почвѣ онъ можетъ стать предметомъ безпристрастнаго, откровеннаго и, что главное, плодотворнаго обсужденія.

Посмотримъ прежде всего, какимъ образомъ вопросъ о представительствѣ

вытекаетъ изъ взаимнаго положенія правительства и общества. Задача государственной власти, прежде всего, заключается въ осуществленіи государственныхъ цѣлей. Она должна быть обезпеченіемъ высшихъ интересовъ общества, орудіемъ прогресса и охранителемъ порядка. Здѣсь ея сила; это—ея постоянное, неизмѣнное назначеніе. По отношенію къ этой задачѣ, формы государственной власти являются вопросомъ посторонннимъ; онѣ—средство, и средство измѣняющееся и преходящее, по мѣрѣ того какъ измѣняются средства и расширяется объемъ государственныхъ задачъ. Простыя комбинаціи общества довольствуются простыми формами власти. Въ феодальной безурядицѣ, въ первоначальномъ движеніи общинъ, короли, даже не окруженные рядомъ правительственныхъ учрежденій, достигали своей цѣли. Задачи начинающагося государства были просты: нужно было сгруппировать, хотя внѣшнимъ образомъ, слагающіеся элементы общества вокругъ одного центра, дать одно общее направленіе всему общественному движенію, начавшемуся мимо королевской власти. Для достиженія этой цѣли достаточно было имени короля, одной его особы, его фиктивнаго превосходства надъ прочими феодальными владѣльцами. Другія задачи представились королевской власти, когда общество сгруппировалось, наконецъ, вокругъ престола, когда нужно было подумать о нравственномъ единствѣ, объ организаціи духовныхъ и экономическихъ силъ народа; для этого уже мало было первоначальнаго штата королевскихъ чиновниковъ, ни по количеству, ни по качеству ничѣмъ не отличавшихся отъ чиновниковъ каждаго феодала. Единый королевскій судъ долженъ былъ принять теперь пышную форму парламентовъ, администрація—получить новое значеніе, академіи, университеты—организовать народное воспитаніе, геній Кольбера—воспитать промышленость, Ришелье — народное сознаніе. Правительство было и вершиной и исходною точкой всякаго экономическаго, нравственнаго и умственнаго движенія въ народѣ. Но вотъ внѣ правительственныхъ сферъ начали образовываться новые элементы. Образованіе, подъ эгидой правительства, развило литературу, внесло новыя понятія, воспитало незавпсимое общественное мнѣніе. Промышленость, воспитанная на запретительной системѣ, на системѣ покровительства, регламентаціи, указаній, стала на свои ноги: капиталы обезпечили матеріальное существованіе промышленныхъ классовъ, обогатили государственную казну, и излишекъ ихъ вызываетъ въ ихъ обладателяхъ политическія притязанія. Землевладѣніе, ранѣе другихъ способное доставить досугъ и образованіе, также выработало себѣ новыя стремленія. Словомъ, образованіе не только стало желаніемъ, стремленіемъ правительства, какъ въ тѣ времена, когда оно почти силой вводило его и должно было преодолѣвать всевозможныя затрудненія, но сдѣлалось *интеллигенціей*, могуществомъ. Тоже промышленость, торговля, землевладѣніе; всѣ эти элементы воспитались, вооружались досугомъ, образованіемъ. Они—сила. Про-

центы на первоначальный капиталъ, затраченный правительствомъ на образованіе и воспитаніе общества, возросли до такой степени, что неизмѣримо превзошли этотъ капиталъ. Правительство начало воспитывать общество, ввѣренное ему среднимп вѣками, на тощемъ запасѣ схоластической науки. Общество подъ конецъ выступило съ наукой Ньютона, Лапласа, Кювье, Гумбольдта, Бпша, Адама Смита,—какое огромное разстояніе! Можно ли одинаково управлять обществомъ, которое силой гнали въ школы слушать докторовъ схоластики, и обществомъ временъ Монтескье и Руссо? Должна же быть нѣкоторая разница между такимъ положеніемъ, когда людей надо манить къ образованію приманками и угрозами, въ родѣ запрещенія вступать въ бракъ, и такимъ, когда правительству приходится содержпвать полетъ мысли рядомъ предупредительныхъ и карательныхъ мѣръ? Разница эта есть, и вотъ какая. Прп прежнемъ положеніи государство могло стоять во главѣ общества, а прп новомъ положеніи тѣ же средства не достигаютъ прежней цѣли. Правительству приходится начертить программу своихъ дѣйствій. Два исхода возможны. Оно можетъ или оставаться въ прежнемъ своемъ объемѣ съ прежними средствами и съ прежнею программой дѣйствій. Въ такомъ случаѣ оно перестаетъ быть верховнымъ организующимъ началомъ въ обществѣ, высшимъ руководителемъ всей суммы общественнаго движенія; оно становится началомъ застоя, упадка и противодѣйствія всѣмъ начинаніямъ жизни; оно остается чуждо обществу, которое будетъ развиваться внѣ его и мимо его. Всѣ правительственныя мѣры, оторванныя отъ этой почвы, замкнутыя въ сферу прежней рутины и формальностей, оказываются въ такомъ случаѣ ниже общественнаго уровня и потребностей, а потому становятся или безполезны, или вредны. Само правительство дѣлается чѣмъ-то совершенно чуждымъ обществу, какимъ-то естественнымъ врагомъ его. Прп малѣйшемъ шорохѣ, ему, отвыкшему отъ жизни и ея шума, мерещится уже революція. Плачевный исходъ! Съ другой стороны, правительство можетъ открыть свои сферы для воспитаннаго имъ общества; въ этомъ случаѣ оно только по праву соберетъ плоды своихъ трудовъ. Оно можетъ обновляться силами, выработанными обществомъ при его содѣйствіи. Новая струя народныхъ элементовъ, постоянный притокъ общественныхъ силъ поддержатъ его на той высотѣ, на какой всегда должно находиться государство. Видя, что его средства не удовлетворяютъ потребностямъ времени, оно открываетъ дорогу новымъ силамъ. Этимъ путемъ оно остается во главѣ общественнаго развитія. Общественныя силы только тогда стремятся стать на мѣсто государства, когда не видятъ другаго средства достигнуть необходимыхъ преобразованій.

Корень вопроса лежитъ именно въ томъ, *чтобы ни одинъ элементъ общества, достигшій значенія дѣйствительной силы, не оставался внѣ правительственной организаціи и участія въ политической жизни страны.*

Этого требуетъ значеніе государства, какъ верховнаго организующаго начала. Вводя такіе элементы въ правительственную организацію, давая имъ законную долю вліянія на управленіе, оно въ одно и то же время подчиняетъ ихъ своему вліянію и своимъ цѣлямъ и расширяетъ свое значеніе въ сферѣ самого общества. Организація правительственная идетъ въ такомъ случаѣ рука объ руку съ постепеннымъ наростаніемъ общественныхъ силъ. При обратномъ образѣ дѣйствія, организація смыкается все въ болѣе тѣсный кругъ, и внѣ ея будетъ происходить безостановочное развитіе силъ, ей чужихъ и, быть можетъ, непріязненныхъ государству. Когда правительство оставляетъ безъ организаціи наростающія общественныя силы, это значитъ, что оно отказывается отъ своей задачи. Это прямой путь къ печальнымъ переворотамъ. Элементы, оставленные безъ организаціи — все равно, что юношество оставленное безъ воспитанія. Они движутся руководимые однимъ инстинктомъ и сознаніемъ своей силы, но силы грубой, безъ идеала, безъ чувства долга, которые могутъ выработаться только въ политической практикѣ. А подчинить организаціи тотъ или другой элементъ можно не иначе, какъ введя его въ правительственныя сферы, гдѣ онъ проникся бы сознаніемъ власти и уваженіемъ къ существующему порядку. Это совершается, какъ мы видѣли выше, посредствомъ сообщенія общественнымъ элементамъ большей или меньшей суммы политическихъ правъ. Мы видѣли, какое значеніе имѣютъ эти права. Больше мы и не возвратимся къ этому вопросу. Точно также не станемъ обсуждать вопроса, какую форму должна принять та или другая организація общественныхъ элементовъ. Гораздо важнѣе изученіе общества, развитіемъ коего опредѣляется и необходимость правительственныхъ реформъ. Г. Чичеринъ изучаетъ этотъ вопросъ въ отдѣлѣ условій, требуемыхъ народнымъ представительствомъ. Такъ какъ для насъ эти общественныя силы суть первое дѣло, то мы и подвергнемъ ихъ подробному анализу въ слѣдующихъ главахъ.

Но, прежде чѣмъ мы кончимъ этотъ первый отдѣлъ, еще небольшое замѣчаніе. Нами не разобрано и одной восьмой части труда г. Чичерина, а между тѣмъ мы думаемъ скоро покончить съ нимъ. Это происходитъ отъ того, что мы для нашей критики опредѣлили размѣры, сообразно теоретическому, такъ сказать, значенію книги. Полагаемъ (можетъ быть ошибочно), что авторъ желалъ изложить теорію народнаго представительства съ нѣкоторыми приложеніями ея къ общественному и государственному строю европейскихъ народовъ. По нашему мнѣнію (тоже, можетъ быть, ошибочному), такое теоретическое значеніе имѣютъ книги первая и четвертая, къ сожалѣнію раздѣленныя второю и третьею, гдѣ заключаются *нѣкоторыя приложенія*, поясненія и развитіе вопроса, принявшія громадные размѣры. Изъ этихъ приложеній, особенно важное значеніе имѣетъ книга вторая, гдѣ заключаются взгляды и теоріи, имѣющіе научный и практическій

интересъ, и мы не откажемся отъ ближайшаго разсмотрѣнія этой части труда г. Чичерина. Но такъ какъ, по естественному и издавна установившемуся порядку, приложенія слѣдуютъ за теоріей, для лучшей и окончательной ея повѣрки, то мы разсмотримъ эту книгу въ концѣ статьи, послѣ изслѣдованія общественныхъ силъ и элементовъ, порождающихъ народное представительство; что касается до третьей книги, то, право, не знаемъ что о ней сказать. Въ ней собрано много свѣдѣній, и изложены они съ талантомъ; но намъ кажется, что по исторіи представительныхъ учрежденій имѣется слишкомъ большой запасъ сочиненій извѣстныхъ русской публикѣ, и казалось бы, не было особенной надобности еще разъ выставлять эти всѣмъ извѣстные факты въ особой книгѣ. Поэтому весь исторической запасъ выигралъ бы много, еслибъ онъ послужилъ основой историческаго анализа причинъ, вызывающихъ государственныя реформы. Но тогда пришлось бы подчинить это фактическое изложеніе требованіямъ теоретическаго изслѣдованія, что, конечно, не дозволило бы автору выставлять факты отдѣльно отъ теоретическихъ положеній его труда. Собранные же въ одну часть, безъ опредѣленной связи съ теоретическими вопросами, изслѣдуемыми въ книгѣ, эти факты являются излишествомъ, хотя и весьма пріятнымъ».

IV.

Вопросъ о представительствѣ, какъ мы видѣли, не есть вопросъ о формѣ. Разсматриваемое съ точки зрѣнія формы, оно является только искусственнымъ сочетаніемъ разныхъ установленій, съ болѣе или менѣе изящною отдѣлкой, которое нельзя сразу поставить во всякую среду. Это оскорбило бы эстетическое чувство публициста. Великій артистъ, играющій предъ публикой уѣзднаго города, профессоръ среди невѣжественныхъ слушателей, Пропилеи и Акрополисъ въ Тамбовѣ, вотъ чѣмъ является доктринеру формы представительство, вынесенное изъ изящнаго общества западной Европы. Можетъ быть, онъ и правъ; но движеніе общественныхъ силъ не всегда принимаетъ однообразную форму; оно выражается по своему, не спрашиваясь западныхъ и не-западныхъ учителей. Движеніе эстетическаго чувства можетъ выразиться въ хитро-скомпонованныхъ операхъ и въ простомъ, но хватающемъ за душу напѣвѣ былинъ. Можетъ быть первая форма лучше, но слѣдуетъ ли запретить пѣніе, пока народъ *не дорастетъ* до оперы? Между тѣмъ, если форма будетъ исходною точкой, то постановка вопроса будетъ именно такая. Форма имѣетъ такія-то свойства, поэтому она нуждается въ такихъ-то условіяхъ, безъ которыхъ она вмѣсто пользы причинитъ вредъ. Мы видѣли, на сколько справедливо мнѣніе г. Чичерина о свойствахъ представительства. Теперь обратимся къ изслѣдованію того, что онъ называетъ условіями на-

роднаго представительства. Этихъ условій онъ ищетъ въ отношеніи государства къ обществу, во вліяніи физическихъ условій страны на ту или другую форму правленія, въ народности, составляющей государство, въ составѣ общества, въ общественномъ мнѣніи, въ отношеніи партій между собою, въ личныхъ правахъ гражданъ, въ организаціи мѣстнаго самоуправленія. Наконецъ онъ касается нѣсколькихъ причинъ, вліяющихъ на время и способы происхожденія народнаго представительства. Отсюда можно видѣть, что г. Чичеринъ не обошелъ ни одного, сколько-нибудь важнаго вопроса, имѣющаго отношеніе къ развитію народнаго представительства въ данномъ государствѣ. Остается узнать до какой степени вѣрно сопоставлены отношенія этихъ фактовъ между собою, и дѣйствительно ли всѣ вышеприведенные факторы суть условія именно представительнаго правленія?

Подъ именемъ условій въ каждой наукѣ разумѣется совокупность фактовъ, опредѣляющихъ развитіе изслѣдуемаго явленія въ томъ или другомъ направленіи. Напримѣръ, теплота, атмосфера, почва, большее или меньшее количество влаги, суть условія, вліяющія на развитіе колоса изъ хлѣбнаго зерна. Каждый мыслящій человѣкъ согласится однако, что вся совокупность этихъ условій не вызоветъ колоса къ жизни, если не будетъ ближайшей причины его появленія—зерна. Итакъ, фактъ растительности предполагаетъ два факта: 1) совокупность внѣшнихъ обстоятельствъ, называемыхъ *условіями*, подъ вліяніемъ которыхъ вызывается рядъ физическихъ, химическихъ и физіологическихъ процессовъ въ зернѣ; 2) самое зерно, обладающее совокупностію свойствъ, которыя служатъ *причиной* всего процесса развитія. Изъ этого слѣдуетъ, что понятіе условія по отношенію къ извѣстному явленію шире понятія причины, которое относится къ сравнительно меньшему количеству факторовъ. Это зависитъ отъ того, что условіемъ является совокупность обстоятельствъ, вліяющихъ на развитіе не одного, а цѣлой массы явленій; они не относятся спеціально къ данному предмету; причиной остается назвать свойства, принадлежащія только этому предмету. Существованіе извѣстныхъ условій само по себѣ не дастъ извѣстнаго явленія, если нѣтъ причины, пользующейся этими условіями. Извѣстное количество влаги, при извѣстной температурѣ и соотвѣтствующемъ состояніи атмосферы, произведетъ на кускѣ желѣза совершенно другіе результаты чѣмъ на зернѣ, брошенномъ въ землю. Въ условіи заключается возможность цѣлаго ряда явленій заранѣе неопредѣленныхъ: причина приводитъ только къ одному, опредѣленному результату. Связь между этимъ результатомъ и двумя категоріями факторовъ, принимавшихъ участіе въ его развитіи, далеко неодинакова. Связь его съ условіемъ—возможная, но не необходимая. Напротивъ, связь его съ причиной—связь необходимая. Существованіе тѣхъ или другихъ силъ природы не ведетъ само по себѣ къ происхожденію опредѣленнаго организма. Для этого нуженъ еще рядъ посредствующихъ факторовъ, заключаю-

щихся въ опредѣленной части матеріи. Понятно, что необходимость эта возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ матерія принимаетъ болѣе совершенныя формы, какъ она обособляется, выходитъ изъ состоянія массы, словомъ—превращается въ организмъ. Вотъ почему связь условій наглядиѣе и тѣснѣе между явленіями міра неорганическаго и окружающими ихъ внѣшними условіями. Тамъ они могутъ быть приняты за самыя причины. Напримѣръ, перемѣны, происходящія въ металлахъ, этихъ простѣйшихъ, а слѣдовательно и болѣе другихъ доступныхъ изслѣдованію тѣлахъ неорганическаго міра, при извѣстномъ состояніи атмосферы, устанавливаютъ непосредственную, причинную связь между этими перемѣнами и данными условіями воздуха. Вслѣдствіе этого, и изслѣдованіе этихъ сочетаній, измѣненій и колебаній гораздо доступнѣе въ неорганической, чѣмъ въ органической природѣ. Отъ этой возможности связать измѣнчивыя, скоропреходящія явленія съ немногими и постоянно дѣйствующими силами и зависитъ сравнительное совершенство физическихъ наукъ предъ всѣми другими. Чѣмъ выше поднимаемся мы въ лѣстницѣ мірозданія, чѣмъ опредѣленнѣе, разнообразнѣе, совершеннѣе становятся формы жизни, тѣмъ затруднительнѣе становится открыть истинную причину явленій, именно потому что между немногими силами природы, которыя такъ удобно объясняютъ видоизмѣненія міра неорганическаго, и конечнымъ результатомъ, появляется цѣлый рядъ свойствъ, принадлежащихъ данному организму. Они становятся причиной его развитія. Отношеніе колоса къ атмосферѣ и почвѣ не такое непосредственное, какъ ржавчины, появившейся на желѣзѣ. Между ржавчиной и атмосферой немного процессовъ и свойствъ подлежащихъ изслѣдованію. Простѣйшая форма наведенія можетъ здѣсь разрѣшить вопросъ. Напротивъ, между теплотой и влагой, съ одной, и колосомъ, съ другой стороны, мы видимъ рядъ процессовъ и свойствъ, находящихся въ причинной связи между собою и ослабляющихъ, такимъ образомъ, связь между результатомъ процесса и исходною его точкой. На этомъ и строится вся градація наукъ. Чѣмъ большее количество силъ и элементовъ низводится на степень условій, слѣдовательно, чѣмъ дальше причинная связь между извѣстнымъ явленіемъ и простыми законами природы, чѣмъ больше эта связь изъ необходимой превращается въ возможную, то-есть условную, тѣмъ сложнѣе становится самая наука. Условіемъ поэтому бываетъ причина дѣйствующая не необходимо, но чрезъ рядъ другихъ, зависящихъ отъ нея процессовъ. Напротивъ, причина есть условіе необходимо дѣйствующее на процессъ, состоящій съ нимъ въ ближайшей связи.

Нѣтъ сомнѣнія, что эта сложность факторовъ и трудность изученія ихъ наиболѣе отличаютъ соціальныя науки. Не смотря на все стараніе нѣкоторыхъ мыслителей свести эти явленія на нѣсколько простыхъ законовъ и построить всю систему соціологіи на подобіе физико-математическихъ наукъ, мы теряемся въ массѣ факторовъ, обыкновенно входящихъ въ составъ са-

маго простаго общественнаго явленія. Можно сказать, что связь между окончательнымъ процессомъ, выразившаяся въ формѣ какого нибудь института, и силами природы здѣсь наиболѣе слабая, слѣдовательно, наименѣе доступная изученію. Конечно, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы физическія условія страны упускались изъ виду соціологіей, но, каждый согласится, въ ея выводахъ они не будутъ имѣть такого значенія, какъ у изслѣдователей неорганической природы. Вопервыхъ, часто общественные элементы, ближайшимъ образомъ породившіе извѣстный результатъ, должны болѣе интересовать изслѣдователя, такъ какъ они доступны человѣческому вліянію и способны къ видоизмѣненіямъ. Вовторыхъ, всякій легко пойметъ, какое громадное вліяніе должно приписать постепенно развивающейся дѣятельности людей, которою постепенно ослабляется непосредственное вліяніе природы на человѣка.

Все это приводитъ насъ къ тому заключенію, что, говоря объ условіяхъ какого нибудь общественнаго явленія, необходимо умѣть опредѣлить, съ какими фактами явленіе это находится въ необходимой и ближайшей причинной связи. Надо умѣть отличить зерно и его свойства отъ атмосферы и ея вліянія, общество и его элементы отъ географическаго положенія, пространства и климата страны.

Къ сожалѣнію, г. Чичеринъ не принялъ въ соображеніе этого соотношенія различныхъ элементовъ. Мѣстное самоуправленіе, общественное мнѣніе, партіи, поставляются имъ на ряду съ физическими условіями страны. Мы не знаемъ, что помѣшало автору расположить эти условія въ болѣе іерархическомъ порядкѣ. Какимъ образомъ, коснувшись отношеній государства къ обществу, авторъ восходитъ къ физическимъ условіямъ страны, когда изъ его же словъ можно вывести ихъ относительное значеніе для развитія народнаго представительства? «*Условія, необходимыя* для представительнаго порядка, говоритъ онъ (стр. 385), заключаются въ характерѣ и состояніи того общества, въ которомъ онъ водворяется». Мы не будемъ здѣсь разбирать правильность этой мысли; намъ нужно было только показать, какъ самъ авторъ смотритъ на значеніе общественныхъ силъ для этого вопроса. Дѣйствительно, высказавъ эту мысль, г. Чичеринъ начинаетъ изслѣдованіе отношеній общества къ государству. Затѣмъ между этою главой и изслѣдованіемъ вліянія народности появляются физическія условія страны. Почему? это трудно сказать. По крайней мѣрѣ авторъ самъ высказывается объ этомъ предметѣ слѣдующимъ образомъ: «Политическая наука должна признать значеніе обоихъ элементовъ (то-есть вліяніе физическихъ условій, съ одной, и человѣческой дѣятельности, съ другой стороны). Человѣкъ не связанъ безусловно опредѣленіями внѣшней природы. Какъ существо свободное, онъ не только способенъ отъ нихъ отрѣшиться, но и покоряетъ ихъ себѣ. На одной и той же почвѣ, въ разныя времена, народы

проходятъ чрезъ совершенно различныя общественныя формы. Тѣмъ не менѣе, физическія условія имѣютъ несомнѣнное вліяніе на устройство обществъ. Не налагая на народную жизнь неизмѣнной печати, *не дѣйствуя какъ непреложный законъ природы*, они способствуютъ развитію того или другаго элемента, задерживаютъ и ускоряютъ ходъ, опредѣляютъ черты народнаго характера, и тѣмъ самымъ имѣютъ прямое вліяніе на политическій бытъ». Ясно, что авторъ относитъ физическія условія къ разряду обстоятельствъ, вліяющихъ на результатъ чрезъ длинный рядъ другихъ процессовъ. Это г. Чичеринъ и хотѣлъ сказать, говоря, что физическія условія не дѣйствуютъ на формы общества какъ непреложный законъ природы, хотя каждая сила природы дѣйствуетъ во всемъ какъ непреложный законъ. Силы природы, общія и постоянно дѣйствующія, неизбѣжно порождаютъ извѣстный процессъ. Но этотъ первоначальный процессъ, продуктъ непосредственнаго дѣйствія общихъ силъ природы, не имѣетъ необходимой связи съ какимъ-нибудь даннымъ результатомъ. Отъ общаго состоянія температуры до капли дождя, падающей на выставленный мною горшокъ цвѣтовъ, еще далеко. Общее состояніе порождаетъ во всѣхъ направленіяхъ рядъ другихъ менѣе общихъ, но за то ближе другихъ стоящихъ къ данному результату. То же самое и въ соціальныхъ наукахъ. Нельзя отрицать, что общее состояніе общества и характеръ націи зависятъ отъ физическихъ условій обитаемой ими страны. Но какое громадное разстояніе между первоначальнымъ дѣйствіемъ природы и политическимъ устройствомъ народа въ данную эпоху его развитія! Между условіями страны, какъ первоначальными фактами, послужившими исходною точкой человѣческаго развитія, и настоящею его организаціей лежитъ масса другихъ фактовъ и условій, ближе относящихся къ вопросу и называющихся *исторіей*. Чѣмъ дальше подвигается человѣчество, тѣмъ замѣтнѣе увеличивается масса условій, положенныхъ умственною и нравственною жизнью предыдущихъ поколѣній, тѣмъ менѣе отражается на вѣрованіяхъ и образѣ мыслей людей непосредственное вліяніе природы. Какъ непосредственное вліяніе физическихъ элементовъ легче прослѣдить на видоизмѣненіяхъ тѣлъ неорганическихъ, чѣмъ въ жизни органической, такъ и значеніе природы замѣтнѣе въ складѣ младенческаго народа, нежели въ цивилизованной націи. Въ эпоху фетишизма народы являются какъ бы естественнымъ произведеніемъ окружающей ихъ природы; антропоморфизмъ уже отдаленъ на значительное разстояніе отъ непосредственнаго обоготворенія физическихъ элементовъ. Но укажите намъ вліяніе природы на христіанствѣ, этой вселенской религіи! По крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи прошло время астрономическихъ вымысловъ Дюпюи и Вольнея.

Г. Чичерину, какъ видно изъ этого, предстояла трудная работа связать два такіе отдаленные другъ отъ друга факта, какъ физическія условія и народное представительство. Работа громадная и врядъ ли доступная ученому,

не знакомому съ пріемами естествознанія и его выводами. Оттого по отношенію ко всему этому любопытному предмету авторъ ограничился бѣглыми и весьма неточными замѣчаніями. Между тѣмъ по его приступу можно подумать, что онъ намѣренъ установить прочное соотношеніе между этими двумя предметами, и что для него самого связь эта вполнѣ ясна. «Человѣческая мысль встрѣчается здѣсь не съ произведеніями произвола (свободной воли), а *съ высшими законами*, предъ которыми она останавливается съ благоговѣніемъ». Посмотримъ. «Одно изъ важнѣйшихъ условій, опредѣляющихъ форму политическаго быта, есть пространство государства». Авторъ заговорилъ о силахъ природы: какія же изъ нихъ намѣренъ онъ разсмотрѣть по отношенію къ пространству государства? Разумѣется, ни одной: пространство разсматривается имъ просто по отношенію къ жителямъ. Все дѣло въ томъ, на какомъ пространствѣ разселена нація. Слѣдовательно, вопросъ въ націи, въ обществѣ, а не въ силахъ природы. Это упрощаетъ вопросъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ успокоиваетъ и насъ, приводя къ убѣжденію, что здѣсь не будетъ рѣчи ни о какихъ «высшихъ законахъ», требующихъ благоговѣйнаго къ себѣ отношенія. Мы, правду сказать, и не повѣрили, чтобъ авторъ взялъ на себя такую задачу. Не станемъ требовать невозможнаго отъ нашей молодой науки, когда и на Западѣ разсужденія о *физическихъ условіяхъ* рѣдко идутъ дальше пошлаго повторенія фразъ Монтескье и Руссо объ этомъ предметѣ. Конечно, лучше бы впредь до нашего знакомства съ пріемами и средствами физическихъ и естественныхъ наукъ умалчивать объ этомъ предметѣ, и прямо переходить къ анализу ближайшихъ общественныхъ фактовъ. Но что же дѣлать! Всѣ говорятъ объ этомъ предметѣ, надо поговорить и намъ. Итакъ, одно изъ важнѣйшихъ условій, опредѣляющихъ форму политическаго быта, есть пространство государства. Въ чемъ же заключается вліяніе этого условія, по мнѣнію нашего автора? Широкія пространства требуютъ болѣе сильной власти, мелкія государства напротивъ способнѣе къ политической свободѣ: слѣдовательно, съ нѣкоторыми впрочемъ оговорками, повтореніе словъ Монтескье. «Широкія пространства раздѣляютъ людей, а потому требуютъ болѣе сосредоточенной власти. Въ большомъ государствѣ, особенно при скудномъ населеніи, сношенія рѣже и затруднительнѣе; люди, разсѣянные въ пустынѣ, менѣе сталкиваются другъ съ другомъ и лишены возможности дѣйствовать сообща.... Все это, разъединяя общество, въ значительной степени затрудняетъ водвореніе политической свободы». Не вдаваясь въ изслѣдованіе этого вопроса, сравнимъ это положеніе автора съ тѣмъ, что онъ говоритъ о томъ же предметѣ на стр. 3. Указавъ, что представительство замѣнило собой древнее вѣче, онъ продолжаетъ: «Эта перемѣна обозначаетъ огромный шагъ въ развитіи общественной жизни. Политическая свобода получаетъ здѣсь форму, гораздо болѣе соотвѣтствующую требованіямъ государства. Съ помощью представительнаго начала, она мо-

жетъ распространяться *на обширныя области*, на многочисленные народы, не ограничиваясь тѣснымъ пространствомъ, составляющимъ необходимое условіе вѣчеваго быта. Гражданамъ не нужно быть постоянно въ сборѣ для общихъ совѣщаній, что предполагаетъ близкое сосѣдство; съѣзжаются выборные *съ далекихъ концовъ земли*». Изъ этого мы видимъ, что обширныя пространства вредны не столько для государства, сколько для книгъ. Посмотрите какое противорѣчіе между двумя мыслями одного и того же автора, только потому что ихъ раздѣляютъ 392 страницы! Но еслибы авторъ на 395 и слѣдующихъ страницахъ не ограничился общими разсужденіями о вліяніи пространства въ теоріи, а прослѣдилъ бы это вліяніе на истинно-историческомъ матеріалѣ, онъ бы иначе отнесся къ вопросу. Единство государственное и возможность политической свободы укрѣпляются не одною централизаціей. Если во Франціи королевская власть дѣйствовала путемъ централизаціи, то это потому, что тамъ дѣло шло объ освобожденіи *земли*, въ полномъ смыслѣ этого слова. Французская территорія, съ прикрѣпленнымъ къ ней населеніемъ, была раздѣлена между многими самостоятельными владѣльцами. Одна часть территоріи не имѣла ничего общаго съ другою, вслѣдствіе полной самостоятельности политическаго строя каждой мѣстности. Тамъ, слѣдовательно, нужно было собрать только землю, путемъ отвлеченія отъ провинціи ея державныхъ правъ, вытекавшихъ для феодала изъ факта землевладѣнія. О народѣ нечего было думать: онъ уже былъ собранъ и прикрѣпленъ къ землѣ. Напротивъ, въ Россіи понятіе о единствѣ русской земли установилось уже въ тѣ отдаленныя времена, когда оружіе первыхъ Рюриковичей очертило границы будущаго государства на необъятныхъ пространствахъ. Землевладѣніе не получило здѣсь политическаго значенія; народонаселеніе не было прикрѣплено къ землѣ, переходило съ мѣста на мѣсто, колонизовало отдаленнѣйшія пространства, раздвигало безпрерывно и безъ того обширную территорію страны. Ясно, что здѣсь пока не могло идти рѣчи о централизаціи. Свобода народа и отсутствіе феодализма требовали другихъ мѣръ. Государственныя начала насаждались здѣсь членами единаго княжескаго рода, переходившими изъ области въ область вмѣстѣ съ дружиной и какъ бы слѣдовавшими за безпрерывно-бродившимъ народонаселеніемъ. Укрѣпись кіевскіе князья настолько, что равноправность прочихъ членовъ княжескаго рода уничтожилась бы предъ ними, неизвѣстно удалось ли бы имъ вовлечь въ государственную жизнь земскія начала. По крайней мѣрѣ для насъ несомнѣненъ тотъ фактъ, что идея единства земли никогда не была такъ сильна какъ въ домонгольскій періодъ, и причиной тому была, быть можетъ, тѣсная связь народа съ представителями княжескаго рода, разносившими государственную идею по всѣмъ концамъ земли. Напротивъ, тѣ же самые князья и дружинники въ качествѣ намѣстниковъ и властителей, слѣдовательно прямо органовъ центральной власти, такъ оттолкнули отъ себя

народъ, что Иванъ Грозный принужденъ былъ ихъ отставить «ради великихъ продажъ и убытковъ». Послѣ того здравыя государственныя начала гнѣздились только въ общинахъ, разбросанныхъ по всему обширному пространству земли. Въ то время когда въ центрѣ государства, въ Москвѣ, произошло полное разложеніе національныхъ государственныхъ началъ, совершилось даже постыдное избраніе польскаго королевича, откуда пришло спасеніе, какъ не изъ отдаленныхъ окраинъ тогдашняго государства?

Г. Чичеринъ видитъ, что современныя политическія идеи вызываютъ Германію и Италію изъ раздробленія, что эти идеи сдѣлались здѣсь самымъ могущественнымъ орудіемъ объединенія, что обширное пространство страны есть не помѣха національному свободному движенію, а результатъ его. Слѣдовательно, если даже въ то время, когда народъ только начиналъ свою историческую жизнь, пространство не являлось обстоятельствомъ, обусловливающимъ ту или другую форму правленія, то тѣмъ менѣе можно усмотрѣть такого рода вліяніе теперь. Не смотря на все это, авторъ, неизвѣстно почему, заключаетъ, что среднее пространство болѣе всего способствуетъ гармоническому сочетанію элементовъ. Что такое среднее пространство? Вѣроятно, не Соединенные Штаты.

Также трудно прослѣдить и вліяніе географическаго положенія страны на ея политическое устройство. У автора вся аргументація по этому предмету сводится къ тому, что чѣмъ страна доступнѣе иноземнымъ вторженіямъ, тѣмъ сильнѣе должна быть центральная власть. Въ примѣръ, конечно, приводятся Англія и Швейцарія, гдѣ моря и горы сохранили и воспитали свободу. Но почему такая же свобода не разцвѣла, напримѣръ, въ Кавказскихъ горахъ? Голландія есть страна, быть можетъ, наиболѣе открытая вторженію всякихъ враговъ; мало того, она должна была завоевать свою территорію у моря громаднѣйшими усиліями и стойкимъ трудомъ. Между тѣмъ, никто не станетъ сомнѣваться, что именно оба эти обстоятельства и породили въ Голландіи широкую политическую свободу. Напротивъ, борьба съ чужеземцами, вызывая всѣ силы націи къ дѣятельности, вызываетъ въ ней и проблески свободы, какъ всегда участіе въ великомъ дѣлѣ вызываетъ сознаніе собственнаго достоинства. Апатія мирнаго времени, служеніе мелкимъ цѣлямъ, а не великому идеалу, скорѣе очищаютъ путь деспотизму. Испанія, воспитанная страшнымъ орденомъ іезуитовъ, прошедшая чрезъ величайшій гнетъ абсолютизма, какой когда-либо видѣлъ міръ, и та почуяла движеніе свободнаго духа въ эпоху борьбы съ Наполеономъ I. Война съ нимъ же породила аналогическія стремленія въ Германіи, государи которой даже дошли до обѣщанія свободныхъ учрежденій, обѣщанія, не исполненнаго послѣ, когда прошелъ великій порывъ національнаго чувства, и нѣмецъ сѣлъ въ свою лавку. Все, что можно, при настоящихъ средствахъ науки, сказать о значеніи географическаго положенія, есть

то, что она способствуетъ болѣе или менѣе самобытному развитію народа. Но *что* развивается въ его политическихъ учрежденіяхъ—это уже не дѣло географическаго положенія. Возьмемъ два острова, Англію и Японію. Изолированность положенія и тамъ и здѣсь помогла самобытности развитія; но есть ли сходство въ политическомъ бытѣ этихъ двухъ странъ?

Значеніе разнообразія природы, сочетаніе горъ и равнинъ, суши и водъ, конечно, также обратили на себя вниманіе автора: онъ посвятилъ имъ цѣлую страничку. Видъ природы можно разсматривать или какъ основу психологическаго развитія націи,—но тогда этотъ предметъ требуетъ тщательныхъ изысканій,—или это театральная обстановка, сцена для дѣйствія,—и такъ взглянулъ на этотъ предметъ авторъ. Видъ моря порождаетъ предпріимчивый духъ и смѣлость воззрѣній: положимъ, что такъ,—но что если рядомъ съ этою благодѣтельною причиной появится другая, можетъ быть, болѣе сильная, дѣйствующая въ противоположномъ смыслѣ? Напримѣръ, что если религія будетъ проповѣдовать отчужденіе, если сношеніе съ иностранцами будетъ считаться тяжкимъ грѣхомъ? Китай и Египетъ, безспорно, приморскія страны, но никто не будетъ утверждать, чтобъ энергія и предпріимчивость отличали эти народы. Китай съ своимъ государствомъ-семьей, Египетъ съ ѳеократіей дѣлаютъ безплодною близость и лучшихъ морей, и величайшихъ океановъ. Всѣ волны Средиземнаго моря не могли залить догматъ, предписующій отчужденіе...

Неизвѣстно почему, въ число физическихъ условій попалъ и родъ занятій жителей, ибо авторъ говоритъ тутъ же о значеніи торговли, промышлености и земледѣлія. Думаемъ, все этого не составляетъ физическихъ условій въ собственномъ смыслѣ слова.

Вотъ все, что сказано о физическихъ условіяхъ. Вслѣдъ затѣмъ говорится уже о народности и объ общественныхъ элементахъ. Народность и общество, съ одной стороны, и нѣсколько страницъ о физическихъ условіяхъ, съ другой,—и между ними что же? Неужели исторія не наполняетъ пробѣла между непосредственнымъ вліяніемъ природы на складъ людей и самостоятельно дѣйствующею національностію? Какой внезапный переходъ элементарныхъ физическихъ данныхъ къ фактамъ, составляющимъ непосредственную причину самыхъ сложныхъ общественныхъ учрежденій! Еслибы нашъ авторъ, вмѣсто цѣлой книги объ исторіи представительства, всѣмъ извѣстной, воспользовался пріемами настоящей исторической науки, тогда онъ могъ бы расширить сферу условій, вліяющихъ на то или другое направленіе причинъ, которыя вызываютъ изучаемую имъ форму политическаго быта. Онъ прослѣдилъ бы тогда исторію постепеннаго образованія народныхъ понятій, составляющихъ умственный капиталъ новѣйшаго общества, и тогда ему ясно стало бы, что соотношеніе элементовъ сложившагося общества есть не просто условіе, а прямая причина той или другой политиче-

ской формы, что они не просто атмосфера, въ которой живетъ форма, а сами проявляютъ свои силы чрезъ эту форму. Къ сожалѣнію, этого не случилось. Читатель вынесетъ только убѣжденіе, что физическія условія теперь мало имѣютъ значенія для образованія системы управленія. Самъ авторъ увѣряетъ его въ этомъ. «Человѣческій духъ, говоритъ онъ, отрѣшается отъ естественныхъ условій и покоряетъ себѣ природу. Громадныя пространства уничтожаются новыми изобрѣтеніями, желѣзныя дороги и телеграфы сближаютъ людей, производятъ самый быстрый обмѣнъ мыслей между отдаленными краями, вводятъ обширныя государства въ тѣже условія, въ какихъ находились малыя. Физическая природа не въ состояніи остановить идей. Повсюду распространяются общія понятія и нравы, что болѣе всего содѣйствуетъ внутреннему объединенію обществъ. Расширенный кругозоръ, безпрерывныя столкновенія, вызывая новыя силы духа, возбуждаютъ самодѣятельность въ людяхъ». Значитъ, между нынѣшнимъ состояніемъ общества и первобытными его формами громадная разница. Тогда можно было объяснить многіе факты соціальнаго устройства непосредственнымъ вліяніемъ силъ природы, теперь нельзя. Вліяніе природы отражается на новѣйшихъ учрежденіяхъ очень слабо, именно потому, что доходитъ къ нему чрезъ массу фактовъ и понятій, накопленныхъ жизнью многихъ поколѣній. Какіе это факты, какія понятія? Такъ ли теперь человѣкъ смотритъ на власть, такъ ли онъ приступаетъ къ предмету познанія, таковы ли его семейныя отношенія и религіозныя понятія, какъ въ то время, когда онъ впервые вступилъ въ жизнь? Думаемъ, что нѣтъ, и въ этомъ-то *нѣтъ* заключаются условія изучаемой политической формаціи, ибо они породили то состояніе общества, которое авторъ разсматриваетъ какъ ея условія, но въ которыхъ мы упорно видимъ ея сущность и причину. Этихъ-то условій и нѣтъ у автора, что лишаетъ его книгу истинно-научнаго достоинства. При громадномъ пробѣлѣ между непосредственнымъ дѣйствіемъ физическихъ условій и вліяніемъ современнаго общества читатель будетъ недоумѣвать, какое же значеніе имѣютъ физическія условія? Недоумѣніе весьма естественное, ибо одно и то же солнце освѣщало и Катона, и Гракха, и Каракаллу, и Данта.

V.

Условій народнаго представительства, какъ мы видѣли, г. Чичеринъ ищетъ въ современномъ положеніи общества, другими словами, въ фактахъ непосредственно предшествующихъ введенію представительства. Мы видѣли, какую важную ошибку представляетъ этотъ пріемъ съ научной точки зрѣнія. Факты, непосредственно предыдущіе появленію другихъ фактовъ, которые составляютъ только дальнѣйшее развитіе прежнихъ, безошибочно могутъ быть названы причинами, порождающими эти явленія. Съ точки зрѣнія

г. Чичерина, напримѣръ, извѣстная степень развитія общественнаго мнѣнія есть условіе, при которомъ *можетъ быть* введена представительная система. Слѣдовательно, тутъ главное форма представительства. Съ точки зрѣнія истинной соціологіи, форма представительства есть послѣдствіе извѣстной степени развитія общественнаго мнѣнія, образовавшагося подъ вліяніемъ разныхъ условій, которое въ представительствѣ нашло себѣ выходъ и организацію, хотя могло бы проявиться и въ другой формѣ. Здѣсь *главное* есть общественное мнѣніе и условія, при которыхъ оно развилось. Форма — только одно изъ послѣдствій этого развитія. Условія, способившія развитію общественнаго мнѣнія, суть въ то же время дѣйствительныя условія общенароднаго участія въ правительственномъ дѣлѣ, а стало быть сущности той формы, которую авторъ взялъ предметомъ своего изученія. Мы видимъ, что авторъ не разсмотрѣлъ этихъ условій. Онъ думалъ найдти общія условія представительства въ анализѣ фактовъ, непосредственно ему предшествовавшихъ и получившихъ въ немъ свое дальнѣйшее развитіе.

Послѣдуемъ за нимъ на эту почву.

Первое, къ чему онъ приступаетъ, есть анализъ отношенія между государствомъ и обществомъ. Какое отношеніе этихъ двухъ величинъ можетъ стать условіемъ для введенія народнаго представительства? Посмотримъ прежде всего, что представляетъ каждая изъ этихъ величинъ. Каждый подъ именемъ государства понимаетъ основное организующее начало, приводящее къ единству всѣ силы страны. Нельзя того же сказать объ обществѣ. Самое понятіе о немъ, какъ говоритъ авторъ, не установилось въ наукѣ: «каждый писатель даетъ свое опредѣленіе, далеко не сходное съ другимъ». Тѣмъ не менѣе г. Чичеринъ выступаетъ съ своимъ опредѣленіемъ. Подъ именемъ общества авторъ разумѣетъ «вообще совокупность всѣхъ частныхъ силъ и элементовъ, входящихъ въ составъ народовъ. Тотъ же самый народъ, который, будучи устроенъ въ единое цѣльное тѣло, образуетъ государство, съ другой стороны, какъ состоящій изъ разнообразныхъ элементовъ, является обществомъ». Изъ этого само собою выходитъ отношеніе государства къ обществу, и г. Чичеринъ выражаетъ это отношеніе такъ: «Отношеніе государства къ обществу представляетъ, слѣдовательно, отношеніе единства ко множеству». Совершенно справедливо. Это положеніе могло бы повести автора къ плодотворнымъ выводамъ. Таково дѣйствительно отношеніе государства къ обществу; это именно отношеніе организаціи (или единства) къ разрозненности, стремленія къ анархіи. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Именно то, что мы уже высказали въ предыдущей статьѣ. Если государство есть единство, организація, то оно до тѣхъ поръ сохраняетъ это положеніе, пока представляетъ дѣйствительное сочетаніе общественныхъ силъ, пока внѣ его не находится элементовъ неорганизованныхъ, необъединенныхъ. Что такова истинная цѣль государства—это

понимаетъ и г. Чичеринъ, и въ народномъ представительствѣ онъ видитъ лучшее средство объединенія этихъ силъ: «Въ народномъ представительствѣ, говоритъ онъ, государство и общество проникаютъ другъ друга; общественныя силы призываются къ политической дѣятельности; *многообразіе вводится въ единство*». Итакъ, вотъ и политическое правило. Организуйте общественныя силы, по мѣрѣ того какъ онѣ нарастаютъ; только въ такомъ случаѣ государство сохранитъ свое верховное и всеобщее значеніе. Мы начинаемъ думать, что авторъ вышелъ на настоящую дорогу; но чрезъ нѣсколько строкъ, онъ покидаетъ ее и вдается въ прежнія разсужденія.

Прежде всего новое противоположеніе государства и общества. «Образуя единое цѣлое, государство прежде всего нуждается въ единствѣ власти и направленія. Это аксіома всякой политической жизни. Но *этому противорѣчитъ* многообразіе общественныхъ силъ, призываемыхъ къ политической жизни. Оно вноситъ въ государство раздѣленіе власти и различіе направленій». Сколько печальныхъ послѣдствій вноситъ въ государственную жизнь этотъ взглядъ! Особенно досадно, когда онъ высказывается тотчасъ вслѣдъ за установленнымъ правильнымъ отношеніемъ между этими двумя понятіями. Г. Чичеринъ говоритъ, что многообразіе общественныхъ силъ противорѣчитъ единству государственной власти. Къ какой эпохѣ развитія государства относится это замѣчаніе? Къ той ли, когда оно дѣйствительно стоитъ во главѣ общества, слѣдовательно, когда оно объединяетъ его элементы, несмотря на ихъ разнообразіе, или когда элементы эти переросли прежнія государственныя средства, и государство фактически не можетъ быть *единствомъ въ разнообразіи*? Мы видимъ, что исторія постоянно представляетъ подобную смѣну отношеній государства и общества. Государство легко можетъ явиться объединяющимъ началомъ среди первобытнаго общества, когда экономическая, нравственная, умственная жизнь общества находится въ зародышѣ; но всѣмъ этимъ направленіямъ государство является съ первенствующимъ значеніемъ; оно вноситъ христіанство, распространяетъ нравственныя начала, заводитъ школы, поощряетъ промышленость. Оно — единство и организація въ разнообразіи и неустройствѣ. Но вотъ мысль, нравственныя понятія, капиталы, землевладѣніе, перерастаютъ государство: по мнѣнію г. Чичерина, они мѣшаютъ государственному единству; по нашему, они требуютъ только другой организаціи, другаго единства. По его мнѣнію, напримѣръ, возможность свободы явится тогда, когда общество станетъ рядомъ съ государствомъ какъ особое единство. Авторъ приводитъ замѣчаніе г. Ипполита Тэна, что чѣмъ менѣе единства въ обществѣ, тѣмъ сосредоточеннѣе должна быть власть, и наоборотъ. Что долженъ выражать собой этотъ законъ (!), трудно понять. Одно изъ двухъ: или отношеніе государства къ обществу есть, какъ справедливо замѣтилъ г. Чичеринъ въ началѣ главы, отношеніе единства къ разнообразію, или нѣтъ. Если да, то мы не видимъ основанія говорить

объ объединеніи общественныхъ силъ мимо государства. Изъ *закона* г. Ипполита Пасси можно вывести такое правило: если общество созрѣло настолько, чтобы составить организацію единства мимо государства, то государство почти не нужно или нужно немножко, pour donner un dernier coup de main à la constitution du pays; если же нѣтъ, то государство должно существовать со всѣми аттрибутами первобытныхъ деспотій. Намъ кажется, что государство должно существовать всегда, но что оно должно расти по мѣрѣ возрастанія общественныхъ силъ, другими словами, что каждая эпоха общественнаго развитія должна имѣть *свое государство*, свое единство, свою организацію, въ которую должны войдти всѣ элементы, въ данную минуту существующіе въ странѣ. Это и бываетъ всегда, когда начинаетъ чувствоваться давленіе общественныхъ силъ, перерастающихъ государство. Итакъ, раздоры, происходящіе отъ общественнаго разнообразія, суть стремленіе новыхъ элементовъ войдти въ правительственную сферу, стремленіе не остаться внѣ организаціи, свойственное всякой разумной силѣ. Иногда это отношеніе встрѣчается съ препятствіями. Различные общественные элементы являются другъ предъ другомъ съ неумѣренными требованіями, радикально противорѣчащими интересамъ другихъ элементовъ. *Одна сила парализуетъ другую*, и является состояніе полнаго общественнаго *безсилія*. Слѣдовательно, не то что раздѣльность, а безсиліе общественныхъ элементовъ ведетъ къ отрицанію политической свободы. Но и въ этомъ случаѣ государство является единствомъ среди разнообразія,—только разнообразія парализованнаго столкновеніемъ противоположныхъ стремленій. Оно становится ненормальнымъ единствомъ ненормальнаго разнообразія. Правильнымъ единствомъ оно станетъ тогда, когда дѣйствительно объединитъ разрозненныя силы, и когда силы эти выравняются и найдутъ себѣ обезпеченіе подъ верховнымъ государственнымъ началомъ. Итакъ, въ итогѣ разнообразіе общественныхъ силъ не только не противорѣчитъ единству власти, но подготовляетъ ей новыя опоры, расширяетъ сферу ея дѣйствія, постоянно возводя государственную организацію съ низшей степени на высшую. Не одна здравая общественная, сила не хочетъ *составлять единство*, то-есть организацію помимо государства.

На бѣду г. Чичеринъ смѣшалъ два вопроса, которые должны бы быть раздѣлены въ его книгѣ. Въ каждомъ государствѣ есть сфера правительственной и сфера частной дѣятельности; тѣ или другіе вопросы, по мѣрѣ надобности, переходятъ изъ рукъ правительства въ руки частныхъ лицъ, и наоборотъ. Но ни этотъ переходъ, ни большій или меньшій объемъ той и другой области ничего не скажутъ намъ о народномъ представительствѣ. Въ Англіи имѣется правительственная опека по нѣкоторымъ существеннымъ вопросамъ частной предпріимчивости. Во времена московскихъ царей многія задачи финансовъ, полиціи и администраціи были возложены на отвѣтствен-

ность общинъ, но никто не назоветъ Ивана Грознаго конституціоннымъ монархомъ. Въ народномъ представительствѣ дѣло собственно идетъ не о сокращеніи сферы правительственной и расширеніи области частной дѣятельности, а о новой организаціи *правительственной* сферы, чрезъ введеніе въ нее общественныхъ элементовъ, которымъ чрезъ это придается правительственный характеръ. Первый вопросъ есть вопросъ о гувернементализмѣ и индивидуализмѣ, то-есть вопросъ о томъ, какія задачи должно принять на себя государство и какія можетъ предоставить свободѣ частной предпріимчивости. Второй вопросъ есть вопросъ объ организаціи *власти*, какова бы ни была сфера ея дѣятельности. Вотъ почему намъ кажутся совершенно безполезными разсужденія г. Чичерина о различіи правительственной и общественной дѣятельности, о томъ, кто лучше можетъ вести дѣло воспитанія, благотворительности, о значеніи частной энергіи, о пассивныхъ и непассивныхъ натурахъ. Общественная дѣятельность можетъ быть ничтожна, правительственная громадна и наоборотъ, а все-таки это не устраняетъ вопроса объ организаціи власти.

Нельзя не согласиться, что г. Чичеринъ, разъ отождествивъ народное представительство съ понятіемъ свободы (примѣръ многихъ представительныхъ собраній могъ бы нѣсколько разувѣрить его въ этомъ), до крайности пользуется этимъ мнимымъ тождествомъ. Иногда онъ разсматриваетъ вопросы, гдѣ рѣчь идетъ объ одной свободѣ, и которые имѣютъ лишь условное значеніе для народнаго представительства; но такъ какъ для г. Чичерина оба эти понятія сдѣлались тождественны, то онъ спокойно ведетъ свою рѣчь, какъ будто совершенно забывъ о представительствѣ. Такъ во главѣ о народности и ея отношеніи къ представительнымъ учрежденіямъ, рядомъ съ анализомъ вліянія однородности и разнородности массы населенія (хотя этотъ анализъ и не прибавляетъ ничего новаго къ тому, что уже высказалъ по этому вопросу Джонъ Стюартъ Милль), у нашего автора находится разсужденіе о національныхъ свойствахъ племенъ, предрасполагающихъ къ созданію свободныхъ учрежденій. Какой народъ призванъ къ свободѣ и какой нѣтъ? Не вдаваясь въ обсужденіе этого страннаго вопроса, мы приведемъ только слова Вильгельма Гумбольдта, повторенныя его великимъ братомъ, Александромъ Гумбольдтомъ: «Есть племена болѣе способныя къ культурѣ, болѣе просвѣщенныя, цивилизованныя; но нѣтъ племенъ болѣе благородныхъ, чѣмъ другія. Всѣ одинаково созданы для свободы, для той свободы, которая въ первобытномъ обществѣ принадлежитъ лицу, но у націй, обладающихъ настоящими политическими учрежденіями, есть право цѣлаго общества. Есть идея, проникающая исторію, расширяя каждый день свое благотворное вліяніе, идея, лучше всякой другой доказывающая дѣйствительность факта часто отрицаемаго, но еще чаще не понимаемаго, факта совершенствованія породы: это идея *человѣчества*. Она уничтожаетъ всѣ преграды, воздвигнутыя посреди

людей, предразсудками и корыстными видами, и заставляетъ смотрѣть на всю совокупность человѣческаго рода, безъ различія религіи, народности, цвѣта, какъ на великую семью, какъ на одно цѣлое, подвигающееся къ одной и той же цѣли—къ свободному развитію всѣхъ нравственныхъ силъ» (*Космосъ* I, стр. 430). Самъ г. Чичеринъ приходитъ къ этому заключенію. «Различіе народностей составляетъ *случайное явленіе* въ представительствѣ; во многихъ государствахъ оно играетъ весьма второстепенную роль» (стр. 417). Далѣе: «Въ исторіи господствуетъ измѣнчивость политическихъ формъ, идущая рядомъ съ измѣненіемъ жизни... Мы видѣли какимъ образомъ у западно-европейскихъ народовъ, за средневѣковою неурядицею, за борьбою общественныхъ стихій, водворилась эпоха самодержавія, которая скрѣпила основы государства и утвердила единство власти; затѣмъ, когда общественныя силы окрѣпли подъ вліяніемъ монархическаго начала, наступилъ періодъ либерализма, который, послѣ односторонннихъ попытокъ, поставилъ себѣ задачей сочетаніе власти и порядка съ свободой. Всѣ эти столь различныя учрежденія обозначаютъ различные фазисы развитія обществъ. Одна эпоха требуетъ сосредоточенной власти, другая раздѣленной, и нельзя сказать, что одному народу свойственно одно, другому—другое.» Вполнѣ соглашаясь съ авторомъ въ этомъ отношеніи, мы однако сдѣлаемъ здѣсь нѣсколько замѣчаній. Всякая эпоха требуетъ единой, сосредоточенной власти. Въ этомъ смыслѣ новѣйшія перемѣны суть не сочетанія власти и порядка съ свободой, а организація власти и порядка на новыхъ началахъ, во имя общей пользы и справедливости. Народы могутъ разниться своими учрежденіями; но къ *свободѣ* всѣ одинаково призваны. Есть, напримѣръ, страны, издавна покоящіяся на полномъ единеніи верховной власти и народа; нельзя сказать, чтобы въ силу этого свойства своего онѣ не были призваны къ свободѣ. Вотъ тутъ-то пригодился бы настоящій научный анализъ народнаго характера, какъ такого общаго состоянія, которое можно назвать дѣйствительнымъ условіемъ народнаго представительства. Но тутъ нужно прослѣдить этотъ характеръ, эту психологію народа, въ связи съ первыми исходными точками національнаго развитія, съ физическими условіями страны, съ вѣрованіями, обычаями, воззрѣніями. Нѣтъ ничего труднѣе подобной задачи, какъ ничего не можетъ быть легче составленія фразъ въ родѣ слѣдующихъ: «Мы рѣдко умѣемъ держаться въ извѣстныхъ предѣлахъ и умственно и нравственно. Наша мысль не успѣла выработаться и силою труда войдти въ опредѣленныя границы, уяснить себѣ цѣли и средства. Она обыкновенно расплывается, довольствуясь отвлеченными понятіями, подъ которыми можно разумѣть все что угодно, или не зная мѣры одностороннему развитію извѣстнаго начала. Поэтому, какъ скоро съ насъ снимается внѣшнее ярмо и предоставляется намъ доля свободы, мы тотчасъ предаемся полному ея разгулу». Вслѣдствіе этого мы не знаемъ куда отнести всю эту главу книги

г. Чичерина. Изслѣдованіемъ условій ее нельзя назвать: она слишкомъ мало касается общихъ законовъ спеціальнаго развитія, слишкомъ мало представляетъ фактовъ, опредѣляющихъ нравственное и политическое состояніе народа. Еще менѣе можно назвать ее изслѣдованіемъ *причинъ* представительства, потому что характеръ народа есть слишкомъ общее состояніе и не могъ бы сдѣлаться непосредственною причиной такого спеціальнаго явленія какъ представительство. Смѣемъ думать, что при такихъ условіяхъ ее можно отнести къ разряду тѣхъ произведеній, которыя, говоря словами автора, «довольствуются отвлеченными понятіями, подъ которыми можно разумѣть все что угодно.»

Итакъ, и въ этой главѣ усилія автора поставить вопросъ о представительствѣ въ тѣсную связь съ окружающими фактами не увѣнчались успѣхомъ. Переходимъ къ главѣ, изслѣдующей составъ общества и элементы народнаго представительства. Названіе обѣщаетъ много. Мы знаемъ какое значеніе приписываетъ г. Чичеринъ обществу: здѣсь изслѣдуются общественные элементы. Гдѣ же какъ не здѣсь искать разрѣшенія вопроса?

Составъ общества по отношенію къ народному представительству можно разсматривать съ разныхъ точекъ зрѣнія. Можно изслѣдовать его основные элементы въ ихъ историческомъ развитіи; можно также взять эти вопросы изолированно, анализовать послѣднее выраженіе этихъ элементовъ въ непосредственной связи съ возможными перемѣнами въ государствѣ; другими словами, на основаніи тѣхъ или другихъ фактовъ, наблюдаемыхъ *теперь*, начать *предсказывать*, что будетъ, то-есть связать настоящее не съ прошедшимъ, гдѣ только и можно понять законы соціальнаго развитія, а съ будущимъ. Это путь избранный г. Чичеринымъ. Мы увидимъ ниже насколько возможны предсказанія о политикѣ. Теперь посмотримъ на этотъ анализъ общества.

Вотъ его мысли: «Важное различіе, которымъ главнымъ образомъ опредѣляются составъ и свойства представительныхъ собраній, это различіе общественныхъ классовъ. Общество, призываемое къ политическимъ правамъ, не образуетъ однородной массы, а разбивается на отдѣльныя группы, съ различнымъ характеромъ и направленіемъ. Люди раздѣляются по занятіямъ, по призванію, по общественному положенію, по образованію, а вслѣдствіе того по воззрѣніямъ и интересамъ». Вотъ начало, доказывающее уже, что авторъ заговорилъ о дѣйствительно важныхъ элементахъ общества, объ образованіи, собственности и т. д.; но они пригодились ему только какъ рубрика. Вслѣдствіе этого, анализъ общественныхъ классовъ вышелъ у г. Чичерина весьма поверхностный. Въ его сужденіяхъ постоянно проглядываетъ торопливое желаніе дать отвѣтъ на вопросъ, при какихъ условіяхъ можно ввести представительное правленіе? Думаемъ, что это задача памфлета, а не ученаго сочиненія.

Вотъ какимъ образомъ нашъ авторъ разсматриваетъ вопросъ о поземельной собственности: сначала онъ опредѣляетъ ея значеніе рядомъ съ движимою собственностію. «Она даетъ человѣку не только матеріальныя средства, но и вліяніе на людей, а потому силу и власть.» Далѣе говорится, что высшіе классы (то-есть вообще богатые) стремятся приложить къ дѣлу свое значеніе и досугъ. «Если низшіе классы, по своему характеру, склонны къ подчиненію, то высшіе, напротивъ, по своему первенствующему положенію, непремѣнно стремятся къ власти и правамъ. Это—естественное ихъ призваніе. Люди, обезпеченные въ своемъ состояніи, независимые, образованные, пользующіеся высшимъ почетомъ и значеніемъ въ окружающей средѣ, всегда ищутъ преобладающаго вліянія на общественныя дѣла.» До сихъ поръ все идетъ хорошо; за симъ начинаются противорѣчія. «Но такъ какъ политическія права высшихъ классовъ могутъ быть двоякаго рода: либо привилегированное положеніе въ государствѣ, соединенное съ владычествомъ надъ низшимъ населеніемъ, либо главенство въ свободныхъ учрежденіяхъ, то и требованія ихъ могутъ быть двояки. Высшіе классы всегда хотятъ или привилегій, или политической свободы. Поэтому, когда первыя уничтожаются или умеьшаются, неизбѣжно является желаніе послѣдней.» Кажется, тутъ что-то не такъ. Вопервыхъ, необходимо было сдѣлать различіе между капиталистами и землевладѣльцами. Первые не являются привилегированнымъ сословіемъ, а напротивъ являются таковому на смѣну. Вовторыхъ, не видно, къ какому времени относится заявленіе автора, что высшіе классы хотятъ или привилегій, или политической свободы. Авторъ возвелъ въ общее политическое правило нѣсколько поверхностно анализованныхъ историческихъ фактовъ. Выродившееся поземельное дворянство Франціи довольствовалось придворными отличіями. Не сложившаяся аристократія другихъ странъ начинаетъ съ этихъ отличій, но въ концѣ концовъ приходитъ къ требованію дѣйствительныхъ политическихъ правъ. Таковы свойства поземельной собственности, которую авторъ разсматриваетъ слишкомъ бѣгло и поверхностно. Напримѣръ, по его убѣжденію, поземельная собственность всегда приводитъ къ сепаративнымъ стремленіямъ, изъ нея по преимуществу складываются высшіе классы съ правительственнымъ значеніемъ, которые сами по себѣ не могутъ дать элементовъ настоящаго представительства. Нужны-де элементы, которые соединяли бы эти классы съ народомъ, были бы связующимъ звеномъ между этими двумя противоположными слоями общества. Такимъ объединяющимъ, связующимъ элементомъ является, по мнѣнію автора, движимая собственность и главный представитель ея, среднее, или городское сословіе. Гдѣ нѣтъ средняго сословія нѣтъ и элементовъ настоящаго представительства. Палаты, выражающія только аристократическія, землевладѣльческія стремленія, не будутъ имѣть корней въ

націи. Среднее сословіе есть-де пробный камень годности общества къ представительному правленію.

Но землевладѣніе не вездѣ приняло однѣ и тѣ же формы, не вездѣ оно имѣло одинаковое направленіе. Въ однѣхъ странахъ оно разъединило общественные классы, въ другихъ служитъ главнымъ связующимъ началомъ. Напримѣръ, въ Россіи поземельная частная собственность отличается полнѣйшею подвижностію; ни юридически, ни фактически не замыкалась она въ одно сословіе и не отдѣлялась отъ народа; она представляетъ собственниковъ всѣхъ размѣровъ и всякаго общественнаго положенія. Вслѣдствіе этого она не представляетъ собой элемента косности, а скорѣе является силой прогресса. Г. Чичеринъ полагаетъ, что движимая собственность должна играть посредствующую роль между высшими и низшими классами населенія въ силу своихъ качествъ. Какія же качества? «Она—произведеніе труда и принадлежность человѣческой личности, а не центръ и основа, къ которой примыкаетъ лицо. Человѣкъ располагаетъ ею по произволу, она становится орудіемъ и средствомъ для новыхъ предпріятій, гдѣ все зависитъ отъ личнаго труда, отъ энергіи и изворотливости человѣка. Все это развиваетъ во владѣльцахъ сознаніе своихъ силъ, духъ предпріимчивости, стремленіе къ нововведеніямъ. Здѣсь подвижной элементъ общества, здѣсь источникъ его самодѣятельности.» Безъ преувеличенія можно приписать всѣ эти качества нашему частному свободному землевладѣнію, въ противоположность общинному. Оно обыкновенно есть произведеніе труда или требуетъ труда для пользованія имъ. Здѣсь центръ нашего умственнаго развитія. Далѣе, землевладѣніе не находится цѣликомъ въ какихъ либо однихъ высшихъ классахъ. Оно проходитъ чрезъ всѣ общественные слои.

IV.

Статья наша растетъ, но до конца книги г. Чичерина еще далеко. Много любопытныхъ главъ еще ожидаютъ разсмотрѣнія, а между тѣмъ мы намѣрены сказать еще лишь немногое по отношенію къ этому труду. Читатели, смѣю думать, уже достаточно познакомились съ пріемами автора, чтобы не имѣть нужды въ дальнѣйшей характеристикѣ ихъ. Собственно о нихъ и о главнѣйшихъ выводахъ г. Чичерина только и можетъ быть здѣсь рѣчь. Передавать содержаніе всего объемистаго труда нѣтъ ни возможности, ни надобности. Задача послѣдней книги труда г. Чичерина, какъ это можно уже понять изъ предыдущаго изложенія, заключается въ изслѣдованіи, каково должно быть состояніе и степень развитія разныхъ общественныхъ элементовъ въ ту минуту, какъ вводится народное представительство. Вся задача представляется ему въ слѣдующемъ порядкѣ. Предположимъ, что въ странѣ А имѣется правитель В, который желаетъ, или котораго просятъ ввести народное представитель-

ство. Предположимъ далѣе, что и правитель, и общество, какъ люди благоразумные, прежде чѣмъ сдѣлать такой рѣшительный шагъ, пожелаютъ узнать, можетъ ли ихъ страна вынести эту форму. Призываются обыкновенно свѣдущіе люди, появляются памфлеты. Одинъ говоритъ *да*, другой *нѣтъ*. Время горячее, некогда изслѣдовать истинныя свойства, истинное историческое и экономическое значеніе того или другаго элемента, надо обнять всю совокупность общественныхъ силъ, умственныхъ, нравственныхъ и матеріальныхъ, и сравнить ихъ цѣликомъ съ силами другихъ націй, гдѣ уже введено представительство. Вотъ свойства представительной формы; вотъ чего требуетъ она отъ общества, куда вводится; опытъ доказалъ, что отъ соединенія того-то и того-то зависитъ успѣхъ представительныхъ учрежденій; пока нѣтъ этихъ качествъ въ обществѣ, представительство можетъ причинить больше вреда, чѣмъ пользы и т. д. Сочиненіе, написанное съ этой точки зрѣнія, безъ сомнѣнія, можетъ принести нѣкоторую долю пользы, но только въ обществѣ, находящемся въ такомъ исключительномъ положеніи, о которомъ было говорено выше. Нужно, чтобы нашлась страна, гдѣ всѣ мечты о реформахъ приняли бы форму представительства, и при томъ въ данной формѣ, напримѣръ французскаго или бельгійскаго. Но предположимъ, что имѣется общество, которое разсуждаетъ такъ: государство переживаетъ въ настоящую минуту такую-то эпоху развитія; вотъ его экономическія, физическія, историческія, политическія условія; вотъ главные элементы общества. Какъ сдѣлать, чтобы его политическая организація соотвѣтствовала этимъ требованіямъ, чтобы въ ней приняли участіе всѣ живыя силы страны? Какъ намъ поступить съ этимъ, куда дѣвать это? На подобный вопросъ книга о формѣ отвѣта не дастъ. Она можетъ имъ сказать: вы еще до формы не доросли, слѣдовательно вамъ ничего не надо, а до тѣхъ поръ учитесь и воспитывайтесь. Но мы хотимъ организовать то, что уже есть? Нѣтъ иной организаціи, кромѣ этой формы; пока вы до нея не доросли, оставайтесь себѣ такъ.

Отвѣтъ по крайней мѣрѣ категорическій. Мы видѣли, правда, что при такомъ пріемѣ останутся безъ надлежащаго изслѣдованія всѣ истинныя основы даннаго общества. Самыя условія представительства явятся какимъ-то сочетаніемъ гаданій и предсказаній. У васъ-де есть только то-то; введите представительство, и навѣрное будетъ то-то. Но что будутъ дѣлать данныя силы, оставленныя на произволъ судьбы, въ ожиданіи благодѣяній системы, выкроенной по вашему образцу? Воспитываться? Сомнительно. Въ странѣ, гдѣ нѣтъ серьезнаго участія общественныхъ элементовъ въ политической жизни, воспитаніе и образованіе немыслимо. Въ этомъ отношеніи самые лучшіе рецепты не помогутъ дѣлу. Напримѣръ, г. Чичеринъ выставляетъ многія *условія* для образованія такого общественнаго мнѣнія, какое нужно для представительства: распространеніе прочнаго образованія въ народѣ, развитіе въ об-

ществѣ политической литературы, появленіе серьезныхъ сочиненій по части политики, мѣстныя административныя собранія и участіе народа въ судѣ. Вѣроятно, авторъ говоритъ о независимой политической печати, о сочиненіяхъ, писанныхъ безъ увертокъ и надѣванія маски, о самостоятельномъ судѣ, о дѣйствительно крѣпкихъ мѣстныхъ учрежденіяхъ. Но всѣ эти блага суть проявленія, условія политической свободы въ какой бы то ни было формѣ, какъ это доказалъ опытъ. И свобода печати, и независимость суда, и крѣпость мѣстныхъ учрежденій, безъ твердой организаціи,—пустой звукъ. Еще съ большимъ основаніемъ можно сказать это о политическихъ партіяхъ, о личныхъ правахъ гражданъ. «Партіи, говоритъ г. Чичеринъ, возникаютъ на почвѣ общественнаго мнѣнія. Необходимость дисциплины и организаціи для совокупнаго дѣйствія превращаетъ неустроенную массу свободныхъ и случайныхъ мыслей въ болѣе или менѣе крѣпкія прочныя силы, способныя быть политическими дѣятелями». Если образованіе сильнаго общественнаго мнѣнія возможно только при соотвѣтственномъ развитіи свободы, то тѣмъ менѣе возможно ожидать развитія политическихъ партій въ странѣ, не имѣющей политической жизни. Авторъ не можетъ не знать, что партіи вызываются къ существованію появленіемъ въ обществѣ вопросовъ, переданныхъ на его свободное обсужденіе. Если же общество совершенно устранено отъ участія въ политической жизни, если оно не имѣетъ случая высказываться ни по какому важному вопросу,—откуда же возьмутся въ немъ партіи? Авторъ отождествляетъ представительныя учрежденія съ политическою свободой (съ чѣмъ мы не вполнѣ согласны); но мы не понимаемъ, какимъ образомъ, отождествляя эти два понятія, онъ ставитъ, въ числѣ условій политической свободы, такіе факты, которые нельзя не признать ея послѣдствіемъ? Еще по отношенію къ общественному мнѣнію можно согласиться (хотя съ большими оговорками), что оно можетъ до нѣкоторой степени развиться въ политически-закрѣпощенномъ обществѣ. Мнѣніе можетъ еще укрываться въ катакомбахъ и пещерахъ. Оно получитъ здѣсь фальшивое, печальное направленіе, явится впослѣдствіи не организующею, а разрушительною силой, подобно всякому элементу, скопленному въ слишкомъ тѣсномъ пространствѣ. Но партія есть уже мнѣніе, перешедшее на почву дѣйствія, слѣдовательно нуждающееся въ извѣстной сферѣ. Гдѣ же средства къ этому дѣйствію безъ нѣкоторой доли свободы?

Такимъ образомъ авторъ сначала, подъ видомъ *условій*, разсмотрѣлъ разные элементы общества въ такую пору ихъ развитія, когда они готовы сдѣлаться дѣятельною причиной той или другой организаціи; потомъ сюда же включилъ такія вещи, которыя бываютъ послѣдствіемъ свободы. Наконецъ, чтобы довести наше удивленіе до послѣднихъ предѣловъ, онъ заговорилъ о личныхъ правахъ гражданъ. Трудно рѣшить, какое значеніе могутъ они имѣть въ разрядѣ условій политической свободы. Сколько

намъ кажется, они имѣютъ съ ней только одну связь, именно, что въ ней находятъ они надежнѣйшую гарантію, то-есть составляютъ неизбѣжное ея послѣдствіе. Итакъ, опять послѣдствіе, а не условіе. Мы думаемъ, что авторъ, говоря о личныхъ правахъ въ отдѣлѣ условій представительства, не имѣлъ же въ виду сказать, что развитіе личныхъ правъ гражданъ обезпечиваетъ политическую свободу. Полагаемъ, что это можно сказать наоборотъ. Первая выгода, представляемая свободнымъ, то-есть развитымъ государствомъ,—не Бухарой,—заключается въ томъ, что гражданинъ имѣетъ твердую увѣренность въ томъ, что у него не отнимутъ собственности, не ворвутся въ его жилище, что онъ не пропадетъ таинственно безъ слѣда и вѣсти, безъ всякихъ законныхъ основаній, что онъ можетъ молиться и думать по своему, и т. д. Скажемъ больше: если автору непремѣнно хочется поставить это въ числѣ условій представительства, то съ такимъ же основаніемъ права эти могутъ быть поставлены условіемъ каждаго государственнаго устройства. Если государство не можетъ обезпечить гражданамъ эти необходимыя условія человѣческаго существованія, то чѣмъ же оно отличается отъ шайки пиратовъ или азіятской орды? Соломонъ гордился тѣмъ, что въ его царствованіе каждый израильтянинъ могъ безопасно сидѣть въ своемъ виноградникѣ. Каждое правительство громко заявляетъ о своемъ призваніи охранять каждому плоды его трудовъ. Свобода промышленности, въ смыслѣ освобожденія ея отъ привилегій и монополій, есть первая задача каждаго правительства, каковъ бы ни былъ его политическій цвѣтъ. Начало вѣротерпимости украшаетъ кодексы европейскихъ государствъ всѣхъ различныхъ формъ. Свобода мысли также признана однимъ изъ главныхъ орудій установленія истинно-прочной связи между правительствомъ и обществомъ. Каждое мудрое правительство сознаетъ ту истину, что мракъ способствуетъ развитію самыхъ чудовищныхъ теорій, которыя, выползая въ удобную для себя минуту на свѣтъ Божій, грозятъ всѣмъ основамъ общежитія.

Сводя къ немногимъ основаніямъ обширный трактатъ г. Чичерина объ условіяхъ представительства, нельзя не остановиться на слѣдующихъ замѣчаніяхъ: 1) собственно къ разряду условій изъ числа выставленныхъ имъ фактовъ относятся физическія условія страны и отчасти національность, но ихъ вліяніе на постепенное образованіе общественныхъ элементовъ прослѣжено такъ слабо, что самъ авторъ принужденъ впослѣдствіи отнести ихъ къ безразличнымъ условіямъ. Такими представляются они и всякому, если между ними и состояніемъ общества, наканунѣ, такъ сказать, водворенія политической свободы, не окажется никакихъ процессовъ, никакихъ постепенно развивавшихся фактовъ. 2) Анализуя отношенія государства и общества, значеніе различныхъ общественныхъ элементовъ и организаціи мѣстнаго управленія, авторъ изслѣдуетъ ихъ съ точки зрѣнія того развитія, какое они должны представлять наканунѣ введенія народнаго представитель-

ства въ его идеальной формѣ, слѣдовательно въ ту минуту, когда общественныя силы готовы уже принять конкретную форму, то есть когда онѣ становятся ближайшими причинами, а не общими предрасполагающими условіями водворенія политической свободы. Анализъ же дѣйствительныхъ условій, вліяющихъ на установленіе свободы, какъ-то: видовъ собственности, въ связи съ разными политическими условіями страны, формъ промышлености, образованія и свободы мышленія, какъ орудія самостоятельнаго развитія личности, неудовлетворителенъ. Оттого болѣе практическій вопросъ, именно о постепенной организаціи народныхъ силъ, остался безъ отвѣта и изслѣдованія. 3) Наконецъ, въ числѣ условій авторъ поставилъ такіе предметы, которые являются скорѣе послѣдствіемъ свободы чѣмъ ея условіемъ, скорѣе цѣлію чѣмъ причиной.

Такова собственно теоретическая часть труда г. Чичерина,—та часть которая, при лучшей постановкѣ вопроса, больше всего могла бы быть полезна для развитія отечественной политической литературы; эта часть могла бы сдѣлать его трудъ однимъ изъ тѣхъ, появленіе которыхъ онъ считаетъ признакомъ зрѣлости общественнаго мнѣнія. Но неправильный взглядъ на представительство, странная постановка вопроса объ общественныхъ элементахъ, сдѣлали изъ него памфлетъ, написанный съ цѣлью дать отвѣтъ на мимолетную фантазію общества, на смѣшной вопросъ, можно ли послѣзавтра ввести народное представительство. Иную услугу оказалъ бы г. Чичеринъ, еслибъ онъ умѣлъ стать выше настроенія минуты; еслибъ онъ понялъ, что мечты о народномъ представительствѣ суть не что иное какъ потребность извѣстной доли политической свободы, то есть потребность дать извѣстную организацію уже накопившимся умственнымъ и нравственнымъ силамъ страны. Вульгарному общественному мнѣнію простительно мечтать о политической свободѣ въ формѣ готоваго образца, но подобный пріемъ неумѣстенъ въ ученой книгѣ. Наука не можетъ не видѣть оборотной стороны дѣла. Она не можетъ не знать, что пышныя формы часто прикрываютъ бѣдность содержанія; что интриги, продажность, деморализація, господство посредственности не исключаются представительствомъ, хотя и не суть его свойства, какъ это думаетъ авторъ. Стоило же писать книгу о такой формѣ, которая оказывается существенно несостоятельною, и написать ее съ тѣмъ, чтобы сказать, что общество наше еще не доросло до нея, и что до этого совершеннолѣтія оно должно оставаться безъ всякой организаціи. Это могъ бы написать любой бюрократъ, пустившійся въ публицистику. Положеніе г. Чичерина, какъ ученаго, требовало не того. Опредѣлить характеръ эпохи; выслѣдить истинно-сильное, живое начало въ ряду умственныхъ и экономическихъ элементовъ страны; опредѣлить степень участія, которое этотъ элементъ долженъ принять въ политической жизни; показать истинное соотношеніе между пра-

вительство организаціей и экономическими элементами страны; изслѣдовать истинную связь и дѣйствительную іерархію этихъ элементовъ, какъ основу будущей организаціи: вотъ услуги, которыя могли бы имѣть большую цѣнность. Только подобные труды могутъ вывести политическую литературу страны на должную дорогу, устранить безплодныя мечтанія и научить должнымъ образомъ цѣнить тѣ элементы, которые уже выработались для политической жизни.

Если такимъ образомъ теоретическая сторона труда г. Чичерина не можетъ удовлетворить требованіямъ науки, то, напротивъ, его анализъ существующихъ формъ и теорій представительства не можетъ не обратить на себя вниманіе каждаго читателя. Онъ разсмотрѣлъ всѣ формы представительства, и разсмотрѣлъ ихъ весьма тщательно. Нельзя не замѣтить, что этотъ анализъ мало принесъ пользы его теоретическимъ выводамъ. Такъ, напримѣръ, изслѣдуя народное представительство при формахъ правленія, основанныхъ на самыхъ противоположныхъ началахъ, онъ однако не пришелъ къ заключенію, что оно можетъ уживаться съ самыми различными формами, слѣдовательно, не есть необходимый продуктъ борьбы между различными правами, не есть отреченіе монарха отъ своихъ правъ и пріобрѣтеніе этихъ самодержавныхъ правъ народомъ и т. д.,—какъ то можно видѣть изъ первой нашей статьи. Но вообще всѣ эти главы составляютъ, безъ сомнѣнія, важное пріобрѣтеніе нашей политической литературы. На русскомъ языкѣ, до настоящаго времени, еще не было представлено такой полной характеристики наличныхъ представительныхъ учрежденій и элементовъ, входящихъ въ ихъ составъ.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ ДРЕВНЕЙ РОССІИ *).

Вѣче и князь. Русское государственное устройство и управленіе во времена князей Рюриковичей. Историческіе очерки В. И. Сергѣевича. Москва, 1867 г.

Книга г. Сергѣевича вышла нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Между тѣмъ ни въ одномъ журналѣ не появилось не только разбора, но даже замѣтки объ этомъ прекрасномъ трудѣ. Только *Вѣстникъ Европы* упомянулъ о немъ вскользь. Между тѣмъ для упомянутой книги мало бѣглой замѣтки. Основательное знаніе источниковъ и живое изложеніе, ясность понятій и точность выраженія, самостоятельный взглядъ и совершенно новая оцѣнка многихъ фактовъ, все это даетъ сочиненію г. Сергѣевича почетное мѣсто въ нашей исторической и юридической литературѣ. Его сочиненіе — одна изъ тѣхъ книгъ, по прочтеніи которыхъ можно подвести значительный итогъ выводамъ, подкрѣпленнымъ добросовѣстно собранными фактами.

Мы начнемъ наше обозрѣніе съ системы труда и главнѣйшихъ выводовъ автора и затѣмъ провѣримъ точность научныхъ его пріемовъ и правильность системы его сочиненія.

«Вѣче и Князь» представляетъ попытку изложить начала русскаго государственнаго устройства и управленія во времена князей Рюриковичей. Выражаясь точнѣе, предметомъ изслѣдованія служитъ политическій бытъ Россіи княжескаго періода (см. предисловіе). Авторъ не только не останавливается на моментѣ утвержденія единодержавія въ Россіи, но даже оставляетъ въ сторонѣ «всѣ зачатки новаго порядка вещей (то есть царскаго періода), только по времени принадлежащіе княжеской Россіи» (см. предисловіе). Цѣль автора, слѣдовательно, заключается въ изложеніи началъ государственнаго устройства старой Россіи во всей ихъ чистотѣ, при чемъ онъ не принимаетъ въ соображеніе обстоятельствъ, видоизмѣнившихъ эти начала въ концѣ Кіевскаго періода. Вслѣдствіе этого, все сочиненіе г. Сер-

*) Написана въ 1868 г., когда въ нашей журналистикѣ не было еще разборовъ „Князя и вѣча“. Этимъ объясняются начальныя слова моей статьи.

гѣевича имѣетъ характеръ догматическаго изложенія «началъ», примѣненіе которыхъ авторъ указываетъ во множествѣ примѣровъ, взятыхъ изъ нашей древней исторіи. Эти *начала* и *примѣры* составляютъ все содержаніе труда. Историческій матеріалъ не имѣетъ въ немъ самостоятельной роли. Онъ приводится только съ цѣлью доказать, какъ тѣ или другія начала государственнаго устройства и управленія примѣнялись въ самой жизни. Собственно говоря, сочиненія по исторіи права и не могутъ давать такого преобладающаго значенія историческому матеріалу, какъ общія историческія сочиненія. Выясненіе юридическихъ началъ всегда должно быть главною ихъ цѣлью; историческій матеріалъ важенъ для нихъ на столько, на сколько въ немъ можно изучить проявленіе юридическихъ началъ. Но крайнее развитіе означеннаго пріема можетъ повести къ важнымъ неудобствамъ. Исторія права все-таки *исторія*, историческое изслѣдованіе. Самъ г. Сергѣевичъ называетъ свой трудъ «историческими очерками». Верховное же начало исторіи есть идея *движенія*. Историческое развитіе права состоитъ именно въ переходѣ отъ одного начала къ другому, подъ вліяніемъ разнообразныхъ условій. Если мы представимъ юридическія начала извѣстной эпохи съ точки зрѣнія *покоя*, какъ догму, то связь этой эпохи съ послѣдующею будетъ непонятна. Для выясненія же этой связи необходимо обратить вниманіе на «начатки» новаго порядка вещей въ разсматриваемой эпохѣ. Они, вмѣстѣ съ другими условіями, составляютъ элементъ разложенія въ старой системѣ. Безъ нихъ даже учрежденія изслѣдуемой эпохи не могутъ быть изучены съ надлежащею полнотой. Если мы выяснимъ, напримѣръ, начала княжеской власти и въ подтвержденіе своихъ выводовъ будемъ брать примѣры одинаково изъ X вѣка и изъ XIV, изъ практики Кіевскихъ и Московскихъ князей, то врядъ ли «князь» древней Россіи ясно представится нашему уму. Г. Сергѣевичъ не могъ обойдтись безъ фактовъ, видоизмѣнившихъ государственный порядокъ временъ князей Рюриковичей; но онъ остался вѣренъ своему плану изложить начала древнѣйшаго нашего государственнаго быта во всей ихъ чистотѣ. Ниже мы увидимъ результаты такого пріема. Однажды избранному пріему и системѣ г. Сергѣевичъ остается вѣренъ до конца. До настоящаго времени мы не имѣли такой полной картины нашего древняго государственнаго быта, какую представляетъ намъ «Вѣче и Князь». Постараемся вкратцѣ изложить главнѣйшіе выводы автора.

I.

Волость.

Самое заглавіе книги показываетъ, что авторъ признаетъ два одинаково существенные элемента въ древне-русскомъ государственномъ бытѣ: народъ и князя (стр. 1); дѣятельность княжеской власти и формы народнаго быта

одинаково вліяли на образованіе государства. Это важный шагъ впередъ въ нашей юридической наукѣ. До настоящаго времени большинство лучшихъ представителей науки признавали за русскимъ народомъ исключительно пассивную роль. Въ ихъ глазахъ это была инертная масса, къ которой лишь постепенно, съ большими усиліями со стороны правительства и при нерѣдко упорномъ сопротивленіи со стороны общества, прививались государственныя формы и другіе продукты «цивилизаціи». Варяжская дружина начала это воспитаніе; Иванъ III и Иванъ IV продолжали его; Петръ Великій закрѣпилъ ихъ дѣло. Формы же народнаго быта являлись антигосударственнымъ началомъ; онѣ не укладывались подъ «цивилизацію». Народъ, державшійся за нихъ, уходилъ въ казаки, въ вольницу, въ расколъ. Мало того: если внутри Россіи дружина, мужи, государство относились къ народу, къ мужикамъ, какъ цивилизующее начало къ безформенной, грубой массѣ, то вся Россія, купно съ правительствомъ и народомъ, состояла въ такихъ же подчиненныхъ отношеніяхъ къ другимъ странамъ. Западная Европа, уже разъ выславшая намъ «цивилизующую» дружину, продолжала надѣлять насъ цивилизаціей и послѣ. Государственная одежда, сотканная искусными руками западныхъ просвѣтителей, постепенно облекала грубое тѣло русскаго казака. Каждый успѣхъ цивилизаціи былъ въ тоже время и торжествомъ Русскаго государства надъ антигосударственными началами. Успѣхъ Русскаго государства обусловливался побѣдою надъ русскимъ народомъ! Таковы чудовищные результаты, порожденные невинною школой родоваго быта черезъ примѣненіе ея началъ къ *народному* быту древней Россіи. Многострадальный русскій народъ, тянувшій въ своихъ общинахъ тягло и, вмѣстѣ съ православными царями своими, стянувшій Русское государство, былъ противникомъ государства и какой-то «цивилизаціи». Германія, до битвы при Садовой скроенная изъ тридцати шести лоскутковъ, должна была подавать ему уроки государственной мудрости и политическаго смысла; Франція, достигшая государственнаго единства разрушеніемъ всего историческаго порядка, должна была учить его благоразумной свободѣ! Книга г. Сергѣевича рѣшаетъ этотъ вопросъ просто и ясно: государство Русское было произведеніемъ народа (вѣча) и правительства (князя). Въ 862 году народъ не представлялъ инертной массы населенія, разрозненнаго родовымъ бытомъ; призванные князья не были силою, внезапно упавшею съ неба, прекратившею хаосъ и сотворившею Русскую землю. Потребность государственнаго порядка давно уже сознавалась славянскими общинами. Причинъ призванія авторъ ищетъ въ условіяхъ самого вѣчеваго быта и тогдашняго общества.

„При равенствѣ всѣхъ слоевъ населенія,—говоритъ онъ (стр. 68),—при отсутствіи, почему бы то ни было выдающихся изъ общаго уровня родовъ, которые могли бы предъявить свои права на безспорное первенство, у насъ не представлялось возможности создать изъ своихъ собственныхъ элементовъ главу сколько-нибудь сильной правительственной власти, не возбудивъ непримиримой вражды партій. Призваніе

князей извнѣ являлось единственнымъ средствомъ установить власть, независимую отъ внутреннихъ партій".

Авторъ идетъ даже дальше. По его мнѣнію, весьма вѣроятному, призваніе 862 года не было первымъ. Варяжскіе князья издавна являлись правителями славянскихъ племенъ, удовлетворяли потребностямъ «наряда и правды», а потому изгнаніе ихъ въ 859 году произвело безпорядки въ славянскихъ общинахъ и привело къ новому и окончательному ихъ призванію. Начало этого «призванія» было и осталось коренною чертой нашего древняго быта. Въ 862 году былъ призванъ Рюрикъ съ братьями; въ теченіе слѣдующихъ за тѣмъ столѣтій призываются князья Рюриковичи. Первое призваніе

„имѣло рѣшительныя послѣдствія для всей Русской земли; оно положило начало особой породѣ людей, которые въ силу своего происхожденія отъ призваннаго князя считались способными къ отправленію высшей судебной и правительственной дѣятельности. Съ этого времени, призванія дѣлаются не изъ-за моря, а изъ среды потомковъ Рюрика, которые образуютъ особое, не смѣшивающееся съ остальнымъ населеніемъ, замкнутое и потомственное сословіе князей" (стр. 69).

Слѣдовательно, съ самаго начала русской исторіи явились элементы настоящей государственной власти, ибо существенный признакъ всякой государственной власти состоитъ именно въ томъ, что она, независимо ни отъ какихъ общественныхъ партій и элементовъ, представляетъ свою особую идею и имѣетъ свою опредѣленную цѣль. Вслѣдствіе этого авторъ далекъ и отъ теоріи господства частнаго права въ нашемъ древнемъ порядкѣ, — теоріи, столь мало принимающей въ соображеніе историческіе факты. Князь былъ представителемъ государственнаго порядка и именно для этого «порядка» призывался въ каждую волость. Подобно тому, какъ призваніе 862 г. не было первымъ призваніемъ, оно не было и послѣднимъ. Въ нашей исторіи оно имѣетъ значеніе не фикціи, подобно идеѣ договора въ теоріи Гоббеса и Руссо, но дѣйствительнаго факта, ибо непрерывно повторялось въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Начало призванія вполнѣ опредѣляетъ отношенія, существовавшія между народомъ и княземъ; то, что въ 862 году Ильменскіе Славяне сдѣлали для цѣлой Россіи, впослѣдствіи каждый городъ дѣлаетъ для себя. Каждая волость призываетъ или принимаетъ князя для правленія ею.

Итакъ, князь и призвавшій или принявшій его народъ—вотъ существенные элементы древняго государственнаго быта. Форма, въ которой проявлялась народная дѣятельность, называлась «вѣчемъ». Такъ какъ присутствіе князя въ каждой волости обусловливалось волею вѣча, то г. Сергѣевичъ начинаетъ свой трудъ съ изслѣдованія этого явленія.

Было ли вѣче всеобщею формой нашего народнаго быта? На это авторъ отвѣчаетъ извѣстіями, сохранившимися въ лѣтописяхъ относительно существованія вѣчевыхъ порядковъ въ разныхъ городахъ. Извѣстія эти раздѣ-

ляются имъ на двѣ группы; сначала онъ приводитъ извѣстія, заключающія въ себѣ прямое указаніе на вѣчевое устройство; они касаются Бѣлгорода, Владиміра Волынскаго, Берестья, Рязани, Мурома, Пронска, Смоленска, Галича, Полоцка, Друческа, Чернигова, Курска, Стародуба, Ростова, Суздаля, Владиміра на Клязьмѣ, Переяславля, Москвы, Твери, Ярославля, Костромы, Нижняго Новгорода и Брянска. Затѣмъ слѣдуютъ тѣ мѣста лѣтописей, въ которыхъ, хотя и не употреблено слово «вѣче», но имѣется косвенное указаніе на участіе народа въ общественныхъ дѣлахъ. «Часто, говоритъ авторъ, все извѣстіе лѣтописи заключается въ одномъ словѣ; горожане такого-то города «предались» князю, или «затворились» отъ князя или Половцевъ, или «бились» за князя, или «вышли на встрѣчу» князю» (стр. 15). Во всѣхъ этихъ случаяхъ ясно проявляется воля вѣча по тѣмъ или другимъ общественнымъ вопросамъ. Такія извѣстія сохранились для двадцати трехъ городовъ.

На основаніи такихъ фактовъ можно, конечно, сказать, что вѣчевой бытъ былъ всеобщимъ въ древней Россіи. Вся разница между городами заключалась только въ степени развитія и формѣ проявленія этого быта. Въ однихъ городахъ вѣче было верховною властью и дѣйствовало постоянно, въ другихъ проявлялось лишь въ чрезвычайныхъ случаяхъ; право же вѣчевыхъ собраній было для всѣхъ городовъ одинаково. Но *всеобщность* явленій, и притомъ всеобщность, далеко не одинаковая относительно его постоянства и формы, далеко не доказываетъ *необходимости* этого явленія. Между тѣмъ авторъ дѣлаетъ заключеніе, которое лишь на первый взглядъ кажется логическимъ. «Вѣчевой бытъ, говоритъ онъ (стр. 20), былъ явленіемъ необходимымъ въ древней Россіи, а потому всеобщимъ». Это положеніе было бы правильно, еслибъ авторъ началъ съ доказательства необходимости вѣча, и то до нѣкоторой степени, потому что весьма часто народъ не имѣетъ того, что ему необходимо. Между тѣмъ, авторъ началъ съ доказательствъ всеобщности вѣча, а о необходимости его сдѣлалъ лишь нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній, которыя, какъ увидимъ ниже, не вполнѣ подтверждаются нашею исторіей. Почему же вѣче было необходимо? По мнѣнію автора, потому, что князь былъ въ волости лицо призванное, не связанное съ нею органически; у него не было въ распоряженіи правительственнаго организма, независимаго отъ народа.

«Эта слабость собственныхъ силъ князя, говоритъ г. Сергѣевичъ (стр. 20), естественно заставляла его искать опоры въ согласіи съ народомъ, выдвигала народъ на первый планъ. Хотя вѣче и не было создано княземъ, но онъ долженъ былъ обращаться къ нему».

И только. Намъ кажется, что такая «необходимость» есть лишь *условіе*, при которомъ *могли* развиться вѣчевые порядки и которое давало значеніе вѣчу. Но необходимость вѣча заключалась въ организаціи древне-русскаго

общества. Эта организація составляла *внутреннюю* необходимость вѣчевыхъ порядковъ, эту самую дѣйствительную изъ всѣхъ необходимостей. Авторъ самъ очень мѣтко указалъ на связь призваннаго князя съ организаціей города и волости. Безъ анализа организаціи древняго общества нѣтъ возможности понять и вѣче.

У автора имѣется такое изслѣдованіе о составѣ древняго общества (стр. 31 и слѣд.). Нельзя не согласиться, что это изслѣдованіе ведено весьма хорошо. Мы позволимъ себѣ даже передать здѣсь выводы г. Сергѣевича относительно этого предмета.

Все населеніе древней «волости» состоитъ изъ равноправныхъ домохозяевъ, которые не раздѣлены еще на сословія или «чины» Московскаго государства. «Древняя Россія не знала сословій... Населеніе представляетъ единообразную массу, разные слои которой отличались одинъ отъ другаго достоинствомъ, а не правами» (стр. 31). Различія по занятіямъ не существуетъ: отъ князя до послѣдняго свободнаго человѣка, всякій можетъ быть воиномъ, имѣть поземельную собственность, заниматься торговлею, промыслами. Каждый имѣетъ право на все; по одному удалось больше, чѣмъ другому, а потому онъ и выдѣляется, какъ человѣкъ «лучшій»; кто остался позади всѣхъ, характеризуется эпитетомъ «меньшаго» человѣка. Различіе этихъ слоевъ, какъ фактическое, не было наслѣдственно. Замкнутыхъ корпорацій, подобно сословіямъ западной Европы, не было. Кто былъ сегодня «меньшимъ» человѣкомъ, завтра могъ попасть въ разрядъ «лучшихъ» людей. Даже служилые люди, какъ земскіе, не выдѣлялись изъ состава населенія волости. Они выдѣлялись изъ него лишь временно, когда поступали на службу. При смѣнѣ князя и появленіи новаго съ своими служилыми людьми, они снова смѣшиваются съ населеніемъ волости. Результатомъ такого состоянія общества, по нашему мнѣнію, были слѣдующіе факты: a) Въ средѣ его не могло образоваться особаго правительственнаго класса, въ силу своихъ особыхъ правъ предназначеннаго для управленія общественными дѣлами; всѣ свободные люди были полноправными членами общества и имѣли равное право участія въ общественныхъ дѣлахъ. b) Не было лицъ или класса лицъ, заслонявшихъ другихъ отъ верховной власти. Между тѣмъ какъ въ западной Европѣ феодалы первой степени одни были непосредственными подданными короля и заслоняли отъ него вассаловъ второй степени, вассалы второй степени — вассаловъ третьей, а вся масса землевладѣльцевъ заслоняла собою низшее народонаселеніе, — въ Россіи каждый свободный «человѣкъ» имѣлъ дѣло съ государственною властью, участвовалъ въ призваніи князя и «рядѣ» съ нимъ. Единственное ограниченіе правъ свободныхъ лицъ, приводимое авторомъ, заключалось въ отеческой власти: «при жизни отцовъ, дѣти не участвовали въ народныхъ собраніяхъ» (стр. 43). Затѣмъ, каждый «домохозяинъ», то-есть, самостоятельный глава семьи, былъ членомъ вѣча.

Другими словами, въ древне-русскомъ обществѣ была возможна только непосредственная демократія.

«Народъ, говоритъ Сергѣевичъ (стр. 52), участвуетъ въ общественныхъ дѣлахъ не по призванію князя, который самъ призванъ вѣчемъ, а въ силу присущаго каждому мужу права устраивать «свои» собственныя дѣла, изъ которыхъ еще не выдѣлились общественныя, какъ нѣчто особое, живущее своей самостоятельною жизнью».

Отсюда сами собою вытекаютъ слѣдующіе признаки вѣчеваго быта. Во-первыхъ, такъ какъ право участія въ народныхъ собраніяхъ есть *личное* право каждаго, то народъ является для обсужденія общественныхъ дѣлъ поголовно, а не чрезъ представителей. Во-вторыхъ, въ собраніи каждый отдѣльный членъ дѣйствуетъ только отъ своего имени, представляетъ только себя; поэтому рѣшеніе можетъ составиться только при согласіи *всѣхъ*; если этого согласія нѣтъ, собраніе распадается на части. Третій выводъ, по нашему мнѣнію, только условно связанъ съ предъидущими; онъ состоитъ въ томъ, что народъ въ такомъ собраніи не ограниченъ въ предметахъ своего разсужденія; онъ обсуждаетъ какіе хочетъ вопросы и самъ приводитъ въ исполненіе свои рѣшенія. Этотъ выводъ обусловливается именно смѣшеніемъ общественныхъ дѣлъ съ «собственными дѣлами» каждаго мужа. По мѣрѣ того какъ общественныя дѣла начали выдѣляться изъ другихъ, самое право народнаго собранія должно было ограничиться.

Опредѣливъ такимъ образомъ условія нашего вѣчеваго быта, авторъ приступаетъ къ изслѣдованію его формъ, тѣсно связанныхъ съ вышеозначенными условіями. Изъ этого видно, что всѣ вышеозначенные факты приведены г. Сергѣевичемъ исключительно для объясненія формъ вѣчеваго управленія, которыя и объяснены имъ съ рѣдкою добросовѣстностью и большимъ талантомъ. Но мы позволимъ себѣ не пойдти дальше за авторомъ, а остановиться на этихъ фактахъ и сдѣлать *для себя* нѣкоторые выводы. Можетъ быть, и автору было бы полезно ихъ сдѣлать самому.

Во-первыхъ, вѣче само по себѣ есть форма *собраній* народныхъ, но не есть форма *быта* народнаго. Сказать, что элементы непосредственной демократіи въ древней Россіи выражались въ вѣчевомъ устройствѣ, значитъ сказать половину. Съ такимъ же основаніемъ можно сказать, что сходка есть форма нашего крестьянскаго быта. Сходка, собраніе, есть форма, проявленія этого быта, но не самый бытъ. Для того чтобы вполнѣ выяснить значеніе вѣчеваго порядка, нельзя останавливаться на однихъ *личныхъ* правахъ членовъ русскаго общества. Въ отношеніи своихъ личныхъ правъ древній русскій народъ имѣетъ сходство со многими другими древними и современными народами. Непосредственная демократія не есть исключительное произведеніе древней русской жизни. Начала ея въ самыхъ разнообразныхъ формахъ проявлялись у различныхъ народовъ. Условія, дѣлавшія изъ вѣча

явленіе *русской* жизни, заключались не въ началахъ личной свободы и не въ слабости княжеской власти, какъ говоритъ авторъ (стр. 52), а въ формѣ общественнаго быта. *Личной* свободѣ, индивидуализму, можетъ соотвѣтствовать и централизація, и народное представительство, и муниципія и корпораціи; слабость правительства можетъ породить и феодализмъ, и рабство, и мало ли еще что. Вѣче соотвѣтствуетъ не личной свободѣ, а общинному быту. Поэтому оно было выраженіемъ не личной, а общественной свободы, было правомъ не каждаго лица, а цѣлой *общины*. Между тѣмъ авторъ вовсе не останавливается на этомъ крупнѣйшемъ фактѣ нашей исторіи. Отъ этого *вѣче* не имѣетъ у него никакой прочной основы. Отъ этого проистекаетъ и неясность его представленія объ отношеніяхъ князя и народа, о правахъ вѣча и предметахъ его дѣятельности, и т. д. Вѣчевыя собранія были правомъ не личности, а общины. Поэтому съ общины и слѣдовало автору начать свое изслѣдованіе. Между тѣмъ онъ открываетъ свое разсужденіе объ устройствѣ вѣчевыхъ собраній съ волости, которую отождествляетъ съ княженіемъ (стр. 23 и слѣд.). Мы не намѣрены здѣсь спорить о томъ, соотвѣтствовала или не соотвѣтствовала волость княженію. Это другой вопросъ, для насъ безразличный. Существенный же вопросъ заключается въ томъ, чѣмъ опредѣлялся объемъ волости и княженія, которыя составляли, какъ говоритъ авторъ (стр. 25), округъ вѣчевыхъ собраній. Прежде чѣмъ разрѣшить этотъ вопросъ, необходимо указать еще на одинъ важный фактъ. Волость въ древней Россіи означала обыкновенно цѣлую область; затѣмъ слово это прилагалось къ мелкому дѣленію, къ административной единицѣ. Въ послѣднемъ смыслѣ оно сохранилось и въ Московскій періодъ. По мнѣнію автора (на стр. 337), слово «волость» постепенно перестаетъ употребляться для означенія цѣлаго княженія съ XIV вѣка, и за нимъ осталось исключительно значеніе составныхъ частей удѣла или княжества. Причина этого, очевидно, заключается въ томъ, что съ XIV вѣка всѣ области постепенно входятъ въ составъ Московскаго государства и перестаютъ быть самостоятельными волостями, имѣть отдѣльное политическое существованіе. Волость, въ смыслѣ политическаго термина, исчезаетъ; остается лишь волость административная. Итакъ, для того чтобы область была *волостью*, она необходимо должна была имѣть свое отдѣльное правительство. Самостоятельнымъ политическимъ существованіемъ и особымъ правительствомъ обусловливалось и превращеніе извѣстной страны въ волость. Авторъ устраняетъ всѣ другія причины образованія волостей, кромѣ политическихъ. «На основаніи источниковъ, говоритъ онъ, можно только утверждать, что племенное различіе не имѣло рѣшительнаго вліянія на образованіе волости» (стр. 29). Многія племена соединялись въ одну волость, а другія распадаются на нѣсколько волостей. Г. Сергѣевичъ могъ бы выразиться даже рѣшительнѣе, ибо этотъ вопросъ, сколько намъ кажется, уже окончательно рѣшенъ г. Соловьевымъ. Раздѣленію Россіи

«по племенамъ» первоначально соотвѣтствовалъ другой терминъ — *земля*. Термины «земля» и «волость» совершенно различны. Была, напримѣръ, Древлянская земля, но не было Древлянской волости; земля Полянъ не тождественна съ Кіевскою волостью и т. д. Волость, слѣдовательно, означала округъ, подчиненный той или другой политической власти. Возникаетъ вопросъ: какою властью опредѣлялся объемъ волости, властью ли князя, или чѣмъ-нибудь инымъ? Если бы подъ именемъ волости разумѣлась территорія, принадлежащая одному княжескому роду или одной княжеской линіи, то пришлось бы признать осѣдлость князей; но ея въ древней Россіи рѣшительно не было. Князья мѣняли столы, волости мѣняли князей; послѣдніе вообще не имѣли постоянной связи съ княжествомъ. Князья призывались волостями, которыя и давали имъ власть надъ территоріей, имъ самимъ принадлежавшею. Объемъ волости зависѣлъ, слѣдовательно, отъ пространства владѣній того города или тѣхъ городовъ, куда князь былъ призванъ. Князь не могъ образовать своей волости ни путемъ наслѣдства, ни путемъ завоеванія; онъ получалъ власть не самъ собою, а чрезъ города, и получалъ ее на столько, на сколько имѣли ее послѣдніе. Поэтому волость есть прежде всего округъ общины. Это значеніе ея сохраняется во всей русской исторіи. Если община имѣла политическое значеніе, то и волость означала *княженіе*, политическій округъ; въ противномъ случаѣ она означала подраздѣленіе самостоятельнаго княженія, административный округъ, волость Московскую. Хотя авторъ не указываетъ прямо на то же значеніе волости, но оно прямо вытекаетъ изъ всѣхъ историческихъ фактовъ, имъ же приводимыхъ. Волость состояла изъ города, изъ пригородовъ и волостей, тянувшихъ къ городу и пригородамъ. Это была цѣпь общинъ, связанныхъ между собою іерархическими отношеніями. Города были *старшими* общинами, за ними села, слободы, деревни, починки, соединявшіеся въ волости. Они составляли одно цѣлое, призывавшее князя. Еслибъ авторъ остановился на этой общинной основѣ волостнаго дѣленія, онъ могъ бы съ большею ясностію изложить значеніе вѣчевыхъ порядковъ для волости, отношеніе волости къ князю и т. д.

Прежде всего представляется вопросъ, на сколько волость составляла одно политическое цѣлое. Еслибъ единство волости опредѣлялось тѣмъ, что она была однимъ «княженіемъ», то-есть, принадлежала одному князю, то вопросъ и могъ бы быть разрѣшенъ весьма скоро и удовлетворительно. Но дѣло въ томъ, что волость могла составлять одно цѣлое при строгомъ соблюденіи іерархическихъ отношеній между городомъ, пригородами и волостями. «Волость, — говоритъ авторъ (стр. 25), — составлявшая народное собраніе, есть ничто иное, какъ отдѣльное княженіе, въ составъ котораго входило обыкновенно нѣсколько различныхъ по своему значенію пунктовъ поселенія». Въ силу чего же входили эти различные пункты въ составъ волости? Чѣмъ

обусловливалось и въ чемъ выражалось различное ихъ значеніе? Волости не были завоеванною территоріей. Города и пригороды входили въ составъ волости, пока они не могли составить своей особой волости. Различное значеніе этихъ пунктовъ обусловливалось ихъ фактическимъ преобладаніемъ или зависимостью другъ отъ друга. Единство волости въ принципѣ зависѣло отъ согласія и единодушія всѣхъ ея городовъ, на практикѣ отъ силы главнаго города. Лѣтописецъ, характеризуя порядокъ вѣчевыхъ собраній, говоритъ: «Новгородци бо изначала, и Смольняне, и Кіяне, и Полочане и вся власти якоже на думу на вѣча сходятся, на что же старѣйшіи сдумаютъ, на томъ же пригороды стануть». Если пригороды не хотѣли стать на «томъ же», волости угрожало междуусобіе; если они вовсе не хотѣли и *могли* вовсе не думать съ старшимъ городомъ, волость распадалась. Итакъ, положеніе г. Сергѣевича, что волость была округомъ вѣчевыхъ собраній, можно принять только съ большими ограниченіями. Прочитывая четвертую главу его сочиненія, объ отношеніи городовъ къ пригородамъ (стр 86 и слѣд.), нельзя не убѣдиться, что авторъ располагалъ всѣмъ матеріаломъ для выясненія всей шаткости волостныхъ отношеній. Но увлекаясь своимъ «догматическимъ изложеніемъ съ историческими примѣрами», онъ употребилъ этотъ матеріалъ для выясненія формы вѣчевыхъ собраній больше, чѣмъ для выясненія важнаго вопроса, указаннаго выше.

Отношенія между городами и пригородами не могли быть особенно прочными, такъ какъ пригороды не были завоеванными волостями городовъ. Пригороды обязаны своимъ происхожденіемъ не завоевательнымъ стремленіямъ главной волости, а по большей части ея колонизаціонному движенію. Авторъ ищетъ причины возникновенія пригородовъ въ разбросанности поземельной собственности горожанъ главнаго города. «Раскинутость поземельной собственности горожанъ далеко за чертой города дѣлала необходимымъ учрежденіе пригородовъ» (стр. 27). Намъ кажется, что это положеніе можетъ быть нѣсколько расширено. Пригороды строились въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не было поземельной собственности у горожанъ. Новгородская волость была чрезвычайно обширна, пригороды ея шли далеко на востокъ и на сѣверъ, и трудно предположить, чтобъ они возникали исключительно отъ того, что въ тѣхъ мѣстахъ у Новгородцевъ была поземельная собственность. Г. Сергѣевичъ слишкомъ мало остановился на значеніи русской колонизаціи, которая многое можетъ объяснить въ происхожденіи городовъ и волостей. Вся іерархія нашихъ поселеній какъ бы коренится въ этомъ колонизаціонномъ началѣ. Починокъ, деревня, село, слобода, пригородъ, городъ, вотъ ступени, по которымъ проходило почти каждое поселеніе. Естественно, что мѣсто каждаго поселенія въ этой «лѣствицѣ» не было опредѣлено разъ навсегда. Поселеніе было пригородомъ, пока само не могло стать городомъ; оно входило въ составъ волости, пока не было достаточно сильно, чтобы самому

составить волость. Примѣры этого въ нашей исторіи безчисленны. Псковъ, пригородъ Новгорода, составляетъ особую волость, когда силы позволили ему призвать особаго отъ Новгорода князя; Владиміръ, пригородъ Ростовской волости, получилъ самостоятельное въ ней значеніе. Это факты наболѣе извѣстные; имъ соотвѣтствуетъ множество другихъ; всѣ они доказываютъ лишь то, что волости не имѣли постояннаго значенія, такъ какъ отношенія между городами и пригородами не могли быть постоянно одни и тѣ же. Какъ только городъ подымался до значенія самостоятельной политической власти, онъ могъ призвать себѣ особаго князя. Этимъ обстоятельствомъ лучше всего, сколько намъ кажется, объясняется, съ одной стороны, порядокъ замѣщенія волостей, съ другой,—причина политическаго раздробленія Россіи.

Авторъ (на стр. 273) говоритъ, что «русскія волости не составляли наслѣдственнаго владѣнія Рюриковичей. Согласно этому, княжеская Россія не знаетъ законнаго порядка въ преемствѣ столовъ: столы не наслѣдовались, а добывались». Это положеніе оправдывается почти всѣми фактами нашей древней исторіи. Но намъ кажется, что авторъ недостаточно объяснилъ причины этого явленія. Нельзя не признать важной заслуги автора въ томъ, что онъ отвергъ объясненіе, нѣкогда господствовавшее въ учебникахъ исторіи, что причина раздробленія Россіи заключалась въ правѣ каждаго сына на равную долю въ наслѣдствѣ своего отца, и что затѣмъ заслуга Московскихъ государей состояла въ томъ измѣненіи законовъ о наслѣдствѣ, которое утвердило собою единство Россіи. Авторъ отвергъ идею наслѣдованія престоловъ и съ горячностію новатора отрицаетъ ее вездѣ. По нашему мнѣнію, это слишкомъ поспѣшно, да при томъ и безполезно. Причина того, что престолы «не наслѣдовались, а добывались», могла заключаться или въ томъ, что въ самомъ родѣ князей русскихъ не выработались еще понятія о наслѣдствѣ, или въ томъ, что каждая волость имѣла право призывать себѣ князя, «который ей любъ», или наконецъ, въ томъ и другомъ обстоятельствѣ одинаково. Авторъ посвятилъ слишкомъ много страницъ своей диссертаціи для доказательства того, что въ родѣ князей не было никакихъ понятій о правильномъ преемствѣ престола (стр. 156 — 273 по большей части посвящены этому вопросу, затѣмъ спеціально трактуется о немъ же на стр. 286 — 327). Приложеніе къ VI главѣ (о родовомъ бытѣ князей) прямо направлено противъ теоріи г. Соловьева. Мы не видимъ, почему князья не могли имѣть особыхъ правилъ о наслѣдованіи престоловъ,—правилъ, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ противорѣчили понятіямъ народа и практикѣ самихъ князей. Теорія г. Соловьева очень проста и мало походитъ на вымышленную теорію. Она заключается въ слѣдующемъ: всѣ волости представляютъ іерархическую «лѣствицу» въ отношеніи старшинства и достоинства ихъ главныхъ городовъ. Былъ старшій столъ—Кіевскій, затѣмъ слѣдо-

вали Черниговскій, Переяславскій и т. д. Кіевскій столъ долженъ былъ замѣщаться старшимъ братомъ, второй — слѣдующимъ за нимъ. На старшій столъ князья переходили постепенно. Послѣ смерти Кіевскаго князя, его мѣсто занималъ слѣдующій за нимъ братъ и князь старшей затѣмъ волости, въ эту же волость передвигался князь третьей по достоинству волости и т. д. Такимъ образомъ каждый братъ постепенно переходилъ въ старшіе князья и достигалъ Кіевскаго стола «лѣствичнымъ восхожденіемъ», какъ говоритъ г. Соловьевъ и Никоновская лѣтопись. Что этотъ порядокъ существовалъ въ понятіяхъ князей, доказывается распредѣленіемъ столовъ послѣ смерти Ярослава Мудраго и тѣмъ, что впослѣдствіи каждый князь, считавшій себя старшимъ братомъ, предъявлялъ свои права на Кіевскій столъ. «Племянники» могли занимать его только фактически, силою, а не по праву. Изяславъ Кіевскій, знаменитый «племянникъ» и противникъ Юрія Владиміровича Долгорукаго, для того чтобы крѣпче держаться въ Кіевѣ и оградиться отъ притязаній Юрія, призвалъ старшаго брата его Вячеслава и прикрылся его правами. Это нисколько не противорѣчитъ тому, что порядокъ, считавшійся законнымъ, сначала слабо, а потомъ вовсе не примѣнялся къ государственной практикѣ. Слабость и несостоятельность такого порядка г. Соловьевъ доказалъ лучше, чѣмъ кто нибудь другой. Законъ былъ несостоятеленъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ его не было вовсе. Мало ли мы видимъ слабыхъ, но существующихъ законовъ? Г. Сергѣевичъ говоритъ, что теорія «лѣствичнаго восхожденія» основана на свидѣтельствѣ Никоновской лѣтописи, и что все это свидѣтельство есть *сочиненіе* позднѣйшаго составителя лѣтописи (стр. 302). Всякій, кто читалъ исторію г. Соловьева, припомнитъ, что почтенный нашъ историкъ строитъ свою теорію не на основаніи одного этого мѣста Никоновской лѣтописи. Онъ приводитъ его потому, что въ немъ дѣйствительно хорошо сформулировано правило, которымъ, по мнѣнію г. Соловьева, опредѣлялось наслѣдованіе престоловъ. Онъ видитъ примѣненіе этого закона во многихъ фактахъ нашей исторіи, независимо отъ словъ лѣтописи. Мы не видимъ, далѣе, почему бы составителю Никоновской лѣтописи нужно было «сочинять» подобныя мѣста? Сравненіе свидѣтельства Никоновской лѣтописи съ такимъ же Ипатьевской не доказываетъ ничего особеннаго. Существенный вопросъ заключается въ томъ, считался ли указанный порядокъ преемства престоловъ правиломъ въ родѣ русскомъ княжескомъ и соблюдался ли онъ? На основаніи многихъ фактовъ мы полагаемъ, что понятіе о такомъ порядкѣ существовало, и что онъ примѣнялся каждый разъ, когда это было возможно. Авторъ не станетъ отрицать, что князья Рюриковичи составляли одинъ родъ, связанный преданіями общаго происхожденія и до нѣкоторой степени единствомъ интересовъ; если существовалъ родъ, то существовали и правила, опредѣлявшія отношенія членовъ этого рода между собою. Г. Соловьевъ выставилъ свою теорію. Его противъ-

никп не выставили никакой. Между тѣмъ эта теорія — самая естественная и наиболѣе подходящая къ фактамъ исторіи Рюриковичей. Не вдаваясь даже въ мелочныя подробности, недоступныя объему нашей статьи, мы обратимъ вниманіе автора на то, что какъ бы ни читать повѣствованія о междуусобіяхъ нашихъ князей, все-таки придется сказать, что въ большинствѣ случаевъ это споръ *старшихъ* съ *младшими*. Во имя чего же старшіе защищаютъ свои права? Право старшинства для дядей, братьевъ княжескаго рода, всегда было правомъ, противъ котораго племянники могли выступить только во имя одного фактическаго преобладанія. Станетъ ли авторъ отрицать, что самый старшій столъ, Кіевскій, по правилу, долженъ былъ занимать самый старшій князь? Гдѣ объясненія того непреодолимаго стремленія быть старшимъ, Кіевскимъ княземъ, изъ-за котораго многіе князья сложили свои головы? Мало того: благодаря своему увлеченію, авторъ какъ бы отрицаетъ существованіе Кіевскаго великаго князя, что можетъ повести къ весьма страшнымъ результатамъ. Мы возвратимся къ этому предмету, говоря о значеніи князей. Теперь же ограничимся общимъ замѣчаніемъ, что теорія г. Соловьева утратитъ свое значеніе только тогда, когда его противники выработаютъ свою, болѣе удовлетворительную. Г. Сергѣевичъ думаетъ замѣнить ее теоріей *добыванія* волостей. Добываніе волостей было фактомъ болѣе или менѣе всеобщимъ, но все-таки только фактомъ. Лучше сказать, оно было однимъ изъ фактовъ, не давшихъ установиться правильному порядку преемства престоловъ.

Начало «лѣствичнаго восхожденія» оказалось несостоятельнымъ по многимъ причинамъ. Одинѣ изъ нихъ заключались въ самой организаціи рода князей нашихъ, другія вытекали изъ вѣчевыхъ порядковъ. Причины перваго рода состоятъ въ томъ, что при размноженіи Рюриковичей трудно уже было установить критерій старшинства; отыскать въ данную минуту старшаго князя было почти невозможно. Отсюда *добываніе* старшинства силою. Далѣе, рядомъ съ лѣствичнымъ восхожденіемъ, наслѣдованіемъ брата послѣ брата, постепенно развивается понятіе объ *отчинѣ*, о наслѣдованіи сына послѣ отца. Особенно сильное развитіе получило это начало въ сѣверо-восточной Россіи, гдѣ оно подавило всѣ другія. Такъ, главное правило, дѣйствовавшее въ родѣ князей, не могло примѣняться безъ большаго затрудненія, и, кромѣ того, встрѣтилось еще съ другимъ началомъ, постепенно выработавшимся среди тѣхъ же князей. Конечно, всего болѣе ограниченій это начало встрѣтило въ вѣчевыхъ порядкахъ, въ началѣ «призванія», которое проходитъ чрезъ всю нашу древнюю исторію. Г. Сергѣевичу принадлежитъ честь точнаго и научнаго выясненія этого факта. Начало призванія противорѣчитъ началу наслѣдованія. Первое было началомъ народнымъ, второе княжескимъ. Народъ не признавалъ права наслѣдованія престоловъ. Каждый

князь, съ народной точки зрѣнія, былъ княземъ, призваннымъ или признаннымъ народомъ.

«Переходъ княжескихъ столовъ, говоритъ авторъ, въ томъ порядкѣ, въ которомъ шло наслѣдованіе частной собственности отъ отца къ сыну, отъ брата къ брату, не только не былъ обыкновеннымъ порядкомъ преемства столовъ, но въ сознаніи народа представлялся чѣмъ-то неумѣстнымъ и обиднымъ».

Напримѣръ, въ 1146 году Кіевляне призвали Изяслава Мстиславича вопреки тому, что цѣловали крестъ Всеволоду Ольговичу и обѣщали ему, по смерти его, посадить брата его Игоря. Нарушеніе этой клятвы они мотивируютъ такъ: «Не хощемъ быти, аки въ задничи» (въ наслѣдствѣ). Сынъ каждаго князя, оставаясь на отцовскомъ столѣ, входитъ въ новое соглашеніе съ народомъ. Князья, желая укрѣпить за сыномъ свой столъ, входятъ въ соглашеніе съ народомъ и приводятъ народъ ко кресту. Всеволодъ Юрьевичъ въ 1211 году привелъ ко кресту всѣхъ Владимірцевъ на меньшемъ своемъ сынѣ Юріѣ. Всеволодъ Ольговичъ въ 1146 году, чувствуя приближеніе смерти, призвалъ Кіевлянъ и говорилъ имъ: «азъ есьмь вельми боленъ, а вотъ вамъ братъ мой, Игорь, имитесь понь. Они же рѣкоша: княже, ради ся имемь». Если князь не успѣвалъ сдѣлать этого при жизни, договаривался съ народомъ его сынъ. Въ 1213 году Ярославъ Всеволодовичъ, получивъ, по завѣщанію отца своего, Переяславскій столъ, пріѣхалъ въ Переяславль, собралъ народъ, передалъ имъ содержаніе воли отца и спросилъ: «да рците ми, братіе, аще хощете мя имѣти собѣ, якоже имѣсте отца моего, и головы своя за мя сложите». Переяславцы отвѣчали: «вельми, господине, тако буди, ты намъ господинъ, ты Всеволодъ». Юрій Владиміровичъ Долгорукій, желая передать по смерти свой столъ меньшимъ сыновьямъ, мимо старшихъ, еще при жизни своей получилъ на это согласіе жителей Ростовской волости и закрѣпилъ его крестнымъ цѣлованіемъ. Послѣ его смерти народъ отступился отъ него, и княземъ сдѣлался Андрей Боголюбскій. Лѣтописецъ разсказываетъ это дѣло такъ: «Сдумавши Ростовци и Суздальцы и Володемирци вси, пояша Андрея сына Юрьева старѣйшаго и посадиша и на отчемъ столѣ,.... зане бѣ прелюбимъ всѣми за премногую его добродѣтель, юже имѣяше прежде къ Богу и всѣмъ сущимъ подъ нимъ» (стр. 70—75, 302).

На основаніи этихъ и другихъ подобныхъ фактовъ авторъ весьма логически строитъ свою теорію призванія князей, которая главнымъ образомъ служитъ основою теоріи добыванія престоловъ. Должно согласиться, что авторъ доводитъ свою мысль до конца. Не смотря однако на все это множество фактовъ, нельзя не видѣть другихъ, указанныхъ г. Соловьевымъ. Самъ авторъ указываетъ на призваніе какъ на начало *народное*, дѣйствующее рядомъ и нерѣдко въ противоположность другому, *княжескому*. Напримѣръ, на стр. 70 онъ говоритъ: «Народъ осуществляетъ свое право призва-

нія, не смотря ни на *взаимныя соглашенія князей, установляющихъ между собою тотъ или другой порядокъ преемства волостей*, ни на ихъ частныя распоряженія». Слѣдовательно, замѣщеніе столовъ опредѣлялось двумя началами; но, конечно, ни одно изъ нихъ не могло дойдти до полнаго господства и совершенно уничтожить другое. Народное начало не могло устранить княжескаго и наоборотъ. Г. Сергѣевичъ тѣмъ отличается отъ г. Соловьева, что послѣдній признаетъ одно общее начало, но видитъ, что оно не могло получить никакого развитія въ государственной жизни, изъ которой только постепенно долженъ былъ выработаться правильный порядокъ; а первый видитъ во всемъ преобладаніе только одного начала, достаточно сильнаго, чтобъ организовать цѣлый государственный бытъ; между тѣмъ ему не слѣдовало бы забывать, что политическій бытъ временъ Рюриковичей былъ только зародышемъ государства, а не государствомъ, жолудемъ, а не дубомъ. Если бы въ его книгѣ, рядомъ съ прекраснымъ догматическимъ изложеніемъ началъ древне-русскаго государственнаго устройства, было обращено вниманіе и на начало историческаго движенія, онъ, очевидно, пришелъ бы къ другимъ результатамъ. При догматическомъ характерѣ изложенія, онъ, очевидно, долженъ былъ остановиться на одномъ началѣ, въ данную минуту имѣвшемъ болѣе всего вліянія на государственное устройство; всѣ же другія онъ могъ обойдти, подобно тому, какъ обойдены имъ всѣ «начатки новаго порядка вещей». Но если смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія историческаго движенія, становится ясно, что въ древней Россіи, при общей неразвитости государственнаго устройства, не можетъ быть рѣчи объ одномъ преобладающемъ началѣ, а должно предполагать борьбу различныхъ, часто противоположныхъ началъ, изъ которыхъ ни одно не можетъ развиться до конца, но за то задерживаетъ развитіе другихъ. Уже впослѣдствіи одно какое-нибудь начало беретъ верхъ и является основою государственнаго устройства. Съ какой бы точки зрѣнія мы ни смотрѣли на нашу исторію, все же нельзя отрицать того *факта*, что начало наслѣдованія дѣйствовало въ древней Россіи рядомъ съ началомъ призванія. Наслѣдованіе было началомъ родовымъ, княжескимъ, и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи привело къ единству Россіи; начало призванія было началомъ народнымъ, вѣчевымъ, и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи могло бы привести къ полному раздробленію Россіи. Оба эти начала еще должны были сразиться между собою, когда центръ государственной жизни перенесся съ юга на сѣверъ. Фактъ «добыванія» столовъ обусловливался силою вѣчевыхъ началъ и слабостью княжескихъ. Лучше сказать, народныя начала имѣли для него положительное значеніе, княжескія—отрицательное. Между тѣмъ г. Сергѣевичъ въ своей теоріи «добыванія» даетъ одинаковое значеніе тому и другому. По нашему мнѣнію, возможность добыванія столовъ тѣсно связана съ началомъ «призванія» князей; добываніе прекращается тотчасъ, какъ исчезаютъ

у насъ призванные князья, и являются прирожденные, обезпеченные правомъ наслѣдованія. Когда отрицательныя условія, препятствовавшія развитію княжескаго начала въ древней Россіи (смутныя понятія о старшинствѣ, борьба вотчинныхъ понятій съ началомъ родоваго старшинства, многочисленность князей, обусловливавшая возможность постояннаго призванія и изгнанія ихъ), исчезаетъ, — исчезаетъ и призваніе князей, и тѣсно связанное съ нимъ «добываніе», какъ средство замѣщенія столовъ.

«Добываніе» было тѣсно связано съ правомъ каждой волости имѣть своего князя, ею призваннаго или признаннаго. Право это было не волостнымъ вообще, а скорѣе общиннымъ; ибо волостью называлась сумма общинъ, связанныхъ между собою іерархическими отношеніями и находящихся въ общемъ подчиненіи главной общинѣ, старшему городу. Каждая община могла, въ свою очередь, стать волостью и призвать къ себѣ князя, что обусловливалось и многочисленностью князей, между которыми всегда можно было найдти охотника на новый столъ. Не станемъ здѣсь изучать послѣдствій такого порядка вещей. Это будетъ сдѣлано ниже. Послѣдуемъ за авторомъ въ его изслѣдованіи отношеній между двумя элементами нашего древняго политическаго быта, княземъ и вѣчемъ.

II.

Отношенія князя и волости.

Книга г. Сергѣевича даетъ общую формулу для объясненія этихъ отношеній: волость призывала князя для управленія и суда. Итакъ, съ одной стороны, мы видимъ народъ, призвавшій князя для управленія и суда, а съ другой, — князя, который управлялъ и судилъ. Эта формула можетъ быть хорошею исходною точкой изслѣдованія, но нуждается еще въ подробномъ примѣненіи ея ко всѣмъ сторонамъ нашего древняго государственнаго быта. Первый вопросъ, вызываемый этою формулой, заключается въ слѣдующемъ: сохранялъ ли народъ, призвавшій князя, какое-нибудь вліяніе на управленіе, или все его участіе въ политическихъ дѣлахъ ограничивалось признаніемъ, призваніемъ и изгнаніемъ князя?

Много есть основаній предположить, что г. Сергѣевичъ склоняется къ послѣднему мнѣнію. Мы дѣлаемъ такое предположеніе, потому что самъ авторъ высказывается довольно неопредѣленно. На стр. 66 онъ говоритъ, что вѣче, *какъ основная форма быта*, вѣдаетъ все, кромѣ тѣхъ предметовъ, которые передаются въ исключительное завѣдываніе князей; къ предметамъ же послѣдняго рода относятся управленіе и судъ. На стр. 67 читаемъ:

«Вѣчевой формы не было достаточно ни для огражденія предѣловъ отъ хищническихъ набѣговъ воинственныхъ сосѣдей, ни для внутренняго управленія и суда.

Народъ собирается для совѣщаній, но эти собранія не составляютъ сколько-нибудь удовлетворительнаго органа для постояннаго дѣйствія: *самоуправленіе не въ средствахъ вѣча*».

Изъ этихъ двухъ положеній трудно вывести какой-нибудь общій результатъ. На первый разъ можно только сказать, что вѣче дѣйствовало только по важнѣйшимъ вопросамъ государственнаго управленія. Въ самомъ дѣлѣ, оба противорѣчивыя мнѣнія автора сходятся въ одномъ, въ томъ именно, что вѣче отдавало въ исключительное завѣдываніе князя управленіе (лучше сказать администрацію) и судъ, и что самоуправленіе не было въ средствахъ вѣча. То же доказываетъ и изложеніе предметовъ вѣдомства вѣча, дѣлаемое авторомъ на слѣдующихъ страницахъ.

Главнѣйшую, по мнѣнію автора, дѣятельность вѣча составляетъ *призваніе*. Авторъ особенно подробно останавливается на этомъ предметѣ (стр. 67—76). Вторымъ по важности предметомъ былъ *рядъ* съ княземъ, то-есть, поставленіе тѣхъ условій, на которыхъ онъ долженъ былъ управлять (стр. 77—80). «Рядъ» съ княземъ есть отдѣльный отъ призванія актъ и по времени слѣдовалъ за нимъ. Затѣмъ слѣдуютъ законодательная дѣятельность, объявленіе войны и заключеніе мира, распоряженіе ходомъ военныхъ дѣйствій и судъ чрезвычайный и политическій. Относительно послѣднихъ предметовъ нельзя не замѣтить большой шаткости и неопредѣленности выводовъ автора. Онъ не приводитъ ни одного случая законодательной дѣятельности вѣча и разсматриваетъ ее, какъ необходимое дополненіе къ праву призванія (стр. 76). Въ сферѣ суда народъ является въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ. «Вѣче не было даже верховнымъ апелляціоннымъ судилищемъ» (стр. 89). Да и эти исключительные случаи приведены авторомъ только для Новгорода и Пскова. Ту же «чрезвычайность» нельзя не признать и въ участіи народа въ дѣлахъ войны и мира. Еще рельефнѣе выступаетъ это мнѣніе въ тѣхъ мѣстахъ книги, гдѣ авторъ говоритъ о значеніи князя.

«Князь, говоритъ г. Сергѣевичъ, не былъ только высшимъ представителемъ исполнительной власти въ томъ смыслѣ, какой мы теперь соединяемъ съ этимъ понятіемъ... *Всѣ* общественные вопросы были по преимуществу вопросами князя..... ибо онъ былъ призванъ для водворенія порядка.... Призваніе князя есть первый шагъ къ выдѣленію государственнаго права изъ той первоначальной и безразличной совокупности частныхъ и общественныхъ правъ, неограниченнымъ обладателемъ которой чувствовалъ себя каждый свободный. Страдательное отношеніе къ вѣчу сдѣлало бы князя только послушнымъ орудіемъ враждебныхъ одна другой партій вмѣсто того, чтобы дать въ немъ (въ князѣ) обществу начало примиренія»... (стр. 98—99).

Народъ самъ такъ смотрѣлъ на князя; онъ никогда не смотрѣлъ на него, какъ на простаго исполнителя вѣчевыхъ рѣшеній. Наконецъ, послѣднее доказательство того, что авторъ склоняется къ этому взгляду, заключается въ самой системѣ его книги. Она распадается на два отдѣла, вполнѣ соотвѣтствующіе нѣмецкому дѣленію науки государственнаго права, на Verfas-

sungs u Verwaltungsrecht, устройство и управленіе. Авторъ говоритъ о народныхъ началахъ только въ отдѣлѣ о государственномъ устройствѣ. Отдѣлъ о государственномъ управленіи весь состоитъ въ изложеніи дѣятельности князя и его органовъ.

Съ этого послѣдняго обстоятельства мы начинаемъ наши возраженія противъ воззрѣній автора. Вѣче, какъ форма общественной дѣятельности въ государственныхъ дѣлахъ, кромѣ акта призванія и ряда, дѣйствительно имѣло второстепенное значеніе. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы факты, приведенные авторомъ, разрѣшали вопросъ объ участіи народа въ общественныхъ дѣлахъ вообще. «Управленіе» княжеское не поглощало всѣхъ общественныхъ дѣлъ. Дѣятельность первоначальнаго государства складывается изъ немногихъ отраслей управленія. Это тѣ отрасли, которыя тѣсно связаны съ самымъ существомъ верховной власти. Верховною же властью мы практически можемъ назвать ту, которая издаетъ законы, налагаетъ подати, объявляетъ войну и миръ, ведетъ внѣшнія сношенія, и во имя которой производится судъ. Первоначально судъ и творится верховною властью непосредственно. Выдѣленіе *этихъ* вопросовъ изъ массы общественныхъ дѣлъ даетъ существованіе государственному элементу въ обществѣ. Лицо или организмъ, представляющіе этотъ элементъ въ обществѣ, и будутъ государственною властію. Она замѣнитъ собою другіе организмы, въ которыхъ прежде содержался этотъ государственный элементъ. Затѣмъ самая организація этой власти зависитъ уже отъ различныхъ историческихъ условій. Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, отношенія князя къ волости могутъ быть изложены въ формѣ слѣдующихъ вопросовъ.

1) *Что замѣнила государственная власть, воплотившаяся въ лицѣ князя?* Отвѣтъ на это, кажется, не можетъ быть затруднительнымъ. Князь, если не замѣнилъ по историческимъ обстоятельствамъ, то по идеѣ, имъ представляемой, долженъ былъ замѣнить общину, какъ политическій организмъ, и вытѣснить ее изъ политической сферы. Первоначальное призваніе князя и призваніе князей въ теченіе всего древняго періода нашей исторіи было реакціей противъ общиннаго быта. Въ этомъ отношеніи наша исторія рѣзко отличается отъ западно-европейской. Тамъ первоначальное появленіе общинъ было реакціей противъ феодальнаго порядка, ассоціаціей промышленныхъ и рабочихъ классовъ противъ землевладѣльческихъ привилегій. Слѣдовательно, общинное движеніе на западѣ было революціей политическою столько же, сколько экономическою и соціальною. Эманципація личности и идея договорнаго государства была послѣднимъ словомъ этого движенія. Въ Россіи община была основною формой народнаго быта, исконнымъ достояніемъ народа. Сословнаго раздѣленія не было. Землевладѣніе не имѣло никакихъ юридическихъ преимуществъ передъ другими фактами экономическаго быта. Но внутреннія несовершенства этого быта, борьба партій, возстаніе «рода

на родъ», требовали передачи постороннему для общины лицу такихъ дѣлъ, къ которымъ оказывалась неспособна община или вѣче, какъ говоритъ г. Сергѣевичъ. Результаты вѣчевыхъ порядковъ въ политической сферѣ изложены у него очень полно и съ большимъ знаніемъ дѣла. Они состоятъ въ слѣдующемъ: на вѣче участвовалъ по праву каждый членъ общины; слѣдовательно, особеннаго политическаго тѣла, основаннаго на представительномъ началѣ, среди этой общины не было; слѣдовательно, и порядка вѣчевыхъ собраній, приноровленнаго къ политическимъ вопросамъ, также не было. Политическіе вопросы разрѣшались такъ же, какъ всѣ другія дѣла общины. Порядокъ этотъ былъ самый простой. Постановленіе вѣча могло быть основано только на согласіи *всѣхъ* его членовъ. Дѣйствительное ли или предполагаемое согласіе имѣлось здѣсь въ виду, это для насъ пока все равно. Г. Сергѣевичъ склоняется къ тому мнѣнію, что оно было дѣйствительное. Мы думаемъ, что предполагаемое. Община не считала нужнымъ упоминать о несогласныхъ съ нею членахъ. «Единеніе» общины не нарушалось, если постановленіе давалось авторитетомъ преобладающаго большинства. Опасность наступала при дѣйствительномъ *раздѣленіи* общины. Въ такомъ смыслѣ вѣрно положеніе автора, что постановленіе вѣча было дѣйствительно только при полномъ *единеніи* всей общины. Слѣдовательно, рѣшеніе посредствомъ простаго большинства голосовъ или большинства $^2/_3$, $^3/_4$ и т. д. не могло имѣть здѣсь мѣста. Община должна была дѣйствовать «съ одного», какъ одинъ человѣкъ. Въ случаѣ раздѣленія голосовъ, ни одна партія не считала себя обязанною уступить другой, хотя бы она составляла меньшинство. Поэтому каждое разногласіе вѣча по необходимости вело или къ новому соглашенію партій и къ новому рѣшенію, или къ войнѣ между несогласными партіями. Первый случай предполагалъ уступку со стороны лицъ, постановившихъ первое рѣшеніе, а уступка дѣлалась тогда, когда эта партія не надѣялась достигнуть «одиначества» другими средствами. Война начиналась въ томъ случаѣ, когда уступка была невозможна, или когда большинство было достаточно сильно, чтобы безъ дальнѣйшихъ разсужденій и соглашеній одолѣть своихъ противниковъ. Слѣдовательно, уваженія къ *праву* отдѣльнаго лица мы не видимъ. Община считаетъ себя вправѣ не принимать въ разсчетъ протесты отдѣльныхъ лицъ. «Всѣ пойдутъ на войну, — говорили въ 1151 году Кіевляне, — кто только можетъ взять въ руки хлудъ; а если кто не пойдетъ, дайте его намъ, мы сами побьемъ его». Для силы протеста нужно было, чтобы сама община раздѣлилась. Раздѣленіе же это было явленіемъ, по большей части, постояннымъ. Каждая болѣе или менѣе значительная община была раздѣлена на партіи. Каждый князь по идеѣ призывался волостью, а *de facto* партіей, въ данный моментъ имѣвшею перевѣсъ надъ всѣми другими. Держался онъ на мѣстѣ не волею цѣлаго народа, а силою партіи, и держался до тѣхъ поръ, пока она была сильна. Какъ только она

ослабѣвала, князь долженъ былъ бѣжать. Наконецъ, значеніе вѣчевыхъ порядковъ ослаблялось и тѣмъ, что самый составъ вѣча былъ крайне неопредѣленный. Въ общинѣ не было особаго политическаго тѣла, съ опредѣленнымъ составомъ членовъ. Вѣче *de jure* было собраніемъ всего города, *de facto* сходкою извѣстной партіи, положившей собраться для какого нибудь дѣла. Вслѣдствіе этого вѣче, собранное сегодня, по составу своему могло рѣзко отличаться отъ вѣча, которое соберется завтра; рѣшеніе, постановленное однимъ, ни въ чемъ не будетъ похоже на постановленіе, сдѣланное другимъ.

Итакъ, даже община, взятая сама по себѣ, не представляла настоящаго политическаго единства. Оно обусловливается существованіемъ установленія, непрерывно и постоянно представляющаго собою государственную власть и независимаго отъ всѣхъ общественныхъ партій. Такого установленія не было въ составѣ общины. Тѣмъ менѣе могло осуществиться политическое единство въ цѣлой волости. Волость была федераціей общинъ. Федерація же общинъ, построенная на вѣчевомъ началѣ, никогда не можетъ составить единаго политическаго тѣла. При федеративномъ устройствѣ, съ политическими правами общинъ, возможны два исхода: или общины будутъ пользоваться равными политическими правами, или права эти будутъ не равны для городовъ и пригородовъ. Въ первомъ случаѣ единство будетъ держаться на соглашеніи городовъ, и соглашеніи добровольномъ, то-есть, условномъ и преходящемъ. Борьба партій, разъединявшая каждую общину, должна была еще сильнѣе выражаться въ борьбѣ городовъ съ пригородами. Во второмъ случаѣ, то-есть, при неравенствѣ правъ городовъ и пригородовъ, единство обусловливалось тѣмъ, чтобы права городовъ были достаточно велики для подавленія правъ пригородовъ при обсужденіи общеволостныхъ вопросовъ *). *Такое* единство предполагаетъ добровольное или насильственное, но *полное* подчиненіе пригородовъ городамъ по важнѣйшимъ государственнымъ вопросамъ. Обычаи вѣчевой Россіи, очевидно, склонялись къ послѣдней формѣ волостнаго единства. Это доказывается названіемъ старшихъ и младшихъ городовъ, городовъ и *при*городовъ; доказывается и знаменитымъ мѣстомъ лѣтописи: «на что старѣйшіи думаютъ, на томъ и пригороды станутъ». Пригороды могли стать «на одномъ» со старѣйшими или по добровольному согласію, или по принужденію, слѣдовательно, совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ

*) На это можно бы возразить, что весьма удовлетворительный выходъ изъ этого противорѣчія можно было найдти въ началахъ народнаго представительства. Но при народномъ представительствѣ имѣется коллегія лицъ, составляющая политическую власть, особую отъ прочаго народонаселенія, и слѣдовательно, ограничивающая политическую автономію общинъ. Затѣмъ народное представительство есть продуктъ національнаго единства, а не зародышъ его. Наконецъ, разсужденія о народномъ представительствѣ выходятъ изъ предѣловъ настоящей статьи. Мы говоримъ о томъ, что было, а не о томъ, что могло бы быть.

просходило постановленіе вѣчевыхъ рѣшеній въ каждой отдѣльной общинѣ. Г. Сергѣевичъ не безъ основанія говоритъ объ этихъ вѣчевыхъ отношеніяхъ городовъ къ пригородамъ слѣдующее: «Разные пункты населенія одной и той же волости находились между собою въ совершенно такихъ же отношеніяхъ, какъ и разные концы или улицы одного и того же города; если между ними господствовало единеніе, они находились въ состояніи мира; если возникала рознь, — въ состояніи розмирья или войны» (стр. 91). Вслѣдствіе удаленія городовъ отъ пригородовъ и разнообразія ихъ интересовъ состояніе мира было рѣже, а результаты войны хуже, чѣмъ въ каждой отдѣльной общинѣ. Состояніе мира обусловливалось пассивнымъ отношеніемъ пригородовъ къ вѣчевымъ постановленіямъ города. Другаго заключенія мы не можемъ вывести изъ словъ лѣтописца, что пригороды становились на томъ, что постановляли старшіе города. Но такое пассивное отношеніе могли занять только весьма слабые пригороды. Каждый пригородъ, чувствовавшій свое значеніе, сознавалъ въ то же время равноправность своего вѣча съ вѣчемъ главнаго города. Если въ отдѣльной общинѣ каждая партія считала свою сходку «вѣчемъ», то тѣмъ болѣе цѣлый пригородъ долженъ былъ придавать своему собранію значеніе вѣча, со всѣми его правами. Все зависѣло отъ силы пригорода.

«Пригороды слабые, въ случаѣ разногласія съ главнымъ городомъ, оставались въ ничтожномъ меньшинствѣ и по необходимости должны были смолкать; пригороды, обладающіе значительною силою, могли выступать съ своимъ отдѣльнымъ мнѣніемъ и стараться провести его, не смотря на разногласіе съ главнымъ городомъ» (стр. 91).

При такихъ условіяхъ вѣчеваго быта нѣтъ ничего удивительнаго, если общины не успѣли выработать въ своей средѣ никакой политической власти; другими словами, ни одинъ изъ элементовъ, изъ которыхъ слагался нашъ общинный бытъ, не могъ быть возведенъ на степень верховной политической власти. Результатомъ этого было выдѣленіе нѣкоторыхъ государственныхъ дѣлъ въ пользу одного лица, стоявшаго внѣ общины и признаннаго главнымъ представителемъ общественнаго порядка. Вѣче не имѣло уже постояннаго значенія для такихъ вопросовъ; они были исключительнымъ дѣломъ князя. Итакъ, призваніе князя и первоначальный рядъ съ нимъ были, въ принципѣ, единственными предметами политической дѣятельности вѣча. Всѣ другіе виды участія вѣча въ политической жизни были исключеніемъ, а не общимъ правиломъ. Но этотъ принципъ не былъ доведенъ до конца въ древней Россіи. Это приводитъ насъ къ другому вопросу.

2) *Въ какой мѣрѣ князь замѣнилъ собою вѣче, какъ политическую власть?* Для разрѣшенія этого вопроса необходимо установить нѣсколько «различій», которыхъ, къ сожалѣнію, мы не находимъ у автора. Между тѣмъ, многія указанія на эти различія можно найдти въ почтенныхъ трудахъ гг. Соловьева и Бѣляева. Первое «различіе» состоитъ въ неодинаковомъ примѣненіи вѣче-

выхъ началъ въ разныхъ волостяхъ Россіи. Читая книгу г. Сергѣевича, можно подумать, что если вѣчевые порядки были общи всѣмъ русскимъ областямъ, то и форма, и значеніе этихъ порядковъ были вездѣ одинаковы. Между тѣмъ, на дѣлѣ, сила вѣчеваго начала была далеко не вездѣ одинакова. Въ Кіевѣ вѣче имѣло меньше значенія, чѣмъ въ Новгородѣ; въ Суздалѣ и Ростовѣ меньше, чѣмъ въ Кіевѣ. Въ Новгородѣ и Псковѣ мы видимъ обширную законодательную дѣятельность вѣча; «Псковская судная грамота» и другіе акты служатъ неопровержимымъ доказательствомъ этого. Самый «рядъ» съ княземъ имѣлъ въ Новгородѣ больше значенія, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Лѣтописи не записываютъ содержанія «рядовъ» Черниговцевъ, Переяславцевъ; рядныя и договорныя грамоты Новгородцевъ, напротивъ того, обращаютъ на себя особенное вниманіе современниковъ. Новгородскій рядъ дѣйствительно имѣетъ въ виду опредѣлить дѣятельность и власть князя; онъ имѣетъ въ виду совмѣстить эту власть съ свободой и интересами общины. Но судить по этимъ договорамъ о «рядѣ» съ княземъ вообще, конечно, нельзя. Одного факта достаточно будетъ для доказательства этого: въ Новгородѣ и Псковѣ мы видимъ сильное участіе выборныхъ отъ народа въ судѣ и управленіи; подъ вліяніемъ вѣчевыхъ порядковъ, важная должность посадника дѣлается изъ правительственной (посадникъ прежде назначался княземъ) выборною, народною; этотъ посадникъ ограничиваетъ власть князя въ управленіи и судѣ: «а безъ посадника, княже, тобѣ волостей не раздавати, суда не судити», говорятъ договорныя грамоты. Напротивъ того, въ Кіевѣ и другихъ волостяхъ судъ былъ чисто княжескій. Итакъ, отношенія князя къ вѣчу были устроены не вездѣ одинаково; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ имѣлъ больше правъ, въ другихъ меньше; въ одинѣхъ волостяхъ вѣче было сильнѣе, въ другихъ слабѣе. Къ этому факту, слишкомъ извѣстному въ нашей литературѣ, можно прибавить еще одинъ, не менѣе важный. Князь, вслѣдствіе указанныхъ выше обстоятельствъ, былъ необходимостью для внутренняго «наряда» волости. Авторъ и разсматриваетъ князя и вѣче, какъ два вездѣ и одинаково существенные элемента древняго государственнаго быта. Потребность въ князѣ ощущалась вездѣ, но не вездѣ въ одинаковой степени и не вездѣ могла быть удовлетворена. Общины дѣйствительно не могли достигнуть правильнаго и прочнаго государственнаго порядка безъ князя, но какого-нибудь порядка, въ случаѣ необходимости, достигнуть могли. Неспособность вѣча къ управленію не была фактомъ всеобщимъ. Въ Новгородѣ вѣче было дѣйствительною политическою силой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вовсе не могло быть князя, и общинѣ и волею-неволею приходилось управляться собственными средствами. Невозможность имѣть князя вездѣ обусловливалась тѣмъ важнымъ обстоятельствомъ, что княжескій родъ не могъ поспѣть за колонизаціоннымъ движеніемъ народа; вслѣдствіе безпрерывнаго движенія нашей колонизаціи на востокъ и

сѣверъ, часть народа постоянно оставалась внѣ общегосударственной жизни. Многія общины были слишкомъ отдалены отъ той территоріи, гдѣ дѣйствовали князья Рюриковичи. Имъ по неволѣ приходилось обходиться одними вѣчевыми средствами управленія; такъ, напримѣръ, было въ Вяткѣ.

Затѣмъ авторъ дастъ слишкомъ большое значеніе термину «управленіе», органомъ котораго былъ князь. Говоря о князѣ, какъ правителѣ, и княжескомъ управленіи, авторъ считаетъ себя въ правѣ ничего не говорить даже объ административномъ значеніи общины. Результаты такого пріема весьма плачевны. Вопервыхъ, въ его сочиненіи не видно основъ вѣчеваго порядка; вѣче является политическою силой, основанною прямо на обширныхъ политическихъ правахъ личности. Между тѣмъ основы вѣчевой формы глубоко коренятся въ общинѣ, какъ экономической, хозяйственной и административной единицѣ. Не изучивъ *этихъ основъ* нашего народнаго быта, авторъ, сколько намъ кажется, не могъ говорить о вершинѣ государственнаго устройства, о политическомъ вѣчѣ. Призваніе князя выдѣляло изъ сферы общинной дѣятельности нѣкоторыя дѣла, но не уничтожало самаго существованія общины. Призваніе князя не было самоубійствомъ вѣча. Общинная жизнь выражалась въ административной и экономической дѣятельности общины. Власть князя не уничтожала нѣкоторой автономіи мелкихъ союзовъ, составлявшихъ его волость. Князь былъ посредникомъ не столько между отдѣльными лицами, сколько между общинами. Въ рѣдкихъ случаяхъ онъ имѣлъ дѣло прямо съ отдѣльными личностями. Появленіе государственной власти не превращало, такимъ образомъ, наше общество въ совокупность *индивидовъ*, подчиненныхъ прямо государству и только государству. Русскій человѣкъ имѣлъ дѣло съ общиною больше, чѣмъ съ княземъ; община была для него правиломъ, князь — исключеніемъ. Въ этомъ отношеніи власть князя не шла въ глубь русскаго общества; развитіе ея задерживалось существованіемъ общинъ, уступавшихъ ему свои права лишь по нѣкоторымъ вопросамъ. Во всѣхъ дѣлахъ, оставшихся за общиною, она дѣйствовала самостоятельно и отъ нихъ переходила и къ политическимъ вопросамъ. Итакъ, княжеское управленіе было не многосложно не только потому, какъ утверждаетъ авторъ (стр. 348), что задачи этого управленія «не были развиты», но и потому, что большая часть этихъ задачъ оставалась въ рукахъ общинъ. Слѣдовательно, положеніе автора, что «самоуправленіе не было въ средствахъ общины» (или вѣча, какъ онъ ошибочно выражается на стр. 67) можетъ быть принято только съ большими ограниченіями. Оно не было въ его средствахъ лишь по нѣкоторымъ вопросамъ, для которыхъ и былъ призванъ князь. По другимъ же община дѣйствовала съ прежнею силою. Чтобы лучше формулировать эту часть нашего возраженія автору, мы выразимся такимъ образомъ: авторъ принимаетъ два существенные элемента нашего древняго быта, народъ и князя; но, для того чтобы выяснить значеніе народныхъ на-

чалъ, ему слѣдовало обратить вниманіе на тѣ вопросы, по которымъ ближайшимъ образомъ проявлялась дѣятельность народа, остановиться прежде всего на тѣхъ учрежденіяхъ, которыя стояли ближе къ народу, а затѣмъ уже перейдти къ той сферѣ, въ которой народъ являлся по исключенію, а не по общему правилу.

3) *Занялъ ли князь то положеніе, которое должно было принадлежать ему по самой идеѣ призванія?* Если принимать во вниманіе только сферу дѣлъ, предоставленныхъ князю, — да; если остановиться на его дѣйствительномъ отношеніи къ волости, — нѣтъ. Сфера дѣлъ, подлежащихъ вѣдомству князя, указываетъ на идею и цѣль «призванія». Это были тѣ дѣла, для которыхъ нужна была власть, стоящая внѣ общественныхъ партій, — дѣла, къ которымъ «вѣче» было неспособно. Но дѣйствительная независимость князя въ этой сферѣ не могла быть осуществлена при такой формѣ, въ которой выражалось начало призванія въ нашей древней исторіи. Въ «призваніи», какъ намъ кажется, должно различать два совершенно различные вопроса: съ одной стороны, его общеисторическое значеніе и идею, и съ другой — временное выраженіе этой идеи въ древнѣйшій періодъ нашей исторіи. Идея призванія есть образованіе независимой и верховной государственной власти, она могла развиться, сдѣлаться дѣйствительнымъ фактомъ и выразиться окончательно въ соотвѣтствующемъ политическомъ элементѣ только постепенно, послѣ долгой борьбы съ другими общественными началами. Въ такомъ смыслѣ идея эта не можетъ быть разсматриваема, какъ исключительное достояніе X—XIV вѣковъ; она проходитъ чрезъ всю русскую исторію. Одна и та же мысль руководитъ въ X вѣкѣ Новгородцами, въ XII Кіевлянами, въ XVII при избраніи царя Михаила Ѳедоровича. Что же касается проявленія этого начала въ древній періодъ нашей исторіи, то нельзя не признать, что оно обусловливалось, главнымъ образомъ, началами прежняго общиннаго быта. При слабости княжескаго начала, каждый князь былъ порожденіемъ вѣча и дѣйствовалъ подъ его вліяніемъ. Всѣ характеристическіе признаки вѣчевыхъ порядковъ, опредѣлявшіе отношеніе партій, примѣнялись и къ отношеніямъ князя и вѣча. Вопервыхъ, князь рѣдко былъ порожденіемъ цѣлой волости; по большей части онъ призывался на столъ извѣстною партіей и держался ею; слѣдовательно, ему приходилось проводить и защищать интересы этой партіи. Каждая перемѣна князя сопровождалась различными наградами и повышеніями его «пріятелей». Отнимались волости у «мужей» старой дружины и раздавались мужамъ новой. Новая дружина «заѣзжала» старую, которая должна была пытать счастья въ другихъ мѣстахъ. Все это нисколько не доказываетъ независимости княжеской власти. Зависимость его отъ вѣча шла дальше. Подобно тому, какъ сила вѣчевыхъ рѣшеній обусловливалась единеніемъ, «единачествомъ» всѣхъ его членовъ, такъ и сила князя основывалась на единеніи его съ вѣчемъ. Онъ былъ силенъ, пока вѣче было

за него. Война, задуманная имъ, и другія его предпріятія могутъ имѣть успѣхъ только въ такомъ случаѣ, когда вѣче думало одинаково съ нимъ. Авторъ приводитъ много такихъ примѣровъ соглашенія князя съ вѣчемъ. Князья, жившіе въ согласіи съ вѣчемъ, были весьма сильны. Таковы были Владиміръ Мономахъ и не менѣе знаменитый Всеволодъ Юрьевичъ (Большое гнѣздо). Напротивъ того, «при отсутствіи соглашенія... князь и вѣче стояли другъ противъ друга, какъ двѣ самостоятельныя власти, разногласіе которыхъ могло быть устранено только судомъ Божіимъ» (стр. 107). Другими словами, въ случаѣ разномыслія князя съ вѣчемъ, между ними начиналась война. Война, конечно, была нехорошимъ исходомъ дѣла. Но и «соглашеніе» не представляло, въ большинствѣ случаевъ, ничего привлекательнаго. Стоитъ вспомнить составъ «вѣча», обыкновенно представлявшаго собою не цѣлый народъ, а лишь извѣстную партію, чтобъ убѣдиться въ этомъ. Соглашеніе было торжественно и велико въ исключительныя минуты, когда народъ увлекался какою-нибудь великою цѣлью или самъ собою, или княземъ своимъ. Наша древняя исторія представляетъ не мало примѣровъ князей, умѣвшихъ возвышать народное сознаніе и направлять силы общественныя къ великимъ идеаламъ; таковы Владиміръ Мономахъ, Мстиславъ Храбрый и другіе. Но нерѣдко это соглашеніе состояло въ умѣньи привлечь къ себѣ ту или другую партію и льстить ея интересамъ. Разномысліе же, розни состояли обыкновенно не въ томъ, что народъ расходился съ княземъ по какимъ-нибудь капитальнымъ вопросамъ политики, а въ томъ, что одна партія возставала противъ другой, поддерживавшей князя; такимъ образомъ, большинство князей нашихъ были не свободными и независимыми главами народа, а предводителями партій, и вносили въ вѣчевыя начала не элементы правды и порядка, а новыя условія раздора и угнетенія.

Въ такомъ видѣ княжеская власть не могла сдѣлаться объединяющимъ, національнымъ началомъ. Отношенія между князьями лучше всего доказываютъ это. Понятіе наслѣдственности столовъ не могло развиться, какъ слѣдуетъ, въ самомъ княжескомъ родѣ; ни понятіе отчины, ни «лѣствичное восхожденіе» не спасли Россію отъ раздробленія; *договоръ* былъ главною формой междукняжескихъ отношеній; враждебныхъ силъ въ княжескомъ родѣ было столько же, сколько князей; начало «добыванія» столовъ всевозможными средствами превратило политику князей нашихъ въ политику эгоизма, въ самой грубой его формѣ *). Какимъ же образомъ изъ этой борьбы противоположныхъ элементовъ сложилось Русское государство?

---

*) Всѣ эти обстоятельства весьма хорошо изложены у г. Сергѣевича.

III.

Противорѣчія древне-русскаго государственнаго быта.

Ни одно изъ началъ нашего древняго государственнаго быта не могло получить полнаго развитія. Ни одно изъ нихъ не исключало другаго, но каждое противодѣйствовало развитію другихъ. Въ этомъ смыслѣ древняя жизнь представляла рядъ противорѣчій, которыя едва могутъ быть объяснены съ точки зрѣнія современныхъ намъ государственныхъ понятій. Это были противорѣчія, порожденныя противоположными началами, которыя въ далекомъ будущемъ должны были послужить основаніемъ прочной государственной системы. Но они не были *внутренними* противорѣчіями древней государственной системы. Вопервыхъ, самой системы этой еще не было. Затѣмъ, терминъ *противорѣчіе* можетъ быть примѣненъ къ древней русской жизни не въ смыслѣ несостоятельности началъ ея: это удѣлъ отживающихъ государственныхъ системъ. Противорѣчія эти порождались именно тѣмъ, что ни одно начало, ни одинъ элементъ этой жизни не получилъ еще настоящаго развитія. Результатомъ этихъ противорѣчій было не паденіе государства, какъ то бываетъ при несостоятельности началъ. Напротивъ того, борьба этихъ различныхъ элементовъ вызвала къ жизни крѣпкій государственный строй. Это соединеніе разнообразныхъ элементовъ древняго быта въ послѣдующемъ Русскомъ государствѣ зависѣло, главнымъ образомъ, отъ того, что всѣ эти элементы еще въ древней Россіи связывались общими представленіями о государственномъ порядкѣ, или лучше сказать, одними и тѣми же государственными идеалами. Эти общія представленія препятствовали князьямъ довести «добываніе» столовъ до грубаго насилія, не сдерживаемаго никакими представленіями о правѣ; они удержали общины отъ полнаго раздробленія государственной территоріи; они дали впослѣдствіи общую и опредѣленную цѣль и народу, и князьямъ-собирателямъ Русской земли.

Въ книгѣ г. Сергѣевича мы не видимъ этихъ представленій и идеаловъ, связывающихъ древнюю, раздробленную Россію съ централизованною Московскою; не видимъ и движенія отъ вѣчевой Россіи къ самодержавной; не видимъ вообще никакихъ признаковъ историческаго движенія и развитія элементовъ древняго общества. Дѣло въ томъ, что авторъ разсматриваетъ древній государственный бытъ такъ, какъ будто онъ былъ построенъ на началахъ, получившихъ окончательное развитіе. Поэтому онъ весьма часто говоритъ о разныхъ явленіяхъ, какъ объ общихъ, между тѣмъ они были только исключеніями и могли бы сдѣлаться общимъ правиломъ лишь въ томъ случаѣ, если бы тѣ или другія начала получили окончательное развитіе. Не то видимъ мы на самомъ дѣлѣ. Стоитъ припомнить все вышеизло-

женное, чтобъ убѣдиться, что, будь начало призванія и начало добыванія окончательно сложившимися принципами древняго государства, успѣй они дойдти до послѣднихъ своихъ результатовъ, отъ Россіи осталось бы одно смутное воспоминаніе въ памяти народовъ. Для примѣра возьмемъ выводы автора относительно преемства столовъ и отношеній князей между собою. Онъ разсматриваетъ этотъ вопросъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ между волостями древней Россіи не было никакой связи, какъ будто у князей не существовало никакихъ понятій о единствѣ Россіи и княжескаго рода, а у народа не было никакихъ представленій о государственной территоріи. Вслѣдствіе этого всѣ отношенія между князьями были будто бы чисто фактическія, не основанныя ни на какихъ понятіяхъ о правѣ, и между городами не было никакихъ прочныхъ отношеній. Въ особенности рѣзки выводы автора относительно междукняжескихъ отношеній. Отрицая теорію родоваго быта относительно народа, что совершенно справедливо, онъ отвергаетъ ее и относительно князей, что далеко невѣрно. Вотъ его главнѣйшія положенія. Подобно тому, какъ въ населеніи того времени не было никакихъ юридическихъ различій по сословіямъ, а были только фактическія, по классамъ лучшихъ, среднихъ и молодшихъ людей, такъ князья, при полномъ юридическомъ равенствѣ между собою, различались *по достоинству*.

«Одни изъ нихъ отличались большею зрѣлостью лѣтъ, чѣмъ другіе, одни занимали столы въ древнихъ и богатыхъ городахъ, другіе въ новыхъ и сравнительно бѣдныхъ; наконецъ, одни,—независимо отъ того, гдѣ сидѣли, въ новомъ или старомъ городѣ,—могли сосредоточить въ своихъ рукахъ такую силу, которая далеко превосходила силу другихъ князей» (стр. 247—248).

Всѣ эти чисто *фактическія* условія отразились, по теоріи автора, и на отношеніяхъ князей между собою, и на различныхъ ихъ наименованіяхъ. Всѣ эти отношенія и наименованія были также фактическія. Какъ такія фактическія наименованія и отношенія, авторъ разсматриваетъ старшинство (стр. 248—258), наименованія «отецъ» (стр. 258—263), «великій князь» (стр. 263—264), «господинъ» (стр. 264—265). Понятіе старшинства обусловливалось прежде всего естественнымъ преимуществомъ лѣтъ; это былъ прямой смыслъ этого слова; затѣмъ оно употреблялось еще въ переносномъ; князь, занимавшій старшій столъ, то-есть, столъ древняго города, былъ старшимъ княземъ, какъ князь лучшаго, сильнѣйшаго города; и въ томъ, и въ другомъ смыслѣ старшинство не было юридическимъ правомъ князя, а только условіемъ его фактическаго преобладанія надъ всѣми другими. Изъ этого ясно слѣдуетъ, что титулъ «старшаго» былъ дѣйствителенъ только въ томъ случаѣ, когда онъ подкрѣплялся физическою силой, фактическимъ преобладаніемъ надъ другими; поэтому титулъ старшаго, основанный на преимуществѣ лѣтъ, не давалъ кромѣ особаго *почета*, никакихъ преимуществъ князю, который его носилъ. Гораздо бо́льшее значеніе имѣло старшинство, основанное на обладаніи

старшимъ столомъ, лучшимъ городомъ. «Лучшій» городъ могъ дать своему князю весьма большое значеніе въ ряду другихъ. Но и такое старшинство не могло быть постояннымъ. Оно основывалось на фактическомъ преобладаніи одного города надъ другими. Преобладаніе это не могло быть постоянно. Старшій городъ могъ утратить свое значеніе; младшій могъ возвеличиться и стать лучшимъ городомъ, равнымъ другимъ старшимъ городамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и князь одного терялъ прежнее значеніе, князь другаго пріобрѣталъ новый вѣсъ въ ряду другихъ князей. Подобно этому названію, и всѣ другія имѣли мало юридическаго значенія. Названіе «отецъ» встрѣчается, какъ почтительное обращеніе старшаго къ младшему. Это простая вѣжливость, ни для кого необязательная. Встрѣчается однако и обязательное употребленіе этого титула. Напримѣръ, въ 1150 году Вячеславъ и Изяславъ цѣлуютъ между собою крестъ на томъ, что «Изяславу имѣти отцемъ Вячеслава, а Вячеславу имѣти сыномъ Изяслава». Но и въ этомъ случаѣ отецъ не получалъ никакихъ особенныхъ правъ надъ своими названными сыновьями.

Болѣе всего правъ, повидимому, было соединено съ извѣстнымъ титуломъ *великаго князя*. Но г. Сергѣевичъ разрушаетъ и эту послѣднюю иллюзію нашей исторической науки.

«Наименованіе великимъ княземъ, говоритъ онъ, совпадаетъ съ наименованіемъ старѣйшиной по городу и усвоялся обыкновенно князьямъ лучшихъ волостей. Сперва назывались такъ Кіевскіе князья, а по успеніи Владиміра, Рязани, Твери, Москвы, это наименованіе сообщилось и князьямъ этихъ волостей. Великіе князья, какъ и старѣйшины, не пользовались никакими лучшими правами сравнительно съ другими князьями».

Такимъ образомъ, и здѣсь мы видимъ только почетный титулъ, обусловленный фактическимъ превосходствомъ одного князя надъ другими.

Итакъ, ни въ народномъ сознаніи, ни въ сознаніи князей не было, по мнѣнію автора, представленій, а тѣмъ болѣе нормъ, опредѣлявшихъ развитіе государственнаго порядка. Іерархія между князьями и городами была фактическая, а слѣдовательно, и всѣ отношенія между ними были построены или на соглашеніи, или на силѣ. Не было порядка, опредѣлявшаго, хотя бы въ идеѣ, отношенія между князьями: отсюда добываніе столовъ, съ одной стороны, и княжескіе съѣзды и договоры, съ другой; не было никакихъ прочныхъ отношеній между волостями: отсюда отсутствіе центра государственной жизни и дробленіе Россіи.

Всѣ эти факты были бы общимъ порядкомъ древней государственной жизни, еслибъ отношенія между княземъ и волостью и князей между собою, въ той *формѣ*, какъ они выразились первоначально, были доведены до конца и не задерживались представленіями объ идеальномъ устройствѣ Русской земли, съ одной стороны, и постепенно развивавшимися началами новаго порядка вещей, съ другой. Авторъ умалчиваетъ о тѣхъ и о другихъ; отсюда

слабое историческое значеніе его труда. Укажемъ вкратцѣ на эти начала, дабы окончательно провѣрить выводы г. Сергѣевича.

Но прежде всего мы просимъ читателя обратить вниманіе еще на одно обстоятельство, которое, по нашему мнѣнію, объясняетъ многіе недостатки въ книгѣ г. Сергѣевича. Избравъ предметомъ своего труда государственное устройство и управленіе во времена князей Рюриковичей, онъ разсматриваетъ это устройство на всемъ пространствѣ нашей исторіи, отъ X до XV вѣка, и на всемъ пространствѣ Россіи, такъ, какъ будто нигдѣ и никогда въ нашу государственную жизнь не было внесено новыхъ началъ. На этомъ основаніи онъ подкрѣпляетъ свои положенія о междукняжескихъ договорахъ одинаковыми примѣрами изъ исторіи Кіевскаго и Московскаго періода. Духовныя граматы князей имѣютъ для него одинаковое значеніе и въ юго-западной, и въ сѣверо-восточной Россіи. Если безусловно вѣрить автору, между Кіевскою и Московскою Русью не было никакого переходнаго порядка, никакого посредствующаго звена. Итакъ,—никакихъ верховныхъ государственныхъ понятій въ теченіе удѣльно-вѣчеваго періода, никакихъ посредствующихъ началъ въ концѣ его.

Не то было на самомъ дѣлѣ. Пока русская государственная жизнь не начала передвигаться на сѣверо-востокъ, центромъ Русскаго государства былъ стольный городъ, мать русскихъ городовъ, Кіевъ; князья и народъ считали Кіевъ старшимъ городомъ, а его князей старшинами русской земли не потому только, чтобы князья эти занимали «выдающееся положеніе среди другихъ» (стр. 248). Съ именемъ Кіева и Кіевскаго князя было связано нѣчто другое, чего нѣтъ въ книгѣ г. Сергѣевича. Всякій, кто вдумается въ характеристическія особенности удѣльно-вѣчеваго періода, невольно остановится предъ слѣдующимъ вопросомъ: почему не раздробилась Россія окончательно, когда и народные обычаи, и порядки княжескаго рода способствовали тому, когда, слѣдовательно, ни въ правительственныхъ, ни въ общественныхъ элементахъ не было никакого противодѣйствія этому злу? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ могутъ служить слѣдующіе факты:

1) Не смотря на разъединеніе волостей, какъ самостоятельныхъ центровъ не только административной, но отчасти и политической жизни, въ народѣ и въ князьяхъ жило сознаніе о единой Русской землѣ. Въ столкновеніяхъ съ иностранцами и съ погаными, «земля» дѣйствовала какъ одно цѣлое. Въ иностранныхъ сношеніяхъ не было ни Переяславскаго, ни Черниговскаго князя, а только Русскіе князья. Національнаго значенія дѣленіе на волости не имѣло. Узкаго мѣстнаго патріотизма, съ его героями и богами, не развилось. Всѣ идеалы поэтическіе и политическіе имѣли не волостное, а общенаціональное значеніе. Всѣ герои, князья и богатыри являются въ народномъ сознаніи какъ общe-національные герои. Въ такомъ смыслѣ воспѣваютъ ихъ наши пѣсни. Перечитывая эти произведенія нашей народной по-

эзіи, нельзя не замѣтить, что народное сознаніе, выразившееся въ нихъ, не знаетъ многихъ, можно сказать, *театровъ* эпопеи. Театръ одинъ—*Святая Русь*; пѣсни говорятъ о воинахъ свѣто- (то-есть, свято-) русскихъ; главнымъ центромъ, къ которому обращается народное сознаніе, служитъ Кіевъ; главный князь, котораго воспѣваетъ народъ, есть князь Кіевскій. Возьмемъ для примѣра нѣсколько пѣсенъ:

Во *стольномъ* городѣ во Кіевѣ,
У *ласкова* князя Владиміра,
Было пированье, почестной пиръ
На три братца названные,
Свѣто *)-русскіе могучіе богатыри **)

Или:

Говоритъ Идолище поганое:
— Ты скажика-мнѣ, Калика перехожая;
Походилъ ты вѣкомъ по *святой Руси*,
Повидалъ ты всякаго народу православнаго ***).

Или:

И заговоритъ князь Владиміръ Кіевскій
Своимъ *русскимъ* богатырямъ ****).

2) Представленіе о единомъ стольномъ князѣ всей Россіи было точно также сильно въ народѣ. Силѣ этого представленія или идеала не мало способствовало то обстоятельство, что независимо отъ общаго представленія о Кіевѣ, какъ стольномъ городѣ Русской земли, идея стольнаго князя была еще возвышена и возвеличена такими личностями, какъ Владиміръ Святой, Ярославъ и Владиміръ Мономахъ. Никто, конечно, не станетъ отрицать того факта, что на развитіе національнаго чувства имѣютъ большое вліяніе великіе дѣятели, умѣвшіе въ данную минуту воплотить въ себѣ національную идею. Ихъ обаятельное имя служитъ для современниковъ и потомства центромъ, къ которому невольно обращаются всѣ воспоминанія и надежды. Для насъ, напримѣръ, имя *Русскаго* тождественно съ именемъ гражданина той страны, которою управлялп Петръ Великій и Екатерина Великая, за которую сражались Суворовъ, Кутузовъ, Мининъ, Пожарскій, въ которой писали Пушкинъ, Карамзинъ, Ломоносовъ. Для древней Россіи такимъ связывающимъ всѣхъ именемъ было имя князя Владиміра. Имя этого общерусскаго князя сложилось, очевидно, изъ многихъ именъ; оно сдѣлалось скорѣе нарицательнымъ чѣмъ собственнымъ. Это имя, сдѣлавшееся священнымъ со

*) Или „свято“.
**) См. Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ, IV, стр. 52: Потокъ Михайло Ивановичъ.
***) Тамъ же, стр. 20; п. объ Ильѣ Муромцѣ.
****) Тамъ же, стр. 23—24.

времени великаго просвѣтителя Россіи, народъ употреблялъ для обозначенія типа Русскаго князя. Между тѣмъ типъ этотъ въ его глазахъ былъ выработанъ не только Равноапостольнымъ Владиміромъ, но и его преемниками, «добрыми страдальцами за Русскую землю», Владиміромъ Мономахомъ между прочимъ. Народъ употреблялъ это имя для обозначенія не спеціальнаго князя Кіевской волости, а идеальнаго князя той *Святой Руси*, которая всегда жила въ его сознаніи. Въ этомъ идеальномъ мірѣ было одно государство,— Русская земля, одинъ стольный князь, воплотившійся въ лицѣ «ласковаго князя Владиміра». Этотъ-то стольный князь Русской земли и является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ нашихъ пѣсняхъ. Напримѣръ:

Говоритъ Владиміръ стольный Кіевскій,
— Ой ты гой еси, старъ казакъ Илья Муромецъ!
Вотъ тебѣ мѣсто подлѣ меня,
Хотъ по правую руку, аль по лѣвую.
А третье тебѣ мѣсто, куда хошь садись!
Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:
«Володиміръ, *князь земли Свято-русскія!* *) и т. д.

Сдѣлавъ изъ собственнаго имени нарицательное, народъ не стѣсняется уже и хронологіей. Напримѣръ, въ одной былинѣ, составленной, очевидно, послѣ татарскаго нашествія, помѣщенъ разговоръ Батыя съ Ильей Муромцемъ:

Говорилъ ему Батый царь, сынъ Батыевичъ,
— Ужъ ты гой еси, старъ казакъ Илья Муромецъ!
Послужи мнѣ-ка также, какъ *Владиміру*,
Вѣрою неизмѣнною ровно три года! **)

3) Отъ поэзіи обратимся къ анализу историческихъ фактовъ. Волости были независимы другъ отъ друга въ отношеніи внутренняго управленія; это совершенно справедливо. Но могли ли эти самостоятельныя волости составить нѣсколько самостоятельныхъ націй и національныхъ государствъ? На этотъ вопросъ врядъ ли можно отвѣчать утвердительно. Волости не могли сдѣлаться средоточіемъ самостоятельной національной жизни. Во-первыхъ, ни въ одной волости не было постояннаго, органически связаннаго съ нею княжескаго рода. Въ силу ли «лѣствичнаго восхожденія», или для добыванія престоловъ, родъ князей нашихъ *бродилъ* по Русской землѣ. Ни одинъ князь не былъ связанъ съ своею волостью; онъ «или высматривалъ лучшаго стола», или дожидалъ своей очереди занять старшій столъ, или

---

*) Тамъ же, стр. 48. См. указаніе на мѣста пѣсенъ, гдѣ говорится въ этомъ смыслѣ о князѣ Владимірѣ, въ превосходномъ указателѣ, приложенномъ въ концѣ сборника Кирѣевскаго.

**) Тамъ же, стр. 45.

просто странствовалъ по землѣ, предлагая свои услуги той волости, которая, по его мнѣнію, наиболѣе въ нихъ нуждалась. Вмѣстѣ съ тѣмъ у князя не было, такъ-сказать, волостнаго патріотизма. Онъ не старался объ увеличеніи объема волости на счетъ другихъ; не имѣлъ онъ и особенной выгоды поднять ея значеніе. Онъ старался больше всего поднять личное свое значеніе, какъ удальца, богатыря. А такой удалой князь былъ уже достояніемъ цѣлой Русской земли. Ему вездѣ было хорошо. Мало того: ему даже не сидѣлось въ волости, онъ служилъ цѣлой землѣ и для служенія своего старался выбрать ту волость, гдѣ нуженъ былъ удалой князь. Такъ, Мстиславъ Мстиславовичъ неожиданно явился въ Новгородъ, предложилъ Новгородцамъ свои услуги, отслужилъ имъ нѣсколько лѣтъ и снова удалился на югъ. Слѣдовательно, раздробленіе Россіи не могло сдѣлаться феодальнымъ подобно раздробленію западной Европы. Раздробленіе это было скорѣе общиннымъ. Но и самостоятельность общинъ не могла упрочить политической самостоятельности волостей. Для самостоятельности нужно прежде всего политическое единство. Изъ разсмотрѣнія отношеній городовъ къ пригородамъ мы могли убѣдиться, что власть главнаго города не могла удержать волости отъ дальнѣйшаго раздробленія. Каждая община стремилась стать волостью, и стремленіе это было тѣмъ сильнѣе, что власть главнаго города обусловливалась его полнымъ деспотизмомъ надъ пригородами. При стремленіи общинъ къ самостоятельности, при постоянномъ противодѣйствіи ихъ деспотизму городовъ, подчиненіе всѣхъ городовъ одному центру на *равныхъ правахъ* было единственно возможнымъ исходомъ. Словомъ, самостоятельность волостей была такого рода, что она могла привести одинаково и къ безконечному раздробленію Россіи, и къ совершенной централизаціи, при чемъ каждая община тянула бы непосредственно къ общегосударственному центру. Этимъ и разрѣшилось впослѣдствіи противорѣчіе древняго государственнаго быта. Новгородскія волости не хотѣли тянуть къ Новгороду, но охотно потянули къ Москвѣ, на равныхъ правахъ съ Новгородомъ. Только въ такой системѣ могло быть осуществлено равенство всѣхъ русскихъ общинъ. Въ древней Россіи эта централизація обнаружилась только въ одномъ отношеніи, въ религіозномъ. Древняя Россія не имѣла политическаго единства, но за то имѣла единство духовное. Кіевскій митрополитъ былъ дѣйствительно митрополитомъ всея Руси. Духовная іерархія представляла удивительное единство сравнительно съ безформенностію свѣтской власти. Значеніе Кіева, какъ духовнаго центра Россіи, присоединялось къ его значенію старшаго и стольнаго города «святой Руси» и усиливало послѣднее.

Постепенно сложилось и полное единство Русской земли. У г. Сергѣевича нѣтъ указаній на это постепенное движеніе нашей политической жизни. Между тѣмъ эти указанія были бы полезны и для его догматическаго изложенія. Начатки новаго порядка могли бы, какъ нельзя лучше, оттѣнить

строй древне-русской жизни, довершить характеристику его началъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ могъ бы указать и на разницу аналогическихъ явленій въ два совершенно различные періода русской исторіи.

Вопервыхъ, онъ не указываетъ разницы между государственными воззрѣніями русскихъ князей до и послѣ Андрея Боголюбскаго. Разница же эта была весьма велика. Въ древнѣйшей Россіи не было князей, тѣсно связанныхъ съ одною волостью; впослѣдствіи они были. Каждая волость въ сѣверо-восточной Россіи постепенно дѣлается достояніемъ одной княжеской линіи. Это обстоятельство имѣло огромное вліяніе на политику князей и на значеніе волости. Въ прежнее время князья ищутъ себѣ хорошей волости и не стараются о расширеніи той, въ которой они сидятъ, ибо они могутъ оставить ее во всякое время; послѣ они не перемѣняютъ волости, а стараются увеличить свою вотчину на счетъ сосѣдей. «Добываніе» въ этомъ періодѣ имѣетъ не тотъ уже характеръ, что въ предъидущемъ. Прежде были столы и города, старшинство которыхъ было установлено народнымъ сознаніемъ и мнѣніемъ князей; Кіевскій столъ считался старшимъ, независимо отъ могущества Кіева; великій князь — синонимомъ Кіевскому князю; Новгородскій, Переяславскій и Черниговскій князья никогда не назывались великими; напротивъ того, Новгородъ считался вотчиною великихъ князей, и въ принципѣ великій князь давалъ князя Новгороду; Новгородцы, желая получить князя, выпрашиваютъ его у старшаго князя Русской земли. Въ сѣверо-восточной Россіи не было такого народнаго центра; его должна была создать дѣятельность и ловкость князей; поэтому они стремятся доставить своей волости значеніе старшей, а себѣ названіе великихъ. Понятно, что и самый титулъ великаго князя получаетъ здѣсь совершенно другое значеніе; онъ принадлежитъ здѣсь могущественному князю, князю сильной волости, а не старшему князю всей Русской земли. Такъ какъ обладаніе этимъ титуломъ стало зависѣть отъ фактическаго значенія князя, которое можно было добыть силою и ловкостью, то названіе великаго князя дается не одному, а нѣсколькимъ; являются великіе князья Тверскіе, Рязанскіе, Московскіе и другіе. Прежде былъ одинъ главный центръ Русской земли, изъ-за обладанія которымъ и боролись разные князья; позже каждый князь хочетъ сообщить такое значеніе своей волости, а потому старается умалить значеніе другихъ волостей, чего прежде не было нужно, ибо каждая волость безъ того считала себя младшею въ сравненіи съ старшею, Кіевскою. Вслѣдствіе этого государственнымъ центромъ является не волость, за которою было бы признано это значеніе всѣми другими, а князь, который долженъ былъ сообщить свое первенствующее значеніе и той волости, которою онъ владѣетъ. Итакъ, князь добываетъ себѣ не волость, а разныя преимущества для своей волости и для себя, какъ князя ея. Такъ, Московскій князь добылъ себѣ правообиранія ордынскаго выхода, право исключительнаго сно-

шенія съ Ордой, добылъ для Москвы митрополита и тѣмъ усилилъ ея значеніе, какъ религіознаго центра, и т. д.

Далѣе, нельзя не замѣтить важнаго обстоятельства, также упущеннаго изъ виду г. Сергѣевичемъ. Въ новое время различіе между великими и другими князьями получаетъ значеніе, не сходное съ тѣмъ, какое оно имѣло въ предыдущее время, когда былъ одинъ великій князь, а всякій, кто владѣлъ другою волостью, кромѣ старшей, назывался удѣльнымъ княземъ. Всѣ князья, какъ братья, были равны между собою. Различія между линіями не существовало, ибо всѣ были «одного дѣда внуки», то-есть, родъ былъ одинъ. Послѣ, когда обозначилось различіе между княжескими линіями, владѣвшими различными волостями, князьями удѣльными стали называться всѣ младшіе князья одной волости. Въ каждой волости былъ свой старшій князь, и всѣ эти старшіе князья въ разныхъ волостяхъ имѣли титулъ великихъ князей. Итакъ, мы видимъ распредѣленіе княжескихъ линій по волостямъ, которыя, вслѣдствіе этого, получаютъ постоянное значеніе и нѣкоторое единство. Принимая во вниманіе это единство волости, можно сказать, что самый терминъ «удѣльный» относится къ этому періоду нашей исторіи. Прежде, при равенствѣ всѣхъ волостей, кромѣ старшей, каждый князь былъ *волостнымъ*. Теперь князья получаютъ *удѣлы* въ волости, бывшей достояніемъ цѣлой княжеской линіи. Старшему князю давался обширный удѣлъ сравнительно съ младшими, которые, вслѣдствіе этого, были поставлены въ зависимость отъ него зависимость эта росла съ каждымъ поколѣніемъ и кончилась уничтоженіемъ удѣловъ. Итакъ, въ это время мы видимъ вмѣсто полнаго юридическаго равенства между волостями,—съ фактическими преимуществами нѣкоторыхъ, преимуществами, утвержденными за ними всеобщимъ сознаніемъ, — нѣсколько не равныхъ волостей, неравенство коихъ создано искусственно, въ видахъ усиленія старшаго князя.

Однимъ изъ могущественныхъ средствъ провести это новое, княжеское начало, было завѣщаніе. Мы ожидали, что г. Сергѣевичъ нѣсколько больше оттѣнитъ духовныя граматы Московскихъ князей отъ завѣщаній князей древнѣйшаго періода. А разница эта, особенно если взять (какъ это дѣлаетъ авторъ) весь княжеско-московскій періодъ вплоть до Ивана IV, громадная. Въ древній періодъ личная воля завѣщателя часто оставалась въ области желаній. «Призваніе» и «добываніе» легко могли совершенно измѣнить планъ завѣщателя. Напротивъ, Московскіе князья не были уже призванными князьями, а князьями наслѣдственными; съ уничтоженіемъ, или лучше сказать, съ ослабленіемъ татарскаго владычества послѣднее средство добыванія столовъ уничтожилось. Слѣдовательно, тогда завѣщанія сдѣлались проводникомъ новыхъ государственныхъ началъ и должны были завершиться торжествомъ единонаслѣдія и единодержавія.

Точно также и договоры междукняжескіе измѣнили свой характеръ.

Авторъ разсматриваетъ и это явленіе на всемъ пространствѣ княжескаго періода, не разграничивая двухъ указанныхъ нами эпохъ. Вслѣдствіе того у него попадаются весьма странныя замѣчанія. Такъ, на стр. 136 и 137, авторъ говоритъ о содержаніи договоровъ слѣдующее:

«Со стороны содержанія договоры могутъ быть раздѣлены на двѣ большія группы: первую составляютъ тѣ, условія которыхъ относятся къ распредѣленію волостей между князьями; ко второй должны быть отнесены договоры, устанавливающіе политическіе союзы. Эти послѣдніе, въ свою очередь, мы подраздѣляемъ на два вида: первый составитъ такіе союзы, въ силу которыхъ не возникаетъ никакого ограниченія политической самостоятельности договаривающихся сторонъ; второй—всѣ тѣ, которыми условливается такое ограниченіе для одной изъ нихъ».

Авторъ прежде всего приступаетъ къ разсмотрѣнію договоровъ, которыми устанавливались политическіе союзы. На чемъ основано это дѣленіе политическихъ союзовъ на два вида? Встрѣчается ли оно во всѣ періоды нашей исторіи одинаково? Конечно, нѣтъ. Договоры, имѣвшіе въ виду ограничить одну изъ договаривающихся сторонъ въ пользу другой, встрѣчаются исключительно въ позднѣйшее время княжескаго періода. Этотъ видъ договоровъ необходимо было разсмотрѣть въ связи съ указаннымъ выше различіемъ, установившимся въ сѣверо-восточной Россіи, между великими и удѣльными князьями и между различными видами великихъ князей. Стремленіе каждаго великаго князя состояло въ томъ, чтобы низвести другихъ князей, носившихъ этотъ титулъ, на степень младшихъ, а князей удѣльныхъ совершенно подчинить своей волѣ, на первый разъ по вопросамъ внѣшней политики. Читая же повѣствованіе объ этихъ договорахъ у г. Сергѣевича, невольно спрашиваешь себя, откуда они взялись и какой цѣли удовлетворяли.

Заключимъ нашъ разборъ болѣе общими вопросами исторіи нашего права. По прочтеніи книги г. Сергѣевича читателю невольно представляется вопросъ: какимъ образомъ порядокъ, только-что изображенный авторомъ, перешелъ въ государственный бытъ Московскаго государства? По мнѣнію автора, изъ двухъ силъ, прежде существенно необходимыхъ въ каждой волости, князя и вѣча, осталась только одна—князь. Итакъ, князь отмѣнилъ вѣче. Въ этомъ ему помогла самая жизнь (стр. 20). Но какая же жизнь? Такія выраженія требуютъ точныхъ поясненій. Выраженія «народный духъ», «жизнь», взятыя сами по себѣ, поясняютъ все, что угодно, ибо они ровно ничего не объясняютъ. Въ историко-юридическомъ изслѣдованіи эти смутныя выраженія должны быть переведены на точный языкъ. Изъ причинъ, обусловившихъ переходъ вѣчевой Россіи въ единодержавную, авторъ выставляетъ три: вліяніе татарскаго владычества, установленіе помѣстной связи между служилыми людьми и княземъ и объединеніе Россіи.

Намъ кажется, что первая изъ этихъ причинъ чисто внѣшняя, а двѣ

остальныя не самостоятельныя, а производныя. Вліяніе татарскаго владычества авторъ опредѣляетъ тѣмъ, что оно перенесло центръ русской политической жизни изъ Россіи въ Орду (стр. 21). Врядъ ли это такъ. Центръ древней Россіи, Кіевъ, утратилъ свое значеніе гораздо раньше татарскаго завоеванія; вся сила политической жизни сосредоточилась въ сѣверо-восточной Россіи. Но долгое время неизвѣстно было, какой городъ или какая волость займетъ первенствующее положеніе, принадлежавшее прежде Кіеву. Борьба городовъ съ пригородами и князей между собою длилась долго, и татарское завоеваніе застало Россію за этимъ «нерѣшеннымъ вопросомъ». Центръ политической жизни и не былъ перенесенъ въ Орду, а постепенно вырабатывался въ самой Россіи. Татарское завоеваніе измѣнило только способъ и средства борьбы. Князья пользовались Ордой такъ, какъ прежде пользовались вѣчевыми партіями, но затѣмъ все зависѣло отъ ихъ ловкости и умѣнья. Московскіе князья взяли верхъ, и Москва стала политическимъ центромъ новой Россіи. Причина паденія вѣча, какъ политической силы, заключается въ самыхъ свойствахъ новаго ея центра. Свойства же эти обусловливались тѣмъ, что въ это время начало призванія совершенно измѣнило свой характеръ. Основная идея призванія уцѣлѣла и въ московскихъ князьяхъ, въ томъ смыслѣ, что князь былъ представителемъ государственной власти, созданной для водворенія порядка и суда. Но власть эта перестала призываться или признаваться народомъ при каждой перемѣнѣ князя. Съ успленіемъ начала престолонаслѣдія, народное призваніе не дѣйствовало, пока былъ князь, наслѣдовавшій по праву. Оно возобновлялось только въ рѣдкихъ случаяхъ, за прекращеніемъ княжескаго рода. Такъ были «призваны» на престолъ Борисъ Годуновъ, Шуйскій, королевичъ Владиславъ, Михаилъ Ѳедоровичъ. Государственная идея, зародившаяся въ первый моментъ призванія князей, какъ реакція общинному быту, достигла новой, высшей степени развитія. Татарское владычество имѣло для насъ огромное значеніе въ другомъ отношеніи; оно дало новый толчекъ народному самосознанію и повело къ практическому осуществленію государственнаго единства, которое, подъ вліяніемъ вѣчеваго раздробленія, начало принимать какой-то отвлеченный характеръ.

Идея государственнаго единства передана была Москвѣ древнею Россіей, но въ древнѣйшій періодъ она имѣла мало практическаго значенія. Раздробленіе волостей ослабляло значеніе государственнаго центра. Волости воспѣвали «святую Русь», но могли тянуть къ не русскимъ центрамъ. Во-первыхъ, князья призывались не изъ однихъ потомковъ княжескаго рода, но и изъ иноземцевъ. Это было бы еще ничего, но плохо было то, что цѣлыя волости были готовы признать чужеземное владычество и тянули то къ полякамъ, то къ нѣмцамъ. Мы видѣли, что въ древней Россіи единство волости обусловливалось силою главнаго города, вслѣдствіе чего не

было положено никакихъ предѣловъ безостановочному ея раздробленію. Политическое единство поддерживалось развѣ тѣмъ, что князья, въ большинствѣ случаевъ, принадлежали къ одному и тому же княжескому роду. Москва сдѣлалась дѣйствительнымъ и обязательнымъ для всѣхъ центромъ, къ которому долженъ былъ тянуть всякій кто принадлежалъ къ русскому народу. Причина этого заключается въ томъ, что связь между волостями стала поддерживаться не властью старшаго города надъ младшими (Москва была младшимъ изъ всѣхъ городовъ сѣверо-восточной Россіи), а властью Московскаго князя. Волости, присоединявшіяся къ Москвѣ, подчинялись не ей, а ея князю. Этимъ установилась возможность дѣйствительнаго политическаго единства. Пока князь былъ произведеніемъ вѣча, волости подчинялись не ему, а старшему городу. Но одна община подчинялась другой только до тѣхъ поръ, пока у послѣдней было достаточно силы, чтобы подчинять, а другая была на столько слаба, что должна была подчиняться. Въ Московскій періодъ вопросъ былъ поставленъ иначе; общины не подчинялись болѣе общинамъ, а государственной власти князя. Идея государства, какъ особаго элемента, выдѣленнаго изъ элементовъ общинныхъ, окрѣпла. Прежде «государство» было пріурочено къ каждой общинѣ; въ каждой изъ нихъ было свое государство. Теперь Русское государство было сосредоточено въ лицѣ Московскаго государя. Государи эти, обладавшіе огромнымъ политическимъ смысломъ, весьма рано умѣли поставить вопросъ такъ, что всякая волость, не тянувшая къ нимъ, въ то же время не тянула ни къ Русскому государству, ни къ Русской землѣ.

Итакъ, государство только докончило дѣло, начатое нѣкогда самими общинами, то-есть, низвело ихъ на степень административныхъ и хозяйственныхъ единицъ. Высшимъ предѣломъ этого подчиненія общинъ государству было такъ называемое закрѣпленіе сословій. Авторъ, какъ намъ кажется, напрасно выставляетъ значеніе помѣстнаго служилаго класса, какъ главнаго орудія уничтоженія вѣчеваго быта. Московскимъ государямъ гораздо больше приходилось вести борьбу съ прежнею дружиной, чѣмъ съ общинами. Мало того: въ XVI столѣтіи государство передало въ руки общинъ важнѣйшіе административные вопросы, отъ которыхъ оно отставило служилый классъ. Община, утратившая свое значеніе въ политической сферѣ, сохранила его въ административной и хозяйственной. Негодная къ политическому самоуправленію, она оказалась весьма пригодною къ самоуправленію въ административной дѣятельности. Общины спокойно тянули возложенное на нихъ тягло и стянули Московское государство. Слѣдовательно, авторъ напрасно выставляетъ закрѣпленіе служилаго класса, какъ главное средство упроченія независимости государственной власти. Это было бы вѣрно въ томъ случаѣ, если бы государство принуждено было вести какую-нибудь борьбу съ общинами, противопоставлять *свое* начало чужому. Это

вѣрно, пожалуй, по отношенію къ Новгороду и Пскову, и то только къ ближайшимъ волостямъ этихъ городовъ, а не къ другимъ, которыя издавна тянули къ Москвѣ. Въ другихъ областяхъ Россіи мы не видимъ ничего подобнаго. Всѣ элементы общества были для государства *своими*. Закрѣпленіе служилаго класса было однимъ изъ многочисленныхъ «закрѣпленій» сословій. Далѣе, не оно было *причиною* независимости государственной власти; напротивъ того, князь подчинилъ себѣ служилыхъ людей, потому что былъ уже достаточно независимъ раньше того. А причина этой независимости лежитъ въ той же идеѣ *призванія*, постепенное развитіе которой проходитъ чрезъ всю русскую исторію, и окончательное значеніе которой выразилось только въ Московскомъ государствѣ.

Да, только Московское государство довело до конца эту общерусскую идею! Оно спеціализировало ее, такъ сказать, для Русскаго государства. Нельзя не пожалѣть, что авторъ не провелъ различія между тою эпохою, когда русская государственная жизнь почти не отличалась отъ государственнаго быта другихъ современныхъ славянскихъ племенъ. Сравнительнаго метода онъ почти не употребляетъ. Между тѣмъ такое сравненіе съ родственными намъ племенами дало бы ему возможность выставить значеніе этой эпохи, когда изъ общеславянскихъ элементовъ начало складываться *Русское* государство.

Въ этой небольшой статьѣ мы не можемъ исчерпать всѣхъ вопросовъ, которые возбуждаетъ интересный трудъ г. Сергѣевича. Повторимъ здѣсь то, что уже высказано намп въ началѣ статьи. Должно сознаться, что сколько это позволяетъ избранный имъ методъ, онъ изслѣдуетъ вопросы нашего государственнаго быта глубоко и разносторонне. Если къ этой глубинѣ и разносторонности мы присоединимъ отличное знакомство съ источниками, живое изложеніе и точный языкъ, то мы дадимъ полное понятіе о качествахъ труда нашего ученаго.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ИСТОРІИ ЦЕРКОВНАГО УПРАВЛЕНІЯ *).

Монастырскій приказъ (1649—1725 г.). Опытъ историко-юридическаго изслѣдованія. Свящ. М. Горчакова. Спб., 1868 г.

Медленно обогащается наша юридическая литература. Годъ, два и даже три раздѣляютъ одно сочиненіе отъ другаго. Притомъ и этотъ ростъ, такъ сказать, искусственный. Юридическія книги пишутся у насъ не въ виду какихъ нибудь настоятельныхъ общественныхъ потребностей, а для полученія ученой степени. Недавно лишь пробудившееся общественное сознаніе слишкомъ еще мало имѣетъ вліянія на развитіе ученой юридической литературы, особенно по вопросамъ государственнаго права. Выборъ темы, способъ изложенія, характеръ сочиненія, все это пока предоставляется исключительно болѣе или менѣе случайному усмотрѣнію автора. Тѣмъ большаго уваженія заслуживаютъ лица, умѣющія выбрать для своего сочиненія вопросъ, интересный не для однихъ записныхъ ученыхъ, и изложить его языкомъ, понятнымъ не для однихъ «жрецовъ науки».

Къ числу такихъ сочиненій по справедливости должно отнести трудъ г. Горчакова. Сочиненіе его касается исторіи одного изъ самыхъ любопытныхъ вопросовъ въ государственномъ правѣ,—вопроса объ отношеніи государства къ церкви, такъ своеобразно разрѣшеннаго въ Россіи, — написано общедоступно и разъясняетъ самые сложные вопросы, не прибѣгая къ тонкостямъ и отвлеченностямъ. Независимо отъ этого, его трудъ удовлетворяетъ и научнымъ потребностямъ. Ни въ чемъ, быть-можетъ, не нуждается наша историко-юридическая литература, какъ въ монографическихъ изслѣдованіяхъ объ отдѣльныхъ приказахъ Московскаго государства; только съ помощію такихъ изслѣдованій можно будетъ составить полное понятіе о началахъ и способахъ администраціи XVII вѣка. Г. Горчаковъ подаетъ весьма хорошій

*) Написана въ 1868 г.

примѣръ будущимъ изслѣдователямъ исторіи русскаго права. Вся неопредѣленность началъ древней администраціи и зависѣвшія отъ нея неопредѣленность вѣдомства и разнообразіе обязанностей приказовъ выступаютъ въ его сочиненіи весьма наглядно. Затѣмъ дѣятельность Петровскаго Монастырскаго приказа, подготовившая многія коренныя реформы въ церковной администраціи въ царствованіе Петра Великаго, очерчена довольно полно и большею частію на основаніи неизданныхъ источниковъ. Вслѣдствіе этого сочиненіе г. Горчакова заслуживаетъ подробнаго разбора, тѣмъ болѣе что оно, какъ всякій талантливый трудъ, возбуждаетъ много вопросовъ, требующихъ разъясненія въ интересахъ самой науки.

Авторъ называетъ свое сочиненіе, представляющее, впрочемъ, довольно законченное цѣлое, «опытомъ историко-юридическаго изслѣдованія» и прибавляетъ, что «настоящая монографія образовалась изъ отдѣла приготовляемаго имъ сочиненія *Русское церковное право въ періодѣ патріаршій*». Слѣдовательно, автору въ этомъ изслѣдованіи пришлось только отчасти сообщить свои общіе взгляды на исторію русскаго церковнаго права и притомъ развить ихъ не вполнѣ, что, какъ увидимъ ниже, имѣло большое вліяніе на все его изложеніе. Въ этомъ «опытѣ» онъ стремится выяснить разные вопросы обще-историческаго и юридическаго свойства. Вообще всякое историко-юридическое изслѣдованіе пишется съ одною главною цѣлію: прослѣдить развитіе извѣстныхъ юридическихъ понятій. Эти юридическія понятія, институты, являются, такъ сказать, главными героями историческаго разсказа. Сочиненіе, написанное въ формѣ простой исторіи, не имѣетъ такой опредѣленной цѣли. Историкъ не въ правѣ обойдти ни одного вопроса, связаннаго съ бытомъ извѣстнаго учрежденія. Историкъ церкви говоритъ объ историческомъ развитіи догматовъ, о нравственной жизни общества, о дѣятельности церкви во всемъ ея разнообразіи, о іерархахъ, имѣвшихъ вліяніе на бытъ церкви, о церковныхъ имуществахъ, о школахъ и т. д.; ибо ему приходится имѣть дѣло съ жизнію церкви во всемъ ея разнообразіи. Юристъ пользуется всѣмъ этимъ матеріаломъ, но группируетъ его около вопросовъ, которыхъ историкъ не касается. У юриста волею-неволею готовъ исходный пунктъ, центръ, вокругъ котораго онъ долженъ группировать историческіе факты. Вотъ почему у него должны быть точно разграничены юридическія понятія, ибо въ противномъ случаѣ онъ не будетъ въ состояніи сдѣлать точную оцѣнку древняго юридическаго быта.

Насколько г. Горчаковъ является юристомъ въ своемъ изслѣдованіи? Другими словами: въ какомъ отношеніи находятся два элемента его сочиненія — историческій и юридическій?

Мы начнемъ съ перваго, такъ какъ это самая сильная сторона труда г. Горчакова. Рѣдкій писатель отличается такимъ трудолюбіемъ и умѣньемъ собирать матеріалы, какъ онъ. Предметъ его изслѣдованія почти новъ. Мы

говоримъ *почти*, такъ какъ вопросы, изслѣдуемые о. Горчаковымъ, то-есть предметы дѣятельности Монастырскаго приказа, были уже предметомъ разныхъ сочиненій. Въ числѣ ихъ нельзя не указать на превосходныя изслѣдованія гг. Неволина и Милютина *), на труды гг. Лохвицкаго, Дмитріева и Чичерина. Но сочиненіе г. Горчакова представляетъ чрезвычайно много новаго въ томъ отношеніи, что самая обширная часть его труда (4 и 5 главы) основана на неизданныхъ источникахъ, которые онъ съ замѣчательнымъ трудолюбіемъ и добросовѣстностію собралъ въ архивахъ министерства юстиціи въ Москвѣ и синодальномъ въ Петербургѣ. Онъ не только воспользовался этими матеріалами для своего изслѣдованія, но въ концѣ книги помѣстилъ обширныя приложенія, въ которыхъ находятся весьма важные факты для исторіи русской администраціи вообще и церковной въ особенности. Матеріалы эти занимаютъ болѣе 150 страницъ мелкаго шрифта и касаются главнымъ образомъ исторіи церковной администраціи при Петрѣ Великомъ, то-есть самаго малоизвѣстнаго періода нашей церковной исторіи. Съ помощію этихъ документовъ, г. Горчаковъ успѣлъ охарактеризовать дѣятельность Монастырскаго приказа, его положеніе среди другихъ государственныхъ учрежденій, отношенія его къ областному управленію, сенату и св. синоду. Далѣе онъ разсмотрѣлъ его роль относительно церковнаго управленія, администраціи церковныхъ имуществъ, указалъ какъ государство распоряжалось доходами съ церковныхъ имуществъ и т. д. Читая его книгу, живо представляешь себѣ эпоху преобразованій Петра Великаго, когда молодому государству нужно было столько средствъ для борьбы съ внѣшними врагами, для водворенія внутри началъ западно-европейской цивилизаціи, для коренной реформы во всей нашей государственной жизни. Монастырскія имущества сильно участвовали во всѣхъ этихъ громадныхъ издержкахъ. Школы, типографіи, богадѣльни, госпитали, содержаніе отставныхъ военныхъ чиновъ, — на все это шли доходы Монастырскаго приказа (стр. 181—195). Затѣмъ авторъ представляетъ богатыя данныя относительно положенія монастырскихъ крестьянъ, переходившихъ въ завѣдываніе свѣтской власти, подробно исчисляетъ всѣ виды церковныхъ доходовъ, окладныхъ и не окладныхъ, и т. д.

По насколько изложеніе этихъ фактовъ находится въ связи съ началами русскаго церковнаго права въ ихъ историческомъ развитіи? Авторъ во введеніи говоритъ, что онъ намѣренъ изслѣдовать вопросъ о Монастырскомъ приказѣ «какъ такомъ государственномъ учрежденіи, исторія котораго находилась въ тѣсной связи съ исторіей русскаго церковнаго права въ теченіе

*) *О пространствѣ церковнаго суда*, г. Неволина, помѣщено въ VI томѣ его сочиненій. *О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи*, г. Милютина, помѣщено въ *Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей*, за 1859—1861 г.

весьма замѣчательныхъ въ русской исторіи періодовъ». Слѣдовательно, вопросъ заключается въ томъ, какія начала церковнаго права выразились въ этомъ приказѣ, какимъ потребностямъ складывавшагося государства удовлетворяло это установленіе? Авторъ категорически отвѣчаетъ на это: «На долю Монастырскаго приказа, говоритъ онъ, выпало развитіе важныхъ и сложныхъ вопросовъ въ исторіи русскаго права и государства. Это, вопервыхъ, вопросъ о гражданской подсудности духовенства или, иначе, о подсудности духовенства и лицъ, ему подвластныхъ *по владѣльческимъ и служебнымъ* отношеніямъ, въ дѣлахъ гражданскихъ, и вовторыхъ, вопросъ объ отчужденіи церковныхъ вотчинъ изъ-подъ власти духовенства для передачи ихъ государству. Ходъ развитія этихъ вопросовъ въ Россіи находится въ нераздѣльной связи съ исторіей Монастырскаго приказа». Изъ этого видно: 1) что авторъ изъ всѣхъ вопросовъ церковнаго и государственнаго права выбралъ два: вопросъ о гражданской подсудности духовенства и вопросъ о церковныхъ имуществахъ. 2) Что, по его мнѣнію, гражданская подсудность духовенства слагалась изъ подсудности лицъ, подвластныхъ духовенству по *владѣльческимъ* и *служебнымъ* отношеніямъ.

Авторъ не указываетъ, почему онъ остановился на двухъ означенныхъ вопросахъ. Потому ли что они важны сами по себѣ, по ихъ вліянію на отношенія церкви къ государству вообще, или потому что разрѣшеніе ихъ составляло исключительную задачу Монастырскаго приказа? Если ему хотѣлось прослѣдить, какъ установились отношенія государства къ церкви, то всѣ вопросы, касающіеся этого предмета, должны бы одинаково остановить на себѣ его вниманіе. Между тѣмъ онъ исключаетъ изъ круга своихъ изслѣдованій уголовную подсудность духовенства и нѣкоторыя другія важныя стороны церковнаго права. Остается, слѣдовательно, допустить второе предположеніе, что авторъ остановился на этихъ вопросахъ потому, что они составили сферу дѣятельности Монастырскаго приказа. Въ такомъ случаѣ г. Горчаковъ упустилъ другіе, не менѣе важные предметы, входившіе въ эту сферу. Онъ самъ говоритъ (на стр. 79), что кругъ дѣятельности приказа былъ неопредѣленный. «Онъ оказывается и финансовымъ, отчасти административнымъ и даже полицейскимъ учрежденіемъ по отношенію къ предметамъ чисто церковнымъ» (?). На страницѣ 195 онъ прибавляетъ, что «Петровскій Монастырскій приказъ былъ, между прочимъ, и судебнымъ учрежденіемъ для гражданскихъ и *уголовныхъ* дѣлъ, для всѣхъ лицъ своего вѣдомства». Почему же авторъ счелъ себя въ правѣ обойдти всѣ эти вопросы, говоря о дѣятельности Монастырскаго приказа? Обходя ихъ въ общемъ опредѣленіи роли и значенія приказа, онъ не можетъ обойдти и не обходитъ ихъ, описывая его дѣятельность. Масса матеріала, имъ же приведеннаго, должна бы, казалось, убѣдить его, что не для однѣхъ указанныхъ имъ цѣлей былъ учрежденъ Монастырскій приказъ. Такимъ образомъ, онъ сдѣлалъ предметомъ своего

труда не всю совокупность началъ, въ виду которыхъ былъ учрежденъ приказъ, но только нѣкоторыя изъ нихъ, и это, конечно, не могло способствовать полнотѣ изслѣдованія. Мы не видимъ даже основанія, почему все сочиненіе названо *Монастырскій приказъ;* оставаясь вѣрнымъ своему основному воззрѣнію, авторъ не долженъ бы былъ касаться тѣхъ разнообразныхъ сторонъ дѣятельности «приказа», относительно которыхъ имъ приведено столько фактовъ. Дѣйствительно, факты эти являются въ его сочиненіи чѣмъ-то случайнымъ; авторъ самъ удивляется, почему приказъ занимался тѣмъ или другимъ предметомъ, выходившимъ изъ круга двухъ вопросовъ, указанныхъ въ началѣ сочиненія. Г. Горчаковъ объясняетъ это обстоятельство *неопредѣленностію* круга дѣятельности приказа, тѣсно связанною съ неопредѣленностію его положенія. Но почему онъ думаетъ, что *только* эти два вопроса были главною цѣлію приказа, а другія стороны его дѣятельности являлись чѣмъ-то дополнительнымъ, случайнымъ,—этого онъ, къ сожалѣнію, не объясняетъ.

Допустимъ, что вопросы гражданской подсудности и объ имуществахъ духовенства сами по себѣ достаточно важны, чтобы вызвать цѣлое государственное установленіе; согласимся, что въ эпоху *Уложенія* «предъ судебною властью Монастырскаго приказа другія его занятія имѣли весьма мало значенія» (стр. 101). Но если авторъ дастъ такое значеніе вопросамъ о гражданской подсудности и церковныхъ имуществахъ, то тѣмъ болѣе мы въ правѣ ожидать отъ него полнаго и всесторонняго разъясненія значенія этихъ вопросовъ для исторіи церковнаго и государственнаго права.

И прежде всего намъ хотѣлось бы найдти у него изслѣдованіе о значеніи гражданской подсудности духовенства. Взятый самъ по себѣ вопросъ этотъ принадлежитъ области гражданскаго судопроизводства и судоустройства; между тѣмъ онъ является однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ изслѣдованія г. Горчакова, называющаго свой трудъ сочиненіемъ по государственному праву. Въ государственномъ же правѣ вопросъ о подсудности имѣетъ значеніе въ двоякомъ отношеніи: вопервыхъ, онъ связанъ съ вопросомъ объ отношеніи судебной власти государства къ власти церкви, вовторыхъ, съ нимъ связанъ вопросъ о привилегированномъ положеніи духовенства въ ряду другихъ сословій. Монастырскому приказу нужно было разрѣшить вопросъ о подсудности духовенства или для того, чтобъ ослабить судебную власть церкви, или для того чтобы сравнять духовенство съ другими сословіями, или для того и другаго вмѣстѣ. Какъ же объясняетъ это дѣло авторъ? Сначала онъ, повидимому, намѣренъ говорить объ отношеніи *судебной власти церкви по гражданскимъ дѣламъ къ суду государственному.* Онъ объявляетъ о намѣреніи говорить «о подсудности духовенства и лицъ, ему подвластныхъ по владѣльческимъ и служебнымъ отношеніямъ, въ дѣлахъ гражданскихъ». Изслѣдованіе свое онъ начинаетъ съ того момента, какъ судебно-

гражданскія права церковныхъ властей и учрежденій встрѣтились, послѣ утвержденія единодержавія, лицомъ къ лицу съ верховными, самодержавными правами государства въ области суда. Здѣсь открывается исходный пунктъ развитія въ исторіи русскаго права особыхъ отношеній *судебно-гражданской власти церкви и государства* (стр. 24). Но въ такомъ случаѣ авторъ для обозначенія изслѣдуемаго имъ вопроса употребилъ терминъ весьма неточный. Онъ говоритъ не о гражданской подсудности духовенства, а о *власти* церкви по судебно-гражданскимъ дѣламъ. Судебная власть церкви по дѣламъ гражданскимъ вопросъ чрезвычайно важный и сложный, хотя авторъ и даетъ ему довольно узкое значеніе. Онъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что терминъ «гражданская подсудность» употребляется имъ въ качествѣ подсудности по личнымъ, имущественнымъ и обязательственнымъ отношеніямъ и правамъ, которыя составляютъ предметъ гражданскаго права (стр. 5, примѣч.). Еслибъ онъ прослѣдилъ власть церкви по всѣмъ этимъ отношеніямъ, изслѣдованіе его вышло бы весьма полно. Власть церкви по дѣламъ гражданскимъ простиралась не только на лица, подчиненныя ей по служебнымъ и владѣльческимъ отношеніямъ,—судебная власть духовенства, въ силу древняго нашего законодательства, простиралась: а) на лица духовнаго званія, b) на мірянъ, которые, по особенному отношенію ихъ къ церкви, причислялись къ церковнымъ людямъ (лѣчецъ, прощенникъ, задушный человѣкъ и т. п.). Это были лица, подлежащія церковному суду. Впослѣдствіи къ нимъ присоединились лица, жившія на церковныхъ земляхъ и въ силу жалованныхъ граматъ подчиненныя суду церкви. Затѣмъ по нѣкоторымъ *предметамъ* судебная власть церкви распространялась на лица всѣхъ сословій *); дѣла союза семейственнаго во всей полнотѣ подлежали суду церкви. Церковь, со введеніемъ христіанства, взяла подъ свое завѣдываніе семью, ибо только этимъ путемъ могла она пересоздать языческое общество, гдѣ семья была центромъ не только нравственной, но и религіозной жизни. Только побѣдивъ семью, она могла побѣдить язычество и языческую нравственность. Вслѣдствіе этого церковь распространила свое вліяніе на все, что было связано съ семейнымъ бытомъ языческаго міра. Способы заключенія брака, охраненіе святости брачнаго союза, дѣла между родителями и дѣтьми, мужемъ и женой, затѣмъ дѣла о наслѣдствѣ, духовныя завѣщанія, дѣла опеки и т. д., все это входило въ предѣлы церковнаго суда. Авторъ не касается этихъ вопросовъ. Его занимаютъ только дѣла лицъ, подчиненныхъ церкви во всѣхъ отношеніяхъ, и главное дѣла духовенства по вопросамъ имущественнымъ. Трудно сказать, почему онъ обратилъ вниманіе только на эти вопросы, если принимать терминъ подсудности и судебно-гражданской власти церкви во всемъ ихъ объемѣ.

---

*) Объ этомъ см. Неволина: *О пространствѣ церковнаго суда.*

Авторъ можетъ сказать, что онъ имѣлъ въ виду выяснить положеніе только лицъ *духовнаго сословія* къ свѣтскому суду. Но тогда, повторяемъ, ему слѣдовало взять не одну гражданскую подсудность, но и уголовную. Привилегированное положеніе *духовнаго сословія* въ государствѣ опредѣлялось не одною гражданскою его подсудностію. Автора, очевидно, занимаютъ болѣе всего *отношенія членовъ церкви къ государству со стороны ихъ имущественныхъ интересовъ*. Въ самомъ дѣлѣ, если мы разберемъ внимательно, по отношенію къ какимъ предметамъ авторъ намѣренъ прослѣдить пространство судебной власти церкви, легко будетъ убѣдиться, что онъ имѣетъ въ виду вопросы имущественные и главнымъ образомъ вопросъ о недвижимой собственности духовенства. Вслѣдствіе этого вопросъ о подсудности имѣетъ для него подчиненное значеніе, является средствомъ для выясненія болѣе важнаго вопроса. Съ какой бы стороны мы ни взяли вопросъ о подсудности— со стороны ли вопроса о судебной власти церкви, со стороны ли правъ духовенства какъ сословія, онъ является неразрѣшеннымъ въ книгѣ г. Горчакова. Его занимаетъ церковь со стороны ея имущественныхъ правъ.

Предметъ его объемистаго разсказа — имущественныя отношенія церкви. Зачѣмъ же было давать два названія одной и той же вещи? Еслибъ авторъ сказалъ, что, по его мнѣнію, на долю Монастырскаго приказа выпало разрѣшеніе вопроса объ отношеніи церкви къ государству по имуществу, всякій ясно бы понялъ цѣль его изслѣдованія. Теперь читателю приходится самому и не безъ труда открывать основную мысль.

Вслѣдствіе того, что вопросъ объ имущественныхъ отношеніяхъ духовенства занимаетъ главное мѣсто въ книгѣ, авторъ недостаточно разграничилъ вопросъ о томъ, какое мѣсто принадлежало церкви въ государствѣ по по церковному праву, и какое мѣсто заняла она въ Россіи вслѣдствіе чисто-историческихъ условій. Это обстоятельство сильно отразилось на его изслѣдованіи о судебной власти церкви. Онъ прямо смѣшиваетъ судебную власть церкви, какъ она образовалась въ силу церковныхъ уставовъ, съ тою, которая развилась впослѣдствіи изъ вотчинныхъ правъ церкви. Онъ говоритъ о судѣ церкви надъ лицами, подчиненными ей по служебнымъ (то-есть на основаніи уставовъ) и владѣльческимъ отношеніямъ. Все это вмѣстѣ составляло гражданскую подсудность духовенства. Правда, авторъ различаетъ два источника, изъ которыхъ развилась судебная власть церкви по уставамъ и по вотчинному праву. Но въ послѣдующемъ изложеніи это различіе исчезаетъ; двѣ причины приводятъ какъ будто къ одному и тому же явленію. Причинъ двѣ, явленіе одно. Между тѣмъ эти двѣ причины до такой степени различны, что онѣ не могли породить одно явленіе. Гражданская власть церкви, какъ религіознаго учрежденія, ничего не имѣла общаго съ ея вотчинными правами, и по очень простой причинѣ. Въ первомъ случаѣ права принадлежали *церкви*, на основаніи уставовъ, во второмъ — отдѣльнымъ

церковнымъ установленіямъ, монастырямъ, соборамъ, митрополиту, и не какъ духовному лицу, а какъ частному владѣльцу, и не на основаніи канововъ, а въ силу жалованныхъ граматъ. Въ первомъ случаѣ права принадлежали всѣмъ іерархамъ и въ одинаковой степени, во второмъ не всѣмъ (ибо были монастыри не имѣвшіе права суда) и не въ одинаковой степени, ибо объемъ судебно-вотчинныхъ правъ опредѣлялся жалованною граматой по усмотрѣнію государя. Для того чтобы замѣтить эту разницу, автору слѣдовало внимательнѣе остановиться на церковныхъ уставахъ и разобрать ихъ подробнѣе, чѣмъ онъ это сдѣлалъ. Посмотримъ же, что говорятъ уставы. Авторъ начинаетъ съ древнѣйшихъ временъ, мы начнемъ съ нихъ же. По мнѣнію автора, гражданская подсудность духовенства въ древнее время состояла въ слѣдующемъ: монашествующіе, духовныя лица и состоящія въ клирѣ судились не только въ церковныхъ, но и въ гражданскихъ дѣлахъ *между собою* епископами; епископы подлежали суду митрополита (стр. 11—12). Это въ общихъ чертахъ вѣрно; мы не видимъ только почему г. Горчаковъ ссылается на западно-русскую редакцію *Устава Ярослава*, подложность которой вполнѣ доказана *). Ему достаточно было сослаться на уставъ Св. Владиміра, гдѣ находится слѣдующее постановленіе: «а се люди церьковніи, преданіи митрополиту по правиламъ: игуменъ, игуменья, попъ, діаконъ, попадья, діаконица, и дѣти ихъ, и кто въ кліросѣ, черпецъ, черница, проскурница, пономарь, лѣчець, прощеникъ, баба вдовица, задушный человѣкъ» и т. д. Уставы касаются только суда надъ церковными людьми, подлежащими суду митрополита по правиламъ церковныхъ уставовъ. Это единственныя лица, подсудность которыхъ опредѣляется не по предметамъ, а по лицамъ. Этихъ людей сравнительно было немного. Напротивъ, все значеніе церковнаго суда по уставамъ основано на томъ, что масса предметовъ предоставлена завѣдыванію духовныхъ властей. Слѣдовательно, правила имѣли въ виду изъятіе нѣкоторыхъ предметовъ изъ-подъ свѣтскаго суда въ видахъ усиленія нравственнаго вліянія церкви на общество и изъятіе церковныхъ людей отъ суда мірскаго, въ видахъ установленія привилегированнаго положенія церкви. Отсюда до особыхъ правъ церкви по имуществу еще далеко. Между тѣмъ, говоря о судебной дѣятельности Монастырскаго приказа, авторъ постоянно смѣшиваетъ или, лучше сказать, не раздѣляетъ эти два начала. Вслѣдствіе этого, читая его разсказъ о протестахъ духовенства противъ судебной власти приказа, нельзя понять, что главнымъ образомъ огорчало духовенство—подчиненіе ли духовныхъ лицъ мірскому суду или подчиненіе этому суду монастырскихъ крестьянъ (см. стр. 83 и слѣд.). Духовенство, очевидно, стремилось составить въ государствѣ особую корпорацію, не только само по себѣ,

*) Неволинъ, тамъ же, стр. 311.

но и съ своими вотчинами. Нѣкоторые епархіальные архіереи просили государя, «чтобы духовнаго чина людей, также монастырскихъ и архіепископскихъ крестьянъ воеводамъ, кромѣ архіерея, ни въ какихъ дѣлахъ не судить» (стр. 89). Въ то время возможно было подобное смѣшеніе понятій, особенно въ виду достиженія разныхъ выгодъ. Но теперь и притомъ въ юридическомъ сочиненіи необходимо бы постоянно имѣть въ виду различіе между тѣмъ, что «повелѣваютъ божественныя правила», и тѣмъ, чего эти божественныя правила не говорили, а говорили жалованныя граматы, продуктъ доброй воли государства. Благодаря этому смѣшенію, вопросъ о гражданской подсудности *духовенства*, по церковнымъ правиламъ, совершенно затемняетъ вопросъ о подсудности его крестьянъ и его самого по имущественнымъ отношеніямъ съ другими лицами. Никонъ восклицаетъ «безъ нашего архіерейскаго благословенія отъ св. церкви животы и помѣстья отъемлютъ, и безъ архіерейскаго сбранія (избранія) епископы и архимандриты по ихъ волѣ поставляются, и по разсмотрѣнію ихъ посылаются, а насъ самихъ и весь преосвященный соборъ мірскіе люди судятъ, и называется тотъ судъ Монастырскій приказъ. И которыхъ самихъ, отъ Св. Духа врученною намъ властію, вяжемъ, тѣхъ увольняютъ, и ни во что кому связь и проклятіе почитаютъ» и т. д. Тутъ все: отнятіе помѣстья (конечно по суду) и вторженіе въ церковное управленіе, судъ надъ духовными и нарушеніе апостольскихъ заповѣдей! Въ глазахъ Никона, въ глазахъ части духовенства, которое вслѣдъ за раздраженнымъ патріархомъ добивалось безмѣрныхъ привилегій, это одно и то же. Но автору не надо было упускать изъ виду имъ же установленнаго разграниченія между двумя источниками судебной власти церкви. Это разграниченіе послужило бы ему руководящею нитью въ этомъ жаркомъ спорѣ духовенства съ свѣтскою властью, гдѣ, конечно, спорившіе не старались ни о точности выраженій, ни объ опредѣленности понятій. Упустивъ изъ виду это разграниченіе и излишне увлекаясь «объективностію» изложенія, авторъ посвящаетъ девять десятыхъ разсказа на изложеніе этихъ споровъ о церковныхъ правилахъ, подлѣ которыхъ мелькомъ проходятъ другія права духовенства, основанныя на совершенно иныхъ началахъ, вслѣдствіе чего предписанія церковнаго права сливаются съ вотчинными правами церкви, какъ въ писаніяхъ патріарха Никона.

При смѣшеніи понятій невозможны вѣрное изложеніе и оцѣнка фактовъ, относящихся къ вопросу, который такъ или иначе составляетъ главный предметъ изслѣдованія автора къ вопросу объ имущественныхъ отношеніяхъ духовенства. Послѣдуемъ за нимъ въ эту сферу и посмотримъ, на сколько здѣсь разграничены юридическія понятія. Хотя понятія о гражданской подсудности духовенства и вопросъ о его недвижимыхъ имуществахъ сливаются въ изслѣдованіи автора въ одинъ вопросъ, но, очевидно, они составляютъ два различные предмета. Духовенство могло сохранить исклю-

чительную подсудность (forum exemptum) и потерять свои вотчины, и наоборотъ. Обладаніе вотчинами ничего не прибавляло само по себѣ къ исключительнымъ правамъ духовенства по подсудности, ни вообще къ привилегированному положенію его въ государствѣ. Государство легко могло подчинить церковь свѣтскому суду по гражданскимъ дѣламъ, не отбирая церковныхъ вотчинъ. Послѣднія не составляли никакого препятствія для развитія государственной власти. Авторъ въ началѣ книги самъ раздѣляетъ эти два вопроса (стр. 6). Но впослѣдствіи они сливаются у него въ одно цѣлое, въ силу одного обстоятельства, на которое мы не можемъ не обратить вниманія. Судебная власть церкви по дѣламъ гражданскимъ, говоритъ онъ, распространялась, вопервыхъ, на лицъ, подлежавшихъ ея суду по указанію уставовъ, и вовторыхъ, на лицъ, подчиненныхъ ей, въ силу ея вотчинныхъ правъ. «Въ древней Руси, говоритъ авторъ (стр. 15), установилось юридическое положеніе: судомъ и данью тянути по землѣ и водѣ, то-есть кто владѣетъ землею населенною, тотъ и судитъ, и исправляетъ государственныя повинности и подати.... Это правовое положеніе получило всю свою силу въ древней Руси для властей и учрежденій церковныхъ по отношенію къ ихъ владѣніямъ. Оно-то и внесло въ гражданско-правовую жизнь русскаго народа, государства и церкви характеристическія особенности въ исторіи русскаго права».

Если бы подобное явленіе существовало въ Россіи, то оно не внесло бы въ русскую жизнь никакихъ *характеристическихъ* особенностей. Автору стоило вспомнить, на какихъ началахъ держалось феодальное государство, чтобъ убѣдиться, что оно имѣло какъ разъ тѣ же характеристическія особенности. Но дѣло въ томъ, что въ *древней* Россіи, до окончательнаго установленія крѣпостнаго права, *никогда* не было ничего подобнаго. Г. Горчаковъ совершенно превратно понимаетъ выраженіе: «судомъ и данью тянуть по землѣ и водѣ». Ему слѣдовало разрѣшить себѣ вопросъ: кто и къ кому тянулъ судомъ и данью? Для разрѣшенія этого вопроса ему не нужно было пускаться въ длинныя изслѣдованія; стоило только уяснить имъ же приведенное мѣсто изъ договорныхъ граматъ. Это мѣсто гласитъ: «А которыхъ бояръ и слугъ село, а имутъ жити въ нашей вотчинѣ, взяти вы на нихъ дань и судъ, какъ на своихъ». Единственный смыслъ этихъ словъ заключается въ томъ, что бояре и слуги, имѣющіе село въ какомъ либо удѣлѣ и живущіе въ немъ, тянутъ судомъ и данью къ удѣльному князю. Слѣдовательно, *вся лица*, а не только жившія на чужой землѣ, тянули судомъ и данью къ князю по своимъ землямъ и водамъ. Въ Россіи это означало одно изъ самыхъ простыхъ началъ древняго судопроизводства, то-есть, что *подсудность опредѣлялась мѣстомъ жительства* и мѣстомъ нахожденія недвижимаго имущества. Это дѣйствительно самое древнее начало нашего судопроизводства. Впослѣдствіи развились другія начала —

подсудность по лицамъ, по предметамъ и т. д. Второе начало (по лицамъ) дошло до полнаго своего развитія уже съ окончательнымъ образованіемъ сословій; въ древности же, когда земскій строй еще не былъ разбитъ сословными учрежденіями, подсудность и финансовыя обязанности опредѣлялись мѣстомъ жительства. Всѣ лица, жившія въ извѣстномъ мѣстѣ, *обязаны* были тянуть судомъ и данью къ извѣстному административному центру, къ которому они были приписаны. Изъ этого можно заключить, что приводимое авторомъ выраженіе имѣетъ въ виду обязанности народонаселенія по отношенію къ государству, а не по отношенію къ частнымъ лицамъ. Авторъ же, увлекаясь мнѣніемъ г. Чичерина (на котораго онъ и ссылается), объясняетъ этотъ фактъ въ смыслѣ вотчиннаго порядка, преобладавшаго въ древней Россіи. «Вообще судъ и дань, говоритъ онъ (стр. 15. прим. 2), были знакомъ принадлежности кому-либо извѣстной земли, это было лежащее на ней вотчинное право». Мы никогда не слыхали, чтобы въ древней Россіи судъ и дань были органически связаны съ фактомъ землевладѣнія. Если бы такая связь существовала, то какимъ же образомъ у насъ не утвердился феодализмъ? Почему въ древней Россіи не было крѣпостнаго права, и установилось оно уже впослѣдствіи, не какъ частное, а какъ государственное учрежденіе, и укрѣпилось окончательно только въ XVIII вѣкѣ? Авторъ говоритъ, что «владѣлецъ *населенныхъ земель* считался естественнымъ господиномъ и судьей для своихъ слугъ и лицъ, жившихъ на его владѣніяхъ». Мы рѣшительно не знаемъ въ древней Россіи *населенныхъ* земель, въ позднѣйшемъ смыслѣ этого выраженія. Въ древности были просто *земли*, на которыхъ жили *вольные* люди, и жили до тѣхъ поръ, пока имъ это нравилось. Пока крестьянинъ не терялъ своей личной свободы, онъ могъ оставаться во владѣніи боярина или уйдти куда ему угодно. Въ качествѣ вольнаго человѣка онъ никогда не терялъ своей связи съ государственною властью, платилъ ей дань, тянулъ къ ней судомъ и т. д. Еслибъ авторъ принялъ во вниманіе, кромѣ изслѣдованій г. Чичерина, еще превосходные труды г. Бѣляева, онъ никогда не навязалъ бы древней Россіи такого юридическаго «положенія». Это «положеніе» относилось столько же къ крестьянамъ, сколько и къ боярамъ и къ духовнымъ.

Но разъ положеніе высказано, надо выводить изъ него послѣдствія. Авторъ, очевидно, — поставленъ былъ въ большое затрудненіе. Съ одной стороны, онъ стремится логически провести чрезъ всю свою книгу принципъ, что «въ древней Россіи были два основныя начала судебно-гражданскихъ правъ церковныхъ властей и учрежденій — церковно-служебное и владѣльческое» (стр. 21). Съ другой — ему приходится имѣть дѣло съ фактами, прямо противорѣчащими второму изъ этихъ «основныхъ началъ». Какъ добросовѣстный историкъ, онъ не счелъ себя въ правѣ ихъ скрыть.

Логическое проведеніе «двухъ началъ» привело его къ невѣрной оцѣнкѣ

почти всѣхъ фактовъ, устанавливавшихъ отношеніе церкви къ государству. Первымъ и необходимымъ послѣдствіемъ предположенія, что судебная власть духовенства была частію основана на его владѣльческихъ правахъ, было другое предположеніе, что государству, стремившемуся собрать въ свои руки судебную власть, необходимо было поколебать вотчинныя права церкви. Другими словами, что для уничтоженія правъ владѣльческаго суда, государству нужно было уничтожить владѣльческія права церкви. «Церковныя власти и учрежденія, говоритъ авторъ (стр. 25), получили судебно-гражданскія права по началамъ церковно-служебному и владѣльческому, усиленныя съ теченіемъ времени разными привилегіями. Между тѣмъ государство, съ развитіемъ силъ и жизни, устремилось къ собиранію своихъ правъ и своей власти». Въ этомъ стремленіи оно старается ограничить права духовенства на пріобрѣтеніе недвижимыхъ имуществъ, послѣ оно хочетъ даже отнять у духовенства его вотчины. Іоаннъ III «надѣялся закрѣпить собираемую около Москвы Русь отчужденіемъ монастырскихъ земель и присоединеніемъ ихъ къ княжескимъ владѣніямъ». Встрѣтивъ противодѣйствіе своимъ намѣреніямъ, онъ постарался по крайней мѣрѣ сосредоточить монастырскія вотчины въ непосредственномъ вѣдѣніи московскаго государя. Онъ самъ и его преемники старались подчинить духовенство и его вотчины непосредственно московскому управленію и для этого пользовались стремленіями самого духовенства, искавшаго въ судѣ московскаго государя средства избавиться отъ гнета областныхъ правителей и епархіальнаго начальства (стр. 29 и слѣд.). Но всѣ эти дѣйствія московскаго правительства были только прологомъ къ окончательному осуществленію его завѣтной мечты — къ конфискаціи церковныхъ имуществъ. Оно издавна стремилось поколебать начало частной собственности на другихъ владѣльческихъ земляхъ. Начала помѣстнаго владѣнія дали ему средство подчинить своимъ видамъ служилое сословіе (стр. 104—105). «Помѣщичьи земли признавали надъ собой полную власть государства. Но земли и крестьяне церковныхъ учрежденій не были уравнены съ дворцовыми и помѣщичьими во всѣхъ отношеніяхъ къ государству» (стр. 106). Уравнять ихъ было задачей Монастырскаго приказа временъ Петра Великаго, хотя и прежде были нѣкоторыя къ тому стремленія. Вслѣдствіе этого исторія Монастырскаго приказа представляетъ двѣ эпохи, хотя онѣ характеризуются однимъ главнымъ стремленіемъ государства — уничтожить привилегированное положеніе церкви. Въ первую эпоху государство не имѣло еще средствъ отнять у духовенства земли, а потому желало, *по крайней мѣрѣ*, подчинить духовенство своему суду. Во вторую эпоху оно прямо пошло къ конфискаціи его имуществъ.

Трудно согласиться съ авторомъ въ этомъ отношеніи. Уничтоженіе судебно-гражданской власти церкви, по его мнѣнію, было прологомъ къ конфискаціи ея имуществъ, которою окончательно завершилось подчиненіе церкви

государству. Непонятно, почему по отношенію къ помѣстнымъ землямъ государство дѣйствовало иначе. Помѣстья, какъ говоритъ самъ авторъ, признавали надъ собой полную власть государства. Между тѣмъ государство сочло возможнымъ въ XVII же вѣкѣ усилить судебную власть помѣщиковъ надъ крестьянами. Прежде судебная власть вотчинника не была связана съ фактомъ землевладѣнія, а устанавливалась жалованною граматой. Послѣ учрежденія крѣпостнаго права судебная власть помѣщика надъ крестьянами въ дѣлахъ гражданскихъ развивалась все болѣе и болѣе, и государство не считало этого нарушеніемъ своихъ правъ. Почему же оно должно было иначе дѣйствовать по отношенію къ духовенству? Почему духовныя вотчины стѣсняли верховныя права государства? Можно подумать, что мы присутствуемъ при борьбѣ французскихъ королей съ феодальными порядками.

Дѣло въ томъ, что уничтоженіе исключительной подсудности духовенства не имѣло *ничего* общаго съ конфискаціей его имуществъ, какъ и самая его подсудность не зависѣла отъ его вотчинныхъ правъ. Духовенство не было феодальною корпораціей, противополагавшею государственной власти свои вотчинныя права. Поэтому верховная власть государства подчинила себѣ и духовенство, и его вотчины задолго до времени ихъ конфискаціи, насколько это было нужно для государственнаго порядка.

Духовенство имѣло право вотчиннаго суда не въ силу своихъ вотчинныхъ правъ, а въ силу жалованныхъ граматъ, дававшихся государствомъ, и которыми къ вотчиннымъ правамъ присоединялось *еще и* право суда. Притомъ онѣ давались не всему духовенству, не церкви, а отдѣльнымъ лицамъ, физическимъ и юридическимъ, и не только духовнымъ, но и инымъ. Онѣ освобождали пожалованное лицо не отъ государственнаго суда вообще, а только отъ суда первой инстанціи, то-есть отъ суда мѣстныхъ правителей, намѣстниковъ и волостелей, но всегда подчиняли ихъ суду высшихъ государственныхъ инстанцій. Первоначально этою высшею инстанціей былъ судъ великаго князя или его введеннаго боярина. Это выражалось въ граматѣ такимъ образомъ: «а кому будетъ искати чего (на такомъ-то), ино сужу азъ самъ князь великій, или боярин мой введенный». Впослѣдствіи, съ развитіемъ московскаго государства, этихъ инстанцій было двѣ— московскіе приказы и боярская дума. Жалованныя граматы не были уступкой вотчиннымъ правамъ владѣльцевъ, а средствомъ ограничить власть намѣстниковъ и волостей, несостоятельность которыхъ чувствовалась уже давно. Это подтверждается тѣмъ, что когда при Іоаннѣ IV судъ былъ предоставленъ выборнымъ судьямъ, не встрѣчается уже такихъ ограниченій относительно земскаго суда. Земскіе выборные судьи судили лицъ всѣхъ сословій, въ томъ числѣ и духовныхъ. Напримѣръ, въ 1571 г. двинскіе выборные судьи разбирали дѣло о землѣ между двумя крестьянами и Николаевскимъ

Корельскимъ монастыремъ *). Но этотъ судъ касался только тяжбъ между духовными и посторонними лицами. Споры духовныхъ между собой разбирались епархіальнымъ начальствомъ, что также было невыгодно монастырямъ. Поэтому государи нерѣдко освобождали ихъ отъ суда архіерейскаго и подчиняли ихъ въ дѣлахъ гражданскихъ — своему, а въ духовныхъ — митрополичьему суду (стр. 39). Авторъ не только признаетъ эти факты, но и со свойственною ему добросовѣстностію изслѣдуетъ ихъ подробно. По вслѣдствіе ложной исходной точки, всѣ эти жалованныя грамоты являются у него не льготой, не средствомъ ограничить власть областныхъ судовъ, какъ это было на самомъ дѣлѣ, а средствомъ постепенно подчинять духовенство суду государства, что должно было кончиться конфискаціей монастырскихъ имуществъ! Онъ самъ признаетъ, что жалованныя граматы освобождали монастыри не только отъ суда намѣстниковъ, но и епископовъ. Другими словами, онѣ освобождали *вообще отъ областнаго суда*, какого бы рода этотъ судъ ни былъ, духовный или свѣтскій. Этотъ фактъ доказываетъ, что судебная власть церкви по гражданскимъ дѣламъ не была особенно дорога самому духовенству. Вѣроятно, въ самихъ условіяхъ духовно-гражданскаго процесса заключалась причина того, что духовенство усердно искало суда у свѣтской власти. Авторъ не прослѣдилъ этихъ условій съ достаточною полнотой, а потому и эта важная сторона отношеній духовнаго суда къ свѣтскому осталась неразъясненною. На это обстоятельство справедливо указалъ автору на его магистерскомъ диспутѣ профессоръ Андреевскій.

Такъ какъ право суда давалось монастырямъ государствомъ, а не было связано съ ихъ вотчинными правами, то владѣльческій судъ былъ льготой столько же и для владѣльца, сколько и для крестьянъ, жившихъ на его землѣ. Жалованныя граматы освобождали отъ суда далеко не въ одинаковой степени, все зависѣло отъ усмотрѣнія государя. Вслѣдствіе этого немногія вотчины получали право полной собственной юрисдикціи, а до нѣкоторой степени всѣ тянули судомъ по землѣ и водѣ къ правительственному лицу.

И не только судомъ, но и данью. Жалованныя граматы освобождали вотчинъ и крестьянъ, жившихъ на владѣльческихъ земляхъ, отъ разныхъ земскихъ повинностей. Но полнаго освобожденія отъ податей мы нигдѣ не встрѣчаемъ. Рядомъ съ черными сохами, то-есть сохами тяглыми по преимуществу, существуютъ бѣлыя сохи, которыя обязаны были участвовать въ разныхъ государственныхъ повинностяхъ денежныхъ и натуральныхъ. Иногда онѣ составляли особую волость, иногда тянули къ какой-нибудь черной волости. Поэтому монастырскія вотчины подчинялись разнымъ приказамъ, вѣдавшимъ финансовое управленіе тогдашняго государства.

*) А. Ю. № 23.

Главное мѣсто между этими приказами занималъ приказъ Большаго Дворца, но онъ далеко не былъ единственнымъ. Въ древней Россіи судъ принадлежалъ обыкновенно тѣмъ приказамъ, кои вѣдали мѣстность въ финансовомъ отношеніи. Судилъ тотъ, кто управлялъ. Такъ какъ главная часть доходовъ съ монастырскихъ вотчинъ получалась въ приказѣ Большаго Дворца, то онъ же являлся и высшею судебною инстанціей по отношенію къ духовенству и монастырскимъ вотчинамъ. Между тѣмъ и другіе приказы имѣли подобныя права. Таковы были *чети*, или областные приказы, которымъ нерѣдко подчинялось монастырское управленіе. Въ актахъ историческихъ находится масса жалованныхъ и другихъ граматъ, доказывающихъ, что духовенство судилось въ четвертяхъ, и что имъ поручено было завѣдываніе монастырскихъ вотчинъ въ финансовомъ отношеніи. Г. Горчаковъ вовсе не обратилъ вниманія на это обстоятельство, которое доказало бы ему, что вотчинныя права духовенства нисколько не стѣсняли государственной власти, и что духовенство давно привыкло къ свѣтскому суду и управленію и даже добивалось его.

Не принявъ во вниманіе этого обстоятельства, авторъ останавливается главнымъ образомъ на приказѣ Большаго Дворца, между тѣмъ какъ отношеніе этого приказа къ четвертямъ разъяснило бы ему нѣсколько темныхъ сторонъ нашей администраціи. Подсудность монастырей приказамъ, управлявшимъ извѣстною областью, была главнымъ образомъ развита въ эпоху преобладанія древнихъ началъ судопроизводства, слѣдовательно, и древнѣйшаго начала подсудности по мѣсту жительства. Юрисдикція приказа Большаго Дворца развилась уже впослѣдствіи, когда это древнее начало постепенно уступило мѣсто другому — сословному. Московское государство постепенно росписывало землю и людей по разнымъ тягламъ и сообразно этимъ тягламъ организовало разные *чины* и классы. Установленіе крѣпостнаго права, выдѣленіе городскаго класса изъ общей массы народонаселенія, образованіе тяглаго служилаго сословія разрушили прежнее земское единство и уничтожили значеніе прежняго земскаго начала — тянуть судомъ и данью по землѣ и водѣ. Мало-по-малу всѣ наличныя силы общества, земли, люди и промыслы, получили спеціальное назначеніе и особое управленіе. Дворянство имѣло Разрядъ, Помѣстный приказъ; городскіе обыватели, прежде подчиненные разнымъ приказамъ, постепенно поручены двумъ и, наконецъ, при Петрѣ Великомъ получили бурмистерскую палату. Монастырскіе крестьяне, выдѣлившись изъ массы остальныхъ, поручены приказу Большаго Дворца.

Итакъ, юрисдикція этого приказа сложилась двоякимъ путемъ. Первоначально она удовлетворяла потребностямъ ограниченія власти намѣстниковъ, волостелей и епархіальнаго начальства. Въ то время, при неразвитости еще у насъ сословнаго начала, приказъ Большаго Дворца раздѣлялъ эту дѣятельность съ областными приказами. Спачала духовенство добивалось только одного, освобожденія отъ суда областнаго и возможности судиться въ Москвѣ.

Затѣмъ, при постепенномъ образованіи сословій, приказъ Большаго Дворца способствовалъ образованію особой подсудности духовенства и монастырскихъ крестьянъ, при чемъ, конечно, по отношенію къ духовенству юрисдикція Большаго Дворца не имѣла того значенія, какъ для монастырскихъ крестьянъ. Для духовенства судъ Большаго дворца былъ до нѣкоторой степени льготой, хотя впослѣдствіи удовлетворялъ потребностямъ сословнаго суда. Но духовенство не было тяглымъ сословіемъ, подобно монастырскимъ крестьянамъ. Послѣдніе подлежали суду приказа наравнѣ съ крестьянами дворцовыми, съ посадскими нѣкоторыхъ городомъ. Они судились здѣсь потому, что ихъ тягло вѣдалось этимъ приказомъ. Въ чемъ же состояло тяглое значеніе монастырскихъ крестьянъ для государства? Они составляли нѣчто среднее между дворцовыми, черными и помѣщичьими крестьянами. Первые два разряда тянули болѣе или менѣе государственное тягло; помѣщичьи крестьяне получили спеціальное назначеніе — обезпечить службу дворянства своимъ трудомъ. Они служили государству, такъ сказать, косвенно, посредствомъ дворянской службы. Сами же по себѣ они были предназначены для удовлетворенія частныхъ потребностей дворянскаго сословія, чтобъ «ему было съ чего государеву службу служить». Монастырскіе крестьяне, со введеніемъ крѣпостнаго права, также были приписаны къ своему тяглу. Тягло это имѣло цѣлью удовлетворять церковнымъ потребностямъ, обезпечивать *церковное строеніе*. Понятно, почему они не могли получить значеніе частной собственности, какое получили впослѣдствіи помѣщичьи крестьяне. По отношенію къ монастырскимъ крестьянамъ введеніе крѣпостнаго права имѣло другія послѣдствія, чѣмъ по отношенію къ помѣщичьимъ. Во время свободы крестьянъ отношенія ихъ къ разнымъ видамъ владѣльцевъ имѣли совершенно частный характеръ, будь это дворянинъ или монастырь. Съ закрѣпощеніемъ крестьянъ положеніе ихъ опредѣлялось ихъ *тягломъ*. Тягло, возложенное на помѣщичьихъ крестьянъ, постепенно превратило ихъ въ частную собственность владѣльцевъ. Напротивъ, тягло крестьянъ монастырскихъ устроилось въ виду не частныхъ, а высшихъ общественныхъ, почти государственныхъ потребностей. Содержаніе церкви и удовлетвореніе потребностямъ церковнаго строенія лежали на ихъ обязанности. Поэтому управленіе церковными вотчинами не могло быть устроено въ началахъ частнаго хозяйства. Вмѣшательство и контроль государственной власти дѣлались съ каждымъ годомъ все сильнѣе. Новое значеніе монастырскихъ и церковныхъ крестьянъ сильно видоизмѣнило и значеніе земель, на которыхъ они сидѣли. Во время свободы крестьянъ земли эти составляли полную собственность церкви; съ закрѣпленіемъ крестьянъ, характеръ возложеннаго на нихъ тягла открылъ государственной власти возможность подчинить ихъ своему контролю. Итакъ, полная самостоятельность духовенства относительно его недвижимыхъ имуществъ относится къ тому времени, когда оно владѣло землями безъ крестьянъ.

Но оно было самостоятельно по частному, а не по государственному праву, съ его вотчинными правами не соединялось право суда и дани. Поэтому оно нисколько не стѣсняло развитіе государственной власти, которая усилила свой контроль надъ администраціей монастырскихъ имуществъ, именно съ образованіемъ класса монастырскихъ крестьянъ.

Изъ всѣхъ этихъ сложныхъ вопросовъ составилась впослѣдствіи сфера вѣдомства приказа Большаго Дворца. Предметы этого вѣдомства довольно подробно указаны Авторомъ. Но ни одинъ изъ указанныхъ выше вопросовъ не разъясненъ имъ. Онъ указываетъ, что Большой Дворецъ имѣлъ большое значеніе для финансоваго управленія церковными вотчинами (стр. 41 и слѣд.). Напримѣръ, онъ говоритъ, что «въ приказѣ Дворца производились распоряженія относительно описей владѣній и имуществъ церковныхъ учрежденій, принималась отчетность въ употребленіи монастырскихъ расходовъ, имѣлся высшій контроль надъ церковными имуществами» и т. д. Но гдѣ были границы этого контроля? Долженъ ли былъ надзоръ государства кончиться отчужденіемъ церковныхъ имуществъ? Если исходить изъ одной идеи противоположенія вотчинныхъ правъ духовенства верховнымъ правамъ государства, никакъ нельзя дойти до этой необходимости. Факты, приводимые авторомъ, не имѣютъ никакого значенія для этой цѣли. Онъ указываетъ главнымъ образомъ на двѣ мѣры правительства. Вопервыхъ, на запрещеніе монастырямъ пріобрѣтать вновь земли безъ доклада государю; вовторыхъ, на то, что нѣкоторыя окологородныя слободы, принадлежавшія духовенству, были у него отняты. Первая мѣра правительства явилась еще XVI вѣкѣ и была вызвана не стремленіемъ ограничить права монастырей, а желаніемъ стѣснить права служилаго сословія. Съ закрѣпленіемъ дворянства и съ развитіемъ помѣстной системы правительство постоянно стремилось сосредоточить поземельную собственность въ рукахъ служилаго сословія, которое должно было отбывать за нее службу. Вслѣдствіе этого право его продавать и отчуждать свои земли въ посторонніе руки, то-есть лицамъ неслужилымъ, было ограничено, а затѣмъ вовсе уничтожено. Ограниченіе это коснулось не только монастырей и духовенства, но и другихъ сословій, и даже послѣднихъ больше чѣмъ первыхъ. Крестьяне и посадскіе, напримѣръ, въ XVII вѣкѣ вовсе лишились права пріобрѣтать поземельную собственность. Землевладѣльцемъ могъ быть только служилый человѣкъ. Это высказывается еще въ XVI вѣкѣ. Одинъ изъ дополнительныхъ указовъ къ *Судебнику* запрещаетъ служилымъ людямъ завѣщать свои вотчины монастырямъ, «чтобы земля изъ службы не выходила». На этомъ же основаніи вотчины, принятыя монастырями и съ разрѣшенія государя, могли быть выкупаемы родственниками умершаго. Но само государство оставляло за собой право жаловать монастырямъ земли, тѣмъ болѣе, что въ то время земельное владѣніе было единственнымъ средствомъ обезпечить содержаніе мона-

стыря. Этимъ объясняется то странное, повидимому, противорѣчіе, что князья разрушали одной рукой то, что создавали другой. Если смотрѣть на дѣло съ одной монастырской точки зрѣнія — противорѣчіе есть; если разбирать вопросъ въ связи съ исторіей поземельной собственности и сословій вообще— его вовсе нѣтъ. Съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что правительство издавна стремилось отобрать церковныя имущества. Іоаннъ III хотѣлъ разомъ покончить это дѣло. Онъ потерпѣлъ неудачу, но съ этого государя начинается рядъ мѣръ, ограничивавшихъ права духовенства, что повело, наконецъ, къ полной ихъ конфискаціи. Но изъ какихъ началъ выходила политика Московскаго государства? Нигдѣ не встрѣчается указаній на то, чтобы государство смотрѣло на отчужденіе церковныхъ имуществъ какъ на средство укрѣпить государственную власть, чтобы вотчинныя права духовенства стѣсняли въ чемъ-нибудь права верховной власти. Напротивъ, изъ дошедшихъ до насъ указаній видно, что правительство руководилось *единственно* двумя мотивами. На первомъ планѣ стояло побужденіе нравственное. Чрезмѣрное богатство духовенства породило въ немъ, особенно въ монастыряхъ, роскошь и другія явленія, несогласныя съ идеей духовнаго званія. Поэтому правительство постоянно стремилось возстановить добрые нравы въ духовенствѣ и лучшимъ средствомъ къ этому считало ограниченіе его имущественныхъ правъ. Далѣе оно руководствовалось финансовыми и политическими соображеніями. Оно стремилось сосредоточить земли и промыслы въ такихъ рукахъ, чтобъ ихъ можно было подчинить настоящему государственному тяглу. Напримѣръ, оно хотѣло, чтобы земли были сосредоточены на помѣстномъ правѣ въ рукахъ служилаго сословія, отбывавшаго военную службу. Оба эти мотива лучше всего выражены соборнымъ приговоромъ 1581 г.: «да церкви Божіи и священныя мѣста безъ мятежа будутъ, а воинскій чинъ на брань противъ враговъ креста Христова ополчается крѣпцы». То же самое должно сказать и о другой мѣрѣ правительства, о конфискаціи нѣкоторыхъ окологородныхъ слободъ. Она представляетъ полную аналогію съ узаконеніями относительно вотчинъ. Тамъ правительство дѣйствовало въ видахъ организаціи служилаго сословія. Здѣсь оно стремилось собрать въ одно цѣлое классъ городскихъ обывателей. Въ началѣ XVII вѣка классъ этотъ былъ въ плохомъ состояніи. Онъ былъ обремененъ разными повинностями; со введеніемъ крѣпостнаго права онъ, да небольшое число черныхъ и дворцовыхъ волостей были единственнымъ классомъ тяглыхъ людей, оставшихся въ непосредственномъ распоряженіи государства, которое поэтому было озабочено правильнымъ его устройствомъ. Но многія причины мѣшали его намѣреніямъ. Посадскіе люди были обременены повинностями; отбывать же ихъ они почти не были въ состояніи. Смутное время разорило ихъ; множество посадскихъ разбѣжалось, пошло въ закладчики въ монастыри, къ сильнымъ людямъ, боярамъ, дворянамъ и т. д. Кромѣ того, духовенство и

сильные люди захватывали городскія земли, строили на нихъ слободы. Жители этихъ слободъ производили въ городѣ торговлю и не несли никакихъ повинностей, такъ что ихъ конкуренція была разорительна для тяглыхъ посадскихъ людей. Сами посадскіе бѣжали изъ города и селились въ этихъ слободахъ, чтобы торговать, не неся никакихъ повинностей. Наконецъ, «отбывая отъ тягла», они продавали и отчуждали свои дворы, лавки, варницы бѣломѣстцамъ, которые производили въ нихъ торговлю, не неся никакой службы, въ подрывъ прочимъ тяглецамъ. Вслѣдствіе этого городская община состояла изъ небольшаго числа тяглыхъ дворовъ, разоренныхъ, подавленныхъ неравною конкуренціей, и владѣльцы ихъ грозили разойдтись изъ города подобно другимъ бѣглымъ. Правительству поэтому необходимо было: a) возвратить городу его земли; b) возвратить бѣглыхъ посадскихъ на ихъ дворы; c) запретить торговлю лицамъ, не несшимъ податей; d) запретить продажу тяглыхъ дворовъ нетяглымъ людямъ. Всѣ эти цѣли объяснялись одною общею цѣлью — собрать и организовать тяглое сословіе городскихъ обывателей, и вызвали рядъ мѣръ, касавшихся не только духовныхъ установленій, но и другихъ сильныхъ людей и ихъ крестьянъ. Но всѣ эти мѣры не имѣли въ виду борьбы государственной власти съ вотчинными правами духовенства. (См. всю III главу).

Итакъ, правительство давно уже успѣло сосредоточить въ Москвѣ судъ надъ духовенствомъ и его крестьянами и высшую администрацію церковныхъ имуществъ, *насколько это нужно было для государственныхъ цѣлей.* Но эти мѣры не имѣли ничего общаго съ конфискаціей духовныхъ имуществъ, которою будто бы долженъ былъ заняться Монастырскій приказъ. Авторъ, правда, не употребляетъ выраженія «конфискація». Онъ говоритъ объ «отчужденіи церковныхъ вотчинъ изъ-подъ власти церкви для передачи ихъ государству». Въ сущности это одно и то же. Но власть государства надъ церковными вотчинами уже до учрежденія Монастырскаго приказа была довольно велика. Учрежденіе Монастырскаго приказа не внесло ничего новаго въ отношенія государства къ церкви, онъ не дѣлалъ ничего, чего бы до него не дѣлалъ приказъ Большаго Дворца.

Авторъ въ учрежденіи Монастырскаго приказа видитъ торжество идеи государственнаго единства надъ привилегіями прежняго времени, интересовъ государственныхъ надъ частными (стр. 64). Мы видѣли выше, что «частныя права» нисколько не мѣшали развитію государственнаго единства, особенно со стороны церкви, которая была однимъ изъ могущественныхъ средствъ государственнаго единства, работала надъ нимъ столько же, сколько и государственная власть. Судъ въ высшихъ инстанціяхъ всегда принадлежитъ государству, особенно судъ государевъ былъ высшею аппеляціонною инстанціей. Не только судъ духовныхъ властей по гражданскимъ дѣламъ, но и судъ самого патріарха не исключалъ государственнаго суда, за немногими

временными исключеніями *). Въ случаѣ жалобы на притѣсненія, монастырскіе крестьяне обращались къ царскому управленію **). Слѣдовательно, вопросъ объ отношеніяхъ духовной и свѣтской власти имѣлъ значеніе только въ подчиненныхъ инстанціяхъ. Здѣсь же видимъ и то разнообразіе судебныхъ инстанцій, которое такъ поражаетъ автора (стр. 52 и слѣд.). Особенно велико было это разнообразіе относительно монастырей и монастырскихъ вотчинъ. «Монастыри и монастырскія вотчины, разсѣянные по всѣмъ концамъ Россіи, представляли еще болѣе разнообразія, такъ сказать, смѣшанности въ судно-гражданской подчиненности, чѣмъ патріаршая и епархіальная области. Иные монастыри съ своими вотчинами состояли подъ непосредственною гражданскою подсудностью самого государя или приказа Большаго Дворца; другіе зависѣли отъ патріарха; третьи отъ епархіальныхъ архіереевъ; четвертые отъ другихъ монастырей; пятые подлежали общимъ областнымъ государственнымъ судамъ». Здѣсь должно замѣтить, что судъ самого государя былъ высшею для всѣхъ этихъ судовъ инстанціей; его не отрицало никогда наше духовенство, даже во времена особенной его силы, напримѣръ, во время Стоглаваго собора. Затѣмъ судъ патріарха въ патріаршей области не былъ уничтоженъ Монастырскимъ приказомъ. Все что онъ могъ сдѣлать — это внести больше опредѣленности въ подчиненные суды. Принципъ главенства государственнаго суда твердо опредѣлился задолго до учрежденія приказа. Что же вызвало его появленіе? Что новаго внесъ онъ въ государственное устройство?

На первый вопросъ авторъ отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ: «Около половины XVII вѣка созрѣла въ государствѣ мысль, чтобы Московскаго государства всякихъ чиновъ людемъ отъ большаго и до меньшаго чину судъ и расправа во всякихъ дѣлѣхъ всѣмъ была равна. Съ этою мыслію не могли ладить судебныя привилегіи церковныхъ учрежденій» (стр. 65). Этой потребности, сознанной всѣми сословіями, должно было удовлетворить *Уложеніе* «Въ немъ ясно обнаруживается сознаніе необходимости единаго цѣльнаго государственнаго законодательства для всея Россіи, *не для отдѣльныхъ лицъ или сословій*, но для пользы и блага Московскаго государства и всего Россійскаго царства» (стр. 67). Можно подумать, что Алексѣй Михайловичъ дѣйствовалъ среди феодальныхъ сословій, которыя, наконецъ, ему удалось сломить съ помощію единаго для всѣхъ государственнаго кодекса. Но врядъ ли это было такъ. Сословія наши были произведеніемъ самого государства, которое организовало ихъ въ виду разныхъ государственныхъ тяголъ, организовало ихъ медленно, съ большими усиліями, съ помощію разныхъ репрес-

*) Г. Дмитріевъ: *Исторія судебныхъ инстанцій*, стр. 329. „Жалобы на патріаршіе приказы приносились въ царскую думу“. *Улож.* гл. XII, 2.

**) Тамъ же, стр. 333.

сивныхъ мѣръ, закрѣпленія, ограниченія правъ собственности и т. д. И вдругъ *Уложеніе* уничтожаетъ работу цѣлыхъ поколѣній! Напротивъ, *Уложеніе* докончило образованіе сословій; главы VII, XVI, XVII, XIX и другія служатъ тому яснымъ доказательствомъ. Въ *Уложеніи ясно* проглядываетъ мысль дать каждому сословію особое управленіе и особый судъ. Обособленіе сословій продолжается и послѣ *Уложенія*, проходитъ чрезъ все XVII и XVIII столѣтія. *Уложеніе* только закрѣпило значеніе сословій въ обществѣ и государствѣ, но не успѣло провести эти начала во всѣ подробности администраціи. Это было дѣломъ послѣдующихъ мѣръ правительства. Къ чему оно стремилось,—видно между прочимъ изъ Новоторговаго устава, изданнаго вслѣдствіе челобитной торговыхъ людей. Вотъ какія желанія обнаруживаетъ правительство и общество: «Для многихъ волокитъ во всѣхъ приказѣхъ, купецкихъ людей *пристойно* вѣдати *въ одномъ пристойномъ приказѣ*, гдѣ великій государь укажетъ своему государеву боярину, который бы приказъ былъ купецкимъ людемъ во всѣхъ порубежныхъ городахъ и въ иныхъ государствахъ о проѣздахъ обороною, и во всѣхъ городѣхъ *отъ воеводскихъ налогъ* купецкимъ людемъ былъ защитою и управою» (Новоторг. уст. ст. 88). Въ прежнее время, при Иванѣ Грозномъ, «воеводскіе налоги» вызвали бы мѣстное самоуправленіе; теперь для той же цѣли правительство хочетъ передать угнетенное сословіе въ завѣдываніе «особаго приказа». Слѣдовательно, обособленіе вѣдомствъ удовлетворяло идеѣ льготы, подобно прежнимъ уставнымъ и губнымъ граматамъ (въ первое время ихъ существованія). Нельзя ли открыть подобныхъ же началъ въ Монастырскомъ приказѣ? Что юрисдикція Большаго дворца была основана на этомъ началѣ — не подлежитъ сомнѣнію. Насколько удержалось оно въ новомъ учрежденіи? Кажется на первый разъ, что оно проглядываетъ здѣсь гораздо слабѣе, такъ какъ *льготность* суда Большаго Дворца выражалась въ томъ, что лица, подчиненныя его суду, освобождались (хотя и не во всѣхъ отношеніяхъ) отъ областнаго суда. Напротивъ, съ учрежденіемъ Монастырскаго приказа, въ областяхъ судебная власть воеводъ какъ будто расширяется *), хотя и въ ограниченномъ размѣрѣ. Но правительство считало интересы духовенства обезпеченными тѣмъ, что ему дано было особое учрежденіе, которое теперь получило новую организацію **). Поэтому оно считало уже безполезными всѣ прежнія льготы и жалованныя граматы. Но несомнѣнно то, что судъ Монастырскаго приказа былъ судомъ *сословнымъ*, не имѣющимъ ничего общаго съ тою идеей законодательнаго и судебнаго единства, которую будто бы проводило *Уложеніе*. Въ

*) *Улож.* гл. XIII, ст. 3. Мы увидимъ ниже, что и это положеніе не новость.

**) *Уложеніе* учредило Монастырскій приказъ только какъ „особое учрежденіе. Прежде онъ дѣйствовалъ какъ часть приказа Большаго Дворца, подъ названіемъ приказа переносныхъ дѣлъ, или просто Монастырскаго приказа".

этомъ отношеніи Монастырскій приказъ былъ основанъ на весьма древнихъ началахъ нашего законодательства.

Авторъ считаетъ Монастырскій приказъ чѣмъ-то чрезвычайно новымъ. По нашему мнѣнію, новымъ можно назвать учрежденіе, которому ввѣрены какіе-нибудь новые предметы, или старые на новыхъ началахъ. Предметы вѣдомства Монастырскаго приказа чрезвычайно сложны и запутанны, а главное, соотвѣтствуютъ прежнимъ предметамъ вѣдомства Большаго Дворца. Одинъ изъ моихъ уважаемыхъ товарищей, профессоръ Андреевскій, замѣтилъ автору на диспутѣ, что онъ напрасно не разобралъ мнѣнія патріарха Никона о томъ, что Монастырскій приказъ вводилъ что-то неслыханное въ прежнее время. Дѣйствительно, при внимательномъ анализѣ XIII гл. *Уложенія*, онъ убѣдился бы, что всѣ статьи ея *старыя*. Къ сожалѣнію, авторъ не разобралъ отношенія Монастырскаго приказа къ Большому Дворцу съ достаточною полнотой и вѣрностію. «Предметъ Монастырскаго приказа по *Уложенію*», говоритъ онъ, «судъ во всякихъ истцовыхъ искѣхъ», на митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, ихъ приказныхъ и дворовыхъ людей, дѣтей боярскихъ и крестьянъ ихъ, на монастыри, на игуменовъ, строителей, келарей, казначеевъ, рядовую братію, монастырскихъ слугъ, крестьянъ, поповъ, и церковный причтъ. Въ этомъ сосредоточеніи, съ одной стороны оказывается законченность многолѣтней политики московскихъ государей, по которой они стремились подчинить своей непосредственной судебно-гражданской власти церковныя власти, учрежденія и владѣнія ихъ». Посмотримъ, что говоритъ *Уложеніе*. Глава XIII, ст. 1: на митрополитовъ, и на архіепископовъ, и на ихъ приказныхъ, и на дворовыхъ людей и т. д., на всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя уже перечислены г. Горчаковымъ, *во всякихъ дѣлѣхъ* судъ даванъ въ приказѣ Большаго дворца, а нынѣ государь царь... указалъ Монастырскому приказу быть особно. Итакъ *Уложеніе* слово въ слово, буква въ букву говоритъ о приказѣ Большаго Дворца то, что авторъ говоритъ о *новой* власти Монастырскаго приказа. Авторъ, правда, говоритъ дальше (стр. 70), что «*Уложеніе* не отрицаетъ и не отмѣняетъ прежнихъ законныхъ основаній судебно-гражданской власти духовенства прямыми постановленіями. Между тѣмъ *косвеннымъ образомъ эта власть въ самой основѣ своей уничтожается. Уложеніемъ* установляется особое, *самостоятельное, независимое* отъ церкви судебное учрежденіе, которому ввѣряется судебная власть надъ лицами, доселѣ подлежавшими самостоятельному суду церкви. Сталобыть, измѣняется принципъ подсудности; прежде была церковно-судебная власть, теперь государственная; прежде судъ былъ церковный, теперь государевъ». Мы нарочно выписали это важное мѣсто, ибо оно лучше всего характеризуетъ источникъ научныхъ пріемовъ автора. Прежде всего мы думаемъ, что и приказъ Большаго Дворца, о дѣятельности котораго относительно церкви такъ категорически говоритъ *Уложеніе*, также не былъ уста-

новленіемъ *зависимымъ* отъ церкви. Далѣе *Уложеніе* не увеличиваетъ числа лицъ, подчиненныхъ свѣтскому суду, и ничего не отнимаетъ отъ церкви. Все, что онъ говоритъ о лицахъ, подчиненныхъ Монастырскому приказу, уже сказано имъ выше, при опредѣленіи сферы вѣдомства Большаго Дворца. Лица, подчиненныя Монастырскому приказу, «доселѣ» подчинялись по гражданскимъ дѣламъ не церкви, а Большому Дворцу, откуда и переданы въ Монастырскій приказъ. Стало-быть и принципъ подсудности ни прямо, ни косвенно не измѣняется: то, что прежде было государевымъ, остается государевымъ, что было церковнымъ, остается церковнымъ. Авторъ на этомъ не останавливается. По его мнѣнію, выраженіе, что Монастырскому приказу предоставляется и «судъ во всякихъ истцовыхъ искѣхъ», означаетъ, что онъ имѣлъ право разбирать иски между духовными, что до тѣхъ поръ считалось вмѣшательствомъ въ дѣла церкви. Откуда это слѣдуетъ? *Уложеніе* ни прямо, ни косвенно объ этомъ не говоритъ; это признаетъ самъ авторъ: «но, говоритъ онъ, изъ его положеній вытекаютъ судебныя права приказа и на дѣла этого рода». Да изъ какихъ же положеній? Гдѣ они? Ужь если утверждаютъ, что *Уложеніе* заводило такія новости, надо же доказать это не одними словами, а фактами. А фактовъ-то и нѣтъ. «До *Уложенія* высшія духовныя власти — митрополиты, архіепископы, епископы... подлежали непосредственному суду государя. Судъ бояръ былъ для нихъ униженіемъ. По *Уложенію и они* подчинялись Монастырскому приказу, наравнѣ съ своими крестьянами». Совершенно неправильно! *Уложеніе* прямо перечисляетъ этихъ *высшихъ властей* въ числѣ лицъ, подчиненныхъ суду Большаго Дворца. Таковы доказательства г. Горчакова относительно «новыхъ принциповъ» подсудности духовенства въ высшихъ инстанціяхъ. Всѣ они основаны на томъ, что онъ началъ читать 1 статью XIII гл. *Уложенія* не съ начала, а съ середины *).

Не больше основательности представляютъ и доказательства относительно проведенія этихъ принциповъ въ низшихъ инстанціяхъ. Вопервыхъ, авторъ начинаетъ съ положенія, которое вовсе не относится къ низшимъ инстанціямъ, сравнительно съ Монастырскимъ приказомъ. «*Уложеніе*, говоритъ онъ, предоставляетъ и указываетъ приказнымъ и дворовымъ людямъ патріарха и архіереевъ, равно монастырскимъ властямъ и крестьянамъ иски на людей всякихъ чиновъ въ приказахъ и въ то же время установляетъ давать судъ въ этихъ приказахъ во встрѣчныхъ искахъ на духовныхъ и ихъ крестьянъ»

*) Это положительно такъ. На стр. 66 онъ говоритъ, что въ началѣ XIII главы поставлено съ особенною обстановкой имя государя съ титуломъ, и что оно вообще облечено въ особенно торжественную форму. XIII глава начинается со словъ: „На митрополитовъ, архіепископовъ“ и т. д. безъ всякой торжественной формы. А титулъ государя поставленъ въ серединѣ—и титулъ малый, какой встрѣчается во всѣхъ указахъ, безъ всякой торжественности.

(стр. 71—72). Это означаетъ очень старое положеніе. Если духовенство и его крестьяне имѣли свой судъ сословный, то другіе классы имѣли свои суды, куда духовныя лица и должны были жаловаться на такихъ «всякихъ чиновъ людей». Процессъ, разъ начавшись въ таковомъ приказѣ, здѣсь же долженъ былъ и кончиться, даже въ томъ случаѣ, если на духовнаго былъ поданъ встрѣчный искъ. Если бы *Уложеніе* этого не постановило, тогда, въ случаѣ встрѣчнаго иска, духовное лицо могло бы перенести все дѣло въ свой судъ, Монастырскій приказъ, что было бы противно началамъ правильнаго судопроизводства. Поэтому ни о какомъ подчиненіи духовенства свѣтскому суду не было здѣсь рѣчи. Далѣе, иски не свыше 20 руб. (а иногда и свыше, см. *Улож.* XIII, ст. 3) отданы въ вѣдомство воеводъ (см. стр. 72,п. б, г, д). Ничего и тутъ не было новаго. Воеводы издавна имѣли судебную власть надъ духовными лицами. Автору стоило развернуть акты, чтобъ убѣдиться въ этомъ. Напримѣръ, въ *Актахъ юридическихъ* (№ 25, 26) помѣщены два судныя дѣла монастырей съ частными лицами, производившіяся воеводами еще въ 1610 и 1613 гг. «Въ столкновеніяхъ лицъ, подвѣдомственныхъ прежде, до *Уложенія*, гражданскому суду церкви, продолжаетъ авторъ, съ лицами другихъ вѣдомствъ былъ судъ смѣстный. *Уложеніемъ* онъ совершенно, но не прямо, а косвеннымъ образомъ отмѣняется. *Вмѣсто него* долженъ дѣйствовать воеводскій судъ. Такимъ образомъ духовенству по *Уложенію не предоставлено даже и представительства* въ дѣлахъ, относящихся къ нему, предъ судомъ государственной гражданской власти». Уложенію, ни прямо, ни косвенно, и не нужно было отмѣнять смѣстнаго суда. Онъ уничтожился самъ собой и гораздо раньше *Уложенія*. Смѣстный судъ учреждался не въ видахъ *представительства* лицъ разныхъ вѣдомствъ, но дѣламъ къ нему относящимся. Авторъ, кажется, думаетъ, что духовныя лица *являлись* на смѣстный судъ въ качествѣ *депутатовъ* отъ своего вѣдомства, какъ это дѣлается теперь. Цѣль смѣстнаго суда была совершенно иная. Онъ учреждался въ томъ случаѣ, когда возникала тяжба между разными лицами, изъ которыхъ одно подлежало суду монастыря, въ силу жалованной граматы, а другое суду намѣстника, и учреждался потому, что и намѣстникъ и монастырскій судья имѣли право на полученіе половины судебныхъ пошлинъ. Поэтому въ жалованныхъ граматахъ постановляется: «а прибыткомъ ся дѣлятъ на полы» (по поламъ). Изъ этого слѣдуетъ, что смѣстный судъ былъ установленіемъ органически связаннымъ съ эпохой намѣстниковъ и жалованныхъ граматъ. Съ паденіемъ намѣстниковъ и онъ долженъ былъ уничтожиться, ибо воевода бралъ пошлины не на себя, а на царя. Воеводское управленіе не замѣнило смѣстный судъ, а просто сдѣлало его безполезнымъ. Въ этомъ отношеніи *Уложеніе* не установило ничего новаго, такъ какъ не оно установило воеводское управленіе.

Такъ доказываетъ г. Горчаковъ появленіе новыхъ началъ судоустройства

и судопроизводства. Нечего и говорить, что этотъ страшный способъ доказательства происходитъ отъ того, что онъ вообще не прослѣдилъ, какъ слѣдуетъ, исторіи нашего судопроизводства въ прежнее время. Но какъ бы то ни было, онъ изъ этихъ шаткихъ основаній дѣлаетъ весьма важные выводы. Напримѣръ, по его мнѣнію, «въ учрежденіи Монастырскаго приказа, какъ особаго судебнаго учрежденія, съ легкою перемѣной въ положеніи его открывается весьма важная реформа по отношенію къ духовенству» (стр. 69). Тоесть, еще одинъ шагъ впередъ—и церковь совершенно подчинится государству. Но *Уложеніе* не довело до конца этихъ «новыхъ принциповъ». На стр. 73 авторъ говоритъ объ исключеніи, сдѣланномъ для такъ-называемой патріаршей области, которая была изъята отъ суда Монастырскаго приказа. «Патріарху оставленъ, попрежнему, судъ надъ разными подчиненными ему лицами... Такое исключеніе изъ общей подсудности указывало епархіальнымъ архіереямъ на возможность независимости отъ государственнаго суда и было напоминаніемъ прежней самостоятельности церковныхъ властей и учрежденій въ дѣлахъ гражданскихъ». Это обстоятельство ровно ничего не напоминало, кромѣ прежнихъ, старинныхъ правъ патріарха, которыя ничего не имѣли общаго съ правами епархіальныхъ архіереевъ, издавна подчиненныхъ приказу Большаго Дворца, а потому имъ ничего напоминать не могли. *Уложеніе* оставляетъ въ силѣ правила, дѣйствовавшія при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, но и въ этихъ правилахъ мы не видимъ ничего, что говорило бы о независимости церковныхъ установленій отъ государственнаго суда. Патріаршіе приказы были поставлены на одну степень со свѣтскими приказами, подчинялись боярской думѣ и, наконецъ, состояли не только изъ духовныхъ, но и изъ свѣтскихъ лицъ.

Государство, слѣдовательно, съ полнымъ убѣжденіемъ могло сказать, что оно, учреждая Монастырскій приказъ, не вводило ничего новаго. Оно внесло больше единства и порядка въ судоустройство, но это не была какая-нибудь новость принципа, а необходимое улучшеніе въ государственномъ устройствѣ, въ подробностяхъ, а не въ началахъ. То обстоятельство, что Монастырскій приказъ былъ учрежденъ какъ особое установленіе по челобитью разныхъ свѣтскихъ чиновъ, вовсе не важно и не касается никакихъ «принциповъ». Автору извѣстно, что Большой Дворецъ, кромѣ монастырей и ихъ вотчинъ, вѣдалъ еще массу другихъ дѣлъ, былъ заваленъ работой. Нѣтъ ничего удивительнаго, если судъ его по гражданскимъ дѣламъ духовенства отличался «волокитою», общею, впрочемъ, всѣмъ московскимъ приказамъ. Между тѣмъ эти дѣла (а ихъ было много) касались интересовъ не только духовенства, но и лицъ всѣхъ сословій, имѣвшихъ процессы съ монастырями. Поэтому они легко могли пожелать, чтобы для столь важнаго предмета былъ установленъ особый приказъ, гдѣ сократилась бы обыкновенная медленность дѣлопроизводства. Этою причиною происхожденіе Монастыр-

скаго приказа объясняется проще и естественнѣе, чѣмъ всѣми «началами», которыхъ вообще не знало московское правительство, развивавшееся чисто практическимъ путемъ. Но если Московское государство, учреждая Монастырскій приказъ, не вводило ничего новаго, то не было ли въ самомъ духовенствѣ какихъ-нибудь новыхъ стремленій, съ которыми не могла ладить дѣятельность Монастырскаго приказа? Дѣйствительно, въ борьбѣ духовенства противъ Монастырскаго приказа проглядываетъ что-то новое, неслыханное и невиданное прежде. Но откуда шло это *новое*, отъ государства, или отъ церкви? Мы не беремся здѣсь рѣшить такой важный и сложный вопросъ. Позволимъ себѣ только представить нѣсколько соображеній, съ помощію которыхъ можно бы, сколько намъ кажется, поставить вопросъ на надлежащую дорогу. Правительство учреждаетъ Монастырскій приказъ; духовенство, хотя далеко не все, протестуетъ противъ него. Противъ чего оно протестуетъ? Что ему не нравится въ приказѣ?

Самое простое объясненіе этого вопроса, повидимому, заключается въ томъ, что духовенство желало изъять себя и своихъ людей отъ суда государственнаго. Стремленіе это не было новостію. Еще въ 1392 г. митрополитъ Кипріанъ писалъ объ этомъ предметѣ къ Псковичамъ *). Онъ стремился обозначить предѣлы судебной власти церкви, хотя и не давалъ ей такого объема, о какомъ послѣ мечталъ патріархъ Никонъ. Онъ говоритъ только о духовныхъ и лицахъ причисленныхъ къ церковнымъ людямъ. «Да еже что потягло къ которой митропольи или къ епископьи монастыреве, игумены съ черньцы, попы, дьяконы и всякъ церковный человѣкъ (мы видѣли выше, какія лица относились къ церковнымъ людямъ), то вси подъ властью, въ послушаньи святителю; никтоже да не смѣетъ ни единъ крестьянинъ вступитися въ тоя дѣла». Далѣе митрополитъ имѣетъ въ виду только предметы церковнаго суда, въ которые часто вторгались свѣтскія власти Пскова. Во второй граматѣ онъ говоритъ: «что есьмъ слышалъ ажь во Псковѣ міряне судятъ поповъ и казнятъ ихъ *въ церковныхъ вещьхъ*, ино то есть кромѣ христіанскаго закона: негодится мірянамъ попа ни судити, ни казнити, ни осудити его, ни слова на него молвити, но кто ихъ ставитъ святитель, ино тотъ ихъ и судитъ, и казнитъ, и учитъ». Здѣсь ни слова не говорится о крестьянахъ, живущихъ на церковныхъ земляхъ. Вопросъ объ этихъ земляхъ поставленъ особо отъ вопроса о духовенствѣ и поставленъ далеко не такъ категорически. Слова митрополита по отношенію къ нимъ имѣютъ характеръ совѣта, увѣщанія и не подкрѣпляются «божественными правилами», какъ постановленія о церковномъ судѣ. Онъ просто говоритъ, что кто вступится въ церковныя села, земли, воды и пошлины, «того не *благословляютъ* (хотя и не запрещаютъ) божественныя правила». Другое

*) *А. И.* I № 7, 9.

мѣсто еще характернстичнѣе: «а въ тѣ бы есте земли не вступалися никто отъ васъ, чтобы церковь Божья *не изобижена была*, занеже въ томъ великъ грѣхъ отъ Бога». Такія постановленія не могли организовать церковь какъ особую государственную и общественную корпорацію. Мы видѣли выше, что само духовенство стремилось изъ-подъ суда святительскаго къ суду государственному. Изрѣдка только возвышались голоса противъ такого порядка вещей. Развитіе же свѣтскаго суда насчетъ духовнаго шло безостановочно. Причина этого заключается въ томъ, что само духовенство не выдѣлилось еще изъ общей массы русскаго земства какъ особое сословіе, а потому не имѣло еще никакихъ корпоративныхъ стремленій. Оно охотно подчинялось условіямъ общей гражданской подсудности, обыкновеннымъ государственнымъ судамъ, а на свои духовные суды смотрѣло скорѣе какъ на тягость, чѣмъ какъ на привилегію. Стремленіе обособить духовный судъ выражаютъ болѣе всего высшія духовныя власти, терявшія съ правомъ суда и судебныя пошлины. Низшее духовенство и монастыри, напротивъ, находятъ московскій судъ весьма выгоднымъ для себя. Они готовы, вмѣстѣ съ прочимъ земствомъ, потянуть судомъ и данью «по землѣ и водѣ», имъ также какъ общинамъ выгодно избавиться отъ суда областнаго — будь это судъ намѣстника или епископа. Но мало-по-малу сословное сознаніе духовенства образуется и ростетъ. Обособленіе другихъ классовъ русскаго общества, разрушеніе прежняго земскаго строя, распредѣленіе всѣхъ русскихъ людей «по чинамъ», привели духовенство къ необходимости твердо обозначить свое положеніе въ качествѣ *сословія*. Прежде, опредѣляя права святительскаго суда, можно было основываться исключительно на церковныхъ уставахъ; теперь этого стало недостаточно. Понятіе о духовныхъ должностяхъ не тождественно съ понятіемъ сословія. Сословіе установленіе свѣтское; изъ церковныхъ правилъ нельзя вывести никакихъ сословныхъ опредѣленій. Сословныя права духовенство вездѣ пріобрѣтало путемъ политическимъ, соглашеніемъ, сдѣлками, наконецъ борьбой (напримѣръ въ Западной Европѣ) съ свѣтскою властью. Другія сословія могли быть у насъ организованы самимъ правительствомъ, ибо они были происхожденія тяглаго, были приписаны къ отправленію извѣстныхъ обязанностей. Духовенство не было и не могло быть тяглымъ сословіемъ. Организація его не могла быть дѣломъ одного государства. Опредѣленіе сословныхъ правъ духовенства во многомъ зависѣло отъ него самого.

Эти стремленія къ сословному обособленію духовенства обнаружились довольно рано; они развиваются рядомъ съ постепеннымъ образованіемъ сословій. Государство работаетъ надъ этимъ вопросомъ такъ же какъ и церковь. Государство могло удовлетворить сословнымъ потребностямъ духовенства только такъ, какъ оно поступило съ другими сословіями; оно могло дать ему особое управленіе и особый судъ — поручить его «одному приличному приказу». Такъ оно и поступило. Юрисдикція Большаго Дворца была

отчасти выраженіемъ этой политики. Долгое время она вполнѣ удовлетворяла духовенство. Но оно могло остановиться на такомъ разрѣшеніи вопроса только временно. Впослѣдствіи оно должно было пойдти дальше. Государство дало ему особый судъ. Хорошо! Но какой будетъ этотъ судъ — духовный, или свѣтскій? Государство полагало, что особый свѣтскій судъ вполнѣ достаточенъ для вѣдѣнія духовенства. Оно неуклонно шло по этой дорогѣ. Монастырскій приказъ былъ довершеніемъ старой политики. Партія Никона не могла этимъ удовольствоваться. Благодаря особому суду и управленію, духовенство могло организоваться какъ сословіе въ томъ же смыслѣ, какъ всякое другое свѣтское сословіе. Между тѣмъ духовенство (т. е. часть его) искало своихъ сословныхъ правъ не только въ свѣтскихъ узаконеніяхъ, но и въ церковныхъ правилахъ, въ правѣ церковномъ. Для полнаго его обособленія, ему нужно было вполнѣ отдѣлаться отъ началъ свѣтской администраціи. *Свой судъ* долженъ былъ быть не только просто *особымъ* судомъ, но и особымъ *духовнымъ* судомъ.

Такое разрѣшеніе вопроса было, конечно, новостію для московскаго правительства. Его практическая и чуждая всякихъ теоретическихъ увлеченій политика не предвидѣла такого исхода. Государство находилось въ полнѣйшемъ замѣшательствѣ, хотя политика Никона подготовлялась давно.

Уже на Стоглавомъ соборѣ видно это стремленіе духовенства. Но оно не отрицало государственнаго суда въ принципѣ. Государевъ судъ былъ высшею инстанціей. Затѣмъ *Стоглавъ* и наказные списки вводятъ въ церковный судъ начала и формы свѣтскаго судопроизводства, въ томъ видѣ, какъ они учреждены *Судебникомъ*. Но Стоглавый соборъ былъ явленіемъ скоропреходящимъ. Начала его не привились, и юрисдикція Большаго Дворца развивалась все больше и больше. Въ XVII ст. сословное сознаніе духовенства дошло до своего апогея; соборъ 1667 г. довершилъ организацію духовенства какъ единаго сословія. Разумѣется, и стремленіе опредѣлить свое положеніе въ государствѣ было въ это время сильнѣе чѣмъ когда-нибудь. Горячіе приверженцы «особнаго» положенія церкви отъ государственнаго говорили громко. Стоитъ сравнить спокойный тонъ, напримѣръ, митрополита Кипріана съ рѣчами и писаніями Никона, чтобъ убѣдиться, что рѣчь шла о чемъ-то совершенно новомъ. Никонъ, напримѣръ, перечисливъ всѣ несообразности, по его взгляду, чинимыя Монастырскимъ приказомъ по отношенію къ духовенству, взываетъ: «никогда, никогда, никогда Никонъ ни глаголетъ, ни хочетъ, да что будетъ! Но глаголетъ Никонъ: божественные законы не повелѣваютъ мірскимъ людямъ возложеннымъ Господеви обладати, движимыми и недвижимыми вещьми, ниже судити» (стр. 93). Не только само духовенство, но и его крестьяне должны выйдти изъ-подъ завѣдыванія свѣтской власти, и духовенство, какъ могущественная корпорація, должно было занять мѣсто въ государствѣ и обществѣ. Правительство не было

подготовлено къ такимъ комбинаціямъ. При общемъ броженіи и отсутствіи твердыхъ началъ своей собственной администраціи, оно должно было уступить предъ аргументами духовенства. Въ самомъ дѣлѣ, Никонъ и его партія выставляли общія начала, подкрѣпляли свои требованія принципами церковнаго права, а государство могло противопоставить имъ только практику вѣковую, но только практику, а не общее начало. «Никонъ, говоритъ г. Горчаковъ, былъ осужденъ.... но его отзывы послужили поводомъ къ обсужденію вопроса о Монастырскомъ приказѣ и о свѣтской подсудности духовенства на соборѣ 1667 г.» (стр. 95). Соборъ 1667 г. можно разсматривать какъ продолженіе собора 1666 г., на которомъ былъ осужденъ Никонъ. Онъ установилъ правила, противоположныя не только *Уложенію*, но и всѣмъ древнимъ началамъ. Онъ а) изъялъ отъ гражданскаго и уголовнаго суда все духовенство, b) подчинилъ монастырскихъ слугъ и крестьянъ одному церковному суду.

Итакъ *новость* мы видимъ не въ Монастырскомъ приказѣ, а въ стремленіяхъ самого духовенства. Самъ авторъ подтверждаетъ наше мнѣніе. «На перемѣну, произведенную соборомъ 1667 г., говоритъ онъ, можно смотрѣть какъ на дѣло церкви. Церковь, повидимому, совершенно опредѣленно обозначила подсудность въ своей области изъятіемъ духовенства отъ государственныхъ судовъ по всѣмъ вообще дѣламъ гражданскимъ. Но, всматриваясь въ историческій ходъ развитія вопроса, невольно видимъ, что государство, по обстоятельствамъ исторіи, сдѣлало уступку церкви». Совершенно справедливо! Государство сдѣлало уступку, и уступку совершенно для него неожиданную и противорѣчившую всей предшествующей исторіи. Но въ такомъ случаѣ автору и не слѣдовало видѣть въ учрежденіи Монастырскаго приказа какого-то *новаторства*, ибо нововводителемъ въ сущности являлось не государство, а партія патріарха Никона. Если государство дѣлало уступку, то одно изъ двухъ: или оно возвращало церкви то, что издавна принадлежало ей, или отдавало ей то, что издавна принадлежало ему. На основаніи всѣхъ изложенныхъ выше фактовъ, мы предоставляемъ самому читателю судить, какое изъ двухъ предположеній вѣроятнѣе.

Такъ какъ уступка, сдѣланная государствомъ, противорѣчила всѣмъ историческимъ условіямъ и преданіямъ не только свѣтскаго общества, но и самого духовенства, такъ какъ самый протестъ противъ Монастырскаго приказа можно разсматривать какъ дѣло одной лишь партіи, то постановленія собора 1667 г. и не привились къ административной практикѣ. «Едва прошло три года послѣ закрытія собора, говоритъ г. Дмитріевъ, какъ патріархъ Іосифъ, самъ принимавшій въ немъ участіе, долженъ былъ просить царя Алексѣя Михайловича о возобновленіи прежней несудимой граматы, данной еще патріарху Филарету Никитичу, по которой духовенство, въ дѣлахъ между собою, судилось у духовныхъ властей, иски же свои на посторонныхъ

лицахъ предъявляло *по мѣсту подсудности отвѣтчика*» *). Между тѣмъ, въ силу постановленій 1667 г., по дѣламъ мірскихъ людей, допросы производились духовнымъ духовными же судьями, по памятямъ изъ приказовъ, и иски мірянъ на духовенство тоже должны были вчинаться предъ духовными судьями. По отношенію къ крестьянамъ монастырскимъ начала эти привились еще меньше. Наконецъ администрація вовсе не исполняла правилъ собора, не смотря на частыя подтвержденія какъ духовной, такъ и высшей свѣтской власти. Нельзя видѣть въ этомъ только «злоупотребленія» администраціи. Могла ли она идти противъ вѣками сложившихся убѣжденій общества и самого государства? Духовенство выступило противъ государственной практики во имя общихъ началъ. Въ первое время государство должно было уступить. Но чрезъ нѣсколько времени эти общія начала должны были столкнуться съ болѣе сильными принципами — принципами Петра I, и тогда дѣло получило другой оборотъ. Стоитъ прочесть его духовный регламентъ.

Монастырскій приказъ былъ учрежденъ, такимъ образомъ, для администраціи тѣхъ предметовъ, кои и прежде были въ вѣдѣніи свѣтской власти, и дѣйствовалъ въ томъ объемѣ, какъ до него дѣйствовалъ приказъ Большаго Дворца. Предметы эти были разнообразны. Но авторъ, увлекаясь любимой идеей, полагаетъ, что онъ главнымъ образомъ былъ учрежденъ для «разрѣшенія вопроса» о гражданской подсудности духовенства. Думаемъ, что изъ всего предыдущаго ясно слѣдуетъ, что приказъ не имѣлъ надобности «разрѣшать» этотъ вопросъ, такъ какъ «вопросомъ» его сдѣлало не государство, а Никонъ; приказъ просто долженъ былъ вѣдать духовенство судомъ, какъ прежде его вѣдалъ Большой Дворецъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Монастырскій приказъ изъ Большаго Дворца перешли всѣ другія отрасли управленія духовными имуществами. Авторъ останавливается на этихъ вопросахъ. «По *Уложенію*, говоритъ онъ, Монастырскій приказъ является *исключительно* судебнымъ учрежденіемъ. Въ исторіи онъ оказывается и финансовымъ, отчасти административнымъ и даже полицейскимъ учрежденіемъ». Напротивъ, онъ имѣлъ эти функціи не въ силу *исторіи*, то-есть своего произвола, а въ силу закона, потому что Монастырскій приказъ, въ то время когда онъ былъ еще отдѣленіемъ Большаго Дворца, вѣдалъ всѣ эти вопросы во всемъ ихъ объемѣ, что и сохранилъ за собой, сдѣлавшись «особнымъ» установленіемъ. Причина же, почему *Уложеніе исключительно* обращаетъ вниманіе на судебную дѣятельность приказа, заключается въ томъ, что оно главнымъ образомъ *судебникъ*, подобно *Судебнику* Іоанна IV, только приняло болѣе пышное названіе. Цѣль его ясно выражается въ самомъ вве-

*) Дмитріевъ: *Исторія судебныхъ инстанцій*, стр. 326.

денін, гдѣ говорится, что государь повелѣлъ написать *Уложеніе* для того, «чтобы Московскаго государства всякихъ чиновъ людемъ, отъ большаго и до меньшаго чину, *судъ и расправа* была во всякихъ дѣлѣхъ всѣмъ ровна». Странно бы было поэтому встрѣтить въ немъ точныя опредѣленія финансовой и административной дѣятельности Монастырскаго приказа. Ему достаточно было сказать, что «Монастырскому приказу быть особо», и каждый понималъ въ чемъ дѣло. Что его задача не ограничивалась по закону однимъ судомъ, видно изъ того, что когда въ 1667 г. его судебная дѣятельность должна была прекратиться, онъ существовалъ еще 10 лѣтъ и дѣйствовалъ по другимъ оставшимся за нимъ вопросамъ.

Въ 1677 г. Монастырскій приказъ закрытъ. Это совершилось вслѣдствіе весьма лаконическаго указа Ѳедора Алексѣевича, повелѣвшаго Монастырскому приказу передать всѣ свои дѣла въ приказъ Большаго Дворца, а сборы въ Новую Четверть. Какія были эти дѣла, вновь поступившія въ приказъ Большаго Дворца, какъ дѣйствовалъ онъ по двумъ вопросамъ, которые г. Горчаковъ избралъ предметомъ своего изслѣдованія?

Къ сожалѣнію, онъ избралъ для своего сочиненія не *исторію* юридическихъ отношеній, а исторію установленія, а потому считаетъ себя въ правѣ сдѣлать значительный перерывъ между Монастырскимъ приказомъ XVII вѣка и Монастырскимъ приказомъ Петра Великаго. Это весьма жаль. Онъ пропустилъ чрезвычайно важный моментъ въ нашей исторіи — царствованіе Ѳедора Алексѣевича и первое время царствованія Петра I. Авторъ легко могъ замѣтить, что Монастырскій приказъ самъ по себѣ не былъ особенно важнымъ явленіемъ, что напротивъ онъ игралъ незавидную роль подлѣ тѣхъ громадныхъ вопросовъ, которые ему пришлось разрѣшать. Онъ былъ произведеніемъ старой практики, а ему пришлось столкнуться съ новыми требованіями. Что сталось съ этими требованіями въ теченіе 23 лѣтъ, предшествовавшихъ важнѣйшей эпохѣ русской исторіи, реформамъ Петра Великаго?

Перемѣны были чрезвычайно важныя. Реформы, задуманныя соборомъ 1667 г., не удались. Свѣтскіе судьи продолжали судить духовныхъ съ мірянами, съ тою только разницей, что вмѣсто Монастырскаго дѣйствовалъ, напримѣръ, Помѣстный приказъ. Подготовлялось уничтоженіе патріаршества въ Россіи. Наконецъ при Петрѣ вопросъ о духовной администраціи получилъ окончательное разрѣшеніе. При немъ снова началъ дѣйствовать Монастырскій приказъ, которому авторъ и посвящаетъ важнѣйшую часть своего изслѣдованія (IV и V главы). Здѣсь онъ подробно указываетъ на всѣ стороны дѣятельности его, на основаніи фактовъ, добросовѣстно собранныхъ имъ въ архивахъ. Но въ чемъ состояла связь *этого* приказа съ прежнимъ? Авторъ полагаетъ, что это было одно и то же учрежденіе. Мы же вполнѣ склоняемся къ мнѣнію профессора Анд-

реевскаго, высказанному имъ на диспутѣ, что между этими приказами ничего общаго, кромѣ названія, не было. Еслибъ авторъ прослѣдилъ перемѣны, совершившіяся въ продолженіе двадцати трехъ лѣтъ послѣ закрытія Монастырскаго приказа, онъ бы самъ, думаю, убѣдился въ этомъ. При учрежденіи втораго Монастырскаго приказа, то-есть послѣ смерти послѣдняго патріарха, самый принципъ, опредѣлявшій отношенія государства къ церкви, измѣнился. Тотчасъ послѣ смерти патріарха Адріана, извѣстный Курбатовъ писалъ Государю... «избраніемъ патріарха думаю повременить. Опредѣленіе въ священный чинъ можно поручить хорошему архіерею съ пятью учеными монахами». Періодъ единоличнаго управленія кончился навсегда; «соборное» правительство было поставлено подъ ближайшее завѣдываніе сената и государя. Слѣдовательно, разница была большая. Старый Монастырскій приказъ былъ продуктомъ вѣковой практики московскаго правительства и соотвѣтствовалъ тогдашнимъ отношеніямъ церкви и государства. Монастырскій приказъ временъ Петра I удовлетворялъ новымъ потребностямъ государства и соотвѣтствовалъ водоизмѣнившимся отношеніямъ церкви и государства. Въ подробностяхъ онъ также отличается отъ прежняго приказа. Прежній приказъ не касался патріаршей области. Напротивъ, указъ, учреждавшій Московскій приказъ 1701 года, повелѣвалъ: «Домъ святѣйшаго патріарха и домы жъ архіерейскіе и монастырскія дѣла вѣдать боярину Мусину-Пушкину, а съ нимъ у тѣхъ дѣлъ быть дьяку Ефиму Зотову, и сидѣть на патріаршемъ дворѣ въ палатахъ, гдѣ былъ патріаршій разрядъ, а писать Монастырскимъ приказомъ, а въ приказѣ Большаго Дворца монастырскихъ дѣлъ не вѣдать и прежнія дѣла отослать въ тотъ же приказъ». Новому Монастырскому приказу поручались, слѣдовательно, не только предметы, вѣдавшіеся въ Большомъ Дворцѣ, но и тѣ, кои вѣдались въ патріаршихъ приказахъ. Дѣло приняло дѣйствительно новый оборотъ. Сообразно этому и самая дѣятельность новаго приказа мало имѣетъ сходства съ дѣятельностью прежняго. Прежній приказъ не имѣлъ никакихъ стремленій къ секуляризаціи духовныхъ имуществъ, хотя и имѣлъ надъ ними право контроля. Одною изъ главнѣйшихъ цѣлей Петровскаго приказа была именно секуляризація духовныхъ имуществъ. Для чего Петру нужны были церковныя имущества, лучше всего можно объяснить словами самого автора. «Государственныхъ нуждъ въ концѣ XVII вѣка, которыя могли бы покрыться доходами съ церковныхъ имуществъ, было очень довольно. Одинѣ войны, которыхъ, по словамъ Петра, «артерія — деньги», требовали много расходовъ; для покрытія же ихъ въ казнѣ денегъ было недостаточно». Да и не для одной войны нужны были средства.

Доходы съ церковныхъ имуществъ служили важнымъ подспорьемъ для всѣхъ реформъ Петра Великаго. Далѣе Монастырскій приказъ XVII вѣка не касался такихъ подробностей духовной администраціи, какъ приказъ

Петра I (см. стр. 169 и слѣд.), не имѣлъ такихъ обязанностей по отношенію къ школамъ, типографіямъ, благотворительнымъ заведеніямъ, какъ послѣдній. Словомъ, можно до мельчайшихъ подробностей, и опять таки благодаря IV и V главамъ, прослѣдить, въ чемъ заключается коренная разница между этими двумя приказами, носившими одно и то же названіе.

Мы указали серьезные, по нашему мнѣнію, недостатки труда г. Горчакова. Мы указали на нихъ съ полною откровенностью именно потому, что общее впечатлѣніе, сдѣланное на насъ его книгой, весьма хорошо. Можно надѣяться, что при трудолюбіи, добросовѣстности и талантѣ автора, съ расширеніемъ его знакомства съ юридическими науками, его послѣдующія изслѣдованія о церковномъ правѣ въ періодъ патріаршій явятся дѣйствительно *историко-юридическими* сочиненіями. Но и въ настоящемъ своемъ видѣ *Монастырскій приказъ* составляетъ полезное пріобрѣтеніе для нашей ученой литературы.

ОТДѢЛЪ II.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ГОСУДАРСТВО И ПРОГРЕССЪ *).

Бюше. *Traité de Politique et de Science sociale.* 2 vol. in 8°. Paris. 1866 г.

Nul n'a droit qu'a faire son devoir.
A. Comte.

Въ области соціальныхъ наукъ нѣтъ понятій, поставленныхъ въ болѣе враждебное отношеніе, особенно въ послѣднее время, какъ идеи, развитіе которыхъ должно бы идти рука объ руку — идеи порядка и прогресса. Каждый безпристрастный наблюдатель согласится, что государственный строй, не заключающій въ себѣ элементовъ дальнѣйшаго развитія, обреченъ на неподвижность и разложеніе и что, съ другой стороны, движеніе впередъ невозможно безъ прочнаго общественнаго порядка, твердо установленнаго на историческихъ основахъ каждой національности. Между тѣмъ оба эти слова получили какое-то странное значеніе въ государствахъ Западной Европы: партія движенія, прогресса, является врагомъ всякаго порядка, всякой организаціи; такъ называемые защитники порядка отреклись отъ прогресса и ищутъ идеала государственнаго устройства въ отжившихъ преданіяхъ, стараются возстанавливать искусственно давно отжившіе институты. Понятно, какъ мало выигрываетъ отъ этого и порядокъ, и движеніе, и наконецъ самое общество.

Отъ чего зависитъ это печальное явленіе? Вопросъ чрезвычайно любопытный не только для западнаго ученаго, но и для русскаго, и для послѣдняго, можетъ быть, больше чѣмъ для кого нибудь. На глазахъ у насъ происходитъ нѣчто подобное западнымъ недоразумѣніямъ. Порядокъ и прогрессъ и въ нашемъ обществѣ начинаютъ представляться чѣмъ-то враждебнымъ другъ другу, хотя эпоха переживаемыхъ нами мирныхъ преобразованій должна бы всѣхъ убѣдить въ противномъ. Нѣтъ тѣхъ обвиненій, которыхъ «партія порядка» не взводила бы на тѣхъ, кого она называетъ прогрессистами;

*) Написана въ 1867 г.

и нѣтъ того зла, котораго причины «партія прогресса» не искала бы въ консерваторахъ. Все это можетъ имѣть нѣкоторый интересъ и даже нѣкоторую привлекательность въ области политики, гдѣ открывается просторъ борьбѣ партій, гдѣ каждый считаетъ себя въ правѣ сказать *свое слово* и всегда найдетъ охотниковъ его выслушать. Но съ научной точки зрѣнія всѣ эти недоразумѣнія, вся эта борьба, борьба ожесточенная, но,—должно сознаться, — безъ всякой опредѣленной цѣли и плана, прежде всего вызываетъ самый простой вопросъ: *знаютъ ли* обѣ партіи другъ друга? *Знаютъ ли* онѣ общество, за интересы котораго онѣ такъ громко говорятъ? Что такое порядокъ? Гдѣ отличіе его отъ прогресса?

Нельзя сказать, чтобъ эти капитальные вопросы хоть сколько-нибудь были уяснены въ истинномъ, научномъ смыслѣ. А пока вопросы эти не получатъ подобнаго разрѣшенія, нельзя ожидать, чтобы общество, присутствующее при борьбѣ этихъ двухъ партій, могло сознать ея цѣль и направленіе; нельзя ожидать, чтобы самыя партіи пришли къ какимъ-нибудь удовлетворительнымъ результатамъ. Остается одно: удалиться въ область науки, стать въ сторонѣ отъ всякихъ партій и съ научными, историческими фактами въ рукахъ изучить эти вопросы, слишкомъ долго остающіеся въ рукахъ людей, руководимыхъ страстью больше, чѣмъ разсудкомъ и опытомъ.

Мы рѣшаемся предпринять здѣсь нѣчто подобное, съ помощію указаній, добытыхъ людьми, которыхъ воззрѣнія развились внѣ всякихъ партій, а слѣдовательно, и увлеченій. На первый разъ мы разсмотримъ жизнь и сочиненія человѣка, который много сдѣлалъ для разъясненія этихъ идей.

15-го мая 1848 года французское учредительное собраніе представляло печальное зрѣлище. Буйная толпа народа, пользуясь поддержкой префекта полиціи Коссидьера и двусмысленнымъ поведеніемъ начальника національной гвардіи Курте, ворвалась въ засѣданіе, гдѣ обсуждалась конституція новой республики. Соціалистическіе возгласы, полонофильскія заявленія, выходки противъ членовъ правительства, вотъ чѣмъ наполнилось собраніе, отъ котораго должно было выйдти рѣшеніе самыхъ сложныхъ и трудныхъ вопросовъ политическаго и экономическаго быта Франціи. Во всей этой сумятицѣ уже виднѣлись іюльскіе дни, временная диктатура Кавеньяка, замаскированный абсолютизмъ Наполеона III, подавленіе свободы, упадокъ умственной жизни, извращеніе нравственности, демократы, превращенные въ безполезныхъ говоруновъ, консерваторы, апплодирующіе революціоннымъ мѣрамъ правительства, цѣлый народъ, превращенный въ софиста, софисты, превращенные въ руководителей политическаго движенія, апатія, застой, быть можетъ, предшествующіе такому же безпорядочному взрыву въ буду-

щемъ. Въ средѣ самого собранія были люди, ясно видѣвшіе не только всю эту неурядицу, но и причины, ее вызвавшія. Они ясно видѣли, что классы, бывшіе до тѣхъ поръ руководителями страны, давно потеряли сознаніе національной идеи, одушевлявшей Францію съ 1789 года, что буржуазія, выставившая Верньо и Барнава, превратилась въ представительницу своекорыстныхъ стремленій, что идеи рабочаго класса еще не доросли до высоты общенаціональнаго сознанія, что церковь глядитъ врозь съ государствомъ и что *la grande nation* перестаетъ быть для человѣчества тѣмъ, чѣмъ была прежде.

Быть можетъ, потому что они видѣли все это, они сознавали себя совершенно безполезными и отчасти чуждыми въ средѣ собранія, хотя и содѣйствовали его работамъ по мѣрѣ силъ. Но главная причина ихъ изолированнаго положенія заключалась въ томъ, что они слишкомъ ясно сознавали условія будущаго порядка и ни одной минуты не могли остановиться на мысли объ осуществленіи его такими банальными средствами, какъ организація труда, фаланстеріи, икаріи, коммунистическія мѣры. По словамъ Прудона, все это пушки, взятыя изъ стараго лагеря и обращенныя противъ него же. Не такими средствами осуществляются новыя идеи.

Къ числу такихъ личностей принадлежалъ и человѣкъ, занимавшій президентское кресло учредительнаго собранія въ самый день 15-го мая. Это былъ Бюше. Спокойно принялъ онъ дикія выходки толпы, даже, по мнѣнію многихъ, слишкомъ спокойно. Это ставятъ ему въ вину. Противники проводятъ невыгодную для него параллель — его поведеніе съ поведеніемъ Буасси-д'Англа въ подобномъ же случаѣ, именно при вторженіи клубистовъ въ залу собранія 1-го преріаля. Но кромѣ внѣшней обстановки, оба эти случая не представляютъ ничего общаго. Конечно, и тамъ, и здѣсь дѣло шло о поддержаніи только-что начавшихъ складываться государственныхъ началъ, противъ эгоистическихъ стремленій, имѣвшихъ въ виду удовлетвореніе минутныхъ потребностей. Но за Баусси-д'Англа стояла непреклонная фаланга людей, изъ которой вышли мужественныя арміи республики и первой имперіи, съ своими генералами и маршалами, — эти великіе обновители Европы. Они ясно сознавали свою цѣль, они знали, за что умирали они сами, ихъ братья и отцы во всѣхъ частяхъ свѣта. Знали ли люди 1848 года, чего они хотѣли?

Отчего революція 1848 года имѣла такъ мало успѣха? Отвѣтомъ на это могутъ отчасти служить два лежащіе передъ нами тома. Мы постараемся изложить ихъ въ связи съ ученіями, которыя, подобно имъ, имѣютъ въ виду изслѣдованіе законовъ нормальнаго развитія человѣческихъ обществъ и ищутъ его условій въ организаціи человѣческихъ знаній, нравственныхъ понятій и въ правильной дисциплинѣ человѣческаго труда.

Только съ этой стороны намъ и будетъ понятно значеніе Бюше. Его

политическая роль слишкомъ блѣдна, чтобъ останавливаться на ней долго,— блѣдна не потому, чтобъ у него не было способностей, нравственной силы и убѣжденій: его труды, его воззрѣнія, его жизнь служатъ доказательствомъ противнаго; блѣдность эта зависѣла отъ того, что ему пришлось говорить о порядкѣ, когда рѣчь шла объ анархіи, и о свободѣ, когда ловкіе люди уже отождествили ее съ анархіей. Для самодержавной толпы 15-го мая его теоріи казались остаткомъ разрушенной монархіи; для наступившаго абсолютизма — отраженіемъ революціонныхъ идей. Учредительное собраніе со смѣхомъ отвергло его предисловіе къ конституціи, гдѣ онъ говоритъ объ обязанностяхъ, наложенныхъ Богомъ на націю, — обязанностяхъ, которыя служатъ единственнымъ источникомъ всякихъ коллективныхъ и личныхъ правъ. Наполеонъ поспѣшилъ нарушить 48-ю ст. конституціи, заключавшую въ себѣ постановленіе, предложенное Бюше, о томъ, чтобы президентъ присягалъ республикѣ. Что ему было здѣсь дѣлать? Послѣ кратковременной политической карьеры, онъ возвратился къ занятіямъ, поглотившимъ всю его жизнь, къ разработкѣ соціальныхъ вопросовъ. Въ этомъ его главная и даже единственная заслуга, здѣсь все его значеніе. Онъ раздѣляетъ его вмѣстѣ съ другими лицами, посвятившими себя тому же предмету, то-есть, устраненію умственной и нравственной анархіи, подготовленію будущей организаціи общества, выясненію истинныхъ началъ общежитія. Большая часть истинно-самостоятельныхъ французскихъ умовъ посвятили себя этой цѣли. Сюда ушла большая часть жизни и относятся лучшіе труды Конта. Прудонъ, покончивъ практическую часть своей работы, то-есть, выполнивъ по своему убѣжденію первую часть своего гордаго девиза—*destruam*, принялся за его вторую часть — *aedificabo*. За критикой собственности послѣдовала теорія собственности, за экономическими противорѣчіями — теорія новаго общества. Мы увидимъ, что сдѣлано въ этомъ направленіи Бюше. Онъ, очевидно, стремился къ одной цѣли со всѣми лицами, вышедшими изъ школы С.-Симона; однакоже, онъ отличается отъ большей части изъ нихъ. Онъ остался въ кругу христіанской цивилизаціи — вотъ рѣзкая черта, отдѣляющая его отъ Конта. Точкой отправленія для него служитъ нравственная и умственная свобода человѣка — вотъ пропасть, отдѣляющая его отъ соціализма и коммунизма. Онъ дѣлаетъ нравственность критеріемъ всякаго сознанія и даже знанія, матеріализмъ чуждъ ему. Но, расходясь въ этихъ общихъ основаніяхъ, онъ, очевидно, идетъ къ одной и той же цѣли и даже по одной дорогѣ съ этими писателями. Построеніе дѣйствительной соціальной науки, которая своими прочно постановленными истинами положила бы конецъ умственной и нравственной анархіи, этому продукту революціонной метафизики XVIII столѣтія; установленіе связи положительнаго законодательства съ этими научными, разумными, а потому необходимыми началами соціологіи; подчиненіе ихъ общей идеѣ прогресса и устраненіе че-

ловѣчества съ пути революцій, — вотъ задача, которой была посвящена жизнь Бюше. Такимъ людямъ не было мѣста въ современной политической жизни, колебавшейся между революціонно-метафизическими мечтами и военно-теократическою реакціей; но за то въ скромной, незамѣтной закладкѣ новаго зданія имъ принадлежитъ первое мѣсто. Мы считаемъ особенно полезнымъ познакомить русскихъ читателей съ идеями Бюше, такъ какъ онѣ до нѣкоторой степени подходятъ къ началамъ религіозной нравственности,— къ которымъ, по счастію, возвращается наше общество,—во всякомъ случаѣ болѣе чѣмъ часто крайнія воззрѣнія Конта. Тѣмъ не менѣе общность цѣли, одинаковая научная подготовка и часто поразительно тождественные выводы обоихъ писателей побуждаютъ насъ сравнивать ихъ между собою, равно какъ и съ другими авторами, на которыхъ отразилось вліяніе сенъ-симонизма и позитивизма. Мы постараемся не столько выставлять наши собственные взгляды, сколько познакомить читающую публику съ этими теоріями, къ сожалѣнію, или мало, или невѣрно ей представленными. Наши субъективные взгляды будутъ проведены только тамъ, гдѣ это необходимо для выясненія или лучшей связи отдѣльныхъ частей излагаемаго ученія.

I.

Необходимость соціальной науки никогда не заявляла себя съ такою силой какъ въ XIX столѣтіи. Умственная и отчасти политическая диктатура католицизма, военно-феодальная организація старыхъ монархій, нѣкоторая умственная дисциплина, установленная этими великими силами, съ дальнѣйшимъ развитіемъ западно-европейскихъ народовъ, въ особенности послѣ французской революціи, оставили широкое поле для всевозможныхъ политическихъ системъ, для отсутствія системъ и вообще для попытокъ разнаго рода содѣйствовать благосостоянію человѣчества. Не смотря на такую свободу дѣйствія и мысли, до настоящаго времени нѣтъ системы, которая хотя сколько-нибудь удовлетворяла бы потребности общества достигнуть дѣйствительной организаціи всѣхъ своихъ силъ и элементовъ. До настоящаго времени всякое прогрессивное движеніе есть прежде всего разрушеніе прежняго, всякая попытка организаціи есть возвращеніе къ старому порядку. Революція и реакція, разрушеніе старыхъ идоловъ и возстановленіе ихъ — вотъ между какими крайностями колеблется Западная Европа въ теченіе цѣлаго столѣтія. Мы не вполнѣ разрушили старую систему, говорятъ революціонеры, когда ихъ пышныя обѣщанія терпятъ крушеніе; мы не вполнѣ возстановили старину, говоритъ реакція, когда, не смотря на предупредительныя и карательныя ея мѣры, чувствуются судороги соціальнаго организма. Когда же эти люди займутся постройкой новаго зданія взамѣнъ жалкой работы ломки и переборки стараго?

Нельзя сказать, конечно, чтобы та и другая школа не выставляли образцовъ, типовъ общества, сообразныхъ съ ихъ ученіемъ. Напротивъ, ихъ, можетъ быть, слишкомъ много; они разнообразны и многочисленны, какъ разнообразны фантазіи, ихъ породившія. Но всѣ они имѣютъ одно общее имъ свойство: ни одинъ изъ нихъ не раціоналенъ на столько, чтобы могъ всегда оставаться вѣренъ своимъ собственнымъ началамъ. Внутреннее противорѣчіе какъ бы присуще всѣмъ этимъ системамъ. Не говоря уже о революціонно-метафизическихъ теоріяхъ, которыя вошли въ поговорку въ этомъ отношеніи, сами реакціонныя системы грѣшатъ крайнею непослѣдовательностію. Вопервыхъ, ни одна изъ нихъ уже не рѣшается явно преслѣдовать и подавлять успѣхи науки и промышлености, которыя каждый день все болѣе и болѣе подрываютъ главныя основы стараго порядка: низкій уровень образованія, монополіи и привилегіи. Напротивъ, поощреніе этихъ очевидныхъ враговъ стараго порядка вмѣняется въ обязанность даже ретроградныхъ правительствамъ. Далѣе, въ борьбѣ со школой революціонною ретроградная школа сражается одинаковымъ съ нею оружіемъ, и вмѣсто преданія и авторитета, единственно свойственныхъ ей способовъ доказательства, пускается на несвойственную ей почву научныхъ и историческихъ доводовъ, слѣдовательно, сама подчиняетъ преданіе и авторитетъ критикѣ собственнаго разума. Такимъ образомъ, она подрываетъ самыя существенныя свои начала и открываетъ широкую дорогу разрушительнымъ теоріямъ. Съ большею еще силой обнаруживается эта непослѣдовательность въ практической дѣятельности ретроградной партіи. Раздвоеніе и часто борьба элементовъ, составляющихъ ея поддержку, ненаціональная политика въ видахъ поддержанія личнаго вліянія, разрывъ аристократической партіи съ монархическою, провозглашеніе революціонныхъ началъ въ политикѣ одною партіей и тѣхъ же началъ въ сферѣ экономическихъ отношеній другою партіей,—все это вещи, очень знакомыя каждому, кто всматривался въ бытъ новѣйшихъ государствъ. Даже на литературѣ отражается эта крайняя непослѣдовательность двухъ политическихъ партій. Ог. Контъ очень удачно указываетъ, какимъ образомъ романтизмъ, этотъ революціонеръ въ сферѣ прежнихъ строгихъ эстетическихъ формъ, сталъ подъ защиту реакціонной партіи на томъ только основаніи, что главнымъ предметомъ его пѣснопѣній была феодально-католическая Европа, а революціонная школа взяла подъ свое покровительство раздушенный псевдо-классицизмъ, бравшій своихъ героевъ изъ языческо-республиканской древности. И къ такимъ-то мелочамъ привязывались лица, серьезно думавшія взять не себя трудное дѣло общественной организаціи!

Если такимъ образомъ ретроградная партія, имѣющая за собой вѣковой опытъ и рутину, не въ силахъ создать прочную систему человѣческаго общежитія, то тѣмъ менѣе можетъ исполнить эту задачу масса революціонныхъ метафизиковъ. Ея задача — чисто критическая. Она принадлежитъ эпохѣ,

раздѣляющей старую и новую систему; она разрушаетъ одну, чтобъ очистить мѣсто для другой. Но отъ разрушенія до созданія новаго—разстояніе большое. Изъ собственныхъ своихъ элементовъ она не въ силахъ создать ничего органическаго, не въ силахъ установить никакой положительной цѣли. Вслѣдствіе этого каждая изъ ея теорій общественной организаціи носитъ на себѣ отпечатокъ переходной эпохи, временныхъ задачъ, и въ большинствѣ случаевъ эти теоріи, очевидно, соотвѣтствуютъ цѣли разрушенія, болѣе имѣютъ въ виду ненавистную имъ политическую систему прежняго времени, чѣмъ истинныя условія развитія человѣчества въ будущемъ. Теоріи непреклонныхъ революціонеровъ возводятъ въ идеалъ такую организацію общества, которая имѣетъ значеніе только какъ противодѣйствіе какой-нибудь положительной государственной и соціальной системѣ, обыкновенно современной автору теоріи. Задача *умѣренныхъ* заключается въ искусствѣ сохранить большее или меньшее количество старыхъ началъ, въ стараніи *примирить* то, что прошло, съ тѣмъ, что должно быть. Слѣдовательно, революціонная партія или положительно заимствуетъ начала своихъ противниковъ для собственной системы, или, по крайней мѣрѣ, создаетъ ихъ подъ такимъ неотразимымъ вліяніемъ отживающаго порядка, что безъ него они не имѣютъ смысла. Возможно ли, напримѣръ, понять теоріи, которыя проповѣдывались въ 1848 году въ Люксембургскомъ дворцѣ, помимо идей того порядка вещей, который былъ созданъ буржуазіей? Авторамъ этихъ теорій кажется, что переходная эпоха, въ которую они дѣйствуютъ, есть нѣчто неизмѣнное, вѣчное, что враждебный имъ порядокъ также вѣченъ, и что система ихъ должна имѣть одно назначеніе — вѣчное противодѣйствіе этому вѣчному врагу. По всѣмъ этимъ причинамъ революціонная метафизика доходила до невообразимыхъ противорѣчій. Имѣя сама разрушительное назначеніе, она дѣлала его главною задачей человѣчества, а потому вообще не любила всего, что не ладило съ этими цѣлями. Всякое правительство являлось у нея естественнымъ врагомъ общества и его развитія: противъ него необходимо держаться на сторожѣ, стѣснять сколь возможно сферу его дѣятельности, такъ чтобы въ заключеніе оставить ему однѣ полицейскія охранительныя обязанности, устранивъ его отъ руководящей роли въ дѣлѣ общественнаго развитія. Сказать такую вещь значитъ прямо объявить себя неспособнымъ создать какую бы то ни было прочную политическую систему. И дѣйствительно, если мы разсмотримъ коренныя начала, провозглашенныя революціонною школой, намъ ясно будетъ, что они выражаютъ переходную, разрушительную задачу школы. Основнымъ догматомъ ея, — догматомъ, дѣйствительно опредѣляющимъ ея свойство, — является безусловная свобода изслѣдованія во всѣхъ сферахъ нравственной и умственной жизни человѣчества. Нѣтъ сомнѣнія, что провозглашеніе этого начала дало ей возможность оказать человѣчеству тѣ услуги, которыя отражаются на быстрыхъ

успѣхахъ всѣхъ отраслей знанія. Нѣтъ сомнѣнія, что это великое начало въ обществахъ цивилизованныхъ до такой степени проникло въ нравы, что даже реакціонная партія, по своимъ пріемамъ и смѣлости обращенія съ наиболѣе важными предметами, напоминаетъ своихъ противниковъ. Но нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что такая свобода ясно указываетъ на такое состояніе общества, гдѣ лучшія силы направлены на разрушеніе, гдѣ нѣтъ никакого дѣйствительнаго организующаго начала.

Мы должны оговориться. Свобода, въ томъ смыслѣ, какъ мы принимаемъ ее здѣсь, состоитъ не въ той необходимой возможности для каждаго лица изслѣдовать самостоятельно каждый научный вопросъ и издавать въ свѣтъ выводы своихъ научныхъ изслѣдованій, не подчиняя ихъ офиціальнымъ взглядамъ и образцамъ мышленія. Это — необходимое право каждой развивающейся личности, каждаго сознающаго себя духа. Здѣсь рѣчь идетъ о томъ печальномъ фактѣ, что каждый, начинающій разсуждать о политическихъ и нравственныхъ вопросахъ, считаетъ своею обязанностью подвергать критикѣ самыя основы общежитія и пытается вывести изъ своего ума то, что устанавливается долгимъ процессомъ человѣческаго развитія. Въ этомъ отношеніи соціальныя науки стоятъ ниже всѣхъ остальныхъ. Послѣднія обладаютъ нѣкоторыми общими началами, не подвергающимися новому пересмотру при выходѣ въ свѣтъ каждой новой книги. Человѣческая мысль въ области астрономіи, физики, химіи и даже въ области филологіи и исторіи задерживается нѣкоторыми несомнѣнными истинами, фактами, которые препятствуютъ принять ту отвлеченно-произвольную форму, въ какой щеголяютъ произведенія политическихъ метафизиковъ. Писатель, который рѣшился бы высказать мысль объ обращеніи солнца около земли, навлекъ бы на себя подозрѣніе въ умопомѣшательствѣ; лица, высказавшія совершенно аналогическія нелѣпости въ области нравственныхъ и политическихъ наукъ, часто увѣнчиваются лаврами. Это печальное положеніе продолжается до тѣхъ поръ, пока по отношенію къ политическимъ наукамъ въ самомъ сознаніи людей не установится нѣсколько прочно постановленныхъ началъ, отсутствіе которыхъ ведетъ къ тому, что люди отвлекаются отъ трезвой политической дѣятельности изслѣдованіемъ высшихъ законовъ общежитія. Это въ свою очередь ведетъ къ тому, что общество, завоевавшее себѣ и ревниво охраняющее свободу мысли по отношенію къ теоретическимъ вопросамъ и не признающее здѣсь никакихъ авторитетовъ, на практикѣ терпѣливо выноситъ гнетъ рутинной администраціи, которая предъ обществомъ имѣетъ то важное преимущество, что вся отдалась дѣлу, хотя часто не слыхала ни о какихъ теоретическихъ соображеніяхъ. Итакъ, анархія, вслѣдствіе отсутствія общихъ началъ, осуществленію которыхъ могло бы отдаться усоюоенное общество, ведетъ къ сильнѣйшему и безграничному господству «будничныхъ людей и идей», составляющихъ бюрократію. Важною

и великою побѣдой было освобожденіе мысли отъ внѣшнихъ стѣсненій; но еще важнѣйшихъ результатовъ достигла бы эта освобожденная мысль, когда бы она сама подчинила себя необходимой дисциплинѣ, которая удерживала бы ее отъ безполезныхъ теорій, но за то направляла бы всѣ ея силы къ дѣйствительной общеполезной дѣятельности. До сихъ поръ ново-европейское общество тратило свои силы на построеніе *началъ* общежитія; пусть оно обратится къ необходимымъ *законамъ* его и имъ подчинитъ свою политическую жизнь.

Странное дѣло! Всѣ заявленія, начиная съ «Объявленія правъ человѣка и гражданина», были, повидимому, направлены къ тому, чтобъ открыть обществу доступъ къ политическимъ дѣламъ; но на дѣлѣ выходитъ, что оно устранено отъ этой дѣятельности болѣе чѣмъ когда-нибудь, и нѣтъ сомнѣнія, что одна изъ главнѣйшихъ причинъ этого есть несовершенное состояніе политическихъ и соціальныхъ наукъ. Отчасти вслѣдствіе вражды къ отжившей системѣ, отчасти вслѣдствіе дѣйствительной несостоятельности прежнихъ началъ, новое общество до настоящаго времени занимается переборкою и критикою ихъ, то есть, остается въ моментѣ *изслѣдованія*, которое всегда и во всемъ предшествуетъ дѣйствію. До дѣйствія оно еще не дошло. Это лучше всего доказывается тѣмъ, что одна часть революціонной массы называетъ себя партіей *дѣйствія*, какъ будто это какая-нибудь удивительная особенность; это значитъ только, что вся остальная масса такъ называемыхъ либераловъ еще весьма далека отъ способности дѣйствовать. Призывая каждаго къ новому пересмотру началъ общества, либеральная часть общества приводитъ къ тому, что во всѣхъ сферахъ дѣятельности сочли бы безуміемъ, — заставляетъ всѣхъ разсуждать, но только разсуждать, и устраняетъ ихъ отъ всякой дѣятельности, какъ бы не сознавая, что дѣятельность, а не простое и безплодное резонерство, есть задача человѣка. Гдѣ бездѣйствіе съ одной, а свобода резонерства съ другой стороны, тамъ и анархія. Нѣтъ умственной дисциплины, — нѣтъ плодотворной дѣятельности, нѣтъ прочно поставленной цѣли,—все идетъ на удачу. Между тѣмъ какъ каждый спѣшитъ въ дѣлѣ своего здоровья исполнять совѣты медика, въ мануфактурномъ дѣлѣ — совѣты техника и т. д., каждый считаетъ себя въ правѣ обсуждать труднѣйшіе вопросы политики — этой самой сложной изъ наукъ.

Ясно, что тутъ дѣло идетъ о чемъ-то переходномъ, не установившемся. Не можетъ быть прочной организаціи тамъ, гдѣ каждый считаетъ себя вправѣ подвергать постоянной критикѣ самыя основы общежитія. Еще менѣе можетъ она установиться при полномъ отсутствіи соціальной іерархіи, приноровленной къ потребностямъ даннаго общества. Революція провозгласила полное равенство всѣхъ членовъ общества, въ смыслѣ полнаго уничтоженія внѣшнихъ и наслѣдственныхъ отличій одного класса отъ другаго. Но не успѣла она закончить своего дѣла, какъ изъ рядовъ промышленныхъ клас-

совъ, подготовлявшихъ паденіе феодализма еще съ XIII столѣтія, вышла французская буржуазія, занявшая мѣсто низверженныхъ высшихъ классовъ. Правда, она заимствовала свой складъ отъ старыхъ временъ. Это, какъ мы видѣли, бываетъ всегда, когда революція желаетъ дать организацію своимъ элементамъ. Разрушена монархія, и узурпаторъ, устанавливая свою власть, до мельчайшихъ подробностей копируетъ своихъ предшественниковъ. Кромвель такъ подробно опредѣлилъ церемоніалъ своего вступленія въ должность, какъ будто писалъ подъ диктовку Людовика XIV или Карла I. Буржуазія, занявъ мѣсто старой аристократіи, немедленно приняла ея тонъ и отчасти идеи. Наполеонъ I только докончилъ ея дѣло, увѣсивъ ее крестами и украсивъ титулами. Доктринеры и Гизо даже пустили въ ходъ начало наслѣдственности, создавъ палату перовъ — эту жалкую копію съ палаты лордовъ. Дальше идти было некуда: нельзя въ самомъ дѣлѣ до такой степени реставрировать въ то время, когда вся жизнь строилась на началахъ совершенно противоположныхъ, когда народъ и правительство тщились примѣнить къ дѣлу «les grands principes de 1789». Но такая реставрація указываетъ на тотъ несомнѣнный фактъ, что равенство, въ смыслѣ полнаго отсутствія всякой іерархіи, есть такая безформенность общества, которая необходимо предшествуетъ всякому строенію, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть принята за нормальное и окончательное его положеніе.

Провозглашеніе права безконечной критики и равнаго права всѣхъ гражданъ во всякое время передѣлывать общество повело за собою другое ученіе, которое также совершенно характеризуетъ революціонную эпоху. Это— ученіе о самодержавіи народа. Подобно первымъ двумъ началамъ, и это ученіе было только протестомъ противъ стараго порядка, орудіемъ разрушенія отжившей организаціи. Если бы за обществомъ не было признано право мѣнять свое политическое устройство, и самое это устройство не было бы признано за продуктъ его воли, дѣло разрушенія никогда не было бы доведено до конца. Но когда дѣло зашло о дѣйствительной организаціи общества, «самодержавный» народъ мало помогъ разрѣшенію вопроса. Въ ожиданіи же этого разрѣшенія самыя политическія ученія остались въ состояніи полной анархіи. Притомъ самая идея народнаго полновластія не есть что-либо самостоятельное; это та же идея абсолютной государственной власти, которая была осуждена революціей въ лицѣ Людовика XVI и которая въ рукахъ толпы можетъ только принять болѣе опасный и вредный характеръ. Нѣтъ на землѣ власти, которая могла бы безнаказанно перешагнуть за предѣлы, напримѣръ, нравственнаго закона, позволить себѣ полное уничтоженіе личности, разрушать духовную жизнь человѣчества. Поступая такъ, она уничтожаетъ элементы народнаго самосознанія, то-есть, сильнѣйшую опору своего собственнаго существованія. Правительство крѣпко только тогда, когда живетъ въ умѣ и сердцѣ народа. Идея полновластія

народа, доведенная до конца, можетъ имѣть своимъ результатомъ только массу безличныхъ людей; что же другое представляла монархія Филиппа II? Подобно двумъ предыдущимъ идеямъ, и ученіе о полновластіи народа имѣетъ только отрицательный характеръ; но, разъ освобожденное отъ внѣшнихъ стѣсненій, общество должно подумать о внутреннемъ ограниченіи своей свободы, называемой его полновластіемъ, подобно тому, какъ мы уже это высказали по отношенію къ свободѣ индивидуальной *).

Въ большей еще степени вредные результаты этихъ началъ отразились на международномъ союзѣ, въ которомъ начало самостоятельности государствъ и принципъ невмѣшательства, очевидно, соотвѣтствуютъ началу равенства и народнаго полновластія въ политикѣ отдѣльныхъ государствъ. Нигдѣ, быть можетъ, начала эти не получили такого развитія, нигдѣ они не высказаны съ большею наглядностію и нигдѣ анархія не приняла такихъ громадныхъ размѣровъ, какъ здѣсь. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ принципъ далъ возможность установиться началамъ 1789 года внутри каждаго изъ западно-европейскихъ государствъ, что до настоящаго времени развитіе невмѣшательства тѣсно связано было съ развитіемъ политической свободы, что Италія, Греція и раньше ихъ Франція, обязаны ему своимъ освобожденіемъ. Но если развитіе народовъ обезпечено устраненіемъ вредныхъ посторонихъ вліяній, — вліяній, обыкновенно основанныхъ на силѣ и стремившихся къ деспотизму — если новый шагъ на этомъ пути — отождествленіе государства и національности, и слѣдовательно, освобожденіе дѣйствительныхъ національностей — есть новое торжество идей 1789 года, то съ другой стороны несомнѣнно и то, что истинная цѣль человѣчества есть не разрозненность, а общеніе, соединеніе. А въ этомъ отношеніи революціонная эпоха сдѣлала мало, не смотря на провозглашеніе «братства народовъ». Никогда народы не поклонялись больше силѣ, какъ теперь. Европа, сбросившая духовную власть папы, объединявшую средневѣковое человѣчество, выдумала систему первоклассныхъ державъ, при чемъ классификація, конечно, не основана на умственномъ первенствѣ. Средніе вѣка не выходили изъ мелкихъ войнъ; новая Европа не выходитъ изъ вооруженнаго мира, этого чудовищнаго порожденія Наполеоновской системы. Притомъ она знаетъ и войны, и какія войны! Вся злоба, накипѣвшая въ сердцѣ націи во время вооруженнаго мира, не знаетъ границъ. Правда, намъ говорятъ, что торговля должна объединить міръ, что промышленные интересы свяжутъ человѣчество сильнѣе всякихъ нравственныхъ узъ. Средневѣковый человѣкъ постыдился бы говорить это. Онъ сознавалъ, что онъ свя-

*) Мы будемъ имѣть случай разсмотрѣть замѣчательную теорію Бюше по этому вопросу, хотя и не вполнѣ соглашаемся съ нею. Кромѣ того, нельзя не указать на превосходную главу: La souveraineté du peuple, въ Politique Constitutionelle par B. Constant.

занъ съ другими націями духовными узами, и связь эта была едва-ли не крѣпче, чѣмъ всѣ торговые трактаты, которыми такъ гордится наше время.

Таковы начала, которыя революціонная партія кладетъ въ основаніе всѣхъ своихъ теорій. Имѣя въ виду разрушеніе стараго, выставляя начала своей дѣятельности, приноровленныя къ этой цѣли, она не имѣла ни силъ, ни средствъ направить общественное сознаніе къ опредѣленной цѣли въ будущемъ. Она сама не только не сознавала ясно этой цѣли, но даже не искала своего идеала въ будущемъ. Напротивъ, подобно реакціонной школѣ, она упорно смотрѣла назадъ, и въ отдаленныхъ, часто вовсе не изслѣдованныхъ періодахъ человѣчества искала образцовъ политическаго и общественнаго совершенствъ. У обѣихъ школъ цѣли были различны, но въ пріемахъ господствовало полное тождество. Реакція искала въ прошедшемъ образцовъ полнаго подчиненія преданію и авторитету; въ томъ же прошедшемъ революція искала типовъ свободы и равенства. Ученіе о такъ называемомъ *естественномъ состояніи*, пущенное въ ходъ Гроціемъ и Гоббесомъ и имѣвшее зерно научной идеи въ томъ смыслѣ, что политическій строй долженъ быть продуктомъ свойствъ человѣка и окружающихъ его условій, — подъ вліяніемъ революціонной школы, превратилось въ орудіе разрушенія всякой организаціи. Если Гоббесъ и Гроцій говорили объ естественномъ состояніи, для того чтобы вывести изъ него необходимость общежитія, то Руссо и его послѣдователи и поклонники говорили о немъ для того, чтобъ осудить существующій порядокъ. Первые говорили: вотъ почему теперь существуютъ тѣ или другія учрежденія; вторые повторяли: такихъ-то учрежденій не было въ естественномъ состояніи, слѣдовательно, они не нужны и нелѣпы; все, слѣдовательно, должно быть приноровлено къ этому естественному состоянію; только тогда человѣкъ достигнетъ блаженства. Еслибъ идеи истины и добра были продуктомъ индивидуальной дѣятельности человѣка, то, конечно, наилучшее средство установить правильныя начала общежитія было бы обратиться къ личному сознанію человѣка, не испорченнаго общежитіемъ. Но дѣло въ томъ, что,—какъ мы увидимъ ниже, излагая теорію прогресса,—всѣ улучшенія міра умственнаго, нравственнаго и матеріальнаго суть произведенія именно этого общежитія, отъ постепеннаго развитія котораго и зависитъ всесторонній прогрессъ человѣчества.

Разъ повернувшись назадъ, революція только въ прошедшемъ искала образцовъ политической организаціи. Забывая, что классическая древность навсегда отрѣзана отъ насъ христіанствомъ и дальнѣйшими успѣхами цивилизаціи, она не задумывалась воскрешать республики Рима и Аѳинъ. Изъ ненависти къ католицизму она придумала *естественную религію* и едва не дошла по политеизма обожаемой классической древности.

Какъ ни велики вообще несообразности исключительно-критическаго направленія, нельзя однако же не признать, что оно имѣетъ и свою хорошую

сторону: широкая свобода критики, данная всему народу, дѣлаетъ невозможнымъ осуществленіе эфемерныхъ плановъ и частныхъ затѣй тѣхъ преобразователей человѣчества, которые привыкли только за собою признавать свободу мысли и дѣйствія, и въ концѣ концовъ она можетъ привести къ установленію прочной политической организаціи и выяснить національныя и общечеловѣческія цѣли, послѣ чего настанетъ новый періодъ прогрессивнаго развитія человѣчества, переживающаго теперь эпоху разрушенія и чисто формальной организаціи, прикрывающей бѣдность дѣйствительнаго содержанія.

Но пока это печальное состояніе вредно отражается на умственномъ и нравственномъ строѣ западной Европы. Хотя теорія Руссо не проповѣдывается всѣми открыто, даже многихъ приводитъ въ негодованіе, но въ сущности за всѣми современными теоріями скрывается тотъ же пріемъ, то же стремленіе—обратиться къ непосредственному человѣческому сознанію и возстановить первобытнаго человѣка, не испорченнаго цивилизаціей. Съ другой стороны, реакція неудержимо стремится къ средневѣковому строю и хочетъ забыть всѣ успѣхи, совершенные современнымъ обществомъ. Въ сущности обѣ партія держатся отрицательнаго направленія въ томъ смыслѣ, что ни одна не хочетъ привести въ надлежащую систему массу неудержимо развивающихся общестоенныхъ элементовъ. Парламентаризмъ, этотъ компромиссъ двухъ партій, хотя и поддерживаетъ кое-какъ общественныя формы, но далеко не проникаетъ въ глубь общества. Можетъ быть, ему суждена блестящая будущность, но въ настоящее время онъ составляетъ достояніе однихъ верхнихъ слоевъ общества, и то за неимѣніемъ лучшаго. Достаточно взглянуть на исторію XIX ст., чтобъ убѣдиться, что каждое дѣйствительное движеніе общества и націи не имѣло ничего общаго съ этою системой, а напротивъ сопровождалось ея ослабленіемъ или даже паденіемъ. Истинно видную роль въ такія минуты имѣли или силы прежняго порядка, какъ въ теперешней Пруссіи, или масса народа, какъ во Франціи 1789 года. Не осуждая конституціонализма въ принципѣ, нельзя однако же не согласиться, что организація общества дѣйствительная, а не внѣшняя, ждетъ другихъ руководителей, чѣмъ пресловутыя палаты. Онѣ, употребляя выраженіе Наполеона, могутъ быть завершеніемъ зданія, но никакъ не первымъ камнемъ новой организаціи. Снаружи государства Запада представляютъ однообразное и даже прочное строеніе. Но если мы обратимся къ дѣйствительному критеріуму устойчивости общества, къ его умственному и нравственному строю, то полная анархія этихъ элементовъ докажетъ намъ всю шаткость этихъ обществъ. Нѣтъ той теоріи, которая бы не нашла себѣ заступниковъ, и, что всего замѣчательнѣе, люди съ здравымъ смысломъ весьма часто пускаются въ грубѣйшіе парадоксы, это чадо умственной анархіи. Если бы общество обладало истинами, которыя въ данное время представляются не-

обходимыми условіями общежитія, то, конечно, о нихъ сами собой разбились бы всѣ эти теоріи-парадоксы. Но при отсутствіи такихъ началъ и фактовъ, задерживающихъ разгулъ человѣческой мысли, конечно, наиболѣе долженъ выигрывать въ общественномъ мнѣніи тотъ, кто зайдетъ дальше всѣхъ. Но эпоха, въ которую господство парадоксовъ — нормальное явленіе, въ свою очередь ненормальна. Разумѣется, эта анархія наиболѣе отражается на политическихъ ученіяхъ, такъ какъ сюда болѣе всего направлена дѣятельность свободныхъ умовъ со времени революціи. По отношенію къ этой отрасли знанія всѣ считаютъ себя свободными. Никто не рѣшится безъ предварительной подготовки разрѣшать вопросы естествознанія, и всѣ считаютъ себя въ правѣ «сказать свое слово» объ этой самой сложной изъ наукъ. Не свободны отъ этого недостатка даже лица, посвятившія себя серьезнымъ занятіямъ: химики, математики, натуралисты. Они, вѣроятно, поспѣшили бы остановить невѣжду, взявшагося рѣшать какой-нибудь физическій вопросъ, но сами они считаютъ себя въ правѣ рубить съ плеча по самымъ сложнымъ соціальнымъ вопросамъ. Все это происходитъ, конечно, отъ того, что соціологія не выработала еще прочныхъ началъ, знаніе которыхъ было бы необходимо для обсужденія всѣхъ общественныхъ явленій; но это нисколько не умеьшаетъ самой трудности предмета, ни сложности его вопросовъ. Между тѣмъ лица, сами знакомыя съ умственнымъ трудомъ, не задумываются подавать примѣръ самаго легкомысленнаго обращенія съ чуждою для нихъ наукой.

За умственною анархіей слѣдуетъ нравственная: рѣдкая изъ эпохъ знала такую деморализацію, какъ наша. Ни одна сфера не нуждается такъ въ правилахъ, *не созданныхъ* личною дѣятельностію каждаго человѣка, какъ именно сфера нравственности. Оставленная на произволъ личности, нравственность никогда не достигаетъ той общности, которая дѣлаетъ ее необходимымъ условіемъ общежитія. Характеръ нравственныхъ вопросовъ такого свойства, что въ нихъ доказательства за и противъ возможны до безконечности. Предоставленная личному усмотрѣнію, то-есть, тому же духу критики, нравственность невольно извращается, прилаживается ко вкусу всѣхъ и каждаго, и въ заключеніе совершенно исчезаетъ изъ общества, оставляя за собою пустоту и разслабленіе всѣхъ связей. Болѣе чѣмъ какое-нибудь ученіе, нравственность нуждается въ категорическихъ предписаніяхъ, непоколебимыхъ началахъ, установленныхъ помимо всякаго индивидуальнаго вмѣшательства. Здѣсь великое значеніе религіи, къ сожалѣнію, мало или ложно понятое позитивизмомъ. Но, оставляя въ сторонѣ этотъ вопросъ, къ которому мы возвратимся ниже, нельзя не замѣтить, что не одному духу безконечной критики, возбужденному революціей, должно приписать этотъ упадокъ нравственнаго уровня. Напротивъ, революція явилась какъ бы возстановительницею нравственности, въ сравненіи съ тѣмъ безпримѣрнымъ

разложеніемъ стараго общества, которое видѣло XVII столѣтіе. Нѣкоторое время революція стремилась подавить личный эгоизмъ и направить всѣ силы человѣческаго духа къ одной великой цѣли. Трудно найдти болѣе примѣровъ самоотверженія, высокихъ порывовъ, скромнаго мужества, какъ въ исторіи первыхъ 6 — 7 лѣтъ французской республики. Но критическій духъ, конечно, не могъ установиться на этой *государственной* нравственности и продолжалъ свое дѣло, какъ только исчезла иллюзія конвента и его героевъ. На этой дорогѣ онъ не могъ остановиться ни предъ какими нравственными началами. Католицизмъ, съ его вдавшеюся во всевозможныя политическія интриги іерархіей, протестантство съ его раціональнымъ догматизмомъ, конечно, не способны были остановить зло. Притомъ они сами давно разсуждали и критиковали, а на этой почвѣ они врядъ-ли могли соперничать съ съ революціей. Вотъ почему въ воспитаніи молодаго поколѣнія играетъ роль не нравственность, а тяжеловатая мораль, построенная на условныхъ понятіяхъ, за неимѣніемъ безусловныхъ догматовъ, способныхъ поднять нравственное сознаніе человѣчества. Какъ всегда бываетъ въ такія эпохи, единственныя нравственныя понятія, кое-гдѣ мелькающія въ общемъ хаосѣ идей, принадлежатъ движенію личнаго чувства. Но, конечно, эти понятія, или лучше, зародыши понятій пригодны только для сферы частныхъ отношеній, но не могутъ возстановить нравственность какъ систему общественнаго сознанія. Впрочемъ, можетъ быть, было бы еще хуже, если бы общество успокоилось на этой формальной морали и приняло ее за систему чистой нравственности. Оно доказало бы тѣмъ свою неспособность къ обновленію, которое теперь, при этомъ не умирающемъ индивидуальномъ чувствѣ, быть можетъ, ближе, чѣмъ думаютъ многіе пессимисты.

Но одно это чувство само по себѣ, конечно, неспособно сдержать тѣхъ размаховъ критицизма и стремленія къ парадоксамъ, о которыхъ мы говорили по отношенію къ умственной анархіи. Не находя нигдѣ устойчивыхъ принциповъ, критицизмъ дошелъ до отрицанія всякой прочной нравственности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и до отрицанія тѣхъ институтовъ, въ которыхъ начиналось нравственное воспитаніе человѣка, и которые, по общему сознанію, служили зародышемъ нравственныхъ понятій и соціальнаго чувства, какъ, напримѣръ, брака и семьи.

Понятно, какой характеръ должна была принять правительственная система въ западно-европейскихъ государствахъ на подобной почвѣ. Не будучи въ состояніи дѣйствовать во имя дѣйствительно великихъ идей и прочныхъ началъ, не поддерживаемыя общественнымъ сознаніемъ, распавшимся на массу противорѣчивыхъ мнѣній, западно-европейскія правительства невольно остановились единственно на поддержаніи своего существованія, причемъ главнымъ средствомъ къ этому является поощреніе самыхъ грубыхъ и эгоистическихъ инстинктовъ общества. Эти послѣдніе являются

единственною поддержкой правительствъ, которыя сами не имѣютъ въ виду ничего, кромѣ своихъ эгоистическихъ цѣлей. Отсюда систематическая порча общества, ставшая необходимымъ нравственнымъ средствомъ. Она была невозможна, когда человѣчество двигалось къ великимъ цѣлямъ, побуждаемое великими идеями. Она стала необходимостію при отсутствіи убѣжденій, шаткости мнѣній и господствѣ эгоистическихъ инстинктовъ. Подкупы, соблазны, запугиванія стали почти невозможны въ чисто научной сферѣ, гдѣ установились уже прочныя истины, но вполнѣ идутъ къ политической дѣятельности. Очевидно, это происходитъ отъ того, что люди могутъ имѣть убѣжденія въ области физики, не могутъ повѣрить никакимъ софизмамъ, а потому въ виду этого твердаго убѣжденія легко могутъ заглушить мелкіе свои интересы. Но во имя чего будутъ они подавлять свои эгоистическіе инстинкты въ сферѣ политики? Гдѣ прочныя начала, требующія послушанія независимо отъ всякихъ своекорыстныхъ побужденій и даже въ противность всякимъ софизмамъ? Не аплодируетъ ли само общество наиболѣе смѣлымъ софизмамъ и парадоксамъ? Если такимъ образомъ нѣтъ ни въ правительственной, ни въ общественной сферѣ дѣйствительно сознанныхъ цѣлей, способныхъ направить дѣятельность той и другой и подавить своекорыстіе и мелкія страсти, то почему же не руководиться въ этомъ дѣлѣ своимъ личнымъ интересомъ, хотя бы и возбужденнымъ со стороны самыхъ грубыхъ инстинктовъ? Оно даже и вѣрнѣе, потому что чѣмъ грубѣе инстинктъ, которому льстишь, тѣмъ на большую массу людей можно разсчитывать.

Это печальное явленіе будетъ существовать, конечно, до тѣхъ поръ, пока твердыя понятія и убѣжденія не подчинятъ себѣ снова всей массы противорѣчивыхъ мнѣній и разрозненныхъ интересовъ. До тѣхъ поръ система, указанная здѣсь, не измѣнится и не можетъ измѣниться и останется на отвѣтственности управляющихъ и управляемыхъ одинаково. Пока идея общаго блага будетъ заслонена этими двумя видами эгоизма, до тѣхъ поръ демонализація въ нравственныхъ и общественныхъ сферахъ будетъ неизмѣннымъ фактомъ. Конечно, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы правительства не могли ничего сдѣлать для прекращенія этого зла. Они сами много способствовали къ усиленію этихъ естественныхъ послѣдствій анархіи въ управляемомъ ими обществѣ. Тупая и непримиримая вражда ко всякой теоріи, къ общимъ началамъ, стремленіе продлить то состояніе, когда люди только говорятъ и ни на чемъ не могутъ установиться, систематическое устраненіе всякихъ случаевъ и возможности сближенія разрозненныхъ членовъ общества, искусственное поддерживаніе ненависти и отчужденія между разными классами,—все это слишкомъ извѣстные факты. Но есть и другіе факты, которые какъ будто согласны съ общимъ настроеніемъ общества, но въ сущности зависятъ отъ тѣхъ же эгоистическихъ стремленій. Вся правительственная система западной Европы какъ будто служитъ выраженіемъ идей, завѣщан-

ныхъ революцій. Принципъ равенства нашелъ себѣ примѣненіе въ равномъ правѣ участія всѣхъ лицъ въ администраціи, причемъ даже степень образованія не всегда принимается во вниманіе. Такимъ образомъ, въ то время, какъ умственная анархія убѣдила всѣхъ въ возможности безъ приготовленія участвовать въ разрѣшеніи важнѣйшихъ политическихъ и административныхъ вопросовъ, а полное разложеніе всей прежней общественной іерархіи открыло путь всѣмъ большимъ и мелкимъ честолюбіямъ, правительства, которыя сами во многомъ способствовали этой общественной нивеллировкѣ, построили цѣлую систему управленія, гдѣ этотъ наплывъ лицъ, *желающихъ управлять*, могъ найдти себѣ исходъ. Это была выработанная на Западѣ система бюрократіи, приспособленная къ низкому умственному уровню, къ шаткости убѣжденій, къ нравственной анархіи, о которыхъ мы только-что говорили, и вызванная постепенною нивеллировкой общества, паденіемъ мѣстныхъ учрежденій и централизаціей. Бюрократическія установленія дали возможность западно-европейскимъ правительствамъ заманивать въ свою среду массы людей, жаждущихъ власти, безъ серьезнаго къ ней приготовленія и отвѣтственности. Они создали тотъ міръ узкой спеціальности, мелкой посредственности, отдѣленный отъ всякаго живаго и глубокаго общественнаго сознанія и чувства, въ которомъ широкое пониманіе общихъ національныхъ задачъ извращается и наконецъ дѣлается невозможнымъ подъ вліяніемъ формальной рутины, въ которомъ личная инпціатива мельчаетъ и чахнетъ, и громадная сумма власти уходитъ на мелкія распоряженія и оказывается безсильною предъ дѣйствительно сложными и трудными задачами. Общность національнаго сознанія уступаетъ здѣсь мѣсто лишь эгоистическимъ стремленіямъ и узкимъ, личнымъ интересамъ. Дѣлая разсчетъ и личный интересъ главнымъ двигателемъ въ тѣхъ сферахъ, гдѣ самоотверженіе и сознаніе высшихъ національныхъ цѣлей должны быть главною пружиной всякой дѣятельности, то или другое правительство можетъ временно заинтересовать всѣ эти лица своимъ существованіемъ, но лишь на столько, на сколько удовлетворены ихъ мелкія самолюбія. Малѣйшее нарушеніе этихъ интересовъ, неудовлетворенное тщеславіе, обманутыя надежды, обыкновенно непомѣрныя тамъ, гдѣ достиженіе важнѣйшихъ должностей не сдержано никакими условіями образованія, гдѣ отправленіе ихъ не связано съ дѣйствительною отвѣтственностію, — все это легко можетъ обратить въ непримиримыхъ враговъ вчерашнихъ друзей. Гдѣ національное самосознаніе не достигло истинной силы, гдѣ эгоизмъ руководитъ дѣйствіями высшихъ и низшихъ, тамъ нечего ждать настоящаго сочувствія и преданности правительству. И дѣйствительно, глубокое сознаніе національныхъ цѣлей, безкорыстное служеніе интересамъ общества, дѣйствительная, самоотверженная преданность высшимъ представителямъ націи все болѣе и болѣе уходятъ въ область преданія, уступая мѣсто наружному,

формальному исполненію обязанностей, слѣдовательно, систематическому лицемѣрію, которымъ приходится довольствоваться за отсутствіемъ искреннихъ, твердыхъ убѣжденій.

Предѣлы нашего труда не позволяютъ намъ долѣе остановиться на пагубномъ вліяніи такого общественнаго состоянія на самый характеръ политическихъ воззрѣній, господствующихъ въ наше время. Впрочемъ, его можно уже предвидѣть изъ общихъ, сдѣланныхъ нами замѣчаній. Неспособность возвыситься до общихъ началъ не только науки, но и своей національной политики, господство воззрѣній, сложившихся подъ вліяніемъ мелкихъ практическихъ соображеній, постоянно отклоняютъ человѣческій умъ отъ изслѣдованія дѣйствительно научныхъ началъ соціологіи и политики. Лишенный этой существенной поддержки, онъ естественно останавливается на изслѣдованіи формальной стороны вопросовъ и глядитъ на форму больше чѣмъ на содержаніе. Такъ, въ политикѣ изученіе формъ правленія и организаціи различныхъ установленій давно взяло перевѣсъ надъ болѣе существенными вопросами, надъ изслѣдованіемъ тѣхъ элементовъ, которыхъ эти формы и установленія служатъ только выраженіемъ. Форма сдѣлалась главнымъ центромъ полемики, отъ нея привыкли ожидать разрѣшенія всевозможныхъ политическихъ затрудненій, отъ измѣненія ея, и только отъ этого, ждутъ всего хорошаго или опасаются всего дурнаго. Ей привыкли приписывать все, что ни происходитъ въ обществѣ. Она одна отвѣчаетъ за каждый непріятный для общества случай, она несетъ на себѣ всѣ грѣхи людей, которые въ ней дѣйствуютъ и которые сами, въ свою очередь, сваливаютъ на нее всѣ свои заблужденія. Если такимъ образомъ задачи изслѣдователей касаются не содержанія, не сущности, а формы, то понятно, что и за самое изслѣдованіе главнымъ образомъ берутся люди, сами болѣе способные къ формѣ, чѣмъ къ содержанію, и что главнымъ ихъ орудіемъ явилось также совершенство формы, развитое на счетъ достоинства содержанія. Краснорѣчіе заступило мѣсто глубины и силы мысли, изящное изложеніе соотвѣтствуетъ весьма скудному запасу сколько-нибудь плодотворныхъ началъ. Вотъ почему и люди, посвященные въ тайны декламаціи больше чѣмъ въ научныя истины, заняли видное мѣсто руководителей и воспитателей общественнаго мнѣнія. Адвокаты и журналисты, — два класса, первоначальное назначеніе которыхъ состояло въ защитѣ частныхъ интересовъ въ сферѣ будничныхъ вопросовъ, и въ сообщеніи свѣдѣній о новостяхъ общественной жизни, — вдругъ возвысились на степень руководителей общества по самымъ серьезнымъ вопросамъ политики. Держась на поверхности вопросовъ, декламируя на тему высшихъ идей, смыслъ которыхъ постоянно утрачивается вслѣдствіе чисто-формальнаго примѣненія ихъ къ жизни, люди эти, конечно, не могутъ установить тѣхъ прочныхъ началъ, въ которыхъ такъ нуждается соціологія.

Между тѣмъ необходимость подобныхъ началъ очевидна. Они одни могутъ положить конецъ только-что разсмотрѣнному нами анархическому состоянію общества. Откуда явятся эти начала? Можно ли ихъ найдти въ условіяхъ современной цивилизаціи, и будетъ ли дѣломъ новой науки дальнѣйшее разъясненіе христіанскихъ истинъ и стремленіе къ великимъ цѣлямъ, указаннымъ 1800 лѣтъ тому назадъ, или изъ немногихъ, отрывочныхъ идей, выработанныхъ уже человѣчествомъ, начиная съ XII ст., должна сложиться новая наука и новое общество? Контъ выступилъ изъ *теологической* сферы, но не въ силахъ былъ отказаться отъ религіознаго чувства, которое громко заявило свои права въ самомъ великомъ позитивистѣ. Бюше ищетъ началъ новой науки только въ сферѣ понятій, установленныхъ ученіемъ Христа. Мы увидимъ ниже, какъ это обстоятельство отразилось на вѣрности и богатствѣ его выводовъ.

II.

Филиппъ-Іосифъ-Веніаминъ Бюше родился въ 1796 году въ небольшой деревнѣ Mattaigne-la-Petite, Между Живе и Маріенбургомъ, въ землѣ Валлоновъ. Впрочемъ, онъ мало зналъ свою родину, потому что его отецъ и даже дѣдъ постоянно жили въ Парижѣ, такъ что онъ воспитывался, дѣйствовалъ и умеръ въ этомъ городѣ, гдѣ столько иностранцевъ находили второе отечество, которому служили съ полнымъ самоотверженіемъ. Притомъ онъ былъ тѣсно связанъ съ преданіями и интересами французской націи, такъ какъ отецъ его, весьма умный и дѣятельный человѣкъ, занималъ разныя административныя должности при республиканскомъ и императорскомъ правительствахъ. Реставрація лишила его мѣста, и онъ отдался воспитанію сына. Молодой Бюше былъ обязанъ его руководству гораздо больше, нежели школьнымъ урокамъ, которые къ тому же прекратились рано вслѣдствіе необходимости поступить куда-нибудь на службу. Пятнадцати лѣтъ онъ поступилъ въ финансовое управленіе и пересталъ посѣщать школу. Но наука привлекала его попрежнему. Въ свободныя минуты онъ съ жадностью читалъ сочиненія по географіи, исторіи и различныя путешествія. Въ 1812 году ему удалось, сохраняя за собою мѣсто, начать правильное изученіе естественныхъ наукъ. Эту отрасль знаній онъ избралъ по совѣту своего отца. Это было именно въ ту эпоху, когда естественныя науки имѣли всю прелесть новизны и дѣлали быстрые успѣхи подъ вліяніемъ трудовъ такихъ людей, какъ Ламаркъ, Кювье, Ж. С.-Илеръ. Толпы слушателей окружали ихъ въ *Jardin des Plantes*. Бюше съ увлеченіемъ отдался новымъ занятіямъ и скоро обратилъ на себя вниманіе, такъ что былъ допущенъ къ работамъ въ зоологическомъ кабинетѣ. Здѣсь проявилась въ немъ та сила, которую Бэконъ называлъ силою изобрѣтенія и которая всегда отличала дѣятельность Бюше

по всѣмъ вопросамъ, подпадавшимъ его разрѣшенію. Не прошло двухъ лѣтъ его занятій естественными науками, какъ онъ уже представилъ Кювье, подготовлявшему тогда новое изданіе «Discours sur les révolutions du globe», свою гипотезу о періодическихъ измѣненіяхъ земной оси. Кювье упомянулъ о ней въ своей книгѣ.

Имперія задерживала много умовъ въ области естествознанія. Политическая идеологія была совершенно покинута. Но реставрація и начавшееся при ней политическое движеніе отразились на всей молодежи, въ томъ числѣ и на Бюше. Онъ лишился отца въ 1816 году, и затѣмъ былъ совершенно предоставленъ самому себѣ. Не желая служить правительству, къ которому онъ не былъ расположенъ, онъ подалъ въ отставку и началъ заниматься медициной. Эти серьезныя занятія не помѣшали ему, впрочемъ, отдать дань политическому броженію, котораго онъ впослѣдствіи вообще чуждался. Въ числѣ его товарищей по службѣ находился извѣстный Базаръ, съ которымъ онъ не замедлилъ сблизиться и даже основать общество, собиравшееся въ улицѣ *Quatre-Vents*. Оно носило чисто юношеское названіе «Общества чертовски-философскаго» (Société diablement philosophique). Не смотря на эту грозную кличку, оно, кажется, ограничивалось словопреніями, такъ что о его дѣятельности, въ особенности же о дѣятельности въ немъ Бюше, ничего нельзя сказать особеннаго. Можетъ-быть, это происходило отъ того, что онъ усердно занимался изученіемъ медицины, которая должна была обезпечить его существованіе, но вообще не только о его жизни, но и о мнѣніяхъ въ теченіе этого періода можно сказать очень мало. Извѣстно только, что онъ одинаково не любилъ и Бурбоновъ, и бонапартистовъ, что онъ имѣлъ большое вліяніе на молодежь, что онъ съ чисто политическими цѣлями попалъ въ масонскую ложу, гдѣ и достигъ скоро высшихъ степеней.

Наконецъ, въ 1821 году два его друга, Дюжье и Жуберъ, участвовавшіе въ Неаполитанской революціи, привезли въ Парижъ правила карбонаріевъ *). Они были прочитаны въ кружкѣ пріятелей въ комнатѣ Бюше, которому тотчасъ, вмѣстѣ съ Базаромъ и Флоттаромъ, было поручено примѣнить эти статуты къ французскимъ нравамъ. Такъ было основано во Франціи это общество, къ концу года насчитывавшее уже до 80,000 членовъ. Скоро во главѣ его появились лица, извѣстныя въ политическомъ мірѣ — Лафайетъ, Д'Аржансонъ, и наконецъ съ нимъ слились всѣ тайныя общества, существовавшія до тѣхъ поръ во Франціи. Но истиннымъ двигателемъ этихъ обществъ попрежнему былъ кружокъ Бюше. Члены его раздѣлили между собой Францію, и Бюше было поручено организовать восточные департаменты, для чего онъ объѣхалъ Эльзасъ и Лотарингію. Впро-

*) См. объ этомъ предметѣ *L. Stein* — Ueber den Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs, стр. 267.

чемъ, изъ этой организаціи не вышло ничего основательнаго. Возстаніе 1821 года не удалось; зачинщики, въ томъ числѣ и Бюше, были арестованы и отданы подъ судъ. Но, за недостаткомъ доказательствъ, Бюше, не смотря на всѣ усилія прокуратуры, былъ оправданъ и возвратился въ Парижъ, гдѣ съ жаромъ возобновилъ свои медицинскія занятія. Рекамье, одна изъ первыхъ знаменитостей тогдашняго медицинскаго міра, руководилъ его занятіями, и въ 1825 г. онъ получилъ степень доктора медицины. Практика его, впрочемъ, никогда не была обширна. Онъ смотрѣлъ на медицину только какъ на средство заниматься другими вопросами. Притомъ болѣе важные мотивы побуждали его не останавливаться на одной медицинѣ. Умъ его, развитый и укрѣпленный серьезными трудами по геологіи и біологіи, долженъ былъ перейдти къ болѣе сложнымъ вопросамъ. Предъ нимъ открывалась широкая область соціальныхъ наукъ, гдѣ ученіе С.-Симона произвело уже сильнѣйшій переворотъ.

Несчастный исходъ возстанія, въ которомъ онъ принималъ участіе, убѣдилъ его въ невозможности подобныхъ попытокъ при правительствѣ, какимъ было правительство Людовика XVIII. Съ этого времени онъ навсегда оставилъ революціонную дорогу, въ томъ смыслѣ, что дѣло простаго разрушенія изъ простаго желанія играть въ революціи сдѣлалось ему чуждо. Его умъ былъ слишкомъ серьезенъ для того, чтобъ остановиться на такой жалкой работѣ. Притомъ онъ основательно началъ считать революцію не единственнымъ путемъ къ политической свободѣ. Съ другой стороны, онъ былъ пораженъ узостью такъ-называемыхъ либеральныхъ доктринъ, бывшихъ тогда въ большей модѣ. Онъ положительно считалъ ихъ неспособными не только завершить, но даже продолжать дѣло, начатое въ 1789 году. Базаръ вполнѣ раздѣлялъ его мнѣнія въ этомъ отношеніи. Оба они рѣшились искать идей болѣе широкихъ, болѣе доступныхъ, болѣе способныхъ продолжать дѣло освобожденія человѣчества. Такимъ образомъ революція, выродившаяся въ буржуазный либерализмъ, не могла болѣе останавливать на себѣ ихъ вниманіе. Они искали организаціи, какъ главнаго условія возможности дальнѣйшаго развитія общества. Мы уже сказали, кому принадлежатъ организаціи въ революціонную эпоху. Въ особенности вѣрно это замѣчаніе въ отношеніи къ 20-мъ годамъ, когда общество, только-что вышедшее изъ революціи, не представляло никакихъ зародышей будущаго строенія, которое до настоящаго времени есть еще дѣло будущаго. Буржуазія, прокричавъ о правахъ человѣка, скоро съѣхала на болѣе близкіе къ ней интересы, называющіеся монополіей и капиталомъ. Вмѣстѣ съ либеральною частію дворянства она успокоилась на палатахъ и даже на наслѣдственномъ перствѣ. Либеральная оппозиція, резонёрство и доктринёрство, — сюда ушли всѣ ея силы. Разумѣется, людямъ со сколько-нибудь развитою головой плохо вѣрилось, чтобы королевская власть была усилена палатами, чтобы король ко-

торый только царствуетъ, но не управляетъ, былъ болѣе король, чѣмъ короли стараго времени, что члены палаты въ самомъ дѣлѣ представляютъ собою націю, что въ парламентаризмѣ примирились старыя преданія съ требованіями, завѣщанными революціей. Разумѣется, что этотъ тепловатый либерализмъ не могъ увлечь людей такого закала, какъ Базаръ и Бюше. По ихъ убѣжденію, *Де-Местръ* имѣлъ гораздо больше права на общее вниманіе, чѣмъ его противники. Въ самомъ дѣлѣ, голосъ этого человѣка раздавался громче, чѣмъ безсвязное лепетанье либеральныхъ доктринёровъ и недоразвившихся революціонеровъ. Прошедшее, казалось, воплотилось въ немъ со всею силой, какую только могутъ имѣть послѣдніе порывы умирающаго порядка. Полное отрицаніе началъ 1789 г., возстановленіе преданія во всей силѣ и воплощеніе его въ лицѣ папы, подчиненіе ему, и, слѣдовательно, папѣ, всѣхъ народовъ, — словомъ, средніе вѣка до XIV столѣтія, вотъ что постоянно рисуетъ его пламенное воображеніе. Онъ отрицаетъ все, что сдѣлано человѣчествомъ съ тѣхъ поръ, какъ оно начало сбрасывать съ себя авторитетъ Ватикана. Съ XIII столѣтія начинается рядъ ошибокъ, которыя привели человѣчество къ крайности. Критическія попытки XIII и XIV столѣтій были началомъ скандала, котораго XV и XVI служатъ продолженіемъ, а XVIII преступнымъ завершеніемъ. Еще одинъ шагъ, и человѣчество стремглавъ бросится въ эту пропасть, вырытую сомнѣніемъ и отрицаніемъ. Для проповѣдника этого довольно, для ученаго — мало. Въ самомъ дѣлѣ, не отрицаетъ ли онъ въ свою очередь пять столѣтій, и какихъ столѣтій, и для чего же? Для того, чтобы возстановить порядокъ созданный имъ самимъ по историческимъ документамъ, и въ которомъ историческая критика найдетъ не одну ложную черту. Неужели католицизмъ единственная форма христіанства, неужели исторія Европы съ XIII по XVIII вѣкъ есть уклоненіе, а не дальнѣйшее развитіе этого ученія? Впрочемъ, не общая теорія способна возбудить удивленіе къ этому геніальному человѣку. Онъ великъ особенно въ критикѣ тѣхъ формъ, тѣхъ ничтожныхъ ученій, въ которыхъ, по мнѣнію либераловъ, выразились начала 1789 года. Его критика писанныхъ конституцій и хартій до настоящаго времени представляетъ глубокій интересъ. Ни одна нація, говоритъ онъ, не можетъ дать себѣ свободы, если она уже не имѣетъ ея; она имѣетъ ее тогда, когда начинаетъ сознавать себя, и въ этомъ случаѣ конституціи совершенно безполезны. Чѣмъ больше пишутъ, тѣмъ слабѣе самыя учрежденія. Это понятно. Законы суть только объявленія правъ, а права объявляются только тогда, когда ихъ отрицаютъ, когда имъ грозитъ опасность, такъ что чѣмъ пространнѣе конституція, тѣмъ больше основаній опасаться за ея прочность. Никакой конституціи нельзя выдумать. Права народа нигдѣ не записаны, а записанныя права обязаны своимъ существованіемъ вовсе не торжественному внесенію ихъ въ конституцію (см. его Considération sur la France). Дѣйстви-

тельно, его слова какъ нельзя лучше шли къ тогдашнему положенію Франціи и мѣтко характеризовали эфемерную конституцію 1814 года. Но съ другой стороны, его пламенное краснорѣчіе никого уже не могло увлечь. Неизбѣжный ходъ событій довершилъ дѣло французской революціи. За два года до своей смерти де-Местръ съ горестью долженъ былъ признать ея успѣхи. Въ будущемъ онъ видѣлъ полное разрушеніе своихъ идеаловъ. «Можно сказать, говорилъ онъ, что всѣ государи сводятся съ престола, въ томъ смыслѣ, что ни одинъ изъ нихъ не царствуетъ на столько, на сколько царствовалъ его отецъ и дѣдъ; священный характеръ власти ослабѣваетъ по мѣрѣ распространенія невѣрія, и никто не можетъ предвидѣть всѣхъ бѣдствій, готовящихся Европѣ...» Этотъ страхъ передъ будущимъ, конечно, не могъ привлечь къ нему Бюше, хотя онъ и предпочиталъ его могущественную діалектику декламаціи его противниковъ.

Около этого же времени явился человѣкъ, около котораго группировалась бо́льшая часть талантливой молодежи тогдашней Франціи. До настоящаго времени въ различныхъ сферахъ знанія можно встрѣтить дѣятелей, получившихъ первый толчекъ отъ *С.-Симона*. Онъ смотрѣлъ на разрушеніе стараго порядка какъ на совершившійся фактъ, освященный всею силой исторической необходимости. Онъ не желалъ брать на себя легкую работу добивать немногіе его остатки. Даже во время самаго разгара революціи онъ оставался въ сторонѣ отъ политической дѣятельности. «Революція уже началась, когда я прибылъ во Францію, писалъ онъ самъ про себя:—я не хотѣлъ принимать въ ней никакого участія, такъ какъ, съ одной стороны, я имѣлъ убѣжденіе, что прежній порядокъ не можетъ болѣе держаться, а съ другой—разрушительныя стремленія отталкивали меня». Въ первый разъ послѣ Кондорсе онъ взялся за трудное дѣло указать человѣчеству новую дорогу. Идеи Кондорсе, это духовное завѣщаніе XVIII столѣтія, нашли въ немъ истолкователя и проповѣдника. Снова повторилъ онъ формулу этого человѣка, умѣвшаго уловить общій законъ развитія человѣчества, въ эпоху страшнѣйшей анархіи, когда гильйотина уже готова была покончить его существованіе. Онъ формулировалъ этотъ законъ такимъ образомъ: «Золотой вѣкъ не позади насъ, а впереди. Онъ состоитъ въ совершенствованіи соціальнаго порядка. Наши отцы его не видѣли, наши дѣти достигнутъ его когда-нибудь. Намъ должно проложить имъ дорогу».

Въ чемъ же состоитъ это совершенствованіе? Прежде всего необходимо покончить съ умственною анархіей. Это сдѣлаетъ реформа науки. Она дастъ людямъ правильное понятіе объ ихъ правахъ и обязанностяхъ. Выясненіе этихъ понятій повлечетъ за собою организацію общества, которое должно построиться на идеѣ труда, освобожденнаго революціей отъ привилегій и монополій, при чемъ качество и достоинство труда будетъ единственнымъ критеріумомъ оцѣнки человѣческаго достоинства и главнымъ условіемъ его

соціальнаго положенія. Наконецъ, общество, выведенное изъ состоянія умственной и политической анархіи, сдѣлается способнымъ къ осуществленію высшаго нравственнаго порядка, къ созданію новой религіи, соотвѣтствующей такой общественной организаціи. «Мы приглашаемъ всѣхъ сочувствующихъ общему благу,—писалъ С.-Симонъ,—и знающихъ существующія отношенія между общими интересами и интересами промышленности (l'industrie), не терпѣть болѣе названія *либераловъ*, которое имъ даютъ до настоящаго времени. Мы приглашаемъ ихъ водрузить новое знамя и написать на своихъ значкахъ девизъ: индустріализмъ. Слово *либерализмъ* было выбрано, принято и провозглашено остатками партіи патріотовъ *) и бонапартистовъ; оно не удобно для людей, которыхъ задача состоитъ въ основаніи прочнаго порядка мирными средствами. Мы не хотимъ сказать, что патріоты и бонапартисты не оказали услугъ обществу; ихъ энергія была полезна: нужно было разрушить, прежде чѣмъ явилась возможность строить. Но теперь революціонный духъ, оживляющій ихъ, прямо противорѣчитъ общественному благу; теперь лица просвѣщенныя и благонамѣренныя не могутъ носить другаго названія, кромѣ такого, которое бы совершенно противорѣчило революціоннымъ понятіямъ».

Итакъ, провозглашеніе безконечнаго прогресса человѣчества, и умственная, экономическая и нравственная организація, какъ необходимыя его условія — вотъ два положенія, которыя характеризуютъ всѣ труды С.-Симона. Они же послужили исходною точкой для всѣхъ его учениковъ. Въ сферѣ соціальной науки это и есть главная заслуга с.-симонизма. Всѣ они вмѣстѣ съ нимъ желали, чтобы общество вышло изъ состоянія сомнѣнія, невѣрія и эгоизма, въ которомъ оно находится въ теченіе трехъ столѣтій, и возвратилось къ идеямъ религіознымъ и синтетическимъ, какъ онъ ихъ называлъ. Но кромѣ этой общей исходной точки всѣ многочисленныя направленія, порожденныя с.-симонизмомъ, имѣютъ мало сходства. Подобно многимъ геніальнымъ и оригинальнымъ мыслителямъ, С.-Симонъ установилъ нѣсколько прочныхъ положеній, высказалъ массу отдѣльныхъ замѣчаній, но не изложилъ своего ученія въ стройномъ, систематическомъ видѣ. Отсюда два важныхъ послѣдствія. Вопервыхъ, онъ спѣшилъ дать своимъ идеямъ слишкомъ конкретную форму въ то время, когда еще теоретическая ихъ отдѣлка была не совсѣмъ окончена; вовторыхъ, неясность и несистематичность его идей повела къ самымъ произвольнымъ ихъ искаженіямъ, которыя, однако, продолжали носить его имя и тѣмъ вводили общество въ заблужденіе относительно настоящихъ его идей. Кто не знаетъ, какую роль въ понятіи «с.-симонизмъ» играетъ Анфантенъ и его школа?

---

*) Т. е. революціонеровъ.

Конечно, С.-Симонъ отчасти виноватъ въ этомъ послѣдующемъ искаженіи его ученія. Излагать ученіе объ экономической и религіозной организаціи общества, въ то время какъ умственная анархія далеко не была устранена, — предпріятіе слишкомъ преждевременное. Контъ рѣшился на него только послѣ нѣсколькихъ припадковъ умопомѣшательства. До тѣхъ поръ установленіе прочной связи между всѣми отраслями знанія и подчиненіе ихъ одной идеѣ составляли его единственную задачу. Впрочемъ, и здѣсь С.-Симонъ не дошелъ до нелѣпостей отца Анфантена. Для религіозной организаціи онъ требовалъ обновленія христіанства, на основаніи началъ первыхъ его вѣковъ, извращенныхъ католицизмомъ и лютеранствомъ. Другаго смысла, по крайней мѣрѣ, не имѣетъ его Nouveau Christianisme. Но достаточно было нѣсколькихъ идей, брошенныхъ на удачу и не поставленныхъ въ прочное соотношеніе съ общимъ его ученіемъ, чтобы породить тѣ чудовищныя явленія, которыя главнымъ образомъ извѣстны публикѣ подъ именемъ с.-симонизма. Къ счастію, Анфантенъ не единственный и даже не главный представитель этого ученія. Сенъ-симонисты въ узкомъ смыслѣ (то-есть, которыхъ публика считаетъ за такихъ) отдались второй части плана своего учителя, то-есть, экономической и религіозной организаціи, забывъ, что дисциплина ума и организація знанія есть первый шагъ ко всякой организаціи. Вотъ почему ихъ организаціи явились продолженіемъ той же анархіи, противъ которой писалъ С.-Симонъ. Эти попытки прошли и забыты, какъ все преждевременное и фантастическое. Но первая часть программы, попавшая на здравомыслящихъ людей, какъ Бюше и Контъ до его послѣдняго помѣшательства, послужила основаніемъ серьезныхъ работъ по соціологіи и другимъ сферамъ знанія, которыя должны были постепенно выходить изъ состоянія разрозненности и узкой спеціальности, препятствующей имъ быть дѣйствительнымъ факторомъ организаціи умственной жизни человѣчества. Ни Бюше, ни Базаръ не знали лично С.-Симона. Но чрезъ Анфантена они вошли въ сношенія съ его школой и стали участвовать въ журналѣ *Производитель*. Первыя статьи Бюше имѣли въ виду осуществленіе одной изъ задачъ, указанныхъ еще С.-Симономъ для передѣланія соціальной науки. С.-Симонъ во многихъ своихъ трудахъ сильно настаивалъ на необходимости индивидуальной физіологіи, которая бы впослѣдствіи могла служить основаніемъ физіологіи общественной. Изъ этого видно, что С.-Симонъ имѣлъ въ виду не столько физіологію, сколько то, что теперь называютъ антропологіей, въ связи съ психологіей. По его мнѣнію, успѣхи историческихъ и политическихъ наукъ зависѣли отъ опредѣленія законовъ индивидуальной и соціальной физіологіи. Бюше предпринялъ по этому поводу рядъ статей, которыя восемь лѣтъ спустя получили обширное развитіе. Впрочемъ, въ этихъ статьяхъ не проглядываетъ еще никакихъ прочныхъ убѣжденій. Онѣ вполнѣ соотвѣтствовали тому неопредѣленному состоянію, въ которомъ находился самъ

авторъ ихъ. Не смотря на начавшуюся реформу его нравственныхъ убѣжденій, онъ былъ еще матеріалистъ. Неотразимое вліяніе революціонной эпохи и занятій въ *Jardin des Plantes* чувствовалось еще на его умственномъ складѣ. Но его сильный и послѣдовательный умъ не могъ остановиться на поверхностномъ сенсуализмѣ, какъ не могъ удовлетвориться поверхностнымъ либерализмомъ, и потому онъ потребовалъ отъ своего ученія и своихъ убѣжденій строгой научной системы. Онъ старался провести до конца убѣжденія, вложенныя въ него прежними обстоятельствами. Это и помогло ему впослѣдствіи покончить съ своими матеріалистическими убѣжденіями.

Онъ не долго работалъ въ *Производителѣ*, котораго изданіе кончилось въ 1826 году. Онъ возвратился къ своимъ медицинскимъ занятіямъ и основалъ журналъ, извѣстный подъ именемъ *Journal des Progrès des sciences et institutions médicales*. Его вышло 21 томъ, а въ IX т. его появился трудъ издателя по физіологіи первной системы, которая легла въ основаніе его теоріи человѣческихъ способностей. Съ 1829 г. въ этомъ журналѣ появляются статьи, гдѣ уже замѣтенъ нравственный переворотъ, совершившійся въ немъ,— переворотъ, который вывелъ его на самостоятельную дорогу и окончательно порвалъ его связи съ прежними его товарищами. Одно обстоятельство особенно способствовало къ этому разрыву. «Въ 1828 г. школа С.-Симона рѣшилась возобновить изданіе *Производителя*. Бюше было предложено принять въ немъ сотрудничество. Это вполнѣ соотвѣтствовало его собственнымъ планамъ. Уже давно задумалъ онъ написать планъ энциклопедіи человѣческихъ знаній. Собственно мысль эта принадлежала С.-Симону, нѣсколько разъ указывавшему на необходимость такой энциклопедіи. Бюше приготовилъ статью объ этомъ предметѣ для перваго нумера *Производителя*. Рукопись эта сохранилась. Изъ нея видно, что авторъ признаетъ невозможность положить матеріализмъ въ основаніе такой энциклопедіи — выясненію міровой гармоніи. Матеріализмъ умѣлъ выказать только отдѣльныя и враждебныя силы, находящіяся въ состояніи вѣчной борьбы. Онъ не способенъ дать формулу для разрѣшенія вопроса о трехъ великихъ неизвѣстныхъ, представляемыхъ каждымъ рядомъ фактовъ: началѣ, субстратѣ и цѣли. Бюше утверждалъ, что эти великіе *неизвѣстные* не только были одни и тѣ же для каждой науки, но что они составляли предметъ общей или энциклопедической науки, тогда какъ законы, свойственные частнымъ явленіямъ, составляютъ задачу спеціальныхъ наукъ. Отсюда онъ заключалъ, что матеріализмъ не можетъ дать формулу для всеобщей энциклопедіи. Это не значило, чтобъ онъ требовалъ возвращенія къ среднимъ вѣкамъ и теологическимъ пріемамъ этой эпохи, но онъ утверждалъ необходимость догмата, утверждалъ, что будущая эпоха человѣческаго развитія будетъ религіозная. Мы не будемъ здѣсь останавливаться на разъясненіи этихъ мыслей, это будетъ сдѣлано ниже. Здѣсь достаточно сказать, что рукопись Бюше вызвала

сильнѣйшій раздоръ въ редакціи *Производителя*. Сотрудники наотрѣзъ отказались напечатать ее въ своемъ журналѣ; полемика продолжалась въ теченіе 1829 г., пока, наконецъ, Базаръ и Анфантенъ не дошли до пантеизма и другихъ выводовъ того, что публика называетъ с.-симонизмомъ, а Бюше не сталъ окончательно на сторону христіанства. Отсюда можно видѣть, что споръ шелъ вовсе не о необходимости или безполезности догмата. Базаръ и Анфантенъ скоро доказали, что они не прочь и отъ догмата, и отъ религіи, но этотъ догматъ былъ пантеизмъ, отождествленіе духа и матеріи. Бюше не выносилъ пантеизма и основательно считалъ его несовмѣстимымъ съ нравственными началами. Онъ думалъ о возстановленіи христіанства въ томъ видѣ, какъ это предлагалъ уже С.-Симонъ, который, вѣроятно, не ожидалъ, что ученики его свяжутъ его имя съ основанною ими новою quasi-религіей. Подобно своимъ противникамъ, Бюше высоко ставилъ ученіе своего учителя; подобно имъ, онъ признавалъ необходимость основать великую школу, которая бы обновила всю совокупность наукъ. Но онъ не выносилъ фантастическихъ увлеченій, театральной обстановки, шутовскихъ обрядовъ этихъ «братьевъ». Онъ думалъ только о философіи, онъ увлекался только наукой, но философіей и наукой, основанными на вѣчныхъ истинахъ христіанства. Онъ не сразу призналъ догматическое значеніе этой религіи, но тотчасъ оцѣнилъ ея нравственное значеніе. Еще С.-Симонъ научилъ его видѣть въ нравственности не только правила личной дѣятельности, но совокупность началъ, вліяющихъ на общественную организацію и прогрессивное движеніе обществъ. Съ этой точки зрѣнія изучалъ онъ христіанскую нравственность и призналъ, что на всѣхъ общественныхъ преобразованіяхъ, совершившихся въ теченіе восемнадцати столѣтій, отразились эти великія начала, которыя въ то же время составляютъ зародышъ всѣхъ будущихъ успѣховъ человѣчества. Съ этой точки зрѣнія мы должны изучать труды Бюше. Намъ нѣтъ необходимости пускаться въ подробности относительно его внутренняго религіознаго настроенія. Для насъ достаточно знать, что условіе человѣческаго прогресса онъ видѣлъ только въ успѣхахъ христіанскихъ началъ».

Такимъ образомъ, онъ и его послѣдователи, одни изъ всѣхъ учениковъ, С.-Симона, продолжали дѣло своего учителя, не пускаясь въ фантастическія нелѣпости разныхъ новыхъ религій. Умственное, философское обновленіе общества — длинная и трудная задача, безъ осуществленія которой нельзя думать ни о какой прочной организаціи. Въ этомъ отношеніи они исполняли по мѣрѣ силъ завѣщаніе учителя. Разорвавъ связи съ Базаромъ и с.-симонистами *), онъ всегда сохранялъ глубокое уваженіе къ памяти основателя

*) Отъ которыхъ, впрочемъ, и Базаръ отсталъ впослѣдствіи.

этого ученія, которое, по его понятію, въ то время должно было ограничиться однимп научными и философскими трудами.

«Революція 1830 г. открыла широкое поле для дѣятельности Бюше. Онъ многаго надѣялся отъ этой революціи, но былъ обманутъ подобно республиканцамъ. Вотъ почему на другой день послѣ революціи онъ явился жаркимъ сторонникомъ республиканской оппозиціи. Впрочемъ, ему нечего было дѣлать съ политическимъ движеніемъ. Подлѣ него группировалось много талантливыхъ людей, при содѣйствіи которыхъ ему возможно было продолжать дѣло научной и философской пропаганды. Общество, извѣстное подъ названіемъ *Amis du peuple*, въ которомъ участвовалъ и Бюше съ цѣлію развитія своихъ идей, было закрыто. Но вмѣсто того стали открывать публичные курсы, конференціи, собранія. Въ 1831 г. съ этою цѣлью основанъ былъ журналъ *Европеецъ*, сдѣлавшійся органомъ партіи Бюше. Нужно ли говорить, съ какимъ жаромъ работалъ здѣсь самъ Бюше? Статьи о національности, о значеніи Франціи, о суверенитетѣ, объ организаціи представительнаго правленія, объ улучшеніи судьбы рабочаго класса, о кредитѣ, смѣнялись превосходными изслѣдованіями объ искусствѣ и литературѣ, о текущихъ политическихъ вопросахъ, о постоянныхъ успѣхахъ каждой науки. Подобно с.-симонистамъ, *Европеецъ* боролся противъ индивидуализма либеральной школы и настаивалъ, — даже, быть можетъ, слишкомъ, — на необходимости сильнаго, руководящаго правительства. По между тѣмъ какъ іерархическій коммунизмъ Анфантена велъ къ порабощенію личности, Бюше, какъ средство реформы, выставлялъ рабочую ассоціацію, цѣликомъ основанную на личной инпціативѣ. *Европеецъ* выходилъ не долго. Въ 1832 г. онъ прекратился, но дѣятельность Бюше не прекращалась. Напротивъ, въ 1833 году онъ издалъ свой первый капитальный трудъ: «Введеніе въ науку исторіи» *), гдѣ изложено его ученіе о прогрессѣ, которое мы разсмотримъ ниже. Замѣтимъ только, что здѣсь онъ возвелъ прогрессъ на степень міроваго закона, которому одинаково подчинены всѣ стороны жизни человѣчества: науки, искусства, политическія и общественныя учрежденія. Рядомъ съ этимъ онъ вмѣстѣ съ Ру-Лавернемъ (Roux-Lavergne) началъ изданіе громаднаго сборника подъ именемъ парламентской исторіи французской революціи **). Этому изданію предпослано введеніе, написанное Бюше, гдѣ онъ высказываетъ весьма много оригинальныхъ мыслей, въ особенности относительно первоначальной исторіи Франціи. Онъ доказывалъ, что французская національность образовалась не завоеваніемъ, а свободнымъ союзомъ

*) Introduction à la science de l'histoire. Paris. 1833. 2-е изданіе того же труда сдѣлано Guillaumin'омъ въ 1842 году.

**) Histoire parlementaire de la révolution française. Paris 1833 — 1838. 40 vol. in 8. Объ этомъ изданіи см. Mohl—Gesch. und Lit. der Staatwiss. т. III.

между католическимъ населеніемъ Галліи и франками, — союзомъ, составленнымъ съ цѣлію противодѣйствія аріанству. Если религія явилась первымъ объединяющимъ началомъ новаго общества, она же кладетъ неизгладимый отпечатокъ на все его будущее развитіе. Введеніе это оканчивается выводомъ, который въ 1833 г. произвелъ не малый скандалъ, именно что французская революція есть окончательный результатъ новой цивилизаціи, которая въ свою очередь вся вышла изъ Евангелія».

Независимо отъ этого обширнаго труда, Бюше постоянно читалъ публичные курсы, а въ 1835 г. возобновилъ изданіе *Европейца*. Между прочимъ, онъ читалъ курсъ философіи, который былъ собранъ и изданъ подъ его редакціей однимъ изъ его учениковъ подъ заглавіемъ «Introduction à l'étude des sciences médicales». Впослѣдствіи, по окончаніи его парламентской исторіи, этотъ курсъ разросся въ обширный трактатъ философіи *). Года черезъ два онъ выпустилъ второе, совершенно передѣланное изданіе своего Введенія въ науку исторіи, и Парламентской исторіи (послѣднее не было окончено).

Такимъ образомъ, большая часть идей Бюше получила развитіе въ многотомныхъ и добросовѣстныхъ трудахъ. Философская часть была кончена, оставалось сдѣлать приложеніе ея къ соціальной наукѣ. Дѣйствительно, онъ задумалъ эту работу. Но время было крайне неблагопріятно для спокойныхъ научныхъ занятій. Это было уже наканунѣ 1848 г. Бюше, отвлеченный отъ своихъ трудовъ сначала болѣзнью, а послѣ политическимъ броженіемъ, увидѣлъ, что для него снова необходима журнальная дѣятельность. Мало того, условія времени требовали журнала менѣе серьознаго чѣмъ *Европеецъ*, который подъ конецъ принялъ совершенно философское направленіе. Результатомъ всего этого было основаніе *Revue Nationale*, одного изъ извѣстнѣйшихъ журналовъ въ 1847 г. Но въ 1848 революція снова вывела Бюше на политическое поприще.

Мы не будемъ останавливаться на этой кратковременной, хотя и лихорадочной дѣятельности. Мы видѣли, что истинное значеніе Бюше далеко не здѣсь. Грустно слѣдить за неловкими движеніями честнаго человѣка среди интригъ и пронсковъ глубоко эгоистической толпы или плохо сознающаго себя рабочаго класса. Демократическое движеніе подняло красное знамя, испуганная буржуазія искала спасенія во второй имперіи. Бюше не могъ быть ни тамъ, ни здѣсь. Притомъ всего два года участвовалъ онъ въ трудахъ республиканскаго правительства. Въ 1850 г. онъ вышелъ въ отставку, 2-го декабря 1851 г. былъ арестованъ, но освобожденъ черезъ два дня, благодаря заступничеству одного изъ своихъ старыхъ друзей, маршала Ба-

*) Essai d'un traité complet de philosophie, au point de vue du catholicisme et du progrés. 3 v. in 8.

раге-д'Илье. Съ этого времени онъ опять посвятилъ себя наукѣ. Не имѣя возможности возобновить изданіе *Revue Nationale*, онъ рѣшился осуществить свой давнишній планъ, докончить свой философскій трактатъ изложеніемъ соціальной науки. Это и есть то сочиненіе, которое мы намѣрены изучить въ настоящей статьѣ. Онъ началъ его въ 1852 г. Работа двигалась медленно, отчасти потому, что авторъ считалъ переживаемую имъ эпоху неудобною для изданія политическихъ трактатовъ, отчасти потому, что онъ возобновилъ свои занятія геологіей и другими естественными науками. Въ 1862 г. онъ продержалъ первую редакцію своей книги. Исправленія и перемѣны продолжались до 1865 г. Въ этомъ году онъ хотѣлъ уже приступить къ печатанію, какъ смерть прекратила это сильное и богатое существованіе. Книга издана, согласно завѣщанію автора, двумя его талантливыми учениками: докторомъ Серизомъ и Оттомъ, который пріобрѣлъ себѣ уже извѣстность своими историческими и экономическими трудами *).

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о личныхъ свойствахъ Бюше. Послѣ перечисленія его трудовъ его неутомимая дѣятельность не можетъ подлежать сомнѣнію. Притомъ здѣсь приведены только главнѣйшіе его труды и вовсе не упомянуто о множествѣ статей, разсѣянныхъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ. Сила, ширина и дѣятельность отличали его умъ. Однимъ взглядомъ обнималъ онъ самыя разнообразныя и сложныя отношенія и умѣлъ придти къ свѣтлому и плодотворному выводу. Онъ дѣйствительно былъ испеченъ изъ того тѣста, которое нужно было для *науки* С.-Симона. Но способность анализа была въ немъ гораздо слабѣе. Онъ часто терялся въ подробностяхъ; тонкія различія легко ускользали отъ него. Но за то рѣдкій умъ оставался такъ вѣренъ себѣ во всѣхъ послѣдствіяхъ разъ принятаго начала — иногда онъ доходилъ до парадоксовъ. Можно сказать, что онъ представлялъ сочетаніе необыкновенной силы изобрѣтенія идей, неумолимой логики и удивительной памяти. Все это давало ему видное положеніе въ литературѣ.

Необыкновенная скромность и преданность своей идеѣ присоединялись къ этимъ качествамъ. Все въ немъ было просто, начиная со вкусовъ. Онъ умѣлъ не только жить на 2,800 фр. дохода, но еще и помогать другимъ. Убѣжденный, что онъ одинъ изъ каменщиковъ будущаго великаго зданія науки, онъ этой цѣли принесъ въ жертву всѣ свои личные интересы, которые могли бы помѣшать его работѣ. Онъ не былъ женатъ, пренебрегалъ практикой, хотя считался хорошимъ медикомъ; не искалъ политической карьеры, хотя она улыбалась ему съ 1830 г. Онъ имѣетъ полное право на вниманіе каждаго, кто умѣетъ цѣнить тождество слова и дѣла.

*) Изъ статьи, приложенной гг. Серизомъ и Оттомъ къ книгѣ Бюше, мы заимствовали бо́льшую часть біографическихъ данныхъ относительно жизни мыслителя. Наиболѣе близкія заимствованія означены кавычками.

III.

Ученіе Бюше, какъ мы уже сказали, составляетъ одну изъ немногихъ попытокъ возвести соціальныя науки на степень реальныхъ, положительныхъ наукъ. Вотъ почему, прежде чѣмъ мы приступимъ къ изложенію его теоріи, намъ необходимо указать, въ чемъ, по нашему мнѣнію, состоятъ главныя условія этой *положительности* соціальныхъ наукъ. Два свойства отличаютъ каждую положительную науку: прочно установленные законы и основанное на этихъ законахъ предвидѣніе. Понятно, почему именно эти два факта отличаютъ научную систему отъ всего ненаучнаго. Нѣтъ факта, не имѣющаго въ общемъ строѣ природы причины, доступной наблюденію; нѣтъ ничего такого, чего нельзя бы объяснить при внимательномъ изученіи условій, окружающихъ наблюдаемый фактъ. Каждому явленію въ природѣ соотвѣтствуетъ совокупность породившихъ его условій; каждая сумма условій должна выразиться въ какомъ-нибудь явленіи. Объясненія каждаго явленія должно искать въ окружающихъ его условіяхъ и только въ этихъ условіяхъ; изученіе даннаго количества условій ведетъ къ предугадыванію того явленія, которое должно быть результатомъ подобной комбинаціи силъ. Вотъ почему не научна всякая попытка изслѣдовать какое-либо явленіе внѣ положительныхъ условій, силъ, фактовъ. Не научно, далѣе, также изслѣдованіе, которое ограничивается наблюденіемъ и записываніемъ фактовъ безъ умѣнья ихъ сочетать, усмотрѣть ихъ взаимную связь и изъ нея вывести вѣроятность и даже необходимость извѣстнаго послѣдствія. Изъ этихъ двухъ свойствъ каждой науки можно вывести нѣсколько результатовъ, которые могутъ пригодиться намъ въ теченіе нашего изслѣдованія. Если для объясненія факта, то-есть, для *открытія закона* необходимо изученіе извѣстныхъ условій, съ которыми наблюдаемый фактъ долженъ находиться въ необходимой связи, то-есть, такой, что онъ могъ выйдти *только* изъ нихъ и они *необходимо* должны были выразиться въ немъ, то, вопервыхъ, нельзя вводить въ науку идею произвола, нельзя давать дѣятельной роли причинамъ неестественнымъ; вовторыхъ, необходимо какъ можно больше расширить сферу наблюденія и искать причины извѣстнаго явленія не только въ ряду фактовъ, имѣющихъ къ нему непосредственное отношеніе, но во всей совокупности ихъ условій, которыми вообще опредѣляется характеръ *даннаго момента* въ жизни умственной, матеріальной, нравственной, въ жизни органической и неорганической. Другими словами, истинно научнымъ можно назвать только изложеніе, которое извѣстный фактъ выводитъ изъ цѣлаго *состоянія, строя*; научна только система, гдѣ каждый фактъ является необходимою и неразрывною частію цѣлаго, и гдѣ наоборотъ, зная характеръ цѣлаго, можно предвидѣть цѣлый рядъ фактовъ. Эти аксіомы давно установились въ естественныхъ нау-

кахъ, и особенно въ геологіи, гдѣ историческое изученіе послѣдовательныхъ преобразованій земли привело именно къ этимъ результатамъ. Никому не придетъ въ голову отнести какой-нибудь классъ животныхъ въ несоотвѣтствующую эпоху формаціи, и каждый знаетъ, что данной эпохѣ должно было соотвѣтствовать извѣстное строеніе органическаго міра. Можно сказать, что Кювье, Агассизъ, Лейель и Форбесъ сдѣлали больше для выработки истинно исторической методы, чѣмъ большая часть такъ-называемыхъ историковъ. Въ соціальныхъ наукахъ (какъ историческихъ, такъ и догматическихъ) есть нѣкоторыя понятія, препятствующія имъ обратиться въ реальное знаніе. Вопервыхъ, въ нихъ продолжаетъ господствовать *идея воли*, какъ важнѣйшаго фактора соціальныхъ явленій. Это естественно заслоняетъ изученіе истинныхъ законовъ и лишаетъ возможности истинно-научнаго предвидѣнія. Вмѣсто идеи послѣдовательнаго развитія, правильной смѣны одного состоянія общества и соотвѣтствующихъ ему частныхъ фактовъ другимъ строемъ и другими фактами, на первомъ планѣ стоитъ идея искусственныхъ комбинацій, произвольно созданныхъ тою или другою частною волей. Отсюда вытекаетъ понятіе о возможности по произволу замѣнять одну комбинацію другою, для чего стоитъ только разрушить старое. Отсюда, далѣе, идея безконечной борьбы, наполняющая собою страницы исторіи. Между тѣмъ какъ идея правильной смѣны одного строя другимъ ведетъ къ сознанію необходимости изучить характеръ окружающаго строя, предусмотрѣть строй будущей эпохи и сдѣлать какъ можно больше для полнаго осуществленія этихъ задачъ въ будущемъ, идея воли естественно ведетъ къ фантастическому созданію идеаловъ, составленныхъ обыкновенно путемъ отрицанія настоящаго, и къ стремленію немедленно осуществить эти идеалы, хотя бы путемъ насилія. Первый путь вноситъ въ насъ сознаніе невозможности произвольной передѣлки данныхъ общественныхъ отношеній, на мѣсто произвольнаго идеала ставитъ серьезную цѣль, выработанную историческою жизнью общества, осуществленіе этой цѣли переноситъ въ далекое будущее, которому мы должны служить во имя сознанной нами цѣли. Здѣсь развивается *идея долга*. Ясно, что второй путь приводитъ къ произволу и ставитъ кумиръ одной свободѣ, которая безъ серьезной цѣли и идеи долга не имѣетъ никакого значенія.

Далѣе, признавая волю главнѣйшимъ факторомъ общественныхъ явленій, соціальныя науки вмѣстѣ съ этимъ преувеличиваютъ *значеніе личности*, такъ какъ идея воли истинное свое значеніе получаетъ въ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, преимущественно же *великихъ*. Не отрицая значенія послѣднихъ въ общемъ ходѣ исторіи, нельзя, однако, не признать, что обращая на нихъ исключительное вниманіе, наука тѣмъ самымъ до крайности съуживаетъ предѣлы своего изслѣдованія, оставляетъ въ сторонѣ массу условій, фактовъ и отношеній, и слѣдовательно, лишаетъ себя средствъ вывести

дѣйствительно прочные законы общежитія. Освѣщая извѣстную эпоху только характеромъ извѣстнаго лица, по ея мнѣнію, вліявшаго на всю совокупность отдѣльныхъ явленій этой эпохи, наука никогда не пойметъ даже того, почему личность имѣла такое значеніе, ни того, что должна была сдѣлать слѣдующая эпоха. Тѣмъ менѣе возможно установленіе связи между постепенно смѣнявшимися состояніями общества, ибо связь научная, дѣйствительная можетъ быть установлена только между всею совокупностію условій предыдущаго и послѣдующаго строя общества, а не между отдѣльными личностями, взятыми сами по себѣ. Мы здѣсь далеки отъ мысли рѣшать вопросъ о степени вліянія единичной воли на историческую судьбу человѣчества. Мы желаемъ только выставить то общественное и мало понимаемое положеніе, что каждый фактъ соціальнаго міра есть произведеніе множества причинъ и условій, а не одной движущей силы. *Организмъ* и его жизнь отличается отъ *механизма* тѣмъ, что въ немъ менѣе видно господство единства цѣли и единства причинъ, чѣмъ въ послѣднемъ. Всѣ публицисты, напримѣръ, установлявшіе единство цѣли для государства, не достигали никакихъ результатовъ, между прочимъ потому, что рядомъ съ ними другой мыслитель выставлялъ другую цѣль и т. д. *Развитіе* — эта цѣль всякаго организма, въ томъ числѣ и соціальнаго — не можетъ быть прикрѣплено на вѣки къ одной цѣли, равно какъ явленія его не могутъ быть объяснены какою-либо одною причиной.

Не менѣе шатокъ и другой пріемъ, хотя болѣе широкій чѣмъ предыдущій, тотъ пріемъ, по которому характеръ и значеніе общества изучаютъ на основаніи природы человѣка вообще, то-есть, отождествляютъ законы общественнаго развитія съ законами развитія индивидуальнаго. Въ силу этого ученія соціальныя науки имѣютъ одинъ предметъ съ антропологіей и психологіей, при чемъ изслѣдованіе производится только въ болѣе обширной сферѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что природа эта необходима для разъясненія разныхъ практическихъ вопросовъ, преимущественно же тѣхъ дѣяній, которыя не выходятъ изъ сферы личныхъ отношеній человѣка. Но сдѣлать законы индивидуальной природы человѣка законами общества болѣе чѣмъ неосновательно. Значеніе человѣка, какъ члена общества, характеръ его, какъ соціальнаго существа, можетъ раскрыться только при изученіи законовъ общества, а не наоборотъ. Далѣе, самый характеръ человѣка, не только какъ члена общества, но и какъ недѣлимаго, взятаго въ сферѣ его частныхъ отношеній, до такой степени образуется и видоизмѣняется подъ вліяніемъ общества и его законовъ, что глубочайшій психологъ врядъ-ли возьмется разъяснить, что въ человѣкѣ есть произведеніе его непосредственной природы и что создано обществомъ. Если взвѣсить, что въ суммѣ нравственнаго и умственнаго богатства общества есть произведеніе непосредственныхъ свойствъ индивидуальности, то результатъ, конечно, будетъ не блестящій.

Теорія индивидуалистовъ выводитъ общество изъ потребности человѣка и дѣлаетъ его продолженіемъ индивидуальной жизни человѣка. Никто не будетъ оспаривать перваго положенія на столько, на сколько рой есть произведеніе потребностей пчелъ, или лучше сказать, притяженіе — *потребность* атомовъ. Нельзя назвать простою потребностію то, отъ чего человѣкъ не можетъ отказаться, не рискуя быть исключеніемъ и весьма печальнымъ. Представьте себѣ существо, которое иначе не можетъ даже поддерживать свою породу, какъ соединяясь въ общество — и выводите потомъ отвлеченный appetitus societatis изъ любви къ діалектикѣ. Что касается втораго положенія, что соціальная жизнь есть только продолженіе индивидуальной, то оно болѣе чѣмъ сомнительно. Если принять это положеніе индивидуалистовъ, то ясно, что соціальная жизнь есть только совокупность частныхъ существованій, а общество — простая ассоціація недѣлимыхъ. Такъ, дѣйствительно, индивидуалисты и смотрятъ на общество; таково было коренное основаніе такъ-называемаго естественнаго права — всѣ эти *соединенія* liberorum hominum Гроція, Пуфендорфа и Вольфа. Таковъ смыслъ соціальныхъ контрактовъ. Таково было это ученіе, для удержанія порывовъ котораго историческая школа должна была освятить всю средневѣковую гниль, для того чтобы сколько-нибудь противопоставить идеѣ воли идею историческаго закона. Еслибъ индивидуалисты были правы, то нельзя было бы найдти ни одной способности общественной, которая бы не была присуща природѣ каждаго отдѣльнаго человѣка, такъ какъ ассоціація можетъ только увеличить силы посредствомъ ихъ соединенія, но не можетъ измѣнить ихъ характера и даже создать что-нибудь новое. Напротивъ общество обладаетъ такими силами, которыхъ отдѣльный человѣкъ или вовсе не имѣетъ, или имѣетъ въ зародышѣ, подобно тому, какъ нервные узлы имѣютъ *in posse* способности мозга, простыя тѣла — свойства сложныхъ. Для того, чтобъ эти скрытыя свойства выказались, необходима химическая или органическая комбинація. Человѣкъ, напримѣръ, родится съ способностію къ рѣчи, но не съ самою рѣчью: въ противномъ случаѣ во всемъ свѣтѣ былъ бы одинъ языкъ, или каждая порода могла бы изучить только свой языкъ. Человѣкъ, предоставленный самъ себѣ, не можетъ сложить изъ звуковъ, которые онъ издаетъ, даже самаго простаго сочетанія, похожаго на рѣчь. Общество, напротивъ, получаетъ языкъ вовсе не отъ условія, заключеннаго между людьми, называть такъ или иначе ту или другую вещь. То же должно сказать и про простую ассоціацію отдѣльныхъ лицъ *). Съ давнихъ поръ замѣчательные филологи стремились создать языкъ, которымъ

*) Относит. этого см. *Clavel* — Critique et consequences des principes de 1789. Paris, 1866 года.

могло бы говорить все человѣчество. «Кажется, всѣ нужныя средства находились въ ихъ распоряженіи — формы и законы всѣхъ языковъ и нарѣчій, выработанная грамматика, сильное умственное развитіе, и однакожъ не только они не создали ничего подобнаго, но даже не въ силахъ были произвести какую-нибудь перемѣну въ языкѣ своего народа. То же самое должно сказать и о другихъ силахъ общества. Личный опытъ и способности безъ общества никогда не создали бы науки, личный интересъ только въ обществѣ могъ сдѣлать изъ промышленности орудіе цивилизаціи, личное вдохновеніе превратилось въ обществѣ въ искусство. Природа вещей такова, что никогда личныя способности, взятыя отдѣльно или въ ассоціаціи, не могутъ измѣнить и побѣдить силъ общественныхъ, и нельзя не благодарить за это Творца, потому что иначе все, что есть святаго и благороднаго въ человѣчествѣ, зависѣло бы отъ стремленій лица или группы, — стремленій, нерѣдко узкихъ и эгоистическихъ».

Далѣе можно привести отрицательныя доказательства того, что общественныя силы не суть простое продолженіе индивидуальныхъ. Вырожденіе и смерть общества сопровождается смертью его языка, науки, искусства, промышленности, политическаго строя. Общества египетское, греческое, римское, умерли, ихъ цивилизаціи отошли въ разрядъ мертвыхъ, а личности, ихъ составлявшія, продолжали жить и составлять ассоціаціи для защиты себя отъ внѣшнихъ бѣдствій. Возрожденіе древней цивилизаціи нуждалось въ новыхъ организмахъ. Только послѣ того, какъ сложилось новое европейское общество, начинаетъ появляться серьезная наука и развивается промышленость.

Человѣкъ не только способенъ создать готовое общество, но самъ дѣлается способенъ къ общежитію только постепенно, подъ вліяніемъ вѣковаго воспитанія и разныхъ потрясеній, сглаживающихъ его эгоистическія наклонности. По мѣрѣ подавленія его личныхъ стремленій предварительно въ семьѣ *), а послѣ въ другихъ формахъ общежитія, дѣлается онъ тѣмъ общественнымъ животнымъ, какимъ выставляетъ его Аристотель. Въ семьѣ человѣкъ теряетъ часть своей личности, а вмѣстѣ и эгоизма; въ общинѣ у него является уже способность самопожертвованія, въ государствѣ онъ доходитъ до героизма. Другими словами, *идея долга и цѣли* есть произведеніе общества, *эгоизмъ и произволъ* — удѣлъ личности.

Это нисколько не противорѣчитъ тому обстоятельству, что общество является представителемъ прогресса въ человѣчествѣ, а личность въ массѣ является элементомъ консервативнымъ. Прогрессивныя стремленія — всегда произведеніе сознанія возвышенной цѣли, общаго блага, чувства долга и

*) О значеніи семьи см. Ог. Контъ. IV, p. 398. seq.

нѣкотораго самоотверженія, то-есть, всего того, что создается обществомъ или можетъ осуществляться только въ обществѣ, религіи, наукѣ, нравственности. Консерваторство есть нерѣдко замаскированный эгоизмъ, слѣдовательно, наиболѣе индивидуальное стремленіе, или болѣе приближающееся ко внѣ-общественному состоянію человѣка. Индивидуализмъ, дѣлая изъ общества ассоціацію, скомбинированную по общимъ началамъ человѣческаго ума, естественно стремится найдти общую форму для общества всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, не спрашивая условій времени и мѣста. Положительное знаніе ничего не ищетъ, но утверждаетъ, что каждой эпохѣ общественнаго развитія должна соотвѣтствовать своя государственная и общественная форма.

Кромѣ того положительная наука, выводя свои законы изъ наибольшаго количества факторовъ и условій, даетъ названіе законовъ только тѣмъ началамъ, которыя вліяютъ на всю совокупность общественныхъ элементовъ, слѣдовательно, на жизнь преимущественно народныхъ массъ. Напротивъ, школа индивидуалистовъ любитъ возводить въ идеалъ начала, выработанныя небольшимъ кружкомъ людей, и не смотря на свои возгласы объ общемъ благѣ, нерѣдко остается чужда истинныхъ началъ своего общества. Изслѣдуя законы общества на болѣе широкомъ полѣ, чѣмъ индивидуалисты, положительная наука направляетъ свое предвидѣніе къ такимъ же широкимъ выводамъ. Этотъ выводъ по своей общности всегда долженъ соотвѣтствовать самому закону. Если законъ долженъ соотвѣтствовать всей совокупности общественныхъ элементовъ, то и самая цѣль должна соотвѣтствовать той же совокупности. Только тѣ стремленія считаетъ она здравыми, которыя одинаково общи всѣмъ классамъ общества, потому что они одни соотвѣтствуютъ общности ея законовъ. Служеніе личнымъ цѣлямъ, фантазіи кружка, утопіи — нелѣпо, ибо не научно и потому не законно. Вотъ почему такая наука наиболѣе демократична, хотя не любитъ революцій, а индивидуализмъ наиболѣе аристократиченъ, хотя гремитъ о переворотахъ. Положительная наука, сознавая свою тѣсную связь съ обществомъ, котораго она есть произведеніе, и его основанія, никогда не выставляетъ положеній, противныхъ началамъ общежитія. Отдѣльная личность или даже группа лицъ могутъ уединиться, забыть великое назначеніе науки, необходимую связь всѣхъ областей знанія и увлечься какимъ-нибудь частнымъ представленіемъ. Но въ то время, когда они будутъ высказывать свои положенія, они не будутъ помнить объ обществѣ, не будутъ болѣе принадлежать ему. Пантеистическій нигилизмъ Гегеля могъ быть создапъ только въ кабинетѣ; ученый, забывающій хоть часть великихъ началъ, составляющихъ достояніе умственной жизни человѣчества, тѣмъ самымъ осуждаетъ свою теорію на безплодность. Вотъ почему положительная наука беретъ въ разсчетъ все, чѣмъ движется человѣчество въ данную пору, а потому ни на минуту

не уклоняется отъ жизни: ея законы *прежде всего должны быть жизненны*. Не знаемъ, можно ли то же самое сказать про школу метафизиковъ.

Изучая общественные законы на такомъ широкомъ полѣ, по отношенію къ самой свободѣ, этому идеалу индивидуализма, реальная наука устанавливаетъ болѣе положительныя основанія, чѣмъ тѣ безпорядочныя мечтанія, которыя справедливо вызываютъ опасенія всѣхъ благомыслящихъ людей. La vraie liberté, говоритъ Контъ, ne peut consister sans doute, qu'en une soumission rationnelle à la seule prépondérance, convenablement constatée des lois fondamentales de la nature, à l'abri de tout arbitraire commandement personnel.

Наконецъ, почти безполезно говорить о томъ, что, выясняя необходимые законы развитія и необходимость самаго развитія общества, положительная наука умѣетъ отвести должное мѣсто правительству, этому представителю общихъ интересовъ, на которое индивидуалисты смотрятъ какъ на помѣху всякаго прогресса. Таковы начала, которыя, по нашему мнѣнію, должны лечь и отчасти уже легли въ основаніе соціальной науки.

Разумѣется, всѣ эти начала выработались не вдругъ. Можно сказать, что во Франціи они — порожденіе XIX столѣтія и школы С.-Симона, ибо только она дошла до истиннаго сознанія общества, какъ дѣйствительнаго организма. До того времени индивидуализмъ во всѣхъ возможныхъ комбинаціяхъ составлялъ главную основу всѣхъ политическихъ ученій, которыя исходили отъ естественнаго состоянія путемъ соглашенія, контракта, завоеванія и прочихъ смѣшныхъ или вредныхъ ученій. Собственно говоря, всѣ они продолжали дѣло классическихъ писателей, съ большими или меньшими измѣненіями. Политическая свобода дала Платону и Аристотелю возможность выработать такое ученіе, которое въ общихъ чертахъ и нѣкоторыхъ подробностяхъ до настоящаго времени не утратило своего значенія. Вотъ почему Бюше останавливается на немъ довольно подробно. Это одна изъ любопытныхъ оцѣнокъ политическихъ ученій древности. Еще теперь, говоритъ онъ, по истеченіи 22 вѣковъ, терминологія, опредѣленія, формулы Платона и Аристотеля, а особенно Аристотеля, составляютъ основаніе политической науки и языка. Отъ Аристотеля получили мы опредѣленіе, что цѣль политическаго общества есть личное благо. Онъ высказалъ мысль, что человѣкъ есть существо общественное и что, вступая въ общество, онъ удовлетворяетъ своей потребности — аксіому, принятую Гроціемъ и Пуфендорфомъ и сдѣлавшуюся исходнымъ пунктомъ естественнаго права. Конечно, теоріи двухъ древнихъ философовъ подверглись нѣкоторымъ частнымъ измѣненіямъ. Они подъ именемъ гражданъ разумѣли небольшой кружокъ лицъ, вооруженныхъ политическими правами, въ противоположность иностранцамъ и рабамъ: теперь его даютъ всей массѣ жителей. Далѣе, встрѣчаются раз-

личныя опредѣленія блага. Одни полагаютъ его въ добродѣтели или умѣренности, какъ Аристотель; другіе въ правдѣ, подобно Платону; третьи въ безопасности, въ богатствѣ, въ могуществѣ. Не всѣ также сходятся относительно происхожденія общества. Теорія христіанская отличается отъ теоріи Аристотеля. Но, каковы бы ни были эти разногласія, всѣ научныя направленія, начиная отъ отцовъ церкви до новѣйшихъ публицистовъ, представляютъ отраженіе греческой науки, если не самую эту науку.

Вліяніе этихъ двухъ мыслителей выражается и въ томъ стремленіи создать вѣчную, незыблемую общественную организацію, которая бы вѣчно служила идеѣ общаго блага. И Платонъ, и Аристотель выставили, правда, каждый свой идеалъ. Но и то обстоятельство, что два мыслителя, жившіе почти при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, выставили два различные идеала, не удержало новѣйшихъ ихъ подражателей. Нѣтъ почти публициста, который не стремился бы найдти или даже не считалъ бы себя нашедшимъ подобный идеалъ. Для публициста это, конечно, невинное упражненіе; но хуже всего то, что идея неподвижности формъ вошла въ сознаніе правительствъ, изъ которыхъ каждое считаетъ себя представителемъ наилучшей формы въ мірѣ. Послѣдствія такого убѣжденія ведутъ къ систематическому застою, предшествующему самому вредному взрыву сдержанныхъ элементовъ общества. Даже *золотая середина*, которою такъ гордятся практическіе люди, и та оставлена имъ въ наслѣдство Аристотелемъ.

Кромѣ понятія о неподвижности формъ, вліяніе греческой науки отразилось и на томъ убѣжденіи, что всѣ соціальные вопросы могутъ быть разрѣшены тою или другою формой правленія. Три типическія и три извращенныя формы—вотъ что представляютъ собою всѣ государства цѣлаго свѣта *). Переходъ отъ одной формы къ другой совершается революціей, непосредственно вытекающею изъ извращенія какой-либо изъ типическихъ формъ. Монархія извращается въ тиранію, тирація вызываетъ революцію, изъ которой рождается новая форма, въ свою очередь опять извращающаяся и ведущая къ революціи и т. д., и дѣло оканчивается возвращеніемъ къ первой формѣ. Такъ, вся политическая исторія каждаго народа есть нескончаемый круговоротъ, въ которомъ общество ищетъ спасенія отъ одной формы въ другой, въ свою очередь покидаемой имъ для третьей.

Итакъ, неподвижность формъ ведетъ къ революціямъ, которыя ни къ чему не ведутъ какъ къ той же формѣ, отъ которой общество такъ тщательно уходило.

---

*) Замѣтимъ, впрочемъ, что по отношенію къ Аристотелю это замѣчаніе Бюше справедливо только до нѣкоторой степени. Правда, онъ признаетъ *абсолютно лучшую форму* правленія, но въ то же время онъ говоритъ, что каждый народъ осуществляетъ идеальные типы по своему. См. Пол. VI, 1.

И это еще не все. Теорія круговорота есть только послѣдствіе другой, болѣе общей концепціи. Человѣкъ потому осужденъ вращаться на мѣстѣ, что не можетъ идти впередъ; онъ оставилъ золотой вѣкъ народа, и каждый шагъ, удаляющій его отъ этого, есть переходъ отъ дурнаго къ худшему. Въ сравненіи съ этимъ положеніемъ, теорія круговаго движенія представляется уже шагомъ впередъ; застой все же лучше постояннаго паденія.

Притомъ ученіе это, подробно развитое Платономъ и Полибіемъ, представляло нѣкоторое сходство съ исторіей греческихъ республикъ. Выводъ соотвѣтствовалъ наблюдаемымъ фактамъ, но наблюденіе это происходило на слишкомъ тѣсномъ пространствѣ, что сдѣлало самый выводъ узкимъ и одностороннимъ. Но ученіе это сохранило свою силу много вѣковъ; оно жило такъ долго, что даже было забыто, и воскресло.

Прежде всего оказалась несостоятельность формальной классификаціи государственныхъ формъ. Цицеронъ и Полибій не знали уже, куда отнести римскую республику, и назвали ее четвертою формой. Феодализмъ рѣшительно не укладывался ни въ одну изъ этихъ формъ: государство, выстроенное на несвободной поземельной собственности, сопоставленіе духовной и свѣтской властей, затѣмъ постепенное образованіе представительной системы— всего этого не предвидѣла древняя наука. Далѣе, куда дѣвались рабы, безъ которыхъ не мыслимо было древнее государство? Что сдѣлалось съ безграничными правами отца семейства? Далѣе, знали ли древніе кредитъ, эту могущественную силу, вслѣдствіе которой всякое правительство болѣе или менѣе испытываетъ давленіе общественнаго мнѣнія? Они знали городъ, муниципію, но понимали ли національность? Наконецъ, вся ихъ политическая мудрость заключалась въ развитіи личнаго счастія, справедливости, въ правилѣ suum cuique. Неудовлетвореніе этихъ требованій вело къ революціи. Если же это муравьиное блаженство было удовлетворено, то форма общества могла бы существовать безконечно. Что сказали бы они про общественное мнѣніе, которое шагъ за шагомъ подвигаетъ своихъ представителей къ улучшеніямъ и неохотно пускается въ революціи?

Таковы нѣкоторые факты, поступившіе въ обладаніе новой науки, хотя далеко не всѣ. Они даютъ возможность открыть новые законы соціальнаго развитія, выяснить другія цѣли общества *). Во главѣ такихъ законовъ стоитъ законъ, предчувствованный Лессингомъ и Лейбницемъ, выраженный Кантомъ, Тюрго и Кондорсе и окончательно укрѣпившійся въ области соціальныхъ и естественныхъ наукъ, послѣ открытій Ламарка, Конта, Дарвина, Гёте и фонъ-Бера. «Законъ прогресса, говоритъ Бюше, есть отрицаніе нѣкоторыхъ главныхъ основаній древней науки и установленіе совершенно про-

*) Ср. Бюше, стр. 1, 23—32.

тивоположныхъ началъ. Законъ этотъ отрицаетъ, что человѣческая порода осуждена на вѣчное вращеніе въ сферѣ постоянныхъ, однородныхъ явленій; онъ утверждаетъ, что общества должны идти впередъ по прямой дорогѣ къ добру, что новое постоянно должно быть лучше стараго. Этотъ законъ доказываетъ, что ни одно устройство не можетъ претендовать на названіе идеальнаго и лучшаго устройства, что оно видоизмѣняется съ видоизмѣненіемъ общества. Наконецъ, онъ ведетъ къ тому заключенію, что каждое общество отъ своего возникновенія до упадка составляетъ одно цѣлое: оно изображаетъ цѣпь, гдѣ каждое звено, то-есть, каждая эпоха получаетъ отъ предшествующей больше, чѣмъ та получила отъ предыдущей, и оставляетъ послѣдующему времени наслѣдство большее, чѣмъ получила сама. Были, конечно, ужасные случаи, попадаются разрушенныя цивилизаціи, движенія ьспять, вырожденіе цѣлыхъ обществъ. Но эти несчастія до настоящаго времени были исключительными явленіями; въ настоящее время возможность ихъ уменьшается по мѣрѣ развитія и укрѣпленія началъ цивилизаціи. Притомъ эти перерывы были только кажущіеся; преданія, привычки, вѣрованія общества оставались неприкосновенными. Этихъ остатковъ часто было достаточно для возрожденія прежняго общества; часто во имя этихъ сохранившихся вѣрованій общество возрождалось въ лучшемъ видѣ и продолжало свое развитіе съ неудержимою силой. Историки и лѣтописцы часто видятъ развалины и разрушеніе въ симптомахъ глубокаго перерожденія и переходѣ отъ одной цивилизаціи къ другой».

Въ чемъ состоитъ этотъ законъ прогресса? Гдѣ причина и условія прогресса? Нельзя сказать, чтобы въ настоящее время соціальныя науки представляли полную законченную теорію этого закона. Не смотря на основательные труды Конта, Герберта Спенсера и еще двухъ-трехъ мыслителей, много еще пробѣловъ, темныхъ мѣстъ, противорѣчій. Вотъ почему мысли Бюше, кромѣ своего несомнѣннаго внутренняго достоинства, представляютъ еще интересъ какъ дополненіе къ разрозненнымъ попыткамъ выяснить эту идею. Попытка его тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что его теорія есть логическій выводъ изъ убѣжденій, составленныхъ имъ при занятіи естественными науками. Наконецъ, безъ этой теоріи непонятно будетъ все его соціальное ученіе, а потому мы посвятимъ остальныя страницы первыхъ главъ подробному ея изученію.

Отъ Тюрго и С.-Симона Бюше отличается тѣмъ, что они изучали теорію прогресса только на антропологическихъ и соціальныхъ фактахъ, тогда какъ онъ строилъ свои выводы на данныхъ, принадлежавшихъ всѣмъ сферамъ наукъ. Онъ первый началъ дѣлать сближенія прогрессивныхъ явленій, доказанныхъ историческими науками, съ аналогическими результатами, добытыми геологіей, сравнительною анатоміей и эмбріологіей, и установилъ соотношеніе между однородными законами міра неорганическаго и духовнаго. Срав-

нительная анатомія доказывала ему, что всѣ классы животныхъ составляютъ лѣстницу, цѣпь, гдѣ низшія породы тѣсно связаны съ высшими; геологія показала, что всѣ эти классы были созданы послѣдовательно, что твореніе началось съ низшихъ организмовъ, за которыми слѣдовали организмы высшаго порядка. Та же наука доказывала, что первыя растительныя и животныя породы сами способствовали образованію земной коры, внося въ нее элементы, необходимые для развитія послѣдующихъ породъ. Наконецъ эмбріологія показала, что человѣческій зародышъ переживаетъ рядъ послѣдовательнаго развитія. Изъ всѣхъ этихъ данныхъ онъ выводилъ заключеніе, что законъ, проявляющійся въ различныхъ классахъ животныхъ, въ образованіи земли, есть тотъ же, который управляетъ развитіемъ зародыша, и тотъ, который мы назвали закономъ прогресса.

Итакъ, съ физической точки зрѣнія одинъ законъ управляетъ земнымъ шаромъ, одушевленною природой и человѣческимъ организмомъ. Въ этомъ убѣдили Бюше естественныя науки. Изученіе исторіи повело его дальше; оно открыло ему тотъ же самый законъ въ примѣненіи къ умственному и нравственному міру. Историческій прогрессъ человѣчества кажется продолженіемъ, въ другихъ только формахъ, прогрессивныхъ преобразованій, пережитыхъ землею до появленія на ней человѣка. Нѣтъ, слѣдовательно, ни одного существа, которое бы могло уйдти изъ-подъ вліянія этого закона.

Итакъ, сравненіе результатовъ геологіи, сравнительной анатоміи и эмбріологіи съ общими выводами историческихъ наукъ привело Бюше къ установленію всеобщности закона прогресса. Прогрессъ, слѣдовательно, пересталъ быть для него простымъ увеличеніемъ матеріальнаго благосостоянія и успѣховъ просвѣщенія, — которое одни признавали, другіе отрицали, — а сталъ закономъ міроваго порядка.

Но это же сравненіе дало ему возможность понять и характеръ, и смыслъ прогресса. Понятіе прогресса смѣшивали и смѣшиваютъ съ понятіемъ совершенствованія *). Для многихъ ученыхъ прогрессъ представляется постояннымъ усовершенствованіемъ личныхъ способностей и соціальныхъ установленій. Но для сравнительной анатоміи и геологіи подобное усовершенствованіе — второстепенный фактъ. «Соціальный прогрессъ, говоритъ Гербертъ Спенсеръ, видятъ въ производствѣ большаго количества и большаго разнообразія предметовъ, служащихъ для удовлетворенія человѣческихъ потребностей, въ большемъ огражденіи личности и собственности, въ расширеніи

*) Всѣ послѣдующія мысли сходны съ положеніемъ, развитымъ Гербертомъ Спенсеромъ въ разныхъ его статьяхъ. Впрочемъ, условія прогресса, выставляемыя имъ, едва ли не ближе къ истинѣ, чѣмъ соображенія Бюше, не смотря на ихъ положительное достоинство въ примѣненіи къ соціальнымъ наукамъ.

свободы дѣйствій; между тѣмъ правильно понимаемый соціальный прогрессъ заключается въ тѣхъ измѣненіяхъ соціальнаго организма, которыя обусловливаютъ *эти послѣдствія*. Обиходное понятіе о прогрессѣ есть телеологическое... Но чтобы правильно понять прогрессъ, мы должны изслѣдовать сущность этихъ измѣненій, разсматривая ихъ независимо отъ нашихъ интересовъ». Съ точки зрѣнія естественныхъ наукъ прогрессъ есть та же математическая прогрессія, каждый членъ которой заключаетъ въ себѣ все предыдущее и нѣчто большее, чего въ нихъ нѣтъ. Такъ, каждый классъ животныхъ заключаетъ въ себѣ всѣ органы низшаго класса, но болѣе развитые и сложные; каждая геологическая эпоха предполагаетъ всѣ предыдущія, безъ которыхъ она была бы невозможна, но отличается отъ нихъ существованіемъ болѣе совершенныхъ животныхъ и растеній. Слѣдовательно, прогрессивность не есть свойство отдѣльнаго члена прогрессіи, но есть достояніе всей строки. Каждый классъ животныхъ не прогрессивенъ самъ по себѣ; низшія породы ихъ представляютъ то же строеніе, какъ при своемъ появленіи. Но каждый классъ стоитъ между сравнительно низшимъ и высшимъ, и изъ сравненія ихъ можно вывести понятіе прогрессивности. То же самое замѣчаемъ мы и въ соціальной сферѣ. Утверждаютъ, говоритъ Бюше, что соціальная жизнь есть результатъ развитія нашихъ способностей. Это вѣрно только въ томъ смыслѣ, что всѣ способности, отличающія насъ отъ животныхъ, могутъ проявиться только въ сообществѣ. Но когда утверждаютъ, что самый прогрессъ есть не что иное какъ усовершенствованіе тѣхъ же способностей, это положеніе не вѣрно во всѣхъ отношеніяхъ. Греки по развитію умственныхъ способностей и во всѣхъ предметахъ, зависѣвшихъ исключительно отъ развитія этихъ способностей, не только были равны современному человѣчеству, но едва ли не превосходили его. Во всѣхъ же отношеніяхъ, зависящихъ отъ степени соціальнаго прогресса, они стоятъ далеко ниже. Чтобъ увидѣть истинный прогрессъ, необходимо взять Грецію въ сравненіи съ Египтомъ съ одной стороны и современною цивилизаціей съ другой. Слѣдовательно, идея эта можетъ быть выяснена путемъ сравненія различныхъ цивилизацій или по крайней мѣрѣ поколѣній, но никакъ не отдѣльныхъ личностей. Отдѣльная личность, какова бы ни была ея способность, не могла силою своего мышленія достигнуть нѣкоторыхъ открытій, концепцій, результатовъ, украшающихъ современную науку. Они были бы невозможны безъ массы предшествовавшихъ наблюденій. Эта масса наблюденій, соображеній, гипотезъ, повѣрокъ, аналогій, вычисленій, соединенныхъ для разъясненія одного и того же предмета, дѣлаетъ изъ теоретика, который послѣ другихъ взялся за его разъясненіе, не только болѣе свѣдущаго или ученаго человѣка, но вліяетъ на силу его изобрѣтательной способности, подсказываетъ ему тѣ геніальныя гипотезы, которымъ наука обязана своими вели-

чайшими законами. Теоріи Коперника или Ньютона — неужели продуктъ только ихъ личности *)?

Итакъ, личность способна къ совершенствованію; но прогрессивно одно общество. Оно выдѣляетъ одно понятіе изъ другаго; оно даетъ каждому элементу самостоятельное развитіе; только въ немъ каждой потребности соотвѣтствуетъ отдѣльная организація, — словомъ, только оно удовлетворяетъ коренному условію прогресса, высказанному г. Спенсеромъ — постепенному переходу отъ однородности къ разнородности, отъ смѣшенія къ раздѣльности. Усилій личности не достало бы на такое громадное дѣло. Могли ли бы эти усилія выдѣлить религіозный элементъ изъ свѣтскаго, въ свѣтскомъ отдѣлить экономическія отношенія отъ государственныхъ? Воспитаніе личности продолжительно, жизнь коротка, способности ограничены и продукты ея дѣятельности погибли бы, еслибъ ихъ не сохраняло общество. Оно не теряетъ ничего, не устаетъ, не ослабѣваетъ. Въ немъ вырабатываются истинно прогрессивные элементы.

Благодаря этому великому закону, въ дѣлѣ прогресса участвуютъ все и всѣ, даже тѣ, которые не сознавали своей дѣятельности. Въ геологіи это не требуетъ особенныхъ доказательствъ. Каждая формація сопровождалась появленіемъ извѣстнаго числа новыхъ животныхъ и растеній. Эти животныя могли существовать только потому, что нашли всѣ нужныя для себя условія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ числѣ этихъ условій не малую роль играли животныя и растенія предшествующей формаціи. Вслѣдствіе этого отъ зародышей органической жизни, приспособленныхъ къ исключительно-минеральному періоду, природа постепенно дошла до возможности высшихъ организмовъ. Одинъ порядокъ животнаго царства подготовляетъ появленіе высшаго порядка, создавая постепенно нужную для того почву, видоизмѣняя моря, очищая воздухъ, реформируя климатъ. И что же? Для того, чтобы произвести всѣ эти чудеса, всѣмъ этимъ первенцамъ животнаго и растительнаго царства не нужно было обладать особенными способностями. Для поддержанія прогрессивнаго движенія природы имъ нужно было только слѣдовать своимъ инстинктамъ, спокойно жить и умирать. Ихъ простаго присутствія на земной поверхности, соединеннаго съ постояннымъ дѣйствіемъ химическихъ и физическихъ силъ, достаточно было для постепеннаго преобразованія этой поверхности. Каждый періодъ творенія имѣлъ такимъ образомъ свою задачу, въ достиженіи которой участвовало все живущее въ каждой отдѣльной формаціи. Но когда преобразованіе совершилось, когда все было уже готово для принятія новыхъ обитателей, сильнѣйшій переворотъ разрушилъ всѣ отжив-

*) См. ibid. 35 и слѣд. также Введ. LXIV и слѣд.

шія, то-есть, покончившія свое назначеніе породы *). Онѣ были, такимъ образомъ, слѣпымъ орудіемъ прогресса, въ которомъ сами не участвовали, ибо въ теченіе всего геологическаго періода ихъ организація, инстинкты и потребности не подвергались особеннымъ измѣненіямъ.

По отношенію къ человѣчеству вопросъ этотъ нѣсколько усложняется. Человѣкъ, существо разумное и свободное, не только сознаетъ прогрессивное движеніе, въ которомъ онъ участвуетъ **), а самъ принимаетъ въ немъ участіе, улучшая условія своего быта. Но общія начала геологическаго прогресса примѣняются и здѣсь: такъ, всякая перемѣна совершается въ теченіе долгаго времени, эпохи, имѣющей эту перемѣну своею задачей. Въ исторіи человѣчества постепенно смѣнявшіяся великія цивилизаціи играли роль постепенно смѣнявшихся геологическихъ формацій. Далѣе, хотя человѣчество въ каждую эпоху и сознаетъ болѣе или менѣе свое назначеніе, но цѣль эта лежитъ внѣ современныхъ поколѣній: каждое изъ нихъ работаетъ для будущаго. Каждый человѣкъ есть органъ великаго соціальнаго организма, какъ каждый отдѣльный общественный организмъ есть органъ человѣчества. Такимъ образомъ, никто не созданъ исключительно для достиженія своихъ мелкихъ, эгоистическихъ задачъ; каждый имѣетъ свою задачу въ міровомъ порядкѣ: всѣ мы работники въ одной великой мастерской и трудимся надъ работой, размѣры и задачи которой далеко переходятъ за предѣлы нашего существованія.

Недостаточно, однако, указать на всеобщность закона прогресса; необходимо показать его примѣненіе къ исторіи человѣчества. Установленіе закона требуетъ повѣрки. Повѣрка даетъ возможность предвидѣнія. Какъ человѣчество двигается впередъ? Какъ опредѣлить его направленіе въ данную минуту? Разрѣшенію этихъ вопросовъ Бюше посвятилъ главнымъ образомъ свое «Введеніе въ науку исторіи», и кромѣ того много отдѣльныхъ замѣчаній въ различныхъ его статьяхъ и сочиненіяхъ. Мы изложимъ здѣсь его ученіе о прогрессѣ и выведемъ изъ него исходную точку его соціальнаго ученія. Что же касается его теоріи предвидѣнія, то мы постараемся изложить ее въ слѣдующей статьѣ послѣ разбора основныхъ началъ его общественной теоріи.

Мы уже видѣли, что вся исторія человѣчества состоитъ изъ ряда постепенно смѣнявшихся цивилизацій. Что представляетъ собою каждая цивили-

---

*) Читатель, вѣроятно, помнитъ, что Бюше находился подъ сильнымъ вліяніемъ Кювье.

**) Всегда ли? Кажется, есть періоды, когда въ этомъ сознаніи участвуютъ немногіе; впрочемъ, это нисколько не измѣняетъ мысли Бюше: все-таки есть въ общемъ движеніи доля сознанія. Кто сознаетъ, тотъ ведетъ другихъ.

зація? Почему она составляетъ такое замкнутое цѣлое? Какъ совершается переходъ отъ одной цивилизаціи къ другой?

Подобно всѣмъ теоріямъ Бюше и Конта, и теоріи, касающіяся этихъ вопросовъ, въ зародышѣ находятся уже въ ученіи С.-Симона. Въ общемъ ходѣ знанія и соціальнаго развитія вообще, писалъ онъ, можно замѣтить два постоянно и постепенно смѣняющія другъ друга направленія, или, лучше сказать, метода: методъ a priori и методъ a posteriori. Первый необходимо предшествуетъ второму. Ученые начинаютъ съ того, что подчиняются вліянію какой-нибудь великой системы, основанной геніальнымъ мыслителемъ, и довольствуются приложеніемъ его теоріи къ частнымъ случаямъ. Но постепенно это направленіе смѣняется стремленіемъ анализировать факты и подробности и отъ нихъ восходить къ обобщеніямъ. Эта послѣдняя работа продолжается до тѣхъ поръ, пока не выработаются элементы для новой могущественной системы, не явится снова геніальная личность. Соціальный строй представляетъ, по его мнѣнію, такія же смѣны двухъ направленій; общество постоянно переходитъ отъ синтетическаго къ аналитическому періоду. Европа уже болѣе одного (по мнѣнію Конта, трехъ) столѣтія переживаетъ послѣдній періодъ: пора уже возвратиться къ методу апріористическому и начать эпоху общественной организаціи.

Эта теорія была мало развита С.-Симономъ, но сильно отразилась на ученіи Конта и Бюше. У послѣдняго она приняла форму теоріи *органическихъ* и *критическихъ* періодовъ. Слѣдовательно, каждая цивилизація есть продуктъ положительныхъ и отрицательныхъ факторовъ. Положительные устанавливаютъ и опредѣляютъ задачу извѣстной цивилизаціи; отрицательные разрушаютъ то, что въ этой организаціи было временнаго, выдѣляютъ дѣйствительно общія начала и своею политическою работой способствуютъ накопленію новыхъ фактовъ, новыхъ матеріаловъ, изъ которыхъ сложится будущая цивилизація. Такимъ образомъ, каждый изъ этихъ факторовъ выполняетъ и положительную и отрицательную задачу. Каждая органическая эпоха цивилизаціи докачиваетъ отрицаніе стараго зданія, которому она противопоставляетъ новое: она освящаетъ дѣло предшествующей критической эпохи; каждый критическій періодъ отрицаетъ старый порядокъ, но своими положительными трудами подготовляетъ новый органическій періодъ. De omnibus dubito—первое слово картезіанства, оно предшествуетъ — cogito ergo sum. Но разница между органическимъ и критическимъ періодами заключается въ большей сосредоточенности сомнѣнія и положительнаго убѣжденія, съ преобладаніемъ послѣдняго надъ первымъ, тогда какъ критическая эпоха, разбрасываясь въ спеціальностяхъ, отдаваясь изслѣдованію частныхъ вопросовъ и фактовъ, не имѣетъ такой общности сознанія, какъ первая эпоха. Дѣйствительно, если мы возьмемъ какую-нибудь критическую эпоху,

то убѣдимся, что отрицаніе растетъ въ ней постепенно и притомъ начинается съ анализа самыхъ мелкихъ, частныхъ и удаленныхъ отъ общаго соціальнаго строя фактовъ. Наиболѣе способны для этого вопросы естественныхъ наукъ, не только потому, что они скорѣе могутъ довести до положительныхъ результатовъ, и, слѣдовательно, подготовить новый органическій періодъ, но и потому, что, по трудности усмотрѣть ближайшую связь между ними и общею массою вѣрованій и установленій, они даютъ возможность людямъ, привязаннымъ еще къ тому и другому, совершенно свободно относиться къ своему предмету. По мѣрѣ паденія установленій и вѣрованій органической эпохи, критицизмъ касается болѣе общихъ вопросовъ, и наконецъ, полное отрицаніе стараго возвѣщаетъ появленіе новаго органическаго ученія. Слѣдовательно, систематическое сомнѣніе есть необходимое условіе возможности новаго органическаго ученія, но никакъ не самое это ученіе. Органическое ученіе создается изъ положительныхъ началъ прежней эпохи, уцѣлѣвшихъ отъ критической работы отрицанія, и положительныхъ фактовъ, добытыхъ аналитическими трудами критической эпохи. Собственно отрицаніемъ мало занимается органическое ученіе. Оно цѣликомъ дается ему критикой непосредственно предшествовавшей ему эпохи. Оно отрицаетъ прошедшее скорѣе догматизмомъ и положительностью своего ученія, чѣмъ критикой этого прошедшаго. Но въ этомъ отношеніи оно идетъ гораздо дальше, чѣмъ смѣлая критическая работа. Христіанскій монастырь явился гораздо сильнѣйшимъ отрицаніемъ язычества, чѣмъ всевозможныя насмѣшки скептиковъ послѣднихъ временъ имперіи. Это понятно: въ первомъ случаѣ говорили представители двухъ совершенно различныхъ обществъ; во второмъ только спорили несогласные члены того же самаго общества; здѣсь одно *убѣжденіе* было противопоставлено другому; тамъ *препирались* люди съ различными *мнѣніями*. Вотъ почему представители стараго общества преслѣдовали новое ученіе, оставляя безъ вниманія насмѣшки скептиковъ. Они прощали невѣріе, но не могли вынести новой религіи. Мало того: самые скептики большею частію не только не сочувствовали новому обществу, распространенію котораго они же содѣйствовали, но съ ужасомъ отворачивались отъ него, отчасти потому, что критицизмъ, работая безъ всякой общей цѣли, не всегда предвидитъ результаты своего направленія, отчасти потому, что они только абстрактно, а не въ дѣйствительности, порвали связь съ старымъ обществомъ, а отчасти потому, что по привычкѣ къ отрицанію они неохотно увлекаются органическимъ ученіемъ. Имъ можетъ увлечься только тотъ, въ комъ сомнѣніе такъ же цѣлостно, какъ цѣлостно новое ученіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ потребность вѣрованія сильнѣе критическаго стремленія. Исторія христіанства достаточно доказываетъ это: злѣйшими его врагами явились наиболѣе скептическіе писатели эпохи; женщины, юноши, простые сердцемъ — первыми его послѣдователями. Эти факты до-

статочно извѣстны, а потому излишне было бы останавливаться на нихъ. Возвратимся къ Бюше.

Сознавая всѣ вышеизложенныя истины, онъ въ прогрессивномъ движеніи человѣчества не далъ сомнѣнію такой роли, какую навязалъ ему *Бокль*. Не сомнѣніе устанавливаетъ цѣли, не оно даетъ направленіе, господствующее въ извѣстномъ циклѣ цивилизаціи; оно не начинаетъ съ стройнаго ученія, и возвышается до системы уже въ ту минуту, когда старое общество готово смѣниться новымъ, то-есть, одно органическое ученіе другимъ, такимъ же органическимъ. Далѣе, критицизмъ есть по преимуществу логическая дѣятельность, имѣющая мало элементовъ нравственнаго чувства, на которомъ, по мнѣнію Бюше, прежде всего строится всякое органическое ученіе. Въ самомъ дѣлѣ, не только каждая изъ великихъ историческихъ эпохъ открывалась новымъ религіозно-нравственнымъ ученіемъ, но и каждый изъ второстепенныхъ органическихъ періодовъ сопровождался возрожденіемъ нравственнаго и религіознаго чувства. Если бы Бокль, говоря объ отношеніи умственнаго и нравственнаго развитія въ дѣлѣ успѣховъ человѣчества, долѣе остановился на этомъ обстоятельствѣ, чѣмъ на изолированныхъ примѣрахъ римскихъ императоровъ и испанской инквизиціи, онъ, вѣроятно, пришелъ бы къ другимъ результатамъ. Нравственность, говоритъ онъ, состоитъ изъ немногихъ предписаній, неспособныхъ къ прогрессу; въ теченіе вѣковъ къ нимъ нельзя было прибавить ни одной буквы. Напротивъ, умственное развитіе постоянно подвигается впередъ черезъ пріобрѣтеніе новыхъ фактовъ, расширяющихъ сферу его созерцанія. Пріобрѣтеніе новыхъ фактовъ зависитъ отъ степени сомнѣнія, которое одно можетъ двинуть человѣка къ новымъ открытіямъ. Слѣдовательно, въ итогѣ только сомнѣніе есть факторъ цивилизаціи: чѣмъ больше общество сомнѣвается, тѣмъ больше оно идетъ впередъ. Слѣдовательно, первые 12 вѣковъ христіанства не были прогрессомъ въ сравненіи съ эпохой возрожденія, обратившейся къ язычеству. Много бы можно привести такихъ «слѣдовательно»; но, боясь уклониться отъ предмета, мы сдѣлаемъ лишь немного замѣчаній. Вопервыхъ, нравственность и ея дѣйствительно немногія начала *) способны къ развитію, особенно если подъ нравственностію мы будемъ понимать не правила индивидуальнаго поведенія (какъ это, очевидно, дѣлаетъ Бокль), а совокупность извѣстныхъ началъ общежитія, какъ это дѣлаютъ Контъ и Бюше. Подобно всѣмъ началамъ, прогрессивность нравственности можно усмотрѣть только при срав-

*) Не нужно много проницательности, чтобы догадаться, что если бы нравственность имѣла много началъ и сложный механизмъ, она никогда не дѣйствовала бы такъ на массы; ея немногія правила непосредственно говорятъ чувству, доступны сознанію самаго неразвитаго человѣка, тогда какъ та же нравственность, замкнутая въ философскій аппаратъ, была бы достояніемъ немногихъ.

пепіи извѣстнаго ряда смѣнявшихся цивилизацій. Никто, напримѣръ, не станетъ отрицать, что нравственность христіанства рѣзко отличается отъ нравственности греческаго политеизма, отъ нравственности браманизма, что политеизмъ имѣлъ другія нравственныя предписанія, чѣмъ фетишизмъ и т. д. Далѣе, нравственныя начала, какъ основа цѣлой эпохи человѣческой цивилизаціи, по необходимости должны носить нѣкоторый отпечатокъ неподвижности, безъ чего предписанія эти скоро потеряли бы свой авторитетъ, спустились бы въ шаткую сферу индивидуальнаго усмотрѣнія и мнѣнія, что, конечно, привело бы къ паденію соціальной нравственности, слѣдовательно, потрясло бы самыя основы общежитія. Неподвижность эта нисколько не доказываетъ, однако, ихъ неспособности содѣйствовать прогрессу. Никто, напримѣръ, не назоветъ ретроградомъ какого-нибудь человѣка, только потому что онъ имѣетъ одну, постоянную цѣль, которой посвятилъ всю жизнь. О прогрессивности извѣстныхъ началъ можно судить не столько по ихъ количеству, сколько по тому, скоро ли ихъ можно осуществить или исчерпать. И самъ Бокль не рѣшился утверждать, что начала, высказанныя христіанствомъ, великія цѣли, имъ установленныя, всѣ достигнуты, и что христіанство исчерпано до дна. Напротивъ, прогрессъ до настоящаго времени заключается въ постепенномъ примѣненіи этихъ началъ, этихъ немногихъ заповѣдей, этихъ «возлюби Бога всѣмъ сердцемъ твоимъ и всѣмъ помышленіемъ твоимъ и ближняго твоего, какъ самого себя», высказанныхъ за нѣсколько столѣтій. Вотъ въ этомъ-то дѣлѣ постепеннаго примѣненія христіанскихъ началъ заключается пока вся задача соціальныхъ наукъ, и Богъ знаетъ, когда онѣ сдѣлаются достойными этой задачи. Сколько времени нужно было, чтобы рабство, которое христіанство застало, постепенно видоизмѣняясь черезъ крѣпостное состояніе, черезъ феодальныя повинности, черезъ монополіи, дошло до внѣшняго освобожденія человѣка. И теперь конецъ ли христіанскимъ цѣлямъ въ этомъ отношеніи? Спросите объ этомъ у рабочихъ и пролетаріевъ Лондона и Парижа. Какая же роль сомнѣнія въ этомъ дѣлѣ? Оно, конечно, играетъ важную роль въ этой работѣ; оно не дастъ заснуть человѣку; оно наталкиваетъ его на разныя общественныя язвы; оно показываетъ громадное разстояніе между тѣмъ, что сдѣлано, и тѣмъ, что нужно еще сдѣлать. Но въ самомъ пылу своихъ критическихъ работъ, сомнѣніе никогда не должно упускать изъ вида великой цѣли, установленной органическимъ ученіемъ своей эпохи. Только тогда оно плодотворно. Сомнѣніе, не имѣющее связи съ этою цѣлію и не подчиненное ей, или вовсе не имѣетъ смысла, или имѣетъ смыслъ очень печальный. Оно не имѣетъ смысла и значенія, когда появляется въ эпоху полной силы установленныхъ цѣлей; оно — печальный симптомъ, когда эти цѣли достигнуты и цивилизація исчерпана: тогда оно доказываетъ близкую гибель стараго общества и явленіе новаго. Пусть про-

стятъ намъ нѣсколько тривіальное сравненіе, которое лучше поясиитъ нашу мысль. Мы сравнимъ роль, принадлежащую, по нашему убѣжденію, сомнѣнію въ дѣлѣ человѣческой цивилизаціи, съ ролью англійской оппозиціи въ дѣлѣ управленія этою страной. Никто такъ рѣзко не осуждаетъ дѣйствій министерства, никто не открываетъ такихъ пробѣловъ и промаховъ въ администраціи; но никогда члены оппозиціи не забывали, что они служатъ общимъ законамъ страны, общенаціональнымъ цѣлямъ Англіи и гордо носятъ названіе «оппозиціи ея величества». Только это общее сознаніе дѣлаетъ плодотворною критику оппозиціи и нападки на дѣйствія правительства.

Между всѣми органическими ученіями христіанство отличается тѣмъ, что оно установило цѣли, требующія наибольшаго времени для своего осуществленія. Такого рода нравственность способна установить цѣли для громадной эпохи, общій характеръ которой, конечно, будетъ болѣе или менѣе соотвѣтствовать основному ея ученію. Такія эпохи, или *возрасты* (âges) человѣчества, могутъ распадаться на нѣсколько второстепенныхъ періодовъ, изъ которыхъ каждый будетъ имѣть свой органическій и критическій моментъ. Такъ, напримѣръ, католицизмъ и протестантско-революціонная эпоха суть, очевидно, два момента громаднаго историческаго періода, далеко не исчерпавшаго христіанскаго ученія, которому общее и систематическое сомнѣніе революціи предвѣщаетъ скорое и полное обновленіе. Напротивъ, когда какое-либо органическое ученіе составляетъ лишь видоизмѣненіе существующихъ системъ, и притомъ извращенное и приспособленное къ отсталымъ понятіямъ въ видахъ политическаго успѣха, тогда за короткимъ и быстрымъ успѣхомъ слѣдуетъ такое же быстрое паденіе. Такъ было съ магометанствомъ, этою помѣсью еврейства и христіанства. Истинное царствіе Божіе всегда «подобно закваскѣ, которую женщина смѣшала съ тремя мѣрами муки и оставила, пока взойдетъ все тѣсто».

Кѣмъ устанавливается это нравственное ученіе? Вопервыхъ, нравственный законъ не имѣлъ бы никакого принудительнаго характера, еслибъ онъ былъ простымъ выраженіемъ человѣческой воли. Бюше понялъ, что для того, чтобы нравственность была принята человѣчествомъ какъ непреложный безусловный законъ, чтобъ она производила истинное убѣжденіе и энергію, необходимыя для выполненія заключающихся въ ней прогрессивныхъ задачъ, она должна быть освящена религіознымъ авторитетомъ. Онъ замѣтилъ, что всѣ философскія системы нравственности не имѣли большаго значенія для общества, которое всегда руководилось религіозными убѣжденіями. Только основатель религіи учитъ «какъ власть имѣющій», только онъ можетъ потребовать отъ человѣчества тѣхъ неимѣрныхъ лишеній, жертвъ и трудовъ, которые необходимы для достиженія указанной имъ цѣли, только его ученіе и направляетъ въ одну сторону общественное сознаніе.

Вовторыхъ, такое ученіе есть всегда продуктъ личной инициативы. Для

того чтобъ оно было принято обществомъ, необходимо, чтобы послѣднее находилось въ состояніи сомнѣнія и даже невѣрія, чтобы всѣ вѣрованія были уничтожены и забыты, чтобъ всѣ нравственныя ихъ начала были примѣнены во всѣхъ направленіяхъ, и вездѣ оказалась ихъ несостоятельность. Если этихъ условій не будетъ, если старыя вѣрованія будутъ еще жить, новое ученіе будетъ отвергнуто. Но въ противномъ случаѣ оно будетъ принято съ тѣмъ большимъ жаромъ, чѣмъ больше въ немъ будетъ новыхъ истинъ, чѣмъ рѣзче оно будетъ отличаться отъ стараго ученія.

Но есть и другія, чисто-научныя основанія, почему преимущественно на долю религіозно-нравственныхъ идей выпадаетъ задача обновленія человѣчества. Новое ученіе, овладѣвъ массами, основавъ новыя религіозныя и политическія общества, проникнутыя его духомъ, устанавливаетъ такимъ образомъ общую цѣль для цѣлой эпохи цивилизаціи человѣчества. Не могутъ ли они сразу выразиться въ цѣломъ рядѣ соотвѣтствующихъ учрежденій и установленій? Могутъ ли они перейдти тотчасъ въ сферу практической дѣятельности? Исторія доказываетъ противное. Тѣ ученія, которыя стремились тотчасъ захватить въ свои руки практическую дѣятельность, имѣли тѣмъ быстрѣйшій успѣхъ, но и тѣмъ болѣе скоротечное существованіе. Таково тоже магометанство, такова же причина скораго паденія всѣхъ этихъ эфемерныхъ «религій», которыми съ нѣкотораго времени угощаютъ человѣчество его преобразователи. Такъ и религіи древности, непосредственно выражаясь въ государственномъ строѣ, исчерпывались вмѣстѣ съ этимъ строемъ. Напротивъ, чѣмъ меньше, повидимому, ученіе имѣетъ связи съ житейскими вопросами, чѣмъ, слѣдовательно, возвышеннѣе его идеалы, чѣмъ медленнѣе люди привыкаютъ связывать эти начала съ житейскими явленіями, тѣмъ больше суждено имъ господствовать. Царство не отъ міра сего, конечно, меньше всѣхъ думало о презираемыхъ имъ жизненныхъ интересахъ, и потому, между прочимъ, не перестаетъ распространяться во всѣхъ предѣлахъ вселенной. Прежде чѣмъ извѣстная цивилизація начинаетъ, такъ-сказать, кристализироваться въ извѣстныхъ учрежденіяхъ, прежде чѣмъ начала ученія, лежащаго въ ея основѣ, начнутъ выражаться въ будничныхъ, практическихъ актахъ, оно должно предварительно проникнуть собою народное чувство и сознаніе. Слѣдовательно, ученіе, прямо мѣтящее на практическую дѣятельность (какъ это дѣлаютъ нѣкоторыя философскія системы), начинаетъ съ конца и не можетъ имѣть такого значенія, какъ доктрина, придерживающаяся общихъ законовъ зарожденія и проявленія идей, дѣйствующая сначала на чувство, воспитывающая затѣмъ сознаніе, и наконецъ, достигающая господства надъ практическою дѣятельностію общества. Такова дѣятельность религіозныхъ понятій; здѣсь причина, почему именно они являются во главѣ каждой цивилизаціи. Бюше дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній объ этомъ ходѣ цивилизаціи, которыя совершенно под-

тверждаютъ высказанное нами мнѣніе. Прежде всего этотъ ходъ находится въ связи съ логическою дѣятельностію человѣка. Не вдаваясь здѣсь въ подробности, мы остановимся только на нѣкоторыхъ положеніяхъ Бюше. Прежде чѣмъ человѣкъ доходитъ до практической дѣятельности, выражающейся въ какомъ-либо актѣ, въ немъ совершается нѣсколько процессовъ. Предварительно совокупность внѣшнихъ ощущеній зарождаетъ въ немъ стремленіе сначала неясное, но послѣ постепенно вырабатывающееся въ опредѣленную *цѣль*. Здѣсь кончается та часть общаго логическаго процесса, въ которой главнымъ образомъ преобладаетъ чувство. Установленіе цѣли даетъ волѣ большую энергію, заставляетъ человѣка больше сосредоточиваться въ себѣ, выяснить соотношенія этой цѣли съ условіями внѣшняго міра, словомъ, обсудить средства къ ея достиженію: это критическая или чисто-аналитическая работа, переборка отдѣльныхъ фактовъ, частныхъ препятствій, комбинированіе ихъ въ одно цѣлое, сопоставленіе этихъ отрицательныхъ положеній съ положительно-сознанною цѣлью. Въ тѣхъ случаяхъ, когда цѣль торжествуетъ надъ этими отрицательными побужденіями, начинается практическое ея осуществленіе — дѣятельность. Подобные же факты представляетъ и общество. Оно также имѣетъ цѣль, хотя она устанавливается органическимъ ученіемъ, а не вырабатывается изъ ощущеній, какъ въ отдѣльномъ человѣкѣ. Она является въ немъ какъ предписаніе нравственно-религіознаго закона. Далѣе, логическій ходъ развитія общества для достиженія этой цѣли совершенно соотвѣтствуетъ тому же процессу въ отдѣльныхъ личностяхъ. Здѣсь даже всѣ эти отдѣльные моменты представляютъ больше раздѣльности, такъ какъ функціи чувства, сознанія и практической дѣятельности, слитыя въ отдѣльномъ человѣкѣ, здѣсь находятъ соотвѣтствующую себѣ организацію. Такъ, религія, искусство, воспитаніе служатъ къ тому, чтобы подготовить человѣчество къ служенію его цѣли. Разуму отдѣльнаго человѣка въ обществѣ соотвѣтствуетъ могущественное установленіе науки; для практическаго осуществленія общественныхъ задачъ мы находимъ экономическія, политическія, административныя установленія.

Сильнѣе аппаратъ, возвышеннѣе цѣль — грандіознѣе результаты. Въ отдѣльной личности чувства, размышленія и дѣйствія состоятъ въ тѣсной связи съ его частною, индивидуальною цѣлію; здѣсь же дѣло идетъ объ общихъ, возвышенныхъ цѣляхъ, и чѣмъ меньше отражаются и на цѣляхъ и на установленіяхъ личное вліяніе и эгоистическія цѣли, тѣмъ совершеннѣе и возвышеннѣе самыя учрежденія. Деспотизмъ никогда не будетъ знать великихъ и блестящихъ установленій свободныхъ странъ. Искусство, теряющее изъ вида общественныя цѣли, говоритъ уже не чувству, а чувственности, изъ руководителя дѣлается слугой массы, или, какъ это было при Людовикѣ XIV, властей предержащихъ.

Не смотря на то, что всѣ указанныя установленія должны всегда су-

ществовать въ каждомъ обществѣ *), построенномъ на идеѣ раздѣленія труда, однакоже въ порядкѣ историческаго развитія имъ не всегда принадлежала одинаковая роль. Они послѣдовательно смѣняли другъ друга въ дѣлѣ главнаго руководительства обществомъ. Въ первые вѣка органическаго періода, когда общество только-что приняло новое религіозно-нравственное ученіе, оно все отдается напливу свѣжаго, молодаго чувства. Изъ новыхъ вѣрованій черпаетъ оно и свои убѣжденія; на ихъ основаніи строитъ свои надежды. Всѣ его силы направлены къ распространенію новыхъ истинъ, вся умственная дѣятельность уходитъ на защиту ученія отъ противоположныхъ ученій и ересей. Культъ и пропаганда являются главнымъ общественнымъ дѣломъ. Иначе и быть не можетъ — необходимо покорить всѣ сердца, измѣнить чувствованія, вдохнуть въ людей новыя стремленія. Вотъ почему въ это время все, что говоритъ чувству, дѣйствуетъ сильнѣе всѣхъ другихъ общественныхъ установленій. Церкви принадлежитъ первенствующая роль въ этомъ отношеніи. Здѣсь же великое значеніе искусства, которое группируется главнымъ образомъ около основной религіозной идеи. Это синтетическій періодъ искусства, какъ выражается Бюше. Онъ сходится въ этомъ отношеніи съ О. Контомъ. Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ остановиться на оцѣнкѣ искусства, сдѣланной Огюстомъ Контомъ. Замѣтимъ здѣсь только, что онъ также смотритъ на искусство какъ на средство подготовленія общества къ умственной жизни, въ ту пору, когда вся духовная жизнь его выражается только въ порывахъ чувства, а вся практическая дѣятельность его идетъ на завоеваніе себѣ матеріальныхъ средствъ къ существованію. Идея красоты открываетъ дорогу идеѣ истины. Чѣмъ можно было поддержать духовную жизнь, то-есть, жизнь идей въ средневѣковомъ земледѣльцѣ и ремесленникѣ, какъ не этими изящными образами, этими соборами, этими мадоннами, этою величественною музыкой католическихъ храмовъ? Миннезингеры и трубадуры необходимо предшествуютъ юристамъ, алхимикамъ, философамъ. Жаль, — скажемъ мы мимоходомъ, — что наши отрицатели искусства не прочли Конта, о которомъ они такъ много писали. Онъ, можетъ быть, привелъ бы ихъ къ другимъ убѣжденіямъ относительно того времени, когда нужно *вводить* искусство, какъ будто можно что-нибудь *ввести* въ духовную жизнь общества. Прежде накормите насъ, а потомъ ведите въ театръ, говорятъ они. Мы не станемъ противорѣчить ихъ личному вкусу. Можно даже наѣсться и вовсе никуда не пойдти. Но когда рѣчь заходитъ о законахъ исторіи, подобныя возраженія немного помогутъ разъясненію вопроса. Нѣтъ сомнѣнія, что средневѣковая Европа не была особенно богата и часто голодала; но это не помѣшало замѣчательному развитію всѣхъ отраслей искусства, и—странное дѣло!—ни соборы, ни поэти-

*) См. относит. этого главы: L'Enseignement, la Religion и т. д.

ческія произведенія, ни картины не были произведеніемъ *праздныхъ тунеядцевъ*, а напротивъ, людей народа, которые много любили и много страдали. Оставляя въ сторонѣ наше «доморощенное отрицаніе», мы не можемъ не подивиться подобному же мнѣнію, выраженному Гербертомъ Спенсеромъ въ его статьяхъ о воспитаніи. По его мнѣнію (которое, кстати сказать, противорѣчитъ его же взглядамъ, выраженнымъ въ другихъ мѣстахъ), искусства предназначены для тѣхъ минутъ, когда человѣкъ *отдыхаетъ*. Таково, по крайней мѣрѣ, то мѣсто, которое онъ отводитъ занятію изящными искусствами въ своей теоріи воспитанія. Извѣстно, что онъ раздѣляетъ всю массу знаній по группамъ, изъ которыхъ каждая должна соотвѣтствовать какой-нибудь потребности человѣка. Отъ того, какой сравнительно важной потребности удовлетворяетъ извѣстная отрасль знаній, зависитъ и ихъ относительное достоинство. Эта градація, по мнѣнію философа, слѣдующая: знанія, удовлетворяющія потребности самосохраненія, потребности добыванія средствъ къ жизни, потребности исполненія родительскихъ обязанностей, потребности регулированія соціальнаго и политическаго поведенія, и, наконецъ, наслажденія искусствами. «Разсмотрѣвъ, говоритъ онъ, какое воспитаніе больше всего подготовляетъ къ удовлетворенію этихъ важнѣйшихъ потребностей, мы должны разсмотрѣть, какое воспитаніе лучше всего подготовляетъ къ различнымъ предметамъ, *не входящимъ сюда:* къ наслажденію природой, литературой и изящными искусствами во всѣхъ ихъ формахъ». Далѣе онъ сравниваетъ изящныя искусства съ цвѣткомъ соціальной жизни, который во всякомъ случаѣ долженъ уступить мѣсто корнямъ и стволу, на которыхъ онъ выросъ. Наслаждаться можно уже тогда, когда первыя потребности удовлетворены: «Это есть дѣло досуга. Кто не имѣетъ досуга, тотъ не имѣетъ права наслаждаться». Если бы мы не знали, что эта теорія принадлежитъ Спенсеру, то мы думали бы, что она создана однимъ изъ учениковъ Мальтуса и написана для откупщиковъ, ростовщиковъ и биржевыхъ игроковъ. Кому же *наслаждаться* какъ не имъ, умѣющимъ беречь свое драгоцѣнное здоровье, прекрасно добывающимъ средства къ жизни, примѣрнымъ отцамъ семейства и отличнымъ гражданамъ соединеннаго королевства Великобританіи и... Ирландіи. Но у Спенсера, котораго сочиненія дышатъ любовью къ человѣку, это мнѣніе, очевидно, основано на нѣсколько односторонненемъ пониманіи человѣческаго благосостоянія. Онъ, очевидно, не вышелъ изъ сферы индивидуализма. Всѣ цѣли воспитанія устанавливаются имъ исключительно съ индивидуальной точки зрѣнія, и здѣсь онъ совершенно логиченъ. Дайте мнѣ прежде здоровье, потомъ общественное положеніе, потомъ женюсь, *предложу свои услуги* избирателямъ, сдѣлаюсь мировымъ судьей, членомъ парламента, шерифомъ, коронеромъ, и въ свободное отъ занятій время буду ходить въ оперу, поѣду въ Италію, буду играть на скрипкѣ. Гдѣ же общество и его великія цѣли? Гдѣ сила общественнаго

чувства? Такъ ли создаются граждане, настоящіе дѣятели на пользу общую? Вопервыхъ, выше всѣхъ индивидуальныхъ цѣлей стоитъ цѣль общая, выше индивидуальнаго совершенствованія — законы общественнаго прогресса. Имѣетъ ли градація, предложенная Спенсеромъ, такое значеніе въ этомъ послѣднемъ отношеніи — это еще вопросъ. Условія самосохраненія, умѣнье добывать средства къ жизни, исполненіе родительскихъ обязанностей только тогда могли бы стоять во главѣ этой іерархіи, если бы человѣкъ, котораго хочетъ воспитывать Спенсеръ, жилъ въ необитаемой степи. Можно подумать, что онъ писалъ инструкцію для новаго Робинзона. Общественность, здраво построенная, до такой степени облегчаетъ удовлетвореніе всѣхъ этихъ потребностей, что онѣ далеко не занимаютъ того верховнаго положенія, какое имъ даетъ авторъ. Между дикаремъ, живущимъ охотой и нуждающимся въ громадныхъ пространствахъ земли, и гражданами цивилизованнаго государства большая разница въ этомъ отношеніи. Общественная гигіена и медицинская полиція, сильное развитіе промышленности, возможность для каждаго отдаться какому-нибудь спеціальному занятію, установленіе общественнаго образованія, — все это значительно облегчаетъ достиженіе перваго разряда задачъ воспитанія. Превосходство соціальнаго строя передъ изолированнымъ положеніемъ человѣка заключается именно въ томъ, что соціальный строй даетъ ему возможность служить болѣе возвышеннымъ цѣлямъ, жить лучшею жизнью, чѣмъ кровопотливое добываніе копѣйки. Задача общества, основаннаго на христіанскомъ ученіи, состоитъ въ томъ, чтобы дать эту возможность наибольшему числу людей. Достигнуть этого, конечно, нельзя иначе, какъ при помощи сильнаго развитія матеріальнаго благосостоянія; но эта забота никакъ не можетъ составить постоянной, высшей задачи общества. Если теперь таково его направленіе, это не значитъ, что оно нормально; напротивъ, оно указываетъ на временную, переходную эпоху. Задача современнаго общества несравненно шире, чѣмъ задачи обществъ прежнихъ: слѣдовательно, шире и разнообразнѣе должны быть и средства. Древнее общество призывало къ умственной жизни только тѣсный кругъ гражданъ. Оно могло успокоиться на рабствѣ. Новое общество ведетъ всѣхъ членовъ одинаково къ политической и умственной жизни: у него нѣтъ рабства, оно осудило крѣпостное состояніе; оно построено на идеѣ личнаго труда, на томъ понятіи, что каждый долженъ трудиться за себя; понятно, что оно должно завоевать себѣ *средства* для осуществленія этой великой идеи. Но цѣль все-таки — нравственная и умственная жизнь, въ которой искусство занимаетъ такую видную роль. Самъ Спенсеръ называетъ его цвѣткомъ цивилизаціи. Это отчасти *) вѣрно. Но почему? Неужели

*) Говоримъ: отчасти, потому что умственная жизнь все-таки выше эстетической; послѣдняя служитъ частію только приготовленіемъ, частію суррогатомъ первой.

потому, что оно производитъ *волненія* всякаго рода? Неужели потому, что *смягчаетъ* нравы, какъ это говоритъ часто Спенсеръ? Нѣтъ, именно потому, что чрезъ *настоящее* искусство, *истинную* поэзію, человѣкъ начинаетъ отрѣшаться отъ своего чувственнаго, матеріальнаго *я*, что красота прокладываетъ дорогу истинѣ, что здѣсь начинается связь личности съ обществомъ, что здѣсь выясняются для него общія, великія задачи человѣчества, что здѣсь приготовляется онъ служить имъ. Но только приготовляется. Спенсеръ, сверхъ того, ошибается, опредѣляя отношеніе искусства къ жизни отношеніемъ цвѣтка къ растенію. Оно, пожалуй, вѣрно, если вспомнить, что за цвѣткомъ слѣдуетъ плодъ, что, слѣдовательно, послѣ искусства, какъ цвѣтка, долженъ быть какой-нибудь плодъ. Но Спенсеръ смотритъ на этотъ вопросъ съ точки зрѣнія именно любителя цвѣтковъ: для него цвѣтокъ послѣднее выраженіе жизни. Пусть такъ, не будемъ касаться его личныхъ вкусовъ; но дѣло въ томъ, что по отношенію къ искусству это исторически невѣрно. Искусство всегда и вездѣ служило только послѣднимъ выраженіемъ той эпохи, когда чувство было главнѣйшею способностію общества и служило непосредственною ступенью къ чисто-умственной жизни. Наконецъ, задача искусства съ соціальной точки зрѣнія вовсе не есть удовлетвореніе личныхъ вкусовъ, индивидуальное наслажденіе, щекотаніе страстей. Искусство, какъ соціальная сила, есть органъ великихъ идей, лежащихъ въ основѣ данной цивилизаціи, и оно сохраняетъ свое значеніе до тѣхъ поръ, пока служитъ ихъ провозвѣстникомъ; въ ту минуту, когда оно начинаетъ служить *досугамъ*, *праздношатающимся*, оно сходитъ съ пьедестала. Хотите ли знать, какая разница между такимъ искусствомъ и искусствомъ Спенсера? Объѣзжайте картинныя галлереи Европы и посмотрите, къ какой эпохѣ относятся лучшія картины, и всякій скажетъ вамъ, что къ той, когда искусство вмѣстѣ съ религіей были во главѣ общественнаго движенія.

Такое значеніе придаетъ искусству и Бюше. Блестящую эпоху искусства относитъ онъ именно къ періоду преобладанія чувства надъ всѣми другими способностями человѣка. За этою эпохой слѣдуетъ эпоха *науки*. Наука, какъ общественный элементъ, играетъ ту же роль, какъ размышленіе въ отдѣльномъ человѣкѣ. Но и форма и задачи этого *соціальнаго размышленія* выше того же явленія въ сферѣ индивидуальной. Оно имѣетъ въ виду не какой-нибудь отдѣльный актъ, не удовлетвореніе частной потребности, но достиженіе задачи, характеризующей цѣлую эпоху цивилизаціи. Чтобы выполнить эту задачу, наука должна анализировать всѣ понятія, входящія въ составъ этой цивилизаціи. Эпоха исключительнаго господства науки — эпоха безпокойная. Это періодъ теорій, гипотезъ, полемики, изслѣдованій. Всѣ начала извѣстной цивилизаціи провѣряются, подвергаются критикѣ. Ищутъ наилучшія общественныя формы, изучаютъ природу и стараются примѣнить ея законы къ общественному строю. Это время великихъ политическихъ дви-

женій, различныхъ попытокъ улучшенія, организаціи и законодательства. Въ теченіе этого научнаго періода мы видимъ борьбу и даже революціи, приводящія общество къ критическому направленію, которое должно господствовать до полнаго примѣненія началъ, возвѣщенныхъ органическимъ ученіемъ.

Этому полному осуществленію задачъ каждой цивилизаціи соотвѣтствуетъ особый періодъ — періодъ *практическихъ* стремленій и заботъ, направленныхъ къ наиболѣе полному примѣненію началъ, характеризующихъ эту цивилизацію. Въ теченіе этой третьей и послѣдней эпохи всѣ послѣдствія религіозно-нравственнаго ученія первой эпохи окончательно выражаются въ экономическихъ и политическихъ установленіяхъ. Христіанская цивилизація вступила въ этотъ періодъ послѣ французской революціи. Вотъ чѣмъ объясняется эта *гоньба за учрежденіями*, которая такъ не нравилась Конту. Конечно, многіе въ этомъ отношеніи, какъ мы указали выше, обращаютъ на форму больше вниманія, чѣмъ на содержаніе; но это не измѣняетъ сущности дѣла: начала, перевоспитавшія чувство и общественное сознаніе, требуютъ себѣ послѣдняго выраженія въ политическомъ и экономическомъ строѣ современной Европы.

Такъ, ходъ цивилизаціи или развитіе человѣчества переходитъ тѣ логическія ступени, какія представляетъ процессъ развитія идеи и ея примѣненія въ отдѣльномъ человѣкѣ. Вотъ почему каждую ступень, каждый періодъ, принадлежащій къ одной и той же цивилизаціи, Бюше называетъ *логическимъ періодомъ* или вѣрнѣе *возрастомъ*.

Изъ того, что въ каждомъ изъ этихъ возрастовъ преобладаетъ одинъ какой-нибудь элементъ, не слѣдуетъ, однако, чтобы въ другихъ они не имѣли значенія. Въ этомъ отношеніи Бюше рѣзко отличается отъ О. Конта, который цѣликомъ оставляетъ теологію въ теологическомъ періодѣ и т. д. У Бюше каждый возрастъ продолжаетъ дѣло своего предшественника, но характеръ ихъ измѣняется по мѣрѣ приближенія времени практическаго осуществленія цѣлей, установленныхъ религіозно-нравственнымъ ученіемъ, которое поэтому никогда не теряетъ своихъ правъ на верховное положеніе въ обществѣ. Осуществленіе и примѣненіе его началъ остается цѣлію всякой цивилизаціи даже въ то время, когда общество, повидимому, отказывается отъ него и считаетъ истины, которымъ оно служитъ, произведеніемъ своего собственнаго ума.

Далѣе, такимъ же образомъ органическій и критическій періодъ составляютъ одно цѣлое, ибо въ нихъ развивается одна и та же мысль, только различными путями. Даже самый переходъ органической эпохи въ критическую есть то же прогрессивное движеніе человѣчества, отъ котораго оно не можетъ уклониться ни на минуту. Въ первое время господства новаго ученія дѣло управленія, организаціи общества, слѣдовательно, его прогресса,

выпадаетъ на долю людей, наиболѣе проникнутыхъ религіозно-нравственнымъ чувствомъ. Мы видѣли, что въ теченіе этого времени общество посвящаетъ себя пропагандированію, установленію новой организаціи въ противоположность старой, отраженію всѣхъ противныхъ ему ученій, и въ этотъ періодъ, продолжающійся многія столѣтія, управляющіе и управляемые идутъ рука объ руку по пути прогресса. Такъ какъ это движеніе состоитъ въ служеніи идеямъ высшаго нравственнаго порядка, которымъ одинаково подчинены и народы и правительства, такъ какъ правительства стоятъ во главѣ этого движенія, то очень понятно, что прогрессъ совершается здѣсь a priori, то-есть, подъ господствомъ сильнаго систематическаго ученія, подчиняющаго себѣ всѣ общественныя силы.

Чрезъ нѣсколько времени правительства, по ученію Бюше, уклоняются отъ своего прогрессивнаго назначенія. Это уклоненіе можетъ зависѣть отъ различныхъ причинъ, но главнѣйшимъ образомъ оно оказывается тогда, когда общественные элементы перерастаютъ правительственную форму и требуютъ другой, при которой было бы возможно дальнѣйшее движеніе, между тѣмъ какъ правительства, въ силу обще-человѣческой логики, принимаютъ внѣшнее условіе, способствовавшее прогрессу, за самый прогрессъ, форму за содержаніе. Къ этому присоединяется и желаніе сохранить руководящую роль даже въ такихъ дѣлахъ, которыя временно были связаны съ задачами извѣстнаго правительства, но не соотвѣтствуютъ его прямому назначенію. Такъ папство считало свѣтскую власть, соединенную съ духовною въ рукахъ первосвященника, вслѣдствіе феодальной неурядицы, не только за постоянную задачу римскаго престола, но даже за главнѣйшій его атрибутъ, прерогативу; поэтому, начиная съ XIV столѣтія, папы, не замѣчая образованія самостоятельныхъ національностей, усиленія свѣтской власти, видѣли въ этомъ временныя, скоропреходящія попытки мятежа и стали систематически противодѣйствовать каждому прогрессивному движенію, совершавшемуся не въ той формѣ, къ какой издавна привыкло папство. Изъ общественной прогрессивной силы они постепенно сходили на степень индивидуально-консервативнаго явленія. То же самое было съ французскими королями, когда они, освободивъ низшіе классы, стали служить своимъ эгоистическимъ цѣлямъ.

Прогрессивное движеніе, однако, не останавливается, но принимаетъ другую форму и получаетъ другую исходную точку. Въ періодѣ органическомъ общество и правительство дѣйствовали подъ вліяніемъ непосредственныхъ велѣній религіозно-нравственнаго ученія; безотчетное служеніе имъ, подъ верховнымъ руководствомъ власти — вотъ задача такого періода. Въ такія времена слово первосвященника могло посылать сотни тысячъ на смерть въ Палестину. Но какъ только власть уклоняется отъ своей прогрессивной задачи, какъ только априористическія начала отождествляются съ ретроградными, а это бываетъ всегда, потому что общество, подобно правительству,

смѣшиваетъ форму съ содержаніемъ, напримѣръ, папство съ христіанствомъ,— исходною точкой, мотивомъ прогрессивнаго движенія становится личный, индивидуальный интересъ, частное недовольство тѣми или другими явленіями старой организаціи. Такъ, индивидуально-эгоистическое стремленіе въ одной сферѣ вызываетъ такое же направленіе въ другой. Отождествленіе формы съ началами въ обѣихъ сферахъ и задерживаніе развитія началъ во имя сохраненія формы въ одной сферѣ отзываются нападеніемъ на начала во имя разрушенія ненавистной формы. Есть и еще одно обстоятельство, на которое Бюше мало обратилъ вниманія, именно, что усиленіе эгоистическихъ стремленій въ обѣихъ сферахъ одинаково ведетъ къ подчиненію этихъ началъ органической эпохи индивидуальнымъ интересамъ, слѣдовательно, и тамъ, и здѣсь одинаково возводитъ разумъ на степень судіи всѣхъ принциповъ ученія. Папство, вступившее на ретроградную дорогу, заслонило смыслъ христіанскаго ученія цѣлою массой разныхъ толкованій и коментаріевъ, кипой схоластическихъ тонкостей, такъ что времена первыхъ реформаціонныхъ попытокъ, и особенно великой реформаціи, не знали непосредственно ученія христіанства; этимъ объясняется та энергія, съ которой они стремились возвозвратить себѣ похищенное у нихъ сокровище. Гуссъ, требовавшій чаши, Лютеръ—евангелія, хотѣли перешагнуть черезъ эту схоластическую пропасть, отдѣлявшую ихъ отъ «Источника живой воды». Вотъ почему православіе свѣжо и сильно до сихъ поръ; оно всѣмъ даетъ пить изъ этого источника истины и правды и не убиваетъ вѣры бездушнымъ силлогизмомъ. Итакъ, реформація была попыткой нравственнаго возрожденія общества чрезъ возвращеніе къ первобытной простотѣ ученія. Но понятно, что результаты далеко не соотвѣтствовали намѣренію. Личный интересъ, индивидуальная критика, ставшіе точкою отправленія, отразились на этихъ результатахъ. Общество, проникнутое этими мотивами, стремилось преимущественно къ практическимъ цѣлямъ: все дѣйствительно отвлеченное было ему уже не по силамъ. Вслѣдствіе этого догматическая сторона ученія была уже слабѣе въ протестантствѣ, чѣмъ въ католицизмѣ. Это, какъ думаетъ Бюше, происходило не отъ того, что въ протестантствѣ началось отрицаніе догматовъ; напротивъ, оно стремилось возсоздать ихъ въ первобытной чистотѣ, но не могло оно, будучи само порожденіемъ схоластики и индивидуально-критическаго духа, вызванное индивидуально-ретрограднымъ направленіемъ римскаго престола, выполнить это дѣло. Его работа осуществилась только по отношенію, къ *нравственному ученію*, какъ практическому выраженію догматовъ, которые сильно видоизмѣнились. Таковы, по мнѣнію Бюше, результаты всякаго практическаго движенія при самомъ его началѣ; вотъ почему во всякой цивилизаціи онъ видитъ свои *протестантизмы* и даже прямо называетъ ихъ этимъ именемъ, прославленнымъ великою эпохой германской реформаціи. Они состоятъ въ видоизмѣненіи религіозныхъ формулъ и сохраняютъ въ

полнотѣ только нравственную сторону ученія. Отсюда моральный ригоризмъ протестантскихъ церквей. Но дѣло отрицанія, начавшееся съ критики догмы, на этомъ не останавливается. Оно продолжаетъ свое дѣло, которое состоитъ въ томъ, что нравственное ученіе постепенно освобождается отъ высшей санкціи догматовъ и вслѣдствіе этого теряетъ свою общность и возвышенность, ограничиваясь сферою формальныхъ человѣческихъ отношеній. Наконецъ, философское систематическое отрицаніе догматовъ окончательно отдѣляетъ нравственное ученіе отъ религіознаго и стремится дать имъ чисто-научную основу. Это послѣдняя ступень каждой цивилизаціи, не пришедшей еще въ упадокъ. Такимъ образомъ, ни протестантство, ни философія не создаютъ въ дѣлѣ нравственнаго ученія ничего новаго: они имѣютъ смыслъ и жизнь только до тѣхъ поръ, пока они завѣдомо или невольно сохраняютъ связь съ великимъ ученіемъ органическаго періода. Внѣ его они не имѣютъ смысла. Бываютъ времена, когда нравственность, въ смыслѣ общаго ученія, утрачиваетъ свое значеніе не только какъ прогрессивная общественная сила, но и какъ совокупность правилъ индивидуальной дѣятельности. Это бываетъ тогда, когда всѣ учрежденія, всѣ реформы, всѣ улучшенія, предвозвѣщенныя ею, уже осуществились. Въ такомъ состояніи она можетъ еще служить началомъ охранительнымъ, но не прогрессивнымъ. Таково было состояніе нравственнаго ученія древности во времена Цицерона. Когда общество дошло до этого предѣла, оно готово уступить мѣсто высшей цивилизаціи, которая откроется высшимъ религіозно-нравственнымъ ученіемъ.

Таковы законы, управляющіе, по мнѣнію Бюше, прогрессивнымъ движеніемъ человѣчества; таково его ученіе о прогрессѣ вообще. Оно состоитъ въ связи со всѣми ученіями, которыя можно назвать теоріями *органическаго развитія*, тѣми системами, для которыхъ столько сдѣлали Контъ и Спенсеръ въ сферѣ соціальныхъ наукъ. Эта теорія научаетъ насъ въ прошедшемъ любить настоящее, въ настоящемъ будущее, въ будущемъ всю сумму идей, управляющихъ нашею цивилизаціей. У такой науки нѣтъ слова сужденія ни прошедшему за то, что оно не было настоящимъ, ни настоящему за то, что оно еще не будущее. Скромное изученіе законовъ развитія, подчиненіе имъ— вотъ ея задача, вотъ прямой результатъ этой теоріи. Къ ней можно примѣнить слова Тиндаля объ индуктивномъ изслѣдованіи, приведенныя Спенсеромъ. Такая наука «требуетъ терпѣливаго прилежанія и *смиреннаго, сознательнаго* принятія откровеній природы. Первое условіе успѣха есть *честная* воспріимчивость и готовность оставить всѣ предвзятыя понятія, противорѣчащія истинѣ, какъ бы дороги они ни были. Повѣрьте мнѣ, въ частныхъ изслѣдованіяхъ истиннаго служителя науки нерѣдко высказывается такое благородное самоотреченіе, о которомъ свѣтъ понятія не имѣетъ».

Но, сходясь въ практическихъ результатахъ, эти теоріи все еще представляютъ лишь разрозненныя части великаго цѣлаго, которое создастъ изъ нихъ

будущее. Теорія Спенсера рѣзко отличается отъ ученія Бюше и Конта, а обѣ послѣднія теоріи представляютъ много несходнаго между собою. Теорія Спенсера, безъ сомнѣнія, есть одна изъ удачнѣйшихъ попытокъ приложить къ соціологіи выводы естествознанія. Она даетъ теоріи прогресса новую научную поддержку. Но исчерпываетъ ли она все содержаніе этого ученія— это еще вопросъ. Сколько намъ кажется, соотношеніе между организаціей и разрушеніемъ не установлено Спенсеромъ достаточно полно и противорѣчитъ историческимъ фактамъ. Читатели, знакомые съ трудами Спенсера, припомнятъ, что главнымъ условіемъ прогресса онъ выставляетъ переходъ отъ однороднаго къ разнородному, отъ простаго къ сложному. Эту мысль онъ приводитъ по всѣмъ отраслямъ человѣческой дѣятельности, указывая ея осуществленіе въ прогрессѣ политическихъ учрежденій, въ музыкѣ, поэзіи, наукѣ и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что эта теорія въ общихъ чертахъ вѣрна и съ дальнѣйшимъ развитіемъ знаній подтвердится большимъ количествомъ фактовъ. Но что эти условія далеко не единственныя, это ясно даже теперь и также подтвердится съ дальнѣйшими успѣхами историческихъ наукъ. Если принять вполнѣ теорію Спенсера, то выйдетъ, что разрушеніе и организація происходили одновременно, что разрушеніе было усложненіемъ прежняго однообразнаго строенія, прежнихъ простыхъ формъ, что выдѣлявшіеся элементы тотчасъ принимали соотвѣтствующую имъ организацію, при чемъ они имѣютъ даже больше стройности, и самый организмъ получаетъ больше единства и системы. Предшествующее дифференцированіе и послѣдующее слитіе частей — вотъ этотъ законъ, данный зоологіей, сравнительною анатоміей и физіологіей. Соціальный организмъ не знаетъ, слѣдовательно, эпохъ, отличающихся разрушительнымъ направленіемъ. Происхожденіе одного изъ другаго непрерывнымъ дифференцированіемъ и интегрированіемъ частей — непрерывная организація, непрерывное разрушеніе — вотъ теорія Спенсера. Это сосуществованіе и одновременное развитіе критическаго и органическаго элементовъ въ обществѣ вѣрно на столько, на сколько вообще вѣрно положеніе, что въ одномъ періодѣ человѣческаго развитія нѣтъ и не можетъ быть ничего такого, чего бы не было, хотя въ зародышѣ, in posse, въ періодѣ предыдущемъ. Но подобное сосуществованіе элементовъ не исключаетъ возможности и даже необходимости послѣдовательнаго преобладанія каждаго изъ нихъ. Мы видѣли, какъ по теоріи Бюше, подтверждаемой всѣми историческими фактами, были періоды, знавшіе преобладающее вліяніе чувства, затѣмъ научно-критическихъ стремленій, и наконецъ, стремленій практическихъ. Тѣ же самые исторические факты подтверждаютъ существованіе эпохъ, гдѣ преобладало какое-нибудь органическое строеніе, и періодовъ, отличавшихся господствомъ разрушительныхъ стремленій. «Вслѣдствіе необходимости, столь же очевидной, сколько и печальной,—говоритъ О. Контъ,—необходимости, присущей нашей слабой природѣ, переходъ отъ одной соціальной системы

къ другой не можетъ совершаться непосредственно и непрерывно. Переходъ этотъ предполагаетъ, что, по крайней мѣрѣ, нѣсколько поколѣній переживутъ періодъ междуцарствія болѣе или менѣе анархическаго, котораго характеръ и продолжительность зависятъ отъ объема и трудности задачъ новой организаціи. Въ такія времена весь прогрессъ сводится на постепенное разрушеніе стараго, уже потрясеннаго въ своихъ существенныхъ основаніяхъ, зданія». Мы не знаемъ, до какой степени теорія непрерывнаго развитія, выставленная Спенсеромъ, согласуется съ выводами естественныхъ наукъ; но съ точки зрѣнія наукъ историческихъ начала Конта и Бюше кажутся намъ болѣе состоятельными.

Не менѣе отличаются выводы Бюше и отъ теоріи Конта. По мнѣнію послѣдняго, органическое ученіе каждой новой эпохи заключаетъ въ себѣ тѣ элементы, которые послужили къ разрушенію стараго порядка, и дѣйствительно прочная организація новаго зависитъ отъ возможно полнаго разрушенія стараго. Такъ, осуществленіе началъ позитивизма требуетъ полнаго уничтоженія теологическихъ преданій и метафизическихъ пріемовъ. Положительнымъ въ каждомъ періодѣ становится только то, что было отрицаніемъ, элементомъ разрушительнымъ въ старомъ. Сколько намъ кажется, это невѣрно даже по отношенію къ отдѣльнымъ цивилизаціямъ. Даже между такими противоположными цивилизаціями, какъ христіанская и древняя, есть необходимая органическая связь, не только въ томъ смыслѣ, что одна вышла изъ другой, но и въ томъ, что многія *положительныя, органическія начала одной остались такими же положительными, органическими началами другой*. Тѣмъ менѣе возможно допустить это въ отношеніи къ различнымъ періодамъ одной и той же цивилизаціи. Въ ней положительныя начала остаются неизмѣненными уже потому, что одинъ періодъ не въ состояніи исчерпать собою всего ихъ содержанія. Ученіе Бюше устанавливаетъ болѣе общую связь между всѣми элементами цивилизаціи, даетъ имъ больше стройности, болѣе выясняетъ ихъ общую цѣль. Нечего и говорить, что оно больше скрѣпляетъ связь между положительною наукой и религіей данной цивилизаціи, слѣдовательно, вноситъ въ цивилизацію больше жизненныхъ началъ, ибо религія и наука суть самая жизнь. Оно, слѣдовательно, ближе къ тому идеалу науки, который такъ прекрасно опредѣленъ Спенсеромъ въ его опытахъ о воспитаніи и который такъ мѣтко выраженъ въ словахъ Гексли, приведенныхъ тѣмъ же авторомъ. Вотъ эти слова: «Истинная наука и истинная религія близнецы, и разлученіе ихъ непремѣнно поведетъ къ смерти обоихъ. Наука процвѣтаетъ именно пропорціонально ея религіозности, а религія процвѣтаетъ именно пропорціонально научной ея глубинѣ и твердости ея основъ. Великія дѣянія философовъ были плодомъ не столько ихъ ума, сколько направленія, приданнаго этому уму существенно религіознымъ

томъ мысли. Истина поддалась больше ихъ терпѣнію, любви, добродушію, самоотверженности, чѣмъ тонкости ихъ логики».

Въ чемъ же должны состоять начала этой новой, положительной науки объ обществѣ и государствѣ, на основаніи всѣхъ предыдущихъ соображеній?

Прежде всего необходимо отказаться отъ нѣкоторыхъ основныхъ положеній, оставленныхъ древностью новой политической наукѣ. Изъ предыдущаго изложенія можно уже предвидѣть, какія это положенія. Мы должны оставить предположеніе, что родъ человѣческій осужденъ на вѣчное круговращеніе въ сферѣ однихъ и тѣхъ же явленій. Его назначеніе, напротивъ, вѣчное движеніе впередъ, и мы называемъ зломъ все, что въ данную минуту останавливаетъ или отклоняетъ его отъ этого пути. Древніе, далѣе, допускали неподвижность формъ, неподвижность даже извѣстныхъ породъ. На этомъ основаніи они, вопервыхъ, дробили человѣчество на столько совершенно отдѣльныхъ тѣлъ, сколько было политическихъ обществъ; каждое государство являлось у нихъ совершенно изолированнымъ цѣлымъ во все время отъ своего зарожденія до разрушенія; они допускали существованіе натуръ, предназначенныхъ къ свободѣ и цивилизаціи, къ варварству и даже къ рабству; всѣ временныя различія они возводили въ принципъ, освящали всѣ индивидуализаціи, называемыя теперь ихъ учениками породами, расами. Бюше, напротивъ, утверждаетъ, что родъ человѣческій составляетъ одно цѣлое, котораго части связаны солидарностію. Отдѣльныя политическія общества суть только органы человѣчества. Что касается до различій, замѣчаемыхъ между ними, то причина ихъ заключается въ относительномъ положеніи этихъ обществъ на общемъ имъ всѣмъ пути прогресса, — положеніи, которое зависитъ или отъ историческихъ, или отъ физическихъ условій, вліяніе которыхъ должно смягчиться съ успѣхами цивилизаціи. Аристотель говоритъ, что въ политическомъ обществѣ форма правленія все; для новой науки эта форма только средство достигнуть цѣли, составляющей обязанность продолжать прогрессивное движеніе общества. Аристотель доказываетъ, что форма правленія есть выраженіе нравственныхъ качествъ гражданъ: отсюда вышла гнусная теорія, что каждый народъ имѣетъ только то, что онъ заслуживаетъ — фраза, которую можетъ сказать или презрѣніе къ человѣчеству или временное отчаяніе. Здравая наука утверждаетъ, что первая задача правительства есть постепенное воспитаніе гражданъ къ лучшей политической формѣ.

Ясно, что здѣсь придется разрушить много установившихся теорій. Ясно, что для солиднаго доказательства вѣрности всѣхъ положеній, высказанныхъ Бюше въ разныхъ его сочиненіяхъ, въ приложеніи къ соціальнымъ вопросамъ, нужно еще много спеціальныхъ аргументовъ, глубокій анализъ всѣхъ соці-

альныхъ и государственныхъ явленій. Для такой науки недостаточно одной теоріи прогресса. Во первыхъ, въ обществѣ, какъ организмѣ, не всѣ установленія должны быть предназначены для служенія прогрессу, подобно тому какъ въ организмѣ отдѣльнаго человѣка не всѣ органы предназначены для движенія. Есть институты, на которыхъ этотъ прогрессъ долженъ отражаться, которые лучше всего могутъ служить мѣриломъ степени общественнаго развитія, но которые сами по себѣ не могутъ и не должны играть руководящей роли въ прогрессивномъ движеніи, такъ какъ ихъ задача охранительная, какъ напримѣръ, семья, собственность, судъ. Во вторыхъ, если общество движется, то куда оно движется, и какъ выслѣдить это направленіе, и какъ овладѣть этимъ стремленіемъ, чтобы довести его до желанной цѣли?

Другими словами: какъ складывается общество, при какихъ условіяхъ оно движется впередъ, въ чемъ состоитъ это движеніе, кто является его руководителемъ, при какихъ условіяхъ руководитель можетъ выполнить свою задачу?

IV.

До сихъ поръ мы послушно слѣдовали за положеніями Бюше; теперь намъ предстоитъ критическій разборъ его выводовъ и приложеніе его началъ къ общественно-государственной наукѣ. Его гипотезы изложены въ возможно полной теоріи; необходимо провѣрить ихъ на указаніяхъ науки и жизни.

Одинъ изъ такихъ необходимыхъ выводовъ его теоріи, — выводовъ капитальныхъ, характеризующихъ все его политическое ученіе, — заключается въ томъ, что онъ представляетъ намъ всѣ общественные элементы, со включеніемъ государства, какъ одно цѣлое, въ которомъ всѣ они отправляютъ извѣстныя функціи въ отношеніи обще-прогрессивныхъ задачъ общества. Нѣтъ противоположенія и даже разницы между государствомъ и обществомъ въ отношеніи политической жизни послѣдняго. Выводъ этотъ въ сущности не новъ, по крайней мѣрѣ, съ формальной точки зрѣнія. Древность также не различала этихъ двухъ понятій, и это далеко не ставится ей въ заслугу. Отождествляя общество и государство, она не знала общественныхъ интересовъ независимо отъ государственныхъ; все, что не было необходимо съ государственной точки зрѣнія, или отвергалось, или видоизмѣнялось сообразно потребностямъ государства. Все должно было носить на себѣ государственный отпечатокъ, начиная съ важнѣйшихъ актовъ власти и кончая ничтожными дѣйствіями частныхъ лицъ. Отсюда полное подчиненіе всѣхъ сферъ частной и общественной дѣятельности государственной регламентаціи, то-есть, совершенное отсутствіе гражданской и общественной свободы при сильномъ развитіи свободы политической. Далѣе, соціализмъ также не отсталъ отъ древности въ этомъ отношеніи. Въ древности, государство, по-

глотившее общество, отливало гражданъ въ ту или другую форму. Въ ученіи соціалистовъ общество, замѣнившее государство, занимается тѣмъ же пересозданіемъ людей по своему усмотрѣнію. Свобода совѣсти, экономическихъ отношеній, мысли, все, изъ-за чего человѣчество пролило столько крови, должно, повидимому, погибнуть безвозвратно. Разграниченіе двухъ понятій — общества и государства — составляетъ, быть можетъ, одну изъ важнѣйшихъ заслугъ новой политической науки. Выясненіе идеи общества, съ его свободно устанавливающимися цѣлями, съ добровольнымъ и свободнымъ отношеніемъ его членовъ, выясненіе покровительственной и охранительной роли государства — все это необходимыя условія дальнѣйшаго успѣха политическихъ наукъ. Но разграниченіе не тождественно съ раздѣленіемъ, а тѣмъ болѣе съ противоположеніемъ понятій. Разграниченіе ведетъ къ лучшему выясненію понятій, за которымъ раздѣленіе не слѣдуетъ необходимо, какъ слѣдствіе за причиной. Въ большей части случаевъ наука, выводя понятія изъ смѣшенія, успѣваетъ соединить ихъ въ другомъ высшемъ понятіи, гдѣ каждое изъ нихъ играетъ дѣйствительно соотвѣтствующую ему роль. Вотъ почему вопросъ о соціальномъ развитіи много проигралъ бы при совершенномъ раздѣленіи общества и государства и особенно при ихъ противоположеніи. Только изслѣдованіе всѣхъ условій и элементовъ развитія во всей ихъ совокупности можетъ привести къ сколько-нибудь прочнымъ выводамъ. Оставить въ сторонѣ какой-нибудь изъ этихъ существенныхъ элементовъ, а тѣмъ болѣе признать руководящую роль только за однимъ изъ нихъ, значитъ — лишить себя возможности взвѣсить всѣ факты, входящіе въ составъ цивилизаціи даннаго народа. Миль, въ своей логикѣ, уже указываетъ на вредъ такихъ пріемовъ при изученіи государственныхъ и общественныхъ вопросовъ. «Только тѣ части соціальныхъ явленій», говоритъ онъ, «могутъ быть съ выгодой обращены, даже временно, въ предметы особыхъ отраслей науки, въ которыя разница въ характерѣ между различными народами или различными вѣками входитъ только какъ второстепенная дѣйствующая причина. Напротивъ, тѣ явленія, къ которымъ на каждомъ шагу примѣшиваются вліянія этнологическаго состоянія народа (такъ что связь причинъ и дѣйствій не можетъ быть указана даже грубымъ образомъ, если не принимать въ соображеніе этихъ явленій), не могутъ быть съ выгодою или даже безъ большой невыгоды разсматриваемы независимо отъ политической этнологіи, и слѣдовательно, отъ всѣхъ обстоятельствъ, имѣющихъ вліяніе на качества народа. По этой причинѣ, между прочимъ, не можетъ быть *особой науки о правительствѣ* *), такъ какъ правительство есть фактъ, который больше всѣхъ другихъ, и какъ причина, и какъ дѣйствіе,

*) Обстоятельство, которое не мѣшало бы знать *Іосифу Гельду*, автору соч. Staat und Gesellschaft.

связанъ съ качествами даннаго отдѣльнаго народа или даннаго вѣка. Всѣ вопросы, относящіеся къ различнымъ формамъ правительства, должны составлять часть общей науки объ обществѣ, а не отдѣльной ея вѣтви».

Къ сожалѣнію, политическія науки еще далеки отъ такой цѣльности воззрѣнія на общественные факты. Не говоря уже о тѣхъ, которые остановились на метафизическихъ воззрѣніяхъ, отъ этого недостатка несвободны даже писатели, умѣющіе слѣдить за успѣхами соціальной науки. Раздѣленіе, или, лучше, противоположеніе идей общества и государства ведетъ къ полному пренебреженію общественной науки государствовѣдами и наоборотъ. И тамъ, и здѣсь стараются прежде всего показать подчиненное положеніе одной формы относительно другой. Защитники правительственной силы уменьшаютъ значеніе общества до крайнихъ предѣловъ: не только полное устраненіе его отъ политической дѣятельности, не только подчиненіе малѣйшихъ проявленій мысли и чувства строгимъ карательнымъ мѣрамъ, но и первенствующая роль власти даже въ такихъ сферахъ, гдѣ частная предпріимчивость есть главное условіе прогресса — вотъ результатъ ихъ взглядовъ. Въ противоположность имъ, защитники индивидуально-общественнаго развитія старались ослабить значеніе правительства. Опредѣляя общество какъ собраніе отдѣльныхъ личностей (опредѣленіе, по мѣткому замѣчанію Dupon и White'a, болѣе идущее къ караванъ-сераю, Баденъ-Бадену или Гомбургу, чѣмъ къ обществу), они давали государству только охранительную роль среди разнообразнаго движенія индивидуальныхъ силъ. Не говоря уже о томъ, что они желали бы изгнать его изъ сферы чисто-экономическихъ отношеній, гдѣ всякое правительственное вмѣшательство, то-есть, всякій порядокъ, по ихъ мнѣнію, вредны; не говоря о томъ, что согласно съ ихъ воззрѣніями, масса задачъ, находящихся въ настоящее время въ рукахъ правительства, должна перейдти въ руки общества, даже сфера непосредственнаго дѣйствія правительственныхъ органовъ должна была бы ограничиться лишь самыми важными вопросами.

Строгая политико-юридическая наука не могла остановиться на этихъ двухъ крайностяхъ. Указывать государству слишкомъ узкую задачу значитъ не признавать одного изъ существенныхъ условій соціальнаго развитія; чрезмѣрно преувеличивать его значеніе, вмѣнять ему въ обязанность удовлетвореніе всѣхъ соціальныхъ потребностей, значитъ требовать отъ государства невозможнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожать всякую нравственную свободу и всѣ условія прогресса. Исходъ изъ этой дилеммы понятенъ. Должно признавать государство за отдѣльный, самостоятельный организмъ, — организмъ, отрѣшенный отъ всѣхъ индивидуально-общественныхъ элементовъ,— что даетъ ему возможность дѣйствовать независимо отъ эгоистическихъ, противоположныхъ интересовъ. Но, съ другой стороны, не слѣдуетъ приписывать этому организму цѣли, отдѣльной отъ индивидуально-общественныхъ

сферъ, что неминуемо повлекло бы закрѣпощеніе всего общества на служеніе этой одной цѣли, а это закрѣпощеніе скоро исчерпало бы всѣ его жизненные элементы. Цѣль государства — *общественное* развитіе, то-есть, не одна цѣль, а осуществленіе безконечнаго разнообразія цѣлей. Оно должно доставлять возможность для достиженія всѣхъ цѣлей, присущихъ природѣ каждаго отдѣльнаго человѣка и каждаго общественнаго организма. Оно не только должно охранять сферу дѣятельности каждаго отъ посторонняго вмѣшательства, но и положительными мѣрами поощрять всестороннее развитіе лица и общества. Безъ сомнѣнія, это содѣйствіе должно простираться лишь на столько, на сколько возможно осуществленіе общественныхъ цѣлей путемъ принужденія и силы, которой государство есть представитель. Охраняя и поощряя равномѣрное развитіе всѣхъ гражданъ, оно является представителемъ права и вооруженно-принудительной силы. Различныя стремленія общественныхъ элементовъ оно сводитъ къ одному знаменателю для поддержанія гармоніи и единства въ обществѣ. Отношеніе государства и общества есть отношеніе единства къ разнообразію, принужденія къ свободѣ. Отдѣльные общественные организмы, устанавливаясь для достиженія одной какой-либо цѣли, служа непосредственнымъ продолженіемъ индивидуальной жизни, представляютъ широкій просторъ для эгоистическихъ стремленій; напротивъ, государство имѣетъ въ виду осуществленіе всѣхъ цѣлей и достиженіе этихъ цѣлей всѣми людьми. Вотъ почему оно составляетъ организмъ, отвлекшійся отъ семейнаго, церковнаго и экономическаго порядка въ ихъ разнообразныхъ проявленіяхъ, что и дастъ ему возможность сводить къ одному цѣлому всѣ ихъ противоположныя стремленія *).

Нельзя не признать важныхъ услугъ, оказанныхъ государственной и общественной наукѣ трудами послѣдователей органическаго ученія. Нельзя даже не пожалѣть, что Бюше такъ мало знакомъ съ изслѣдованіями нѣмецкихъ государствовѣдовъ. Многое изъ того, что онъ говоритъ, высказано ими лучше и подкрѣплено сильнѣйшими научными доводами. Ученіе нѣмецкихъ государствовѣдовъ составляетъ необходимый переходъ къ ученію о *прогрессивномъ государствѣ*, не совсѣмъ понятному безъ помощи ихъ сочиненій. Преемственность въ наукѣ, особенно такой жизненной, какъ соціологія, необходима также какъ въ самой жизни. Это — необходимое условіе того же прогресса, который такъ ярко выступаетъ въ ученіи Бюше; но и независимо отъ этого труды нѣмецкой школы представляютъ многія важныя заслуги. Они сдѣлали невозможнымъ дальнѣйшее существованіе договорныхъ и контрактныхъ теорій о происхожденіи государства, которое у нихъ является

*) Относительно всего изложеннаго здѣсь см. *Ahrens* — Cours du droit naturel и Organische Staatslehre, *Mohl* — Gesch. und Lit. der Staatswiss. и Encyclop. der Staatswiss., *Lorenz Stein* — Gesellschaftslehre. и Verwaltungslehre, *Treitschke* и другихъ.

необходимымъ историческимъ продуктомъ постепеннаго развитія формъ человѣческаго общежитія. Государство, по ученію нѣмецкой школы, послѣдній и важнѣйшій фактъ, устанавливающій правовыя отношенія между людьми. Оно даетъ дѣйствительную юридическую жизнь не только крупнѣйшимъ организмамъ общества, но и самымъ незамѣтнымъ его сочленамъ. Это сочетаніе принудительной силы, представляемой государствомъ, и свободы, представляемой обществомъ, обусловливаетъ осуществленіе идеи блага и всесторонняго развитія всѣхъ нравственныхъ и матеріальныхъ силъ общества. Далѣе, это ученіе оказало двойную услугу самимъ идеямъ общества и государства. Выдѣляя понятіе общества изъ понятія государства съ его *необходимо* разнообразными цѣлями, слѣдовательно, необходимо свободнымъ ихъ осуществленіемъ, оно вноситъ идею свободы туда, гдѣ по смыслу теорій, построенныхъ по системѣ Платона и Аристотеля, царствовали регламентація и принужденіе. Установленіе въ наукѣ идей свободы труда, религіи, мысли—таковы результаты этого ученія. Затѣмъ идея государственной власти, съ строгимъ разграниченіемъ ея отъ другихъ общественныхъ элементовъ, съ отрѣшеніемъ ея отъ всѣхъ односторонникъ эгоистическихъ цѣлей, получаетъ то высокое значеніе, въ силу котораго она дѣлается истинною посредницей въ непрестанной борьбѣ общественныхъ организмовъ, не даетъ имъ исчерпаться и парализировать другъ друга, сохраняетъ здоровыя силы общества и передаетъ дѣло общественнаго развитія изъ поколѣнія въ поколѣніе. Это послѣднее обстоятельство ставитъ уже послѣдователей органическаго ученія на рубежѣ истинно-соціальной науки; именно, ученіе это даетъ уже возможность установить идею прогресса вмѣсто понятія о простомъ совершенствованіи, но только возможность: самаго понятія оно не устанавливаетъ.

При установленіи идеи прогресса начинается цѣлый рядъ недостатковъ, которыхъ нельзя не усмотрѣть въ современномъ органическомъ ученіи о о государствѣ. Мы разсмотрѣли выгоды, проистекающія отъ надлежащаго разграниченія двухъ понятій: общества и государства. Но мы замѣтили также, что одно ихъ разграниченіе безъ послѣдующаго ихъ соединенія *въ новомъ, высшемъ понятіи* *), если не поведетъ къ совершенному раздѣленію и даже противоположенію, то, по крайней мѣрѣ, лишитъ возможности опредѣлить родъ и дѣятельность каждаго изъ выдѣленныхъ факторовъ въ общемъ соціальномъ строѣ. Устраняя многіе изъ недостатковъ школы индивидуалистовъ и древней политической науки, органическое ученіе, или, иначе, ученіе

*) Мы указывали выше на необходимость такого высшаго понятія, какъ на единственное средство объединить понятія: общество и государство. Необходимость же соединенія этихъ понятій, необходимость установленія общихъ цѣлей для образованія общественныхъ организмовъ указана и Молемъ, и Трейчке. Но все-таки въ ученіи ихъ существуютъ только два понятія, выдѣленныя, но не соединенныя: общество и государство.

нѣмецкихъ государствовѣдовъ, въ то же время сохраняетъ нѣкоторыя ихъ основныя положенія, къ явному вреду для собственной ихъ теоріи. Во-первыхъ, признавая нѣкоторыя прогрессивныя задачи за государствомъ и въ то же время дѣлая его представителемъ принужденія и силы, послѣдователи органическаго ученія и необходимости видятъ главный двигатель прогресса въ личной иниціативѣ, ищутъ его въ той сферѣ, гдѣ *разнообразіе и свобода* являются главными условіями всякой дѣятельности, то-есть, главнымъ образомъ въ обществѣ, взятомъ отдѣльно отъ государства. Разумѣется, подобный выводъ не въ силахъ устранить ученіе индивидуалистовъ, что личность и ассоціація есть главное орудіе прогресса, а государство — главный представитель охранительныхъ началъ, и что, слѣдовательно, всякій прогрессъ будетъ большею частью побѣдой общества надъ правительствомъ, что, наконецъ, истинно-развитое общество дойдетъ до фактическаго упраздненія всякаго правительства. Между тѣмъ несостоятельность этой теоріи очевидна каждому, кто сколько-нибудь знакомъ съ историческими фактами и истинною теоріей прогресса. Несомнѣнно, что главное условіе прогресса состоитъ въ передачѣ общихъ результатовъ экономической и умственной жизни одного поколѣнія другому, слѣдующему за предыдущимъ. Естественно, что такая роль принадлежитъ организму, которому принадлежитъ сведеніе всѣхъ этихъ результатовъ въ одно цѣлое и который постоянно занимаетъ одно и то же положеніе въ обществѣ, не смотря на частую смѣну всѣхъ другихъ общественныхъ организмовъ, то-есть, именно государству. Частное лицо и даже общественный организмъ можетъ передать лишь результаты, добытые при достиженіи одной цѣли, и часто съ одной лишь точки зрѣнія. Индивидуалисты могутъ замѣтить, что изъ совокупности частныхъ цѣлей и составляется цѣль общественная, подобно тому какъ изъ отдѣльныхъ лицъ составляется общество. Но первое положеніе такъ же не вѣрно, какъ и послѣднее. Если бы всѣ индивидуально-общественныя цѣли передавались изъ одной эпохи въ другую, съ большимъ лишь ихъ развитіемъ, тогда мы не замѣчали бы существенной разницы не только между наиболѣе крупными эпохами одной и той же цивилизаціи, но и между законченными цивилизаціями. Исторія доказываетъ, что не всѣ цѣли и соотвѣтствующіе имъ общественные организмы переходятъ не только изъ цивилизаціи въ цивилизацію, но и изъ эпохи въ эпоху. Только результаты совокупной дѣятельности одной эпохи, годные для такой же совокупной дѣятельности другой эпохи, способны къ передачѣ и дальнѣйшему развитію. Слѣдовательно, только объединяющая дѣятельность государства, сводя къ одному знаменателю результаты эпохи, выдѣляя устарѣвшее, исчерпанное отъ свѣжаго, неисчерпаннаго, способна къ такой работѣ. Самые сильные общественные организмы могутъ отжить, не исчерпавъ задачъ данной цивилизаціи. Напримѣръ, римско-католическая церковь представляетъ всѣ признаки такого разложенія, а между тѣмъ задачи христіанства далеко не ис-

черпаны, и осуществленіе ихъ составляетъ одну изъ главнѣйшихъ обязанностей всѣхъ правительствъ. Государство хранитъ въ чистотѣ общія начала данной цивилизаціи, которыя въ личности потемняются и сбиваются, или, по меньшей мѣрѣ, задерживаются эгоизмомъ или неспособностію лица или группы. Итакъ, даже опредѣляя государство только какъ охранительный элементъ, мы не можемъ отказать ему въ великой прогрессивной роли, ибо только черезъ его посредство совершается переходъ изъ одного статическаго состоянія въ другое. Но и въ общественной динамикѣ сильно чувствуется самостоятельная дѣятельность этого организма. Мы уже видѣли, что общество не есть простое продолженіе индивидуальной жизни; точно также права представителя общества—государства—не есть простая совокупность, сумма отдѣльныхъ правъ, какъ его воля не есть воля всѣхъ и каждаго. Въ противномъ случаѣ оно представляло бы только сумму эгоистическихъ интересовъ, освящало бы всѣ печальные результаты антагонизма и своекорыстія отдѣльныхъ его членовъ. Значеніе государства оказывается не столько тамъ, гдѣ оно является представителемъ правъ, сколько тамъ, гдѣ оно дѣйствуетъ во имя обязанностей, возложенныхъ на человѣчество закономъ нравственнымъ. Это — важный признакъ, наиболѣе характеризующій прогрессивное значеніе государства. Въ самомъ дѣлѣ, разсматривая государственный союзъ только съ точки зрѣнія личнаго интереса, нельзя не придти къ заключенію, что въ дѣлѣ прогресса государство составляетъ лишь незамѣтное дополненіе частныхъ усилій, такъ какъ личный интересъ всегда лучше можетъ взвѣсить свои возможныя выгоды. Дѣятельность государства въ этомъ отношеніи начинается тамъ, гдѣ кончается или недостаточна личная дѣятельность. Она выступаетъ только тамъ, гдѣ личная инициатива не въ состояніи одолѣть преградъ или гдѣ она грозитъ вредомъ другимъ личностямъ или организмамъ. Дѣятельность его опредѣляется недостаткомъ личной инициативы, потому что въ противномъ случаѣ она вторглась бы въ сферу, законно принадлежащую частной предпріимчивости, и тѣмъ лишила бы настоящей силы этотъ двигатель прогресса. На этомъ же основаніи она ограничивается вопросомъ о вредѣ. Словомъ, она выступаетъ только тамъ, гдѣ начинается или должна кончиться частная (личная или коллективная) дѣятельность. Это положеніе индивидуалистовъ совершенно вѣрно, но они не исчерпали вполнѣ его значенія и не довели его результатовъ до конца. Съ точки зрѣнія индивидуалистовъ дѣятельность государства ограничивается въ указанномъ выше смыслѣ, потому что оно, какъ представитель силы и принудительнаго закона, должно дѣйствовать лишь настолько, насколько возможно и необходимо примѣненіе силы и принудительныхъ предписаній. Дѣло въ томъ, что они и въ этой сферѣ законной дѣятельности государства не сходятъ съ индивидуальной точки зрѣнія: по ихъ воззрѣніямъ, государство приказываетъ дѣйствовать другимъ такъ или иначе, или предписываетъ не дѣлать того или

другаго; но они совершенно забываютъ, что государство можетъ дѣйствовать само, ничего не предписывая другимъ, и что эта дѣятельность также начинается тамъ, гдѣ кончается дѣятельность частная, — но въ какомъ смыслѣ? Неужели только въ смыслѣ охраненія неприкосновенныхъ правъ личной инициативы?

Намъ кажется, что индивидуализмъ хорошо поступилъ, опредѣляя границы принудительной дѣятельности государства. Но онъ поступилъ опрометчиво, не изслѣдовавъ той среды, гдѣ вовсе невозможно предписаніе и повелѣніе. Индивидуалисты прекрасно разсмотрѣли, что можетъ предписывать государство, но мало изслѣдовали то, чего нельзя приказать. Не изслѣдовавъ надлежащимъ образомъ этой сферы, они однако же приходятъ къ такому поспѣшному выводу: такихъ-то вещей нельзя предписать, слѣдовательно, ихъ должно предоставить частной инициативѣ; намъ кажется, совершенно логичнымъ другой выводъ: этого нельзя предписать, слѣдовательно, государство само должно дѣйствовать. Предположимъ, что дѣло идетъ объ улучшеніи плуга, мельницы, машины, объ усовершенствованіи породъ скота, о проложеніи дороги, — словомъ, обо всемъ, гдѣ дѣло идетъ о достиженіи наибольшихъ выгодъ съ наименьшимъ трудомъ: конечно, государство руководится здѣсь тремя правилами — не стѣснять, поощрять, ограждать. Но предположимъ, что дѣло заходитъ, напримѣръ, о благотворительности и другихъ велѣніяхъ нравственнаго закона, которыхъ также нельзя предписать. Кто явится представителемъ ихъ въ обществѣ? Не нужна ли здѣсь положительная дѣятельность государства, именно потому, что человѣку нельзя предписать дѣлать добро? Мы видимъ, слѣдовательно, два рода дѣлъ, имѣющихъ между собой одинъ общій признакъ, — тотъ, что въ нихъ была бы неумѣстна принудительная дѣятельность государства; но послѣдствія этой *принудительности* весьма различны. Въ первомъ случаѣ государство не принуждаетъ и даетъ просторъ частной предпріимчивости; во второмъ также не принуждаетъ, но по необходимости дѣйствуетъ само. Откуда такая разница? Во-первыхъ, мотивы этого *непринужденія* въ обоихъ случаяхъ различны. Индивидуалисты ошибаются, полагая, что государство въ сферѣ чисто-экономическихъ отношеній не принуждаетъ, потому что принужденіе здѣсь невозможно, такъ какъ гармонія экономическихъ отношеній устанавливается исключительно путемъ свободнаго соглашенія частныхъ лицъ. Принужденіе здѣсь въ *большей части случаевъ безполезно*, такъ какъ личный интересъ является здѣсь достаточно сильнымъ орудіемъ всякихъ улучшеній. Напротивъ, во второй категоріи вопросовъ принужденіе возможно, такъ какъ большая часть этихъ задачъ не вытекаетъ прямо изъ природы человѣка, а напротивъ, есть плодъ долгой соціальной жизни и ея успѣховъ. Государству только нѣтъ *необходимости* предписывать, чтобы люди стремились къ своему благосостоянію, но оно уже *просто не можетъ предписать*, чтобы они думали о благополучіи другихъ. Эгоизмъ — законъ человѣческой природы, а потому

государству остается лишь содѣйствовать тому, чтобы результаты эгоизма однихъ гармонировали съ эгоистическими же усиліями другихъ. Но безъ сомнѣнія, знаменитое *laisser faire, laisser passer* не составляетъ для него непреложнаго правила. Въ большинствѣ случаевъ оно признаетъ, что всѣ сдѣлки между людьми совершаются по добровольному соглашенію; но его справедливая рука даетъ себя чувствовать всякій разъ, когда безсовѣстный эгоизмъ однихъ и безграничное униженіе другихъ оскорбляютъ высшее нравственное чувство. Оно нарушаетъ принципъ *добровольности*, когда одинъ добровольно продаетъ себя въ рабство другому; оно ограничиваетъ число рабочихъ часовъ дѣтей, *добровольно* отданныхъ фабрикантамъ; оно ограждаетъ интересы и здоровье жильцовъ, добровольно нанявшихъ квартиру въ какомъ-нибудь гнусномъ логовищѣ, и т. д. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ государство является крайнимъ мизантропомъ: оно спокойно смотритъ на успѣхи эгоизма и даже расчищаетъ ему дорогу, пока недобросовѣстность однихъ и глупость другихъ не вызываетъ его протеста. Но въ сферѣ чистонравственной начинается его истинно-самостоятельная дѣятельность: предписанія нравственнаго закона преимущественно въ немъ находятъ свое осуществленіе. Отдѣльная личность можетъ прожить, не сдѣлавъ ни одного добраго дѣла, и государство не въ правѣ предписать ему благотворительныхъ дѣйствій; но государство и общество, не преслѣдующія никакихъ нравственныхъ цѣлей, очевидно, близки къ погибели. Человѣкъ, посвятившій свою жизнь разврату — явленіе, къ несчастію, весьма обыкновенное, и государство кладетъ предѣлы этому разврату только тамъ, гдѣ начинается общественный соблазнъ. Но государство, посвятившее себя преслѣдованію грязныхъ цѣлей или достигающее своихъ цѣлей грязными средствами, близко къ паденію или къ сильному перевороту. Часто то, что въ отдѣльныхъ лицахъ есть только непохвальное качество, въ государствѣ является страшнымъ порокомъ. Сплетничанье — дурная привычка въ частной жизни; шпіонство и донось, возведенные на степень обычнаго орудія государственнаго управленія, — страшные симптомы глубокой общественной болѣзни. Увлеченіе развратными женщинами — скверная черта; господство Помпадуръ и Дюбарри предвѣщало уже революцію. Эгоизмъ — прискорбный, но часто необходимый двигатель въ частной жизни; но принципъ: *l'état c'est moi* — есть уже преступленіе и грубая ошибка. Такимъ образомъ, нравственность, добродѣтель, то-есть, преданность и самоотверженіе, не обязательны для частныхъ лицъ (для которыхъ самосохраненіе есть высшій законъ), но они составляютъ неизбѣжное условіе существованія государства. Это вполнѣ согласно съ природою человѣка и государства. Необходимость завоевывать свое существованіе невольно дѣлаетъ человѣка эгоистическимъ существомъ, но въ то же время удовлетвореніе нравственнаго чувства, осуществленіе высшихъ началъ добродѣтели составляетъ его неизбѣжную потребность, удовлетвореніе ко-

торой является какъ реакція противъ обыденныхъ несправедливостей и прозаическаго своекорыстія. Государство, стоящее внѣ и выше борьбы разнообразныхъ интересовъ, по самому своему положенію является представителемъ этого высшаго нравственнаго порядка. Оно одно возводитъ предписанія нравственности на степень положительнаго закона, но возлагаетъ исполненіе ихъ не на частныхъ лицъ, — такъ какъ принужденіе и угроза, подъ вліяніемъ которыхъ они только и могли бы исполнить ихъ, унизили бы значеніе нравственнаго закона свободы, — а на свои органы. Государство не возлагаетъ на людей обязанности помогать слабымъ и бѣднымъ: оно требуетъ отъ нихъ только формальной справедливости, ибо этого одного можно требовать подъ страхомъ наказанія. За то, съ другой стороны, общество переноситъ на представителей государства всѣ тѣ свойства, которыя требуются предписаніями высшаго нравственнаго закона; можно сказать, что государство представляется ему олицетвореніемъ всѣхъ нравственныхъ инстинктовъ человѣчества. Милосердіе, состраданіе, благочестіе, — вотъ свойства, приписываемыя монархамъ всѣми народами не изъ одной вѣжливости или лести. Служеніе высшимъ нравственнымъ началамъ, — вотъ законъ, отъ исполненія котораго не можетъ уклониться самое могущественное правительство.

Нельзя сказать, чтобы новѣйшая государственная наука не сознавала всей важности нравственной роли государства. Но она отводитъ ему въ этомъ отношеніи такое же мѣсто, какъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, то-есть, верховнаго организатора законченныхъ фактовъ. Нравственность, свойственная каждой эпохѣ развитія, должна находить въ немъ свое высшее выраженіе. Въ патріархальномъ государствѣ выражается нравственность патріархальной эпохи, и т. д. Каждая эпоха имѣетъ свою нравственность, и государство должно выражать только эту нравственность. «Die Verfassung eines Staates, говоритъ Моль, ist weder eine Bewahranstalt für Alterthümer, *noch ein Erziehungsmittel*, sondern die Grundlage des Zusammenlebens, wie solches *aus dem concreten* Gesittigungstande des Volkes in der Gegenwart entspringt». Если, такимъ образомъ, Моль не приписываетъ государству исключительно-консервативной роли, какъ это дѣлаютъ индивидуалисты, то онъ заставляетъ его лишь заканчивать то, что совершилось уже въ обществѣ; слѣдовательно, оно можетъ подвигаться впередъ лишь на столько, на сколько подвигается общество, а потому прогрессивное движеніе все-таки остается удѣломъ общества. Въ этомъ отношеніи ему кажется даже неумѣреннымъ требованіе Рота (Ethik, B. III, s. 900), что государственное устройство должно стремиться къ «Realisirung der vollendeten sittlichen Gemeinschaft». Государство, по его мнѣнію, должно проводить только тѣ нравственныя начала, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ нравственному строю даннаго народа въ данную эпоху.

Изъ всего, что нами уже сказано, легко догадаться, что мы не можемъ раздѣлять мнѣніе Роберта Моля. Государству принадлежитъ именно воспитательная, то-есть, прогрессивная роль. Если мы припомнимъ здѣсь, что прогрессивныя начала каждой цивилизаціи устанавливаются главнымъ образомъ нравственнымъ ея ученіемъ, то намъ понятно будетъ, что государство, какъ единственный организмъ въ обществѣ, обязанный служить этому ученію, является вслѣдствіе этого прогрессивнымъ элементомъ по самой своей природѣ. Личность, повторяемъ, можетъ прожить безъ высшихъ нравственныхъ задачъ; для государства отсутствіе такихъ цѣлей было бы смертнымъ приговоромъ. Величайшій мыслитель можетъ употребить свою дѣятельность не только исключительно на защиту существующаго порядка, но даже на ретроградныя ученія; государство высоко должно держаться знамени прогресса, и горе, если на этомъ знамени нѣтъ ни одного высоко-нравственнаго, то-есть, высоко-прогрессивнаго девиза! Платонъ и Аристотель защищали рабство, или, лучше сказать, не могли мыслить общества безъ рабовъ: это не помѣшало имъ, и особенно Платону, считаться великими учителями нравственности. Клавдій, Неронъ, Каракалла и другія чудовища безнравственности наносятъ первый ударъ рабству, не возмущавшему даже такихъ людей, какъ Тацитъ. Почему? — Ихъ давило, толкало ихъ государственное положеніе: они не могли не идти впередъ. Но развѣ не бываетъ ретроградныхъ правительствъ? — могутъ возразить намъ. Развѣ не бываетъ обществъ умирающихъ, разлагающихся, перерождающихся? — скажемъ мы. Примѣръ ретроградныхъ правительствъ лучше всего доказываетъ непреложность того великаго закона, что нравственность есть неизбѣжное условіе существованія государства. Какъ только въ немъ нѣтъ прогрессивныхъ началъ, оно или уступаетъ мѣсто другимъ элементамъ, если общество еще способно къ прогрессу, или вмѣстѣ съ обществомъ падаетъ, или на вѣки застываетъ. Развѣ застой не превратилъ въ окаменѣлость Китая, Индіи, древняго Египта? Развѣ Испанія не уступила своего мѣста болѣе прогрессивнымъ народамъ?

Наконецъ, — и это, быть можетъ, самый крупный недостатокъ органическаго ученія о государствѣ, — оно, слишкомъ еще придерживаясь отрицательныхъ пріемовъ при опредѣленіи задачъ государства, признавая положительность почти однѣхъ частныхъ индивидуальныхъ цѣлей въ томъ смыслѣ, что государственная цѣль создается изъ совокупности цѣлей частныхъ, не можетъ выяснить значенія *общенаціональныхъ цѣлей*. Личность и разныя ея сочетанія въ разныхъ общественныхъ кругахъ, ассоціаціяхъ, не представляетъ особенныхъ измѣненій на всемъ пространствѣ земнаго шара. Какъ бы ни были разнообразны условія частной человѣческой жизни, какія бы различныя степени энергіи, апатіи, хитрости, смѣтливости, разсудительности ни представляли эти отдѣльныя личности, они не въ состояніи объяснить многихъ фактовъ, съ которыми приходится имѣть дѣло каждому политиче-

скому писателю. Почему одинъ народъ отличается отъ другаго? почему до настоящаго времени безуспѣшны всѣ попытки всемірной монархіи? Почему одни народы играли видную и продолжительную роль въ человѣчествѣ, а другіе прошли въ немъ едва замѣтнымъ, хотя часто блестящимъ метеоромъ? Если бы государство было только выраженіемъ личныхъ свойствъ своихъ гражданъ, и его цѣль слагалась бы изъ совокупности ихъ цѣлей, то никакъ нельзя было бы понять, почему, напримѣръ, изъ всей этой массы цѣлей выдѣляется одна, не имѣющая, повидимому, ничего общаго съ ближайшими выгодами каждаго лица, подчиняетъ себѣ правительство и народъ, которые служатъ ей съ самоотверженіемъ и сильны и видны до тѣхъ поръ, пока продолжается это служеніе. Ясно, что тутъ рѣчь идетъ о какихъ-то цѣляхъ, установляющихся мимо всякой индивидуальной воли, — о цѣляхъ требующихъ безусловнаго повиновенія, и хотя эти цѣли вмѣсто выгодъ часто приносятъ одни страданія, но за то навсегда выдѣляютъ такой избранный народъ изъ массы другихъ, дѣлаютъ изъ него звучный аккордъ въ общей гармоніи человѣчества. Посмотримъ, напримѣръ, на представителей западно-европейской цивилизаціи; всѣ они въ одно время почти начали свою историческую жизнь; всѣ они знали феодализмъ въ той или другой формѣ; всѣмъ дано было христіанство; всѣ они составились изъ смѣшенія различныхъ племенъ; надъ всѣми почти одинаково тяготѣло папское единство, и если бы человѣчество руководилось только личными мотивами, кажется, навсегда можно было бы остаться въ этой безформенности и смѣшеніи среднихъ вѣковъ. Но вотъ почти мимо воли отдѣльныхъ личностей и представителей власти начинаютъ выдѣляться національныя цѣли, и народы занимаютъ свое мѣсто въ исторіи только по мѣрѣ возникновенія этихъ цѣлей. Всемірно-историческая роль выпадала не всѣмъ народамъ въ одно и то же время, хотя условія личнаго образованія были почти вездѣ одинаковы. Представители романскаго племени, напримѣръ, и преимущественно Франція, выступаютъ на сцену главнымъ образомъ въ періодъ господства чувства: вооруженная и литературная пропаганда — ея главная задача. Карлъ Великій, разносящій христіанство въ Германіи и устанавливающій границы западно-европейскаго міра, короли-крестоносцы, Наполеонъ съ его революціонною арміей, энциклопедисты, Вольтеръ, Руссо, жирондисты — вотъ французы по преимуществу. Вотъ почему вообще романское племя предшествуетъ всѣмъ другимъ на пути цивилизаціи. Напротивъ, Англія и Голландія какъ будто ждутъ протестантизма съ его разсудочною моралью, положительнымъ методомъ, чтобы занять свое мѣсто въ человѣчествѣ. Греція съ своею философіей и роскошнымъ политеизмомъ, Римъ, этотъ великій юристъ древности, и среди всей этой массы древнихъ народовъ — евреи, пронесшіе черезъ всю древность скинію единаго Бога — всѣ они имѣли общія цѣли, мало говорившія узкому индивидуальному чувству, болѣе склон-

ному вспоминать о мясѣ и чесночѣ Египта. Органическая теорія государства, не будучи въ состояніи ни объяснить, ни принять въ разсчетъ этихъ общихъ цѣлей, приводитъ къ космополитическому взгляду, такъ какъ главнѣйшій элементъ ея изслѣдованія въ общихъ чертахъ вездѣ одинъ и тотъ же. И во дни Ноевы, какъ нынѣ, пили, ѣли, женились, собирали въ житницы... Различіе національностей основывается именно на различіи ихъ общихъ цѣлей, которымъ соотвѣтствуетъ и особая государственная организація, а не на различіи цѣлей индивидуально-общественныхъ, которыя не только не нуждаются въ такой особой государственной формѣ, но напротивъ, постоянно стараются перейдти за предѣлы даннаго государства, выразиться въ союзѣ международномъ и даже силотить въ одно всю массу человѣчества. Религія, напримѣръ, вообще мало обращаетъ вниманія на границы государствъ; торговля, по самому существу своему, стремится стать явленіемъ международнымъ; произведенія науки, искусства скоро становятся общечеловѣческимъ достояніемъ. Выясненіе общенаціональной цѣли необходимо еще въ другомъ отношеніи. Только она можетъ установить прочную, дѣйствительную связь между государствомъ и обществомъ, ибо ничто такъ не скрѣпляетъ союза между людьми, какъ совмѣстное служеніе одному возвышенному идеалу, одной цѣли, равно обязательной для всѣхъ. Общество съ его разнообразными цѣлями и требованіями свободы выдѣлено изъ государства новѣйшею наукой, въ противоположность древнимъ воззрѣніямъ, по которымъ человѣкъ исчезалъ въ гражданинѣ. Не можетъ ли человѣкъ совершенно перестать быть гражданиномъ, то-есть, отрѣшиться отъ общихъ цѣлей, которымъ онъ обязанъ служить наравнѣ съ правительствомъ? Возможно ли самое общежитіе безъ такихъ цѣлей?

V.

Съ этого начинаетъ Бюше, къ изложенію теоріи котораго мы теперь переходимъ. «Люди, говоритъ онъ, находятся въ состояніи общежитія, когда они имѣютъ общую цѣль для своей дѣятельности, которой посвящены всѣ ихъ мысли и силы; общество разлагается съ устраненіемъ этой цѣли». Такимъ образомъ, истинное общежитіе начинается съ того времени, когда выяснилась и установилась общая цѣль, то-есть, когда, говоря словами В. П. Ламанскаго *), народъ достигъ до самосознанія. Существованіе этой цѣли есть главная основа общежитія и занимаетъ первое мѣсто между всѣми этими основами, или, какъ называетъ ихъ Бюше, constantes sociales. Всѣ остальныя constantes служатъ только для того, чтобы постоянно сохранять,

*) См. *Журн. Мин. Народн. Просв.* Январь 1867.

поддерживать сознаніе общей цѣли или содѣйствовать ея осуществленію. Мы увидимъ ниже, какимъ образомъ распредѣлены у него эти функціи между различными общественными установленіями. Теперь остановимся на этомъ коренномъ условіи каждаго общежитія.

Необходимость общей цѣли не есть новость въ государственной наукѣ; Бюше и не говоритъ, чтобъ онъ желалъ быть новаторомъ въ этомъ отношеніи. Всѣ публицисты признавали эту общую цѣль, называя ее справедливостію, общимъ благомъ и т. д. Но у нихъ эта цѣль по своему характеру не предполагала необходимости дѣйствія, пожертвованія со стороны гражданъ. Эта цѣль большею частію была не что иное, какъ гарантія личныхъ интересовъ, блага всѣхъ и каждаго; для такой цѣли достаточно было одной бездѣятельности гражданъ: работай для себя и не трогай другихъ. Въ утѣшеніе обыкновенно увѣряли, что каждый, работая для себя, работаетъ въ то же время для другихъ: «chacun pour soi, chacun pour tous». Мы уже видѣли, какую роль играетъ эгоизмъ въ прогрессивномъ движеніи человѣчества. Это чувство нисколько не можетъ выработать должнымъ образомъ общую цѣль. Различіе между общею и частною цѣлью заключается именно въ томъ, что первая требуетъ жертвъ и даже самоотверженія, вторая, напротивъ, льститъ эгоистическому чувству. На этомъ основаніи нельзя назвать общими тѣ цѣли, въ которыхъ нѣтъ ничего, кромѣ эгоистическихъ стремленій, хотя бы для достиженія ея соединились многія лица. Армія во время бѣгства, стадо животныхъ, стремящихся за одною и тою же добычей, имѣютъ подобную, но не общую цѣль: подобіе не устанавливаетъ общности.

Такая общая цѣль не предполагаетъ даже подобія дѣятельности; напротивъ, она отличается именно тѣмъ, что въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ можно служить одной и той же цѣли, и даже чѣмъ разнообразнѣе жизнь общества, слѣдовательно, чѣмъ больше сферъ для проявленія умственной и нравственной жизни, тѣмъ больше надежды на лучшее осуществленіе этой общей цѣли. Политика и земледѣліе, религія и мануфактура, наука и ремесла, поэзія и промышленость — вездѣ можетъ и должно проявиться гражданское чувство, выразиться сознаніе общей цѣли. Раздѣленіе труда въ различныхъ сферахъ свободно дѣйствующаго общества и дисциплина, организація его подъ вліяніемъ сознанія общей цѣли, — вотъ коренное условіе общежитія и самаго прогресса.

Такимъ образомъ, общность цѣли въ томъ смыслѣ, какъ ее принимаетъ Бюше, отличается отъ общей цѣли по прежнимъ теоріямъ именно своимъ прогрессивнымъ характеромъ. Общность цѣли по прежнимъ теоріямъ была скорѣе слѣдствіемъ, чѣмъ принципомъ общежитія, или по крайней мѣрѣ, была его непосредственнымъ продуктомъ. По мнѣнію Бюше, общія соціальныя цѣли, — цѣли, осуществленіе которыхъ составляетъ славу извѣстнаго народа, опредѣляетъ его мѣсто во всемірной исторіи, — вырабатываются не

подъ вліяніемъ постоянно накопляющихся, дробныхъ историческихъ фактовъ. Для того, чтобъ эти цѣли заключали въ себѣ наибольшее количество прогрессивныхъ элементовъ, то-есть, могли служить для наиболѣе обширной и глубокой цивилизаціи, необходимо ихъ апріористическое происхожденіе, какъ говоритъ Бюше. Цивилизація, проникнутая идеями высокаго нравственнаго ученія, можетъ подраздѣляться на нѣсколько подчиненныхъ эпохъ, имѣющихъ свои какъ бы отдѣльныя цѣли, но въ сущности осуществляющихъ основныя положенія того же великаго ученія. Европа, стремящаяся въ настоящее время къ свободнымъ учрежденіямъ, вышла изъ Европы, завоевавшей себѣ протестантскую и національную церковь, развившей у себя промышленную и умственную силу въ лицѣ третьяго сословія, возродившагося въ великомъ общинномъ движеніи эпохи предшествующей, и въ концѣ концовъ изъ Европы, смиренно принявшей христіанство отъ неутомимыхъ просвѣтителей человѣчества, положившихъ основы всему будущему движенію, указавшихъ цѣли, и до настоящаго времени не достигнутыя! Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, чтобы общество не служило цѣлямъ, развившимся исключительно подъ вліяніемъ условій минуты и эгоистическихъ стремленій. Мы видимъ примѣры не только обществъ, но и цѣлыхъ цивилизацій, которыя складываются именно этимъ путемъ. Но что плодотворнѣе, что играетъ наиболѣе видную роль въ исторіи: тѣ ли цѣли, которыя происходятъ a posteriori одна изъ другой, или всѣ вытекаютъ, видоизмѣняясь сообразно потребностямъ мѣста и времени, изъ сознаній одной болѣе общей цѣли, которая ихъ всѣ содержитъ въ себѣ?

Такое установленіе цѣлей a posteriori и соотвѣтствующее ему движеніе человѣчества было уже описано Платономъ въ его ученіи о переходѣ отъ одной формы правленія къ другой. Демократическое общество, побуждаемое практическимъ мотивомъ — крайностями охлократіи и демократіи, переходитъ въ монархію; затѣмъ, желая избѣгнуть невыгодъ тиранніи и деспотизма, отдается аристократіи, пока она, выродившись въ олигархію, не приводитъ снова къ демократическимъ стремленіямъ. Древніе мыслители излагали не вымышленныя теоріи: они, къ сожалѣнію, вѣрно списывали съ натуры. Кто, однако, не согласится, что подобное движеніе не только не представляетъ никакихъ условій для прогресса, но быстро истощаетъ общество и исчерпываетъ его назначеніе въ общемъ ходѣ человѣческой цивилизаціи? Такимъ народамъ дается въ удѣлъ осуществить одну и часто узкую идею. Правда, они осуществляютъ ее вполнѣ, проводятъ ее по всѣмъ сферамъ общества; одинъ общественный элементъ смѣняетъ другой въ служеніи этой идеѣ, которая вслѣдствіе этого ярко выступаетъ въ исторіи цивилизаціи вмѣстѣ съ служившимъ ей народомъ. Но какъ быстро сходитъ такой народъ съ своего возвышеннаго положенія, какъ скоро бываетъ онъ принужденъ отка-

заться отъ руководящей роли въ человѣчествѣ! Еще Гизо замѣтилъ эту недолговѣчность классическихъ народовъ, въ томъ смыслѣ, что назначеніе ихъ быстро исчерпывалось, и послѣ короткаго золотаго вѣка наступала продолжительная и печальная агонія.

При всемъ томъ подобный исходъ еще лучшій исходъ для народа, живущаго преимущественно a posteriori. Смѣна заранѣе опредѣленнаго порядка другимъ съ помощью революцій — все еще доказываетъ высокую жизненность и даровитость общества. Въ обществѣ менѣе одаренномъ подобное преслѣдованіе *практическихъ* цѣлей приведетъ къ застою; такова судьба всѣхъ восточныхъ монархій, гдѣ вѣчная неподвижность и однообразіе изрѣдка нарушаются ни къ чему не ведущею смѣною династій.

Въ чемъ, въ самомъ дѣлѣ, состоитъ эта жизнь a posteriori, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ? Она естественно выходитъ изъ отрицанія *) существующаго порядка, для осуществленія порядка прямо ему противоположнаго, и обыкновенно чего-нибудь уже существовавшаго. Общество, недовольное монархіей, вздыхаетъ о демократіи прежняго времени; утомленная демократія мечтаетъ о старинной монархіи. Истинно-прогрессивная цѣль носитъ совершенно другой характеръ. Изъ самаго понятія прогресса, какъ мы его установили въ первой статьѣ, ясно слѣдуетъ, что прогрессивное движеніе не есть ни отрицаніе настоящаго, ни отреченіе отъ прошедшаго; напротивъ, оно необходимо сохраняетъ съ настоящимъ и прошедшимъ тѣсную связь, такъ какъ только при этомъ условіи новая форма общества будетъ истиннымъ звеномъ въ общей цѣпи прогресса. Затѣмъ такое движеніе *необходимо* вноситъ что-нибудь новое, еще не существовавшее, и даже на первый разъ имѣющее мало соотношенія съ обыкновенными практическими взглядами и стремленіями. Если цѣль a posteriori есть всегда продуктъ даннаго порядка вещей и только въ немъ находитъ свое объясненіе, то цѣль a priori всегда выходитъ изъ какой-нибудь общей идеи, которая всегда впѣ дѣйствительности, выше ея и вслѣдствіе этого является постояннымъ и сильнѣйшимъ двигателемъ человѣческаго прогресса.

Изъ этого само собою понятно, что служеніе такой цѣли должно быть задачею организма, стоящаго выше всѣхъ преходящихъ практическихъ цѣлей и стремленій, сохраняющаго постоянную и непрерывную связь съ отдаленнѣйшими эпохами общества, когда сказано было первое слово его цивилизаціи, вынесшаго эти общія начала своей народности изъ всѣхъ испытаній, бурь, частныхъ уклоненій, колебаній, эгоистическихъ увлеченій, — такого организма, въ которомъ прежде всего и лучше всего отразилось народное самосознаніе — это прошедшее, настоящее и будущее народа въ его безкорыстно-идеальной формѣ, то-есть, государства.

---

*) Мы, конечно, беремъ здѣсь не восточныя общества, которыя и на это не способны.

Такое служеніе есть прогрессивное движеніе, такъ какъ стремленіе къ *такой* цѣли есть прогрессъ. Въ другихъ общественныхъ организмахъ мы не замѣчаемъ такой цѣльности сознанія, проходящаго чрезъ всю исторію народа; въ нихъ замѣтно большее преобладаніе эгоистическихъ интересовъ, индивидуальныхъ взглядовъ. На ихъ стремленіяхъ больше отражаются условія мѣста и времени; ихъ условія пригодны, и то при благопріятныхъ обстоятельствахъ, для осуществленія второстепенныхъ цѣлей въ отдѣльныя эпохи цивилизаціи. Общины подняли знамя капитала и труда противъ феодальной іерархіи, но только королевская власть сдѣлала эти элементы орудіями національнаго единства. Католицизмъ совершилъ свое высокое дѣло и отжилъ, передавъ дальнѣйшее осуществленіе христіанскихъ началъ въ обществѣ не умирающему государству. Мало того: отдѣльныя лица и ихъ соединенія въ большинствѣ случаевъ ограничиваются тѣмъ что становятся въ уровень съ цивилизаціей данной эпохи. Говорить *какъ всѣ*, думать какъ всѣ, поступать какъ всѣ — вотъ идеалъ большинства; больше этого никто и не можетъ требовать отъ отдѣльныхъ лицъ, больше этого они и сами не желаютъ. Вотъ почему отъ общества *) трудно ожидать прогрессивнаго движенія; совершенно достаточно, если оно вѣрно сохраняетъ преданія прежняго времени, если въ немъ живетъ сознаніе общей цѣли, если это сознаніе не заглохло въ борьбѣ противоположныхъ общественныхъ элементовъ, эгоистическихъ стремленій, если вся мудрость не сведена въ немъ на формально-діалектическія тонкости, если въ немъ есть условія прогресса. Для общества не только достаточно, если оно консервативно, но даже по природѣ своей оно не можетъ быть ничѣмъ другимъ. Прогрессивное движеніе, вышедшее изъ общества, въ большинствѣ случаевъ есть революція, то-есть, самое безплодное изъ всѣхъ дѣйствій общества; то же прогрессивное движеніе въ правительствѣ всегда есть реформа болѣе или менѣе благодѣтельная.

Для отдѣльнаго человѣка совершенно достаточно, если онъ въ борьбѣ съ нуждой и въ заботахъ о своемъ матеріальномъ благосостояніи сохранитъ сознаніе о высшихъ цѣляхъ государства и національности въ той чистотѣ, какая требуется для истинно-прогрессивнаго движенія. Еслибъ онъ даже переступилъ за эту задачу, движеніе впередъ легко могло бы уклониться съ настоящей дороги подъ вліяніемъ его эгоистическихъ стремленій, и слѣдовательно, общество не осталось бы въ выигрышѣ.

Охраненіе своихъ исторически-выработанныхъ идей, передача изъ рода въ родъ великихъ національныхъ цѣлей, — вотъ истинное назначеніе общества. Эта задача не такъ легка, какъ кажется на первый разъ. Прогрессив-

*) Мы употребляемъ здѣсь слово *общество* не въ новомъ его значеніи, а въ смыслѣ простой совокупности отдѣльныхъ лицъ.

ное движеніе, особенно когда національныя цѣли сохранены и поставлены просто и ясно, есть не сложная и не особенно трудная логическая дѣятельность а priori, умѣнье дѣлать выводы изъ извѣстныхъ и освященныхъ вѣками положеній. Каждое лицо, стоящее во главѣ правительства, способно на это при благопріятныхъ условіяхъ. Условія же эти совершенно зависятъ отъ общественнаго состоянія, и годность этого состоянія измѣряется именно большимъ или меньшимъ развитіемъ охранительныхъ началъ и элементовъ. Сколько видимъ мы обществъ, которыя останавливаются, обращаются вспять и даже гибнутъ, не смотря на то, что во главѣ ихъ стояли способныя и даже прогрессивныя правительства! Почему? — именно потому, что въ нихъ утратились здоровые охранительные элементы, угасло сознаніе національной идеи, что они утратили, такъ-сказать, свою международную физіономію, что, говоря словами одного поэта, они не могли сказать въ лицо всѣмъ и каждому: *это я!* Вотъ почему охранительный аппаратъ въ каждомъ обществѣ долженъ быть гораздо сложнѣе и обширнѣе организаціи прогрессивной, которая, собственно говоря, вся можетъ сосредоточиться въ высшихъ представителяхъ правительства. Если отдѣльное лицо при своемъ появленіи на свѣтъ не будетъ тотчасъ связано съ предыдущими поколѣніями общностію сознанія, если нравственная дисциплина не пріучитъ его сознательно служить общимъ цѣлямъ, если его экономическое положеніе не дастъ способовъ для всесторонняго развитія его личности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для безкорыстнаго служенія общему дѣлу, если религія не свяжетъ его умственной дѣятельности съ высшимъ нравственнымъ порядкомъ, которому всѣ обязаны одинаково подчиняться, — дѣло правительства, какъ представителя прогрессивныхъ началъ, проиграно навсегда. Въ такомъ обществѣ оно по необходимости должно взять на себя исключительно полицейскія обязанности, оставить роль вождя и занять мѣсто часоваго, въ ожиданіи пока общество или разрушится, если въ немъ не осталось уже никакихъ жизненныхъ началъ, или обгонитъ его, если общественное устройство вызвано лишь временными, случайными обстоятельствами.

Бюше, кажется, пришелъ къ этому заключенію; по крайней мѣрѣ, на это указываетъ то обстоятельство, что онъ поставилъ правительство какъ главное прогрессивное установленіе (constante de progression) и обстоятельно доказываетъ это его назначеніе, какъ мы увидимъ ниже. Въ противоположность ему, всѣ остальныя установленія называются constantes de conservation. Сюда входятъ воспитаніе, семья, собственность, религія, армія, судъ и администрація. Но трудно понять, какое отношеніе, по мнѣнію автора, должно существовать между ролью общества и государства въ этой охранительной дѣятельности. Нѣкоторыя изъ упомянутыхъ имъ установленій прямо касаются общественныхъ элементовъ: таково значеніе собственности, семьи, всѣхъ видовъ труда. Другія носятъ смѣшанный характеръ, какъ, напримѣръ, вос-

питаніе, религія. Третьи прямо говорятъ о государственной дѣятельности, какъ судъ, администрація. Бюше весьма ясно рисуетъ правительство какъ движущую силу прогрессивныхъ установленій; но что же является принципомъ охранительныхъ установленій? Относительно этого господствуетъ полное смѣшеніе понятій. Какой институтъ мы ни возьмемъ, нигдѣ не выяснено это взаимное отношеніе общества съ его охранительною и правительства съ его прогрессивною ролью. Только въ главахъ о правительствѣ, слѣдовательно, во второмъ томѣ становится яснымъ *) это соотношеніе общественныхъ элементовъ. До тѣхъ поръ рѣшительно нельзя понять, во имя какихъ началъ авторъ относитъ разныя установленія къ той или другой группѣ. Правда, онъ объясняетъ, что всѣ они нужны для сохраненія различныхъ общественныхъ идей и элементовъ: воспитаніе (куда онъ относитъ и искусство) передастъ изъ поколѣнія въ поколѣніе сознаніе общей цѣли и поддерживаетъ любовь и преданность къ ней; другія установленія, какъ семья, трудъ, собственность и т. д., имѣютъ въ виду поддержать и сохранить самую породу людей и обезпечить ихъ развитіе. Но почему именно въ обществѣ должно сохраняться сознаніе національной цѣли? Есть примѣры, что правительства точно также умѣютъ сберечь ихъ отъ всѣхъ бурь и колебаній; какая связь между сохраненіемъ человѣческой породы и религіей, какъ высшимъ хранителемъ нравственнаго закона? Отчего вся эта совокупность нравственныхъ, умственныхъ и экономическихъ элементовъ поставлена какъ нѣчто совершенно отдѣльное отъ правительства?

Сколько намъ кажется, въ изложеніе Бюше вкрался важный недостатокъ, на который мы уже намекали выше: *онъ незнакомъ съ германскими теоріями объ обществѣ и государствѣ.* Эти понятія, такъ ясно и подробно разграниченныя знаменитыми представителями германской науки, смѣшиваются въ умѣ разбираемаго здѣсь мыслителя. Сознавая потребность соединить ученія объ обществѣ и государствѣ въ одно цѣлое, онъ дѣлаетъ это скорѣе инстинктивно, чѣмъ сознательно; соединеніе это является скорѣе результатомъ его ученія, чѣмъ его верховнымъ руководящимъ началомъ. Онъ доходитъ до этихъ результатовъ ощупью, а не вслѣдствіе твердо сознанной цѣли. Если бы соединеніе общества и государства, сдѣланное авторомъ, было послѣдствіемъ предварительнаго ихъ разграниченія, сдѣланнаго уже, насколько это возможно при современномъ состояніи науки, нѣмецкими учеными, тогда все его ученіе отличалось бы большею ясностію и повело бы къ обильнѣйшимъ результатамъ, чѣмъ теперь, когда классификація эта есть дѣло чутья болѣе чѣмъ сознанія.

Посмотримъ въ самомъ дѣлѣ, что вышло изъ всей аргументаціи автора.

---

*) По крайней мѣрѣ, для насъ.

Онъ говоритъ о воспитаніи, о подготовленіи умственныхъ силъ страны, о характерѣ этихъ умственныхъ силъ, объ общественномъ значеніи искусства, о значеніи семьи, объ организаціи труда, о производительныхъ силахъ страны, о климатѣ и поземельной собственности, о религіи,—словомъ, предъ нимъ все общество со всѣми его разнообразными интересами и многочисленными организмами,—и что же? Между всѣми этими капитальными институтами нѣтъ никакой органической, внутренней связи. Все его ученіе объ охранительныхъ установленіяхъ похоже не на истинно-научную теорію, а на примѣрное перечисленіе элементовъ, *между прочимъ*, необходимыхъ для сохраненія общественныхъ силъ. Прочитавъ его разсужденіе, читатель въ правѣ спросить: да все ли тутъ высчитано, и затѣмъ изъ вычисленнаго нельзя ли пропустить чего-нибудь? Дѣло въ томъ, что авторъ не созналъ необходимости посредствующихъ организмовъ между недѣлимымъ и государствомъ,—организмовъ, въ которыхъ совершается развитіе и усовершенствованіе недѣлимыхъ. Быть можетъ, въ его умѣ общество представляется понятіемъ, заключающимъ въ себѣ все, въ томъ числѣ и государство. Это, какъ мы видѣли, и есть задача соціальной науки. Но для того, чтобы получить право говорить о такомъ обществѣ и создавать *такую* науку, необходимо выяснить значеніе другаго общества, другихъ элементовъ,—того общества и тѣхъ элементовъ, которые составляютъ содержаніе нѣмецкой общественной науки. Незнаніе этой науки вредно отразилось на трудѣ Бюше. Во-первыхъ, между государствомъ и недѣлимымъ, по образцамъ прежнихъ ученій *естественнаго права*, у него нѣтъ никакихъ посредствующихъ организмовъ. Вслѣдствіе этого всѣ установленія разсматриваются имъ съ точки зрѣнія индивидуальной дѣятельности. Что нужно для человѣка, чтобы дѣйствовать въ государствѣ? Нужно быть богатымъ, добродѣтельнымъ, здоровымъ, и т. д. Все это отвѣты давно извѣстные. Но какая роль общественныхъ организмовъ по отношенію ко всѣмъ этимъ задачамъ, сравнительно съ ролью государства? Есть ли и должны ли быть эти организмы и элементы? Эти вопросы не рѣшены и даже не затронуты. Вотъ почему авторъ говоритъ о религіи, но не говоритъ о церкви и отношеніи ея къ государству, трактуетъ о собственности, но нисколько не затрогиваетъ вопроса о различныхъ общественныхъ классахъ, и т. д. Все у него остается въ сферѣ отвлеченно-индивидуальной! Нѣтъ сомнѣнія, что по каждому изъ отдѣльныхъ установленій въ его книгѣ высказано много вѣрныхъ и даже глубокихъ замѣчаній. Но всѣ эти замѣчанія не имѣютъ между собой необходимой связи, и читателю кажется, что они попали сюда такъ же случайно, какъ и установленія, которыхъ они касаются. Отсюда странная неопредѣленность понятій. Заходитъ, напримѣръ, важный вопросъ объ администраціи, и авторъ не касается вопроса о самоуправленіи, слабо и смутно опредѣляетъ значеніе

важнѣйшихъ элементовъ, какъ, напримѣръ, общины, ничего не говоритъ о землевладѣніи какъ политической силѣ.

Вслѣдствіе этого его оцѣнка собственности, и преимущественно поземельной, вышла неполная, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже невѣрная. Трудно заподозрить автора въ соціалистическихъ стремленіяхъ: онъ на каждомъ шагу опровергаетъ положенія этой школы. Его мнѣнія о свободѣ (I, стр. 247—295) представляютъ одну изъ лучшихъ оцѣнокъ этого необходимаго условія человѣческаго развитія. Притомъ писатель, исходящій изъ свободы воли, конечно, ничего не можетъ имѣть общаго съ этими мрачными заблужденіями. Между тѣмъ, онъ по отношенію къ поземельной собственности доходитъ почти до тѣхъ же выводовъ, до какихъ дошелъ Прудонъ въ своихъ первыхъ мемуарахъ объ этомъ предметѣ. Не говоря, что «собственность есть кража», онъ проводитъ, однако, рѣзкую черту между поземельною и движимою собственностію и старается подчинить все это понятіе одной идеѣ труда. Если мы останемся на почвѣ индивидуализма и примемъ трудъ за единственное мѣрило человѣческихъ правъ, то, пожалуй, выводы Бюше покажутся вѣрными. Человѣкъ — собственникъ на столько, на сколько его свобода можетъ выразиться во внѣшнемъ мірѣ посредствомъ труда: вотъ его исходная точка. Посмотримъ, къ какимъ выводамъ онъ пришелъ на основаніи этого положенія. Нужно, говоритъ онъ, различать право собственности отъ власти, проистекающей изъ владѣнія (pouvoir de possession). Право собственности есть право прирожденное. Общество его признаетъ, покровительствуетъ, но не создаетъ. Оно связано съ человѣкомъ подобно его способностямъ; это такой же атрибутъ его личности, какъ самое стремленіе къ общежитію. Власть владѣнія совершенно условна и есть законодательное установленіе. Право собственности стоитъ выше владѣнія, послѣднее всегда должно уступать первому, хотя до настоящаго времени происходило противное. По общему правилу, владѣніе оканчивается тамъ, гдѣ оно начинаетъ вредить праву собственности. За этимъ предѣломъ оно перестаетъ быть раціональнымъ, справедливымъ и нравственнымъ. Предметомъ права собственности могутъ быть только продукты личнаго труда или продукты труда чужаго, полученные посредствомъ обмѣна. Владѣніе можетъ простираться на все, что можетъ быть подчинено могуществу человѣка и санкціи законодательства. Изъ всѣхъ формъ власти оно самое живучее, наиболѣе предпріимчивое, наименѣе доступное къ ограниченію. Многое уже изъято изъ его власти, по крайней мѣрѣ, у наиболѣе цивилизованныхъ народовъ. Рабы, жены, дѣти, большое количество общественныхъ должностей уже ограждены отъ его жадности. Но самая большая и важная половина дѣла еще не сдѣлана: это задача будущаго законодательства.

Это положеніе не вѣрно ни исторически, ни юридически, и наконецъ, не

согласно съ выводами самого Бюше относительно другихъ правъ человѣческой личности.

Вопервыхъ, право собственности не составляетъ прирожденнаго права; оно вмѣстѣ съ тѣмъ, что Бюше называетъ владѣніемъ, есть продуктъ исторической жизни человѣчества. Первоначально не существовало даже слова для обозначенія этого понятія. Не вдаваясь въ права иностранныя, мы можемъ прослѣдить это даже по исторіи русскаго права *). Въ древности не было никакого общаго наименованія для обозначенія права собственности. Чтобы выразить принадлежность извѣстной вещи лицу въ собственность, употребляли притяжательныя имена и мѣстоименія. Часто понятіе собственности было означаемо наименованіями, заимствованными отъ способовъ ея пріобрѣтенія: жребій, дѣдичина, отчина, купля, прикупъ, промыселъ и т. д. Слѣдовательно, каждая вещь связывалась непосредственно только съ однимъ лицомъ и много уже съ однимъ или двумя поколѣніями (отчина, дѣдичина). Идея же полной наслѣдственной принадлежности не сразу выразилась въ языкѣ и понятіяхъ. Происходило это отчасти потому, что идея наслѣдственности при бродячемъ, переходномъ состояніи общества не могла получить надлежащаго развитія даже по отношенію къ движимымъ предметамъ, а тѣмъ болѣе къ поземельной собственности. Вотъ почему понятіе потомственнаго владѣнія всегда выражалось какимъ-нибудь словомъ дополнительнымъ къ тому, которое означало принадлежность вещи лицу. Въ настоящее время, когда человѣкъ скажетъ: «это вещь моя», никто не спроситъ его, потомственно ли она принадлежитъ ему. Прежде, при шаткости юридическаго быта, необходимо было точно обозначить эту потомственную принадлежность: такъ говорили, что вещь куплена, продана въ дерн, въ вѣкъ, безъ выкупа, безъ отмѣны. Древній пріобрѣтатель собственности выражалъ въ актѣ, что онъ пріобрѣлъ извѣстную вещь себѣ и *своимъ дѣтямъ* отъ такого-то лица и *дѣтей его*, а продавецъ говорилъ, что онъ уступилъ ее *со своими дѣтьми* такому-то лицу и *его дѣтямъ*. Только въ такомъ случаѣ устанавлялось понятіе о пріобрѣтеніи и отчужденіи имущества изъ потомственнаго владѣнія одного лица въ потомственное владѣніе другаго. Съ большимъ еще трудомъ утверждалось понятіе наслѣдственной собственности по отношенію къ поземельному владѣнію. Здѣсь это понятіе весьма долго выражалось словами, обозначавшими исключительно физическую власть лица надъ вещью,—словами, между которыми *владѣть* имѣло еще наиболѣе обширный смыслъ. Иногда употреблялось: «сидѣть, держать, вѣдать» — выраженія, доказывающія только фактическое обладаніе вещью, а не полное, то-есть, наслѣдственное право соб-

*) Въ этомъ отношеніи см. превосходныя замѣчанія покойнаго профессора *Неволина* въ Истор. Рос. Гражд. Закон. т. II, стр. 116 и слѣд.

ственности. Иногда, въ особенности по отношенію къ поземельной собственности, употреблялись совершенно частныя выраженія, указывавшія только на трудъ, какъ на единственную связь извѣстнаго участка съ его владѣльцемъ: такъ, напримѣръ, пахать землю, косить лугъ, ловить рыбу, рубить лѣсъ; другаго смысла не имѣетъ извѣстное выраженіе: «куда плугъ, соха, серпъ, коса, топоръ ходили». Вслѣдствіе этого, выраженія, относившіяся къ поземельной собственности, наиболѣе нуждались въ разныхъ дополненіяхъ и распространеніяхъ. Можно сказать, что до XVIII столѣтія она и не получила должной опредѣленности. Вопервыхъ, *владѣніе* навсегда осталось выраженіемъ, обозначившимъ это право; къ нему съ теченіемъ времени приставлялись разныя выраженія, дававшія этому фактическому обладанію значеніе права юридическаго. Прежде въ жалованныхъ граматахъ обозначалось только право владѣльца продавать свои села и оставлять ихъ своимъ дѣтямъ, какъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ актахъ XVI и XVII уже стол. мы встрѣчаемъ слѣдующія выраженія: «а пожаловалъ есми слугу своего Дмитрія Иванова сына Мирославича тѣмъ селомъ и деревнями въ прокъ, ему и его дѣтямъ; воленъ Дмитрій и его дѣти то село и деревни кому дати, и т. д.». Впослѣдствіи право поземельной собственности обозначалось выраженіемъ: владѣніе, съ прибавленіемъ: *вѣчное*, вѣчное и потомственное, непремѣнное, непоколебимое, владѣніе въ родъ, въ вѣки неподвижное. Слѣдовательно, *владѣніе*, то-есть, фактическое обладаніе, или то, что Бюше называетъ possession, оставалось основнымъ терминомъ, обозначавшимъ право собственника, и только развитіе экономической жизни и развитіе юридическихъ понятій прибавляли къ этому термину выраженія, болѣе соотвѣтствовавшія неизбѣжности этого юридическаго института. Слово собственность, въ настоящемъ его смыслѣ, употребляется только со времени Екатерины II. Такимъ образомъ, поземельная собственность дѣйствительно есть законодательное учрежденіе, но развитіе ея тѣсно связано съ развитіемъ самого общества и его понятій, то-есть, съ законами прогрессивнаго движенія общества. Бюше впадаетъ въ грубую ошибку, предполагая, что успѣхи общежитія ослабляютъ значеніе этого учрежденія. Мнѣніе это, раздѣляемое не однимъ Бюше, проистекаетъ изъ того, что мыслители эти принимаютъ *ограниченіе сферы правъ за ослабленіе самаго ихъ принципа*; между тѣмъ исторія доказываетъ, что это не только не одно и то же, но что оба момента находятся между собой въ обратномъ отношеніи. Законодательство очищаетъ сферу правъ отъ посторонннихъ примѣсей, вредно отражающихся на государственномъ строѣ; но за этимъ кажущимся или дѣйствительнымъ стѣсненіемъ слѣдуетъ болѣе тѣсное соединеніе съ лицомъ владѣльца того, что осталось, то-есть, усиленіе принципа собственности. Строгая римская собственность квиритская не была свободна въ строгомъ смыслѣ. Долгое время римское право не знало, напримѣръ, завѣщанія, и это несвободное

состояніе собственности совпадаетъ съ сильнѣйшими правами отца на свободу и жизнь дѣтей. Ограниченіе этого права повело къ освобожденію собственности отъ стѣсненій stricti juris. Средніе вѣка давали землевладѣнію самыя обширныя права; оно было единственнымъ источникомъ политическихъ правъ; съ нимъ были соединены юстиція, законодательство, администрація; оно дѣлало феодала не только обладателемъ земли и ея плодовъ, но и отдавало во власть его все населеніе, находившееся на его почвѣ. Не смотря на это, феодальная собственность не имѣетъ признаковъ полной, неограниченной собственности. Въ принципѣ вся земля принадлежитъ королю; владѣльцы получаютъ ее отъ него или непосредственно, или изъ вторыхъ, третьихъ и т. д. рукъ. Движеніе ея несвободно: она принимаетъ неподвижную форму майоратовъ; поэтому она неотчуждаема; устанавливая крѣпостное состояніе и рабскую зависимость для другихъ классовъ, она сама не представляетъ никакихъ признаковъ самостоятельности и свободы. Государство отняло одно за другимъ всѣ феодальныя права и собрало ихъ въ руки королевской власти; оно *стѣснило*, слѣдовательно, право землевладѣнія, оно ввело въ сферу политическую другіе элементы и дало имъ равныя права съ землевладѣніемъ; оно ввело землевладѣніе въ сферу частно-экономическихъ отношеній. Что же изъ этого вышло? Проигралъ ли отъ этого принципъ поземельной собственности? Напротивъ, уничтоженіе послѣднихъ слѣдовъ феодальнаго порядка въ XVIII ст. сопровождалось провозглашеніемъ истинно-незыблемаго права собственности со всѣми его признаками. Эти признаки состояли въ независимости, въ равномъ правѣ отчужденія и т. д. Россія не знала феодализма, но исторія поземельной въ ней собственности представляетъ аналогическія явленія. Мы видѣли, что собственность, какъ неотъемлемое право, какъ истинно-юридическій институтъ, установилась только въ XVIII ст.; самое слово укрѣпилось у насъ только въ законодательствѣ Екатерины Великой. Древняя Россія, въ особенности Московская, держалась на владѣніи. Между тѣмъ, какія обширныя права давало это владѣніе! Стоитъ прочитать жалованныя граматы не только монастырямъ, но и частнымъ владѣльцамъ, чтобъ убѣдиться въ этомъ *). «На основаніи этихъ граматъ, говоритъ Неволинъ, поземельный владѣлецъ получалъ многія права державной власти и становился въ своей вотчинѣ какъ бы княземъ. Чѣмъ были князья вообще по отношенію къ своимъ вотчиннымъ владѣніямъ, тѣмъ дѣлался на основаніи жалованной граматы частный вотчинникъ по отношенію къ своей вотчинѣ. Онъ получалъ правительственную власть надъ лицами, жившими на его землѣ. Онъ дѣлался судьею

*) См., напримѣръ, А. А. Э. т. I. № 44 жал. грам. Вел. Кн. Вас. Вас. Маріи Комниной и сыну ея Ѳедору; ib № 46 Ивану Петелину, № 45 митрополита Іоны Андрею Аѳанасьеву, и масса другихъ.

ихъ не только по дѣламъ гражданскимъ, но и по дѣламъ уголовнымъ, исключая дѣлъ о воровствѣ, разбоѣ и душегубствѣ, которыя, впрочемъ, иногда также ему поручались. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ правъ онъ совершенно, или большею частью, освобождался изъ подвѣдомственности мѣстному начальству и поставлялся въ непосредственную зависимость отъ князя; чиновники княжескіе не имѣли права въѣзжать въ его вотчину, чтобъ отправлять здѣсь какія-либо дѣйствія своей власти». Не смотря на шаткость и неопредѣленность правъ владѣльцевъ, объемъ ихъ постоянно расширялся; можно сказать, что въ мірѣ экономическихъ и юридическихъ отношеній прочность права обратно пропорціональна его обширности и неопредѣленности. Отсутствіе поземельной собственности въ истинномъ смыслѣ этого слова не помѣшало однако владѣльцамъ присоединить къ владѣнію землею владѣніе крестьянами, установить крѣпостное право для другихъ въ то время, какъ они сами со всѣмъ имуществомъ находились въ несвободномъ отношеніи къ государству. Первый шагъ къ опредѣленной поземельной собственности, къ освобожденію владѣльческаго сословія сопровождался первыми попытками ослабить крѣпостное право, то-есть, какъ бы ограничить эту собственность. Но ясно, что тутъ дѣло шло объ опредѣленіи понятія, выдѣленія изъ него несвойственныхъ ему элементовъ, а гдѣ начало опредѣляется, выясняется, тамъ оно тотчасъ становится болѣе прочнымъ. Крѣпостное право постепенно ограничивалось, стѣснялось; каждое царствованіе вносило что-нибудь для огражденія крестьянъ отъ произвола владѣльцевъ; но кто скажетъ, что государи имѣли въ виду ограничить самый принципъ поземельной собственности? Напротивъ, каждый ударъ, нанесенный крѣпостному праву, какъ бы все больше и больше укрѣплялъ начало собственности. Иначе и быть не могло. Крѣпостное право, печальное и вредное явленіе, вызванное и поддерживаемое столь же печальными условіями, открывало постоянный и легальный доступъ вмѣшательству правительства и администраціи. Генералъ-губернаторы и губернаторы обязаны были смотрѣть, чтобы помѣщики отечески обращались съ своими крестьянами и не разоряли ихъ. Расточительность и жестокое обращеніе вели къ опекѣ, и т. д. Мы не станемъ высчитывать здѣсь всѣ эти мѣры, но всякій сознается, что если существовали ограниченія поземельной собственности, то именно со стороны или по поводу крѣпостнаго права. Никто изъ серьезныхъ людей, полагаемъ, не станетъ, сомнѣваться въ томъ, что уничтоженіе этого права будетъ имѣть послѣдствіемъ прочное установленіе и утвержденіе началъ собственности.

Такимъ образомъ, постепенное *ограниченіе* того, что Бюше называетъ поссесіей, по указаніямъ исторіи имѣетъ совершенно не то значеніе, какое онъ ему придаетъ. Это ограниченіе есть послѣдствіе постояннаго выясненія и раздѣленія экономическихъ и юридическихъ понятій съ одной стороны и прогрессивной дѣятельности государства въ видахъ свободы и благосостоянія

массы гражданъ — съ другой. Въ этомъ отношеніи *ограниченіе* испытывала не одна поземельная собственность. Не говоря уже о постепенномъ уничтоженіи раб-тва, которое, впрочемъ, по теоріи Бюше слѣдуетъ отнести въ разрядъ *владѣній*, мы знаемъ законы противъ лихвенныхъ процентовъ, противъ обращенія въ продажѣ вредныхъ предметовъ, массу полицейскихъ постановленій, нормирующихъ дѣятельность гражданъ въ видахъ общаго блага: что же, и это будетъ ограниченіемъ *принципа* собственности? Необходимо, наконецъ, согласиться, что каждое правильное и законное ограниченіе есть опредѣленіе, выясненіе принципа, а такое выясненіе необходимо ведетъ къ его укрѣпленію.

Далѣе Бюше совершенно неосновательно считаетъ право собственности прирожденнымъ правомъ. Оно образовалось точно такъ же, какъ и то, что онъ называетъ владѣніемъ, вмѣстѣ съ развитіемъ экономическихъ и юридическихъ понятій. Будь оно прирожденное право, какъ, напримѣръ, жизнь, оно было бы мыслимо внѣ общежитія; напротивъ, появленіе его необходимо требуетъ столкновенія, по крайней мѣрѣ, двухъ лицъ, — другими словами, оно не мыслимо внѣ общества. Трудно понять, какимъ образомъ Бюше, съ такою ясностію доказывающій невозможность осуществленія и развитія языка, науки, нравственности, свободы, правъ и обязанностей внѣ общества, дѣлаетъ такое исключеніе въ пользу самаго серьезнаго изъ правъ. И движимая, и недвижимая собственность, и владѣніе образовались въ общежитіи и не вдругъ. Но образованіе ихъ началось одновременно и на равныхъ правахъ. Первоначально, напримѣръ, законодательства не знали различія между движимою и недвижимою собственностію потому, что отсутствіе юридическихъ нормъ ставило и ту и другую подъ совершенно одинаковыя условія. Но съ первымъ появленіемъ какихъ бы то ни было нормъ начинаетъ выясняться различіе между тою и другою. При этомъ понятно, что прежде всего выяснилось положеніе собственности движимой, благодаря тому обстоятельству, что она требовала меньшей строгости и опредѣленности юридическихъ нормъ, безъ которыхъ не могла обойдтись собственность недвижимая. Такъ, напримѣръ, первоначальные способы пріобрѣтенія и укрѣпленія могли удовлетворительно служить только въ сдѣлкахъ относительно движимости. При отсутствіи письменности, свидѣтели, торжественная передача вещи изъ рукъ въ руки, произношеніе разныхъ священныхъ формулъ были единственными актами, утверждавшими за покупателемъ его право. Безъ сомнѣнія, они были достаточны при куплѣ и продажѣ предметовъ движимыхъ, но не могли удовлетворить условіямъ собственности поземельной. Движимый предметъ, имѣя большею частію опредѣленную форму, легко можетъ быть узнанъ, отличенъ отъ массы другихъ предметовъ, слѣдовательно, наличность свидѣтелей можетъ служить достаточною гарантіей подлинности этого акта; далѣе, если эта движимая вещь будетъ платье, съѣстные припасы, обувь и

вообще предметы, подлежащіе немедленному или постепенному уничтоженію не далѣе какъ въ теченіе одного поколѣнія, на памяти у людей, бывшихъ свидѣтелями купли, возможность процесса сомнительна, — слѣдовательно, самое право владѣльца достаточно обезпечено. То же самое можно сказать и относительно предметовъ употребляемыхъ и не истребляемыхъ, какъ, напримѣръ, золотыя и серебряныя вещи. По своей рѣдкости, особенно въ тѣ бѣдныя и грубыя времена, они тотчасъ становятся извѣстными всѣмъ сосѣдямъ и даже цѣлому околодку, вслѣдствіе чего владѣніе ими даже при переходѣ ихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе достаточно обезпечивается общеизвѣстностію и удобоузнаваемостію ихъ. Но по отношенію къ поземельной собственности нужны болѣе сложныя условія. Границы поземельнаго участка должны быть опредѣлены съ точностію; иначе владѣлецъ всегда будетъ въ опасности лишиться части своихъ владѣній въ пользу недобросовѣстныхъ сосѣдей. Затѣмъ единовременнаго опредѣленія этихъ границъ недостаточно: межевые знаки могутъ быть попорчены временемъ или сосѣдями, въ особенности при переходѣ участка отъ отца къ дѣтямъ, мало еще знакомымъ съ своими владѣніями; свидѣтели, помнившіе условія сдѣлки, могутъ умереть или даже забыть эти границы, такъ какъ по несовершенству межеваго дѣла онѣ опредѣляются приблизительно. Поземельный участокъ, особенно обширный, не оставляетъ въ умѣ такого яснаго и раздѣльнаго представленія, какъ, напримѣръ, золотая цѣпь или серебряная ваза. Вся процедура словесно-символическихъ актовъ можетъ обезпечить, и то не всегда, спокойное владѣніе за однимъ, много двумя поколѣніями. Какъ бы ни были торжественны формы и обряды, въ родѣ передачи глыбы земли или вѣтви, они не устоятъ передъ дѣйствіемъ времени, недобросовѣстностію и забывчивостію людей. Нужны, слѣдовательно, успѣхи письменности, юридическаго языка и формъ, межеваго дѣла, судебной организаціи, чтобы должнымъ образомъ обезпечить права владѣльца. Вотъ почему поземельная собственность, какъ отдѣльный юридическій институтъ, выдѣляется послѣ другихъ видовъ собственности, и выдѣленіе это происходитъ подъ вліяніемъ постояннаго развитія юридическихъ формъ, что и подало поводъ писателямъ, принимающимъ причину за слѣдствіе, считать ее созданіемъ законодательства. Заблужденіе это происходитъ именно потому, что на развитіе и выдѣленіе поземельной собственности сильно вліяло развитіе юридическихъ понятій, сложившихся въ позднѣйшія историческія эпохи и часто на глазахъ живыхъ еще людей. Этому общему правилу, что поземельная собственность развилась позднѣе движимой, не противорѣчитъ то обстоятельство, что многіе народы знали ее даже въ періодъ отсутствія письменности; напротивъ, это даже подкрѣпляетъ наше положеніе. Въ небольшихъ государствахъ, въ родѣ греческихъ республикъ и первоначальнаго Рима, гдѣ каждый клочекъ земли могъ быть извѣстенъ каждому гражданину, даже словесно-символическіе обряды могли

быть совершенно достаточны для совершенія всѣхъ сдѣлокъ. Но въ странахъ обширныхъ, какъ новыя государства, гдѣ долгое время нѣтъ возможности, а часто необходимости опредѣлять границы участковъ, гдѣ народонаселеніе долго не можетъ выйдти изъ бродячаго состоянія, тамъ появленіе и укрѣпленіе поземельной собственности есть продуктъ сильно развитой общественности. Скажемъ больше: развитіе поземельной собственности есть первый несомнѣнный симптомъ освобожденія личности, ея самостоятельности по отношенію къ государству; она дѣлаетъ изъ человѣка полноправнаго гражданина. Она даетъ массѣ гражданъ необходимое самосознаніе. Только при всѣхъ этихъ условіяхъ собственность можетъ сдѣлаться тѣмъ охранительнымъ началомъ, какимъ выставляетъ ее Бюше.

Кажется, въ этомъ отношеніи онъ стоитъ не на надлежащей почвѣ. Изслѣдуя вопросъ о собственности съ узкой точки зрѣнія проявленія личной свободы и труда *), онъ не достигъ цѣлей, которыя самъ предположилъ. Собственность въ томъ видѣ, какъ онъ ее предлагаетъ, годна только для поддержанія породы людей и индивидуальнаго ихъ развитія **). Слѣдовательно, онъ не даетъ ей того значенія, какое, по его мнѣнію, имѣетъ воспитаніе, которое передаетъ изъ поколѣнія въ поколѣніе сознаніе общей цѣли. Это грубая ошибка. Оставляя такую важную силу какъ собственность для сферы индивидуальнаго развитія, Бюше лишаетъ свои охранительныя установленія сильной поддержки. Собственность служитъ главнымъ основаніемъ образованія различныхъ общественныхъ классовъ и группъ, слѣдовательно, поддерживаетъ общность интересовъ, даетъ надлежащее развитіе различнымъ общественнымъ элементамъ. Поземельной собственности въ этомъ отношеніи принадлежитъ высокая роль. Она наиболѣе способна именно къ той сторонѣ охранительной дѣятельности, о которой больше всего заботится авторъ, именно къ сохраненію общенаціональной идеи. Эгоистъ въ сферѣ частныхъ отношеній, человѣкъ не можетъ сразу стать героемъ въ общегосударственныхъ вопросахъ. Такой непосредственный переходъ, по меньшей мѣрѣ, былъ бы очень страненъ и даже невозможенъ. «Кромѣ нѣкоторыхъ личностей, говоритъ Ле-Пле (La Réforme sociale en France, II, p. 12), — логичностей, очень выдвигающихся изъ массы вслѣдствіе своего особеннаго развитія, люди вообще не увлекаются отвлеченными идеями. Нельзя образовать гражданъ однимъ теоретическимъ понятіемъ государства, какъ нельзя

*) Вотъ его подлинныя слова: „Le droit de la propriété, tel que nous l'avons défini, n'est point une institution purement sociale. C'est le droit personnel du créateur sur l'oeuvre qu'il a créée... Le droit de propriété est beaucoup plus restreint que le pouvoir de possession. Rigoureusement il ne s'applique qu'aux produits du travail... il ne peut s'étendre à la terre, car la terre n'est point la création de l'homme. I, 337, 338.

**) См. стр. 134.

образовать христіанъ безъ положительнаго культа, церкви съ помощію отвлеченной идеи Божества. Чтобы люди могли возвыситься до національнаго чувства, національность должна проявляться въ массѣ привычекъ, интересовъ, стремленій, привязывающихъ ихъ къ родинѣ». Между мотивами, порождающими эти разнообразные интересы, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ собственность, которой количество и качество служитъ къ образованію различныхъ классовъ общества, съ разнообразными нуждами, стремленіями, взглядами. Человѣкъ самъ по себѣ не всегда сохраняетъ воспоминаніе о политическомъ прошедшемъ, о современныхъ задачахъ своего отечества. Какъ членъ извѣстнаго сословія, онъ не только сохранитъ ихъ, но и будетъ дѣйствовать подъ ихъ вліяніемъ. Поземельная собственность, какъ извѣстно всѣмъ, сколько-нибудь знакомымъ съ политическимъ бытомъ европейскихъ народовъ, наиболѣе способствуетъ къ образованію самостоятельнаго и проникнутаго гражданскимъ чувствомъ класса гражданъ. Онъ дѣлаетъ возможнымъ и плодотворнымъ мѣстное самоуправленіе, безъ котораго невозможно воспитаніе народа, безъ котораго гражданское чувство испаряется въ отвлеченныхъ формулахъ и теоретическихъ комбинаціяхъ бюрократіи.

Мы привели одинъ изъ примѣровъ того, къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ привело Бюше незнакомство съ германскими общественными науками. Ихъ можно было привести больше. Но изъ приведеннаго, кажется, ясно, что даже въ отношеніи основныхъ началъ соціальной науки анализъ его оказывается неудовлетворительнымъ. Государственные вопросы сводятся у него все-таки на почву непосредственныхъ отношеній, а часто и противоположеній, государства и недѣлимаго, безъ всякихъ посредствующихъ сферъ и организмовъ. Вслѣдствіе этого онъ не всегда остается вѣренъ даже своимъ собственнымъ положеніямъ. Положенія его большею частію вѣрны, выводы же на столько шатки, что можно подумать, что они соотвѣтствуютъ какимъ-нибудь другимъ положеніямъ. Для примѣра возьмемъ его опредѣленіе національности и сравнимъ его съ выводами, сдѣланными изъ этого опредѣленія. «Національность, говоритъ авторъ, есть результатъ общности вѣрованій, *преданій*, надеждъ, обязанностей, *интересовъ*, *предразсудковъ*, страстей, языка, и наконецъ, нравственныхъ, умственныхъ и даже физическихъ привычекъ, имѣвшихъ точкою отправленія общую цѣль, а центромъ — опредѣленную и постоянную часть человѣческаго рода, преслѣдовавшую эту цѣль въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній». Мы просимъ читателя обратить вниманіе на эти преданія, интересы, привычки, даже предразсудки, рождающіе національность *). Всѣ эти моменты указываютъ на *охранительную* дѣятель-

*) Это опредѣленіе національности вполнѣ сходно съ такимъ же опредѣленіемъ у Милля. Впрочемъ, оно врядъ ли заимствовано у него, такъ какъ Бюше имѣетъ привычку указывать свои заимствованія, какъ это онъ сдѣлалъ по поводу теоріи огражденія меньшинства при выборахъ (теоріи Гера и Милля). Притомъ опредѣленіе это въ тѣсной связи со всѣмъ его ученіемъ, и выводы, сдѣланные имъ, вполнѣ самостоятельны.

ность по преимуществу, которая, какъ мы видѣли, болѣе всего свойственна обществу и его многоразличнымъ организмамъ. Національность, какъ это справедливо замѣчаетъ Бюше, не есть какое-нибудь абсолютно-абстрактное начало, сразу раздѣлившее родъ человѣческій на группы. Народъ зарабатывается, завоевывается ее какъ отдѣльный человѣкъ, борьбою и трудомъ достигаетъ самостоятельности и оригинальности. Авторъ описываетъ и это постепенное образованіе національности, и ея значеніе съ большимъ знаніемъ дѣла. «Въ каждомъ обществѣ, говоритъ онъ, цѣль устанавливается сначала какъ вѣрованіе и догматъ; люди отдаются ей по убѣжденію. Какъ только имъ совершено нѣсколько актовъ въ этомъ направленіи, начинается преданіе, образуются интересы и порождаются страсти, какъ продуктъ этого преданія и интересовъ. Едва смѣнились нѣсколько поколѣній, какъ уже существуетъ цѣлая система обязанностей, правъ и интересовъ, ученіе, сложившееся изъ всѣхъ тѣхъ идей, которыя поддерживаются между людьми подражаніемъ, *примѣромъ*, исторіей предковъ и составляютъ какъ бы нравственную атмосферу, которою дышатъ и питаются умы. Наконецъ, образуется особенная логика, прилагаемая ко всѣмъ вопросамъ, нарѣчіе, превращающееся въ самостоятельный языкъ, оригинальныя нравственныя привычки, со временемъ появляется еще замѣчательнѣйшій фактъ: физическій характеръ народонаселенія измѣняется. Народонаселеніе это пріобрѣтаетъ не только особенныя привычки, но и особенныя способности, особенный геній и даже видъ, отличающій его отъ другихъ народовъ: появляется новая раса. Кажется, что цѣль націи воплотилась въ ней. Всѣ эти индивидуальныя и общественныя черты такъ положительны и рѣзки, что національныя отличія сохраняются даже послѣ того, какъ цѣль, соединявшая людей, потеряна, достигнута или забыта, и сохраняются до тѣхъ поръ, пока нація не будетъ видоизмѣнена какою-нибудь другою общею цѣлью» (I, стр. 75 — 76).

Единственные научные выводы, которые можно сдѣлать изъ этихъ положеній, заключаются, сколько намъ кажется, въ слѣдующемъ. Ученія и вѣрованія, устанавливающія національную цѣль, для полнаго своего осуществленія въ національности нуждаются въ силѣ преданія, въ сведеніи къ единству разнообразныхъ интересовъ, въ долговременномъ упражненіи всѣхъ національныхъ силъ въ одномъ и томъ же направленіи, слѣдовательно, въ томъ развитіи охранительныхъ элементовъ, на которое мы указывали. Бюше самъ высказываетъ эту мысль въ разныхъ мѣстахъ своего труда, и потому можно было надѣяться, что онъ всею силою своего таланта наляжетъ на изслѣдованіе различныхъ элементовъ, наиболѣе способныхъ для этой задачи. Но мы видѣли, что онъ, разсматривая важнѣйшіе элементы общества: собственность, религію, свободу, остается въ сферѣ индивидуальныхъ отношеній и интересовъ, надъ которыми идея національности съ ея цѣлями возвышается какъ что-то недосягаемое, абсолютное. Между тѣмъ безъ по-

добнаго анализа значеніе національности, даже при превосходной постановкѣ вопроса, сдѣланной авторомъ, будетъ непонятно. Какъ опредѣлить, напримѣръ, въ каждую данную минуту характеръ и направленіе каждой національности? Гдѣ искать несомнѣнныхъ, непогрѣшимыхъ указаній на эту задачу каждаго народа, этихъ рѣзкихъ, постоянныхъ, характеристическихъ чертъ народа? На основаніи положенія Бюше выводъ кажется намъ яснымъ и несомнѣннымъ, но онъ, по вышеуказаннымъ причинамъ, не сдѣлалъ его. Сколько намъ кажется, все, что сказано имъ, даетъ полное право на слѣдующее заключеніе. Если въ образованіи національности самое видное мѣсто занимаютъ привычка, преданіе, предразсудки *), то-есть, вообще охранительныя начала, то главнымъ центромъ національнаго чувства, главнымъ средоточіемъ національныхъ преданій и стремленій являются тѣ слои общества, въ которыхъ въ данную минуту заключается наиболѣе охранительныхъ началъ. Ихъ стремленіями главнымъ образомъ характеризуется каждая національность. Безъ изученія этихъ элементовъ невозможно надлежащее пониманіе національности и ея интересовъ; безъ нихъ понятія эти получаютъ характеръ отвлеченный, а человѣкъ, ими увлекающійся, близокъ къ космополитизму. Если, по справедливому замѣчанію автора, національность есть порожденіе, а не причина общественности, то въ самой этой общественности наибольшаго изученія требуютъ тѣ элементы, которые въ теченіе всей исторіи наиболѣе остались вѣрны первоначально-установившейся цѣли. Никто не скажетъ, что эти элементы вездѣ одни и тѣ же, иначе всѣ націи были бы похожи другъ на друга и даже не было бы націй. Именно, благодаря тому обстоятельству, что каждый изъ общественныхъ элементовъ, подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій, играетъ въ одномъ народѣ одну, а въ другомъ — другую роль, устанавливается различіе національностей.

Исторія и современная практика подтверждаютъ это положеніе многими примѣрами. Между всѣми общественными элементами наибольшее охранительное значеніе имѣютъ религія и собственность: это — положеніе общее и всѣмъ извѣстное. Но, конечно, нельзя разематривать этихъ элементовъ въ отвлеченномъ ихъ значеніи; изслѣдованіе того, какъ всякая собственность, всякая религія способствуетъ образованію національнаго чувства, дѣло полезное для установленія общихъ понятій, но не для объясненія конкретныхъ фактовъ. Религія вообще поддерживаетъ общеніе между людьми, но не каждая церковь покровительствуетъ развитію національности; собственность вообще сильное охранительное начало, но не каждая ея форма одинаково способна къ этой дѣятельности. Политеизмъ классической древности былъ

*) Бюше весьма основательно даетъ законную роль и этому элементу: декламація противъ предразсудковъ тоже предразсудокъ. Въ основаніи ихъ часто лежитъ вѣрное и неподкупное чувство народа.

главною основою національности, онъ отразился на политическомъ строѣ и установленіяхъ, на искусствѣ, на наукѣ. Догматы христіанства уже не при всѣхъ условіяхъ дѣйствуютъ одинаково. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ церковь осталась вѣрною ученію основателя религіи, гдѣ она чуждалась мірскаго, гдѣ она ограничивалась высокою ролью нравственнаго воспитанія народа, съ которымъ она работала и страдала, она явилась сильною поддержкою національнаго чувства. Гдѣ, напримѣръ, церковь стремилась къ политической роли, дѣло національности выигрывало мало. Ѳеократія, построенная на догматѣ единобожія, вреднѣе отражается на политической судьбѣ народовъ, чѣмъ ѳеократія древняго міра, которая должна была отождествлять себя съ національностію. Въ примѣръ можно привести исламъ и въ особенности католицизмъ, ревностные служители котораго прибѣгали даже къ цареубійству для поддержанія власти папы. То же самое можно сказать и относительно собственности. Люди, останавливающіеся только на томъ общемъ положеніи, что *вообще* собственность охранительное начало, спѣшатъ сдѣлать изъ него тотъ общій выводъ, что *ergo*: чѣмъ крупнѣе собственность, тѣмъ естественнѣе охранительныя, и слѣдовательно, національныя стремленія ея владѣльцевъ. Такимъ образомъ, количество собственности является для нихъ главнымъ основаніемъ дѣленія общественныхъ классовъ на охранительные и прогрессивные, при чемъ многіе отождествляютъ послѣдній эпитетъ съ понятіемъ *разрушительности*. Затѣмъ другіе публицисты внесли еще одинъ признакъ, который нѣсколько подвинулъ впередъ разъясненіе вопроса. Именно, кромѣ количества они приняли въ разсчетъ еще *качество* собственности: движимая и недвижимая собственность — вотъ новое основаніе для дѣленія общественныхъ классовъ. Первой, очевидно, даютъ болѣе охранительную роль, чѣмъ послѣдней *).

Выходя изъ того общаго и вѣрнаго положенія, что поземельная собственность сохраняетъ за извѣстными классами одно и то же общественное положеніе въ теченіе многихъ поколѣній, и потому вмѣстѣ съ имуществомъ передаетъ имъ извѣстныя преданія, что она меньше располагаетъ къ риску и побуждаетъ держаться за существующій порядокъ и т. д., эти мыслители дѣлали ее главнымъ консервативнымъ элементомъ въ противоположность собственности движимой, капиталу, этому порожденію предпріимчивости, риска, свободы и т. д. Но есть очень крупные историческіе и современные факты, которые говорятъ противъ безусловнаго приложенія такой теоріи. Феодализмъ, то-есть, крупное землевладѣніе, возведенное на степень государственнаго порядка, вовсе не отличался національными стремленіями; об-

*) Изъ нашихъ отечественныхъ публицистовъ этого мнѣнія придерживается и г. Чичеринъ, въ своемъ трудѣ: „О народномъ представительствѣ“.

разованіе національныхъ идей и элементовъ было дѣломъ промышленныхъ классовъ. Феодализмъ не зналъ національности; феодалъ-французъ охотнѣе протягивалъ руку феодалу-нѣмцу, чѣмъ французскому буржуа. Въ Швеціи королевская власть находила гораздо больше поддержки въ низшихъ классахъ, чѣмъ въ аристократіи. То же самое замѣчаемъ мы и въ старой Польшѣ. Въ Россіи охранительные элементы, по признанію всѣхъ лицъ, знающихъ ее, находятся внизу, между тѣмъ какъ прогрессъ всегда приходитъ сверху. Это — явленія, проходящія черезъ цѣлыя эпохи и даже черезъ всю національную исторію нѣкоторыхъ народовъ. Это кажущееся противорѣчіе происходитъ, сколько намъ кажется, отъ того, что политическіе мыслители въ изслѣдованіяхъ своихъ не обращаютъ должнаго вниманія на *третій* признакъ, играющій большую роль въ классификаціи собственности — *на ея форму*. Хотя всѣ знаютъ, что должна быть нѣкоторая разница между собственностію общинною, феодальною и аллодіальною, но до настоящаго времени эта разница не возведена на степень истинно-научнаго принципа. Между тѣмъ, это способствовало бы разъясненію многихъ историческихъ противорѣчій и самаго понятія національности. Роль собственности опредѣляется не только количествомъ и качествомъ ея, но и самою ея формой; въ особенности отъ этого послѣдняго признака зависитъ прогрессивное или охранительное ея направленіе. Нѣтъ сомнѣнія, напримѣръ, что неотчуждаемая, недѣлимая, несвободная собственность, то-есть, неподвижная ея форма явится сильнѣйшимъ охранительнымъ элементомъ, чѣмъ отчуждаемая, дѣлимая, то-есть, свободная собственность. Можно сказать даже, что первая по преимуществу охранительное начало, тогда какъ послѣдняя раздѣляетъ съ правительствомъ его прогрессивное назначеніе *). Провѣримъ это положеніе на нѣкоторыхъ историческихъ фактахъ. Самый удобный для этого есть, конечно, фактъ образованія французской національности, какъ наиболѣе разъясненный. Феодальная собственность, лишенная своего политическаго значенія, прикрѣпленная государствомъ къ служенію обще-національному дѣлу, образовала сильный консервативный элементъ въ обществѣ, но почему? Неужели вслѣдствіе своихъ большихъ размѣровъ или въ своемъ качествѣ *собственности поземельной?* Нѣтъ сомнѣнія, что тутъ главную роль играетъ сама неподвижная ея форма, выразившаяся въ майоратахъ и другихъ аналогическихъ условіяхъ. Напротивъ, прогрессивные элементы сосредоточились въ классахъ, жившихъ трудовою, движимою, промышленною собственностію, находившихъ постоянную поддержку въ королевской власти, пока она сама была прогрессивнымъ элементомъ въ странѣ. Но когда изъ

*) Мы просимъ читателя замѣтить это положеніе. Оно намъ пригодится при оцѣнкѣ правительственной теоріи Бюше.

прогрессивнаго и организующаго начала она превратилась въ монархію Людовика XIV, тотчасъ майоратная аристократія выступила какъ ея естественная союзница и погибла вмѣстѣ съ нею. Поземельная собственность современной Франціи представляетъ собою скорѣе либеральныя, чѣмъ чисто-консервативныя начала; она консервативна на столько, на сколько вообще количество и качество собственности сообщаетъ консервативное направленіе своему владѣльцу; но консервативность, зависѣвшая отъ формы этой собственности, консервативность, породившая тѣ сотни повинностей, которыя такъ стѣснили развитіе земледѣлія и народной промышленности, такая консервативность или вовсе исчезла, или постепенно исчезаетъ. Тѣмъ не менѣе охранительныя начала во всей западной Европѣ, не говоря уже объ Англіи, болѣе другихъ удержавшей средневѣковые порядки, сосредоточиваются въ высшихъ классахъ, а всѣ прогрессивныя стремленія — внизу. Устранивъ затруднительный для себя вопросъ о формѣ собственности, прокричавъ о равноправности и свободѣ, распродавъ конфискованныя у дворянства имущества, революція свела весь этотъ трудный экономическій вопросъ на вопросъ о простомъ распредѣленіи этой собственности, забывая, что какъ бы ни было облегчено это распредѣленіе, всегда останутся люди, которыхъ оно не коснется, то-есть, которымъ ничего не дастъ; а принимая во вниманіе, что распредѣленіе это регулируется простою конкуренціей, то-есть, регламентированною силой, и что при такомъ порядкѣ всегда происходитъ страшное скопленіе собственности въ однѣхъ рукахъ, нельзя удивляться тому факту, что такихъ ничего не получившихъ *распредѣленій* оказывается масса и даже большинство. Слѣдовательно, изгнаніе неподвижной собственности изъ сферы экономическихъ отношеній, то-есть, замѣна собственности феодальной собственностью аллодіальною, много сдѣлавшая для эмансипаціи личнаго труда и личности, не разрѣшила всѣхъ затрудненій, а напротивъ, во многихъ отношеніяхъ увеличила раздоръ между классами. Иначе и быть не могло. Прежде поземельная собственность была удѣломъ немногихъ, за которыми она оставалась изъ рода въ родъ. Она, такъ-сказать, была изъята изъ народнаго обращенія. Преданіе освящало этотъ порядокъ вещей. Аристократія считалась прирожденнымъ землевладѣльцемъ, другіе классы не стремились и не могли стремиться занять ея положеніе. Общественные элементы дѣйствовали въ сферѣ ремесленной, промышленной, торговой; соперничество и раздоръ классовъ тоже сосредоточивались въ сферѣ этихъ отношеній. Но вотъ революція бросила лакомый кусокъ въ общее обращеніе и признала laissez-faire. Вышло изъ этого много хорошаго, но и много дурнаго. Вопервыхъ, охранительные и прогрессивные элементы получили самый печальный оттѣнокъ. *Движеніе*, сосредоточиваясь въ пролетаріатѣ и массѣ рабочихъ, всегда имѣетъ характеръ дикой силы: идеалы принимаютъ часто грубую форму насильственнаго раздѣленія собственности. Высшіе классы,

естественно прогрессивные по своему умственному развитію, по самой формѣ своей собственности, сбросившей свой неподвижный феодальный характеръ, невольно останавливаются предъ безобразными замыслами народныхъ вождей. Они должны были принять на себя роль охранительныхъ элементовъ, хотя эта роль, послѣ паденія стараго порядка, не идетъ къ нимъ больше. Отъ страннаго, хотя, къ сожалѣнію, и необходимаго соединенія этихъ естественно-прогрессивныхъ стремленій съ невольно-консервативнымъ направленіемъ произошла та система чудовищно-смѣшныхъ софизмовъ, извѣстныхъ подъ именемъ *либерализма*. Софизмъ наверху, необузданное, дикое, непросвѣщенное движеніе внизу — вотъ пока результатъ западной экономической и государственной системы. Притомъ все сказанное относится еще къ лучшимъ представителямъ европейской цивилизаціи—къ Франціи, къ Англіи. Но что представляютъ страны, гдѣ охранительныя начала представляются прусскимъ юнкерствомъ, польскими магнатами?

Печальное, но неразрѣшимое противорѣчіе, скажутъ намъ; зло, но зло необходимое — изъ него не можетъ быть выхода. Не только можетъ, но и есть. Россія не свела вопросъ о своей собственности на простой вопросъ о количествѣ и качествѣ ея. Рядомъ съ ними въ ней сохранилось и различіе *въ формѣ*, и этимъ она *по счастію* отличается отъ всѣхъ другихъ европейскихъ державъ. Всѣмъ извѣстно, что въ настоящее время существуетъ въ ней двѣ формы землевладѣнія: одна со всѣми признаками неподвижной формы — неотчуждаемая, недѣлимая, форма общинная; другая, все болѣе и болѣе получающая характеръ свободный — собственность частная. Первая изъ нихъ, въ особенности въ государствѣ московскомъ, появилась раньше послѣдней, общія начала которой выяснились только въ XVIII столѣтіи, а дальнѣйшее развитіе ждало уничтоженія крѣпостнаго права. Какое было соотношеніе этихъ двухъ формъ землевладѣнія и сообразно этому и роль владѣвшихъ ими сословій? Съ самаго уже начала московской исторіи можно было замѣтить, что обѣ эти формы собственности должны были осуществить исконное начало славянскихъ воззрѣній на собственность; это воззрѣніе — общность для неподвижной формы и равноправность и дѣлимость для свободной собственности. Отсюда сильное развитіе общины въ противоположность свободнымъ стремленіямъ промышленныхъ классовъ западной Европы и равноправность членовъ семьи въ противоположность западнымъ майоратамъ. Отсюда понятна и политическая роль той и другой собственности. Если на Западѣ неподвижность формы и охранительныя начала соотвѣтствовали высшимъ классамъ, у насъ эта форма съ отвѣтствующими ей охранительными началами соотвѣтствуетъ крестьянству. Наоборотъ, прогрессивныя стремленія и свободная собственность, принадлежавшія на Западѣ низшимъ классамъ, у насъ составляютъ удѣлъ высшихъ, которые поэтому могутъ вполнѣ назваться передовыми. Лучше всего это значеніе ихъ можетъ

быть разъяснено на исторіи знаменитой попытки Петра создать у насъ нѣчто въ родѣ западной аристократіи со всѣми ея стремленіями. Вотъ почему мы и дозволимъ себѣ здѣсь небольшое отступленіе. Оно кстати разъяснитъ и то, на сколько указъ о единонаслѣдіи былъ подражаніемъ англійскому быту.

Съ того времени, какъ служилое сословіе наше, подъ вліяніемъ Московскихъ государей, получаетъ помѣстный характеръ *), въ общей массѣ поземельной собственности замѣчается двоякое движеніе. Одна часть земли подчиняется старымъ, историческимъ преданіямъ и понятіямъ народа и служитъ основою общинной жизни, какъ это было во времена удѣльно-вѣчеваго періода. Другая представляетъ собою интересы служилаго сословія, даетъ ему возможность участвовать въ политической жизни страны своею службой, быть у государева дѣла вездѣ и всегда; она представляетъ собою личное, старо-дружинное начало. Чѣмъ ближе подходимъ мы къ эпохѣ преобразованій Петра I, тѣмъ рѣзче выдѣляется характеръ той и другой собственности. Та и другая раздѣляютъ участь сословій, представляющихъ ее. По мѣрѣ того какъ сословія образуются, закрѣпляются и получаютъ такое же значеніе, образуется, закрѣпляется и получаетъ такое же значеніе и собственность. Вмѣстѣ съ крестьянскимъ сословіемъ общинная собственность подчинилась его тяглу, и во время Грознаго и его первыхъ преемниковъ, появившись на время вмѣстѣ съ общинами въ политической сферѣ, сошла съ нея вмѣстѣ съ ними и надолго осталась несвободною и оброчною вмѣстѣ съ этимъ сословіемъ. Напротивъ, владѣльческая собственность продолжала безостановочно свое политическое развитіе. На ней государственныя реформы должны были отразиться еще сильнѣе, чѣмъ на собственности общинной. Послѣдняя, будучи произведеніемъ народнаго духа, входила, такъ-сказать, въ сферу обычнаго права, была оставлена на попеченіи народа. Какъ только самыя общины были устранены отъ политической жизни, законодательство уже не заботилось о ихъ судьбѣ, и онѣ должны были ждать много лѣтъ, чтобы вмѣстѣ съ освобожденнымъ народомъ явиться на политическое поприще съ тѣмъ же народнымъ колоритомъ, съ тою же свѣжестію и бодростію, съ какою нѣкогда общины отвѣчали на призывъ Грознаго. Напротивъ, судьба владѣльческой собственности близко интересовала правительство; съ нею связанъ былъ вопросъ о томъ сословіи, которое ближайшимъ образомъ служило его дѣлу. Такая собственность нуждалась въ регламентаціи въ приспособленіи ея къ видамъ государственнымъ. Каковъ же долженствовалъ

*) Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы въ кіевской Россіи не было частной поземельной собственности, но она имѣла тамъ совершенно другое значеніе, чѣмъ въ Москвѣ, гдѣ она постепенно лишь создалась дѣятельностію государства. И къ этой кіевской частной собственности примѣнялось начало равноправности членовъ семьи со всѣми его послѣдствіями.

быть характеръ этой собственности? Если она должна была служить государственнымъ интересамъ, то логическій ходъ событій требовалъ, чтобъ она приняла тотъ складъ, какой приметъ владѣющее ею сословіе. Сословіе это стянуто было въ Москву, всегда прикрѣплено къ государеву дѣлу. Грозные указы выгоняли на службу дворянъ, укрывающихся въ деревняхъ. Они, слѣдовательно, были оторваны отъ хозяйства. Личная экономическая дѣятельность была для нихъ невозможна, слѣдовательно, и само государство не имѣло права разсчитывать на увеличеніе внутренней цѣнности земли, отданной служилому классу, ни на прогрессъ въ хозяйственныхъ операціяхъ, ведущихъ къ увеличенію дохода, то-есть, на все то, что можетъ быть достигнуто только при личной хозяйственной дѣятельности владѣльцевъ и что могло сдѣлать и дѣйствительно дѣлаетъ возможнымъ дробленіе собственности между отдѣльными членами семьи. Правительство должно было смотрѣть на каждое помѣстье, какъ на неподвижный капиталъ, обреченный весь вѣкъ приносить одни и тѣ же проценты. Въ дробленіи собственности оно *обязано* было видѣть дробленіе одного и того же не измѣняющагося капитала. Петръ въ своемъ указѣ 1714 г. вѣрно выражаетъ эту мысль. Онъ прямо начинаетъ съ того, что беретъ примѣрную вотчину (1,000 душъ) и разсматриваетъ исторію ея дробленія между наслѣдниками ко вреду государства и самого рода. Очевидно, что каждый правитель и практическій мыслитель того времени, задумавшись надъ этимъ вопросомъ, пришелъ бы къ слѣдующимъ результатамъ. Правительству, сказалъ бы онъ, нужно сословіе, которое отдало бы ему весь свой трудъ. Такое сословіе оно имѣетъ въ дворянствѣ. Существованіе этого сословія обезпечено собственностію, которая представляетъ не измѣняющійся фондъ, поддерживающій его правительственную дѣятельность. Дѣятельность эта можетъ поддерживаться должнымъ образомъ лишь тогда, когда фондъ этотъ останется неизмѣннымъ. Но была ли бы возможность не измѣниться этому фонду при равномъ правѣ всѣхъ членовъ дворянской семьи на наслѣдство? Если бы въ землю эту постоянно вкладывались новый трудъ и новые капиталы, то состояніе послѣдующихъ поколѣній было бы обезпечено такъ же, какъ и предыдущихъ. Но этого-то и не было въ московскомъ государствѣ. Петръ I прямо говоритъ, что дробленіе собственности вело къ обнищанію семьи, что третьему поколѣнію уже ѣсть нечего. Правительству, слѣдовательно, невольно приходилось сократить сферу служилаго сословія, то-есть обезпечить, какъ слѣдуетъ, если не всю семью, то по крайней мѣрѣ часть ея. Младшихъ (кадетовъ) ожидала естественно военная служба, гдѣ государство прямо брало ихъ на свое содержаніе. Таковъ именно и былъ смыслъ закона о единонаслѣдіи.

Почему онъ не осуществился? На это можно отвѣтить другимъ вопросомъ: почему начало единонаслѣдія должно было вести такую упорную борьбу въ самомъ родѣ князей нашихъ, гдѣ необходимость этого начала была оче-

видна? Велико было торжество Московскихъ государей, когда единонаслѣдіе утвердилось, наконецъ, по отношенію къ престолу. Но какихъ трудовъ, какой борьбы стоило имъ осуществленіе этой задачи! Если торжество этого начала было достигнуто съ трудомъ въ сферѣ чисто-государственныхъ отношеній, то какихъ усилій нужно было для того, чтобы провести его въ сферѣ права гражданскаго? Экономическія начала, частное право даннаго народа подчиняютъ себѣ направленія законодательства, но никогда правительство не достигаетъ подчиненія ихъ своимъ цѣлямъ. Такъ случилось и съ попыткой Петра. Единонаслѣдіе, основа англійскаго гражданскаго права, укрѣпилось тамъ и въ сферѣ чисто-политическихъ отношеній. Русское единонаслѣдіе, зародившееся въ сферѣ государственнаго права, не могло перейдти въ право гражданское и должно было уступить предъ вѣковыми преданіями народа. Законъ о единонаслѣдіи былъ напряженнымъ, громаднымъ усиліемъ подчинить цѣлое сословіе, со всѣми его симпатіями, соціальными взглядами, семейными преданіями, государству. Дѣло московскихъ царей дошло до апогея—дальше ему идти было некуда. Но здѣсь оно и остановилось. Майораты наши не просуществовали и 17-ти лѣтъ, дробленіе собственности продолжалось, вызывая потребность личной экономической дѣятельности помѣщиковъ, и уже въ царствованіе Екатерины I генералъ-прокуроръ Ягужинскій говоритъ о необходимости отпуска офицеровъ по домамъ для поддержанія хозяйства. За временнымъ отпускомъ послѣдовалъ роспускъ служилаго сословія, и распущенное по домамъ, вооруженное свободною собственностію, оно подорвало экономическія основы старой централизаціи, положило начало тѣмъ стремленіямъ, которыя такъ удачно выразились въ земскихъ учрежденіяхъ. Такъ высказалось могущество экономическихъ преданій народа надъ всѣми попытками законодательной регламентаціи. Нѣтъ сомнѣнія, что законодательство шло логическимъ путемъ и ясно формулировало государственныя задачи. Но логическая дѣятельность государства столкнулась съ органическимъ процессомъ народнаго экономическаго быта, и первая должна была уступить. Древнее незыблемое начало славянской собственности—общность, выразившаяся въ неподвижной формѣ общиннаго землевладѣнія съ его охранительною ролью, требовало для другой сферы другаго исконнаго славянскаго начала, — начала равноправности и дѣлимости съ его свободными и прогрессивными стремленіями. Между тѣмъ логически проведенное начало единонаслѣдія превратило бы нашу землю въ такое же неподвижное *учрежденіе*, какъ собственность въ Англіи и въ до-революціонной Франціи. Но такое явленіе въ Россіи привело бы къ самымъ печальнымъ результатамъ. Неподвижность поземельной собственности и сила охранительныхъ началъ достаточно закрѣплены у насъ общиннымъ землевладѣніемъ. Въ средѣ общины хранится нашъ оригинальный складъ, наше прошедшее, наши историческія преданія. Та же неподвижность, сообщенная другой части собствен-

пости, обрекла бы государство на вѣчный застой. Тяжелымъ бременемъ легла бы на народъ эта неподвижная, мало производящая собственность. Она стала бы вѣчнымъ, неизмѣннымъ условіемъ существованія служилаго сословія, на вѣки закрѣпленнаго на государственную службу, а потому направляющаго всю дѣятельность государства. Не было бы, слѣдовательно, надежды на измѣненіе порядка управленія; онъ вѣчно долженъ былъ бы держаться закрѣпленіемъ служилаго сословія государству, а крестьянства служилому сословію. Но экономическія условія и народныя преданія не допустили утвердиться у насъ единонаслѣдію. Личная собственность получила у насъ свободный характеръ: это — фактъ, недостаточно оцѣненный еще исторіей. Консервативно-общинный элементъ остался фундаментомъ нашего государственнаго зданія, и вслѣдствіе этого государство вмѣстѣ съ высшими классами могло спокойно отдаться своему прогрессивному назначенію. Многіе публицисты замѣчали существованіе у насъ двухъ фактовъ одинаково отрадныхъ. Первый изъ нихъ заключается въ томъ, что у насъ никогда не было серьезныхъ революціонныхъ стремленій; второй—въ томъ, что у насъ всѣ реформы шли сверху внизъ. Объясненія этихъ фактовъ, смѣю думать, должно искать въ томъ, что въ отечествѣ нашемъ установлено правильное соотношеніе между прогрессивнымъ и консервативнымъ элементами. Аристократія Запада выводится изъ своей апатіи рѣзкими криками пролетаріата, массою голодныхъ рабочихъ и другими *прогрессивными* элементами, созданными ея *консервативною* дѣятельностію. У насъ прогрессивныя стремленія вѣнценосцевъ прежде всего находили поддержку въ тѣхъ классахъ, которыхъ свободная собственность, требующая ума предпріимчиваго, неутомимаго, поддерживающая стремленіе къ постояннымъ улучшеніямъ, заранѣе воспитываетъ къ готовности ко всякимъ реформамъ. Чрезъ нихъ проходятъ всѣ улучшенія до массы народа, залегающей въ общинныхъ учрежденіяхъ, и здѣсь ожидаютъ они себѣ приговора, отъ котораго зависитъ ихъ дальнѣйшее существованіе.

Если, такимъ образомъ, въ образованіи каждой національности первенствующую роль играютъ охранительные элементы общества, то само собою разумѣется, что имп же главнѣйшимъ образомъ опредѣляется и характеръ этой національности. Прогрессивные элементы каждаго народа должны развивать только тѣ начала, которыя издавна составляютъ состояніе охранительныхъ элементовъ. Только такое движеніе можетъ быть названо органическимъ, правильнымъ развитіемъ. Другими словами, статическія и динамическія явленія въ обществѣ должны представлять развитіе одной и той же идеи. Отсюда мы прямо можемъ сдѣлать заключеніе, согласное съ общими положеніями соціальной науки, указанными нами въ третьемъ раздѣлѣ первой статьи, и съ только-что высказанными понятіями объ общемъ значеніи національности. Именно мы говоримъ, что цѣль и значеніе каждой національ-

ности могутъ быть опредѣлены только при изученіи *всѣхъ элементовъ* общества, при чемъ особенное вниманіе должно быть обращено на элементы охранительные. Если при такомъ изученіи окажется, что общества руководятся двумя противоположными цѣлями, представляютъ, слѣдовательно, два общества съ различнымъ характеромъ и стремленіями, то мы смѣло можемъ заключить, что здѣсь или нѣтъ національности, или насильственно связаны два обломка разныхъ цивилизацій и націй, изъ которыхъ одинъ постепенно долженъ уступить мѣсто другому. Между тѣмъ Бюше, обходя ближайшій анализъ этого предмета, останавливается на однихъ соображеніяхъ о цѣли, отчего національность получаетъ у него отвлеченный и нѣсколько мистическій характеръ. Каждое громкое имя является у него полноправною націей. Отсюда его непонятная декламація въ пользу Польши. То, что и Бюше и французы называютъ Польшей (неизвѣстно, какіе размѣры угодно имъ дать этому названію: Польша ли 1772 и 1795, забраный край съ конгрессувкой, или одна конгрессувка? Но мы возьмемъ, пожалуй, Польшу 1772 года) съ давнихъ поръ состояло изъ двухъ элементовъ. Одинъ изъ нихъ по религіи, по общественнымъ стремленіямъ, по укоренившимся преданіямъ, наиболѣе способенъ былъ составить національный строй съ такимъ характеромъ, какой мы только-что признали за Россіей. Самая важная часть націи, ея охранительные элементы представляли и здѣсь и тамъ поразительное сходство. Но они были порабощены другимъ элементомъ, не имѣвшимъ съ ними ничего общаго. Это былъ обломокъ другой цивилизаціи, другаго общественнаго порядка. Его настоящее мѣсто было среди феодальной западной Европы, а не на славянской почвѣ. Миссіонеры чуждой церкви, поборники чуждыхъ интересовъ, послушные слуги то нѣмцевъ, то французовъ, польскіе паны и ксендзы не прислушивались къ требованіямъ народной жизни. Да и гдѣ былъ для нихъ этотъ народъ? Развѣ онъ сидѣлъ на сеймахъ? Развѣ онъ молился въ одной церкви съ ними? Развѣ онъ сражался за одно общее отечество? Два представителя двухъ разныхъ цивилизацій и національностей рано или поздно должны были разойдтись. Угнетенные классы, сохранившіе вѣру отцовъ и старые преданія и обычаи, искали для себя другихъ руководителей, истинно-прогрессивныхъ началъ. Они были найдены, когда Русь, задушивъ враждебный Востокъ, прорубивъ себѣ доступъ къ двумъ морямъ, затрубила грозный всеславянскій кличъ и прежде всего для своихъ ближайшихъ братьевъ, польскихъ и бѣлорусскихъ крестьянъ. Началась вѣковая борьба, Польша скоро увидѣла, что она не на своей почвѣ: ее понимали только на западѣ; никто не сочувствовалъ ей на востокѣ. Теперь Польша не что иное, какъ западно-католическая интеллигенція, кормящаяся православно-восточнымъ хлѣбомъ.

Мы разсмотрѣли невыгодныя стороны научныхъ пріемовъ Бюше. Они сильно вредятъ цѣлости и полнотѣ его взглядовъ на общественную науку

и на такіе крупные ея элементы, какъ понятіе національности. Вслѣдствіе этого связь человѣка съ государствомъ проявляется только тогда, когда онъ выступаетъ изъ сферы своей личной дѣятельности. Правда, Бюше весьма справедливо доказываетъ, что, даже трудясь въ своей индивидуальной сферѣ, человѣкъ работаетъ въ то же время на пользу общую (общее положеніе политической экономіи); но, сколько намъ кажется, для установленія прочной связи между человѣкомъ и государствомъ, необходимо принимать въ разсчетъ тѣ посредствующіе между ними организмы, совокупность которыхъ составляетъ общество. Тогда скачокъ отъ индивидуально-экономической къ общественной дѣятельности былъ бы менѣе рѣзокъ. Подобно тому, какъ человѣкъ постепенно дѣлается способнымъ къ общежитію, постепенно теряя свои эгоистическія стремленія въ воспитывающихъ его формахъ общежитія, начиная съ семьи и кончая государствомъ, такъ и въ каждую данную минуту, эти эгоистическія стремленія, оставшіяся главнымъ мотивомъ подчиненныхъ жизненныхъ сферъ, должны пройдти черезъ длинный рядъ организмовъ, чтобы возвыситься на степень прогрессивнаго соціальнаго элемента. Не смотря, однако, на такой недостатокъ, отношенія личнаго труда къ государственной дѣятельности выяснены авторомъ весьма удачно. По крайней мѣрѣ, онъ ставитъ личный трудъ на его настоящую почву и, при развитіи нѣкоторыхъ частностей, его ученіе поведетъ къ самымъ богатымъ результатамъ. Главнѣйшія мысли его по этому предмету содержатся въ главѣ о раздѣленіи труда (I, стр. 119—130), а потому мы и остановимся нѣсколько на анализѣ его положеній.

Общество можетъ жить только при одномъ условіи — при условіи одновременнаго и постояннаго производства всѣхъ предметовъ, необходимыхъ для его политическаго существованія и для нравственной и матеріальной жизни отдѣльныхъ его членовъ. Оно—великое тѣло, никогда не отдыхающее, обязанное исполнять одновременно всѣ свои задачи, а потому нуждающееся въ тысячахъ членовъ, органовъ, которые одновременно работали бы надъ предметами столь же разнообразными и многочисленными, какъ его нужды и задачи. Вслѣдствіе этого *одновременность* и *непрерывность* суть два непреложные закона общественной дѣятельности. Они устанавливаютъ необходимость самой формы этого труда, именно законъ *раздѣленія труда*. Каждый изъ членовъ общества беретъ на себя отдѣльную спеціальную задачу; вслѣдствіе этого достигается одновременность выполненія всѣхъ общественныхъ задачъ и удовлетвореніе всѣхъ его нуждъ. Такимъ образомъ съ соціальной точки зрѣнія раздѣленіе труда есть не что иное, какъ раздѣленіе и спеціализація общественныхъ функцій для одновременнаго ихъ выполненія. Мы замѣтимъ отъ себя, что это раздѣленіе удовлетворяетъ и другому закону—закону непрерывности, благодаря тому, что ни все общество, ни отдѣльныя его части не бываютъ принуждены бросать одно занятіе для удовлетворенія другихъ по-

требностей. Затѣмъ, благодаря ему, каждый отдѣльный человѣкъ, удовлетворяя своимъ эгоистическимъ потребностямъ, не перестаетъ работать и на пользу общую, такъ какъ спеціализированіе занятій увеличиваетъ массу производимыхъ предметовъ, такъ что каждый человѣкъ производитъ каждаго предмета больше, чѣмъ нужно для его собственнаго употребленія, и этотъ избытокъ обращается на непрерывное удовлетвореніе общественныхъ потребностей. Раздѣленіе труда обращаетъ въ сферу личнаго интереса то, что въ итогѣ служитъ для удовлетворенія интереса общаго. Далѣе, это спеціализированіе занятій, при чемъ каждый производитъ только одинъ родъ предметовъ, заставляетъ каждаго нуждаться въ другихъ, и служитъ потому прочною общественною связью. Всѣ эти выгодныя стороны раздѣленія слишкомъ хорошо указаны политической экономіей, а потому на нихъ нечего долго останавливаться. Для насъ гораздо важнѣе посмотрѣть на невыгодныя стороны его, которыя оно имѣетъ подобно каждому человѣческому установленію. Единство, возникающее изъ того обстоятельства, что одинъ нуждается въ другомъ, не единственно возможное и не самое прочное изъ всѣхъ единствъ. Когда одинъ человѣкъ связанъ съ другимъ только потому, что онъ въ немъ нуждается, можно смѣло сказать, что такая форма общежитія еще далека отъ истиннаго единства. Вопервыхъ, и сила, и форма этого соединенія остаются въ состояніи крайней неопредѣленности. Связь будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ *больше* одинъ человѣкъ будетъ нуждаться въ другомъ, *слѣдовательно*, тѣмъ слабѣе, чѣмъ меньше этотъ человѣкъ будетъ *нуждаться* въ своемъ собратѣ. Отсюда само собою понятно, что каждый человѣкъ, въ силу своихъ индивидуалистическихъ стремленій, старается поставить себя въ такое положеніе, въ которомъ эта зависимость отъ другихъ наименѣе тяготила бы его. Это стремленіе вполнѣ законно и совершенно согласно съ природой человѣка. *Независимое положеніе*, самостоятельность, свобода—вотъ вѣчный неизмѣнный идеалъ личности. Такимъ образомъ, индивидуальное развитіе, даже при господствѣ раздѣленія труда, взятое само по себѣ, безъ всякаго отношенія къ какимъ-нибудь высшимъ цѣлямъ, въ результатѣ дастъ полное обособленіе личности. Этимъ результатомъ собственно и отличается общественная жизнь отъ государственной. Слѣдовательно, простое экономическое начало раздѣленія труда не есть еще главное условіе крѣпости общественнаго союза. Но предположимъ, что оно достаточно сильно; это предположеніе даже будетъ имѣть за себя многія соображенія. Не смотря на все свое желаніе, человѣкъ никогда не достигнетъ такой самостоятельности, чтобы совершенно не нуждаться въ содѣйствіи другихъ; притомъ еслибъ онъ даже достигъ въ данную минуту такой полной независимости, она не можетъ продолжаться долго. Предположимъ, что онъ достигъ такого состоянія, когда самъ можетъ удовлетворить всѣмъ своимъ потребностямъ. Но подобное состояніе будетъ относиться только къ потребностямъ, существующимъ въ данную минуту.

Разъ онѣ всѣ удовлетворены, у человѣка, по непреложнымъ законамъ его природы, тотчасъ появляются новыя потребности, удовлетворить которымъ онъ уже не въ состояніи, а потому опять обязанъ прибѣгнуть къ помощи другихъ. Существуетъ, правда, другой путь для завоеванія себѣ независимости: это постепенное сокращеніе своихъ потребностей. Но это во всякомъ случаѣ есть уже насиліе природы и можетъ повести къ удовлетворительнымъ результатамъ только у весьма немногихъ, исключительныхъ натуръ. Масса же людей всегда будетъ жить подъ вліяніемъ безостановочнаго развитія потребностей, удерживающихъ ихъ въ состояніи общежитія. Правда, они скорѣе будутъ *скованы*, чѣмъ *соединены*, личность всегда будетъ существовать, пока потребности человѣческія будутъ развиваться и условія его существованія совершенствоваться. Но какое отношеніе установится между людьми, *связанными* такимъ образомъ? Какую форму приметъ человѣческое общество, разсматриваемое только съ точки зрѣнія раздѣленія труда? Всѣ люди чувствуютъ необходимую связь между собою, всѣ признаютъ, что одинъ членъ общества зависитъ отъ другаго. Въ этомъ общее мнѣніе, здравый смыслъ совершенно согласенъ съ выводами науки. Это обстоятельство выставляютъ на видъ. Эту необходимую, невольную связь даже воспѣваютъ подъ именемъ солидарности. Но вотъ чего простой здравый смыслъ не видитъ и на что наука мало обращаетъ вниманія: каждый изъ связанныхъ между собою членовъ общества естественно стремится къ тому, чтобы, по крайней мѣрѣ, другіе больше зависѣли отъ него, чѣмъ онъ отъ нихъ. Это понятно: при общемъ, неключимомъ рабствѣ одинъ всегда хочетъ быть рабомъ въ меньшей степени, чѣмъ другой. Отсюда естественное стремленіе поставить одинъ классъ, обыкновенно многочисленнѣйшій, въ такое положеніе, чтобъ онъ только давалъ, а себѣ доставить удовольствіе только получать. Этого мало. Великій законъ раздѣленія труда сводится съ нравственно-общественной почвы въ сферу чисто матеріально-производительныхъ отношеній, при чемъ трудъ не столько спеціализируется, сколько дробится, рабочая сила совершенствуется не столько въ смыслѣ всесторонняго развитія личныхъ способностей, сколько въ отношеніи чисто-механической стороны труда. Это обстоятельство вредно отражается и на судьбѣ отдѣльныхъ лицъ и по отношенію гражданъ къ общегосударственнымъ цѣлямъ. Чѣмъ больше спеціализируется трудъ, тѣмъ больше работа принимаетъ механическій характеръ, тѣмъ ближе человѣкъ подходитъ къ машинѣ. «По мѣрѣ того, говоритъ Токвиль, какъ раздѣленіе труда получаетъ большое примѣненіе, работникъ дѣлается слабѣе, ограниченнѣе и зависимѣе. Ремесло дѣлаетъ успѣхи, ремесленникъ идетъ вспять». Въ то время, когда одинъ человѣкъ занималъ нѣсколько профессій и легко переходилъ отъ одной къ другой, онъ былъ нравственно выше, пользовался большимъ уваженіемъ, чѣмъ работникъ, всю жизнь выдѣлывающій булавочныя головки. Мы не станемъ останавливаться на этихъ невыгодныхъ послѣд-

ствіяхъ раздѣленія труда для индивидуальнаго развитія. Это задача политической экономіи. Насъ занимаетъ другая сторона вопроса. Дѣло въ томъ, что при раздѣленіи труда спеціальныя задачи, или какъ называетъ ихъ Бюше, les intérêts professionnels, до такой степени овладѣваютъ умами людей, что для общихъ государственныхъ цѣлей почти не остается мѣста. Занимаясь какою-нибудь дробною частью экономическаго труда, они не только подчиняютъ государственную идею своимъ цеховымъ понятіямъ, но даже забываютъ о ней. Чѣмъ большіе успѣхи дѣлаетъ раздѣленіе труда, тѣмъ больше человѣкъ перестаетъ быть гражданиномъ. Это такая же несомнѣнная истина, какъ та, которую высказалъ Токвиль. Связь, основанная на простой нуждѣ одного въ другомъ, не можетъ замѣнить связи, построенной на общности одной великой національной цѣли, на общности нравственныхъ задачъ. Вотъ почему, какъ бы ни была развита общественная жизнь съ ея спеціальными профессіями, необходимо должна существовать сфера, гдѣ всѣ умственныя, нравственныя, экономическія силы страны, какъ бы онѣ ни были раздѣлены этими спеціальными профессіями, соединялись бы въ одной общей дѣятельности. Купецъ, ремесленникъ, артистъ, профессоръ, земледѣлецъ должны сходиться, напримѣръ, хоть на скамьѣ присяжныхъ, въ земскомъ собраніи. Безъ подобныхъ учрежденій гражданскій духъ глохнетъ, и часто въ великія минуты благо отечества не пробуждаетъ уже гражданъ. Бюше говоритъ, что политическая дѣятельность гражданъ есть главнѣйшее средство предотвратить гибельныя послѣдствія неумѣреннаго раздѣленія труда. Если между членами общества необходимо устанавливается различіе вслѣдствіе разнообразія спеціальныхъ занятій, политическая сфера дастъ имъ всѣмъ одинаковыя занятія. Общество знаетъ банкировъ, негоціантовъ, землевладѣльцевъ, фермеровъ, рабочихъ; государство — только гражданъ. Здѣсь не только не требуется раздѣленія труда, но необходимо допускается соединеніе въ одномъ лицѣ разныхъ обязанностей. Политическая сфера — сфера единства и равенства по преимуществу. Вотъ почему начало раздѣленія труда и система множественности голосовъ, отличающія новыя англійскія приходскія установленія *), кажутся скорѣе отраженіемъ промышленно-акціонерныхъ понятій буржуазіи, чѣмъ истинно-политическимъ началомъ. Чѣмъ чаще призываются граждане къ общественной дѣятельности, чѣмъ многочисленнѣе будутъ установленія, гдѣ будетъ воспитываться и поддерживаться гражданскій духъ, тѣмъ устойчивѣе будетъ самое политическое устройство, тѣмъ безопаснѣе будетъ общество отъ раздѣленія и антагонизма, и великія государственныя цѣли тѣмъ съ большимъ усердіемъ будутъ преслѣдоваться изъ поколѣнія въ поколѣніе.

---

*) См. *Gneist* — Englische Communal-Verfassung.

Такое участіе гражданъ въ политической дѣятельности необходимо не столько для прогрессивной дѣятельности государства, которая при надлежащей организаціи охранительныхъ элементовъ вся можетъ принадлежать высшему правительству, сколько именно для той же охранительной дѣятельности, которую мы только-что разсмотрѣли по отношенію къ собственности и другимъ общественнымъ элементамъ. Слѣдовательно, охранительная дѣятельность общества можетъ проникать въ сферу политическихъ отношеній, подобно тому какъ прогрессивная дѣятельность правительства отражается на сферѣ чисто-экономическихъ отношеній. Безъ участія общества въ политикѣ невозможно сохраненіе, поддержаніе національной идеи; безъ прогрессивной дѣятельности правительства сомнительно прогрессивное движеніе въ обществѣ. Если одна дѣятельность, такимъ образомъ, заходитъ въ сферу другой, то очевидно, что и элементы охранительныхъ силъ должны отчасти входить въ составъ прогрессивныхъ учрежденій, и наоборотъ. Но какъ и когда возможно это соединеніе? Въ какой формѣ должно оно происходить? Все это приводитъ насъ къ окончательному анализу соотношенія прогрессивныхъ и охранительныхъ началъ въ обществѣ. Соотношеніе это лучше всего можно выяснить на вопросѣ о правительствѣ, къ которому мы теперь переходимъ.

VI.

Какъ осуществляется прогрессивная дѣятельность правительства? Въ чемъ заключаются ея условія? Это вопросъ весьма важный, безъ разрѣшенія котораго нельзя понять ни организаціи правительства, ни его отношенія къ общественнымъ элементамъ.

Прежде всего здѣсь возникаетъ вопросъ объ организаціи правительства. Подъ именемъ вопроса объ организаціи мы, конечно, не разумѣемъ старинаго вопроса о формахъ правленія; мы не намѣрены даже входить здѣсь въ ихъ обсужденіе, хотя у Бюше и посвященъ большой отдѣлъ для этого изслѣдованія. Подъ именемъ организаціи мы разумѣемъ здѣсь нѣчто другое. Самъ Бюше различаетъ эти два вопроса: первый изъ нихъ касается всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ; онъ тождественъ съ условіями самого прогресса; второй видоизмѣняется сообразно условіямъ мѣста и времени и почти не представляетъ возможности для безусловной классификаціи.

Каждое правительство, какова бы ни была его форма, должно быть организовано соотвѣтственно своему назначенію. Назначеніе его, какъ мы видѣли, заключается въ осуществленіи національныхъ цѣлей, установленныхъ религіозно-нравственнымъ ученіемъ, исторіей и общественною жизнью. Гдѣ цѣль, тамъ и методъ. Правительство, по ученію Бюше, осуществляя постепенно національную цѣль, совершаетъ извѣстный логическій процессъ, совершенно подобный

тому, какой совершается, напримѣръ, въ головѣ ученаго, разрѣшающаго извѣстную задачу. Дѣятельность правительства должна, слѣдовательно, составлять логическій процессъ, а организація его должна заключать въ себѣ установленія, соотвѣтствующія каждому изъ этихъ моментовъ.

Въ чемъ же заключается этотъ методъ? Въ разбираемой нами книгѣ находятся только приложенія общей теоріи Бюше о методѣ къ вопросу о правительствѣ. Самая же теорія изложена въ его философскомъ трактатѣ. Вотъ почему намъ необходимо прежде всего сдѣлать общее замѣчаніе о его методологическихъ понятіяхъ. И въ этомъ отношеніи авторъ продолжаетъ дѣло Тюрго и Сенъ-Симона. Оба эти мыслителя замѣтили уже вредъ того перевѣса, который получило наблюденіе надъ гипотезой, между тѣмъ какъ множество открытій, двинувшихъ науку впередъ, обязаны своимъ происхожденіемъ геніальнымъ гипотезамъ. Бюше, опираясь на свои глубокія познанія въ медицинѣ и естественныхъ наукахъ, старается возвести это замѣчаніе на степень научнаго закона. Онъ доказываетъ, что каждый научный методъ состоитъ изъ двухъ моментовъ — *изобрѣтенія* и *повѣрки*, и что наблюденіе и опытъ, которымъ ученые приписывали всѣ открытія, составляютъ только вторую половину этого полнаго научнаго метода. То, что естественныя науки называютъ *своимъ* методомъ, то-есть, наблюденіе и опытъ, составляетъ только моментъ повѣрки, а потому самъ по себѣ методъ не ведетъ ни къ какимъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ. Наблюденіе плодотворно только тогда, когда наблюдатель уже сознаетъ тѣ стороны предмета, на которыхъ онъ долженъ остановить свое вниманіе; оно состоитъ только въ провѣркѣ научныхъ началъ, установленныхъ гипотезой; словомъ, оно плодотворно тогда, когда у наблюдателя *есть точка отправленія*, само же по себѣ оно добываетъ только противорѣчивые факты, не имѣющіе научнаго достоинства. Моментъ, относящійся собственно къ открытію, изобрѣтенію, есть гипотеза, посредствомъ которой замѣчается и устанавливается соотношеніе, связь между извѣстными явленіями. Такая гипотеза, конечно, есть продуктъ обширнаго развитія, накопленія большой массы фактовъ. Но эта накопленная масса фактовъ не состоитъ къ открытію въ отношеніи причины къ слѣдствію. Напротивъ, ближайшимъ поводомъ къ гипотезѣ бываетъ часто ничтожный фактъ.

Мы не станемъ здѣсь входить въ обсужденіе правильности или неправильности этого взгляда. Онъ важенъ для насъ потому, что авторъ примѣнилъ его къ вопросу о правительственной дѣятельности. Что Бюше долженъ былъ примѣнить свой взглядъ въ особенности къ политикѣ, совершенно понятно. Мы видѣли, что по его мнѣнію, національныя цѣли устанавливаются a priori, вслѣдствіе какого-нибудь религіозно-нравственнаго ученія, высказывающаго положенія, подлежащія медленному, постепенному осуществленію, примѣняющіяся къ потребностямъ времени. Это и есть гипотеза и провѣрка, то-есть, тотъ же логическій процессъ, только на болѣе

обширномъ полѣ, въ сферѣ всемірно-исторической. Напротивъ, цѣли, устанавливающіяся исключительно a posteriori, не ведутъ, какъ мы видѣли, ни къ какимъ прогрессивнымъ результатамъ. Что же такое эти цѣли a posteriori, какъ не наблюденіе и опытъ на томъ же всемірно-историческомъ полѣ?

Слѣдовательно, организація правительства должна составлять развитіе этого прогрессивнаго метода, съ моментами гипотезы и провѣрки. У него должны быть средства и для изобрѣтенія и для осуществленія, для повѣрки извѣстныхъ политическихъ мѣръ. Но несомнѣнно и то, что эти логическіе моменты въ правительственной дѣятельности въ сильной степени отличаются количественно отъ тѣхъ же моментовъ въ сферѣ научной. Гипотеза научная имѣетъ въ виду открыть общее отношеніе между постоянно существующими и дѣйствующими элементами вселенной. Напротивъ, правительственная дѣятельность заранѣе опредѣляется характеромъ данной цивилизаціи, слѣдовательно, далеко отстоитъ отъ общихъ цѣлей и элементовъ человѣчества, постепенно осуществлявшихся въ цѣломъ рядѣ цивилизацій предшествующихъ и много оставляющихъ для цивилизацій будущихъ. Вслѣдствіе этого правительство не преслѣдуетъ и не можетъ преслѣдовать цѣлей абсолютныхъ; его дѣятельность всегда направляется двумя факторами: характеромъ цивилизаціи *) и національнымъ сознаніемъ. Но этого мало. Изобрѣтательная дѣятельность государства не можетъ касаться и этихъ общихъ національныхъ цѣлей, иначе правительство потеряетъ свой національный характеръ и породитъ массу бѣдствій для себя и для общества. Его задача— найдти форму общества и общественной дѣятельности, наиболѣе соотвѣтствующую задачамъ общества въ *данную минуту*, въ виду лучшаго осуществленія великой національной цѣли впослѣдствіи. Слѣдовательно, изобрѣтеніе въ сферѣ политической можетъ касаться только *открытія* второстепенныхъ цѣлей, соотвѣтствующихъ отдѣльнымъ моментамъ постепенно развивающейся національной цивилизаціи. Слѣдовательно, всѣ эти изобрѣтенія будутъ имѣть и должны имѣть лишь относительное достоинство въ томъ смыслѣ, что всѣ установленныя ими цѣли и формы общества будутъ имѣть значеніе лишь для опредѣленной эпохи, хотя, съ другой стороны, результаты, добытые ими, должны имѣть безусловное достоинство и необходимость въ общемъ ходѣ цивилизаціи. Подобно тому, какъ идея прогресса раскрывается только при изученіи всѣхъ мотивовъ цивилизаціи, во всей ихъ совокупности, такъ и безусловное достоинство или недостатокъ каждой политической организаціи или стремленія обнаруживается только въ той же совокупности всѣхъ моментовъ. Если, такимъ образомъ, гипотеза въ области политики получаетъ такое относительное значеніе, то и дѣятельность

*) Подъ именемъ цивилизаціи мы, конечно, разумѣемъ здѣсь великія органическія эпохи, какъ, напримѣръ, христіанство.

втораго логическаго момента, повѣрки, не можетъ имѣть другаго значенія. Наблюденіе и опытъ въ сферѣ науки обыкновенно имѣютъ въ виду провѣрку общихъ основаній данныхъ теорій. Пока есть еще возможность отрицательныхъ инстанцій, какъ называетъ ихъ Беконъ, до тѣхъ поръ теорію нельзя считать окончательно установленною. Напротивъ, такое абсолютное стремленіе провѣрочной дѣятельности въ области политики повело бы къ самымъ пагубнымъ результатамъ. Мы уже отчасти указали на нихъ въ первой статьѣ; мы видѣли, что можно ожидать въ обществѣ, гдѣ самыя основы общежитія постоянно находятся подъ сомнѣніемъ и ударами критики. Если гипотеза должна въ политикѣ ограничиваться второстепенными цѣлями, то-есть, безусловно принимать основы общежитія и основныя національныя задачи, ограничиваясь вопросами о примѣненіи и развитіи ихъ въ данную минуту, то и провѣрка должна ограничиваться тѣми же задачами, то-есть, изслѣдованіемъ, на сколько изобрѣтеніе соотвѣтствуетъ потребностямъ даннаго общественнаго состоянія. Въ самомъ дѣлѣ, что вышло бы при такомъ состояніи вещей, когда органы изобрѣтенія предлагали бы чисто-практическія мѣры, относящіяся къ извѣстному моменту исторіи, къ конкретному состоянію общества, а органы провѣрки обсуждали бы ихъ съ точки зрѣнія общихъ задачъ цивилизаціи, отвлеченныхъ требованій человѣческой природы, абстрактныхъ началъ общежитія? Очевидно, результатомъ такого направленія была бы невозможность придти къ какому бы то ни было практическому выводу, слѣдовательно, невозможность дѣйствія, то-есть, застой, или еще хуже, разрушеніе. Характеръ одного момента долженъ строго соотвѣтствовать характеру другаго, иначе логическій процессъ потеряетъ должную правильность, выводы будутъ ложны, дѣйствія ошибочны. На этомъ основаніи провѣрка должна носить по преимуществу охранительный характеръ, имѣть въ виду, главнымъ образомъ, практическій характеръ предлагаемыхъ мѣръ и вопросовъ. Охранительность эта должна составлять отличительный характеръ органовъ повѣрки, даже въ большей степени чѣмъ органовъ изобрѣтенія, и понятно почему. Изобрѣтеніе всегда имѣетъ въ виду два общихъ понятія, различающихся между собою лишь по объему: съ одной стороны общія задачи цивилизаціи и народа, требующія постепеннаго осуществленія, съ другой — общій характеръ *данной* эпохи, какъ одного изъ моментовъ этой цивилизаціи. Цѣль изобрѣтенія — связать свою эпоху съ будущею, ввести въ существующіе элементы, выработанные прошлымъ, новый терминъ, заканчивающій это прошлое и являющійся началомъ будущаго. Словомъ, такое изобрѣтеніе при опредѣленіи задачъ настоящаго всегда имѣетъ въ виду задачи будущаго, заботится главнымъ образомъ о непрерывномъ движеніи общества. Напротивъ, органы повѣрки основываютъ свою дѣятельность на стремленіи сохранить связь настоящаго съ прошедшимъ, котораго элементы во всей ихъ подробности и въ практическихъ проявле-

ніяхъ могутъ быть имъ извѣстны и приняты ими въ соображеніе лучше, чѣмъ обобщающею дѣятельностію изобрѣтателя, новатора. Вслѣдствіе этого повѣрка всегда есть дѣло такихъ элементовъ, которые наиболѣе сохраняютъ связи съ прошедшимъ, наиболѣе способны къ охранительной, практической дѣятельности. Вовторыхъ, въ обществѣ ей долженъ соотвѣтствовать болѣе сложный механизмъ, чѣмъ для изобрѣтенія, гдѣ личная дѣятельность наиболѣе удобна.

Въ политикѣ, говоритъ Бюше, повѣрка состоитъ изъ двухъ одинаково необходимыхъ процессовъ. Одинъ изъ нихъ состоитъ въ томъ, чтобъ узнать, соотвѣтствуетъ ли нововведеніе цѣлямъ, выяснившимся въ прошедшемъ, будетъ ли новая общественная форма логическимъ послѣдствіемъ давно начавшагося прогрессивнаго движенія, необходимымъ звеномъ въ общей цѣпи цивилизаціи. Другая дѣятельность имѣетъ задачею опредѣлить, соотвѣтствуетъ ли реформа настоящему времени, современнымъ общественнымъ стремленіямъ, имѣются ли у общества въ данную минуту средства осуществить эту реформу. Отсюда двѣ различныя системы повѣрки, двѣ организаціи, представляющія собою двѣ различныя потребности. Одна является представительницею прошлаго, представляетъ въ политикѣ логику преданія; другая представляетъ настоящее со всѣми его страстями и интересами.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній мы можемъ перейдти къ подробному изслѣдованію способовъ дѣятельности органовъ изобрѣтенія и повѣрки въ сферѣ политики. Вопервыхъ, замѣтимъ, что оба логическіе момента въ политикѣ носятъ особенное названіе: первый изъ нихъ получилъ уже названіе инициативы; второй, по мысли Бюше, долженъ получить названіе *принятія* (l'acceptation). Въ каждомъ благоустроенномъ обществѣ оба эти момента должны получить организацію и законный способъ дѣйствовать. Исторія доказываетъ, что эти два момента даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ имъ не соотвѣтствуютъ какія бы то ни было установленія, всегда стремятся къ организаціи, что дурная ихъ организація ведетъ къ важнымъ невыгодамъ, но что никогда нельзя довести ихъ до полнаго уничтоженія безъ гибели самого неправильнаго государства. Слѣдовательно, весь вопросъ сводится на то, правильно будутъ они проявляться. Въ деспотическомъ государствѣ инициатива называется революціей, *непринятія*—мятежомъ. Напротивъ, въ государствахъ наиболѣе совершенныхъ, выставляемыхъ всѣми публицистами за образецъ государственнаго устройства, какъ Римъ въ древности, Англія у новыхъ народовъ, эта тройственная операція формулирована въ стройныхъ установленіяхъ. Въ Римѣ правительство состоитъ изъ трехъ властей: консуловъ, сената и народа. Первые являются совѣтниками *); второй представляетъ

*) Не понимаемъ, почему Бюше ограничился одними консулами въ этомъ отношеніи. Инициатива въ Римѣ принадлежитъ всѣмъ сановникамъ; не слѣдуетъ также забывать роль трибуновъ въ плебисцитахъ.

опытъ и преданіе, третій — нетерпѣливую и пылкую дѣйствительность. Въ Англіи мы видимъ аналогическое явленіе. Инпціатива обыкновенно принадлежитъ коронѣ *), принятіе зависитъ отъ двухъ властей — наслѣдственной, палаты, перовъ и выборной, представляющей массу народа.

Намъ хотѣлось бы теперь же сдѣлать нѣсколько замѣчаній на это мнѣніе автора; но мы не желаемъ прерывать его изложенія: всѣ его положенія необходимо выставить съ наибольшею подробностію, чтобы тѣмъ удобнѣе было остановиться на анализѣ ихъ. Мы просимъ читателя только замѣтить, что Бюше называетъ общественные элементы, выполняющіе функціи *принятія*, властями, и прямо вводитъ ихъ въ *составъ правительства*. Ниже будетъ разъяснено, на сколько правиленъ этотъ взглядъ.

Такое раздѣленіе функцій, такая организація логическихъ моментовъ въ государствѣ, говоритъ Бюше, не установлено частною волею a priori: оно порождено исторіей, которая въ то же время доказала и удобство его. Оно дало государствамъ, имѣвшимъ его, большое значеніе и упрочило постоянный, хотя и медленный, внутренній прогрессъ. Этотъ блестящій примѣръ заставилъ новѣйшіе народы стремиться къ подобному государственному устройству. Неуспѣхъ ихъ въ этомъ дѣлѣ зависѣлъ отъ того, что они, желая исправлять и улучшать свои образцы, уничтожали то, что составляетъ спеціальность каждаго элемента. Въ чемъ же состоитъ эта спеціальность?

Инпціатива между людьми является моментомъ, имѣющимъ громадный авторитетъ. Появляясь въ обществѣ, она тотчасъ пріобрѣтаетъ довѣріе, порождаетъ повиновеніе и согласіе. Вотъ почему правительства энергически удерживали и удерживаютъ за собою это право. Но инпціатива не можетъ принадлежать каждому желающему и потому только, что онъ этого желаетъ. Она, конечно, есть продуктъ воли, но главнымъ образомъ генія. Вслѣдствіе этого она часто выходитъ изъ самыхъ низшихъ классовъ общества и часто такъ незамѣтно, что никто не видитъ истиннаго источника. Вслѣдствіе этой невозможности опредѣлить заранѣе, гдѣ появится геній инпціативы, для организаціи этого момента достаточно было опредѣлить только, *какая власть будетъ его постояннымъ органомъ*.

Такимъ органомъ является правительство. Поэтому для него въ высшей степени важно группировать и объединять всѣ попытки инпціативы, проявляющіяся вокругъ него. Это его обязанность, какъ органа прогресса. Это

*) Здѣсь необходимо замѣтить, что Бюше принимаетъ фактъ за право. Дѣйствительно, всѣ преобразованія послѣдняго времени шли отъ короны, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы корона имѣла тамъ исключительное право инпціативы. Напротивъ, оно принадлежитъ палатамъ, и если министры предлагаютъ законы, то скорѣе какъ члены палатъ.

его прямая выгода съ точки зрѣнія упроченія его авторитета и власти. Ни одно прогрессивное стремленіе, ни одна попытка нововведеній *не должна дѣлаться мимо правительства и тайно отъ него* *). Въ древнихъ государствахъ это осуществлялось очень легко, такъ какъ инпціатива проявлялась въ народныхъ собраніяхъ. Новѣйшія общества, многочисленныя и разселенныя на обширныхъ пространствахъ, не знаютъ собраній всего народа, но знаютъ частныя сходки и въ особенности могущественную силу печати. Кромѣ того, авторъ предлагаетъ еще одно средство, которое, по его мнѣнію, можетъ повести къ весьма полезнымъ результатамъ. Именно онъ предлагаетъ учредить особенное установленіе, которое обязано было бы вызывать политическую инпціативу въ обществѣ подобно тому, какъ ученыя академіи (преимущественно во Франціи) вызываютъ такую инпціативу по вопросамъ чисто-научнымъ.

На первый взглядъ кажется, что *принятіе* легче организовать чѣмъ инпціативу. Это оказывается вѣрнымъ и при ближайшемъ изслѣдованіи. Тѣмъ не менѣе вопросы, возбуждаемые этою организаціей, чрезвычайно сложны: напримѣръ, сенатъ, палата перовъ или аналогическія установленія, если съ одной стороны они способны установить соотношеніе и связь между преданіемъ и современнымъ движеніемъ, то въ то же время легко могутъ явиться преградой прогресса, сдѣлаться центромъ всѣхъ ретроградныхъ стремленій. Исторія представляетъ много такихъ примѣровъ. Въ Римѣ необходимо было исправить сенатъ учрежденіемъ трибуновъ, въ Англіи—предоставленіемъ коронѣ права назначать новыхъ перовъ. Въ сенатѣ Сѣверо-американскихъ Штатовъ эти невыгоды исправляются выборнымъ началомъ. Впрочемъ, ретроградныя стремленія далеко не составляютъ удѣла только этихъ установленій, хотя общее мнѣніе и укрѣпляетъ за ними эту привилегію. Часто народные представители, даже цѣлый народъ, отказывались сдѣлать малѣйшее усиліе, перенести малѣйшее безпокойство, удѣлить частицу своего времени для осуществленія гражданскаго прогресса, для достиженія величайшаго блага. По лѣни, нетерпѣнію и невѣжеству, народъ часто вѣритъ своимъ врагамъ больше, чѣмъ своимъ собственнымъ стремленіямъ и инстинктамъ.

Опасность, слѣдовательно, есть всюду при отсутствіи мудрости и чувства долга. Но «принятіе» тѣмъ не менѣе остается существеннымъ моментомъ каждаго политическаго движенія, подобно инпціативѣ.

Еще подробнѣе развиваетъ Бюше эти мысли въ главѣ о суверени-

*) Ср. объ этомъ также въ слѣдующей главѣ соч. Бюше — „La souveraineté“ II, стр. 206.

тетѣ (II, стр. 165 — 212). Онъ провѣряетъ свои положенія во всѣхъ ихъ подробностяхъ на историческихъ фактахъ. Но мы остановимся только на этихъ общихъ положеніяхъ, тѣмъ болѣе что въ этой главѣ авторъ затрогиваетъ чрезвычайно важные вопросы объ отношеніяхъ личной свободы къ общественной власти, объ источникѣ и идеѣ суверенитета, которыхъ мы не можемъ разсмотрѣть, не расширяя нашей статьи до непозволительныхъ размѣровъ.

Не трудно замѣтить, что Бюше, начавъ разсматривать *общіе* элементы *всякаго* государственнаго устройства, въ итогѣ пришелъ къ идеализаціи одной изъ существующихъ формъ—именно представительнаго правленія. Съ какой точки зрѣнія онъ разсматриваетъ эту форму, какую роль онъ даетъ каждому изъ составляющихъ ее установленій — это другой вопросъ, въ изслѣдованіе котораго мы не намѣрены входить. Для насъ важенъ тотъ результатъ, что авторъ, начавъ съ изслѣдованія общественныхъ элементовъ, сосредоточивается затѣмъ на изслѣдованіи государственныхъ формъ. Это происходитъ вовсе не потому, что онъ придаетъ имъ первостепенную важность: онъ осудилъ это направленіе у древнихъ писателей; это происходитъ именно потому, что онъ между человѣкомъ и государствомъ не признаетъ никакихъ посредствующихъ организмовъ. Вслѣдствіе этого каждая организація общественныхъ силъ должна необходимо принять государственный характеръ: обществу негдѣ организоваться кромѣ государства; всякая сила общественная должна стать государственною властью. Вотъ почему оба момента *принятія* называются у него *властями*.

Намъ кажется это мнѣніе невѣрнымъ и несогласнымъ съ понятіями самого Бюше. Если они *власти*, если они правительство, то задача правительства изъ чисто-прогрессивной дѣлается охранительною. Въ самомъ дѣлѣ, что представляютъ собою власти Бюше, изъ которыхъ онъ слагаетъ правительство? Инициатива, принадлежащая коронѣ, ея непосредственнымъ органамъ и нѣсколькимъ сгруппированнымъ подлѣ нихъ геніальнымъ личностямъ изъ массы; затѣмъ принятіе, принадлежащее двумъ представителямъ двухъ общественныхъ элементовъ, изъ которыхъ одни представляютъ собою прошедшее, другіе — настоящее. Изъ этихъ двухъ моментовъ только одинъ имѣетъ въ виду будущее, и онъ принадлежитъ правительству въ тѣсномъ смыслѣ, безъ администраціи, слѣдовательно, меньшинству. Напротивъ, принятіе имѣетъ въ виду или прошедшее или настоящее, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ охранительныя задачи. Имъ соотвѣтствуютъ два могущественныя политическія тѣла, вооруженныя матеріальнымъ могуществомъ: одно для охраненія преданія, другое — современныхъ интересовъ, какъ бы они ни были преходящи и мелки. Не трудно понять, какихъ результатовъ должно ожидать отъ такой организаціи. Складывая сильные охранительные элементы съ слабымъ элементомъ прогрес-

сивнымъ, мы въ результатѣ получимъ, по меньшей мѣрѣ, неподвижное государственное устройство. Неудивительно, если Контъ назвалъ политику новѣйшихъ конституціонныхъ государствъ неподвижною, то-есть, охранительною по преимуществу — politique stationnaire. Иначе нельзя назвать политику странъ, усвоивающихъ себѣ формальную сторону англійскихъ учрежденій. Удивительно только, что даже глубокій умъ Бюше остановился на поверхности вопроса. Причины этого, повторяемъ, заключаются въ его незнакомствѣ съ германской теоріей общества. Разсмотримъ съ этой точки зрѣнія различные элементы правительства, выставленные авторомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что охранительныя начала, подобно всякой общественной силѣ, сильно вліяютъ на правительственную дѣятельность: нѣтъ сомнѣнія, что каждое правительство соразмѣряетъ свои дѣйствія съ состояніемъ и направленіемъ этихъ началъ. Но въ чемъ будетъ выражаться это вліяніе одного элемента на другой, въ непосредственномъ ли участіи въ правительственной дѣятельности, или только въ заявленіи своихъ желаній, требованій, нуждъ, при чемъ дѣйствія правительства останутся совершенно свободными? Если, подобно Бюше, не принимать никакихъ посредствующихъ организмовъ между отдѣльнымъ человѣкомъ и государствомъ, если, въ противоположность индивидуальной сферѣ съ ея разнообразными подраздѣленіями и стремленіями, принимать только одну соціальную сферу, дѣйствительно объединяющую человѣческія стремленія, сферу государственную, тогда остается принять только выводъ Бюше. Выводъ этотъ, какъ мы видѣли, заключается въ томъ, что участіе охранительныхъ началъ въ общей жизни государства должно проявляться въ непосредственной дѣятельности общества или его представителей въ правительственной сферѣ. Дѣйствуя вмѣстѣ съ властію, они сами должны являться *властію*, такъ какъ участіе въ государственныхъ организмахъ является единственною формой коллективной дѣятельности. Напротивъ, ближайшее изученіе общественныхъ элементовъ открываетъ возможность другихъ комбинацій, способныхъ найти примѣненіе сообразно условіямъ мѣста и времени. Во-первыхъ, многіе элементы общества по своему экономическому положенію и нравственному вліянію представляютъ сами по себѣ условіе достаточно сильной организаціи, независимо отъ того составляютъ ли они часть правительства, или нѣтъ. Таковы — сословія, церковь, общины. Составляя сильный общественный организмъ, они легко могутъ производить давленіе на всѣ части правительственной дѣятельности, даже не участвуя въ ней. Много есть способовъ удовлетворить потребностямъ *поправки*, *принятія*, мимо палатъ. Самъ Бюше сводитъ вопросъ о политической организаціи на такое обширное поле, что непонятно, какимъ образомъ онъ въ результатѣ остановился именно на палатахъ. Намъ кажется, напримѣръ, что одно изъ средствъ, относимое имъ въ сферу инициативы, могло бы точно также, если не въ

большей степени, пригодиться для *повѣрки*. Это именно печать съ ея необходимымъ условіемъ — свободою слова. Намъ кажется даже, что для задачъ *повѣрки* она идетъ больше, чѣмъ для проявленія инициативы. Въ самомъ дѣлѣ, если мы безпристрастно сведемъ результаты дѣятельности прессы въ каждой странѣ, то нельзя будетъ не согласиться, что истинно плодотворная сторона ея дѣятельности выражается во всестороннемъ обсужденіи мѣръ, предпринятыхъ или предположенныхъ правительствомъ, чѣмъ въ предложеніи новыхъ мѣръ, въ инициативѣ. Иначе это и быть не можетъ. Въ журналистикѣ могутъ только обсуждаться идеи, принявшія сколько-нибудь ясное очертаніе, укрѣпившіяся въ общихъ основаніяхъ, получившія уже, такъ-сказать, официальный складъ. Изобрѣтеніе идей совершенно выходитъ изъ ея сферы. Если тамъ или здѣсь, въ томъ или другомъ журналѣ, иногда и промелькнутъ новыя соображенія, то они или не имѣютъ достаточной общности, такъ какъ статьи эти обыкновенно пишутся по поводу частныхъ случаевъ, или слишкомъ неопредѣленны, такъ какъ статьи имѣютъ въ виду совершенно другія обстоятельства, не имѣютъ живой связи съ практическою жизнью, и такъ какъ онѣ высказываются въ формѣ простаго намека, желанія, безъ выясненія средствъ къ его осуществленію. Словомъ, въ прессѣ всѣ новыя мысли не выходятъ изъ сферы чувства и фантазіи. Это скорѣе зародыши мысли, чѣмъ самая мысль; онѣ не выработались до чистоты и опредѣленности истинной идеи. Такое изобрѣтеніе идей составляетъ удѣлъ научныхъ обобщеній нѣсколькихъ возвышенныхъ умовъ въ сферѣ чистаго знанія или практической государственной дѣятельности то-есть того небольшаго кружка лицъ, куда Бюше помѣщаетъ свою *инициативу*. Первоначально идея зарождается въ самыхъ отвлеченныхъ сферахъ знанія, является продуктомъ кабинетной дѣятельности геніальнаго мыслителя. Здѣсь вырабатываются ея общія основанія, здѣсь принимаетъ она сколько-нибудь опредѣленный видъ. Но она далеко еще отъ практическаго осуществленія; обыкновенно при появленіи ея въ свѣтъ никто не замѣчаетъ ея связи съ будничною жизнью. Журналистика первая приводитъ ее въ столкновеніе съ будничными интересами; она спеціализируетъ, ставитъ въ соотношеніе съ разнообразными практическими вопросами, группируетъ страсти подлѣ отдѣльныхъ ея формулъ. Здѣсь идея не совершенно еще теряетъ свою строгую форму, свой отвлеченный характеръ; ей дается только большое практическое содержаніе. Это и дѣлается въ статьяхъ, брошюрахъ, книгахъ. Наконецъ, эта идея, принявшая тысячу разнообразныхъ формъ, воплотившаяся въ массу разнообразныхъ интересовъ, породившая сотни формулъ, лозунговъ, выходитъ на улицу, дѣлается достояніемъ непосредственнаго движенія страстей. Вмѣсто книгъ и брошюръ появляются памфлеты, живущіе одинъ день, но оставляющіе слѣды на нѣсколько поколѣній; ораторская трибуна, газетныя статьи, разносятъ во всѣ концы земли готовыя уже формулы въ при-

мѣненіи ихъ къ частному практическому случаю. Подготовленная такимъ образомъ масса готова, наконецъ, дѣйствовать. Таково поступательное движеніе идеи. Роль прессы оказывается чисто практическою; изобрѣтеніе идей рѣдко можетъ быть ея удѣломъ. Но за то *повѣрка*, выраженіе мнѣній страны по поводу извѣстныхъ вопросовъ весьма плодотворно въ политикѣ, какъ это доказываетъ исторія всѣхъ народовъ. Относительно этой задачи мы не видимъ необходимости сдѣлать ее удѣломъ какой-нибудь опредѣленной корпораціи, какого-нибудь очерченнаго установленія. Если Бюше замѣчаетъ, что изобрѣтательная дѣятельность, инпціатива, не можетъ быть заключена въ заранѣе опредѣленное установленіе, то тѣмъ менѣе можно допустить подобное ограниченіе относительно дѣятельности охранительной — *повѣрки, принятія. Она должна быть удѣломъ всѣхъ охранительныхъ элементовъ страны во всей ихъ совокупности.* Между тѣмъ, корпоризація этихъ элементовъ всегда имѣетъ въ результатѣ исключеніе многихъ элементовъ, которые рано или поздно будутъ стремиться войдти въ составъ этихъ корпорацій, слѣдовательно, составятъ революціонный элементъ. Между верховною властью и народомъ легко можетъ установиться непроницаемая стѣна du pays légal, причемъ правительство, сознающее свое національное назначеніе, будетъ искать поддержки общественнаго мнѣнія внѣ палатъ, а правительство нелальновидное или своекорыстное успокоится на привилегированной корпораціи, что и приведетъ его къ паденію. Не смотря на блестящій составъ англійскихъ палатъ въ XVIII ст., Георгъ III сказалъ глубокую истину, что голосъ народа не слышенъ уже въ нихъ. Наполеонъ III прислушивается къ газетнымъ толкамъ и сходкамъ рабочихъ больше, чѣмъ къ болтовнѣ законодательнаго корпуса. Паденіе парламентаризма во Франціи не есть одно и тоже, что паденіе свободы, ибо горькій опытъ доказалъ, что свобода одно, а парламентаризмъ совершенно другое. Это есть перенесеніе того, что Бюше называетъ повѣркою, изъ узкой сферы палатъ, скопированныхъ съ англійскихъ учрежденій, гдѣ онѣ являются остаткомъ средневѣковаго корпоративнаго устройства, на болѣе широкую, *общественную* почву. Если охранительная дѣятельность есть общественная задача, если *повѣрка* есть одно изъ важнѣйшихъ проявленій этой дѣятельности въ области политической, то для насъ несомнѣнно и то, что эта дѣятельность должна быть такъ же разнообразна, такъ же безформенна, такъ же свободна, какъ само общество, гдѣ свобода и разнообразіе являются главнымъ условіемъ успѣха. Этотъ законъ, сколько намъ кажется, проявляется въ слабости всѣхъ континентальныхъ конституцій и въ равнодушіи къ нимъ народа. Конституція, какъ бы ни были геніальны ея составители, въ отношеніи важнѣйшей своей части, органовъ повѣрки, можетъ надѣлать грубѣйшихъ ошибокъ. Начнемъ съ самаго капитальнаго вопроса — съ устройства двухъ палатъ. Бюше весьма основательно доказываетъ, что эти двѣ палаты соотвѣтствуютъ двумъ не-

обходимымъ логическимъ моментамъ повѣрки — повѣрки съ преданіями прошедшаго и съ интересами настоящаго. Вслѣдствіе этого всѣ конституціи, отвергавшія двухкамерную систему, усиливали значеніе послѣдняго момента, то-есть вопросы обсуждались только съ точки зрѣнія потребностей минуты; вслѣдствіе этого палата перовъ всегда должна существовать для поддержки преданія, палата представителей для защиты современныхъ интересовъ. Авторъ, слѣдовательно, преданіе замыкаетъ въ палату перовъ или вообще въ аристократическую организацію. Почему? Очевидно потому, что онъ на охранительность элементовъ смотритъ съ точки зрѣнія количества и качества собственности, а потому представители крупной и поземельной собственности являются у него главными представителями національныхъ преданій. Мы видѣли, на сколько это вѣрно относительно странъ, обладающихъ, напримѣръ, общинною формой землевладѣнія. Въ такихъ странахъ, слѣдовательно, преданія пришлось бы искать въ народныхъ представителяхъ, а объ интересахъ настоящаго спрашивать у верхней палаты. Но почему въ такомъ случаѣ и представители народа не могли бы говорить о современныхъ интересахъ? Такимъ образомъ, явились бы двѣ палаты; изъ нихъ одна была бы устроена въ консервативномъ смыслѣ, но по сущности прогрессивна, другая для прогрессивныхъ задачъ, по въ сущности консервативна, а объ вмѣстѣ по необходимости должны исполнить ту, и другую задачу. Отъ этого необходимо произошло бы странное смѣшеніе понятій, борьба, взаимное непониманіе, столкновенія. Затѣмъ каждый элементъ не дѣйствуетъ въ теченіе всей исторіи съ однимъ и тѣмъ же характеромъ. Ни одинъ изъ нихъ не бываетъ неуклонно прогрессивенъ или консервативенъ. Незначительное измѣненіе условій экономическихъ и юридическихъ, большая или меньшая доля образованія, тотъ или другой характеръ воспитанія могутъ повести къ самымъ непредвидѣннымъ результатамъ.

Вотъ почему намъ кажется, что правительство никогда не должно лишать себя возможности пользоваться заявленіями всѣхъ народныхъ охранительныхъ элементовъ во всемъ ихъ объемѣ и разнообразіи; это одно дастъ ему возможность понять истинный смыслъ своей эпохи и установить прочную цѣль для себя и для управляемаго имъ общества. Напротивъ замкнувъ всѣ общественныя начала въ какую-нибудь коллегію, корпорацію, палату, прислушиваясь только къ ихъ толкамъ, правительство отнимаетъ у себя значительную долю своихъ средствъ. Новое общество стоитъ выше средневѣковаго, между прочимъ потому, что больше его имѣетъ средствъ для обмѣна и выраженія мыслей; а потому не нуждается уже такъ въ офиціальной трибунѣ, какъ древность или средніе вѣка. Газеты, телеграфы, желѣзныя дороги, громадное развитіе книжной торговли, конгрессы, митинги поддерживаютъ непрерывную связь между людьми, вырабатываютъ общественное мнѣніе въ полномъ смыслѣ этого слова. Средніе вѣка, не знавшіе ничего

подобнаго, не видѣли другихъ способовъ дойдти до какого-нибудь общаго результата, какъ послать довѣренныхъ людей на одинъ общій съѣздъ, перетолковать и рѣшить извѣстный политическій вопросъ. Разумѣется, эти съѣзды скоро приняли форму корпораціи, такъ какъ тогда все принимало эту форму и нуждалось въ ней. Сравните общественное мнѣніе, вырабатываемое этимъ путемъ, и сравните его съ тѣмъ, которое родится и развивается на вольномъ воздухѣ, въ прессѣ, на конгрессахъ, на митингахъ! Вслѣдствіе этого мы думаемъ, что право петицій, сходокъ, адресовъ, свобода печати— гораздо надежнѣйшія условія хорошей повѣрки, чѣмъ пресловутыя палаты. Невыгода послѣднихъ заключается въ томъ, что онѣ составляютъ сами власть или стремятся ее составить, слѣдовательно, предоставляютъ правительству лишь ограниченную свободу выбора, что, конечно, невыгодно для него, какъ для прогрессивнаго органа. Оно *обязано* принимать сужденія этихъ палатъ за дѣйствительное мнѣніе страны, хотя изъ заявленій не-офиціальныхъ, изъ газетъ и митинговъ, оно имѣетъ право думать противное. Наконецъ, подобная организація ведетъ къ тому, что общественные элементы, господствующіе въ данную минуту, возводятся на степень государственнаго устроиства. Государственная власть по своей природѣ должна отвлечься отъ всѣхъ общественныхъ элементовъ, дать всѣмъ равное право на развитіе и объединить подъ своею равною для всѣхъ волею.

Такимъ образомъ, Бюше желаетъ внести организацію съ самыми исключительными, замкнутыми формами въ такую сферу, гдѣ должны господствовать полный просторъ и разнообразіе. Съ другой стороны, онъ исключаетъ общественные элементы изъ такой сферы, гдѣ они часто бываютъ необходимы— изъ сферы инициативы. Совершенно правильно замѣчаетъ онъ, что инициатива — дѣло отдѣльныхъ личностей, какъ составляющихъ правительство, такъ и группирующихся вокругъ него. Но въ какой сферѣ вырабатываются эти личности, прежде чѣмъ онѣ сдѣлаются органами прогресса? «Если прогрессъ, говоритъ Дюпонъ-Уайтъ *), не есть дѣло массъ, изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ непремѣнно былъ дѣломъ однихъ правительствъ. Общество не раздѣляется только на народъ и власти, на силу слѣпую и силу официальную. Есть *классы*, одаренные независимымъ положеніемъ, просвѣщеніемъ, которыхъ содѣйствіе необходимо даже наиболѣе развитому народу... Кто признаетъ могущество идей, тотъ долженъ признать вліяніе высшихъ классовъ. Идеи могутъ родиться только здѣсь. Кто, напримѣръ, заботился бы о наукахъ и свободѣ, какъ не тѣ, за которыми обезпечены уже другія блага жизни? Во Франціи религіозныя и политическія нововведенія прежде всего поддерживались высшею аристократіей. Въ XVI ст. протестантскіе

*) L'Individu et l'État.

вожди были Бурбонъ, Роганъ, Шатильйонъ, Бульйонъ. Энциклопедія прежде всего завоевала аристократію. Недоставало только короля, но вѣдь этотъ король былъ Людовикъ XVI»

Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, чтобы какой-нибудь классъ могъ взять на себя великое дѣло прогресса. Только власть государственная можетъ быть его органомъ. Прогрессъ не всегда совершается государствомъ, но не иначе какъ чрезъ государство. Бюше вполнѣ принимаетъ это положеніе, но даетъ ему слишкомъ узкую формулу. Все, что не государство или не выдѣляется изъ толпы какими-нибудь необыкновенными способностями и развитіемъ, есть только охранительный элементъ. Но, какъ мы видѣли, инпціатива не должна ограничиваться тѣснымъ кружкомъ правительственныхъ лицъ или отдѣльныхъ выдвигающихся личностей изъ общества. Мы полагаемъ, что въ этомъ дѣлѣ возможно участіе цѣлыхъ классовъ, прогрессивныхъ по самому своему положенію. Нѣтъ сомнѣнія, что повѣрка требуетъ большаго простора, самой обширной сферы; поэтому мы и считаемъ неосновательнымъ стремленіе замкнуть ее въ узкую сферу палатъ. Инпціатива, всегда требующая сильнаго умственнаго развитія и нѣкотораго самоотверженія, не можетъ осуществляться на такомъ обширномъ полѣ; тѣмъ не менѣе устранить отъ этой дѣятельности всѣ общественные элементы, даже тѣ, прогрессивное значеніе которыхъ доказано исторіей, значитъ жертвовать сущностію дѣла формѣ, чего менѣе всего можно ожидать отъ глубокаго ума и широкаго міросозерцанія Бюше.

О. Контъ *) заканчиваетъ первую главу своей позитивной философіи слѣдующимъ образомъ: «Никто больше меня не убѣжденъ въ недостаточности моихъ умственныхъ силъ, хотя бы онѣ были и безконечно выше ихъ настоящаго достоинства, для выполненія обширной и возвышенной задачи установленія новой философіи. Но то, что не можетъ быть выполнено однимъ умомъ и въ теченіе одной жизни, то можетъ быть *предложено* ясно и просто; такова моя задача». Бюше съ большимъ основаніемъ могъ бы сказать это про себя. Если онъ не разрѣшаетъ какъ слѣдуетъ всѣхъ сложныхъ политическихъ вопросовъ, то по крайней мѣрѣ онъ умѣетъ показать всѣ стороны вопроса, поставить изслѣдованіе его на настоящую почву или затронуть его такъ глубоко, что основательное изученіе его дѣлается потребностію каждаго, кто прочтетъ его книгу. Она по преимуществу шевелитъ мысль — рѣдкое достоинство въ трудѣ, лишенномъ всякаго полемическаго

*) Cours de phil. pos. I, p. 46.

характера, избѣгающемъ парадоксовъ, излагающемъ вопросы догматически и объективно. Поразительное богатство мыслей, удачныхъ сравненій, сближеній, глубина анализа — отличительное свойство автора. Смѣемъ думать, каждый читатель придетъ къ этому заключенію, прочитавъ эту статью. Изъ всей массы вопросовъ, поднятыхъ Бюше, мы выбрали только одинъ, и онъ разросся въ статью на столько обширную, что мы боимся, не слишкомъ ли положились на вниманіе читателя.

ПАРЛАМЕНТАРИЗМЪ ВО ФРАНЦІИ *).

Б. Констанъ. *(Cours de Politique constitutionnelle, p. B.-Constant. Avec introduction et des notes par m. Edouard Laboulaye.* II t. Paris. 1861).

Политическая литература не богата сочиненіями, которымъ суждено жить долгій вѣкъ, служить неизсякаемымъ источникомъ «принциповъ и выводовъ» для цѣлыхъ поколѣній и школъ. Въ наукахъ естественныхъ и историческихъ каждый мелкій фактъ можетъ породить небольшое изслѣдованіе, которое тотчасъ дѣлается достояніемъ «сокровищницы науки». Ему уже принадлежатъ всѣ права на безсмертіе въ томъ смыслѣ, что его не можетъ обойти ни одинъ изслѣдователь того же самаго предмета. Оно непремѣнно встрѣтится въ цитатахъ, украшающихъ многотомныя и немноготомныя сочиненія. Напротивъ, сочиненія, содержаніемъ которыхъ является не фактъ (или факты), а идея, нуждаются въ болѣе солидныхъ условіяхъ для безсмертія. Они могутъ имѣть огромный успѣхъ въ моментъ своего появленія на свѣтъ. Если они ловко попадаютъ въ тонъ публики, дѣйствуютъ на страсти, — ихъ успѣхъ превосходитъ всякія ожиданія. Ими обозначается цѣлый моментъ въ томъ или другомъ движеніи общества. Дѣйствіе, произведенное ими тогда на публику, дѣлается важнымъ историческимъ фактомъ. Но сами по себѣ они не составляютъ пріобрѣтенія для науки. Историкъ всегда говоритъ о такихъ книгахъ; но никто не читаетъ болѣе, не исключая, быть можетъ, и того историка, который объ нихъ упоминаетъ. Каждый изслѣдователь эпохи французской революціи говоритъ о брошюрѣ Сійеса «Что такое третье сословіе», но кто же ее читаетъ? Другимъ сочиненіямъ, напротивъ, суждено остаться знаменемъ политическихъ партій въ теченіе долгаго времени. Они какъ бы исчерпываютъ собою все, что можно сказать объ извѣстномъ предметѣ не только въ данную минуту, но и въ теченіе долгаго времени послѣ ихъ выхода. Таковы теоріи Монтескье, Адама Смита.

---

*) Написана въ 1869 г.

Читая ихъ, невольно задумываешься надъ тѣмъ, сколько разъ повторялись и повторяются ихъ положенія въ трудахъ лицъ, считающихъ себя послѣдователями этихъ мыслителей. И какъ повторяются! Нерѣдко приходится жалѣть о томъ, что познакомился съ тѣми или другими положеніями въ сочиненіяхъ послѣдователей, а не въ трудахъ ихъ великихъ учителей. Для науки эти сочиненія имѣютъ то важное достоинство, что въ нихъ можно изучать принципы извѣстной школы во всемъ ихъ единствѣ, полнотѣ и чистотѣ, — съ полнымъ убѣжденіемъ, что труды послѣдователей немного прибавили ко всему этому.

Къ разряду такихъ сочиненій принадлежатъ и труды Б. Констана. Много было написано французской либеральной школой; много принциповъ провозглашено сю и развито въ томахъ и брошюрахъ. Трибуны законодательнаго корпуса и разныхъ палатъ повторяютъ ихъ на всѣ лады. Но есть ли возможность во всемъ этомъ хаосѣ идей и словъ найти твердую точку опоры для научнаго изслѣдованія? Нѣтъ! одно средство найти ключъ ко всѣмъ этимъ «словамъ» — это взять твореніе человѣка, который заставилъ столько поколѣній повторять его рѣчи и мысли. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ французскіе публицисты рѣшились вновь издать политическія сочиненія Констана. Нельзя не признать это важною заслугою для науки. Сочиненія эти даютъ ключъ къ разумѣнію собственныхъ твореній сихъ публицистовъ. Редактируя ихъ, Лабуле оказалъ большую услугу и самому себѣ. Авторъ «Государства и его границъ», «Либеральной партіи» и т. п. брошюръ — весь въ сочиненіяхъ Констана, къ которому онъ относится, какъ Бастіа къ Кери и Адаму Смиту. И онъ, и его сотоварищи либеральной школы, всѣ движутся въ кругу идей и понятій, оставленныхъ имъ въ наслѣдство Констаномъ и еще двумя, тремя самостоятельными политическими мыслями.

Въ своемъ предисловіи Лабуле самъ указываетъ на это значеніе Констана. Ничто не старѣется такъ скоро,—говоритъ онъ,—какъ политическія сочиненія, особенно въ странахъ переживающихъ сильныя революціи. Сочиненія появляются и умираютъ вмѣстѣ съ переворотами. Есть однако творенія, переживающія эти перевороты. Это тѣ труды, гдѣ авторъ защищалъ не преходящія политическія формы, но непоколебимыя начала свободы и справедливости. Въ сущности каждый политическій писатель говорилъ о свободѣ и справедливости, и называлъ ихъ вѣчными началами. Но Лабуле правъ въ своемъ отзывѣ о Констанѣ, въ томъ отношеніи, что дѣйствительно въ трудахъ послѣдняго сформулированы начала свободы и справедливости такъ, какъ понимаетъ ихъ французская либеральная школа, и сформулированы въ той формѣ, которую она признаетъ за незыблемую и вѣчную.

Вотъ почему разсказать исторію политическихъ трудовъ Констана, — изложить обстоятельства, вліявшія на образованіе его «вѣчныхъ началъ»

свободы и справедливости, — значитъ разсказать исторію большинства тѣхъ идей, кои служатъ основаніемъ статей и брошюръ либеральныхъ публицистовъ. Исторія Констана будетъ исторіею многихъ идей Лабуле, Жюля Симона, Ренье, О. Барро, Пикара, Гле-Бизуена и иныхъ многихъ. Она будетъ весьма важною страницею въ исторіи французскаго либерализма вообще. Мы попытаемся сдѣлать здѣсь небольшой очеркъ этой любопытной исторіи.

I.

Мы будемъ излагать исторію идей, а не личную исторію человѣка, ихъ высказавшаго. Вслѣдствіе этого, мы прежде всего познакомимъ читателя съ дѣйствительнымъ героемъ нашего небольшаго разсказа. Этимъ героемъ или героями, по праву, должны быть идеи, которымъ Констанъ служилъ цѣлую свою жизнь, — идеи, которыя онъ желалъ сдѣлать животворящимъ принципомъ государственнаго устройства Франціи и цѣлаго свѣта,—идеи, самими его послѣдователями признаваемыя за эти «непоколебимыя начала политики». Какія же это идеи? Незадолго предъ своею смертью онъ написалъ нѣсколько страницъ, которыя Лабуле зоветъ его политическимъ завѣщаніемъ. «Въ теченіе сорока лѣтъ, говоритъ Констанъ, я защищалъ одинъ и тотъ же принципъ: *свободу во всемъ*, — въ религіи, въ философіи, въ литературѣ, въ промышленности, въ политикѣ,—и подъ свободою я разумѣю торжество личности, какъ надъ авторитетомъ, который вздумалъ бы управлять съ помощію деспотизма, такъ надъ массами, которыя присвоили бы себѣ право подчинять меньшинство большинству. Деспотизмъ не имѣетъ никакихъ правъ. Большинство имѣетъ право принудить меньшинство уважать порядокъ; но все, что не нарушаетъ порядка,—что относится къ внутреннему міру, какъ, напр., мнѣнія, — что, при обнаруженіи этого мнѣнія, не вредитъ другому,.... — что, въ промышленности, предоставляетъ возможность свободнаго соперничества,—есть дѣло *личное* и не можетъ быть подчинено законнымъ образомъ власти».

Это опредѣленіе для Констана есть опредѣленіе не только свободы, но и справедливости, ибо осуществленіе такой свободы есть справедливость и составляетъ цѣль всякаго юридическаго порядка. По крайней мѣрѣ, особыхъ опредѣленій справедливости у Констана не встрѣчается, и всѣ его выводы касательно юридическаго и политическаго быта подводятся подъ это высшее начало ученія. Не даромъ онъ служилъ ему сорокъ лѣтъ.

Опредѣленіе Констана не есть новость въ политическихъ наукахъ. Раньше его оно было провозглашено естественной философіей, политическою экономіей и государственными науками въ самой Франціи (Монтескье).

Идея государства, построеннаго на признаніи правъ личности, — при

понятіи о законахъ, какъ о средствѣ огражденія личной свободы, и о правѣ, какъ возможности достигнуть равновѣсія между свободою одного и свободою другаго,—провозглашалась издавна философіею и наконецъ возвѣщена всѣмъ народамъ французскимъ національнымъ собраніемъ. Признаніе свободы личности, какъ исходной точки и принципа государственнаго порядка, начинается съ того момента, когда субъективное человѣческое мышленіе, въ качествѣ источника знанія, было объявлено независимымъ отъ объективныхъ условій внѣшняго міра, — когда естественная историческая необходимость, направлявшая объективную философію древняго міра и среднихъ вѣковъ, была подвергнута критикѣ, и единственною необходимостію въ мірѣ была признана *логическая необходимость*. Разумъ объявленъ не ученикомъ природы и ея явленій, а ихъ судьею; истинно, дѣйствительно, стало только то, что необходимо по законамъ мышленія, — то, противоположнаго чему разумъ не можетъ себѣ представить. Совокупность началъ, признанныхъ необходимыми разумомъ a priori, составляетъ дѣйствительное знаніе; разумъ, освобожденный отъ содержанія, внесеннаго въ него внѣшнимъ міромъ, и оставленный только при необходимыхъ категоріяхъ, заключенныхъ въ немъ самомъ, есть чистый разумъ, — творецъ всякаго знанія и судья всего существующаго.

Орудіе было приготовлено; оставалось приложить его къ дѣлу. Одна за другою всѣ области знанія, всѣ факты внѣшняго міра, проходили предъ новымъ судьею. Всѣ должны были дать отвѣтъ на грозные вопросы: на сколько ихъ начала логически необходимы? Можетъ или не можетъ человѣкъ мыслить противное тому, что представляютъ разныя явленія внѣшняго міра? Имѣютъ ли они себѣ оправданіе въ вѣчныхъ началахъ чистаго знанія? Наиболѣе важные результаты имѣла эта критическая работа для политическихъ и общественныхъ наукъ. Здѣсь, по отношенію къ чистому разуму, внѣшнимъ, объективнымъ матеріаломъ явился историческій порядокъ и строй общества. Предъ безусловнымъ знаніемъ, субъективнымъ, стояло опытное, созданное внѣшнею необходимостію; предъ логическою необходимостію — историческая. Сопоставленіе началъ логической необходимости съ историческимъ порядкомъ вещей должно было привести къ взаимному противорѣчію ихъ и наконецъ къ отрицанію этого порядка. Первымъ результатомъ признанія правъ разума здѣсь, какъ и въ другихъ областяхъ знанія, было освобожденіе субъективнаго міра отъ внѣшняго, которому такъ была подчинена человѣческая мысль въ древности. Аристотель сказалъ, что государство существуетъ прежде человѣка, Платонъ опредѣлялъ отношеніе государства къ человѣку, какъ отношеніе необходимаго истиннаго, вѣчнаго (государство) къ преходящему, частному, ложному, обманчивому. Древніе мыслители не могли мыслить человѣка внѣ государства, безъ государства,—только въ немъ имѣлъ онъ истинное значеніе. Но такое подчиненіе субъективнаго человѣка

внѣшнему факту, называемому обществомъ и общественною жизнію, должно было убить личную свободу, и доказательствомъ этому служитъ классическое государство, описанное Аристотелемъ и идеализированное Платономъ. Съ появленіемъ естественной философіи общество и государство, *какъ внѣшній фактъ*, должны были занять то мѣсто, которое у Платона занимала *личность*. Государство и его историческій складъ, какъ продуктъ опыта, были чѣмъ-то случайнымъ, временнымъ, обманчивымъ предъ непреложными началами субъективнаго знанія. Древніе не могли представить себѣ человѣка внѣ государства. Раціональная философія начинаетъ съ того, что мыслитъ человѣка внѣ всякаго общества. Она выставляетъ ученіе о *естественномъ состояніи*. Ученіе это, по мѣткому замѣчанію Шталя, имѣло одно значеніе: «я могу мыслить человѣка внѣ государства». Оно имѣло задачею выдѣлить изъ человѣческаго разума все, внесенное въ него внѣшнимъ историческимъ порядкомъ, и оставить только нѣсколько безусловно-*необходимыхъ* положеній, на которыхъ должно было построиться ученіе о государствѣ. Всѣ начала міра нравственнаго и юридическаго получили субъективное, личное значеніе. Всѣ опредѣленія нравственной философіи имѣли въ виду личность и вытекали изъ понятія личности. Понятно, что личность должна была сдѣлаться исходною точкою новой государственной теоріи. Платонъ искалъ идею человѣка въ государствѣ, которое одно могло выразить ее вполнѣ; раціональная философія идею государства искала въ человѣкѣ. Если человѣка можно представить себѣ внѣ государства, то понятно само собою, что государство есть продуктъ человѣческой воли; если оно продуктъ воли, то понятно, что основаніемъ его служитъ *договоръ*. Всякій же договоръ есть актъ *свободной* человѣческой воли. Поэтому договоръ можетъ имѣть въ виду только то, что согласно съ идеею свободы. Слѣдовательно, въ государствѣ можетъ быть осуществлена только личная свобода. Оставалось сдѣлать анализъ понятія свободы и указать средства, которыми государство можетъ ее осуществить. Эти средства и цѣли, какъ извѣстно, у разныхъ писателей были различны, начиная съ деспотизма (у Гоббеса) и кончая республикой (у Руссо).

Мы не будемъ здѣсь вдаваться въ изслѣдованіе этихъ разнообразныхъ теорій и причинъ, породившихъ это разнообразіе. Нѣсколькихъ соображеній будетъ достаточно для выясненія идеи той свободы, которую защищалъ Б. Констанъ. Признавая государство продуктомъ воли человѣка, вышедшаго изъ естественнаго состоянія, раціональная философія имѣла въ виду не историческаго, соціальнаго человѣка, а идею человѣка, — и идею, очищенную отъ всякихъ внѣшнихъ, т. е. историческихъ примѣсей. Эта идея, отвлеченная отъ государственнаго порядка и историческаго строя общества, естественно долженствовала быть одинаковою, равною для всѣхъ людей. Отсюда идея равной для всѣхъ свободы или равенства. Равенство требуетъ установленія одинаковыхъ для всѣхъ правъ. Люди, внѣ общества, въ идеѣ

имѣютъ одинакія права, и преимущественно равными должны быть тѣ права, которыя тѣсно связаны съ идеею человѣка. Только входя въ общество, люди начинаютъ различаться правами. Слѣдовательно, неравенство между людьми есть продуктъ общественной жизни. Въ качествѣ историческаго, случайнаго факта, различіе это не можетъ касаться правъ, кои принадлежатъ идеѣ человѣка, — безъ которыхъ человѣкъ не мыслимъ даже въ естественномъ состояніи. Оно касается только правъ, пріобрѣтаемыхъ человѣкомъ въ обществѣ. Отсюда различіе между такъ называемыми прирожденными и пріобрѣтенными правами, jura connata и jura acquisita. Первыя суть права, принадлежащія человѣку независимо отъ всякаго общественнаго договора, въ силу логической необходимости; вторыя устанавливаются и пріобрѣтаются уже въ обществѣ, происшедшемъ изъ договора. Только первыя имѣютъ безусловное значеніе; вторыя поддерживаются условнымъ соглашеніемъ между людьми. Понятно, что къ послѣднему роду правъ отнесены всѣ институты положительнаго права, наглядно создавшіеся подъ вліяніемъ исторіи и общественной жизни. На этомъ пока и остановился анализъ естественнаго права. Мы видимъ съ одной стороны идею личности со всѣми ея неотъемлемыми правами, которыя принадлежатъ ей въ силу логической необходимости, *которыхъ она не можетъ не имѣть;* съ другой стороны — ту же личность, видоизмѣненную общественною жизнью, съ правами, созданными обществомъ; они принадлежатъ ей въ силу общественнаго договора, но не въ силу логической необходимости.

Какъ относятся между собою эти двѣ идеи одной и той же личности? Вопросъ чрезвычайно важный для естественнаго права и пожалуй для всей западной Европы, ибо французская революція уже готова была возвѣстить съ каѳедры выводы этой философіи. Въ самомъ понятіи *свободы* произошло какое-то раздвоеніе. Естественное право какъ будто имѣетъ въ виду двѣ свободы. 1) Подъ свободою можно разумѣть права личности, обезпечивающія независимость ея индивидуальнаго бытія отъ произвола другихъ лицъ; эти условія индивидуальнаго развитія суть продуктъ логической необходимости; ихъ человѣкъ *не можетъ не имѣть*, если онъ хочетъ быть личностью; этотъ видъ свободы относится *къ самому понятію личности*. 2) Другое понятіе свободы имѣетъ въ виду практическое проявленіе ея во внѣшнемъ мірѣ, волю человѣка; воля вывела его изъ естественнаго состоянія, воля создала юридическій бытъ, воля установила отношеніе человѣка къ другимъ людямъ.

Понятіе отвлеченной личности не опредѣляетъ еще мѣста человѣка въ обществѣ. Мѣсто это зависитъ отъ юридическаго порядка, созданнаго человѣческою волею, а въ этомъ порядкѣ понятіе объ идеальной личности можетъ затереться и даже погибнуть.

Какое же должно быть отношеніе между этими двумя видами свободы? Съ точки зрѣнія прирожденныхъ правъ, люди равны и свободны; логическая

необходимость для всѣхъ одна и та же, и дѣйствительно въ естественномъ состояніи люди всѣ равны; неравенство создается практическою жизнью, условіями обществъ, при которыхъ одинъ развивается больше, стоитъ выше, чѣмъ другой. Въ естественномъ состояніи видимъ мы равныя между собою personæ; въ обществѣ встрѣчается разница между господиномъ и слугой, имущимъ и неимущимъ, отцомъ и дѣтьми, и т. д. Первенство, въ силу логической необходимости, принадлежитъ первому порядку; второй, какъ произведеніе исторической случайности, не имѣетъ такихъ правъ на существованіе. Такъ установилось первое противорѣчіе между *тѣмъ, что есть*, и *тѣмъ, что должно быть*. Оно постепенно развивалось дальше. На первый взглядъ совокупность прирожденныхъ правъ есть сфера свободы, въ собственномъ смыслѣ этого слова. Но это тождество только кажущееся. Прирожденныя права принадлежатъ человѣку въ силу логической необходимости, а потому человѣкъ не можетъ отъ нихъ отказаться. Они не могутъ быть предметомъ свободныхъ сдѣлокъ. Воля человѣческая не можетъ ихъ измѣнить. Слѣдовательно, свободный договоръ можетъ касаться только правъ производныхъ; но, съ другой стороны, въ этой-то сферѣ и устанавливается неравенство между людьми.

Если допустить безусловное значеніе прирожденныхъ правъ въ обществѣ и не допускать возможности видоизмѣненія ихъ общественнымъ договоромъ, то какъ примирить практическую личность съ идеальною личностью естественнаго состоянія? Равенство есть коренное свойство прирожденныхъ правъ. Если мы подчинимъ ихъ условіямъ свободнаго договора, — историческимъ условіямъ, — то равенство исчезнетъ, исчезнутъ прирожденныя права, и въ обществѣ будутъ только права пріобрѣтенныя. Для примиренія этого противорѣчія было на первый разъ два выхода. 1) Можно было признать только формальное значеніе прирожденныхъ правъ, затѣмъ подчинить ихъ всѣмъ условіямъ общественнаго договора, и тѣмъ освятить общественное неравенство и историческій порядокъ, въ какой бы то ни было формѣ. 2) Можно было признать безусловное значеніе прирожденныхъ правъ въ обществѣ, отвергнуть возможность свободнаго распоряженія ими, и затѣмъ подчинить весь общественный порядокъ этимъ *непреложнымъ* началамъ. Первый путь избрала большая часть писателей естественнаго права до конца XVIII столѣтія, проповѣдуя силу свободнаго договора относительно даже прирожденныхъ правъ, что должно было повести къ окончательному разрушенію свободы. Если человѣкъ соглашается быть рабомъ, то почему же и не такъ? На то его свободная воля. Господинъ только долженъ кормить этого раба, чтобы не уничтожить формальное существованіе его личности. Только эта формальная личность не можетъ быть отчуждаема (господинъ долженъ кормить своего раба, чтобы не дать ему умереть); всѣ же права, посредствомъ которыхъ она выражается въ практической дѣятельности, могутъ отчуждаться

(трудъ раба и всѣ его акты принадлежатъ господину). Та же теорія легко примирилась съ феодальными порядками и даже съ деспотизмомъ. Она соглашалась, конечно, что права прирожденныя принадлежатъ личности въ силу логической необходимости. Но должны ли они быть основаніемъ юридическаго порядка? Должны ли права *человѣка* оставаться и правами *гражданина?* Этотъ вопросъ не былъ пока разрѣшенъ естественною философіею, по очень простой причинѣ. Юридическій порядокъ ея договорнаго государства былъ произведеніемъ *воли*, свободы практической, а не безусловнаго разума и логической необходимости.

Иначе разрѣшилъ этотъ вопросъ Руссо. Онъ отвергъ всякую возможность отчужденія прирожденныхъ правъ. Человѣкъ *обязанъ* ихъ имѣть при себѣ; онъ лично долженъ ими пользоваться; онъ не можетъ ихъ отчуждать, ни переносить на другое лицо. Вотъ почему Руссо отвергъ возможность перенесенія народныхъ правъ на государственную власть и осудилъ народное представительство. Общественный договоръ не можетъ видоизмѣнить идеальную личность. Люди рождаются равными и остаются такими въ обществѣ. Понятно, что всѣ учрежденія, созданныя путемъ договора, должны были рухнуть при первомъ прикосновеніи этой теоріи. Естественный порядокъ долженъ продолжать свое существованіе и въ юридическомъ бытѣ. Все государственное и общественное устройство имѣетъ значеніе на столько, на сколько оно приближается къ естественному порядку. Руссо мало занимался экономическими вопросами, но не подлежитъ сомнѣнію, что онъ былъ противникомъ даже экономическаго неравенства. Такъ, онъ смотрѣлъ на институты гражданскаго права, какъ на первый источникъ неравенства. «Тотъ, кто первый *осмѣлился* огородить часть земли и сказать «это мое», ввелъ неравенство въ общество», говоритъ онъ въ своей «Рѣчи о неравенствѣ».

Эти слова знаменитаго республиканца приводятъ насъ еще къ одному противорѣчію, присущему раціональной философіи. Мы разсмотрѣли противорѣчіе, произведенное формальнымъ разграниченіемъ правъ на прирожденныя и пріобрѣтенныя. Еще большій споръ долженъ былъ возбудить вопросъ *о содержаніи и объемѣ этихъ правъ*. Какія права могутъ быть отнесены къ прирожденнымъ, какія — къ пріобрѣтеннымъ правамъ? Какое право необходимо логически, тѣсно связано съ существомъ личности, взятой независимо отъ общества, какія права созданы обществомъ? Прежде всего вниманіе философовъ остановилось на собственности. Имѣетъ ли личность безусловное, необходимое право на землю и ея плоды? Въ естественномъ состояніи или въ томъ, которое они считали за естественное, философы не находили собственности. «Послѣ сотворенія міра, говоритъ Гроцій *), Богъ далъ человѣ-

*) Le droit de la guerre et de la paix. II, 2 § 1, и слѣд.

ческому роду общее право на всѣ предметы нашей природы». Все принадлежало всѣмъ. Это могло бы продолжаться, если бы люди сохранили первобытную чистоту и простоту нравовъ (т. е. остались бы въ естественномъ состояніи). Но они не сохранили этой простоты, предались наукамъ и искусствамъ, т. е. вкусили отъ древа познанія добра и зла, и постепенно возникъ общественный порядокъ со всѣмъ его неравенствомъ. Тоже самое говорили Вольфъ, Томазій и Пуфендорфъ. Почти всѣ главные философы до Канта согласны были въ томъ, что общность имущества есть первобытный фактъ естественнаго состоянія. Тоже самое было и съ другими правами. Нѣкоторые философы относили право отца надъ дѣтьми къ правамъ прирожденнымъ, другіе отвергали это и т. д. Пока споръ этотъ оставался въ области логики и имѣлъ своимъ «театромъ» квартанты и in folio, онъ не могъ имѣть особенно важныхъ практическихъ послѣдствій. Притомъ большинство философовъ-раціоналистовъ довольствовалось признаніемъ формальной личности, очень удобно объясняя всѣ явленія положительнаго права свободою людей и общественнымъ договоромъ. Вслѣдствіе этого философы могли оставаться одновременно и смѣлыми мыслителями, и спокойными гражданами полуфеодальныхъ государствъ.

Но скоро этотъ споръ долженъ былъ получить болѣе практическое значеніе, выступить на сцену всемірной исторіи. Для людей, выводившихъ государство изъ договора первоначально свободныхъ и равныхъ между собою личностей, ясно было, что въ обществѣ люди могутъ пользоваться только тѣми правами, которыя имъ принадлежатъ въ силу ихъ личнаго значенія. Предъ ними теряютъ всякое значеніе всѣ другія права. Ни одинъ человѣкъ не можетъ уступить другому ни одной частицы своей свободы, ни равенства. Въ обществѣ не можетъ быть лицъ, которымъ другія уступили часть своихъ правъ. Когда люди посредствомъ договора создаютъ общество, они должны сохранить и равенство, и свободу. Посему, общество должно быть устроено такъ, чтобы, вступая въ него, каждый столько же давалъ всѣмъ, сколько получаетъ отъ нихъ. Если общество передастъ часть своихъ правъ нѣсколькимъ лицамъ, эти лица составятъ привиллегированный классъ, а другія — классъ подчиненный. Слѣдовательно, каждый, вступая въ общество, передастъ свои права *всему обществу*; а все общество даетъ ему свои права, и онъ получаетъ столько же, сколько далъ. Затѣмъ, каждое лицо, вступая въ договоръ, должно отдать обществу свои права, чтобы имѣть право получить отъ общества ихъ эквивалентъ. Если это лицо удержитъ часть своихъ правъ, оно будетъ не равнымъ, а привиллегированнымъ членомъ общества, и послѣднее должно заставить его вступить въ общественный договоръ и сдѣлаться настоящимъ гражданиномъ; on le forcera d'être libre, какъ говорилъ Руссо. Примѣненіе этихъ началъ къ пріобрѣтеннымъ правамъ должно было уничтожить всякое значеніе послѣднихъ и

повести къ полной нивеллировкѣ общества. Руссо самъ не сдѣлалъ полнаго примѣненія высказанныхъ имъ началъ, но прочно установилъ право общества распоряжаться правами своихъ членовъ въ видахъ равенства и свободы. У него находятся уже слѣдующіе выводы: «Ни одинъ гражданинъ не долженъ быть богатъ настолько, чтобы имѣть возможность купить другаго, ни бѣденъ на столько, чтобы имѣть нужду продаваться. Если вы хотите прочности государства, примиряйте эти двѣ крайности: не терпите слишкомъ богатыхъ, ни слишкомъ бѣдныхъ людей. Эти два неразлучные между собой класса гибельны для общаго блага. Изъ послѣдняго класса выходятъ виновники тиранніи, изъ другаго — тираны; между ними совершается купля и продажа общественной свободы; одни покупаютъ, другіе продаютъ ее». Мабли выражается еще рѣшительнѣе. «Мнѣ трудно отгадать, говоритъ онъ, какъ люди дошли до установленія собственности.., и если бы я не боялся оскорбить нашихъ предковъ, какихъ бы я упрековъ надѣлалъ имъ за ошибку, которую имъ почти невозможно было сдѣлать! Природа требуетъ, чтобы общественное и имущественное равенство было необходимымъ условіемъ процвѣтанія государствъ.»

Послѣ такихъ выводовъ естественному праву уже нельзя было оставлять за свободою значеніе индивидуальнаго факта. Она сдѣлалась достояніемъ общества, которое уже въ равной степени сообщаетъ ее всѣмъ своимъ членамъ. Въ этомъ смыслѣ значеніе индивидуальной свободы почти утратилось. Человѣкъ свободенъ лишь какъ часть общества, но не какъ личность сама по себѣ. Все, что составляетъ дѣйствительную свободу, — собственность, религіозная свобода, свобода слова, — поступаетъ въ распоряженіе общества, общей воли, владыки всѣхъ отдѣльныхъ гражданъ. Нѣчто подобное существовало уже въ древнемъ мірѣ. Тамъ каждый человѣкъ имѣлъ значеніе лишь какъ гражданинъ и не пользовался ни однимъ изъ тѣхъ правъ, которыми такъ дорожитъ современное человѣчество. Цицеронъ говоритъ, что никто не долженъ имѣть новыхъ и чуждыхъ боговъ, если они не признаны закономъ. Цензура въ Римѣ касалась мельчайшихъ подробностей обыденной жизни. Тернандръ въ Спартѣ не могъ прибавить одной струны на свою лиру, безъ разрѣшенія эфоровъ. Но мнѣ кажется, что многіе писатели слишкомъ преувеличиваютъ вліяніе греческихъ и римской республикъ на теоріи французскихъ республиканцевъ, преимущественно же на теорію Руссо. Она была, главнымъ образомъ, продуктомъ естественной философіи, подъ вліяніемъ которой и классическія республики получили особенное значеніе для дѣятелей XVIII ст.

Вопросъ о свободѣ былъ поставленъ слѣдующимъ образомъ. Всѣ были согласны въ томъ, что государство составляется изъ личностей, въ силу свободнаго между ними договора. Но затѣмъ, какое значеніе сохраняетъ личность въ обществѣ? Какія ея права должны быть здѣсь осуществлены? Насколько

они осуществимы? По всѣмъ этимъ вопросамъ господствуетъ полное разногласіе.

Если мы составимъ понятіе свободы изъ нѣсколькихъ практическихъ, реальныхъ правъ на внѣшнюю природу, мы потребуемъ такой организаціи общества, гдѣ потребности всѣхъ должны быть удовлетворены въ равной степени. Въ этомъ случаѣ мы пойдемъ за Руссо, а отъ него—естественный переходъ къ соціализму и коммунизму. Человѣкъ имѣетъ право требовать отъ общества удовлетворенія своихъ потребностей или въ силу того, что онъ работаетъ (соціализмъ), или просто въ силу того, что онъ живетъ на землѣ (коммунизмъ). Съ другой стороны, понятія о формальномъ значеніи личности съ ея прирожденными правами были пока страшно запутаны. Желая дать этимъ прирожденнымъ правамъ дѣйствительное значеніе, философы подыскивали для нихъ какое нибудь реальное содержаніе, забывая, что это реальное содержаніе можетъ принадлежать только пріобрѣтеннымъ правамъ, — и по очень простой причинѣ. Понятіе о прирожденныхъ правахъ получается при анализѣ человѣческой природы, взятой независимо отъ общества и внѣшней природы. Ученіе о естественномъ состояніи выяснило значеніе человѣческой личности въ тотъ моментъ, когда она еще не вступала ни въ какія практическія отношенія съ внѣшнею природой *). Прирожденныя права суть продуктъ чистаго или безусловнаго разума, а потому не имѣютъ еще никакого реальнаго содержанія. Но вотъ воля или, по Канту, практическій разумъ выводитъ человѣка изъ естественнаго состоянія. Онъ вступаетъ въ отношеніе къ внѣшней природѣ и другимъ людямъ, занимаетъ въ этомъ мірѣ опредѣленное положеніе. Но будетъ ли это положеніе *практической* личности соотвѣтствовать значенію личности идеальной? Сохранитъ ли она свои прирожденныя права? Собственно говоря, всякая личность въ обществѣ можетъ

---

*) Въ этомъ смыслѣ никакъ нельзя допустить, чтобы въ естественной философіи ученіе о естественномъ состояніи имѣло значеніе историческаго факта, который предшествуетъ образованію государства. Руссо, Гроцій и другіе рисуютъ намъ картины естественнаго состоянія, подкрѣпляютъ ихъ даже примѣрами изъ исторіи; но въ ихъ сочиненіяхъ это ненужные аксессуары. Главная ихъ цѣль: *выяснить значеніе человѣка вић общества*. Вотъ почему мы и должны отличать теорію естественнаго состоянія, необходимую для естественной философіи, отъ историческихъ примѣровъ, которые здѣсь нужны и большею частью невѣрны. Забавны поэтому тѣ, которые сражаются противъ естественнаго состоянія, доказывая, что его никогда не было; какъ будто философы нуждались въ томъ, чтобы оно было! Теорія естественнаго состоянія возникла изъ потребности *общую теорію идеальной личности противоположить историческому порядку*; а ее опровергаютъ историческими примѣрами! Изложеніе этой теоріи, въ смыслѣ историческаго факта, было только средствомъ провести свои начала въ науку, — формою изложенія, — ни больше, ни меньше. Современная наука не нуждается въ подобныхъ пріемахъ; она можетъ изучать человѣка въ обществѣ, потому что абсолютное значеніе его достаточно уже выяснено. И въ этомъ великая заслуга раціональной философіи!

имѣть только пріобрѣтенныя права; ибо каждое право въ обществѣ выражаетъ отношеніе одного лица къ другимъ лицамъ, а въ договорномъ государствѣ (каково государство, по понятіямъ естественной философіи) всѣ эти отношенія создаются и опредѣляются тою же волею, которая вывела людей изъ естественнаго состоянія. Вопросъ заключается, слѣдовательно, только въ томъ, до какой степени будетъ измѣнена эта личность общественнымъ порядкомъ. Останется ли отъ нея только имя, форма (какъ въ рабѣ), или прирожденныя права обезпечатъ свободное положеніе человѣка въ обществѣ и составятъ ту сферу индивидуальности, которую не въ силахъ будетъ перешагнуть никакая власть, не нарушивъ тѣмъ всѣхъ условій юридическаго порядка и началъ справедливости? Слѣдовательно, эти права въ обществѣ имѣютъ совершенно другое значеніе, нежели права пріобрѣтенныя. Послѣднія опредѣляютъ дѣйствительное положеніе человѣка въ обществѣ, а потому имѣютъ положительное значеніе; они означаютъ всегда цифру опредѣленнаго имущества, рангъ человѣка *въ данной* общественной іерархіи, и т. д. Первыя имѣютъ болѣе отрицательный характеръ, указываютъ только на тѣ условія, при которыхъ можетъ установиться правильный юридическій бытъ безъ нарушенія свободы и самостоятельности отдѣльныхъ личностей. Поэтому подъ прирожденными правами можно разумѣть только условія, безъ коихъ не могутъ быть пріобрѣтены никакія права; это не право, а правоспособность, независимость личнаго бытія и моральнаго существованія. Эти права имѣютъ юридическое значеніе въ томъ смыслѣ, что они a) обусловливаютъ независимость людей другъ отъ друга, открывая всѣмъ *возможность* на полученіе всѣхъ пріобрѣтенныхъ правъ, и b) устанавливаютъ предѣлы и способы пріобрѣтенія этихъ послѣднихъ правъ, не дозволяя никому уничтожать значеніе личности другаго и пользоваться какими нибудь средствами, вредящими свободному развитію другихъ людей.

Неудивительно, что естественная философія могла опредѣлить эти права только отрицательными признаками. Если бы прирожденныя права имѣли какое нибудь реальное содержаніе или, лучше сказать, опредѣленный объектъ въ мірѣ физическомъ или имущественной сферѣ, то, при рожденіи каждаго новаго человѣка на землю, приходилось бы передѣлывать весь существующій строй общества, чтобы дать мѣсто новому пришельцу. Когда естественная философія говоритъ о прирожденномъ правѣ человѣка *не быть* средствомъ для другихъ, *не быть* рабомъ, и т. д., она поступаетъ очень логично. Но этотъ отрицательный характеръ имѣетъ и положительное значеніе въ обществѣ. Если одинъ человѣкъ не можетъ быть средствомъ для другаго, если никто не можетъ развивать свою личность насчетъ другихъ, то, съ другой стороны, всѣ лица имѣютъ равное право для осуществленія всѣхъ своихъ цѣлей, подъ единственнымъ условіемъ признанія подобныхъ правъ въ другихъ людяхъ. Одно право сдерживается другимъ такимъ же

правомъ, или, какъ говорилъ Кантъ, свобода одного совмѣщается съ свободою другаго по всеобщему закону свободы

Если прирожденныя права не имѣютъ опредѣленнаго объекта, а суть только равныя для всѣхъ условій пріобрѣтенія (дозволенными средствами) разныхъ правъ на эти объекты, то очевидно, что и *власть политическая* (imperium) не можетъ составлять содержанія этихъ правъ. Изъ существа идеальной личности не можетъ быть выведено право на государственную власть. Оно есть право пріобрѣтенное и пріобрѣтаемое, а потому не можетъ составлять прирожденнаго права гражданъ. Личная свобода не есть власть, ибо самые признаки той и другой различны. Можно еще, съ разными натяжками, отнести право собственности къ числу прирожденныхъ правъ; но отношенію къ политической власти это рѣшительно невозможно. Власть есть право, даваемое ея носителю не для удовлетворенія своихъ личныхъ цѣлей и потребностей, а для общаго блага; поэтому она (составляя право для другихъ лицъ) для человѣка, облеченнаго ею, есть *обязанность*, отъ которой онъ не можетъ отказаться, не покинувши своего поста. Въ древности народъ имѣлъ власть, но не пользовался тѣмъ, что естественная философія называла прирожденными правами, обусловливающими человѣческую свободу. Выдѣлить понятіе *этой* свободы отъ всѣхъ чуждыхъ ей примѣсей было задачею послѣднихъ представителей естественной философіи и нѣкоторыхъ публицистовъ, не относящихся прямо къ этой школѣ.

Во Франціи болѣе всего способствовалъ этому разъясненію Монтескьё. Онъ указываетъ на то, какое различное понятіе о свободѣ имѣли его современники. Нѣтъ слова, говоритъ онъ, которое бы получило столь разнообразное значеніе, какъ слово «свобода». Одни принимаютъ его за возможность низложить тирана; другіе — за право избирать того, кому они должны повиноваться; третьи — за право быть вооруженнымъ и дѣлать разныя насилія; нѣкоторые связываютъ это слово съ опредѣленною формой правленія, въ противоположность другимъ формамъ. Нѣкоторые называютъ свободой правленіе, согласное съ ихъ обычаями и наклонностями. А такъ какъ въ республикахъ орудія зла не всегда на глазахъ, и законы тамъ, повидимому, говорятъ больше, а исполнители ихъ — меньше, то и свободу помѣщаютъ въ республикѣ, исключая изъ монархій. Наконецъ, такъ какъ въ демократіяхъ народъ повидимому дѣлаетъ все, что хочетъ, то свободу отождествили съ этою формою правленія и *смѣшали власть народа съ его свободой*. Дѣйствительно, въ демократіяхъ народъ повидимому дѣлаетъ все, что хочетъ. Но свобода политическая не заключается въ возможности дѣлать все, что хочешь.

Что же такое свобода? Всѣмъ извѣстно опредѣленіе Монтескьё, что свобода есть право дѣлать все дозволенное законами; если бы гражданинъ могъ дѣлать то, что они запрещаютъ, не было бы свободы, ибо всѣ имѣли бы

то-же право. Это опредѣленіе Монтескьё было имъ дурно выражено, но еще хуже комментировано послѣдующими учеными. Если остановиться только на этихъ словахъ, то очевидно, мы не получимъ никакого понятія о свободѣ. Но понятіе Монтескьё о свободѣ заключается не въ этомъ опредѣленіи, а въ нѣсколькихъ дефиниціяхъ, болѣе или менѣе удачныхъ, которыя разсѣяны въ VI главѣ XI книги его труда, хотя мы напрасно будемъ искать въ нихъ опредѣленія сущности свободы. Во-первыхъ, приведенное выше выраженіе есть неудачное подражаніе изреченію Цицерона (на которое ссылается и Монтескьё): omnes legum servi sumus ut liberi esse possimus. Цицеронъ говоритъ, что свобода гражданъ возможна тогда, когда всѣ будутъ держаться въ предѣлахъ закона. Очевидно, это практическое условіе свободы, а не ея опредѣленіе. Опредѣленіемъ этихъ условій и занимается все время Монтескьё. Въ другомъ мѣстѣ, которое попало и въ знаменитый наказъ Екатерины II, онъ говоритъ, что политическая свобода состоитъ въ спокойствіи духа, проистекающаго отъ увѣренности каждаго въ своей безопасности; а для того, чтобы достигнуть этой свободы, правительство должно быть таково, что бы одинъ гражданинъ не боялся другаго. Итакъ, правительство и его законы должны опредѣлять границы дѣятельности каждаго человѣка, дабы одинъ могъ спокойно развиваться подлѣ другаго. Гражданскій порядокъ держится на равновѣсіи личныхъ правъ; никто не можетъ вторгнуться въ сферу, подлежащую личной дѣятельности другаго. Эти условія вполнѣ согласны съ принципомъ личной свободы по естественному праву. Имѣлъ ли Монтескьё понятіе о самомъ принципѣ? Не только имѣлъ, но и развилъ его довольно подробно, хотя не въ XI книгѣ, — которую обыкновенно цитируютъ, говоря о понятіяхъ Монтескьё о свободѣ, — а въ XII и отчасти въ XIII.

Философская свобода, говоритъ онъ, состоитъ въ осуществленіи своей воли или, по крайней мѣрѣ, въ убѣжденіи, что ее осуществляешь. Политическая свобода состоитъ въ безопасности или въ убѣжденіи, что имѣешь эту безопасность *). Выводъ изъ этого краткаго положенія ясенъ. Понятіе о личности требуетъ, чтобы каждый имѣлъ право употреблять свои способности по своему усмотрѣнію; государственное устройство должно быть таково, чтобы за каждымъ была обезпечена эта возможность. Слѣдовательно, политическое устройство есть система гарантій, необходимыхъ для осуществленія этой философской свободы. Въ чемъ же проявляется эта философская свобода? Монтескьё приступаетъ въ дальнѣйшихъ главахъ XII книги къ изслѣдованію гарантій, необходимыхъ для «спокойствія всѣхъ». Но изъ этихъ главъ видно также, какія стороны человѣческой дѣятельности Мон-

*) См. Esp. de. Lois XII, 2.

тескье желалъ обезпечить за философской свободой. Свобода религіозная *), свобода печати, мысли и слова **), собственности ***), — таковы права личности, которыя должна обезпечить каждая государственная власть, будь это демократія или монархія.

Книга XII имѣетъ въ виду выяснить значеніе личности въ частной ея дѣятельности. Государственная власть должна охранять свободу этой дѣятельности. Но каково должно быть устройство самой государственной власти для того, чтобы она могла удовлетворять этому назначенію? Руссо отвѣтилъ бы, что для свободы необходимо, чтобы власть принадлежала всѣмъ гражданамъ, т. е., чтобы граждане были политическою властью. Но Монтескьё хорошо понималъ, что злоупотребленіе власти или, лучше сказать, неюридическое отношеніе ея къ гражданамъ возможно при всякой формѣ правленія, въ томъ числѣ и въ республикѣ; другими словами, перемѣщеніе власти изъ однѣхъ рукъ въ другія не разрѣшаетъ вопроса объ отношеніи личности къ государству. Монтескьё приводитъ примѣры подавленія личной свободы въ Турціи, Венеціанской республикѣ и другихъ формахъ правленія. Много вредныхъ послѣдствій, говоритъ онъ, происходитъ отъ того, что *свободу народа смѣшиваютъ съ властью народа*. Замѣчательныя слова, которыя, къ сожалѣнію, были забыты во время революціи.

Легко было предвидѣть, какъ Монтескьё разрѣшитъ этотъ вопросъ. Философская (или личная) свобода требуетъ установленія равновѣсія между членами общества, съ помощью государственной власти. Цѣль государственной власти есть именно установленіе этого равновѣсія. Поэтому сама государственная власть должна быть построена на началахъ равновѣсія. Государство тогда достигнетъ своей цѣли, когда произойдетъ раздѣленіе между судебною, законодательною и исполнительною властями, и каждая изъ нихъ будетъ служить естественнымъ предѣломъ другой власти. Pour qu'on ne puisse abuser du pouvoir, говоритъ онъ, il faut que, par la disposition de choses le pouvoir arrête le pouvoir. По мнѣнію Монтескьё, главная причина деспотизма заключается въ томъ, что большая часть современныхъ этому писателю государствъ представляла полное смѣшеніе всѣхъ властей въ однѣхъ рукахъ. Для Монтескьё все равно, въ чьихъ рукахъ будетъ находиться совокупность этихъ властей. Республика, — гдѣ собраніе гражданъ можетъ издать законъ, несправедливый для меньшинства или даже для одной личности, привести его въ исполненіе своею властью и за сопротивленіе ему осудить гражданина на смерть или изгнаніе, — не обезпечиваетъ личной свободы

*) L. I. Esprit de lois, XII, 4 и 5.
**) ib. 7, 8, 9, 10, 11, 12, особ. 13.
***) Книга XIII, глава I и нѣкоторыя другія.

точно такъ же, какъ ея не обезпечиваетъ и власть падишаха. «Государственное устройство должно быть таково, чтобы никто не могъ быть принужденъ дѣлать то, чего законъ не предписываетъ, и чтобы никому нельзя было запретить дѣлать дозволенное законами».

Изъ всего этого видно также, что такое законъ, по мнѣнію Монтескьё. Это есть норма, установленная государственною властью, для опредѣленія дѣятельности гражданъ. Цѣль этой нормы — обезпечить каждому возможность свободнаго развитія. Подобно государству, законъ имѣетъ чисто-охранительное значеніе. Онъ не указываетъ гражданамъ никакой опредѣленной дѣятельности, никакихъ цѣлей. Онъ, подобно самому государству, существуетъ въ видахъ личной свободы.

Такъ установилось въ Западной Европѣ, предъ самою французскою революціею, два направленія относительно важнаго вопроса о свободѣ. Одни понимали его, какъ совокупность дѣйствительныхъ правъ, принадлежащихъ личности и необходимо требующихъ осуществленія въ обществѣ. Личность имѣетъ право не только на возможность ихъ пріобрѣтенія, равную для всѣхъ, но и на дѣйствительное ихъ осуществленіе. Этому направленію необходима была конфискація всѣхъ пріобрѣтенныхъ правъ, находящихся въ обладаніи разныхъ членовъ современнаго общества, для распредѣленія ихъ между всею массою гражданъ, — необходима была конфискація власти у правительства, для передачи ея народу. О границахъ этой власти не заботились. Если она принадлежитъ всѣмъ, то, очевидно, всѣ ею пользуются одинаково, а потому всѣ равно ограждены отъ злоупотребленій. Другіе писатели думали, что распредѣленіе пріобрѣтаемыхъ правъ лучше всего предоставить личной свободѣ. Человѣкъ, входя въ общество, не получаетъ ничего кромѣ возможности развитія и пріобрѣтенія разныхъ правъ. Задача власти заключается въ томъ, чтобы эта возможность была обезпечена равно за всѣми. Поэтому для писателей этого направленія вопросъ о границахъ государственной власти былъ вопросомъ первостепенной важности. Имъ все равно было, въ чьихъ рукахъ будетъ находиться государственная власть; личная свобода, при существованіи законовъ, въ большей или меньшей степени можетъ быть осуществлена при всякой формѣ правленія, кромѣ деспотической или другой негосударственной формы *). Необходимо, чтобы дѣятельность каждаго человѣка, равно какъ и право государства, имѣла свои предѣлы; эти предѣлы опредѣляются прирожденными правами каждаго человѣка (отрицательно) и законами (положительно).

---

*) Что въ правильной (т. е. настоящей государственной) формѣ, государственная власть можетъ дѣйствовать только чрезъ законы — было доказано еще Платономъ. На этомъ признакѣ и построено раздѣленіе формъ проявленія на правильныя и неправильныя, въ его соч. „О политикѣ“ (государственномъ человѣкѣ).

Во всякомъ случаѣ, обѣ школы провозгласили одинаково нивеллирующія начала. Свобода, т. е. правоспособность человѣка одинакова для всѣхъ. Всѣ кастовыя и сословныя различія, вредныя для общей равноправности, осуждаются; всѣ феодальныя повинности, корпораціи и порядки считаются гибельными для свободнаго развитія личности. Но, не смотря на это наружное сходство двухъ направленій, различіе ихъ весьма велико. Первымъ направленіемъ прежній порядокъ уничтожается во имя власти народа, вторымъ — во имя его свободы. Первое конфискуетъ все въ пользу новаго владыки и подчиняетъ ему каждаго гражданина. Второе ничего не конфискуетъ; оно уничтожаетъ исключительное положеніе нѣкоторыхъ видовъ собственности, нѣкоторыхъ классовъ общества, — дѣлаетъ это положеніе доступнымъ всѣмъ и каждому, но отказывается отъ всякихъ положительныхъ мѣръ въ пользу отдѣльныхъ членовъ общества.

Въ то время противоположеніе это не дошло еще до послѣднихъ своихъ границъ, какъ это случилось при концѣ французской революціи и въ нынѣшнемъ столѣтіи. Но тѣмъ не менѣе важно было, какое изъ этихъ направленій возьметъ верхъ. Учредительное собраніе готово уже провозгласить съ трибуны то, что вырабатывалось въ тишинѣ кабинетовъ.

Учредительное собраніе было созвано для составленія конституціи (для обновленной Франціи) и цѣлаго ряда законовъ, соотвѣтствующихъ новому порядку вещей. Но, прежде чѣмъ оно приступило къ этой работѣ, оно сочло нужнымъ формулировать начала этой конституціи и этихъ законовъ. Начала эти имѣли въ виду утвердить значеніе личности въ новомъ государственномъ порядкѣ. Они были послѣднимъ словомъ того отрицанія феодально-историческаго порядка, которое теоретически развивалось въ естественномъ правѣ, практически въ движеніи общинъ и третьяго сословія. Декларація правъ должна была выставить начала раціонально-юридическаго порядка въ противоположность разрушившемуся историческому строю общества. Прочитывая введеніе къ этой деклараціи, нельзя не видѣть сопоставленія (и даже противоположенія) человѣка и порядка историческаго) съ человѣкомъ и порядкомъ естественнымъ. О чемъ говоритъ введеніе? Съ одной стороны, — о порядкѣ, при которомъ невѣжество, забвеніе и презрѣніе, уничтожали *права человѣка*; съ другой,— о необходимости возстановить и выразить въ манифестѣ эти естественныя, отчуждаемыя и священныя права человѣка, — afin que cette déclaration constamment présente à tous les membres du corps social, leur rappelle sans cesse leurs droits et leurs devoirs. Итакъ, надо покончить съ тѣмъ порядкомъ, при которомъ права личности были презрѣны и забыты, и создать новый, въ которомъ они служили бы главнымъ основаніемъ общественнаго зданія и *опредѣляли бы права и обязанности каждаго*. Новый юридическій порядокъ будетъ построенъ, слѣдовательно, на принципѣ личности, воору-

женной разными естественными, неотчуждаемыми и священными правами. Очевидно, здѣсь рѣчь идетъ о правахъ личности, независимыхъ отъ общественнаго порядка, — о тѣхъ правахъ, которыя каждый имѣетъ какъ человѣкъ, а не какъ членъ политическаго общества. Но если они должны послужить основаніемъ юридическаго порядка, то каждый человѣкъ долженъ сохранять ихъ, вступая въ общество, ибо они *неотчуждаемы*. Вотъ почему, въ концѣ введенія, они называются правами *человѣка и гражданина*. Въ этомъ отношеніи декларація является послѣдовательницею Руссо. Естественный порядокъ долженъ продолжать свое существованіе и въ юридическомъ. Задача каждаго политическаго общества, — продолжаетъ декларація правъ (ст. 2), — состоитъ въ охраненіи этихъ естественныхъ и неотчуждаемыхъ правъ человѣка. Руссо, вѣроятно, призналъ бы эти начала своими. Но вслѣдъ затѣмъ начинается полнѣйшее разногласіе съ положеніями этого мыслителя, равно какъ и съ началами стараго естественнаго права. Противорѣчіе это встрѣчается въ той же 2-й статьѣ. Между естественными и неотчуждаемыми правами человѣка, — т. е. правами, извѣстными въ естественномъ правѣ подъ именемъ jura connata, — помѣщена и *собственность*, которая всѣми учителями естественнаго права относится къ правамъ пріобрѣтеннымъ (jura acquisita). Ст. 17 прибавляетъ къ этому, что собственность есть нерушимое и священное право, которое можетъ быть отчуждено только въ законномъ опредѣленныхъ случаяхъ, для общественной пользы и за соотвѣтствующее вознагражденіе. Это постановленіе національнаго собранія является явною уступкою историческому праву. Далѣе, ст. 6 допускаетъ народное представительство *), что конечно не согласно съ теоріею неотчуждаемости народныхъ правъ, изложенной у Руссо. Наконецъ декларація объясняетъ, что законы, изданные этими представителями, могутъ опредѣлить мѣру и границы личной свободы (ст. 4), т. е. въ сущности, распоряжаться «правами человѣка». Такое постановленіе какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ положенію Монтескьё, что свобода состоитъ въ правѣ дѣлать все не запрещенное законами.

Такое *примиреніе* самыхъ противоположныхъ философскихъ началъ въ актѣ, — долженствовавшемъ получить *обязательную силу*, какъ основаніе конституціи, — внесло темноту, противорѣчія и запутанность въ политическую сферу, въ тѣ времена и безъ того темную. Многіе изъ первоклассныхъ двигателей революціи высказали опасеніе по поводу этихъ «философскихъ фантазій Лафайета», какъ ихъ называли. Нѣкоторыя лица прямо признали ихъ вредными. Таковы были Лалли-Толлендаль, Мунье, Мирабо и Сійесъ. Но даже и не для такихъ политическихъ умовъ было ясно, что въ

*) «Tous les citoyens ont droit de concourir personnellement ou par leurs représentants à la formation de la loi".

политической практикѣ должно произойти столкновеніе между политическими убѣжденіями Монтескьё и республиканствомъ Руссо, и что послѣднее рано или поздно должно было взять верхъ. Какая судьба ожидала идею свободы?

II.

Между тѣмъ эта идея увлекала не только французовъ, но и всѣхъ тѣхъ, кого «просвѣтительный» XVIII вѣкъ приготовилъ въ адепты революціи. Множество лицъ спѣшили въ эту чудную страну, гдѣ можно было увидѣть на яву то, что до тѣхъ поръ преподавалось въ учебникахъ философіи и естественнаго права. Къ числу ихъ принадлежалъ и Б. Констанъ. По происхожденію своему онъ былъ французъ, но гражданиномъ Франціи онъ сдѣлался только послѣ революціи. Онъ не родился во Франціи. При старомъ порядкѣ онъ не могъ быть ея гражданиномъ. Доступъ на родину въ качествѣ ея гражданина доставила ему одна изъ тѣхъ видовыхъ формъ свободы, которой онъ въ своихъ сочиненіяхъ посвятилъ много превосходныхъ страницъ,— свобода совѣсти. Предки Констана, какъ протестанты, были изгнаны изъ Франціи. Они нашли убѣжище въ той странѣ, гдѣ долго проживала вся мыслящая свободная Франція, — откуда длинныя руки французской полиціи не могли достать Вольтера, — въ Швейцаріи.

Генрихъ Бенжаменъ Констанъ де-Ребекъ родился 23 октября 1767 г., въ Лозаннѣ. Онъ получилъ воспитаніе въ духѣ своихъ семейныхъ, т. е. протестантскихъ преданій. Онъ рано усвоилъ себѣ всѣ начала отвлеченной и формальной свободы, къ которой приготовляетъ всякое протестантское воспитаніе. Лучше всего это видно на его религіозныхъ воззрѣніяхъ. Впослѣдствіи ему много приходилось писать о религіи. Спеціально къ этому вопросу относится большой трудъ его «de la Religion», въ трехъ томахъ.

Авторъ глубоко проникнутъ религіознымъ чувствомъ. Съ исторіей въ рукахъ доказываетъ онъ всеобщность, а слѣдовательно и необходимость религіознаго сознанія у всѣхъ людей. Но за тѣмъ Констанъ старается свести религію на степень индивидуальнаго чувства, — одиночнаго, хотя и естественнаго стремленія души къ Богу. Онъ врагъ религіи въ формѣ положительнаго культа. По его мнѣнію, индивидуальное чувство—живая сущность, а положительный культъ — мертвящая форма религіи. «Всякая положительная форма, говоритъ онъ (т. I, гл. II), хотя бы удовлетворительная для настоящаго времени, заключаетъ въ себѣ зародышъ оппозиціи всякому прогрессу въ будущемъ. Она получаетъ (въ силу своей продолжительности) догматическій и неподвижный характеръ, препятствующій ей слѣдить за открытіями разума и за стремленіями души, которыя съ каждымъ днемъ становятся чище и возвышеннѣе...» Зародышъ этихъ воззрѣній должно искать въ протестантскомъ воспитаніи Констана. Но политическаго закала (въ ми-

ніатюрномъ политическомъ мірѣ Швейцарскихъ кантоновъ) онъ получить не могъ. Единственный политическій «вопросъ», имѣвшій на него вліяніе въ Швейцаріи, заключался въ борьбѣ противъ бернской аристократіи. Дѣйствительно, онъ долгое время питалъ отвращеніе ко всякимъ аристократическимъ формамъ и стоялъ за равенство гражданъ. Это не помѣшало ему впослѣдствіи писать въ защиту наслѣдственности перства *). Впрочемъ бернскія происшествія принадлежатъ къ раннимъ воспоминаніямъ его молодости. Констанъ не могъ принадлежать къ добрымъ гражданамъ маленькой республики и жить ея треволненіями. Его подвижная натура не дозволяла ему долго сидѣть на мѣстѣ. Въ теченіе своей молодости онъ объѣздилъ много странъ, набрался разнообразныхъ свѣдѣній и ощущеній. Въ Парижѣ онъ сошелся съ энциклопедистами; затѣмъ отправился въ Эдинбургъ и долго вращался въ средѣ виговъ. Наконецъ онъ пріѣхалъ въ Германію. Его пылкому, впечатлительному уму было надъ чѣмъ здѣсь поработать. Философія Канта уже гремѣла въ ученомъ мірѣ; Шиллеръ написалъ уже многія изъ лучшихъ своихъ произведеній. Констанъ съ жадностію читалъ ихъ произведенія, равно какъ и труды І. Мюллера; въ тоже время онъ посѣщалъ Эрлангенскій университетъ. Не одна наука и литература занимала Констана въ Германіи; онъ попалъ къ Брауншвейгскому двору, гдѣ скоро сдѣлался желаннымъ гостемъ во всѣхъ салонахъ. Такимъ образомъ до 28-лѣтняго возраста онъ успѣлъ побывать гостемъ всѣхъ странъ; каждая страна дала ему много пищи для ума,—и притомъ какой пищи!—сначала творенія энциклопедистовъ, потомъ шотландскую и англійскую философію, наконецъ философію Канта и произведенія Шиллера. Разностороннее образованіе Констана было закончено. Будущій великій публицистъ и литераторъ былъ готовъ. Но нельзя не обратить вниманія на то важное обстоятельство, что во все это время онъ нигдѣ не былъ гражданиномъ. Потомокъ изгнанной французской фамиліи, онъ не могъ замѣнить прежнихъ національныхъ преданій швейцарскимъ патріотизмомъ; Германія могла дать ему философію, но понятія о дѣйствительной политической жизни онъ не могъ встрѣтить нигдѣ. Сами нѣмцы увлекались философіей, мистицизмомъ, иллюминатствомъ; но всѣ эти системы и теоріи для массы нѣмецкой публики имѣли пока значеніе не средства, возбуждающаго къ политической дѣятельности, а скорѣе области, гдѣ можно забыть самое политическое существованіе раздробленной Германіи. Эту дѣйствительность Германіи нѣмцы охотно забывали не только для философіи, но даже для «очаровательныхъ» призраковъ, возведенныхъ въ философскую систему Лафатеромъ, Гаманомъ **), Гип-

*) Cours de Pol. const. I p. 306 и слѣд.; также въ другихъ мѣстахъ.

**) Iohann Georg Hamann.

пелемъ *) и другими. Все это, по мѣткому выраженію Шлоссера, объясняется наклонностію добродушныхъ нѣмцевъ уноситься духомъ изъ страны рабства, повиновенія и смиренія, гдѣ живетъ ихъ тѣло, въ воздушныя высоты фантазіи». Итакъ, въ самой Германіи великія и впослѣдствіи плодотворныя философскія системы не имѣли пока практическихъ результатовъ; онѣ ждали пробужденія національнаго сознанія уже въ XIX столѣтіи. Что же онѣ могли дать уму и сердцу бездомнаго скитальца? Смѣло можно сказать, что Констанъ вывезъ изъ Германіи понятіе формальной, логической свободы, которая и легла въ основаніе всѣхъ его политическихъ воззрѣній. Къ этому элементу его развитія необходимо прибавить другой. Мы замѣтили выше, что Констанъ довольно долго жилъ въ Англіи. Учрежденія этой страны и ея политическое движеніе должны были произвести (и дѣйствительно произвели) на него то впечатлѣніе, которое раньше его испытали Вольтеръ и Монтескье. Для всякаго ума, неподготовленнаго практическою жизнью къ умѣнью критически относиться къ учрежденіямъ другихъ странъ, развитая и блестящая конституція Англіи XVIII вѣка (вѣка Питтовъ, Фоксовъ, Шеридановъ, Борковъ, Уильберфорсовъ) должна была имѣть значеніе *готоваго образца* политической и индивидуальной свободы, которой начала были уже выяснены школою естественнаго права. Это вліяніе Англіи, какъ готоваго и всесовершеннаго образца свободы, рѣзко обозначается на всѣхъ политическихъ творсніяхъ Констана. Въ этомъ отношеніи, какъ увидимъ ниже, онъ идетъ даже дальше Монтескьё, сильный философскій умъ котораго умѣлъ отвлечь *общія начала* англійской конституціи и довольствоваться только ими, тогда какъ Констанъ настаивалъ на цѣлостномъ заимствованіи самыхъ *учрежденій* Англіи.

Всю совокупность политической подготовки Констана можно, слѣдовательно, опредѣлить такимъ образомъ: *философія дала ему идею формальной свободы, Англія—готовый ея образецъ*. Средствъ для повѣрки этой идеи и этого образца въ самомъ Констанѣ не было; критическое отношеніе къ идеямъ и образцамъ установляется только дѣйствительно политическою жизнью и національнымъ самосознаніемъ. Не было этихъ средствъ и внѣ. Народы, послѣ долгаго сна и покоя «просвѣщеннаго абсолютизма», только-что начинали политическую жизнь и приступали къ ней безъ всякаго опыта, но за то съ безграничною вѣрою въ принципы, для осуществленія которыхъ народные представители предлагали тотъ же готовый образецъ — Англію. Констанъ принадлежитъ къ тому поколѣнію, въ которомъ соединились два странныя (и съ національно исторической точки зрѣнія не понятныя) стремленія: одно — къ осуществленію отвлеченнаго философскаго начала

*) Theodor Gottlieb v. Hippel.

свободы во всѣхъ странахъ одинаково, что привело къ космополитизму; другое — къ осуществленію сей свободы въ формахъ, выработанныхъ Англіею, что неминуемо привело къ англоманіи, этой болѣзни конца XVIII и первой четверти XIX ст. И то, и другое привело къ механическому построенію государства и формальному представленію о государственной власти, что составляетъ третій отличительный признакъ школы Констана.

Во всякомъ случаѣ идеи Констана были закончены и тверды. Онъ не могъ *думать* о государствѣ и политикѣ иначе, какъ на основаніи этихъ принциповъ. Мыслитель былъ готовъ. Но за то политическій дѣятель въ немъ не выработался, ибо для этого (кромѣ принциповъ) нужны еще твердыя убѣжденія, которыя даются только трезвою политическою жизнью. Убѣжденія же, а вмѣстѣ съ тѣмъ и поведеніе Констана, были крайне не опредѣленны. Нельзя не удивляться ему, какъ оратору, публицисту, литератору;—трудно похвалить его дѣятельность. Государственнымъ человѣкомъ онъ не былъ никогда, и не могъ имъ быть. Нерѣдко за пышнымъ памфлетомъ слѣдовалъ поступокъ крайне двусмысленный. Лучше всего это видно на слѣдующемъ примѣрѣ. Послѣ возвращенія Бурбоновъ и знаменитой хартіи, Констанъ, долго враждовавшій противъ Наполеона, оживился. Всѣ его надежды на осуществленіе свободы въ англійской формѣ готовы были осуществиться. Понятно, съ какимъ жаромъ присталъ онъ къ королевской партіи. Отъ короля и хартіи ждалъ онъ и свободы, и мира. Вдругъ проносится слухъ о возвращеніи Наполеона съ острова Эльбы. Французскіе граждане пришли въ неописанное волненіе. Куда пристать? Измѣнять или не измѣнять королю? Поклониться или не поклониться бывшему властелину Франціи и Европы? Констану, казалось, не трудно было сдѣлать выборъ. Онъ, вмѣстѣ съ m-me де Сталь, велъ бумажную войну противъ Бонапарте; онъ былъ изгнанъ Наполеономъ изъ предѣловъ Франціи; отъ короля, напротивъ, онъ ожидалъ всего и для себя, и для Франціи. Подъ вліяніемъ такихъ соображеній, онъ написалъ слѣдующее торжественное объявленіе: «я не стану, какъ презрѣнный перебѣжчикъ, влачиться отъ одной власти къ другой, прикрывать подлость софизмомъ, и пошлыми фразами и скупать постыдное существованіе. На сторонѣ короля—свобода, миръ и безопасность; на сторонѣ Бонапарта—рабство, анархія и война». Рѣшеніе очень категорическое. На бѣду Наполеонъ обѣщалъ Франціи конституціонную свободу, и форма правленія немедленно примирила Констана съ правителемъ. Онъ согласился принять мѣсто въ государственномъ совѣтѣ возвратившагося императора. Такъ — «мѣстомъ» — разрѣшилась многолѣтняя и непримиримая вражда Констана къ Наполеону. Чрезъ нѣсколько времени нашему публицисту нужно было снова присягать королю....

Но до всѣхъ этихъ событій было еще далеко. Въ 1795 году, 28-мплѣтній Констанъ явился во Францію и требовалъ возвращенія ему права французскаго гражданства, нѣкогда принадлежавшаго его фамиліи. Онъ добился

этого безъ труда. За симъ онъ съ жаромъ бросился въ политическую дѣятельность. Въ теченіе долгаго времени она состояла для него въ посѣщеніи клубовъ и въ участіи въ преніяхъ клубистовъ. Но 1795 г. не былъ благопріятнымъ временемъ для Констана и его конституціонно-либеральныхъ воззрѣній. Правительство, низвергшее террористовъ, не отказалось совершенно отъ ихъ политики Франція. того времени представляла для публициста нашего много интереснаго относительно идей той свободы, которую онъ съ такимъ жаромъ защищалъ во всю свою жизнь. Политическія идеи, господствовавшія въ правительствѣ и главнѣйшихъ клубахъ, были выраженіемъ совершенно особыхъ началъ свободы.

Революція пока привела только къ перемѣщенію власти; изъ рукъ короля власть попала къ народу. О личной свободѣ, хотя она и была провозглашена въ декларацiи правъ, думали еще очень мало. «Свободѣ народа» придали именно тотъ смыслъ, котораго опасался Монтескье; свободу народа понимали въ смыслѣ власти народа. Немалое вліяніе имѣли на это обстоятельство идеи Руссо; но, главнымъ образомъ, такое настроеніе французской республики объясняется неотразимымъ вліяніемъ античныхъ идеаловъ. Странное дѣло! Мысль, оторванная отъ національной исторіи,—мысль, предоставленная самой себѣ, слѣдовательно, на первый взглядъ *свободная* и даже разрушительная, — мысль эта непремѣнно подчиняется какому-нибудь готовому образцу политическаго быта! Тотъ же самый человѣкъ,—сомнѣвающійся умъ котораго *порвался* съ своей исторіей, своими обычаями, культурой, семьей и мало ли еще съ чѣмъ, — готовъ до мельчайшихъ подробностей, съ рабскимъ подобострастіемъ, воспроизводить и осуществлять римскую республику, англійскую конституцію, фаланстерію Фурье—всякую практику и теорію, мало-мальски подходящую къ его «направленію». Чѣмъ для конституціоналистовъ была Англія, тѣмъ для республиканцевъ былъ древній Римъ и Грецiя. Греческія и римскія представленія всасывались французскою молодежью съ колыбели. Карлъ Нодье въ своихъ «воспоминаніяхъ» разсказываетъ, что, незадолго до революціи, въ школѣ была задана тэма для диспута: «сравненіе Брута Старшаго съ Младшимъ.» Неизвѣстно, кто остался побѣдителемъ въ этомъ турнирѣ; Нодье только помнитъ, что побѣдитель этотъ былъ поощренъ интендантомъ, обласканъ президентомъ парламента и увѣнчанъ архіепископомъ. Одинъ изъ членовъ конвента, Шазаль, говоря о вліяніи воспитанія на развитіе гражданскаго духа, излагаетъ слѣдующее: «воспитаніе дѣлаетъ все. Благодаря ему, нынѣшняя Грецiя переноситъ деспотизмъ, а древняя обожала рабство. Мы сами возвысили наше чело, поникшее подъ деспотизмомъ монархіи, только благодаря тому, что счастливая безпечность королей дозволила намъ образоваться въ школѣ Спарты, Аѳинъ и Рима. Дѣтьми посѣщали мы Ликурга, Солона, двухъ Брутовъ, и удивлялись имъ; возмужавъ, мы старались имъ подражать». Въ

93 году въ конвентъ явилась депутація малолѣтнихъ гражданъ. Одинъ изъ нихъ, *семи лѣтъ отъ роду*, разсказывалъ исторію Муція Сцеволы, къ великому утѣшенію собранія. По окончаніи этого спектакля, Дантонъ взошелъ на каѳедру и сдѣлалъ слѣдующее предложеніе: «Граждане! Народъ долженъ торжествовать великія событія, украсившія революцію. Надо установить національныя игры. Если въ Греціи были игры олимпійскія, Франція должна праздновать дни санкюлотскія (jours sans-culottides). *Такими установленіями мы побѣдимъ міръ!*» *)

Подражаніе древности доходило до того, что французы оставляли свои христіанскія имена и украшались именами Брутовъ, Публиколъ, Муціевъ Сцеволъ и т. д. Причудливый и жеманный костюмъ стараго порядка замѣнялся (у женщинъ и въ офиціальныхъ костюмахъ мужчинъ) платьемъ, напоминавшимъ туники, хламиды и тоги римскихъ матронъ и сенаторовъ. Разумѣется, вліяніе древности ближе всего отразилось на государственномъ устройствѣ и политикѣ. И прежде всего на понятіяхъ о свободѣ. Свобода не была для республиканцевъ тою совокупностію священныхъ и неприкосновенныхъ правъ личности, о которыхъ говоритъ декларація правъ. Республиканцы (вообще) и конвентъ (въ особенности) мало занимались вопросами о границахъ государственной власти и о размежеваніи сферъ свободы индивидуальной и власти общественной. Республиканцамъ довольно было того, что народъ и они, его представители, были воружены властью, сосредоточенною прежде въ рукахъ монархіи. Упрочить эту власть за народомъ вообще и за собой въ особенности—вотъ на что были направлены ихъ главныя заботы. Личность, казалось, была достаточно обезпечена тѣмъ, что ее сдѣлали участницею верховныхъ государственныхъ правъ,—что каждый человѣкъ былъ членомъ самодержавнаго народа. Оборотная сторона этой самодержавной власти ускользала пока отъ вниманія государственныхъ людей и публицистовъ. Мало того, вожди революціи смотрѣли на новую силу, перешедшую въ руки народа, какъ на средство, пригодное пока для утвержденія республиканскаго порядка и необходимое для борьбы съ старымъ порядкомъ. Конвенту некогда было думать о точномъ опредѣленіи границъ государственной власти; напротивъ, ему нужно было страшное и безпримѣрное напряженіе этой власти для того, чтобы выставить и обмундировать нѣсколько армій,—предназначенныхъ для борьбы съ коалиціей европейскихъ державъ,—для подавленія нѣсколькихъ возстаній внутри страны, для добыванія всѣхъ средствъ, потребныхъ для этой гигантской борьбы,—средствъ огромныхъ, особенно для страны, разоренной нѣсколькими десятками лѣтъ дурнаго управленія. Конвенту не приходило

*) Относительно этихъ фактовъ и другихъ, см. Laurent, Etudes sur l'histoire de l'humanité, t. XIII. p. 77 и слѣд.

на умъ позаботиться объ утвержденіи личныхъ правъ, провозглашенныхъ конституціею,—этой *теоріи неправильныхъ глаголовъ*, по мѣткому выраженію Карлейля; напротивъ, всѣ его усилія были направлены къ тому, чтобы попрать личныя и имущественныя права враговъ республики; онъ не могъ остановиться предъ собственностью, ибо ему нужно было отбирать имѣнія у эмигрантовъ, секуляризовать имущество церкви, а впослѣдствіи обирать богатыхъ и давать бѣднымъ, тѣснить сытыхъ и насыщать голодныхъ. Не могъ онъ остановиться и предъ гарантіями личной свободы; ему нужно было ослабить основанія правильнаго судопроизводства, чтобы быстрѣе расправляться съ обвиняемыми въ политической неблагонадежности, — исказить институтъ присяжныхъ, чтобъ вѣрнѣе отправлять враговъ своихъ на гильотину. Нужно ли говорить о положеніи права, о религіозной свободѣ, о свободѣ политическихъ мнѣній? Достаточно вспомнить ліонскія пропшествія, продѣлки Сенъ-Жюста и другихъ эмиссаровъ конвента. Страшное время, когда все вело къ попранію не только декларацій правъ, но и всякаго права, — къ цѣлому ряду преступленій, и, что всего хуже, преступленій нерѣдко безполезныхъ, ибо владычество конвента также легко замѣнилось владычествомъ Наполеона! Какъ бы то ни было, но идея права, руководившая дѣятелями 89 года, весьма скоро замѣнилась идеею общаго блага, понятою по классическимъ образцамъ.

Всѣ лица, имѣвшія дѣйствительное вліяніе на политику республики, забыли или старались забыть декларацію правъ. Карно (впослѣдствіи одинъ изъ директоровъ республики) воскликнулъ въ 1793 г.: «права государства предшествуютъ правамъ гражданъ, и благо народа есть высшій законъ!» Робеспьеръ выразился еще точнѣе. Ему хотѣлось разъяснить значеніе террора гражданамъ, не совсѣмъ съ нимъ мирившимся. «Терроръ, говорилъ онъ, есть не что иное, какъ правосудіе скорое, строгое, непреклонное; слѣдовательно, онъ есть эманація добродѣтели; онъ не есть частный принципъ, *но послѣдствіе общаго принципа демократіи*, примѣненнаго къ самымъ настоятельнымъ нуждамъ отечества.... Революціонное правительство есть *деспотизмъ свободы* противъ тиранніи». Знаменитый демагогъ любилъ часто повторять эту мысль. Правда, онъ смотрѣлъ на революціонное правительство и терроризмъ какъ на нѣчто преходящее, долженствующее современемъ уступить мѣсто болѣе правильному правительству. Но пока революція не достигла своей цѣли, задачи революціоннаго правительства остаются неизмѣнны. «Революція, говорилъ Робеспьерръ, есть *война свободы* противъ ея враговъ. Основать свободу есть цѣль революціоннаго правительства. Правительство это нуждается въ чрезвычайныхъ средствахъ, именно потому, что оно ведетъ войну. Оно подчинено правиламъ менѣе общимъ и менѣе твердымъ, потому что обстоятельства, въ которыхъ оно находится, бурны и подвижны, и въ особенности потому, что оно принуждено разви-

вать постоянно новыя и быстрыя средства противъ новыхъ и недопускающихъ отлагательства опасностей». Но война эта не будетъ продолжаться вѣчно. Она кончится побѣдою свободы. Тогда. по мнѣнію Робеспьерра, революціонное правительство уступитъ мѣсто конституціонному, «которое займется преимущественно гражданской свободой.

То, что Робеспьеръ развивалъ въ длинныхъ, методическихъ и нерѣдко скучныхъ рѣчахъ, другіе революціонеры выражали въ сжатыхъ и энергическихъ фразахъ. Но смыслъ вездѣ былъ одинъ и тотъ же. «Дѣйствуйте подобно природѣ, говорилъ Дантонъ; она старается о сохраненіи породы, но мало думаетъ о недѣлимомъ». Одинъ изъ горячихъ республиканцевъ, Ревбель (Rewbel), утверждалъ, что республиканское правительство должно служить тому правосудію, которое спасаетъ общественный организмъ, а не тому, которое занимается недѣлимыми; salut public — прежде всего». Роффронъ присовокуплялъ къ этому: «мы не заботимся объ установленіи какихъ-нибудь правилъ, нормъ (т. е., попросту, права); мы ведемъ борьбу на жизнь или на смерть». Отъ такихъ положеній недалеко было до извѣстнаго іезуитскаго правила: цѣль освящаетъ средства. И дѣйствительно, это правило во всей его наготѣ высказывалось многими руководителями революціи. Мерленъ де Тіонвилль предложилъ задержать женъ и дѣтей эмигрантовъ, въ качествѣ заложниковъ. Базиръ поддерживалъ это предложеніе тѣмъ аргументомъ, что противъ враговъ революціи всѣ средства хороши и законны. Левассеръ въ своихъ мемуарахъ высказывается еще яснѣе: «намъ ставятъ въ заслугу, что мы защитили Францію противъ ея внутреннихъ враговъ и соединенной Европы; между тѣмъ наши средства порицаются. Какое противорѣчіе! Не революціонными ли средствами отразили мы иностранцевъ? Могли ли мы поразить ихъ безъ всеобщаго ополченія и реквизиціи? Не революціонными ли средствами кормили мы народъ? Можно ли было задавить аристократію безъ закона о подозрительныхъ (lois des suspectes), — закона, въ которомъ насъ упрекаютъ, какъ въ преступленіи? Все это наши революціонные акты и въ тоже время средства управленія. Можно порицать или одобрять результаты этихъ мѣръ; но нельзя, безъ оскорбленія разума, анлодировать нашимъ успѣхамъ и позорить средства, необходимыя для достиженія ихъ».

Словомъ, надо было устранить всѣхъ враговъ свободы и равенства какими бы то ни было средствами. Гдѣ же было тутъ мѣсто праву? Мы могли бы привести еще множество фактовъ, подтверждающихъ, что конституція не только была «покрыта на время покрываломъ», какъ выражались члены конвента, но даже вовсе сдана въ архивъ. Такихъ фактовъ много, и они достаточно извѣстны. Мы желали бы здѣсь указать на общую причину этого явленія; но, не желая отвлекаться теперь отъ изложенія фактовъ, вліявшихъ на развитіе либеральной теоріи, ограничимся однимъ замѣчаніемъ Не под-

лежитъ сомнѣнію, что всѣ мѣры революціоннаго правительства, кромѣ чрезвычайныхъ обстоятельствъ внѣшней и внутренней политики, зависелн еще отъ отвлеченности государственнаго идеала республиканцевъ, недопускавшей никакихъ сдѣлокъ съ практическою жизнью. Это прекрасно подмѣчено и выражено г. Эдгаромъ Кине въ его книгѣ о революціи *).

«Люди, подобные Сен-Жюсту и Робеспьеру, — говоритъ онъ,—были одержимы видѣніемъ немедленнаго пришествія правды на землю. Имъ казалось, что они уже прикасаются къ этому идеалу. Имъ представлялось, что они отдѣлены отъ него только нѣсколькими головами, мѣшающими имъ. Что же такое эти немногія головы, дерзко воздвигнутыя противъ всего человѣчества? Ничего.

«Тогда они сочли своею обязанностью рубить эти головы и никогда не знали угрызеній совѣсти. Послѣ перваго жертвоприношенія, когда они думали уже овладѣть своимъ призракомъ, оказалось, что онъ также далеки отъ него, какъ и прежде.

«Они снова бросились, случайно или по капризу, на тѣхъ, кто смѣло представлялся ихъ взорамъ, и рубили еще. Увлекаемые сравненіемъ между идеальнымъ, всеобщимъ и немедленнымъ благополучіемъ и пожертвованіемъ нѣсколькими личностями, они никогда не колебались въ выборѣ. Въ одной чашкѣ ихъ вѣсовъ былъ «подозрительный», въ другой—«человѣчество», провозвѣщенное и обѣщанное всѣми древними мудрецами. Возможно ли колебаться?»

Такое *идеальное* отношеніе къ государственному устройству въ сферѣ правительства—и какого правительства!—немедленно перешло въ презрѣніе къ праву вообще и къ правамъ личности въ особенности. Презрѣніе это быстро дѣлало успѣхи въ обществѣ, и безъ того мало знакомомъ съ дѣйствительнымъ юридическимъ порядкомъ. Общество, воспитанное драгонадами Людовика XIV и развратнымъ деспотизмомъ Людовика XV, охотно поклонилось деспотизму, объявившему себя защитникомъ народныхъ правъ. Политика террора сдѣлалась преданіемъ французскихъ властей на долгое время. Идеалы были другіе (хотя всѣ они прикрывались маской общаго блага), но средства къ достиженію этихъ идеаловъ остались одни и тѣ же.

Робеспьеръ былъ свергнутъ; директорія провозгласила умѣренную конституцію, но духъ и направленіе правительства остались тѣ же. Начала Робеспьера сдѣлались началами директоріи,—съ тою только разницею, что они высказывались не въ мягкихъ фразахъ велерѣчиваго демагога, а съ наглою безцеремонностію, отличавшею всѣ акты директоріи. Она пошла даже нѣсколько дальше Робеспьера. Послѣдній признавался, что терроръ—пре-

*) La Revolution, par E. Quinet. II, p. 225 и слѣд.

менное явленіе во Франціи; онъ соглашался, что комитету общественнаго безопасности придется уступить мѣсто правительству, дѣйствующему на болѣе твердомъ основаніи,—правительству, коего дѣйствія будутъ подчинены общимъ правиламъ, т. е. началамъ. Террористъ извинялся, слѣдовательно, передъ принципами 1789 г. Директорія не считала этого нужнымъ. Въ одномъ изъ своихъ посланій къ совѣту старѣйшинъ, директоры говорятъ: «вамъ говорятъ о *принципахъ*; это значитъ убивать конституцію, подъ видомъ ея призванія.» Понятно, что всѣ мѣры знаменитаго «комитета» были усвоены и директоріею. Но, смѣлая и наглая на словахъ, она не рѣшилась дѣйствовать средствами Сенъ-Жюста. Робеспьеръ казнилъ открыто враговъ республики. Директорія ссылала ихъ. Можно сказать, что между Робеспьеромъ и директоріею такая же разница, какъ между Иваномъ Грознымъ и Борисомъ Годуновымъ. Одинъ торжественно казнилъ на площади, другой отправлялъ своихъ враговъ въ отдаленные города и тамъ *доканчивалъ* ихъ въ подземельяхъ. Кромѣ этой существенной разницы, директорія во всемъ сходилась съ террористами. Взглядъ правительства на свободу и ея *принципъ* остался неизмѣннымъ. Директоры, въ видахъ *спасенія республики*, предложили такіе законы, кои сдѣлали бы честь террористамъ. Подкрѣпляя эти предложенія предъ пятисотнымъ совѣтомъ, директоры говорятъ: «можно ли колебаться между судьбою нѣсколькихъ лицъ и благомъ республики?» Въ самомъ совѣтѣ пятисотъ Буле де-ла Мертъ, въ докладѣ своемъ объ этомъ предложеніи директоріи, излагалъ слѣдующее: «мы находимся на военномъ положеніи. Друзья республики и ея враги стоятъ другъ противъ друга. Должно спасти отечество и обезпечить общее благо. Медленныя формы суда не годятся противъ заговорщиковъ. Сегодня вы *побѣдители*, но, если вы не воспользуетесь своей побѣдой, завтра вы будете *побѣжденные*. Укрѣпите конституцію на ея основахъ, и тогда мы возвратимся къ нашей законодательной дѣятельности.» Другой пылкій другъ республики восклицалъ: «изгоните эти нелѣпыя теоріи мнимыхъ принциповъ, эти глупыя воззванія къ конституціи, средп которыхъ республика была бы уничтожена и сами невозмутимые резонеры погибли бы, — подобно философу, который, засмотрѣвшись на звѣзды, упалъ въ колодезь,—если бы болѣе разсудительные люди не позаботились объ ихъ собственномъ спасеніи!»

Должно при этомъ замѣтить, что всѣ эти теоріи превозглашались и мѣры предпринимались во имя свободы. Было бы несправедливостію заподозрить Робеспьера въ какихъ нибудь грязныхъ эгоистическихъ стремленіяхъ. Но въ пониманіи свободы революціонное правительство рѣзко отличается отъ людей 89 г. Противорѣчіе, указанное нами выше въ декларацiи правъ, готово было разрѣшиться въ пользу Руссо. Декларація правъ, помѣщенная въ конституціи 1793 г., провозглашаетъ право возстанія противъ властей, что тѣсно связано съ ученіемъ Руссо о неотчуждаемости правъ

народнаго самодержавія. Но декларація 1793 г. далеко не выражаетъ истинныхъ мнѣній революціонеровъ. Робеспьеръ, во время обсужденія плана конституціи, внесъ въ конвентъ свой проектъ декларацiи правъ, въ которомъ высказываетъ почти все, что впослѣдствіи составляло цѣль соціалистовъ *).

Вопервыхъ, собственность въ этомъ проектѣ теряетъ свое значеніе неотчуждаемаго права людей. Собственность, по опредѣленію Робеспьера, есть право каждаго гражданина пользоваться и располагать по своему усмотрѣнію *долею имущества, обезпеченной за нимъ закономъ*. Итакъ, закону предоставляется право опредѣлять *долю имущества*, поступающую въ распоряженіе гражданъ. Кромѣ формальнаго обезпеченія правъ всѣхъ и каждаго, на общество (или, что по ученію Руссо то же самое, государство) возлагается обязанность заботиться о пропитаніи всѣхъ своихъ членовъ, доставляя имъ работу, или обезпечивая существованіе тѣхъ, кто не можетъ работать. Вотъ въ зародышѣ ученіе «права на трудъ!» Робеспьеръ идетъ дальше: «вспомоществованіе тому, кто не имѣетъ необходимаго, есть *долгъ* **) того, кто имѣетъ излишекъ». *Закону принадлежитъ право опредѣлить способъ*, которымъ такой *долгъ* имѣетъ быть уплаченъ. Послѣдняя мечта соціализма (о пропорціональномъ налогѣ) также высказана знаменитымъ террористомъ. «Граждане, коихъ доходы не превышаютъ средствъ, необходимыхъ для существованія, избавляются отъ обязанности платить налоги; прочіе обязаны нести ихъ прогрессивно, смотря по величинѣ ихъ имущества.»

Начала формальной свободы и равенство предъ закономъ уступаютъ идеямъ матеріальнаго равенства и неограниченной свободы. Отъ идей террористовъ одинъ шагъ до прокламаціи Бабефа. У Сенъ-Жюста и Робеспьера всѣ воззрѣнія на собственность выходили, конечно, не изъ желанія воспользоваться, вмѣстѣ съ своею партіею, имуществами, отнятыми у другихъ. Безцеремонное ихъ отношеніе къ праву собственности, признанному священнымъ въ 1789 г., происходило изъ многихъ источниковъ, неимѣющихъ ничего общаго съ воззрѣніями позднѣйшихъ соціалистовъ и коммунистовъ. Вопервыхъ, они *лично* питали глубокое презрѣніе къ матеріальнымъ благамъ. Весь комптетъ общественнаго благополучія нерѣдко пѣлъ дифирамбы нищетѣ и видѣлъ въ богатствѣ развращающее начало. Если были на свѣтѣ анахореты, превращенные въ государственныхъ людей, то это были Сенъ-Жюстъ и его товарищи. Но, съ другой стороны, въ распредѣленіи собственности они видѣли средство организовать революціонную массу и утвердить свободу. Создать классъ земледѣльцевъ-республиканцевъ—

*) См. Richter. Staats-und Gesellschafts-Recht der Fr. Revolut. 1, 75.

**) Къ сожалѣнію, на русскомъ языкѣ нельзя передать всей силы выраженія Робеспьера. Въ подлинникѣ слово *долгъ* употребляется не въ смыслѣ нравственной обязанности (devoir), а въ смыслѣ юридическаго обязательства (dette).

вотъ послѣдняя ихъ цѣль. Сенъ-Жюстъ мечталъ о томъ, какъ нѣкогда каждый гражданинъ будетъ владѣльцемъ хижины и ключка земли. Разумѣется, воспоминаніе о Цинцинатѣ и первыхъ гражданахъ римской республики было не безъ вліянія на эти мечты. Мечты эти не замедлили отразиться на мѣрахъ правительства; Барреръ, въ одномъ изъ своихъ докладовъ о продажѣ національныхъ имуществъ, говоритъ слѣдующее: «въ каждой хорошо устроенной республикѣ каждый гражданинъ имѣетъ какую нибудь собственность... Продажа національныхъ имуществъ мелкими участками можетъ привязать всѣхъ гражданъ къ собственности, къ полиціи, и возвратитъ землѣ много сильныхъ и праздныхъ рукъ,—много семействъ, погибшихъ и испорченныхъ въ городскихъ фабрикахъ». Итакъ, террористы не были противъ частной собственности; они стремились только: 1) перемѣстить собственность изъ рукъ враговъ республики въ руки ея друзей; 2) раздробленіемъ и пространнымъ распредѣленіемъ собственности устранить причину бѣдности; 3) возвратить народъ къ тѣмъ занятіямъ, которыя (по ихъ мнѣнію) одни способствуютъ развитію гражданскихъ доблестей,—занятіямъ земледѣльческимъ; 4) на классѣ этихъ собственниковъ,—возвышенныхъ нравственно и обезпеченныхъ отъ развращающаго вліянія нищеты, праздности и фабричной промышленности, — построить зданіе республики. Главнымъ средствомъ для осуществленія этой цѣли была конфискація имуществъ дворянскихъ и церковныхъ. Террористы, очевидно, не предвидѣли еще, куда можетъ повести это вмѣшательство правительства въ экономическую жизнь страны,—до чего можетъ дойти теорія *законнаго*, казеннаго распредѣленія богатствъ.

Теорія Бабефа скоро открыла глаза всѣмъ недоумѣвавшимъ. Кай-Гракхъ Бабефъ идетъ дальше аграрныхъ законовъ конвента. «Аграрные законы, говоритъ онъ, или раздѣленіе земель, были необдуманнымъ желаніемъ нѣсколькихъ солдатъ безъ принциповъ, — нѣсколькихъ народцевъ, соединенныхъ болѣе инстинктомъ, — чѣмъ разумомъ. Мы стремимся къ болѣе возвышенной и справедливой мѣрѣ — къ общей собственности или къ общности имуществъ. Да не будетъ болѣе частной поземельной собственности: земля принадлежитъ всѣмъ». Тогда, по мнѣнію Бабефа, установится настоящее равенство. Равенство, провозглашенное декларацією правъ, не есть настоящее равенство. «До настоящаго времени равенство было только красивою и безплодною фикціею закона... Мы хотимъ дѣйствительнаго равенства»....

III.

Таковы были правительственныя практика и теорія въ то время, когда Констанъ возстановилъ свои права французскаго гражданства. Онъ былъ еще далекъ отъ того конституціонализма въ англійской формѣ, который составляетъ

главное содержаніе его сочиненій. Констанъ не дошелъ еще до анализа современныхъ ему политическихъ воззрѣній. Съ безграничною вѣрою въ идею свободы, осуществившуюся во Франціи, пріѣхалъ онъ въ столицу свободы и равенства. По своему образу мыслей, Констанъ присталъ къ партіи, жившей воспоминаніями о жирондистахъ, вѣровавшей въ принципы 1789 г. и требовавшей ихъ возстановленія въ государственной практикѣ. Авторъ «началъ представительнаго правленія» былъ пока горячимъ другомъ республики безъ Робеспьера. Констанъ еще не стремился опредѣлить границы государственной власти, — повернуть общественное мнѣніе Франціи отъ древнеклассическихъ идеаловъ. Ему, кажется, не приходилось еще задумываться надъ тѣмъ обстоятельствомъ, что воззрѣнія на свободу могутъ быть различны, и отъ различія этихъ воззрѣній зависитъ самая политика государственной власти. Въ ужасахъ террора онъ видѣлъ простое злоупотребленіе *властію*, направленное противъ свободы, — той именно свободы, которая была провозглашена декларацією правъ. Въ то время никто не мыслилъ свободы въ другой формѣ; террористы, умѣренные республиканцы, защитники конституціи 89 г., — всѣ понимали свободу именно въ этой формѣ. Дѣйствительно, въ первыхъ рѣчахъ и памфлетахъ Констана нельзя встрѣтить никакого анализа этого понятія; вездѣ онъ протестуетъ только противъ злоупотребленій власти. Къ сожалѣнію, до насъ дошло немного цѣльныхъ произведеній Констана изъ этой эпохи. И тѣ изъ нихъ, которыя напечатаны въ полномъ собраніи его сочиненій, прямо указываютъ, что онъ еще руководствовался *общереспубликанскими* воззрѣніями. Его протесты были направлены противъ нарушенія свободы вообще. Онъ серьезно былъ убѣжденъ, что понятіе свободы одинаково у всѣхъ людей; онъ искренно вѣрилъ, что директорія и Робеспьеръ подъ именемъ свободы разумѣютъ тоже, что и онъ, — Констанъ, — но преднамѣренно нарушаютъ ее.

Первая его полемика была направлена противъ террора. Говоримъ противъ террора, потому что террористовъ уже не было. Констанъ пріѣхалъ во Францію какъ бы для того, чтобы привѣтствовать паденіе Робеспьера. Въ журналахъ, клубахъ и въ газетахъ, эпоха террора обсуждалась, какъ совершившійся фактъ. Разсужденія эти конечно имѣли въ виду не одинъ историческій интересъ. Принципы террора, какъ мы видѣли выше, не потеряли значенія и при директоріи, низвергнувшей террористовъ. Въ 1796 г. явился первый памфлетъ Констана, т. е. первое сколько-нибудь обширное произведеніе его. До тѣхъ поръ онъ ограничивался мелкими газетными статьями. Памфлетъ носитъ заглавіе: De la force du gouvernement actuel de la France, et de la nécessité de s'y rallier. Это первый опытъ систематическаго изложенія идей автора. Онъ не имѣлъ большаго успѣха и замѣчателенъ только тѣмъ, что идеи, высказанныя въ немъ довольно смутно, получили значительное развитіе въ другой брошюрѣ, вышедшей скоро послѣ

того. Эта брошюра имѣетъ въ виду терроризмъ директоріи; она носитъ заглавіе: «о политическихъ реакціяхъ» *). Слѣдовательно, авторъ поражаетъ терроръ уже въ измѣненномъ его видѣ. Первоначально Констанъ не касался системы С.-Жюста. «Политическія реакціи» вызвали противъ Констана цѣлую бурю въ журналистикѣ. Онъ долго не отвѣчалъ на всѣ нападки. Наконецъ въ 1797 г. при новомъ изданіи своего труда, авторъ предпослалъ ему, въ видѣ предисловія, разсужденіе «о послѣдствіяхъ террора» **). Разсужденіе это было написано отчасти въ отвѣтъ на критики, направленныя противъ Констана, отчасти по поводу выхода брошюры «о причинахъ революціи и ея результатахъ» Авторъ этой брошюры, Адріанъ-де-Лезе (de Lezai), весьма талантливый публицистъ своего времени, явился горячимъ защитникомъ Робеспьера. При этомъ важно то, что Лезе выражалъ не одно свое личное мнѣніе, а убѣжденіе значительной части французскаго общества. Констанъ говоритъ, что, издавая свое разсужденіе о послѣдствіяхъ террора, онъ имѣлъ въ виду противодѣйствовать чрезвычайно опасному и ложному ученію, распространившемуся во французскомъ обществѣ. Спеціально же противъ Лезе возражаетъ онъ потому, что послѣдній старается возвести это ученіе въ систему. «Опасное и ложное ученіе», возведенное Лезе въ систему, заключается въ слѣдующемъ. Основатели Французской республики не знали, что дѣлали. По большей части это были люди, замаранные преступленіями и слышавшіе, что въ республикахъ наиболѣе кредита имѣютъ предводители партій. Основывая республику, они тѣмъ самымъ обусловили необходимость террора. Въ тѣ времена государству представлялась слѣдующая альтернатива: или погибнуть, или установить отвратительное правительство. Революція не поддерживалась уже (какъ въ 1789 г.) усердіемъ народныхъ массъ и не могла еще утвердиться на ихъ утомленіи. Ей грозила гибель, если бы между этими двумя моментами (vers le milieu) она не нашла поддержки. Эта поддержка — терроръ. Онъ утвердилъ республику. Онъ возстановилъ повиновеніе внутри и дисциплину внѣ государства (т. е. въ арміяхъ). Изъ республиканскихъ армій онъ перешелъ и въ непріятельскія. Онъ охватилъ государей Европы и привелъ къ почетному для Франціи миру съ половиною европейскихъ державъ. Даже послѣдующіе успѣхи Франціи объясняются впечатлѣніемъ, произведеннымъ терроромъ. Онъ разрушилъ обычаи и привычки, сопротивлявшіеся новымъ учрежденіямъ. Ему нужно было насиліе, чтобы отразить насиліе враговъ; нужно было удвоить насиліе, чтобы ихъ поразить. Въ настоящее время утвержденная терроромъ республика прекрасное учрежденіе; ее нужно при-

*) Des Reactions Politiques, par B. Constant.

**) Des Effets de la Terreur.

нять. Римъ также былъ основанъ разбойниками, и этотъ Римъ сдѣлался владыкою міра.

Слѣдовательно, Лезе понималъ, что начала 1789 г. не были началами террористовъ, — и даже болѣе — что начала эти не были началами республики. Основатели республики внесли въ нее какія-то новыя стремленія. Сила революціоннаго правительства съумѣла придать имъ значеніе. Терроръ удался. Республика имѣетъ значеніе совершившагося факта.

Республиканскія убѣжденія Констана были оскорблены всѣмъ этимъ. Республика — прямое выраженіе идей 89 г. — объявлена дѣломъ нѣсколькихъ разбойниковъ! Она получила всенародное значеніе не въ силу этихъ благородныхъ началъ, а благодаря отвратительнѣйшему изъ правительствъ! Констанъ боялся и другаго вывода, не менѣе опаснаго. Апотеоза террора могла возвести его на степень средства, пригоднаго для всякаго правительства. Мало того: брошюра Лезе явно клонилась къ тому, чтобы дать этимъ средствамъ управленія то мѣсто въ политикѣ, которое до тѣхъ поръ занимали принципы. Констанъ, разумѣется, исходитъ изъ того положенія, что принципы революціи были безукоризненны и основатели республики не имѣли въ виду ничего, кромѣ блага человѣчества. Лезе, называя основателей республики преступниками, очевидно намекаетъ на такихъ людей, какъ Геберъ, Талльенъ, Колло д'Ербуа; напротивъ, Констанъ считаетъ первыми и единственными республиканцами Верньо, Кондорсе и другихъ жирондистовъ *). Этихъ людей и высказанные ими принципы нельзя обвинять въ ужасахъ террора. «Если согласиться съ авторомъ, говоритъ Констанъ, слѣдовало бы прощать преступленія и обвинять одни принципы, — слѣдовало бы сослать Верньо и оправдать Марата». Всѣ усилія Констана направлены къ тому, чтобы доказать, что терроръ вовсе не былъ нуженъ для утвержденія республики, напротивъ ничего не принесъ ей, кромѣ вреда. «Я постараюсь доказать, говоритъ онъ, что терроръ не былъ нуженъ для республики, — что республика была спасена несмотря на терроръ, — что терроръ не сломилъ препятствія, а породилъ ихъ, — что препятствія эти могли быть устранены болѣе легкимъ и прочнымъ образомъ, правительствомъ правильнымъ и законнымъ».

Чтобы доказать это положеніе, онъ установляетъ различіе между тѣми мѣрами, кои необходимы для всякаго правительства, и тѣми, кои были порожденіемъ ложной правительственной системы. Эти два вида мѣръ можно различать въ каждомъ правительствѣ. Каждое правительство располагаетъ извѣстными средствами, необходимыми для его существованія; другія средства, напротивъ, составляютъ исключительное достояніе дурныхъ правительствъ. Первымъ мѣрамъ слѣдуетъ приписать успѣхъ каждаго правительства; вторымъ — его неудачи.

*) ib. т. II, стр. 68 примѣч. 1.

То же самое было и съ террористами; все, что они сдѣлали хорошаго было сдѣлано тѣми средствами, какими располагаетъ всякое правительство; терроръ же, въ тѣсномъ смыслѣ, произвелъ только опустошенія и преступленія. На нѣкоторыя мѣры террористы имѣли право, и онѣ были необходимы; другія были продуктомъ злоупотребленія власти. Словомъ, въ дѣятельности, террористовъ необходимо различать двѣ стороны: правительственную дѣятельность и терроризмъ.

Такъ, террористы имѣли право послать гражданъ противъ враговъ. Это право принадлежитъ каждому правительству. Кромѣ того, каждому правительству принадлежитъ право назначить наказаніе за дезертирство, за уклоненіе отъ службы. Но терроръ не ограничился этимъ. Онъ послалъ Сенъ-Жюстовъ и Леба опустошать послушныя и мужественныя арміи; онъ уничтожилъ всѣ формы суда (даже военнаго); онъ вооружилъ своихъ агентовъ неограниченными правами; онъ предоставилъ судьбу отдѣльныхъ лицъ капризу этихъ агентовъ, а судьбу войны — ихъ ярости.

Правительство имѣло право наблюдать за заговорщиками, преслѣдовать ихъ и привлекать къ суду. Но терроръ создалъ безапелляціонныя судилища, уничтожилъ всѣ формы суда и убивалъ по шестидесяти лицъ въ день. Утверждаютъ, что эти мерзости были не безплодны и что всѣ дрожали, такъ какъ смерть не выбирала. Дѣйствительно, всѣ трепетали; но было бы достаточно, если бы трепетали одни виновные. Казнь же старцевъ и 15-лѣтнихъ дѣвушекъ, обвиненныхъ безъ допроса, не была нужна для устрашенія заговорщиковъ.

Констанъ приводитъ очень много примѣровъ того, въ чемъ террористы сходились съ каждымъ правительствомъ и въ чемъ они уклонялись отъ всякаго образа правленія, — въ чемъ они дѣйствовали по праву и въ чемъ нарушали всякія права. Въ противоположность Лезе, который видитъ въ политикѣ террора цѣльное и послѣдовательное развитіе одной мысли, онъ желаетъ разграничить въ этой политикѣ необходимое отъ случайнаго, завпсѣвшаго отъ злоупотребленій Робеспьера и К°. Тѣсная связь, въ которую поставлены были эти два различные элемента террора, внушаетъ автору серьезныя опасенія. «Когда мы видимъ рядомъ правосудіе и преступленіе, говоритъ онъ, мы не должны рѣшаться дѣлать изъ нихъ одно чудовищное цѣлое. Мы не должны на этомъ смѣшеніи понятій строить систему *безразличія средствъ*; нельзя, безъ всякаго размышленія, приписывать всѣ послѣдствія всѣмъ причинамъ, — расточать свое удивленіе отвратительному и выражать отвращеніе закопному».

Въ итогѣ, всѣ разсужденія Констана могутъ быть сведены къ слѣдующимъ положеніямъ. Республика была построена на идеѣ права; революціонное правительство принесло пользу и заслуживаетъ благодарности настолько, насколько оно оставалось вѣрно республиканской конституціи. То, что на-

зываютъ терроромъ, не принесло Франціи ничего кромѣ вреда. Констанъ особенно сильно настаиваетъ на послѣднемъ обстоятельствѣ, ибо извѣстный кружокъ готовъ былъ видѣть именно въ этихъ мѣрахъ причину торжества республики. Напротивъ, по мнѣнію Констана, терроръ ослабилъ уваженіе къ республикѣ *).

Итакъ, въ 1797 г. Констанъ былъ горячимъ республиканцемъ. Начала республики, провозглашенной жирондистами, принимались имъ безъ всякой критики. Онъ вѣрилъ въ республику. Понятно, какъ сочувственно отозвался онъ о переворотѣ, низвергшемъ такой порядокъ вещей. 20-го фруктидора, т. е. черезъ два дня послѣ этого происшествія, Констанъ произнесъ горячую рѣчь въ пользу директоріи. 18 фруктидора, по его мнѣнію, было результатомъ патріотическаго, національнаго движенія. Движеніе это направлено къ возстановленію республики. «Директорію призвали республиканцы; ея побѣда есть побѣда республиканцевъ!»

Къ сожалѣнію, надежды Констана не оправдались. Чрезъ нѣсколько времени ему пришлось писать трактатъ «о политическихъ реакціяхъ»...

Реакція же была страшная. Страшная тѣмъ болѣе, что французское общество потеряло вѣру въ республику и, вмѣстѣ съ этой вѣрой, всякія правительственныя убѣжденія и даже простое человѣческое достоинство. Это общество готово было ко всякой формѣ правленія, лишь бы правительство дало ему спокойствіе. Директорія воображала, что ей нужно поддерживать республику. Наполеонъ скоро доказалъ, что она ошибалась. Но взявшись поддерживать республику, она не оставила «системы искорененія враговъ», прославившей Робеспьера. Только искала она враговъ не тамъ, гдѣ видѣлъ ихъ знаменитый тріумвиратъ.

Тріумвиратъ думалъ, что республика и революція—одно и тоже, и, опираясь на революціонную массу, гналъ все, что имѣло видъ консервативнаго элемента. Напротивъ, директорія хотѣла разыграть роль *правильнаго, законнаго* правительства и принялась ссылать всѣхъ враговъ порядка, какъ будто республика была *существующемъ, предержащемъ* порядкомъ. Съ другой стороны, директорія не могла дѣйствовать такими кровавыми, рѣшительными средствами, какъ террористы. Законное, *конституціонное* правительство, она не могла уподобляться правительству революціонному. Все, что она дѣлала насильственнаго, происходило какъ бы тайкомъ. Между тѣмъ законность не была еще зрѣлымъ плодомъ тогдашней политической жизни, и сама директорія была плохою формою законнаго правительства. Она была не столько законнымъ, сколько слабымъ правительствомъ. Послѣ террора, говоритъ Э. Кине, директорія

*) ib.t. II, стр. 63 и слѣд.

была первымъ правительствомъ, котораго французы не боялись. Боязнь исчезла; наступило презрѣніе. Ни одно правительство не пользовалось такимъ всеобщимъ и глубокимъ презрѣніемъ. Ни въ одномъ правительствѣ пышныя фразы о законности не уживались такъ мирно съ самыми беззаконными мѣрами, которыя нисколько не способствовали правительственной силѣ. Насильственныя мѣры противъ «враговъ республики» принимались часто; но всѣ онѣ не возбуждали въ обществѣ ничего, кромѣ смѣха. Вотъ что, напримѣръ, писалъ одинъ журналъ по поводу разныхъ строгостей, придуманныхъ противъ журналистики: «журналисты должны бы попросить Дону, который оказываетъ имъ нѣкоторое вниманіе, чтобы онъ по крайней мѣрѣ опредѣлилъ случаи, когда они должны получать пощечины, шишки, палки, плети, щелчки и прочія маленькія исправительныя средства, находящіяся во власти полиціи. Каждый бы зналъ, и готовилъ бы свои плечи.... Словомъ, всѣ были бы ограждены отъ произвола. Но главное, необходимо опредѣлить число и количество этихъ вещей, потому что, изволите видѣть, числомъ нельзя пренебрегать въ такихъ случаяхъ»..... Жаль, что публицисту этой газеты *) не могло быть извѣстно замѣчаніе нашего Гоголя о томъ, что кожаные кнучки, въ большомъ количествѣ, вещь нестерпимая! Такое отношеніе къ правительству не было единственнымъ послѣдствіемъ директоріи. Всѣ разнообразныя партіи, затихшія во время террора, подняли снова голову. Разнообразнѣйшія надежды воскресли. Началась самая безцеремонная перекочевка изъ одного лагеря въ другой.

Партіи, страдавшія во время террора, воспользовались сравнительно большей свободой для того, чтобы отомстить своимъ врагамъ. По мѣрѣ того, какъ эти партіи пріобрѣтали все больше и больше значенія въ обществѣ, старая революціонная партія исходила на степень простой фракціи. Представители «законнаго» правительства толковали о примиреніи и, примиряясь со старыми врагами своими, невольно принимали нѣкоторые изъ ихъ принциповъ. Разумѣется, это нисколько не вело къ примиренію. Враги республики слишкомъ радикально расходились съ ея началами, чтобы когда-нибудь серьезно примириться съ послѣдователями Барнава и Лафайета. Напротивъ, «примиреніе» оживило упованія и надежды враговъ республики, а вмѣстѣ съ тѣмъ дало нѣкоторую цѣну ихъ притязаніямъ, которыя росли съ каждымъ днемъ. Среди этого всеобщаго броженія, директорія не могла получить значенія примирителя, организатора общественныхъ силъ. Напротивъ, будучи сама произведеніемъ партіи, она сдѣлалась орудіемъ партіи и предлагала свои услуги то той, то другой.

Французскій народъ изжилъ вѣру въ идеалы; прочныхъ началъ не

*) „Grondeur" — она была очень распространена въ свое время.

было ни въ народѣ, ни въ правительствѣ; сохраненіе своего существованія и вліянія сдѣлалось единственною задачею всѣхъ и каждаго; всѣ средства казались пригодны для этого; терроръ, бывшій совокупностью исключительныхъ мѣръ въ глазахъ самихъ террористовъ, былъ возведенъ на степень общаго правила правительственной системы. Шаткость убѣжденій *новыхъ людей* давала силу тѣмъ, кто имѣлъ еще убѣжденія, — т. е. старымъ людямъ, а это вело общество къ неизбѣжной реакціи. Вотъ что должно было поразить человѣка, который жилъ еще идеалами.

Показать, какъ правительство должно оставаться твердымъ при общественной шаткости, — какъ люди, дорожащіе принципами, должны дѣйствовать во время общественнаго смущенія, — какъ должно понимать самое значеніе принциповъ, — такова задача брошюры «о политическихъ реакціяхъ».

Что такое «реакція» сама по себѣ? Съ этого начинаетъ Констанъ свое разсужденіе.

Реакція, говоритъ онъ, есть неизбѣжное послѣдствіе революціи, зашедшей слишкомъ далеко, — переступившей предѣлы своего назначенія. Назначеніе же или, лучше сказать, стремленіе революціи заключается въ установленіи должнаго отношенія между учрежденіями народа и его идеями.

Для того, чтобы учрежденія народа были прочны, они должны стоять на одномъ уровнѣ съ идеями этого народа. Тогда учрежденіямъ этимъ нечего опасаться революцій. Могутъ случаться различныя столкновенія, — паденія тѣхъ или другихъ личностей, одна партія можетъ давить другую; но пока идеи и учрежденія стоятъ на одномъ уровнѣ, прочность послѣднихъ обезпечена.

Какъ только это равновѣсіе нарушено, революціи неизбѣжны. Онѣ стремятся возстановить его. Если онѣ достигаютъ этой цѣли сразу, — останавливаются, исполнивъ свое назначеніе (т. е., поставивъ учрежденія въ уровень съ идеями), и не идутъ дальше этого предѣла, тогда онѣ не влекутъ за собою реакціи. Въ такомъ случаѣ онѣ составляютъ необходимый переходъ отъ одного порядка вещей къ другому и кончаются общимъ успокоеніемъ. Таковы были революціи въ Голландіи, въ Швейцаріи, въ Америкѣ.

Но когда революція переступаетъ за этотъ предѣлъ, — т. е. когда она даетъ народу учрежденія, превосходящія народныя понятія, или разрушаетъ то, что согласно съ этими понятіями, — реакція неизбѣжна; ибо, при несуществованіи равновѣсія, новыя учрежденія *поддерживаются только рядомъ усилій*. Когда этихъ усилій нѣтъ, все ослабѣваетъ и идетъ вспять. Такъ, англійская революція, направленная противъ папизма, переступила за свой предѣлъ и разрушила королевскую власть. Результатомъ этого была реакція, благодаря которой папизмъ едва не былъ возстановленъ, если бы новая революція не воспрепятствовала этому. Французская революція, на-

правленная *противъ привилегій*, перешла за границу своего назначенія, направясь противъ собственности. Вслѣдствіе этого, вездѣ чувствуется *) страшная реакція, и много надо будетъ усилій, чтобы воспрепятствовать возстановленію привиллегій.

Остановимся на этихъ положеніяхъ; намъ нужно будетъ извлечь отсюда нѣкоторые выводы величайшей важности, для оцѣнки всей политической системы Констана.

Прежде всего, мы замѣчаемъ, что авторъ исходитъ изъ идеи равновѣсія, которая характеризуетъ всю его конституціонную теорію. Послѣдняя держится на началѣ равновѣсія властей; теперь онъ говоритъ о равновѣсіи идей и учрежденій. Въ каждой странѣ должно быть соотвѣтствіе между идеями и учрежденіями. Когда его нѣтъ, учрежденія рушатся, и революція возстановляетъ это содѣйствіе. Изъ этого видно, что революція исходитъ изъ идей, сдѣлавшихся общимъ достояніемъ, — что цѣль ея достигнута, когда ей удалось установить учрежденія, соотвѣтствующія этимъ идеямъ. Революція не исходитъ изъ такихъ идей, такъ не дѣйствуетъ и на такихъ учрежденіяхъ остановиться не можетъ.

Изъ такихъ идей исходитъ и такъ дѣйствуетъ не революція, а *реформа*. Постепенное, правильное движеніе отъ однихъ учрежденій къ другимъ,— движеніе, совершающееся подъ вліяніемъ созрѣвшихъ и общихъ всему обществу идей, — есть характеристическій признакъ не первой, а послѣдней.

Напротивъ, революція исходитъ изъ совершенно новыхъ идей, выражающихъ собою убѣжденіе не всего общества, а часто небольшаго кружка лицъ. Идеи эти суть не общее убѣжденіе, а крайнее выраженіе общихъ убѣжденій, въ формѣ отвлеченнаго принципа. На этомъ основана ихъ страшная, хотя и кратковременная, сила. Сила эта достигаетъ наибольшаго развитія, когда убѣжденія одного класса общества противополагаются другому *радикально*,— когда между ними готова возгорѣться борьба на жизнь или на смерть. Такъ, напр., идеи французской революціи были крайнимъ, логически доведеннымъ до *конца*, выводомъ изъ убѣжденій той части общества, которая была недовольна привиллегіями. Но лица, возставшія противъ привиллегій, не видѣли сами крайнихъ, послѣднихъ выводовъ изъ ихъ убѣжденій, и врядъ ли хотѣли ихъ достигать на практикѣ. Эти лица довольствовались бы сами по себѣ отмѣною тѣхъ учрежденій, которыя ближайшимъ образомъ противорѣчили ихъ убѣжденіямъ. Если бы французская революція ограничилась отмѣною привилегій, то она была бы не революціей, а реформой.

Итакъ, прочность государственнаго порядка зависитъ не отъ одного соотвѣтствія идей съ учрежденіями. Идея, предоставленная самой себѣ, мо-

*) Констанъ пишетъ, какъ очевидецъ.

жетъ дойти до крайнихъ результатовъ. Притомъ, и это главное, идей въ обществѣ много; — столько же, сколько есть въ немъ разнообразныхъ интересовъ. Разнообразны интересы — противорѣчивы и идеи, и каждая изъ нихъ стремится къ полному своему торжеству, т. е. къ уничтоженію всѣхъ другихъ. Государство не можетъ поэтому воплотить въ себѣ одну идею, во всей ея чистотѣ: тогда оно будетъ само партіей. Оно и его учрежденія должны представлять собою не одну общественную идею, а всю совокупность общественныхъ идей, примиренныхъ и объединенныхъ національной идеей. Реформа выражаетъ не одну какую нибудь идею, а перемѣны, происшедшія во всемъ строѣ общенаціональныхъ убѣжденій. Реформа есть проведеніе въ жизнь идеи, въ ея практической, общенародной формѣ; революція стремится осуществить эту идею, въ крайнемъ ея выраженіи.

Въ этомъ заключается первоначальная сила и послѣдующая слабость революціи. Когда начинается борьба между двумя порядками, — борьба, происходящая оттого, что одинъ порядокъ долго не хотѣлъ ничего (даже реформы), а другой, вслѣдствіе этого, захотѣлъ всего (даже революціи),— наибольшее значеніе получаютъ начала, представляющія послѣднее выраженіе идей втораго порядка. Затѣмъ, во время революціи, наибольшее значеніе получаютъ люди, являющіеся представителями крайнихъ оттѣнковъ новыхъ идей. Эти обстоятельства и вліяютъ на стремленіе всякой революціи. Стремленія эти состоятъ въ доведеніи крайнихъ идей *до конца*. Стремленіе французской революціи не ограничивалось уничтоженіемъ привилегій; это могло бы сдѣлать и правительство, но не хотѣло. 4 августа 1789 г. *) революція не достигала до конца; она закончилась провозглашеніемъ республики, санкціею права возстанія, аграрными законами, конфискаціею имуществъ, казнью короля и аристократовъ, религіею разума, и т. д. Къ этому именно и шла революція. Въ этомъ и состоитъ слабость ея и всякой революціи.

Ни одно общество не можетъ выдержать идей, доведенныхъ до крайняго ихъ выраженія. Изъ каждой идеи общество можетъ сдѣлать въ данную минуту одинъ — два вывода, пригодные для его практическихъ цѣлей въ данную минуту. Всѣхъ же выводовъ оно сдѣлать не въ состояніи. Напротивъ, крайній выводъ изъ извѣстной идеи пугаетъ его воображеніе, вооружаетъ его противъ самой идеи. Французское общество не узнало идеи 89 года въ Конвентѣ и Бабефѣ. Оно въ ужасѣ отвернулось отъ Робеспьера, вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ республики, а потомъ и отъ началъ 89 г. Дойдя до такихъ крайнихъ выводовъ, общество невольно поворачиваетъ назадъ, отступается отъ своего дѣла. Отступленіе это бываетъ полное. Благодаря тому, что ло-

*) День уничтоженія привиллегій.

гическое движеніе революціи связываетъ необходимыя преобразованія съ крайними послѣдствіями извѣстныхъ началъ, общество, отказываясь отъ крайностей, готово отказаться и отъ необходимаго. Во время революціонной горячки общество неспособно къ различенію понятій: оно не дѣлаетъ различія между началами 89 г. и террористами. Убивая послѣднихъ, оно неспособно пощадить первыя.

Кромѣ этого обстоятельства (имѣющаго отрицательное значеніе) доведенію каждой идеи до конца препятствуетъ и то, что, не смотря на всѣ усилія революціи, въ обществѣ всегда остаются обломки стараго порядка со всѣми ихъ убѣжденіями и преданіями. Прежде эти обломки составляли одно органическое цѣлое со всею массою народа. Ихъ идея была частью (оттѣнкомъ) общенаціональной идеи. Единство это поддерживалось тѣмъ, что ни одна партія, ни одинъ классъ общества не могъ довести своихъ началъ до послѣдняго ихъ выраженія, — что начала эти сдерживались идеей, которая была выше ихъ всѣхъ (національной идеей). Когда рушилось это единство, всѣ направленія стали въ изолированное и враждебное другъ къ другу отношеніе. Сдѣлки между ними дѣлаются невозможны. Каждая партія стремится, подобно революціонной, довести свою идею до конца. Это новая и характеристическая особенность революціи. *Она превращаетъ всѣ партіи въ революціонныя силы*,—въ томъ смыслѣ, что каждая партія старается сдѣлать для своей идеи то, что революція сдѣлала для своей. Прежніе консерваторы становятся отчаянными агитаторами и дѣлаютъ изъ своихъ началъ такіе выводы, которыхъ они, безъ революціи, не сдѣлали бы. Аристократія стараго порядка довольствовалась сохраненіемъ существующаго порядка и даже готова была на нѣкоторыя уступки; Де-Местръ говоритъ о возвращеніи къ XIII столѣтію. Кавалеры, предъ англійской революціей, не думали о расширеніи королевской прерогативы; послѣ революціи пошли въ ходъ теоріи Гоббеса и Фильмера. Все проникается революціоннымъ духомъ. Остатки стараго порядка пользуются даже революціонными средствами. Система террора привела бы въ ужасъ старую аристократію, читавшую энциклопедистовъ; послѣ революціи эта система стала весьма обыкновеннымъ политическимъ средствомъ.

Всѣ эти обломки стараго порядка въ свое время воспрепятствовали полному осуществленію революціонныхъ идей. Когда революція дошла до крайнихъ предѣловъ, остановилась и отвратила отъ себя общество, старыя начала пожелали занять ея мѣсто. На реакцію нельзя смотрѣть, какъ на простое стремленіе возвратиться къ старому порядку. Такія стремленія имѣли лишь самые умѣренные реакціонеры, въ родѣ Бональда. Оттого ихъ сочиненія и не имѣли большаго вліянія на общество. Истинные корифеи реакціи, въ родѣ графа де-Местра, хотѣли не того. Если бы ихъ желанія исполнились, былъ бы возстановленъ не только старый порядокъ, но—старый порядокъ, доведенный до крайнихъ предѣловъ.

Но и стремленія реакціонеровъ не удались. Причина этого заключается въ томъ, что въ числѣ пріобрѣтеній революціи, многія были вполнѣ необходимы, — многія ея преобразованія, рано или поздно, сдѣланы были бы простою реформой.

Таковы результаты революціи. Она заставляетъ народъ—рядомъ съ тѣмъ, что онъ можетъ,—дѣлать много такого, чего онъ не въ состояніи вынести. Результатомъ этого бываетъ впослѣдствіи стремленіе навязать ему то, отъ чего онъ давно отказался. И послѣ долгой борьбы этихъ противоположныхъ началъ, общество наконецъ получаетъ то, для чего въ сущности не нужно было никакой революціи. И какъ получаетъ! Нерѣдко для этого нужна новая революція; еще чаще народу возвращается не все, что онъ взялъ и можетъ имѣть; наконецъ, *всегда* эти пріобрѣтенія сохраняютъ характеръ вынужденной уступки, на нихъ набрасывается тѣнь революціоннаго ихъ происхожденія; слѣдовательно, они не получаютъ значенія необходимаго и прочнаго историческаго явленія. Всѣ смотрятъ на нихъ подозрительно. Благодаря революціонному ихъ происхожденію, съ ними невольно соединяется воспоминаніе о крайнихъ послѣдствіяхъ началъ, на которыхъ они построены. Послѣ революціи равенство правъ, напр. (хотя бы оно выразилось въ формѣ уничтоженія только привиллегій), напоминаетъ объ уничтоженіи собственности,—личная свобода (даже въ предѣлахъ, указанныхъ Монтескье) наводитъ на воспоминаніе объ анархіи,—попытка точнаго опредѣленія границъ государственной власти рисуетъ воображенію казнь Людовика XVI.

Констанъ писалъ первыя свои произведенія именно въ тотъ моментъ, когда общество отказывалось уже отъ крайнихъ выводовъ революціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ самой революціи. Реакція подымала голову и смотрѣла въ XIII столѣтіе. Констанъ стремился удержать общество отъ реакціи, въ смыслѣ возвращенія къ старому порядку. Всѣ стремленія Констана направлены къ защитѣ республики. Съ этою цѣлью обращается онъ къ правительству, къ обществу, къ журналистикѣ. Но, не смотря на весь республиканскій духъ брошюры, Констанъ, самъ того не замѣчая, приходитъ къ нѣкоторымъ реакціоннымъ выводамъ. Нѣкоторая реакція была необходима для самой республики. Послѣдней нужно было отказаться отъ нѣкоторыхъ «выводовъ» террора. Самъ Констанъ указываетъ, что революція переступила какія-то границы. Надо, слѣдовательно, войти въ эти границы. Какія же это границы?

Констанъ могъ бы узнать, съ своей точки зрѣнія, границы революціи. Но для этого ему надлежало бы анализировать принципъ свободы, идею власти, права народа, т. е., сдѣлать много такого, до чего онъ дошелъ лѣтъ черезъ пятнадцать. Теперь, онъ не пошелъ и не могъ пойти дальше нѣсколькихъ довольно избитыхъ положеній либеральной школы. Для свободы, говоритъ онъ, нужно строгое соблюденіе принциповъ; терроръ грѣшилъ тѣмъ,

что отступилъ отъ принциповъ и ввелъ произволъ въ управленіе; опасность реакціи заключается въ томъ, что послѣдняя также ненавидитъ принципы и стремится къ произволу, хотя цѣли ея отличны отъ цѣлей террора.

Итакъ, прежде всего, необходимо уваженіе къ принципамъ. Авторъ стремится возстановить это уваженіе въ обществѣ, въ которомъ принципы потеряли уже свой кредитъ *). «Словомъ *принципы*, говоритъ онъ, злоупотребляли такъ сильно, что на того, кто требуетъ уваженія и повиновенія имъ, смотрятъ, какъ на отвлеченнаго мечтателя и химерическаго резонера. Всѣ партіи ненавидятъ принципы; однѣ приписываютъ имъ всѣ прошедшія бѣдствія, другія — всѣ настоящія затрудненія; однѣ, — не имѣя возможности возстановить того, чего уже нѣтъ, — обвиняютъ принципы *въ разрушеніи;* другія, — будучи не въ состояніи управлять тѣмъ, что есть, — обвиняютъ принципы въ безсиліи».. Констанъ беретъ на себя трудную задачу выясненія истиннаго смысла принциповъ. Онъ не желаетъ пускаться въ подробности; въ будущемъ онъ надѣется выяснить коренныя основанія свободы (или принциповъ); на первый разъ, онъ довольствуется нѣкоторыми общими положеніями.

Принципъ, по мнѣнію Констана, есть общій результатъ нѣсколькихъ частныхъ фактовъ. Когда въ совокупности этихъ фактовъ совершается какое нибудь измѣненіе, измѣнится и принципъ; но это измѣненіе само становится принципомъ. Принципъ, слѣдовательно, — результатъ. Результатъ этотъ имѣетъ общее значеніе только по отношенію къ тѣмъ комбинаціямъ, изъ которыхъ онъ является выводомъ. Поэтому, всеобщность его не безусловна, а относительна. Это различіе, по мнѣнію Констана, весьма важно; благодаря тому, что этого различія не дѣлали, существовало много ложныхъ понятій о томъ, что такое принципъ.

Есть принципы общіе, потому что есть первоначальныя данныя, существующія одинаково во всѣхъ комбинаціяхъ. Но это не значитъ, чтобы къ общимъ принципамъ не слѣдовало прибавлять другихъ, вытекающихъ изъ каждой частной комбинаціи фактовъ.

Когда говорятъ, что общіе принципы непримѣнимы, это значитъ, что не открытъ посредствующій принципъ, требуемый частной комбинаціей. Одно звено въ цѣпи потеряно, но цѣпь все-таки существуетъ.

Лица, проповѣдующія, что въ тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ должно уклоняться отъ принциповъ, впадаютъ въ недоразумѣніе; каждое обстоятельство требуетъ *своего принципа*, ибо сущность каждаго принципа состоитъ не столько въ *его общности*, сколько *въ прочности*, и этимъ качествомъ обусловливается его польза.

---

*) См. II т. назв. соч., стр. 108 и слѣд.

Изъ этихъ немногихъ положеній видно, что убѣжденія Констана въ то время, какъ онъ писалъ свою брошюру, уже колебались. Онъ желалъ остаться вѣрнымъ республиканскимъ и революціоннымъ преданіямъ; съ другой стороны онъ желалъ удержать всѣ партіи (въ томъ числѣ и революціонную) отъ ихъ увлеченій. Онъ и его сотоварищи отличались отъ всѣхъ партій въ одномъ капитальномъ пунктѣ: всѣ партіи требовали возвращенія къ извѣстнымъ учрежденіямъ; Констанъ же требовалъ только возвращенія къ началамъ; слѣдовательно, его ученіе не было связано органически ни *съ какою формою правленія.* Это важное обстоятельство объясняетъ намъ, почему онъ впослѣдствіи сдѣлался поклонникомъ конституціонной монархіи, подобно ему, удаленной отъ всѣхъ чистыхъ формъ правленія и опирающейся на «началахъ».

Посмотримъ прежде всего, въ какомъ смыслѣ онъ остался вѣренъ республикѣ и революціи. Они вѣритъ въ осуществимость общихъ началъ. По его мнѣнію, они необходимо должны быть проведены въ жизнь, при помощи посредствующихъ принциповъ. *Другими словами, для того, чтобы общія начала государственнаго устройства были связаны съ народною жизнью, необходимо, чтобы принципы всѣхъ подчиненныхъ сферъ общежитія соотвѣтствовали этимъ общегосударственнымъ началамъ.* Для выясненія этой мысли Констанъ приводитъ нѣсколько примѣровъ. Вотъ одинъ изъ нихъ. Теорія привиллегій, говоритъ онъ, есть предразсудокъ отвлеченный, — столь же отвлеченный, какъ ученіе о равенствѣ. Но въ силу того, что онѣ *существовали,* привиллегіи держались на цѣпи учрежденій, привычекъ, интересовъ, исходившихъ до индивидуальности каждаго человѣка. Напротивъ, равенство, не будучи признано, не имѣло ни въ чемъ опоры, колебало все, и проникало въ сферу индивидуальнаго существованія людей только для того, чтобы изворотить ихъ образъ жизни. Послѣ такого изворачиванія, весьма естественна ненависть къ принципу и любовь къ предразсудку.

Но предположимъ, что положеніе вещей измѣнилось; представимъ себѣ, что равенство признано, *организовано*, составляетъ первое звѣно общественной цѣпи, а потому связано со всѣми расчетами и условіями частной и общественной жизни. Представьте же себѣ теперь ученіе о привиллегіяхъ, брошенное изолированно, въ качествѣ общей теоріи, противъ общей существующей системы; тогда разрушителемъ явится предразсудокъ, охранителемъ — принципъ.

Итакъ, неуспѣхъ республиканскихъ теорій зависѣлъ, по мнѣнію Констана, отъ того, что онѣ явились въ общество въ качествѣ изолированнаго начала, отвлеченнаго и не связаннаго ни въ чемъ съ жизнью. Горькое признаніе! Но, во всякомъ случаѣ, изъ него представляется два вывода. Или общество и его органъ — законодательство должны связать эти общія начала посредствующими принципами съ народною жизнью, — устроить се-

мейный, общественный, экономическій бытъ, — опредѣлить начало собственности, религіи, воспитанія, сообразно съ ними; но въ такомъ случаѣ мы не видимъ, въ чемъ же Констанъ отличается отъ террористовъ, которые именно хотѣли перевоспитать (и отчасти перевоспитали) Францію, сообразно республиканскимъ теоріямъ; они вѣдь именно хотѣли *организовать* равенство и свободу и превратить привиллегіи въ отвлеченный и изолированный отъ общественной жизни принципъ. Или положеніе Констана должно быть понято въ томъ смыслѣ, что посредствующіе принципы должны ослаблять непреклонность общихъ принциповъ и дѣлать возможнымъ ихъ примѣненіе къ жизни, не допуская ихъ крайняго развитія? Другими словами, примѣненіе принциповъ зависитъ не только отъ того, что они связаны со всѣми понятіями народа, но и отъ того, что, благодаря посредствующимъ принципамъ, крайняя общность высшихъ началъ съуживается и поддѣлывается къ практикѣ. Каждый принципъ только тогда можетъ получить практическое значеніе, когда примѣненіе его будетъ ограничено извѣстными условіями. Этого начала не было у террористовъ, но оно проявляется въ брошюрѣ Констана и предвѣщаетъ уже въ немъ будущаго поборника конституціонныхъ началъ.

Сообразно его ученію, должно различать общій принципъ, опредѣляющій организацію общественной жизни, и посредствующее начало, заключающее въ себѣ способъ приложенія перваго къ жизни. Чтобы открыть это посредствующее начало, необходимо хорошо *опредѣлить* общій принципъ. Слѣдуютъ примѣры. Они весьма любопытны (особенно второй, относящійся прямо къ области политики). Первый примѣръ взятъ изъ сферы нравственной философіи. Въ сферѣ нравственности мы встрѣчаемся съ предписаніемъ *говорить правду*. Начало это, взятое само по себѣ, абсолютно и изолировано,— говоритъ Констанъ,—уничтожило бы всякую возможность общежитія. Одинъ нѣмецкій философъ *) вывелъ изъ этого начала такое заключеніе, что, еслибы убійцы, преслѣдуя вашего друга, укрывшагося въ нашемъ домѣ, спросили, гдѣ онъ, вы должны были бы сказать правду. Абсолютно этотъ принципъ непримѣнимъ; онъ разрушилъ бы общество; но безъ него общество также разрушится. Поищемъ средство примѣнить его; опредѣлимъ его, какъ слѣдуетъ.

Говорить правду есть обязанность. Но что что такое обязанность? Идея обязанности немыслима безъ идеи права: обязанность для одного то, что соотвѣтствуетъ праву другаго. Гдѣ нѣтъ правъ, — нѣтъ и обязанностей. Слѣдовательно, говорить правду есть обязанность по отношенію къ тѣмъ, кто имѣетъ на нее право; а ни одинъ человѣкъ не имѣетъ права на правду, приносящую вредъ другому. Такъ этотъ принципъ сдѣлался примѣнимымъ.

---

*) Кантъ.

Другой примѣръ. «Что ни одинъ человѣкъ не можетъ быть связанъ законами, въ составленіи которыхъ онъ не участвовалъ, — *есть начало общее, одинаково вѣрное во всѣхъ обстоятельствахъ и во всѣ времена*». Въ небольшомъ обществѣ принципъ этотъ можетъ быть примѣненъ безъ всякихъ посредствующихъ началъ. Но въ многочисленномъ обществѣ такой посредствующій принципъ необходимъ. Такимъ принципомъ, обусловливающимъ возможность примѣненія перваго, по мнѣнію Констана, является *народное представительство*. Непосредственная демократія приведетъ въ большомъ государствѣ, къ весьма вреднымъ послѣдствіямъ.

То, что Констанъ называетъ опредѣленіемъ принципа, съ гораздо большимъ основаніемъ можно назвать *ограниченіемъ его*, въ виду условій мѣста и времени. Но авторъ желаетъ и остаться вѣрнымъ республиканскимъ воззрѣніямъ, и удержать республику отъ увлеченій. Отсюда, съ одной стороны, странная на первый взглядъ, смѣсь вѣрованій въ незыблемость, въ общность и непоколебимость началъ; съ другой — убѣжденіе въ невозможности примѣнить ихъ въ чистомъ видѣ. Будь въ трудахъ Констана хотя малѣйшая доля историческаго элемента, это противорѣчіе сгладилось бы. «Посредствующіе принципы» явились бы просто условіями мѣста и времени, подъ вліяніемъ которыхъ каждое общее начало не только примѣняется, но и вырабатывается *постепенно*, а не является изолированной теоріей, требующей «посредствующихъ звѣньевъ». Констанъ вмѣстѣ съ другими республиканцами, убѣжденъ, что основныя начала политическихъ системъ являются вдругъ, и что, заѣмъ, обществу предстоитъ исканіе средства для примѣренія первыхъ къ дѣлу. Напротивъ, исторія доказываетъ, что именно «посредствующія начала» предшествуютъ общимъ, и что отвлеченность послѣднихъ вырабатывается весьма долго.

Благодаря отсутствію историческаго взгляда на дѣло, Констанъ просмотрѣлъ слѣдующее немаловажное обстоятельство. По его мнѣнію, общія начала революціи явились вдругъ, въ видѣ изолированной теоріи; но начала равенства слышатся при первомъ движеніи общинъ; общинная революція имѣетъ много общаго съ великой революціей. Борьба противъ привиллегій велась нѣсколько столѣтій королями, въ союзѣ съ третьимъ сословіемъ. Начала религіозной свободы возвѣщались еще Боденомъ. Къ 89 году выработалось много общихъ положеній, относительно которыхъ *всѣ* были согласны. Эти начала выразились въ первой конституціи, и они не были изолированною теоріею. «Изолированны» были только начала чисто-революціонной партіи, и конституція 93 года осталась только на бумагѣ. Началъ этой партіи нельзя было поправить никакими посредствующими принципами. Они и сами не терпѣли никакихъ сдѣлокъ съ практическою жизнью. Конвентъ, вслѣдъ за Руссо, провозгласилъ неотчуждаемость власти народа, которою народъ долженъ былъ пользоваться непосредственно. По отношенію къ такому началу, народное

представительство не могло быть посредствующимъ принципомъ, а только—ограниченіемъ и даже измѣненіемъ этого начала.

Вслѣдствіе изолированности такихъ революціонныхъ началъ, либералы были обречены на ихъ ограниченіе, т. е. на своего рода реакцію.

Сами по себѣ, либералы и ихъ «ограниченія» не имѣютъ особаго значенія въ странѣ, переживающей революцію. Во имя чего могутъ они требовать «ограниченій»? Во имя историческаго прошлаго? Но они отказались отъ него вмѣстѣ съ революціей, «вѣрными сынами» которой они стремятся быть или казаться. Во имя своеобразнаго національнаго развитія? Но они смотрятъ на этотъ вопросъ такъ же, какъ революціонеры; подобно послѣднимъ, они принимаютъ, съ одной стороны, отвлеченныя начала, неоспоримыя и необходимыя *во всѣ времена и у всѣхъ народовъ* (какъ это утверждаетъ Констанъ, относительно законодательной власти народа), — съ другой, пассивную массу народныхъ элементовъ, требующую *организаціи* на основаніи новыхъ началъ. Прежде, эти элементы были организованы подъ вліяніемъ «предразсудковъ»; теперь, имъ будетъ дана другая форма, на основаніи «принциповъ». Итакъ, все историческое — «предразсудокъ»; все отвлеченное — «истинный, всеобщій принципъ». Во имя чего же либерализмъ требуетъ (подъ маскою опредѣленія) ограниченія принципа?

Ниже мы возвратимся къ этому важному вопросу, при оцѣнкѣ общаго значенія либерализма. Теперь ограничимся этимъ бѣглымъ замѣчаніемъ, совершенно достаточнымъ для того, чтобы понять, почему брошюра Констана никого не примирила, не ограничила и не успокоила, хотя была прочитана всѣми съ большимъ удовольствіемъ и выдержала нѣсколько изданій, какъ во время революцій и реакцій—брошюра Сійеса (Qu'est ce que le tiers-état?), рѣчи Дантона, памфлеты де-Местра...

Нельзя оставить этого вопроса, не указавъ еще на одинъ важный пунктъ, въ которомъ Констанъ расходится съ настоящими революціонерами и даже съ философіею естественнаго права. Для философовъ-раціоналистовъ и для первыхъ революціонеровъ, «принципы» были верховнымъ началомъ всего существующаго. Все существующее есть или должно быть результатомъ принциповъ. Напротивъ, для Констана, принципъ есть общій *результатъ* частныхъ фактовъ. Какъ *результатъ*, онъ зависитъ отъ этихъ первоначальныхъ фактовъ; поэтому онъ не можетъ имѣть безусловной всеобщности. Всякое измѣненіе въ фактахъ отражается и на принципѣ. Еще одинъ шагъ и — Констанъ могъ бы дойти до началъ историческаго развитія. Но этого съ нимъ не случилось. Хотя принципы и суть результатъ фактовъ, но все-таки они незыблемы,—и не только высшіе принципы, но и посредствующіе. Можно подумать, что всякая комбинація фактовъ можетъ дать только одинъ результатъ. Во всякомъ случаѣ, Констанъ требуетъ для отвлеченныхъ принциповъ реальной основы. Мало того; идя по этой дорогѣ, онъ приходитъ, совер-

шенно невольно, къ положенію, которое какъ-то плохо ладитъ съ отвлеченностію и всеобщностію «началъ». Принципы суть обобщенія частныхъ фактовъ и имѣютъ для нихъ безусловное значеніе; обобщенія же большаго числа фактовъ имѣютъ преимущество предъ принципами обобщающими меньшее количество. Въ области политики это начало выражается слѣдующимъ образомъ: политическій принципъ *) есть результатъ *интереса каждаго* лица или *общаго всѣмъ интереса;* эти начала должны бы быть дороги всѣмъ и каждому и предпочитаться принципамъ, основаннымъ на интересахъ тѣснаго кружка лицъ; но при господствѣ старыхъ порядковъ, — бывшихъ результатомъ *интереса нѣкоторыхъ*, въ противность общему интересу, — они не могли имѣть практическаго значенія.

Итакъ, Констанъ противуполагаетъ общія начала (соотвѣтствующія общимъ интересамъ) началамъ частнымъ (соотвѣтствующимъ интересамъ нѣкоторыхъ). Очевидно, въ число общихъ интересовъ онъ не включаетъ интересовъ старой аристократіи, роялистовъ, клерикаловъ. Все это, какъ предразсудокъ и привиллегія, должно уничтожиться во имя «началъ» равенства и свободы. Исходя, слѣдовательно, изъ общихъ началъ, Констанъ становится на сторону революціонной партіи. Мы не станемъ спорить о томъ — правъ или не правъ былъ онъ въ своемъ предпочтеніи революціонныхъ началъ всѣмъ другимъ. Но насъ поражаетъ его философскій пріемъ измѣренія общности началъ не степенью ихъ внутренняго достоинства, а количествомъ лицъ, раздѣляющихъ тѣ или другія убѣжденія. Этотъ пріемъ можетъ довести до очень странныхъ результатовъ. Было время, когда то, что Констанъ считалъ общимъ интересомъ, считалось за таковый весьма немногими; слѣдуетъ ли изъ этого, что имъ нужно было пренебрегать? Напротивъ, полное пренебреженіе этихъ началъ, въ свое время, привело Францію къ революціи, — подобно тому, какъ впослѣдствіи полное пренебреженіе «къ предразсудкамъ» породило реакцію...

Не смотря на эти колебанія во всѣ стороны, Констанъ въ итогѣ остается вѣрнымъ гражданиномъ республики. Съ жаромъ возстаетъ онъ противъ реакціи. Нельзя не отдать справедливости тому благородному сознанію правды и человѣческой независимости, которымъ проникнуты главы его сочиненія, относящіяся къ дѣйствіямъ современнаго ему правительства и къ упадку общества.

Есть два рода реакцій, говоритъ онъ. Одни направлены противъ людей, другія—противъ идей. «Я не называю реакціей справедливое наказаніе виновныхъ, ни возвращеніе къ здравымъ понятіямъ. Это составляетъ задачу закона (съ одной стороны) и разума (съ другой стороны). То, что по пре-

*) ib. стр. 110.

имуществу отличаетъ реакцію — это произволъ, поставленный на мѣсто закона, страсть — на мѣсто разсудка. Вмѣсто того, чтобъ предавать людей суду, ихъ изгоняютъ; вмѣсто того, чтобы изслѣдовать идеи, ихъ отвергаютъ. Реакціи противъ людей длятъ революцію, ибо онѣ продолжаютъ угнетеніе— причину всѣхъ революцій. Реакціи противъ идей дѣлаютъ революціи безплодными, ибо онѣ возобновляютъ прежнія злоупотребленія. Первыя реакціи опустошаютъ поколѣніе, испытывающее ихъ; вторыя тяготѣютъ надъ всѣми поколѣніями. Первыя поражаютъ смертью отдѣльныя личности; отъ вторыхъ тупѣетъ цѣлая порода людей.

Обязанности правительства при такомъ порядкѣ вещей, по мнѣнію Констана, понятны сами собою. Когда реакція направлена противъ людей, въ рукахъ правительства находится одно средство — правосудіе. Правительству необходимо овладѣть реакціей; въ противномъ случаѣ, оно будетъ увлечено ею. Рядъ преступленій можетъ продолжиться до безконечности, если они не будутъ остановлены правительствомъ. Оно должно устранить общественное мщеніе своимъ строгимъ правосудіемъ. Если лицамъ, взывающимъ о справедливомъ наказаніи виновныхъ, оно говоритъ: «мы не можемъ наказать преступленія, которыя сами ненавидимъ», — оно какъ бы говоритъ: «мстите сами!» Если людямъ, жалующимся на беззаконныя жестокости, оно отвѣчаетъ: «мы не можемъ избавить васъ отъ ярости, которой сами боимся»,—оно говоритъ: «защищайтесь!» Это ведетъ къ гражданской войнѣ, принуждаетъ невинность къ преступленіямъ,—преступленіе къ сопротивленію,— всѣхъ гражданъ къ смертоубійству; дѣйствуя такъ, правительство провозглашаетъ господство насилія и, въ тоже время, беретъ на себя отвѣтственность за всѣ преступленія, совершенныя во имя его слабости. Горе правительству, которое остается нейтральнымъ среди этихъ старыхъ и новыхъ преступленій,—пользуется своею властію только для того, чтобы удержаться въ этомъ постыдномъ нейтралитетѣ, и помышляетъ не объ исполненіи своихъ обязанностей, а о своемъ существованіи! Правительство должно быть безпристрастно, но сильно. Безпристрастное и сильное, оно должно дѣйствовать своею собственною силою, — не взывать ни къ какой посторонней помощи, — держать въ бездѣйствіи какъ партію, которой она помогаетъ, такъ и партію, которую оно караетъ, — наказывать одинаково тѣхъ, кто хочетъ предупредить мщеніе закона, какъ и тѣхъ, кто заслужилъ законную кару. Но для этого правительство должно стоять выше партій. Современное же правительство (т. е. директорія) пришло къ ложному убѣжденію, что ему необходимо имѣть за себя партію. Это одно изъ заблужденій, порожденныхъ революціею. Каждая партія старается эксплуатировать его въ свою пользу. Каждая изъ нихъ хочетъ стать центромъ общественнаго устройства. Правительство не должно увлекаться этимъ заблужденіемъ. Пусть всѣ частные и сословные интересы волнуются и разбиваются

у ногъ правительства; пусть его неподвижность заставитъ ихъ окружить его, поладить между собою и содѣйствовать, хотя бы противъ желанія, возстановленію спокойствія и организаціи новаго общественнаго порядка!

Что касается реакціи противъ идей, то по отношенію къ ней, правительство должно вести себя иначе, чѣмъ по отношенію къ первому роду реакцій. Здѣсь ему прежде всего нужно *сдерживаться*. Въ первомъ случаѣ, ему необходимо дѣйствовать, во второмъ — охранять; въ первомъ оно должно дѣлать все, что предписываетъ законъ; во второмъ оно не должно дѣлать ничего, что не предписано закономъ.

Реакціи противъ идей направлены или противъ учрежденій, или противъ мнѣній. Учрежденія нуждаются во времени, мнѣнія — въ свободѣ.

Между однимъ и другимъ *лицомъ* правительство должно поставить карающую власть; между личностями и установленіями — власть охранительную, между личностями и мнѣніями — никакой.

Когда вы установили учрежденіе, не раздражайтесь тѣмъ, что его порицаютъ. Не препятствуйте никому возражать противъ него, требуйте только повиновенія по формѣ и предъ закономъ. Игнорируйте оппозицію; сохраняйте учрежденіе; съ помощію закона, формъ и времени, оно восторжествуетъ.

Что касается мнѣній, то правительство не должно обращать на нихъ никакого вниманія.

Намъ очень бы желалось изслѣдовать, насколько директорія могла выполнить задачу, указанную Констаномъ; любопытно также было бы провѣрить вѣрность того положенія, что всякое учрежденіе можетъ восторжествовать, съ помощію закона, формъ и времени. Но мы оставляемъ эти вопросы до изслѣдованія позднѣйшихъ сочиненій Констана, гдѣ всѣ мысли его выражены съ большей полнотой и объективностію.

Не менѣе, если не больше, порицаетъ Констанъ и современное ему общество, особенно — писателей. Нигдѣ нельзя встрѣтить такой ѣдкой и, такъ сказать, негодующей критики журналовъ и журналистовъ, какъ у него.

Пораженный духомъ реакціи, которая охватила всю журналистику, онъ старается объяснить причины этого страннаго явленія. Прежде всего, на это обстоятельство имѣлъ вліяніе, по мнѣнію Констана, тотъ фактъ, что послѣ революціи журналисты утратили значеніе, какое они имѣли при старомъ порядкѣ и въ первое время революціи. Они не могли простить революціи того, что она лишила ихъ извѣстной доли славы, которую уже нельзя возвратить. Они почувствовали, что дерзость революціи превзошла всю ихъ смѣлость и отняла у нихъ возможность легкихъ тріумфовъ надъ отживающимъ порядкомъ. Съ разрушеніемъ монархіи, ихъ полемическія средства сдѣлались безполезными. Журналисты не могутъ, говоритъ Констанъ, помириться съ тѣмъ,

что, послѣ террора и революціи, публика потеряла вкусъ къ тонкимъ намекамъ, изящнымъ оттѣнкамъ и колкимъ эпиграммамъ, которые такъ нравились во времена старой монархіи, — во времена мира и бездѣйствія. Теперь журналисты бросились въ реакцію. Подобно тому, какъ духовенство требуетъ возвращенія алтарей, дворянство — феодальныхъ правъ, эти люди мечтаютъ о возстановленіи литературнаго значенія. Послѣ паденія террористовъ и конвента, они думали, что директорія возвратитъ имъ потерянное. Этого не случилось, ибо революція уничтожила не только академію, но даже академическій духъ. Обманутыя надежды раздражаютъ журналистовъ не противъ причинъ, уже не существующихъ, но противъ послѣдствій, которымъ помочь нельзя. Вотъ почему эти люди ненавидятъ существующій порядокъ вещей. При этомъ совершенно новомъ порядкѣ, они мечтаютъ пріобрѣсти прежнее вліяніе и съ помощію прежнихъ средствъ. А такъ какъ журналисты потеряли это вліяніе во время анархіи, то, обманувшись въ своихъ надеждахъ, они полагаютъ, что анархія продолжается. Поэтому, они поворачиваютъ къ старому порядку.

Журналистовъ, продолжаетъ Констанъ, нельзя назвать роялистами; но они любили въ старомъ порядкѣ правительственную слабость и свою силу. Колеблющаяся власть, нерѣшительные министры, робкая и перемѣнчивая администрація, которая ихъ чтила, боялась, угрожала имъ и преслѣдовала ихъ ровно настолько, насколько это нужно было для ихъ славы, — вотъ какихъ враговъ имъ было нужно! Отсюда естественный переходъ не только къ общему строю, но и къ подробностямъ стараго порядка; отсюда трогательныя воспоминанія о привиллегированныхъ сословіяхъ, о католицизмѣ и т. д. Тройное зданіе — королевской власти, дворянства и духовенства — возсоздается постепенно въ общественномъ мнѣніи.

Вторую причину шаткости журналистовъ своего времени Констанъ видитъ въ томъ, что они, воспитанные въ оппозиціи, привыкли относиться къ каждому правительству только критически. Причина этого, по мнѣнію Констана, заключается не только въ томъ, что оппозиція сама по себѣ занятіе пріятное, но и въ томъ, что, чрезъ такой образъ дѣйствія, они надѣялись достигнуть своей единственной цѣли — вліянія на общество. Для того, чтобы удержать за собою *руководящую роль*, имъ необходимо было ослаблять значеніе каждаго правительства. Сильная власть была имъ невыносима. Между тѣмъ, Констанъ *ясно сознавалъ необходимость для всѣхъ умственныхъ силъ страны соединиться вокругъ правительства*. Съ горестью указываетъ онъ *), что правительство одно поддерживаетъ еще республику. Но когда республиканская форма поддерживается только властью, власть эта по необходи-

*) ib. стр. 89.

мости должна прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, которыя менѣе всего пригодны для республиканскаго правительства.

Но для того, чтобы рѣшиться на такой дѣйствительно патріотическій актъ, журналистамъ *) нужно было кое-что, чего у нихъ не было, — нравственное чувство. Съ горькою критикою обращается Констанъ къ газетчикамъ, относительно этого обстоятельства. Рѣдко гдѣ можно встрѣтить такую строгую и правдивую оцѣнку многихъ прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ журналовъ.

«Я не хочу, говоритъ онъ **), порицать вообще существованіе газетъ. Но необходимость писать каждый день кажется мнѣ камнемъ преткновенія для таланта. Эта ежедневная спекуляція, дѣлающая изъ листка доходъ, разсчитывающая на подписку и устанавливающая денежное вознагражденіе литератору (который льститъ общественному мнѣнію) отъ читателя (которому льстятъ), не оставляетъ для перваго ни времени, ни независимости, нужныхъ для произведенія серьезныхъ трудовъ. Необходимость поражать сильными аргументами ведетъ къ преувеличеніямъ; необходимость забавлять—въ клеветѣ. Есть журналы очень почтенные; но многіе сдѣлали изъ клеветы промышленную спекуляцію... Сила этихъ послѣднихъ журналовъ возвысилась, какъ бы волшебствомъ, среди общаго разрушенія. Она придаетъ смѣлости самымъ низкимъ и внушаетъ страхъ самымъ мужественнымъ людямъ. Невинность не защищаетъ отъ нея; презрѣніе не можетъ ослабить эту силу. Разрушая всякое уваженіе и опошливая всякую славу, она исказила прошедшее; она опережаетъ будущее, чтобы также исказить его; и, благодаря усиліямъ и успѣхамъ этихъ журналовъ, въ двадцатипяти-милліонномъ народѣ послѣ семплѣтней революціи не остается ни одного незапятнаннаго имени, ни одного не оклеветаннаго дѣйствія, ни одного чистаго воспоминанія, ни одной успокоительной истины, ни одного утѣшительнаго принципа».

«Эти клевещущіе журналы хотятъ установить свою магистратуру надъ народомъ — побѣдителемъ вселенной. Эта магистратура противоположна *управленію лучшихъ* (т. е. аристократіи). Эта магистратура есть правительство самыхъ гнусныхъ и продажныхъ людей»...

Между тѣмъ, Констанъ все-таки не терялъ надежды. Онъ думалъ, что для него и для всѣхъ друзей свободы остались еще кое-какія убѣжища.

«Среди этой гибели общественнаго мнѣнія, среди этой кажущейся распущенности національнаго духа, говоритъ онъ ***), на что могутъ еще надѣяться друзья свободы и просвѣщенія? Въ чемъ состоятъ ихъ средства? Въ чемъ заключается планъ ихъ дѣятельности?»

---

*) Т. е. газетчикамъ. Мы обращаемъ вниманіе читателя на то, что Констанъ, подъ именемъ журналистовъ, разумѣетъ именно газетчиковъ.

**) ib. стр. 93 и слѣд.

***) ib. стр. 95.

«Ихъ дѣло не потеряно; они ему не измѣнятъ. Они не войдутъ въ соглашеніе ни съ какимъ видомъ реакціи. Они не примутъ ни деспотизма,—ни умѣренной королевской власти, которая скоро перестанетъ быть умѣренною,—ни произвольной республики, которая была бы мучительна не менѣе королевской власти,—ни униженія, возведеннаго въ догматъ,—ни свирѣпой грубости, возведенной въ принципъ!»

Итакъ первый камень конституціонной теоріи Констана былъ готовъ и положенъ. Этотъ камень — *реакція противъ крайнихъ увлеченій революціи и страхъ предъ настоящею реакціею*, т. е. предъ возвращеніемъ къ старому порядку. Послѣдующія событія прибавили новую и оригинальную черту къ этой теоріи. Абсолютизмъ Наполеона довершилъ политическое образованіе Констана.

IV.

Паденіе директоріи и установленіе консульства, казалось, не предвѣщали для Констана и всѣхъ членовъ либеральной оппозиціи — ничего дурнаго. Напротивъ, первые дни консульства обѣщали дать Франціи то законное и стоящее выше всѣхъ партій правительство, о которомъ мечталъ Констанъ. Первыми консулами были Наполеонъ, Сійесъ и Рожеръ-Дюко. Изъ нихъ Наполеонъ былъ пока извѣстенъ только какъ величайшій полководецъ республики, виновникъ выгодныхъ для Франціи трактатовъ и человѣкъ весьма энергическій. Его способности относительно внутренняго управленія были еще неизвѣстны. Да и захочетъ ли великій солдатъ заниматься скучными законодательными и административными вопросами? Правда, послѣ первыхъ же засѣданій консуловъ, Сійесъ не безъ нѣкотораго геронизма, сказалъ Талейрану и Редереру: «у насъ есть повелитель, который умѣетъ, можетъ и хочетъ — все дѣлать». Но и это обстоятельство не представляло особенной опасности. Диктатура предоставлялась консуламъ на время, всего на три мѣсяца. Въ теченіе этого времени они должны были «возстановить порядокъ во всѣхъ частяхъ управленія внутреннюю безопасность и доставить Франціи почетный и прочный миръ» *). Затѣмъ, въ теченіе этихъ трехъ мѣсяцевъ законодательныя коммиссіи должны были выработать конституцію, пригодную для тогдашняго положенія Франціи. Общія основанія этой конституціи долженъ былъ выработать Сійесъ.

Личный характеръ и политическія мнѣнія этого человѣка ручались за то, что конституція будетъ составлена въ либеральномъ смыслѣ. Знаменитый аббатъ былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ и сильныхъ дѣятелей революціи.

---

*) Тьеръ, Hist. du Cons. p. 21. Я цитирую иллюстрированное изданіе 1865 г.

Его брошюра «Что такое третье сословіе» значительно способствовала выясненію плановъ и политики буржуазіи на первыхъ же порахъ движенія 89 г. Проникнутый идеями Монтескье, онъ всегда стремился сдѣлать изъ политической организаціи средство для наилучшей гарантіи личной свободы гражданъ. Онъ сохранилъ это стремленіе и подъ владычествомъ конвента и при директоріи. Трудно было ожидать, чтобы онъ, въ такой важный для Франціи моментъ, склонился на сторону деспотизма.

Скорѣе можно было опасаться совершенно другаго. Именно Сійесъ могъ развить теорію равновѣсія властей до послѣднихъ предѣловъ, до тѣхъ предѣловъ, гдѣ малѣйшее нарушеніе равновѣсія частей государственнаго механизма повлечетъ за собою преобладаніе одной какой нибудь власти въ ущербъ другимъ. Такъ это и случилось.

Конституція, предложенная Сійесомъ, основана въ сущности на тѣхъ же началахъ, которыя лежатъ въ основаніи ученія Монтескье и затѣмъ всей либеральной школы. Но никто не довелъ этихъ началъ до такихъ крайнихъ выводовъ. Монтескье указалъ на нѣкоторыя начала англійской конституціи; но Сійесъ отвлекъ эти начала отъ англійскихъ учрежденій, изолировалъ ихъ отъ практической жизни англійскаго государства и старался придумать такія установленія, которыя бы представляли этотъ принципъ не только въ его отвлеченной чистотѣ, но и въ крайнемъ его выраженіи. Его конституція походитъ на англійскую, но настолько же, насколько республика Платона напоминаетъ классическое государство. Въ такомъ же отношеніи стоитъ онъ къ либеральной школѣ. Либеральная школа, послѣ первыхъ революціи и въ виду начавшейся реакціи, страшилась двухъ вещей: непосредственнаго господства толпы и возвращенія къ деспотизму. Подъ вліяніемъ этихъ двухъ страшилищъ Б. Констанъ, напр., долго и краснорѣчиво толковалъ объ *опредѣленіи* принциповъ. Сійесъ постарался сдѣлать совершенно безсильнымъ начало народовластія и правительственное начало.

Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ состоялъ проектъ Сійеса?

Революція провозгласила, что народъ есть источникъ власти: всѣ важнѣйшіе ея аттрибуты сосредоточиваются въ народныхъ представителяхъ. Народное избраніе переноситъ на представителя право государственнаго управленія. Либералы находили, что крайнее примѣненіе этого принципа ведетъ къ народному абсолютизму. Сійесъ предложилъ вовсе уничтожить всякое активное значеніе народнаго избранія. Избраніе не должно давать избраннымъ никакой власти. Правда, онъ пришелъ къ этому выводу подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ практическихъ соображеній. Если бы онъ жилъ нѣсколькими десятками лѣтъ позже, онъ можетъ быть принялъ бы нѣкоторыя мѣры, установленныя впослѣдствіи, съ цѣлію устранить невыгодныя стороны народовластія. Можетъ онъ предложилъ бы высокій цензъ, что уменьшило бы количество избирателей и передало бы власть просвѣщеннымъ

классамъ народонаселенія; можетъ быть, онъ предложилъ бы многостепенные выборы. Но Сійесъ жилъ въ эпоху, когда равенство было единственною политическою страстью; всякое подобіе аристократіи вызвало бы новую революцію. Съ другой стороны, и система прямыхъ выборовъ не имѣла уже того обаянія для умовъ. Всѣ помнили, какъ всевозможныя партіи эксплуатировали всеобщую подачу голосовъ въ свою пользу. Сійесъ нашелъ выходъ изъ этого затруднительнаго положенія—удовлетворилъ и чувству равенства, и началамъ порядка. Онъ раздѣлилъ избирательное право на два момента; первый моментъ есть облеченіе извѣстныхъ лицъ довѣріемъ общества, такъ сказать, объявленіе ихъ достойными занимать общественныя должности. Второй моментъ есть самое призваніе избранныхъ лицъ къ занятію должностей. Изъ этихъ двухъ моментовъ первый долженъ быть, по мнѣнію Сійеса, предоставленъ народу, второй — правительству.

Ежегодно всѣ совершеннолѣтніе граждане должны были собираться въ центръ округа (arrondissement) и избрать изъ своей среды десятаго. Такъ какъ количество гражданъ Франціи, пользующихся политическими правами, полагалось въ то время отъ 5—6 мил., то сумма избранныхъ должна была составить отъ пяти до шестисотъ т. человѣкъ. Эти избранныя лица съѣзжались въ главный городъ департамента и избирали также десятаго изъ своей среды, что должно было дать отъ 5—60 т. гражданъ. Наконецъ послѣдніе съѣзжались въ столицу и избирали отъ 5—6 т. гражданъ.

Эти три серіи избранныхъ записывались на особыхъ спискахъ, называвшихся listes de notabilité. Первый списокъ назывался общиннымъ (liste communale), второй — департаментскимъ, третій — національнымъ.

Избранныя такимъ образомъ лица имѣли значеніе только кандидатовъ на различныя общественныя должности. На эти должности они призывались правительствомъ, которое изъ перваго списка выбирало членовъ муниципальнаго управленія, совѣтниковъ окружной администраціи, меровъ, подпрефектовъ и т. д. Изъ втораго списка назначались члены департаментскаго совѣта, префекты, судьи аппелляціонныхъ судовъ и т. д. Послѣдній списокъ доставлялъ кандидатовъ въ государственный совѣтъ, въ законодательный корпусъ, на министерскія должности.

Такъ организованы выборы въ проектѣ, который долженъ былъ положить конецъ народовластію. Какой же смыслъ имѣло это раздѣленіе выборнаго права? Сіесъ самъ отвѣчаетъ на это слѣдующимъ образомъ—довѣріе должно идти снизу, власть сверху; le pouvoir vient d'en haut, la confiance d'en bas. Правительство должно избирать своихъ органовъ изъ среды лицъ, облеченныхъ довѣріемъ общества. Но общество не можетъ дать никакой власти своимъ представителямъ.

Итакъ, облекать какое либо лицо властью можетъ только правительство. Но какое правительство?

Сійесъ не думалъ, да и не могъ думать о правительствѣ, какъ объ единомъ организмѣ, а тѣмъ болѣе какъ объ одномъ лицѣ, въ которомъ бы были сосредоточены всѣ права власти. Время сосредоточенія власти въ одномъ мѣстѣ, или въ одномъ лицѣ, прошло для Франціи, казалось, безвозвратно. Самъ Сійесъ былъ горячимъ защитникомъ раздѣленія властей; онъ шелъ въ этомъ отношеніи гораздо дальше Монтескье. Тотъ, кто желалъ бы поострить на счетъ его проекта, съ большой справедливостью могъ сказать: «Монтескье, излагая теорію раздѣленію властей, говоритъ: il faut que par la disposition des choses le pouvoir arrête le pouvoir; Сійесъ, повидимому, хотѣлъ сказать:—il faut que par la disposition des choses le pouvoir annule le pouvoir». Ни къ какому другому выводу и нельзя придти послѣ изслѣдованія его теоріи организаціи государственныхъ властей.

Въ проектѣ конституціи мы видимъ два рода установленій, которымъ исключительно принадлежитъ право избранія или, лучше сказать, назначенія на должности. Первое изъ нихъ — Сенатъ.

Собраніе это, долженствовавшее состоять изъ 100 членовъ, не имѣло никакого дѣятельнаго участія ни въ законодательствѣ, ни въ управленіи. Напротивъ, всякое лицо, вступавшее въ сенатъ, тотчасъ лишалось права занимать какую бы то ни было государственную должность. Единственное назначеніе сената должно заключаться въ *охраненіи конституціи*. Посему онъ имѣлъ право уничтожать каждый законъ и каждую мѣру правительства, если они были противны конституціи. Этою охранительною ролью ограничивалась вся его дѣятельность.

За то ему принадлежитъ широкое право выбора на разныя должности. Онъ замѣщалъ всѣ вакантныя мѣста въ своей собственной средѣ, т. е. имѣлъ право коонтаціи; онъ избиралъ и лицъ de la notabilité nationale *) въ члены кассаціоннаго суда и законодательныхъ собраній.

Законодательная власть сосредоточивалась не въ рукахъ представителей націи, а лицъ, назначенныхъ сенатомъ. Этого мало. Для полной реформы законодательной власти Сійесъ счелъ нужнымъ раздѣлить самыя функціи законодательства и поручить ихъ различнымъ установленіямъ. Соединеніе ихъ въ однѣхъ рукахъ казалось ему опаснымъ. Это раздѣленіе функцій состояло въ слѣдующемъ. Инпціатива закона не принадлежитъ законодательнымъ собраніямъ. Она остается въ рукахъ исполнительной власти, которая дѣйствуетъ чрезъ государственный совѣтъ. Въ рукахъ законодательныхъ собраній остается только обсужденіе проекта закона и право—принять и не принять его. Но соединеніе даже этихъ двухъ правъ въ одномъ установленіи страшило Сійеса. Онъ предложилъ раздѣлить ихъ между двумя учрежденіями.

*) Изъ нихъ же избирались и сенаторы.

Одно изъ нихъ — трибунатъ — предназначалось спеціально для обсужденія проекта закона. Проектъ закона, составленный въ государственномъ совѣтѣ, представляется въ трибунатъ (состоящій изъ 100 членовъ), который обсуждаетъ его во всѣхъ частяхъ и затѣмъ постановляетъ (посредствомъ подачи голосовъ), должно ли его защищать или опровергать предъ законодательнымъ корпусомъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ назначаетъ трехъ членовъ, которые, вмѣстѣ съ тремя членами государственнаго совѣта, вносятъ проектъ въ законодательный корпусъ. Послѣдній (состоящій изъ 300 членовъ) въ молчаніи выслушиваетъ пренія между трибунами и членами государственнаго совѣта и потомъ вотируетъ за или противъ закона.

Такъ должны быть организованы *общественные* элементы, по плану Сійеса. Не менѣе любопытна организація чисто-правительственныхъ установленій. Во главѣ ихъ стоитъ лицо весьма страннаго свойства. Сійесъ называетъ его *Великимъ Избирателемъ* (Grand Électeur). Единственное его назначеніе заключалось въ избраніи двухъ консуловъ — военнаго и гражданскаго. Послѣдніе въ свою очередь избирали министровъ; министры избирали всѣхъ органовъ исполнительной власти.

Великій Избиратель долженъ былъ, такъ сказать, представлять націю особенно во внѣшнихъ сношеніяхъ. Онъ считался главою управленія. Его именемъ раздавалось правосудіе, издавались законы и административныя распоряженія. Онъ принималъ пословъ, подписывалъ трактаты съ иностранными державами. Но во внутреннее управленіе онъ не вмѣшивался. Ему надлежало только *блистать*. На блескъ же отпускалось ему 6 милліоновъ. И это безобидное главенство нѣсколько смущало Сійеса. Онъ постарался его ограничить. Во первыхъ, онъ не допускалъ наслѣдственности этой должности. Великій Избиратель избирался сенатомъ. Во вторыхъ сенату предоставлялось право во всякое время отозвать его отъ должности. Это дѣлалось довольно простымъ способомъ. Сенату должно было принадлежать право включать въ свою среду, т. е. обрекать на бездѣйствіе и безсиліе *), каждаго гражданина, котораго способности и значеніе могли угрожать республикѣ. Этотъ своего рода остракизмъ могъ быть примѣненъ и къ Избирателю. Если бы ему вздумалось заявить свои способности къ управленію дѣйствительнымъ участіемъ въ администраціи, сенатъ могъ тотчасъ сдѣлать его сенаторомъ, принять его въ свою бездѣйствующую среду или, какъ выражался Сійесъ, поглотить его (l'absorber).

Если бы планъ Сійеса удался, то какая скука грозила народу, трибунамъ, сенату, Избирателю! Одни только смотрятъ и ничего не дѣлаютъ; другіе только говорятъ; третьи только слушаютъ. Какая страна, гдѣ живо еще

*) Такъ какъ сенаторы не могли занимать никакой общественной должности.

гражданское чувство, согласится пріѣзжать на выборы, зная — что эти выборы не будутъ имѣть никакихъ прямыхъ результатовъ; какой гражданинъ захочетъ расточать цвѣты краснорѣчія предъ *обязательно*-безмолвнымъ собраніемъ? Кто согласится сидѣть истуканомъ въ то время, когда предъ нимъ спорятъ о важнѣйшихъ государственныхъ вопросахъ? Замѣчательно при этомъ, что Сійесъ положилъ въ основаніе своего проекта всѣ начала конституціонной монархіи и даже самой либеральной, но путемъ различныхъ *гарантій* свелъ ихъ къ нулю. Тьеръ сдѣлалъ слѣдующую рѣзкую и мѣткую критику на этотъ пресловутый проектъ *).

«Въ проектѣ Сійеса, говоритъ онъ, — можно замѣтить сглаженный и, быть можетъ, преднамѣренно затемненный образъ представительной монархіи. Этотъ законодательный корпусъ, этотъ Сенатъ, этотъ Великій Избиратель—это были верхняя и нижняя палата съ королемъ, основанные на всеобщей подачи голосовъ, но съ такими предосторожностями, что демократія, аристократія и король были въ одно и то же время приняты и уничтожены».

Таковъ этотъ проектъ, истинный продуктъ реакціи противъ народовластія, страха предъ реакціей, абсолютизмомъ, боязни всякаго живаго начала!

Во всякомъ случаѣ успѣхъ проекта зависѣлъ отъ того—въ какой мѣрѣ различные элементы государственнаго управленія согласятся на пассивную роль, указанную имъ всѣмъ въ проектѣ.

Сопротивленіе отъ общества ожидать было трудно—всѣ искали успокоенія и твердой власти. Свобода сдѣлалась уже синонимомъ анархіи. Трудно было только разсчитывать на согласіе тѣхъ лицъ, которыя должны были войдти въ составъ исполнительной власти. Невозможно было думать, чтобы Наполеонъ согласился на жалкую роль Великаго Избирателя. Между тѣмъ онъ очевидно понималъ, что это первое мѣсто въ будущей республикѣ будетъ предоставлено именно ему.

Съ жаромъ напалъ онъ на эту часть проекта. Сійесъ былъ осыпанъ горькими насмѣшками. Онъ уступилъ. Великій избиратель превратился въ перваго консула, избираемаго на 10 лѣтъ съ самою широкою властью.

За то другая часть проекта пришлась генералу по вкусу. Ему нравились и законодательный корпусъ, и сенатъ, и трибунатъ; нравились тѣмъ болѣе, что власть сената и его значеніе были ограничены еще болѣе, чѣмъ это предполагалось въ проектѣ Сійеса.

Ничтожество однихъ учрежденій было удержано; права другихъ расширены, сдѣланы почти неограниченными. Конституція VIII года была готова. Обнародуя ее, правительство предпослало ей небольшое введеніе, гдѣ между прочимъ говорилось:

---

*) Тамъ же стр. 37.

«Конституція эта основана на истинныхъ началахъ представительнаго правленія, на священныхъ правахъ собственности, равенства и свободы.

«Власти, ею установленныя, будутъ сильны и прочны, каковы онѣ и должны быть для обезпеченія правъ гражданъ и интересовъ государства.

«Граждане, революція утверждена на началахъ, которыя ее начали — она кончена!»

Наполеонъ сдѣлался первымъ консуломъ, а послѣ того — императоромъ. Что касается Сійеса, то онъ, говоря его словами, былъ *поглощенъ:* его назначили президентомъ сената.

Мы не станемъ описывать здѣсь результатовъ этой конституціи. Они слишкомъ извѣстны каждому. Неограниченное владычество Наполеона, можетъ быть, было историческою необходимостію; не подлежитъ сомнѣнію, что оно было однимъ изъ самыхъ блестящихъ царствованій не только во Франціи, но и во всемірной исторіи. Но для развитія, внутренней свободы во Франціи оно не сдѣлало ничего.

Никто конечно не можетъ осуждать великаго императора за то, что онъ не довѣрялъ ораторамъ и идеологамъ, — съ презрѣніемъ смотрѣлъ на трибуну, съ которой однако возвѣщено было паденіе стараго порядка. Но трибуна имѣла уже свою исторію, а потому претендовала на уваженіе и нѣкоторыя права. Оппозиція новому правительству была неизбѣжна.

Оппозиція есть одно изъ неизбѣжныхъ, но въ тоже время одно изъ самыхъ странныхъ и непонятныхъ явленій государственной жизни. Къ нему нельзя относиться ни съ ненавистью, ни съ равнодушіемъ, а тѣмъ менѣе съ презрѣніемъ. Оппозиція можетъ превратиться въ систематическое противодѣйствіе всему, что предпринимаетъ правительство; но и въ этомъ случаѣ ее нельзя разсматривать—какъ продуктъ «праздныхъ и безпокойныхъ умовъ».

Есть два рода оппозиціи. Одна не имѣетъ въ виду колебать ни принципа власти, ни противодѣйствовать всякому правительству. Она столь же строго держится началъ законности, какъ и само правительство. Иногда она правительственнѣе самого правительства. Ея критика имѣетъ предѣлы — законы страны, и одно общее руководящее начало чувство законности. Оно является только необходимымъ и всегда полезнымъ противовѣсомъ правительственной силѣ, гарантіею противъ односторонности и преслѣдованія исключительныхъ цѣлей въ политикѣ. Но для того, чтобы оппозиція имѣла такой характеръ, необходимо, чтобы она была признана законнымъ явленіемъ общественной жизни. Необходимо, чтобы она была организована, чтобы правительство смотрѣло на нее какъ на лучшее средство получить свѣдѣнія относительно тѣхъ сторонъ своихъ мѣръ, которыхъ оно само видѣть не можетъ, благодаря своему исключительному положенію. Но если на оппозицію смотрятъ не какъ на правильное, а какъ на ненормальное явленіе; если въ ея членахъ видятъ не людей, преслѣдующихъ тѣ же интересы, что и правп-

тельство (т. е. общее благо); а свои эгоистическія цѣли въ ущербъ всякому порядку; если вся оппозиція разсматривается какъ нѣсколько «неспокойныхъ и недовольныхъ умовъ», — она получаетъ совершенно другой характеръ. Характеръ дѣятельности самаго честнаго и твердаго человѣка нерѣдко зависитъ отъ того, какъ на него смотрятъ. Мнѣ кажется, что если бы извѣстное общество рѣшилось смотрѣть на честнаго человѣка какъ на вора, этотъ честный человѣкъ вѣроятно кончилъ бы какимъ нибудь скернымъ поступкомъ. Представимъ же себѣ цѣлый классъ лицъ, пораженныхъ систематическимъ недовѣріемъ къ нимъ общества; предположимъ, что каждое ихъ дѣйствіе будетъ разсматриваться какъ продуктъ самыхъ грязныхъ побужденій; что каждое невинное ихъ слово будетъ перетолковываться въ самомъ невыгодномъ смыслѣ; что нѣкоторымъ изъ нихъ будетъ предписано обязательное молчаніе, а другіе будутъ постоянно подвергаться самымъ несправедливымъ преслѣдованіямъ: можно ли будетъ удивляться, если эти лица превратятся во всеохуждающую, всепорицающую оппозицію?

Нѣчто подобное случилось съ трибунатомъ. Что законодательный корпусъ, обреченный на нѣмоту, не могъ возбудить никакихъ подозрѣній правительства — понятно само собою. Трибуны же имѣли право обсуждать предложенія правительства; а право обсужденія въ глазахъ перваго консула было равносильно оппозиціи. Они разсуждаютъ—слѣдовательно, они оппозиція, если же они оппозиція, то ихъ должно обуздывать — такова была его исходная точка. Печальныя послѣдствія такого взгляда не замедлили обнаружиться.

Первоначальный составъ трибуната не доказываетъ намѣренія правительства устранить непріятныхъ ему людей. Напротивъ здѣсь, какъ и во всемъ, правительство обнаруживало стремленіе соединить вокругъ себя людей всѣхъ партій. Таковы были: Шенье, Андріё, Шовеленъ, Дюверье, Констанъ, Дону, Ріуфъ, Ж. В. Сей, Станиславъ Жирарденъ и т. д. Въ составъ сената вошли, напр., такіе люди какъ Вольней, де-Граси, Кабанисъ. Но разъ допустивши такихъ лицъ къ государственнымъ должностямъ, правительству нечего было уже удивляться, что они войдутъ въ оппозицію, что авторъ «Развалинъ» (Les Ruines) не будетъ апплодировать конкорату, что Кабанисъ будетъ противиться успѣху монархическихъ идей. Но консулы, казалось, разсуждали иначе. Они серьезно полагали, что участіе въ трибунатѣ и законодательномъ корпусѣ есть нѣкотораго рода *служба*,—что если они *приняли* на службу тѣхъ или другихъ лицъ, то послѣдніе должны служить вѣрой и правдой именно имъ, а не конституціи. Разумѣется, эти лица, воспитанныя въ школѣ народнаго представительства, не могли помириться съ такимъ положеніемъ. Разумѣется, что при такихъ условіяхъ ни правительство не могло довѣрять *представителямъ*, ни представители — правительству. При взаимномъ же недовѣріи каждое дѣйствіе той или другой сто-

роны возбуждало самыя мрачныя подозрѣнія. Правительству вездѣ мерещилось посягательство на его власть,—представителямъ на ихъ право. Слѣдующіе факты, краснорѣчиво изложенные Тьеромъ *), лучше всего доказываютъ это.

Для засѣданій трибуната былъ отведенъ Пале-Рояль. Мѣсто это имѣло двѣ репутаціи — одну весьма скверную, другую блестящую. Во первыхъ Пале-Рояль издавна былъ извѣстенъ какъ притонъ гулякъ и веселыхъ женщинъ, или, какъ выражался одинъ изъ трибуновъ—«théatre ordinaire de désordres et d'excès de tout genre». Но благодаря тому, что толпа избирала это мѣсто центромъ своихъ увеселеній, оно получило большое значеніе во время революціи. Ораторы и демагоги являлись сюда для возбужденія народныхъ страстей. Камиллъ-Демуленъ здѣсь началъ свою политическую карьеру. Послѣ революціи за Пале-Роялемъ осталась только первая его репутація, по крайней мѣрѣ она затмила кратковременный его блескъ во время революціи. Вслѣдствіе этого трибунатъ былъ обиженъ тѣмъ, что для его засѣданій было назначено именно такое мѣсто. Трибуны видѣли въ этомъ тайное желаніе унизить ихъ; правительство, посылая ихъ въ Пале-Рояль, какъ бы хотѣло пріобщить ихъ къ той репутаціи, которою пользовалось мѣсто, гдѣ они засѣдали. Такое расположеніе умовъ вызвало, въ одно изъ первыхъ засѣданій, горячую рѣчь трибуна Дюверье. Ораторъ объявилъ, что онъ вовсе не обиженъ тѣмъ, что трибунатъ долженъ засѣдать въ Пале-Роялѣ; что онъ напротивъ радъ, что трибуны народа и защитники свободы — въ томъ мѣстѣ, гдѣ впервые провозглашена свобода. Онъ благодаритъ за возможность видѣть съ трибуны то мѣсто, гдѣ говорилъ нѣкогда Камиллъ Демуленъ, гдѣ впервые водружена была трехцвѣтная кокарда. «Я благодарю лицъ, помѣстившихъ насъ здѣсь (такъ заключилъ онъ свою рѣчь), за то, что они дали намъ увидѣть мѣста, которыя, въ случаѣ если бы кто захотѣлъ *возвысить двухнедѣльнаго идола*, напомнили бы намъ о паденіи пятнадцативѣковаго идола».

Можно представить себѣ гнѣвъ Наполеона, который узналъ себя въ «двухнедѣльномъ идолѣ»! Напрасно въ слѣдующее засѣданіе трибунатъ, по иниціативѣ Станислава Жирардена старался поправить дѣло. Недовѣріе Перваго консула къ трибунату перешло въ ненависть къ «болтунамъ».

Вскорѣ послѣ того, правительство само подало поводъ къ серьезной оппозиціи. Разсматривая дѣятельность трибуновъ какъ приблизительно безполезную (такова она въ дѣйствительности и была, но вовсе не по тѣмъ соображеніямъ, какія имѣло правительство), оно предложило весьма странный проектъ закона относительно занятій трибуновъ. Проектъ этотъ состоялъ въ томъ, что правительство требовало для себя право назначить *срокъ*, въ

*) ib. стр. 53 и слѣд.

теченіе котораго трибунатъ долженъ былъ обсуждать всѣ предлагаемые ему проекты законовъ; къ назначенному дню онъ долженъ былъ уже выбрать трехъ коммисаровъ для окончательнаго обсужденія проекта передъ законодательнымъ корпусомъ. Тайный мотивъ этого проекта заключался въ томъ, что по мнѣнію перваго консула всякія пренія только задерживали полезныя мѣры правительства. Уничтожить вовсе пренія нельзя было безъ нарушенія конституціи; поэтому ихъ слѣдовало довести до minimum'а, опредѣленіе котораго зависѣло бы отъ правительства. Понятно, что такое предложеніе оскорбило и удивило либеральныхъ членовъ трибуната. Между ними особенно былъ раздраженъ Б. Констанъ.

Констанъ попалъ въ трибунатъ не потому, что онъ былъ Констанъ, *а хотя* онъ былъ имъ. Онъ сильно желалъ попасть въ учрежденіе, гдѣ такъ или иначе можно было говорить. Онъ увѣрялъ всѣхъ и каждаго въ своей преданности къ Бонапартамъ вообще и къ Наполеону въ особенности, просилъ вліятельныхъ лицъ, и наконецъ сдѣлался трибуномъ.

Можетъ быть, Констанъ и былъ въ ту минуту искренно расположенъ къ Бонапарту. Геній и военное величіе этого человѣка увлекло не одного Констана. Знаменитая женщина и будущій врагъ Наполеона, г-жа де-Сталь, точно также благоговѣла нѣкогда предъ героемъ. Констанъ, находившійся подъ безусловнымъ вліяніемъ Сталь, легко раздѣлялъ ея удивленіе къ великому человѣку. Къ сожалѣнію, «великій человѣкъ» иначе думалъ о своихъ обожателяхъ. Онъ, напримѣръ, находилъ, что г-жа Сталь имѣетъ претензіи, не свойственныя ея полу. Ему пришлось нѣсколько разъ оскорбить баронессу *). Тогда она сдѣлалась его злѣйшимъ врагомъ. Вмѣстѣ съ нею стали врагами Наполеона и ея друзья. Пылкій Констанъ, и безъ того склонный ко всякой оппозиціи, съ жаромъ сталъ на сторону враговъ перваго консула. Новый и странный проектъ закона былъ для него прекраснымъ поводомъ заявить свои ораторскія способности.

Въ рѣчи своей онъ доказалъ вредъ всякихъ спѣшныхъ законовъ; приводилъ въ примѣръ тѣ экстренные законы, которые издавались конвентомъ; спрашивалъ не безъ ироніи, зачѣмъ правительство, не желающее быть революціоннымъ, хочетъ сократить срокъ обсужденія его проектовъ? Почему трибунатъ считается такимъ враждебнымъ установленіемъ, что правительство

*) Въ первый разъ г-жа Сталь видѣлась съ Наполеономъ въ 1797 г. послѣ Кампо. Форміо. Уже тогда они не взлюбили другъ друга, по крайней мѣрѣ по ея собственнымъ словамъ. Она говоритъ, что ей трудно было дышать въ его присутствіи; она замѣчала въ немъ эту „глубокую иронію, которая подобно острой и холодной шпагѣ въ одно и тоже время язвила и леденила". Затѣмъ первый консулъ подозрѣвалъ Сталь въ томъ, что она доставляла своему отцу нѣкоторыя свѣдѣнія, не совсѣмъ пріятныя правительству. Наконецъ ея салонъ въ Парижѣ былъ центромъ всѣхъ либеральныхъ умовъ и блестящихъ ораторовъ. Все это вмѣстѣ, съ присоединеніемъ взглядовъ, высказывавшихся г-жею Сталь въ литературѣ, раздражало консула.

какъ будто боится дать ему возможность обсудить законы со всѣхъ сторонъ. Причина этой политики, говорилъ онъ,—коренится въ ложномъ представленіи, которое уже составилось о трибунатѣ, какъ оппозиціонномъ установленіи, имѣющемъ цѣлью постоянно противорѣчить правительству. Между тѣмъ этого нѣтъ, этого не можетъ быть, это уронило бы насъ въ общественномъ мнѣніи. Благодаря этой ложной идеѣ, всѣ статьи проекта запечатлѣны неумѣреннымъ и безпокойнымъ нетерпѣніемъ; проекты правительства предлагаются трибунамъ, такъ сказать, на лету,—въ надеждѣ, что они ихъ не въ состояніи будутъ понять «on veut leur faire traverser notre examen comme une armée ennemie, pour les transformer en lois sans que nous pu les atteindre».

Эта рѣчь Констана произвела сильное впечатлѣніе, но не привела ни къ какимъ результатамъ. Проектъ правительства былъ принятъ большинствомъ 54 противъ 26, т. е. трибунатъ постановилъ, что онъ будетъ защищать его предъ законодательнымъ корпусомъ.

Гнѣвъ перваго консула обрушился на оппозицію. Онъ велѣлъ напечатать въ «Монитерѣ» ѣдкую выходку противъ непокорныхъ трибуновъ. Но этимъ дѣло не кончилось. Въ 1802 г. Б. Констанъ былъ удаленъ изъ трибуната. До этого удаленія онъ постоянно противился всѣмъ деспотическимъ мѣрамъ Наполеона. Такъ между прочимъ замѣчательна его рѣчь противъ чрезвычайныхъ и спеціальныхъ судовъ, предложенныхъ правительствомъ съ цѣлію удобнѣйшаго преслѣдованія непріятныхъ ему людей. Онъ принужденъ былъ довольствоваться журнальной и, такъ сказать, разговорной оппозиціей. Въ газетахъ можно было еще говорить понемногу, хотя консульскій декретъ, изданный въ мартѣ 1800 г., сдѣлалъ свободу печати весьма сомнительною *). Можно было говорить и въ салонахъ, у г-жи Сталь, которая продолжала собирать у себя всѣхъ либеральныхъ людей вообще и недовольныхъ первымъ консуломъ въ особенности. Но послѣдній уже косо посматривалъ на эти собранія. Вскорѣ послѣ удаленія Констана изъ трибуната, г-жа Сталь уѣхала въ Женеву къ своему отцу, г. Неккеру. Первый консулъ выразилъ *желаніе*, чтобы она осталась тамъ. Можетъ быть, она и не исполнила бы этого желанія, но скоро желаніе перваго консула превратилось въ формальный приказъ — не оставлять Швейцаріи. Запрещеніе это явилось по поводу книги

*) Этотъ декретъ консуловъ (27 нивоза VIII г.) заключаетъ въ себѣ слѣдующее: „принимая во вниманіе, что журналы, издаваемые въ Сенскомъ департаментѣ, были орудіемъ въ рукахъ враговъ республики", большая часть изъ нихъ была уничтожена. Оставлено только 13. Основаніе новыхъ журналовъ было запрещено. Издатели и редакторы уцѣлѣвшихъ журналовъ должны были явиться къ министру полиціи, доказать свое право французскаго гражданства, указать мѣстопребываніе и обѣщать вѣрность конституціи. За симъ имъ объявлялось, что если они будутъ писать что либо противъ конституціи, *славы арміи* или печатать что либо оскорбительное для иностранныхъ державъ, ихъ журналы тотчасъ будутъ закрыты. См. Manuel de la liberté de Presse par E. Hatin, p. 59.

г. Неккера «Dernières vues de politique et de finances», которая сильно раздражила перваго консула. Онъ объявилъ, что не пуститъ болѣе г-жу Сталь въ Парижъ. Консулъ Лебренъ написалъ въ этомъ смыслѣ къ знаменитой писательницѣ и къ ея отцу. Г-жа Сталь рѣшилась переждать. Осенью 1803 г. она, въ надеждѣ, что правительство ее забыло, отправилась въ Парижъ. Не успѣла она однако доѣхать, какъ ее узнали, арестовали и, не смотря на всѣ просьбы оставить ее хотя въ 10 лье отъ Парижа, выслали. Она поѣхала въ Германію. Б. Констанъ сопровождалъ ее до границы и, какъ свидѣтельствуетъ г-жа Сталь, его удивительный разговоръ, son étonnante conversation, значительно облегчилъ ея горе, хотя на время. Скоро пришлось бѣдному публицисту сопровождать своего знаменитаго друга не до границы, а за границу Франціи. Онъ былъ изгнанъ.

За границей онъ долго жилъ, можно сказать, въ неизвѣстности. Вниманіе Франціи было приковано къ блестящимъ подвигамъ ея великаго повелителя. Блескъ имени Наполеона затемнилъ совершенно значеніе его противниковъ различныхъ партій. Ихъ голоса не были слышны при громѣ побѣдъ вождя de la grande nation. Что значили интересы либеральной партіи предъ міровыми вопросами, разрѣшавшимися на поляхъ Фридланда и Аустерлица? Сужденіе и писаніе самого Констана потому еще должны были имѣть мало значенія для французской публики, что онъ писалъ о событіяхъ, происходящихъ во Франціи, какъ человѣкъ *чужой*. Онъ не могъ раздѣлять съ націею ея восторга отъ побѣдъ завоевателя, не переживалъ съ нею сладкихъ чувствъ упоенія и національной гордости, въ виду внѣшняго величія Франціи. Іена, Фридландъ, Аустерлицъ, Вѣна, Берлинъ — были для него не тѣмъ, чѣмъ они были для французовъ. Для послѣднихъ они были торжествомъ революціонной идеи и обновленной Франціи—надъ средневѣковой Европой. Констанъ же, который сжился съ этой Европой, разсматривалъ побѣды и трактаты Наполеона какъ акты международнаго насилія, какъ нарушенія идеи права и свободы. Самое направленіе его измѣнилось. Характеръ каждаго публициста сильно зависитъ отъ публики, для которой онъ пишетъ. Публикой Констана была уже не Франція, а коалиціонная Европа. Пока Констанъ жилъ во Франціи, онъ писалъ какъ гражданинъ революціонной страны. Въ Европѣ онъ заговорилъ голосомъ «угнетенныхъ» народовъ и даже роялистовъ. Въ одномъ только Констанъ остался вѣренъ себѣ: и тамъ, и здѣсь онъ требовалъ свободы. Но это понятіе, способное ко всевозможнымъ метаморфозамъ, переродилось и въ сочиненіяхъ Констана подъ вліяніемъ новой обстановки. Мы видѣли, какъ въ 1797 г. онъ требовалъ только сильнаго республиканскаго правительства; онъ приходилъ въ ужасъ отъ одной мысли о королевской власти и наслѣдственной аристократіи — все это во имя свободы. Мы увидимъ, какъ во имя той же свободы онъ *всего* надѣялся отъ королевской власти и палаты перовъ.

V.

Въ 1814 году Наполеонъ проигралъ свое дѣло. Вмѣстѣ съ нимъ проиграла его и Франція. За то громко раздались голоса, которыхъ долго не было слышно. Великій человѣкъ палъ, второстепенныя личности сдѣлались замѣтны. Въ числѣ ихъ былъ и Констанъ. 31 декабря 1813 г. онъ подписалъ предисловіе къ первому изданію своей книги «О завоевательномъ духѣ и узурпаціи», изданной въ Ганноверѣ въ январѣ 1814 г. Самый заглавный листъ этой брошюры представляетъ нѣкоторыя особенности. Во-первыхъ, Констанъ выставляетъ на немъ полное свое имя, чего онъ обыкновенно не дѣлалъ, а въ 1796 г. и не подумалъ бы сдѣлать: онъ пишетъ Benjamin de Constant-Rebecque. Во-вторыхъ, онъ нѣсколько намекаетъ на свое отношеніе къ французскому правительству; къ имени своему онъ прибавилъ: членъ трибуната, устраненный (éliminé) въ 1802 г. Сама по себѣ эта поправка была безполезна: трибунатъ уже не существовалъ. Наполеонъ еще въ 1807 г. соединилъ его съ законодательнымъ корпусомъ. Но она была ему необходима въ видахъ обозначенія себя какъ человѣка, обиженнаго правительствомъ.

Предисловіе къ первому изданію не менѣе любопытно. «Этотъ трудъ, говоритъ авторъ,—составляетъ часть политическаго трактата, оконченнаго давно. Положеніе Франціи и Европы, казалось, совершенно препятствовали его появленію. Континентъ былъ общирной тюрьмой, лишенной всякаго сообщенія съ этой *благородной* Англіей, великодушнымъ убѣжищемъ мысли, знаменитымъ убѣжищемъ достоинства рода человѣческаго. Вдругъ, съ двухъ противоположныхъ концовъ земли, два великіе народа подали другъ другу руку, и пламя Москвы были зарей свободы цѣлаго міра. Можно надѣяться, что Франція не будетъ исключена отъ всеобщаго освобожденія: Франція, которую уважаютъ націи, воюющія съ нею; Франція, которой воля достаточна, чтобы дать и получить миръ»... Наконецъ, Наполеонъ превратился у Констана въ Buonaparte (см. предисловіе къ 3 изд.).

Брошюра выдержала четыре изданія. Одно было сдѣлано въ Ганноверѣ, другое въ Англіи и два въ Парижѣ. Она произвела большое впечатлѣніе. Для самаго Констана она служила точкою отправленія для всѣхъ его послѣдующихъ трудовъ. Вотъ почему намъ должно изслѣдовать его идеи со всевозможнымъ вниманіемъ.

У Констана не одинъ, а два предмета изслѣдованія. Во первыхъ, онъ подвергаетъ критикѣ завоевательную систему Наполеона съ точки зрѣнія международнаго права. Во-вторыхъ, онъ разсматриваетъ ту форму правленія, которую Наполеонъ установилъ во Франціи. Внѣшнюю политику Наполеона Констанъ характеризуетъ общимъ именемъ завоевательной; его

правительство онъ называетъ узурпаціей. Ниже мы увидимъ, почему онъ избралъ послѣдній терминъ, а теперь начнемъ съ того, съ чего начинаетъ самъ авторъ, т. е. съ внѣшней политики наполеоновской Франціи.

Эта критика весьма замѣчательна; замѣчательна — не потому, что она резюмируетъ всѣ доводы, какіе обыкновенно дѣлаются противъ войны писателями либеральной школы. Читатели, вѣроятно, помнятъ изображеніе войны, сдѣланное недавно Лабуле въ его Prince-Caniche. То, что Лабуле дѣлаетъ въ формѣ юмористическаго разсказа, Констанъ излагаетъ въ возвышенной и даже нѣсколько отвлеченной формѣ. Внѣшняя политика Наполеона, говоритъ онъ, была политикою завоеванія; главнымъ средствомъ и цѣлью ея была война. Но ни война, ни завоеваніе не пригодны въ настоящее время—ибо духъ народовъ противится имъ. «Я не принадлежу къ числу тѣхъ, говоритъ онъ, которые безусловно порицаютъ войну. Война не всегда была зломъ. Въ нѣкоторыя эпохи рода человѣческаго, она въ природѣ людей. Она способствуетъ тогда развитію лучшихъ и величайшихъ ихъ способностей; она воспитываетъ въ людяхъ величіе души, ловкость, хладнокровіе, мужество и презрѣніе къ смерти, не имѣя которыхъ они могли бы совершать всѣ низости и даже преступленія. Война пріучаетъ человѣка къ геройскимъ привязанностямъ и высокой дружбѣ; она связываетъ его болѣе тѣсными узами съ отечествомъ (съ одной стороны) и съ товарищами (съ другой) и т. д. Такъ было нѣкогда. Въ настоящее время война не имѣетъ такого значенія. Новые народы въ ней не нуждаются. Прежде каждый народъ составлялъ племя, по необходимости враждебное другому, въ настоящее время человѣчество, не смотря на различную политическую организацію и разнообразныя названія отдѣльныхъ группъ, его составляющихъ, представляетъ однородную массу. Ему нечего бояться новыхъ варваровъ. Вся эта масса одинаково стремится къ *миру*. Военныя стремленія существуютъ только какъ преданіе или ошибочная политика правительствъ, но не какъ народное убѣжденіе. Мы вступили въ эпоху промышленности, торговли, и эта эпоха должна замѣнить военную эпоху. Война и торговля суть только два различныя средства для достиженія *одной цѣли* — получить то, что хочешь. Торговля лучшее и вѣрнѣйшее средство для этой цѣли. Она болѣе согласна съ идеею права. Война—первобытное и грубое средство; она предшествуетъ торговлѣ; она продуктъ дикаго стремленія, тогда какъ торговля есть просвѣщенный разсчетъ. Новые народы не воинственны по самому своему характеру.

Поэтому правительство, которое захотѣло бы двинуть свой народъ къ войнѣ и завоеваніямъ, впало бы въ анахронизмъ. Въ настоящее время, продолжаетъ Констанъ, нѣтъ тѣхъ мотивовъ, которые нѣкогда побуждали людей пренебрегать столькими опасностями, переносить всѣ трудности войны. Военные народы прошедшаго времени были воодушевлены мотивами болѣе

благородными, чѣмъ матеріальныя выгоды войны. Иногда этимъ мотивомъ была религія, иногда свобода, слава, стремленіе къ какому нибудь возвышенному идеалу. Людямъ настоящаго времени нужно представлять другія побужденія, болѣе сообразныя съ настоящимъ характеромъ цивилизаціи. Ихъ нужно воодушевлять къ борьбѣ тѣмъ стремленіемъ къ наслажденію, которое, предоставленное само себѣ, расположило бы ихъ къ миру. Люди нашего времени все разсматриваютъ съ точки зрѣнія пользы; ихъ нельзя заманить безплодной славой. На мѣсто славы необходимо поставить удовольствіе, на мѣсто тріумфа — грабежъ. Война, поднятая изъ такихъ побужденій, заключаетъ Констанъ, приведетъ къ страннымъ послѣдствіямъ.

Нельзя не отдать справедливости Констану, что онъ съ большою силою логики и весьма краснорѣчиво выводитъ всѣ послѣдствія изъ высказаннаго имъ положенія. Мы остановимся только на нѣкоторыхъ изъ нихъ,—именно на тѣхъ, гдѣ онъ по преимуществу имѣетъ въ виду современное состояніе Франціи. Разумѣется, главнымъ образомъ его перуны направлены противъ императора и его арміи. По его мнѣнію, правительство, предавшееся завоевательной политикѣ, должно создавать, искусственно, средства для этой политики, такъ какъ война противорѣчитъ всѣмъ естественнымъ стремленіямъ современныхъ народовъ. Въ древности Аттилѣ ничего не стоило двинуть свои полчища на римскую имперію. Новымъ правительствамъ необходимо прибѣгать къ разнымъ уловкамъ. Во-первыхъ, имъ необходимо создать и развратить (corrompre) особый классъ людей, спеціально предназначенный для служенія его политикѣ. Этотъ классъ — армія. Нечего и говорить, къ какимъ результатамъ, по его мнѣнію, приходитъ армія, дѣйствующая въ иностранныхъ государствахъ подъ вліяніемъ метеріальныхъ интересовъ. Но и въ отношеніяхъ арміи къ своимъ согражданамъ замѣчаются весьма невыгодныя стороны.

Въ ассоціаціяхъ, имѣющихъ цѣль отличную отъ цѣлей прочихъ людей, всегда образуется исключительный и враждебный корпоративный духъ. Не смотря на кротость и чистоту христіанской религіи, конфедераціи ея служителей нерѣдко образовывали государства въ государствѣ. Вездѣ люди, соединенные въ армію, отдѣляются отъ націи. Ихъ нравы и идеи постепенно инспровергаютъ начала порядка и мирной свободы, которыя всякое правительство должно бы охранять. Правительство, опирающееся на армію, наполняетъ военными лицами и гражданскія должности. Вслѣдствіе этого духъ гражданскаго управленія искажается.

Здѣсь краснорѣчіе г. Констана доходитъ до нѣкотораго экстаза.

Облекутся ли они (военные), говоритъ онъ, — вмѣстѣ съ тѣмъ, уваженіемъ къ закону и охранительнымъ его формамъ?.. Невооруженные классы кажутся имъ презрѣнною чернью; законы — безполезными тонкостями; формальности—невыносимымъ замедленіемъ. Они уважаютъ больше всего бы-

строту эволюцій. Единогласіе кажется имъ необходимымъ въ мнѣніяхъ, какъ одинъ мундиръ въ полкахъ. Оппозиція для нихъ безпорядокъ, разсужденіе—бунтъ, суды—военные совѣты, судьи—солдаты съ извѣстнымъ лозунгомъ, обвиненные—враги, судопроизводство—битва!

Невыносимая для гражданъ, эта масса людей тяготѣетъ и надъ самимъ правительствомъ. Съ такою силою, какъ армія, управляться нелегко—она предлагаетъ свои услуги не даромъ. Она требуетъ военной политики во всемъ. Ее нужно занимать новыми войнами — иначе ея бездѣйствіе грозитъ опасностями; ее должно держать въ отдаленіи и находить ей противниковъ внѣ страны. Такимъ образомъ военная система, независимо отъ настоящихъ войнъ, содержитъ въ себѣ зародышъ войнъ; а правительство, увлекаемое этой силой, никогда не можетъ возвратиться къ мирной политикѣ.

Развращая армію, военная политика дѣйствуетъ не менѣе растлѣвающимъ образомъ и на народонаселеніе. Ложное направленіе, разъ принятое правительствомъ, принуждаетъ его дѣйствовать ложными средствами, постоянно прибѣгать къ насилію и обману. Если бы правительство, держащееся завоевательной политики, прямо открывало народу свои планы — его ожидала бы неудача. Оно не можетъ сказать: «пойдемъ покорять міръ»; ибо народъ отвѣтитъ ему: «я привыкъ къ мирнымъ занятіямъ и не хочу завоевывать вселенной». Правительству, слѣдовательно, необходимы софизмы. Вмѣсто плановъ всемірнаго завоеванія оно должно говорить о національной чести и независимости, округленіи границъ, о коммерческихъ интересахъ, о мѣрахъ необходимой предосторожности и мало-ли еще о чемъ,—говоритъ Констанъ; ибо словарь лицемѣрія и несправедливости пестрощимъ.

Правительство,—продолжаетъ онъ,—будетъ говорить о національной независимости, какъ будто она компрометтируется независимостью другихъ націй.

Оно будетъ говорить о національной чести, какъ будто эта честь оскорблена тѣмъ, что другіе народы сохраняютъ свое достоинство.

Словомъ, правительство, воспитанное само въ политикѣ обмана и софизмовъ, воспитало бы въ томъ же направленіи и общество. Констанъ краснорѣчиво излагаетъ послѣдствіе этой политики для народа,—въ особенности для той его части, которая не пожелаетъ подчиниться общему настроенію. Констану, нѣсколько знакомому съ военнымъ терроромъ Наполеона, легко было нарисовать мрачную картину внутренняго управленія, при которой каждый гражданинъ съ независимымъ образомъ мыслей считался врагомъ правительства.

Не менѣе мрачными красками рисуетъ Констанъ и положеніе завоеванныхъ государствъ. Мы не станемъ слѣдить за всѣми его аргументами, за всѣми его картинами. Мы изберемъ здѣсь одну главу его сочиненія, подъ заглавіемъ объ однообразіи (de l'uniformité). Эта чрезвычайно важная

глава. Въ ней можно найти критику не только завоевательной политики Наполеона вообще, но и общаго направленія законодательства и внутренней политики въ самой Франціи, въ ихъ взаимной связи. Мало того: въ этой главѣ Констанъ излагаетъ совершенно новые для него взгляды на революцію и ея результаты.

Для того чтобы выяснить значеніе это главы, необходимо напомнить читателю нѣкоторые характеристическіе признаки французской революціи и войнъ временъ революціи и имперіи. Революція, какъ извѣстно, провозгласила господство общихъ началъ государственнаго устройства, прирожденныхъ правъ человѣка и гражданина — противъ историческаго права различныхъ *пріобрѣтенныхъ* правъ, бывшихъ, по ея мнѣнію, источниковъ неравенства людей. Въ этомъ стремленіи она весьма естественно столкнулась съ началами стараго порядка, державшагося на разнообразіи общества и на неравенствѣ его классовъ; она должна была пойти противъ всего разнообразія мѣстныхъ учрежденій, какъ остатковъ феодальнаго порядка,—того порядка, когда, говоря словами Бомануара: «chaque seigneurie avait son droit civil, et dans tout royaume il n'y avait peut être pas deux seigneuries qui fussent gouvernées de tous points par la même loi. Общее и равное для всѣхъ право, выраженное въ единомъ законодательствѣ; организація сильной центральной власти, какъ единственной представительницы народной воли; одинаковыя и даже однообразныя для всей страны мѣстныя учрежденія,— таковъ былъ идеалъ революціи. Отсюда уничтоженіе старыхъ провинцій и провинціальнаго устройства, замѣна его департаментами—чисто механическимъ дѣленіемъ страны; преслѣдованіе жирондійцевъ-федералистовъ и т. д. Новый кодексъ Франціи былъ блистательнымъ результатомъ этихъ стремленій. Но революція на этомъ не остановилась. Она объявила войну всему феодальному не только у себя дома, но и заграницей. Вездѣ, гдѣ ни появлялись арміи республики, устанавливался новый порядокъ вещей, истинный сколокъ съ порядка, установленнаго во Франціи. Являлись республики Цизальпинская, Лигурійская, Гельветическая и т. д. Всѣ побѣды полководцевъ республики вообще и Бонапарта въ особенности— были не только побѣдою ея армій надъ вражескими силами, но и побѣдою французскаго кодекса надъ учрежденіями старой Европы.

Противъ этого порядка вещей и возстаетъ Констанъ; онъ видитъ въ немъ большой вредъ Франціи и для Европы.

Прежде всего онъ обращается съ горькими упреками къ революціи. Замѣчательно,—говоритъ онъ,—что начало *однообразія* нигдѣ не нашло большей поддержки чѣмъ въ революціи, сдѣланной во имя правъ и свободы людей. «Не смотря на то, что патріотизмъ возможенъ только подъ условіемъ горячей привязанности къ мѣстнымъ интересамъ, нравамъ и обычаямъ,—наши, такъ называемые, патріоты объявили войну всему этому. Они изсушили

этотъ естественный источникъ патріотизма и мечтали замѣнить его мнимою страстью къ отвлеченному существу, къ общей идеѣ, лишенной всего того, что поражаетъ воображеніе и говоритъ памяти. Воздвигая зданіе, они начали съ разрушенія и превращенія въ прахъ всѣхъ матеріаловъ, необходимыхъ для него. Немногаго недоставало,—чтобы они начали обозначать цифрами города и провинціи, какъ это было сдѣлано относительно легіоновъ и корпусовъ арміи. До такой степени они, казалось, боялись, чтобы какая нибудь нравственная идея не соединилась съ тѣмъ, что они учреждали».

Деспотизмъ, замѣнившій демагогію, охотно продолжалъ ея дѣло. «Интересы и воспоминанія, порожденные мѣстными привычками, содержатъ въ себѣ зародышъ сопротивленія, непріятнаго для власти. Ей легче обращаться съ недѣлимыми; она безъ усилій катитъ по нимъ свою страшную тяжесть, какъ по песку».

Авторъ протестуетъ противъ этого направленія, во имя началъ, которыхъ прежде самъ не раздѣлялъ. Во первыхъ, онъ бросаетъ свою вѣру во всемогущество закона, которую онъ выразилъ въ первыхъ своихъ трудахъ. «Хорошія качества закона, осмѣливаемся сказать, вещи менѣе важныя—чѣмъ духъ, расположеніе, съ которыми народъ имъ подчиняется и повинуется»... Если народъ видитъ въ законѣ продуктъ прошедшаго, если онъ освященъ дорогимъ для него авторитетомъ, онъ повинуется ему охотно, и нравственное вліяніе его велико; напротивъ, наилучшій законъ, не освященный такимъ авторитетомъ,—безсиленъ.

Наилучшій авторитетъ для закона—преданіе. Вслѣдствіе этого Констанъ становится на сторону прошедшаго. «Признаюсь, говоритъ онъ, — что я имѣю къ прошедшему большое почтеніе; и почтеніе это увеличивается каждый день по мѣрѣ того, какъ опытъ меня научаетъ и размышленіе просвѣщаетъ. Я долженъ сказать, къ великому скандалу нашихъ новѣйшихъ реформаторовъ, хотя бы они назывались Ликургами и Карлами Великими, что если бы я увидѣлъ народъ, отвергнувшій наилучшія (съ метафизической точки зрѣнія) установленія, для того чтобы остаться вѣрнымъ преданію отцовъ, я возымѣлъ бы къ нему уваженіе...» Затѣмъ онъ переходитъ къ изложенію всѣхъ недостатковъ, порожденныхъ революціей и ея системою однообразія, для внутренняго быта Франціи. Система эта убила, по его мнѣнію, настоящую политическую жизнь въ этой странѣ.

«Разнообразіе есть организмъ; однообразіе—механизмъ; разнообразіе—жизнь; однообразіе смерть»,—таково его общее начало. Однообразіе убиваетъ жизнь въ провинціяхъ и стягиваетъ всѣ живыя силы въ столицу. Во всѣхъ государствахъ, гдѣ уничтожена жизнь частей, въ центрѣ его образуется маленькое государство. Здѣсь сосредоточиваются всѣ интересы; сюда стремятся всѣ честолюбія; остальное неподвижно. Такому государству грозитъ централизація, а съ централизаціей сопряженъ упадокъ истиннаго патріо-

тизма, мѣсто котораго заступаетъ полное равнодушіе къ общественнымъ интересамъ.

Система однообразія вмѣстѣ съ завоевательной политикой грозитъ большими бѣдствіями Европѣ. Она приводитъ къ образованію большихъ государствъ, въ которыхъ замираетъ всякое національное чувство,—въ которыхъ политика центральнаго правительства убиваетъ всякое развитіе мѣстныхъ интересовъ. Неизбѣжная судьба такихъ правительствъ — деспотизмъ, безъ котораго, по мнѣнію Констана, не можетъ держаться ни одно обширное государство...

Нельзя не признать справедливости многихъ положеній Констана. Нельзя не замѣтить, что многія изъ его замѣчаній сдѣлались аксіомами для большей части либеральныхъ публицистовъ. Его критика «однообразія» есть какъ бы зародышъ послѣдующей войны противъ «централизаціи». Скажемъ больше— если въ трактатѣ вмѣсто слово «однообразіе» поставить «централизація», всякій читатель подумаетъ, что онъ имѣетъ дѣло съ новѣйшимъ трактатомъ Прево-Парадоля, Жюля Симона или Реньо объ этомъ предметѣ. Но критическіе пріемы знаменитаго публициста, пригодные для оцѣнки крайнихъ послѣдствій завоевательной политики Наполеона, не могутъ дать средствъ для оцѣнки общаго историческаго значенія ни революціи, ни войнъ республики и имперіи. Общая связь и высшій смыслъ этихъ событій какъ бы ускользаютъ отъ него. Констанъ является истиннымъ философомъ раціональной школы, которая, по мѣткому замѣчанію одного германскаго мыслителя, разсматриваетъ каждый единичный фактъ въ связи только съ другими, такими же единичными фактами, а не въ связи съ цѣлымъ и не по отношенію къ общей, абсолютной причинѣ явленій.

Между тѣмъ съ общей, истинно-исторической точки зрѣнія — основныя положенія Констана не выдерживаютъ критики. Его воззрѣнія на войну оказываются узкими и поверхностными; его оцѣнка завоевательной политики— вѣрною только съ односторонней политико-экономической точки зрѣнія.

Почему, по мнѣнію его, война не возможна въ настоящее время? Вся его аргументація можетъ быть сведена къ одному общему положенію: военная политика необходима и возможна была въ то время, когда она удовлетворяла *индивидуальнымъ* стремленіямъ первобытныхъ людей, когда подъ ея вліяніемъ развивались разныя *индивидуальныя* добродѣтели. Въ то время она удовлетворяла различнымъ потребностямъ народовъ и могла имѣть нравственную цѣль. Теперь индивидуальныя стремленія измѣнили свой характеръ; въ современномъ человѣчествѣ всѣ прежнія страсти замѣнились одною—страстью къ пріобрѣтенію. Новые народы — по преимуществу торговые народы. Поэтому всѣ они одинаково стремятся къ миру. Война въ настоящее время явленіе непормальное и не можетъ имѣть *никакой нравственной цѣли;* единственною побудительною причиною къ войнѣ является

теперь корысть, и въ этомъ отношеніи новые народы составляютъ истинную противоположность древнимъ *).

Неизвѣстно, о какихъ новыхъ народахъ говоритъ здѣсь авторъ; неизвѣстно, какіе народы, по его мнѣнію, относятся къ разряду *прежнихъ* народовъ. Въ такъ называемой новой исторіи, въ которой дѣйствуютъ все новые народы, я не знаю ни одной войны, поднятой не изъ-за нравственной идеи, или въ которой нравственныя идеи не играли бы большаго значенія. «Иногда это была религія, иногда свобода», и всегда люди переносили разныя лишенія не изъ-за однихъ матеріальныхъ выгодъ. Война всегда требовала большихъ жертвъ, была жертвой частныхъ выгодъ общему благу. Если сравнивать «нравственное достоинство» войны въ древнія и новыя времена, то перевѣсъ останется, безъ сомнѣнія, на сторонѣ войнъ новаго времени. Слѣдуя теоріи Констана, должно бы придти въ весьма странному заключенію, что войны гунновъ, готовъ и вандаловъ имѣли гораздо больше нравственныхъ цѣлей и идеальныхъ сторонъ, чѣмъ войны временъ французской республики и имперіи; — что походы персовъ гораздо возвышеннѣе тридцатилѣтней войны и борьбы Сѣверной Америки за независимость. Война имѣла большое воспитательное значеніе для народа — какъ въ древности, такъ и въ настоящее время. Констанъ говоритъ, что въ древности война воспитывала въ людяхъ величіе души, хладнокровіе, презрѣніе къ смерти, мужество, — что она соединяла его болѣе тѣсными узами съ отечествомъ и соратниками. Если гдѣ можно наблюдать такое вліяніе войны, такъ это именно въ новой исторіи. Не перечисляя всѣхъ индивидуальныхъ добродѣтелей, мужества, хладнокровія и т. д., мы можемъ сказать, что каждая борьба воспитываетъ народъ какъ нравственно-политическую единицу. Каждый народъ, достигшій полнаго развитія своихъ нравственныхъ силъ, обязанъ этимъ борьбѣ съ другими; безъ войны, онъ можетъ, онъ остался бы политическою посредственностію, не игралъ бы никакой роли во всемірной исторіи. Почему напр. Пруссія выдвинулась изъ сферы «мѣщанскихъ» государствъ Германіи? Почему она не осталась Баденомъ, Ганноверомъ, Мекленбургомъ? Какую школу прошла она? Сравните положенія Пруссіи до и послѣ семилѣтней войны! Съ какого времени Россія стала дѣйствительнымъ членомъ международнаго союза? Со времени великой сѣверной войны! Судя по опыту прошедшаго, смѣло можно сказать, что каждый народъ развивается окончательно

*) См. L'Esprit de la Conquête p. 143. „Les peuples guerriers, que nous avons connus jusqu'ici, étaient tous animés par des motifs plus nobles que les profits réels et positifs de la guerre. Ils associaient à l'idée de la victoire celle d'une renommée prolongée bien au-delà de leur existence sur la terre, et combattaient ainsi, non pour l'assouvissement d'une soif ignoble de jouissances présentes et matérielles, mais par un espoir en quelque sorte idéal".

только послѣ какой нибудь гигантской борьбы. Войны Франциска I и Людовика XIV для Франціи; походы Фридриха II для Пруссіи; борьба съ Испаніею и Франціею для Англіи; «завоевательная политика» Петра I и Екатерины II для Россіи:—такова исторія великихъ державъ Европы,—исторія, вслѣдствіе которой онѣ стали *великими* державами. Нѣтъ ничего легче, какъ рисовать картины кроткаго счастья, — картину изранльтянъ, сидящихъ подъ своими виноградниками. Но посмотрите, что сдѣлалось съ маленькими странами, избавленными судьбой отъ войны и ея ужасовъ? Имъ выпало на долю хранить остатки добраго стараго времени, феодализма, крѣпостнаго права, всего средне-вѣковаго, до тѣхъ поръ, пока цивилизація не заглянетъ къ нимъ изъ великой «военной» державы. Мекленбургъ наслаждался миромъ и сохранялъ средневѣковое баронство и крѣпостное крестьянство. До революціи и ея войнъ, сотня нѣмецкихъ государствъ долго наслаждалась миромъ; только семилѣтняя война растревожила ихъ немного. И чего-чего не было въ этихъ государствахъ! Кромѣ мира, въ нихъ было еще отеческое управленіе, тайное судопроизводство, средневѣковые кодексы, средневѣковыя новинности, лежавшія на народѣ, грубое раздѣленіе сословій и т. д. И вдругъ грозный завоеватель загляпулъ въ эту тину.

Если были войны, начатыя во имя исключительно нравственныхъ идей, то это были войны республики; если были войны, преобразовавшія нравственный строй Европы,—это войны имперіи. Никогда можетъ быть въ исторіи два противоположныхъ принципа: принципъ средневѣковаго и новаго государства, не были такъ рѣзко сопоставлены. И представители каждаго изъ этихъ принциповъ понимали хорошо, что имъ предстоитъ выдержать борьбу на жизнь или на смерть,—что сдѣлки и компромиссы съ противниками невозможны. Враги новыхъ началъ первые доказали это. Для нихъ мало было оградить Европу отъ революціонныхъ идей — имъ необходимо было задавить революцію въ самой Франціи. Коалиція пошла на Парижъ. Республика съ своей стороны сознавала, что для нея недостаточно упрочить господство новыхъ началъ во Франціи; ей нужно было подчинить имъ Европу. Политика Конвента заключала въ зародышѣ монархію Наполеона.

Монархія Наполеона была необходимымъ результатомъ революціи. Какъ фактъ всемірно-историческій,—она относится къ разряду тѣхъ явленій, которыя во всеобщей исторіи извѣстны подъ названіемъ *всемірныхъ монархій*.

Всеобщая исторія, написанная исключительно съ точки зрѣнія началъ политической экономіи и международнаго права, относится нерѣдко съ справедливымъ охужденіемъ къ такого рода монархіямъ. Дѣйствительно, какъ постоянная форма человѣческаго общежитія, онѣ не только вредны, но и невозможны. И все-таки непоколебимое чувство народовъ видитъ въ «великихъ солдатахъ», не простыхъ грабителей и разрушителей «мирнаго благосостоянія». Самая пристрастная исторія признаетъ за монархіею Александра

Македонскаго, Римскою Имперіею и т. д.—великое значеніе въ исторіи цивилизаціи. Въ чемъ же заключается роль этихъ явленій? Почему и въ какомъ отношеніи они—орудіе цивилизаціи?

Кажется, само Провидѣніе отмѣтило ихъ роль и смыслъ во всемірной исторіи самыми наглядными, яркими признаками. Оно какъ бы поставило ихъ особнякомъ среди множества однообразныхъ фактовъ и явленій, окружило ихъ особеннымъ блескомъ, сдѣлало изъ нихъ или заключительное звено, или исходную точку въ развитіи величайшимъ интересовъ человѣчества.

Каждый, кто знакомъ съ исторіею, припомнитъ, что всемірныя монархіи являлись или въ началѣ или въ концѣ извѣстной эпохи цивилизаціи. Народы, участвовавшіе въ исторической жизни древняго міра, были объединены два раза: сначала отчасти — монархіею Александра Великаго, затѣмъ вполнѣ—Римомъ. Народы, участвующіе въ исторической жизни западной Европы, знали двѣ такихъ монархіи—имперію Карла Великаго и Наполеона. Что же сдѣлали всѣ эти монархіи? Раскрываемъ опять исторію; она говоритъ намъ, во первыхъ, что великія монархіи древности приготовили человѣчество къ принятію христіанства, т. е. *общихъ* религіозныхъ идей *новой* цивилизаціи. Онѣ положили конецъ племенному, муниципальному разъединенію древнихъ народовъ; онѣ сначала смѣшали, послѣ слили ихъ разнообразныя политическія нравственныя и религіозныя воззрѣнія; онѣ подвели итогъ исторической жизни древняго міра. Римъ снесъ и свезъ всѣхъ боговъ древняго человѣчества и поставилъ ихъ въ Пантеонѣ; жрецы Изиды отправляли богослуженіе рядомъ съ жрецами Юпитера, Солнца, Іеговы. Философія, перенесенная въ Александрію, уразнообразилась новыми элементами; восточный мистицизмъ, еврейская теологія, греческое міросозерцаніе и другіе элементы сдѣлали изъ нея умственный «пантеонъ». Само римское право, строгое и замкнутое, jus strictum, не устояло предъ напоромъ новыхъ идей. Юристы стали философами; въ качествѣ философовъ они сдѣлались учениками грековъ; греческая философія отразилась на трудахъ Ульпіана, Гая, Лабеона. Jus gentium, основанное на началахъ разума и принципѣ общечеловѣческой личности, съ каждымъ днемъ дѣлало все болѣе и болѣе успѣховъ. Въ Римѣ и въ Александріи народы узнали другъ друга; сюда принесли они послѣдніе результаты своихъ вѣрованій, нравственныхъ воззрѣній, своей политической жизни, своей философіи; здѣсь эти результаты дошли до своихъ крайнихъ послѣдствій и противорѣчій; здѣсь скептики стали пирронистами, стоики — самоубійцами, эпикурейцы — развратниками; здѣсь авгуры начали смѣяться другъ надъ другомъ. Преданіе говоритъ, что Каракалла хотѣлъ дать человѣчеству одну голову, чтобы затѣмъ отрубить ее; исторія какъ бы собрала всѣ умственныя и нравственныя силы древняго міра въ одно цѣлое, и затѣмъ разомъ покончила съ древнимъ міромъ, на которомъ вы-

росла новая цивилизація *). Древній міръ не воспользовался великими открытіями и принципами послѣднихъ вѣковъ. Въ немъ они были началами разрушенія; «принципомъ жизни» стали они въ новой исторіи.

Новый міръ также знаетъ свои всемірныя монархіи. Но если древній міръ кончаетъ единствомъ, новый міръ начинаетъ имъ разныя эпохи своей цивилизаціи. Великіе завоеватели новой исторіи утверждаютъ господство новыхъ идей, долженствующихъ сдѣлаться основами развитія извѣстной группы народовъ,—группы связанной общими историческими судьбами. Карлъ Великій закрѣпилъ значеніе христіанства, какъ общей идеи новой цивилизаціи; онъ обвелъ границы исторической территоріи; онъ остановилъ наплывъ новыхъ варваровъ; онъ создалъ западную Европу. Если христіанство сдѣлалось знаменемъ запада противъ востока; если римскія начала въ новой формѣ возстали какъ элементъ западной цивилизаціи; германо-романскіе народы составили одну семью; если идея единства западной цивилизаціи никогда не умирала въ народномъ сознаніи — этимъ Европа обязана великому Паладину.

Итакъ, мы замѣчаемъ, что всемірныя монархіи замыкаютъ и открываютъ собою величайшія эпохи исторіи человѣчества. Но изъ этого конечно не слѣдуетъ, чтобы имъ когда нибудь суждено было постоянно владычествовать надъ цѣлымъ человѣчествомъ. Во первыхъ, *цѣлое* человѣчество никогда не подчинялось всемірной монархіи. Римляне овладѣли всѣмъ *извѣстнымъ* свѣтомъ, т. е. всѣми народами, имѣвшими дѣйствительное значеніе въ древней исторіи,—народами, которые могли имѣть и имѣли вліяніе другъ на друга. Карлъ Великій объединилъ тѣ народы, среди которыхъ впослѣдствіи развилась западно-европейская цивилизація. Слѣдовательно, въ составъ всемірной монархіи входили страны, принадлежавшія къ одному кругу цивилизаціи. Во вторыхъ, владычество это по самому своему происхожденію не могло быть постоянно. Александръ Великій и Римъ объединяли страны древняго міра въ то время, когда эти страны выработали изъ себя все что можно, — дали міру все, что они могли дать. Пока внутренній процессъ развитія народовъ, т. е. ихъ жизнь, былъ въ полномъ разгарѣ, всемірная монархія была немыслима; триста спартанцевъ могли остановить полчища Ксеркса. Римское единство обусловливалось безжизненностью частей великой монархіи. Но какъ только въ этихъ частяхъ появились новыя жизненныя начала — распаденіе монархіи и самостоятельность частей была неизбѣжна.

---

*) Можно не раздѣлять того убѣжденія, что двѣ древнія монархіи проложили дорогу спеціально христіанству. Относительно Европы это безусловно вѣрно. Но востокъ не остался вѣренъ христіанству и принялъ исламъ. Но это ничего не доказываетъ. Исламъ также элементъ *единой* цивилизаціи; распространеніе его также обусловливалось предварительнымъ объединеніемъ народовъ.

Когда римскія провинціи наполнялись варварами — этимъ резервомъ цивилизаціи, имперія кончилась. За крайнимъ единствомъ послѣдовало крайнее раздробленіе. Множество племенъ, каждое съ своимъ языкомъ, нарѣчіемъ, правомъ, обычаемъ, культомъ—вотъ что замѣнило единство религіи и права. Но древность оставила среднимъ вѣкамъ нѣсколько элементовъ единой цивилизаціи. Среди разнообразія и разрозненности племенъ остается единство церкви, и понятіе о единой власти. Религіозное единство, поддержанное единствомъ свѣтской власти, остается идеаломъ среднихъ вѣковъ. *Среди народовъ появляются понятія, которыя они всѣ одинаково признаютъ.* Сильная рука Карла даетъ этимъ общимъ началамъ практическое значеніе. Одинаковость общихъ началъ устанавливаетъ единство общихъ результатовъ цивилизаціи и возможность вліянія одного народа на другой. Каждый результатъ, добытый однимъ народомъ, можетъ стать достояніемъ другихъ. Уничтоженіе рабства, начатое въ одномъ государствѣ, необходимо отражается на экономическомъ бытѣ другихъ народовъ. Почему? Именно потому, что всюду цивилизація исходитъ изъ однихъ и тѣхъ же началъ, и приложеніе этого общаго начала къ жизни одной страны вызываетъ стремленіе приложить его въ томъ же смыслѣ къ другому государству. Если рабство осуждается въ одной странѣ во имя началъ христіанской религіи, то не естественно-ли ожидать, что другая страна сдѣлаетъ то же, во имя тѣхъ же началъ?

Европейская цивилизація имѣла общіе идеалы, къ которымъ одинаково стремились всѣ ея народы, цѣли, которыхъ всѣ достигали дружными усиліями. Иногда такимъ идеаломъ была христіанская теорія папской и императорской власти; и власть эта была достаточно сильна, чтобы въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ отправлять сотни тысячъ людей на отдаленный востокъ; иногда идеалы классической древности превращали цѣлыя народы въ римлянъ и грековъ: иногда протестантское начало свободы совѣсти заставляло многія поколѣнія вести борьбу противъ общаго врага свободы— римской куріи. Во всякомъ случаѣ, были и будутъ общія начала, имѣющія значеніе всюду; были и будутъ начала, за которыя каждый европейскій народъ готовъ сражаться,—начала, безъ признанія которыхъ нельзя принадлежать къ великой европейской семьѣ.

Но развитіе и примѣненія этихъ началъ въ подробностяхъ, въ ихъ конкретномъ проявленіи, составляютъ задачу свободной дѣятельности каждаго народа. Этою свободною дѣятельностью обусловливается полное разнообразное развитіе общей идеи. Авторитетъ и притомъ единый авторитетъ, необходимый для первоначальнаго утвержденія извѣстной идеи, гибельно дѣйствуетъ на ея дальнѣйшее развитіе. Общія начала христіанско-германской цивилизаціи нуждались первоначально въ папѣ и императорѣ. Дальнѣйшее ихъ развитіе нуждалось въ *національныхъ государствахъ*. Только въ

нихъ христіанство получило значеніе дѣйствительнаго соціальнаго элемента. Развитіе же это требуетъ гораздо больше времени, чѣмъ первоначальная пропаганда общихъ началъ. Вотъ почему и осуществленіе всѣхъ элементовъ цивилизаціи нуждается въ національномъ государствѣ, которое является въ исторіи общимъ правиломъ, какъ всемірныя монархіи являются исключеніемъ, хотя и необходимымъ.

Примѣнимъ эти положенія къ монархіи Наполеона. Она соединила въ одно цѣлое или по крайней мѣрѣ подчинила своему вліянію всѣ народы, составляющіе семью народовъ западной Европы; она противопоставила новое государство—государству средневѣковому, какъ нѣкогда Карлъ Великій противопоставилъ христіанскую Европу—Европѣ варварской; она внесла въ государственную жизнь народовъ новыя общія начала, выработанныя XVIII вѣкомъ и выраженныя революціей: мы замѣтили выше, что la grande armée вездѣ появлялась съ code Napoléon. Вездѣ устанавливалось единство воззрѣній и идеаловъ, сильно напоминавшее прежнее единство папства и имперіи. Это единство породило явленія, странныя съ современной точки зрѣнія. Франція республика—окружила себя меньшими республиками, созданными по ея образцу; Франція имперія—породила массу монархій, скопированныхъ съ этого великаго образца. Наконецъ паденіе современнаго единства обусловливалось тѣми же причинами, какъ и паденіе единства средневѣковаго, пробужденіемъ національнаго чувства.

Такимъ представляется этотъ вопросъ въ наше время; не такъ смотрѣли на него современники. Власть Наполеона не была въ ихъ глазахъ основана ни на какомъ государственномъ началѣ,—ибо начала новаго государства не были имъ признаны; поэтому она была *узурпаціей*. Наполеонъ относился къ другимъ монархамъ Европы—какъ узурпаторъ къ законной власти: монархія его, хотя всѣми признанная и утвержденная многими трактатами, была только насиліемъ, завоеваніемъ, то-есть только фактомъ, а не правомъ. Народы имѣли право и обязанность возстать противъ такого насильственнаго, фактическаго преобладанія,—во-первыхъ, для того, чтобы возстановить свою независимость, во-вторыхъ, чтобы возвратить права законной власти. Возвращеніе монархіи Наполеона къ прежнему порядку было возвращеніемъ отъ завоеванія и узурпаціи къ принципу законности—de la légitimité.

Такъ смотрѣлъ на это, дѣло и Констанъ. Но его, разумѣется, не должно смѣшивать съ такими легитимистами, какъ графъ де-Местръ. Констанъ хотѣлъ законности, но не забывалъ и свободы, т. е. хотѣлъ старой монархіи и революціи. Вѣрнѣе сказать, онъ хотѣлъ Бурбоновъ потому, что они, по его мнѣнію, лучше всего могли обезпечить господство *истинныхъ* началъ революціи. Посмотримъ, какъ онъ соединяетъ эти, повидимому, несоединимыя вещи.

§ VI.

Монархія Наполеона представлялась завоеваніемъ съ точки зрѣнія международнаго права; съ точки зрѣнія права государственнаго она была названа узурпаціей. Въ первой части своего труда Констанъ подвергъ критикѣ принципъ завоеванія; вторая часть его труда посвящена узурпаціи. По обыкновенію онъ начинаетъ изслѣдованіе съ общихъ началъ. Эти начала въ высшей степени важны, ибо они показываютъ, какой переворотъ совершился въ понятіяхъ прежняго республиканца.

Я не хочу,—говоритъ онъ,—изслѣдовать различныя формы правленія. Я хочу только противоположить правильное правительство неправильному.

Итакъ Констанъ признаетъ, что всѣ формы правленія могутъ быть правильными. Мы далеки, продолжаетъ онъ, — отъ того времени, когда власть монарховъ признавалась противоестественною *); я пишу въ странѣ, гдѣ не предписано провозглашать республику противообщественнымъ установленіемъ. Авторъ не желаетъ возставать ни противъ республики, ни противъ монархіи. Онъ оцѣнилъ достоинство республики въ Швейцаріи, монархіи — въ Англіи. Онъ желаетъ доказать, что узурпація (читай: монархія Наполеона) не есть монархія, т. е. законная власть одного человѣка.

Слово «законность» Констанъ понимаетъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ принималъ его вѣнскій конгрессъ,—т. е. въ смыслѣ légitimité, власти основанной на преданіяхъ и на началахъ строгаго порядка — въ противоположность новому. Всѣ аргументы Констана поэтому сильно напоминаютъ все, что говорилось въ реакціонныхъ кружкахъ.

Узурпація незаконна, во-первыхъ, потому, что она *новая власть*.

Монархія, въ томъ видѣ, какъ она существуетъ въ Европѣ, есть установленіе, видоизмѣненное временемъ и смягченное обычаемъ. Она окружена посредствующими установленіями, которыя ее поддерживаютъ и ограничиваютъ; правильная передача власти отъ одного другому—дѣлаетъ подчиненіе болѣе легкимъ и власть менѣе подозрительною. Монархъ—существо какъ бы отвлеченное. Всѣ видятъ въ немъ не единичную личность, а цѣлое поколѣніе королей, преданіе многихъ вѣковъ. Узурпація, напротивъ, есть сила, ничѣмъ не видоизмѣненная, ни смягченная. Она по необходимости запечатлѣна личностью узурпатора, и эта индивидуальность, находясь въ противорѣчіи со всѣмъ прежнимъ порядкомъ вещей, относится ко всему подозрительно и враждебно.

---

*) А благодаря кому монархическое начало снова получило право гражданства въ революціонной Франціи? Благодаря узурпатору — Наполеону!

Послѣдствія изъ этихъ началъ вывести не трудно. Сильная логика Констана дѣлаетъ эти выводы блистательно. Все, что можно сказать въ пользу установившагося порядка и во вредъ новому, находится въ его трактатѣ. Критика его отзывается личнымъ нерасположеніемъ къ Наполеону; многіе его доводы могутъ быть названы argumentum ad hominem, но, не смотря на это, многія особенности «имперіи», какъ особенной формы правленія во Франціи, формы, основанной на наполеоновскихъ идеяхъ, подмѣчены весьма удачно.

Узурпаторъ не есть независимый монархъ, поставленный выше партій; онъ всегда—произведеніе партіи; она его держитъ и для него приноситъ въ жертву все остальное. Насиліе вызываетъ реакцію—и борьба партій продолжается при узурпаторѣ, какъ и во время революціи. Вслѣдствіе этого новыя династіи бурны какъ партіи и деспотичны какъ тиранія. Узурпаторъ потому долженъ прибѣгать къ деспотизму, что ему необходимо упрочить свое положеніе среди тысячи препятствій. Монархъ, вступая на престолъ, не возбуждаетъ ничьей зависти, не обязанъ составлять своей репутаціи для поддержанія своей власти. Ее никто не оспариваетъ у него и не можетъ оспаривать. Узурпаторъ, напротивъ, долженъ упрочивать свою власть среди завистливыхъ сравненій и подавленныхъ надеждъ. Затѣмъ, узурпаторъ всегда долженъ пускаться на самыя рискованныя политическія предпріятія; онъ долженъ постоянно оправдывать предъ націей свое могущество; онъ какъ бы принялъ на себя безмолвное обязательство вознаграждать націю великими результатами за свое высокое положеніе; онъ постоянно боится обмануть общественное мнѣніе, ожидающее отъ него все новыхъ тріумфовъ. Онъ не можетъ оставаться въ бездѣйствіи даже тогда, когда интересы страны этого требуютъ. Ему необходимо вмѣшиваться во все, что происходитъ въ политикѣ. Французамъ, говорилъ Наполеонъ, необходимо давать что-нибудь новое каждые три мѣсяца. Онъ сдержалъ свое слово *).

Безъ сомнѣнія, продолжаетъ Констанъ, очень хорошо быть способнымъ на великія дѣла, когда того требуетъ общее благо; но какое несчастье *быть осужденнымъ* на великія дѣла, для возвышенія своей собственной личности, даже тогда, когда общее благо того не требуетъ. Много декламировали противъ лѣнивыхъ королей (rois fainéants). Если бы Богъ возвратилъ намъ лѣнивыхъ королей—вмѣсто дѣятельныхъ узурпаторовъ!

Послѣ такого общаго взгляда на новыя династіи вообще и узурпацію въ особенности, можно себѣ представить — какъ Констанъ поражаетъ правительство Наполеона на подробностяхъ. Къ сожалѣнію, объемъ и задача нашей статьи не дозволяютъ намъ остановиться подробно на этихъ блестящихъ

*) Наполеонъ III тоже держитъ его.
Градовскій.

страницахъ, проникнутыхъ чувствомъ уваженія къ человѣческой свободѣ и ко всему, что есть хорошаго на этой землѣ. Мы должны пройти молчаніемъ X—XIX главы второй части его трактата по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, аргументы, собранные въ этихъ главахъ, направлены почти спеціально противъ деспотизма Наполеона, слѣдовательно имѣютъ въ виду современныя автору обстоятельства; затѣмъ аргументы эти большею частію сдѣлались уже достояніемъ науки и достаточно распространены въ публикѣ; наконецъ, главная задача этой статьи — въ изслѣдованіи постепеннаго развитія идей Констана. Посему намъ теперь необходимо указать на новую ступень его политическаго міросозерцанія. Аргументація же его противъ произвола и деспотизма не представляетъ въ немъ особенной новости — онъ всегда былъ врагомъ произвола.

Характеристичная же особенность, отличающая этотъ трактатъ Констана, есть его стремленіе противопоставить всякую узурпацію законному, т. е. основанному на преданіи правительству. Въ этомъ отношеніи онъ доходитъ до оригинальныхъ выводовъ. Въ одной изъ главъ *) своего разсужденія онъ сравниваетъ узурпацію съ формами правленія, имѣющими съ нею большое сходство,—съ деспотизмомъ. Что лучше—деспотизмъ или узурпація? Констанъ не колеблясь отвѣчаетъ—деспотизмъ. Деспотизмъ изгоняетъ всѣ формы свободы; узурпація нуждается въ этихъ формахъ для того, чтобы прикрыть свое дѣло. Узурпаторы въ родѣ Наполеона или Наполеоновъ, ниспровергая извѣстный порядокъ вещей, всегда взывали къ «священнымъ» началамъ свободы. Узурпація удерживаетъ формы свободы, но опошливаетъ и унижаетъ ихъ; она нуждается въ общественномъ мнѣніи, но въ мнѣніи извращенномъ, офиціальномъ. Султанъ, недовольный своимъ министромъ, посылаетъ ему попросту шелковый шнурокъ; узурпаторъ подымаетъ противъ непріятнаго лица общественную клевету и губитъ противника, какъ бы «уступая общественному мнѣнію».

Эта контрфакція свободы соединяетъ въ себѣ всѣ невыгоды анархіи и рабства. Люди мирные преслѣдуются какъ «равнодушные», энергическіе—какъ «опасные». Покорность тирану не вознаграждается спокойствіемъ, дѣятельность остается безъ удовлетворенія. Это «движеніе» также похоже на настоящую политическую жизнь, какъ судороги нагальванизированнаго трупа на движеніе живаго организма.

Узурпація выдумала всѣ эти парламентскія комедіи, эти «народныя» санкціи гнуснѣйшихъ правительственныхъ актовъ, эти монотонныя поздравленія и изъявленія признательности за солдатъ, «истраченныхъ» въ Египтѣ, въ Россіи, за конскрипціи, за разореніе страны, за все—безъ чего узур-

*) Въ III гл. II части.

нація не можетъ держаться. Деспотизмъ подавляетъ свободу печати; узурпація народируетъ ее. Когда свобода печати подавлена, общественное мнѣніе находится въ усыпленіи, но ничто не вводитъ его въ заблужденіе; узурпація нанимаетъ толпу писакъ, которые горячатся, убѣждаютъ, бранятся, какъ будто въ странѣ есть свободные враги и свободная оппозиція. Деспотизмъ управляетъ молчаніемъ—и люди имѣютъ право молчать. Узурпація осуждаетъ ихъ на болтовню и заставляетъ ихъ лгать.

Когда народъ порабощенъ, но не униженъ внутренно, для него остается возможность лучшаго порядка вещей. Иго Филиппа II и эшафоты герцога Альбы не развратили Голландію; но узурпація по необходимости развращаетъ народъ; она пріучаетъ его попирать ногами все, что онъ уважаетъ,—льстить тому, что онъ презираетъ,—заставляетъ его презирать самого себя...

Итакъ, каждый установившійся порядокъ лучше узурпаціи: такъ далеко идетъ Констанъ въ своей теоріи легитимизма. Констанъ требуетъ возвращенія къ началамъ законности; онъ требуетъ этого, какъ каждый можетъ видѣть, во имя началъ свободы, которая лучше всего можетъ быть обезпечена твердой и прочной властью. Вотъ почему онъ всего ожидалъ отъ Бурбоновъ и поспѣшилъ во Францію, какъ только Наполеонъ отправился на островъ Эльбу.

Но какой свободы ожидалъ Констанъ отъ Бурбоновъ? Какую власть хотѣлъ онъ имъ дать? Если онъ могъ ожидать свободы отъ Бурбоновъ, то очевидно онъ понималъ ее нѣсколько иначе, чѣмъ старые якобинцы и вообще республиканская партія; если онъ, желая свободы, не задумывался провозгласить Бурбоновъ законною властью,—очевидно, онъ подъ властью разумѣлъ не то, что гг. эмигранты и графъ Артуа.

Констанъ не хочетъ деспотизма, потому что осудилъ его въ Наполеонѣ; не хочетъ и свободы 93 года.

По его мнѣнію, понятіе свободы искажено революціей; идея власти опозорена Наполеономъ. Революція пріучила народъ къ деспотическимъ формамъ; деспотизмъ Наполеона, замаскированный формами свободы, сдѣлалъ ее непонятной обществу.

Въ самомъ дѣлѣ, почему Франція терпѣливо вынесла деспотизмъ Наполеона? Констанъ отвѣчалъ на это категорически—потому что первоначально французскому обществу, грубо, упрямо и невѣжественно были предложены формы свободы, къ которой оно было неспособно, а потомъ подъ видомъ свободы ему предложили самую ужасную тиранію. Нѣтъ ничего удивительнаго, если это общество отказалось отъ свободы, бывшей тиранією, и охотно подчинилось тираніи, прикидывавшейся свободой.

Въ чемъ заключаются невыгодныя стороны свободы, нѣкогда предложенной французскому обществу? Въ чемъ состоитъ ложь тираніи, «возстановившей» свободу?

Мы приступаемъ теперь къ важнѣйшей новости, внесенной Констаномъ

въ его политическую теорію: въ чемъ должна состоять свобода новыхъ обществъ? Констанъ потратилъ много времени на этотъ важный вопросъ; впервые онъ занялся имъ въ трактатѣ объ узурпаціи; въ его началахъ конституціонной политики находится много превосходныхъ замѣчаній относительно этого вопроса; наконецъ ему посвящена цѣлая рѣчь, произнесенная авторомъ въ 1819 г. въ Атенеѣ и помѣщенная въ курсѣ конституціонной политики подъ заглавіемъ: «о свободѣ древнихъ, сравнительно съ свободою новыхъ народовъ».

Капитальная ошибка революціонеровъ, по мнѣнію Констана, состояла въ томъ, что они, водворяя во Франціи свободу, имѣли въ виду образцы классической древности. Свобода же въ древности имѣла совершенно другой характеръ и объемъ, чѣмъ она можетъ имѣть въ настоящее время.

Въ древности свобода состояла въ дѣйствительномъ и непосредственномъ участіи въ государственныхъ дѣлахъ больше, чѣмъ въ спокойномъ пользованіи личною независимостью; этого мало: для того, чтобы обезпечить за собою право участія въ государственныхъ дѣлахъ, гражданамъ необходимо было до нѣкоторой степени отказаться отъ личной независимости.

Въ настоящее время народы больше всего дорожатъ этою независимостью отъ государственнаго авторитета и не захотятъ отказаться отъ нея даже въ томъ случаѣ, если за государственный авторитетъ будетъ признанъ весь народъ.

Небольшой объемъ древнихъ республикъ давалъ каждому гражданину возможность пользоваться лично большимъ политическимъ значеніемъ. Пользованіе политическими правами было занятіемъ и, такъ сказать, забавою всѣхъ гражданъ. *Весь народъ* издавалъ законы, судилъ, объявлялъ войну, заключалъ миръ. Народный суверенитетъ не былъ фикціею, какъ въ настоящее время; воля каждаго имѣла дѣйствительное вліяніе на политику. Только при такихъ условіяхъ личность соглашалась ограничить свои права въ пользу государства. Это ограниченіе было даже необходимо. Для того, чтобы весь народъ могъ пользоваться политическими правами, чтобы каждый гражданинъ былъ дѣятельною частью государственной власти,—въ древнемъ государствѣ необходимы были учрежденія, поддерживавшія равенство между гражданами, учрежденія, кои препятствовали непомѣрному увеличенію частной собственности, уничтожали всякія отличія и устраняли вліяніе богатствъ, талантовъ и даже добродѣтелей.

Отсюда остракизмъ, аграрные законы, періодическое уничтоженіе долговыхъ обязательствъ и т. д. Далѣе государство требовало отъ гражданина всего его времени и всѣхъ его способностей. Но взамѣнъ того нерѣдко отрывало его отъ семьи (какъ въ Спартѣ), заставляло его жить, обѣдать, веселиться внѣ дома. Для того, чтобы пользоваться его способностями, оно

брало на себя его воспитаніе, вторгалось въ его нравственную жизнь, предписывало ему тѣ или другія убѣжденія.

Въ современномъ государствѣ принципъ народовластія можетъ имѣть только фиктивное значеніе. Народъ участвуетъ въ общественныхъ дѣлахъ не въ массѣ, не непосредственно, а чрезъ представителей. Онъ не можетъ отдать всего времени государству—его досугъ не обезпеченъ пассивною массою рабочаго сословія. При такихъ условіяхъ народъ не можетъ довольствоваться одними политическими правами. Человѣкъ, который пользуется своимъ политическимъ правомъ въ три года разъ при выборѣ депутатовъ и затѣмъ въ теченіе трехъ лѣтъ остается простымъ гражданиномъ, долженъ подумать о своей личной свободѣ въ теченіе этого срока. Онъ не является государственною властью; онъ участвуетъ только въ избраніи ея, переноситъ на нее свои политическія права. Затѣмъ онъ превращается въ простаго подданнаго. Въ какомъ отношеніи будетъ находиться онъ къ этой власти въ качествѣ подданнаго? Руссо увѣрялъ современное человѣчество, что народъ, передавая власть представителямъ, становится ихъ рабомъ. Это было бы совершенно справедливо, предполагая, что народъ передастъ правительству ту власть, которая принадлежала нѣкогда классическому государству и которой самъ Руссо требовалъ для народа, т. е. власть, неограниченную идеею личной свободы и правами личности въ государствѣ. Поэтому, опредѣленіе границъ государственной власти въ видахъ огражденія личной свободы—вотъ что составляетъ стремленіе современнаго гражданина.

Между тѣмъ французскіе реформаторы стремились предложить обществу именно ту свободу, которая была возможна въ древнее и не мыслима въ новое время. Теоріи этихъ мыслителей, во главѣ которыхъ стоитъ Руссо, могутъ быть сведены къ слѣдующимъ положеніямъ:

Свобода состоитъ въ личномъ и непосредственномъ участіи всѣхъ и каждаго въ политическихъ дѣлахъ.

Для установленія такой свободы необходимо дѣйствительное равенство всѣхъ членовъ общества.

Для осуществленія такого равенства необходимо отчужденіе всѣхъ правъ недѣлимаго и всей его свободы въ пользу общества.

Вслѣдствіе этого общество получаетъ неограниченную власть надъ своими членами.

Не смотря на то, что авторами такихъ теорій руководили самыя чистыя и возвышенныя побужденія, практическое примѣненіе этихъ теорій принесло много вреда личной свободѣ. Констанъ возсталъ противъ этихъ началъ, въ особенности же противъ сочиненій Руссо и Мабли. Послѣдній довелъ теорію классической свободы до крайнихъ результатовъ. Подобно Руссо, онъ отождествилъ власть народа съ свободою общества и указалъ на двѣ цѣли, къ коимъ должно стремиться каждое государство: 1) распространеніе полити-

ческихъ правъ на наибольшее количество лицъ, т. е. осуществленіе поголовно-народнаго самодержавія; 2) расширеніе правъ этой власти до возможно большихъ предѣловъ. Отсюда ученіе о всемогуществѣ закона. Законъ можетъ все, и всѣ отношенія должны быть заранѣе опредѣлены закономъ. Мабли приходилъ въ восторгъ отъ египетскаго государственнаго устройства; тамъ все было предусмотрѣно и опредѣлено закономъ; весь день былъ росписанъ заранѣе. Словомъ, говоритъ Констанъ,—ученіе Мабли держится на слѣдующихъ началахъ: законодательная власть неограниченна; личная свобода—зло; если она не можетъ быть уничтожена совершенно, ее необходимо ограничить сильнѣйшимъ образомъ; собственность—зло; если нельзя ее уничтожить, необходимо по возможности ослабить ея вліяніе. «Соединеніе этихъ трехъ началъ дадутъ намъ сочетаніе конституціи турецкой и робеспьеровской».

Нѣтъ ничего удивительнаго, продолжаетъ Констанъ,—что примѣненіе этихъ началъ во время революціи произвело сильную реакцію. Общество не хотѣло такой свободы. Оно находило, что фикція народнаго суверенитета—слишкомъ плохое вознагражденіе за тѣ жертвы и лишенія, которыхъ отъ нихъ требовало республиканское правительство. Тщетно это послѣднее твердило гражданамъ слова Руссо, что «законы свободы въ тысячу разъ суровѣе ига тирановъ». Общество неохотно слушало своихъ вождей.

Вожди однако считали своимъ долгомъ заставить народъ быть свободнымъ по ихъ плану. Они объявили, что для основанія свободы необходимъ деспотизмъ. Мы видѣли выше плоды такого воззрѣнія. Констанъ представляетъ необыкновенно мѣткую характеристику политики революціоннаго правительства, исказившаго самое понятіе свободы *).

Что нужно было,—спрашиваетъ онъ,—сказать народу, предоставляя ему свободу? Вы были подавлены привилегированнымъ меньшинствомъ; большинство приносилось въ жертву нѣсколькимъ лицамъ; несправедливые законы покровительствовали сильнаго противъ слабаго; вы пользовались своими немногими правами условно: произволъ могъ каждую минуту лишить васъ ихъ; вы не участвовали ни въ составленіи законовъ, ни въ выборѣ должностныхъ лицъ; всѣ эти злоупотребленія исчезнутъ.

Но что говорили лица, основывавшія свободу посредствомъ деспотизма? Всѣ привилегіи будутъ уничтожены, но всѣ лица, объявленныя *подозрительными*, будутъ казнены безъ суда и слѣдствія; добродѣтель будетъ первымъ и единственнымъ отличіемъ, но самые жестокіе граждане захватятъ въ свои руки неограниченную власть и будутъ поддерживать ее посредствомъ террора; законы будутъ охранять собственность, но имущество «подозри-

*) ib. гл. VIII.

тельныхъ» и аристократовъ будетъ конфисковано; народъ будетъ выбирать своихъ правителей, но если онъ не выберетъ лицъ, назначенныхъ заранѣе, выборы будутъ объявлены ничтожными; мнѣнія свободны, но каждое мнѣніе, противное общепринятому воззрѣнію, будетъ наказано какъ покушеніе противъ государства...

Деспотизмъ республиканскаго правительства по наслѣдству перешелъ къ Наполеону. Онъ также провозгласилъ свободу главною задачею своего правительства; но отъ этого объявленія правительство не стало свободнымъ.

Констанъ побѣдоносно опровергаетъ теорію абсолютизма въ формѣ Наполеоновской монархіи *). Въ его время такое опроверженіе было настоятельною необходимостью. Оно было необходимо не для того, чтобы противодѣйствовать лично Наполеону. Его монархія колебалась; «первое отреченіе» было уже близко. Союзники готовы уже были бросить титана на маленькій островъ. Теорія абсолютистовъ была опасна именно благодаря союзникамъ. Они пришли возстановлять «порядокъ», нарушенный революціей. «Порядокъ» же, въ противоположность революціи, большая часть изъ нихъ принимала за абсолютизмъ. Констанъ, очевидно, не могъ желать такой перемѣны. Мы видѣли уже, что онъ желалъ «свободы и Бурбоновъ» для свободы. Онъ старался установить настоящее понятіе о свободѣ, отличить его отъ прежнихъ воззрѣній на этотъ предметъ, именно для того, чтобы абсолютизмъ не восторжествовалъ во Франціи во имя злоупотребленій прежней свободы. Республиканцы ошиблись; они дали народу такой видъ свободы, который ничѣмъ не отличается отъ абсолютизма; не вводите же абсолютизма потому, что Франціи прежде была дана ложная свобода; дайте намъ настоящую свободу и конституціонное правительство,—вотъ заключительное слово Констана.

Онъ справедливо боялся абсолютизма; справедливо видѣлъ въ монархіи Наполеона одинъ изъ его видовъ. Но съ большимъ основаніемъ можно предположить, что если бы трактатъ знаменитаго публициста былъ написанъ не въ такое горячее время, Констанъ увидѣлъ бы, что абсолютизмъ Наполеона отличался отъ абсолютизма стараго порядка не тѣмъ только, что Наполеонъ былъ узурпаторъ, а прежніе короли были монархами законными; увидѣлъ бы, что «узурпація» была не отреченіемъ отъ революціи, а ея естественнымъ выводомъ,—не противоположностію свободы, а одною изъ формъ той свободы, о которой мечтали республиканцы.

Монархія Наполеона была демократическою и республиканскою монархіею. Всѣ начала, провозглашенныя революціею, свято сохранены конституціею VIII и 1804 года. Самодержавіе народа, всеобщая подача голосовъ, участіе каждаго совершеннолѣтняго француза въ общественныхъ дѣлахъ—все

*) De l'esprit de la conquête, etc. 2 p., ch. X—XIX.

это имѣется въ консульской конституціи. Она была новымъ опытомъ примѣнить къ дѣлу принципъ народнаго самодержавія, потерпѣвшій неудачу во время конвента и директоріи. Одна форма этого самодержавія потерпѣла крушеніе; осталось прибѣгнуть къ другой.

Потерпѣло крушеніе начало, по которому каждому гражданину предоставляется право личнаго и непосредственнаго участія въ государственныхъ дѣлахъ. Должно оно было рушиться потому, что полное и дѣйствительное примѣненіе его требовало предварительнаго уравненія всѣхъ гражданъ не только относительно ихъ правъ (т. е. равенства предъ закономъ), но и относительно ихъ имущества и другихъ экономическихъ и общественныхъ условій. Не смотря на конфискацію церковныхъ и частныхъ имуществъ и продажу ихъ, не смотря на прогрессивный налогъ и аграрные законы—это не удалось. Принципъ народнаго самодержавія въ этой формѣ остался фикціей. Конституція 93 г. провозгласила его... на бумагѣ; конституція эта была и осталась только бумагой.

Оставалось придумать другую форму для этого принципа. Начало всеобщаго народнаго самодержавія и политическаго равенства можетъ быть осуществлено безъ измѣненія экономическаго и общественнаго строя государства—путемъ сосредоточенія всей суммы власти въ одномъ лицѣ или учрежденіи, дѣйствующемъ во имя народа и по его порученію. Тогда изъ «фикціи» народнаго самодержавія, безполезной въ первомъ случаѣ, можно сдѣлать какое нибудь полезное употребленіе. Конвентъ первый воспользовался ея. Онъ написалъ конституцію, гдѣ развилъ съ вполнѣ ученымъ догматизмомъ принципъ народовластія и всѣ его послѣдствія, начиная съ всеобщей подачи голосовъ и кончая «священнымъ правомъ возстанія.» Затѣмъ, создавъ эту статую свободы, онъ набросилъ на нее покрывало «до времени» и началъ дѣйствовать, облеченный всею властью, данной ему народомъ. Благодаря его дѣйствіямъ, революція доведена до конца, Вандея усмирена, внѣшніе враги отбиты. Но «фикція» вывѣтривалась все больше и больше; въ «Наядахъ» Каррье, въ ліонскихъ «Фюзильядахъ», въ законѣ о подозрительныхъ, и подъ гильотиною, вывѣтривалась подъ огнемъ Пишегрю и подъ картечью «гражданина» Наполеона Буонапарте.

Эту «вывѣтренную фикцію» принялъ Сійесъ въ свой проектъ конституціи VIII года. Онъ не могъ сдѣлать изъ нея ничего кромѣ фикціи; онъ поставилъ народъ «внизъ» и объявилъ, что снизу идетъ только довѣріе, но не власть. Надо однако отдать ему честь—онъ остался вѣренъ своему стремленію къ фикціямъ. Ужъ если самодержавіе народа должно было быть фикціею, то все остальное не имѣло права быть ни чѣмъ инымъ. Вотъ почему Сійесъ не допустилъ въ свою конституцію ни одной *реальности*; она вся составлена изъ уравновѣшенныхъ фикцій. Наполеонъ не захотѣлъ быть фикціею и сдѣлался весьма серьезною реальностью, оставивъ все остальное

въ состояніи фикціи. Онъ сдѣлался легально тѣмъ же, чѣмъ комитетъ общественнаго спасенія былъ иллегально.

Констанъ не хотѣлъ *такой* реальности для будущей конституціи Франціи. Между тѣмъ онъ начиналъ приходить къ убѣжденію, что безъ какой бы то ни было реальности ни одна конституція существовать не можетъ. Онъ легко могъ убѣдиться въ этомъ на примѣрѣ проекта конституціи VIII года. Проектъ этотъ, должно согласиться, есть конституціонализмъ очищенный и отдѣленный отъ всего историческаго и реальнаго. Въ немъ нѣтъ ничего кромѣ формулъ. Констанъ самъ былъ частью одной изъ такихъ формулъ, и когда грозная «реальность» начала войну съ «фикціями», онъ долженъ былъ бѣжать и оплакивать всѣ формулы далеко отъ родины. Что же ему оставалось сдѣлать? Отвернуться отъ *реальностей*, развившихся подъ вліяніемъ революціи, и обратиться къ другимъ, уцѣлѣвшимъ отъ революціи реальностямъ. Ихъ было много. Людовикъ XVIII, обломки древняго дворянства, остатки духовенства—вотъ на первый разъ достаточно матеріала для организаціи конституціоннаго короля и палаты перовъ. Палату представителей уже образовать не трудно, и конституція готова. Идите же, Бурбоны! Несите во Францію миръ, обезпеченный штыками союзниковъ, конституцію, октроированную «отъ полноты нашихъ правъ» Людовикомъ, а главное—свободу, свободу!

И Бурбоны пришли. Наполеонъ отправился на Эльбу. Парижъ наполнился представителями разныхъ партій. Столица представляла зрѣлище, нѣсколько напоминавшее первое время революціи. Аристократія снова начала споры съ буржуазіею, духовенство—съ вольтеріанцами, ройялисты—съ республиканцами и либералами. Теперь имъ можно было говорить болѣе или менѣе свободно, хотя бы о хартіи. Хартія должна была удовлетворить всѣ партіи; но, къ сожалѣнію, не удовлетворила ни одной. Старая аристократія находила, что король сдѣлалъ слишкомъ много уступокъ революціи; республиканцы, всегда мало ожидавшіе отъ Бурбоновъ, совершенно разочаровались послѣ первыхъ же дней. Духовенство начало жаркую войну противъ конкордата и горевало объ униженіи церкви. Не удовлетворились и либералы, столь много ожидавшіе отъ хартіи.

Либеральный кружокъ, скитавшійся во время владычества Наполеона въ разныхъ государствахъ Европы, соединился наконецъ въ Парижѣ. Г-жа Сталь открыла свой салонъ и ревностно доказывала его посѣтителямъ необходимость англійской свободы для Франціи. Б. Констанъ попрежнему блисталъ остроуміемъ въ гостиной своего стараго друга. Въ это время онъ написалъ одинъ изъ лучшихъ своихъ трудовъ, именно—комментаріи къ проекту хартіи Людовика XVIII съ планомъ конституціи. Здѣсь его конституціонныя убѣжденія выразились окончательно. Мы поговоримъ объ этомъ трудѣ ниже. Лафайетъ оставилъ свое убѣжище и присоединился къ партіи конституціон-

ныхъ монархистовъ. Но англійская свобода не приходила. Самое дорогое для либераловъ право—свобода печати, положительно обѣщанное 8 ст. хартіи, не осуществилось. Правительство не уничтожило предварительной цензуры для книгъ и оставило журналистику въ распоряженіи исправительной полиціи. Положимъ, что главнымъ цензоромъ былъ назначенъ Ройе-Колларъ, извѣстный своими либеральными убѣжденіями; но самый принципъ былъ ненавистенъ не только либераламъ, но и всей Франціи, согласившейся принять Бурбоновъ только подъ условіемъ свободы. Словомъ, Бурбоны оставили почти все, что было при Наполеонѣ, забывъ, что между нимъ и ими была существенная разница. Наполеонъ владычествовалъ, не смотря на свое деспотическое правительство. Бурбоны могли утвердить свою власть только подъ условіемъ значительныхъ уступокъ тому, что придворная партія называла «революціею».

Уступокъ этихъ не было. Народное представительство проводило время въ отчаянной борьбѣ противъ законовъ о печати, противъ непопулярнаго министерства, противъ разныхъ другихъ невыгодныхъ сторонъ правительства. Борьба эта не приносила никакихъ или почти никакихъ результатовъ. Констанъ ясно начиналъ видѣть, что «реальность» легитимистическаго свойства мало чѣмъ отличается отъ «узурпатора».

Узурпаторъ между тѣмъ зорко слѣдилъ за всѣмъ, что происходило во Франціи. Чрезъ нѣсколько времени онъ убѣдился, что въ случаѣ своего возвращенія въ отечество — онъ будетъ имѣть противъ себя развѣ только тѣ партіи, съ которыми Франція еще не примирилась и которыя, въ свою очередь, не хотѣли и не могли помириться съ Франціей. Сообразивъ все это, орелъ вылетѣлъ изъ острова Эльбы, прервавъ мирныя занятія вѣнскаго конгресса и не мирныя упражненія французскихъ партій. Чрезъ нѣсколько времени онъ былъ уже въ Парижѣ. Смятеніе партій было велико. Особенно безпокоился Констанъ. Онъ зналъ по опыту, что значитъ имѣть Наполеона врагомъ, и понималъ, что послѣ памфлетовъ, въ родѣ вышеприведеннаго, ему нечего разсчитывать на особенно пріятную участь. Поэтому онъ былъ очень радъ найдти въ Парижѣ безопасное убѣжище, въ коемъ онъ могъ укрыться отъ своего грознаго врага. Страхъ публициста предъ императоромъ былъ тѣмъ сильнѣе, что Констанъ, во время тревогъ «втораго пришествія» Наполеона, 19 марта 1815 г. напечаталъ въ Journal des Débats рѣзкую и рѣшительную статью въ защиту Бурбоновъ. Мы говорили объ ней выше *). Кромѣ нападокъ на личность Наполеона и порицанія его политики, статья эта заключала въ себѣ положительное завѣреніе, что ея авторъ всегда будетъ упорнымъ врагомъ императора.

---

*) См. II главу.

Опасенія эти были впрочемъ напрасны. Обстоятельства самого императора и общественное настроеніе Франціи значительно измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ Констанъ издалъ свой трактатъ объ узурпаціи, а Наполеонъ подписалъ первое отреченіе. Наполеонъ могъ возвратить себѣ престолъ, но не могъ возстановить имперіи. Первая и кратковременная реставрація Бурбоновъ оказала Франціи значительную услугу въ томъ отношеніи, что страна могла потребовать отъ Наполеона свободныхъ учрежденій—какъ условія его собственнаго существованія. Наполеонъ весьма хорошо понималъ, что французы могли ему сказать: Бурбоны, хотя навязанные намъ реакціей, дали намъ однако нѣкоторую свободу; не въ правѣ ли мы требовать ее отъ васъ—избранника народа? Можетъ быть, отправляясь съ острова Эльбы, Наполеонъ еще не ясно сознавалъ все это; можетъ быть, онъ надѣялся, что Франція, возмущенная вооруженнымъ вмѣшательствомъ иностранныхъ державъ и презиравшая смѣшныхъ Бурбоновъ, охотно приметъ своего знаменитаго повелителя безъ всякихъ условій. Но по пріѣздѣ въ Парижъ онъ ясно созналъ—и при своемъ практическомъ геніи не могъ не сознать настоятельной необходимости «передѣлать конституцію». Говорятъ, будто суровый завоеватель говорилъ, что если бы онъ зналъ—цѣною какихъ уступокъ придется ему купить престолъ, онъ никогда не оставилъ бы Эльбы. Но дѣлать было нечего. Нужно писать конституцію и писать ее скоро, ибо внѣшнія обстоятельства не оставляли много времени на размышленіе. Притомъ нужно было придать этой конституціи характеръ добровольной и личной уступки со стороны императора, и на основаніи всего этого нужно было лично и съ небольшимъ количествомъ помощниковъ работать надъ конституціею. Къ кому обратиться?

Въ это время Наполеонъ узналъ, что въ Парижѣ находится Констанъ—это «самое блестящее перо конституціонной школы». Императоръ весьма обрадовался этому обстоятельству—обрадовался до такой степени, что г. Себастьяни, доложившій ему объ этомъ, въ первую минуту подумалъ, что Наполеонъ желаетъ отмстить своему старому врагу. Ah, vous le tenez! воскликнулъ государь. Но радость императора происходила изъ болѣе чистаго источника. Констанъ нуженъ былъ ему для конституціи. Онъ приказалъ Себастьяни пригласить къ себѣ знаменитаго публициста.

При такихъ-то обстоятельствахъ бывшій трибунъ увидѣлся съ бывшимъ императоромъ! Исторія и самъ Констанъ въ своихъ мемуарахъ сохранили намъ подробности этого замѣчательнаго свиданія. Императоръ не сказалъ Констану ни слова о прошедшемъ. Для обоихъ собесѣдниковъ нужно было только будущее. Наполеонъ прямо приступилъ къ дѣлу и изложилъ Констану всѣ свои планы и взгляды. Констанъ предъявилъ ему свои требованія. Императоръ охотно уступилъ ему во всемъ. Принципъ народнаго самодержавія, право непосредственнаго выбора представителей (вмѣсто прежняго

облеченія довѣріемъ кандидатовъ на представителей), свобода печати и всѣ другіе виды свободы—во всемъ этомъ собесѣдники согласились тотчасъ. Въ одномъ только пунктѣ произошло значительное разногласіе. Констанъ настаивалъ на введеніи палаты перовъ. Наполеонъ не возражалъ противъ принципа этого учрежденія. Аристократія, сказалъ онъ,—нужна и нужна именно въ свободномъ государствѣ, гдѣ демократія всегда имѣетъ преобладающее вліяніе. Правительство, которое пробуетъ двигаться въ одномъ элементѣ, подобно воздушному шару въ воздухѣ, увлекаемому по направленіямъ вѣтра. Напротивъ, правительство, поставленное между двумя элементами, можетъ по своему усмотрѣнію пользоваться то тѣмъ, то другимъ и никогда не будетъ порабощено. Но затѣмъ императоръ предложилъ своему собесѣднику самый простой вопросъ — откуда набрать эту палату перовъ? Гдѣ элементы французской аристократіи? Старая аристократія? Но развѣ она захочетъ служить Наполеону? Новая? Но развѣ ее можно назвать аристократіей? Впрочемъ, впослѣдствіи Констану удалось убѣдить Наполеона и въ этомъ отношеніи. Наполеонъ согласился еще потому, что зналъ французскую аристократію, и помнилъ какъ она наполняла переднія бывшаго властителя Франціи; тѣмъ охотнѣе, казалось, наполнитъ она палату перовъ, которая—все-таки не передняя.

Результатомъ этихъ разговоровъ было полное очарованіе Констана личностью императора. Онъ согласился принять мѣсто въ его государственномъ совѣтѣ и усердно работалъ надъ проектомъ новой конституціи. Работа шла тѣмъ успѣшнѣе—что его конституціонная теорія была совершенно готова и выражена имъ въ комментаріяхъ на конституцію Людовика XVIII. Въ учрежденіяхъ нечего было мѣнять. Стоило только въ соотвѣтствующихъ случаяхъ вмѣсто слова «король» поставить «императоръ». Конституція наконецъ была издана подъ именемъ «дополнительнаго акта къ конституціямъ имперіи (Acte additionnel aux constitutions de l'Empire), 23 апрѣля 1815 г.». Въ предисловіи къ этому акту, написанному Констаномъ, говорится, что новая конституція имѣетъ цѣлью освятить права гражданъ—введеніемъ представительной системы въ самомъ широкомъ объемѣ и сочетаніемъ политической свободы съ силою власти, необходимою для обезпеченія со стороны иностранцевъ независимости французскаго народа и достоинства короны.

Конституція, дававшая такія блага народу и коронѣ, состояла, какъ извѣстно, въ слѣдующемъ. Императору вручалась исполнительная власть. Законодательную онъ раздѣлялъ съ двумя палатами. Первая палата состояла изъ наслѣдственныхъ перовъ, назначенныхъ императоромъ. Число ихъ было неограничено. Палата представителей составлялась изъ 629 членовъ, по непосредственному выбору (на 5 лѣтъ) департаментскихъ и окружныхъ избирателей. Нижняя палата выбирала своего предсѣдателя съ утвержденія императора. Палата перовъ была высшимъ судилищемъ въ королевствѣ, но отно-

шенію къ министрамъ и другимъ государственнымъ сановникамъ. Нижняя палата имѣла особыя привилегіи относительно бюджета, вотировавшагося каждый годъ. Инициатива закона принадлежала какъ коронѣ, такъ и членамъ палатъ. Министры объявлены отвѣтственными, судьи—не смѣняемыми. Личная и политическая свобода гражданъ обезпечена вполнѣ. Словомъ, «дополнительный актъ» является не только конституціею, но и конституціонною теоріею, и главнымъ образомъ—теоріею Констана. Знаменитый составитель конституціи выразилъ свои убѣжденія не только въ этомъ актѣ, но и въ особомъ трактатѣ «о принципахъ политики», изданномъ имъ въ маѣ 1815 г. *). Эту полную конституціонную теорію Констана въ связи съ его трудомъ о конституціи Людовика XVIII мы разсмотримъ ниже.

Къ величайшему удивленію, дополнительный актъ произвелъ самое неблагопріятное впечатлѣніе на общество. Республиканцы возстали противъ монархическои конституціи съ палатою перовъ; аристократія вопіяла противъ нарушенія принциповъ легитимизма, о которомъ такъ хорошо говорилъ Талейранъ на вѣнскомъ конгрессѣ. Горячіе либералы возстали противъ наслѣдственной аристократіи. Всѣ вознегодовали на то, что императоръ издалъ новую конституцію тѣмъ же порядкомъ, какимъ издавались прежде его многочисленныя дополненія къ конституціямъ имперіи. Правда, «дополнительный актъ» былъ напечатанъ въ Монитерѣ въ качествѣ проекта конституціи. Правительство представило его на народное утвержденіе, посредствомъ всеобщей подачи голосовъ. Но что такое всеобщая подача голосовъ? Граждане прибудутъ въ меріи, къ мировымъ судьямъ и т. д. и на спискахъ напишутъ простое *да* или *нѣтъ!* Имъ дается готовый проектъ закона, написанный 2—3 лицами, не обсужденный въ учредительномъ или иномъ какомъ нибудь собраніи. Проектъ этотъ не есть результатъ всеобщаго сознанія представителей націи, а продуктъ субъективнаго воззрѣнія императора и его помощника!

Былъ ли доволенъ самъ Наполеонъ? Трудно дать на это положительный отвѣтъ. Но не надо обладать особеннымъ знаніемъ человѣческаго сердца, чтобы сказать, что люди вообще не любятъ уступокъ. Особенно же не любилъ ихъ Наполеонъ. Ему ли, еще недавнему властителю Европы, брать политическіе уроки у простаго публициста? Сдержанная горечь Наполеона прорвалась однажды весьма сильно и наглядно. Въ засѣданіи государственнаго совѣта, гдѣ въ послѣдній разъ обсуждалась конституція, члены его начали настаивать на внесеніе въ дополнительный актъ статьи, уничтожавшей право конфискаціи имущества политическихъ преступниковъ. Статья эта,—говорили императору,—есть даже въ хартіи Бурбоновъ. Императоръ

*) Principes de Politique, applicables à tous les gouvernements représentatifs etc. par. B. Constant, conseiller d'Etat. Paris. 1815.

не соглашался (и не согласился). Совѣтники настаивали; особенно сильно говорилъ Б. Констанъ. Наполеонъ вышелъ изъ себя. Грозно возстала предъ совѣтниками фигура раздраженнаго повелителя. «Вы толкаете меня на дорогу, по которой я никогда не шелъ. Общественное мнѣніе портится съ каждымъ днемъ. Франція, настоящая Франція (т. е. не вы, гг. совѣтники) ищетъ старой руки императора—и не находитъ ее. Вы предаете меня безоружнаго всѣмъ факціямъ; народъ и армія не любятъ эмигрантовъ; они вознегодуютъ на меня за снисхожденіе къ нимъ и никогда не простятъ мнѣ, если я оставлю въ ихъ рукахъ средства поддерживать коалицію. Конфискація—мѣра немножко выходящая изъ привычекъ либеральнаго правительства; но обстоятельства Франціи не позволяютъ слишкомъ много либеральничать. Вы хотите сдѣлать изъ меня ангела, но я не ангелъ и никому не позволю нападать на меня безнаказанно!...» Вообще можно съ большимъ основаніемъ сказать, что Наполеонъ искалъ въ новой конституціи вовсе не того, что видѣлъ въ ней кружокъ Б. Констана, т. е. не средствъ «утвердить свободу». Онъ видѣлъ въ ней (и ошибочно) средство привлечь на свою сторону общественное мнѣніе,—опираясь на него, отразить союзниковъ, утвердить свою власть, а тамъ.... Будущее темно, и онъ самъ сказалъ, что онъ не ангелъ.

Вполнѣ удовлетворились новою конституціею только старые либералы—приверженцы англійской свободы и, разумѣется, Б. Констанъ, какъ ея авторъ.

Къ сожалѣнію, радость эта была весьма непродолжительна. Ватерлоо покончило и съ имперіею, и съ новою конституціею. Побѣдоносные Бурбоны возвращались во Францію. Констану, государственному совѣтнику и составителю конституціи Наполеона, нужно было серьезно подумать о своей участи. Трудно было, чтобы Людовикъ XVIII призвалъ его для совѣщаній о новой конституціи. Констанъ рѣшился бѣжать, и дѣйствительно бѣжалъ въ Англію. Оригинальное стеченіе обстоятельствъ: публицистъ, *пятнадцать лѣтъ* враждовавшій противъ Наполеона, теперь бѣжитъ въ Англію изъ-за этого самаго «узурпатора»! Впрочемъ, въ 1816 г. онъ воспользовался амнистіей, объявленной французскимъ правительствомъ, и возвратился въ отечество для новой и блестящей дѣятельности.

По «дополнительному акту» можно судить, какъ видоизмѣнились политическія убѣжденія Констана. Онъ началъ съ республиканскихъ теорій, требовалъ только представителей республики для ограниченія принципа чистой демократіи. Ему одинаково ненавистны были террористы, аристократы и роялизмъ. Онъ мечталъ о сильной республиканской власти, стоящей подобно гранитной скалѣ среди всѣхъ реакціонныхъ и революціонныхъ партій. Директорія не сдѣлалась такою властью, внѣшній конституціонализмъ

Сіейса не могъ ее создать, Наполеонъ I создалъ. Всѣ партіи сложили свое оружіе къ подножію курульнаго стула перваго консула. Имперія закончила революцію. Но эта сильная власть не удовлетворила главной, по мнѣнію Констана, цѣли государства—свободѣ гражданъ. Первый консулъ превратился въ «узурпатора».

Тогда теорія Констана получила новое развитіе. Онъ долженъ былъ окончательно отказаться отъ республиканской теоріи, какъ наилучшей формы государственнаго устройства. Колебанія Франціи отъ деспотизма конвента къ деспотизму Наполеона заставили Констана искать разрѣшенія государственныхъ вопросовъ не въ той или другой формѣ правленія, *а въ опредѣленіи границъ государственной власти во всякой формѣ правленія*. Опредѣлить границы государственной власти, въ чьихъ бы рукахъ она ни находилась, посредствомъ принципа личной свободы—такова цѣль послѣдующихъ трудовъ Констана, прославившихъ его имя. Народное представительство и раздѣленіе властей—таково политическое средство, рекомендуемое имъ для всѣхъ государствъ, желающихъ быть свободными. Замѣчательно, что направленіе, которому теперь слѣдовалъ Констанъ, было направленіемъ общимъ для многихъ великихъ умовъ конца XVIII и начала XIX столѣтія. Такъ, напримѣръ, смотрѣлъ на политику и знаменитый Вильгельмъ Гумбольдтъ; подобно Констану, онъ видѣлъ развитіе революціонныхъ идей и слѣдилъ за нимъ съ любопытствомъ. Подобно Констану (и раньше его) онъ, подъ вліяніемъ политическихъ событій во Франціи, пришелъ къ убѣжденію, что свобода достигается путемъ опредѣленія границъ государственной власти вѣрнѣе и лучше, чѣмъ посредствомъ простаго перемѣщенія власти изъ однѣхъ рукъ въ другія *). Гумбольдтъ идетъ дальше Констана. Отмежевавъ государство отъ личности, онъ не даетъ себѣ даже труда говорить объ организаціи государства **) и затѣмъ утверждаетъ, что эта организація есть дѣло историческихъ условій и складывается подъ вліяніемъ постепеннаго развитія извѣстнаго народа ***). Но Констанъ остался вѣренъ конституціонному знамени. Если свобода не воплощалась для него въ народномъ представительствѣ, то послѣднее по крайней мѣрѣ служило въ его глазахъ самою надежною ея гарантіею. Принципъ представительства избавлялъ страну отъ непосредственной демократіи и демагогіи, предохранялъ ее отъ деспотизма; давая широкій просторъ мнѣніямъ, устранялъ всѣ попытки реакціи. Такъ, подъ гнетомъ террора и деспотизма и страхомъ предъ реакціею сло-

*) См. его классическое сочиненіе Ideen zu einem Versuche die Gränzen der Wirksamkeit des Staats zu bestimmen, написано въ 1791 г., осталось въ рукописи до 1851 г.

**) См. ib. гл. XV.

***) Ib. гл. XVI.

жилась конституціонная теорія Констана, или его система «ограниченія принциповъ».

Послѣдній періодъ его жизни былъ посвященъ всестороннему развитію этихъ началъ въ сочиненіяхъ и рѣчахъ.

VII.

Констанъ бѣжалъ въ Англію съ готовою конституціонною теоріею и возвратился съ нею во Францію, быть можетъ, еще болѣе утвержденный въ своихъ началахъ новымъ посѣщеніемъ «классической страны конституціонализма». Предъ отъѣздомъ изъ Франціи онъ написалъ комментаріи къ «дополнительному акту», въ формѣ систематическаго изложенія началъ конституціонной политики; еще раньше онъ написалъ такіе же комментаріи къ королевской хартіи 1814 года *), съ планомъ конституціи. Это его главнѣйшіе политическіе труды, къ которымъ примыкаютъ мелкія изслѣдованія по разнымъ вопросамъ, какъ, напр., объ отвѣтственности министровъ (De la responsabilité des ministres, 1 изд. 1815, 2-е — 1817 г.), о свободѣ брошюръ, памфлетовъ и журналовъ (De la liberté des brochures etc. 1-е и 2-е изд. 1814, 3-е—1816 г.), о политическомъ ученіи, могущемъ соединить всѣ партіи во Франціи (De la doctrine politique, qui peut réunir les partis en France, 1-е и 2-е изд. 1816, 3-е — 1819 г.). Затѣмъ ему приходилось нерѣдко высказываться по поводу разныхъ политическихъ событій. Такъ появились: его письмо къ Одилону-Барро по поводу извѣстнаго процесса Вильфрида Регьо (Парижъ 1818 г.), о мотивахъ новаго закона о выборахъ (1820 г.), нѣсколько писемъ къ избирателямъ и т. д. Ему принадлежитъ, далѣе, много передовыхъ статей въ разныхъ газетахъ и журналахъ, какъ-то: въ Revue de Paris, La Renommée, Le Courrier, въ Минервѣ, Меркуріѣ, Le Temps и т. д.; онъ читалъ публичныя лекціи въ королевскомъ Атенеѣ, гдѣ, напр., прочитана имъ рѣчь о свободѣ у древнихъ и у новыхъ народовъ. Наконецъ въ 1819 г., въ министерство Виллеля, онъ былъ избранъ депутатомъ въ палату и отличался, какъ дѣятельный членъ оппозиціи. Изъ этого видно, что онъ обладалъ обширнымъ поприщемъ для политической пропаганды и, должно сознаться, дѣйствовалъ въ немъ неутомимо. Дѣятельность его замѣчательна тѣмъ болѣе, что въ этотъ послѣдній періодъ своей жизни, онъ почти ни на шагъ не отступилъ отъ принциповъ той теоріи, которая была имъ выработана подъ вліяніемъ многихъ политическихъ бурь и переворотовъ. Начиная съ 1816 г., когда онъ возвратился во Францію, до 8 декабря 1830 г.,

*) Réflexion sur les constitutions et les garanties, publiées le 24 mai 1814, avec une esquise de constitution par B. Constant. Paris, 1814.

когда друзья проводили его тѣло въ могилу, онъ остался вѣренъ теоріи, которую въ 1814 году онъ привезъ во Францію, въ 1815 увезъ въ Англію, и затѣмъ снова привезъ въ свое отечество.

Общую идею этой теоріи можно выразить слѣдующею краткою формулой: цѣль государства есть свобода личности; средствомъ для достиженія этой цѣли являются конституціонныя гарантіи.

Итакъ идея личной свободы есть высшій принципъ и главная (если не единственная) основа его ученія. Конституція есть только послѣдствіе этого принципа. Что же такое личная свобода?

Прочитывая многочисленные трактаты Констана, читатель невольно пораженъ слѣдующимъ замѣчательнымъ обстоятельствомъ: авторъ весьма много говоритъ о гарантіяхъ свободы и весьма мало о самой свободѣ; нерѣдко онъ отожествляетъ свободу съ ея гарантіями.

Изложимъ здѣсь теорію Констана. Прежде всего, — въ чемъ состоятъ личныя права, т. е. гражданская свобода людей (въ отличіе отъ свободы политической)? Къ личнымъ правамъ, по его мнѣнію, относятся слѣдующія права, которыми каждый гражданинъ пользуется независимо отъ всякой власти *).

1) Личная свобода, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, которую вѣрнѣе можно назвать личною безопасностію.

2) Право судиться предъ присяжными.

3) Религіозная свобода.

4) Свобода промышленная.

5) Неприкосновенность собственности.

6) Свобода печати.

Подъ именемъ свободы личности Констанъ разумѣетъ право не быть заключеннымъ въ тюрьму, сосланнымъ, арестованнымъ иначе — какъ въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ закономъ. Свобода личности есть, слѣдовательно, обезпеченіе гражданина отъ правительственнаго произвола. Но это прямо указываетъ XVIII глава его Principes de Politique **). Здѣсь, вмѣсто опредѣленія принципа личной свободы, идетъ разсужденіе о вредѣ произвола и гарантіяхъ, необходимыхъ для дѣйствительнаго обезпеченія свободы. Въ строго юридическомъ отношеніи Констанъ совершенно правъ. Въ сферѣ права самое лучшее опредѣленіе личной свободы есть ея неопредѣленіе. Свобода, какъ равная для всѣхъ возможность дѣятельности, не регламентируется. Когда законъ объявилъ, что правительство не будетъ по своему усмотрѣнію лишать людей свободы, ссылать ихъ безъ суда и слѣдствія,—закону больше

*) Cours de Politique, т. I, стр. 254.

**) ib. стр. 145—152.

дѣлать нечего. Тогда каждый гражданинъ можетъ быть увѣренъ, что если онъ не совершилъ преступленія, предусмотрѣннаго закономъ, онъ никогда не попадетъ ни въ тюрьму, ни въ ссылку. Но какая свобода обезпечивается правомъ незаключенія въ тюрьму? Когда мы называемъ гражданина свободнымъ, это значитъ, что ему принадлежитъ право развивать свои способности и достигать различныхъ цѣлей своего существованія, какъ онъ ихъ понимаетъ. Для этого ему мало быть увѣреннымъ, что рука правительства никогда его не коснется, если онъ не совершитъ никакого противозаконнаго акта. Да, если онъ не совершитъ никакого противозаконнаго акта. Слѣдовательно, *безусловно* гарантируется только свобода человѣческой личности, пока она не проявится въ какой нибудь положительной дѣятельности, т. е. въ сущности свобода бездѣйствія или, maximum, равная для всѣхъ возможность пріобрѣтенія правъ. Но какъ только человѣческая мысль и воля выразились въ печати, въ религіи или промышлености, она сталкивается съ рядомъ запретительныхъ законовъ, ограничивающихъ ея дѣйствія. Другими словами, если мы не дадимъ свободѣ никакого реальнаго содержанія, она будетъ неограниченна; если мы составимъ это понятіе изъ дѣйствительныхъ правъ, оно всегда будетъ ограничено.

Вотъ почему Констанъ стремится впослѣдствіи идею этой свободы опредѣленной правомъ незаключенія въ тюрьму по произволу, восполнить болѣе дѣйствительными, практическими признаками.

Констанъ довелъ результаты своего принципа до конца. Общимъ принципомъ его политической теоріи постоянно остается личная свобода. Все остальное является только гарантіею этого начала. Это обстоятельство должно было привести къ оригинальному взгляду на общественныя установленія, на дѣятельность лица въ обществѣ и на всѣ элементы общественной жизни.

Такъ напр., Констанъ разсматриваетъ институтъ присяжныхъ не столько съ судебной, сколько съ индивидуально-общественной точки зрѣнія и прямо помѣщаетъ его въ число *правъ личности*. Вообще можно сказать, что Констанъ какъ будто оставляетъ въ сторонѣ общественное значеніе личной дѣятельности и, вслѣдствіе этого, многіе элементы общественной жизни низводитъ на степень фактовъ индивидуальныхъ.

Таковъ же его взглядъ на религію. Онъ не видитъ въ ней основы общественнаго порядка; ея вліяніе на развитіе человѣческихъ обществъ ему какъ будто непзвѣстно. Для него религія — есть одинъ изъ видовъ проявленія свободной человѣческой личности, которому государство ни въ какомъ случаѣ не должно препятствовать. То же самое, и даже въ еще въ большей степени, говоритъ онъ, относительно промышлености. Экономическая дѣятельность *) съ его точки зрѣнія есть также только одна изъ формъ про-

*) Cours. t. I p. 356 и слѣд.

явленія индивидуальной свободы во внѣшнемъ мірѣ. Вотъ съ чего онъ начинаетъ свое изслѣдованіе.

Общество, говоритъ онъ, не имѣетъ другихъ правъ надъ недѣлимыми, кромѣ права препятствовать имъ вредить другъ другу. Тѣ же права имѣетъ власть и относительно экономической дѣятельности. Экономическая же дѣятельность одного человѣка не можетъ вредить дѣятельности другаго, пока онъ не требуетъ въ свою пользу помощи, чуждой экономическому міру. Пока промышленость держится на началахъ свободной конкуренціи, правительство не должно въ нее вторгаться. Констанъ не допускаетъ не только промышленныхъ привилегій и монополій, но даже поощренія, которое правительство могло бы оказывать разнымъ отраслямъ промышленности, восполняя тѣмъ недостатокъ частной предпріимчивости. Констанъ слѣдуетъ въ этомъ отношеніи выводамъ крайней экономической школы, начала которой могутъ быть резюмированы такъ: пусть лучше въ общественной экономіи не будетъ никакого прогресса, если эти улучшенія не могутъ быть достигнуты усиліями частныхъ лицъ.

Общимъ выводомъ ученія Констана о личной свободѣ можетъ быть признано слѣдующее положеніе: невмѣшательство власти въ сферу экономической, религіозной и умственной жизни обусловливается не только тѣмъ, что личность должна пользоваться извѣстными правами, необходимыми для ея свободнаго развитія, но и тѣмъ, что всѣ вышеозначенныя сферы *суть произведенія исключительно личной свободы.*

Констанъ обходитъ общественную сторону экономическихъ и религіозныхъ явленій и беретъ ихъ какъ простые факты индивидуальной жизни, въ которой всѣ вопросы могутъ быть разрѣшены началомъ правомѣрнаго сосуществованія недѣлимыхъ, т. е. равною для всѣхъ гарантіею личной свободы.

Установить эти гарантіи есть задача и единственная цѣль законоположеній и общественной власти.

Организація этой общественной власти покоится, въ ученіи Констана, на общемъ принципѣ его политической философіи — на принципѣ сосуществованія и равновѣсія. Если личная свобода, по мнѣнію Констана, обусловливается равновѣсіемъ свободы всѣхъ недѣлимыхъ, то правильная организація власти обусловливается раздѣленіемъ и равновѣсіемъ государственныхъ властей.

Итакъ и въ индивидуальной и въ политической сферѣ мы встрѣчаемся съ одними и тѣми же условіями—съ равновѣсіемъ и гарантіями этого равновѣсія. По между этими различными *видами равновѣсія* необходимо установить іерархическое различіе. Принципъ равновѣсія въ мірѣ политическомъ, т. е., главнымъ образомъ, равновѣсіе властей есть послѣдствіе общаго, верховнаго принципа равновѣсія въ сферѣ дѣятельности индивидуальной. Первое устанавливается въ виду послѣдняго, которое является един-

ственною цѣлію политической организаціи. Если же принципъ политической организаціи есть такъ-сказать принципъ производный, зависящій отъ идеи личной свободы, какъ высшаго начала политической жизни, то и самая сфера дѣятельности и объемъ политической власти зависятъ отъ этого начала. Цѣль политической организаціи — личная свобода; организація эта не должна противорѣчить личной свободѣ; степень власти соразмѣряется съ потребностями личной свободы. Этими общими положеніями сами собой опредѣляются всѣ пріемы политическаго изслѣдованія Констана. Опредѣлить или, вѣрнѣе, ограничить степень и объемъ политической власти идеею личной свободы; организовать власть въ виду потребностей этой свободы — такова задача политической теоріи Констана, къ изложенію которой мы теперь и приступимъ.

Прежде всего необходимо опредѣлить границы государственной власти. Констану для этой цѣли незачѣмъ было останавливаться на власти правительства, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Правительство (le gouvernement) въ конституціонномъ государствѣ всегда болѣе или менѣе ограничено законами, основными и органическими правами гражданъ, формами судопроизводства и т. д. Поэтому и авторъ «принциповъ политики» могъ говорить только о властяхъ ограниченныхъ. Онъ комментировалъ конституцію 1814 г., дополнительный актъ къ конституціямъ имперіи, т. е. такіе акты, которые не имѣли ничего общаго съ правительственнымъ абсолютизмомъ стараго и новаго времени. Констану нечего было поражать королевскій абсолютизмъ стараго порядка; Бурбоны отказались отъ него, возвращаясь во Францію. Революціонный абсолютизмъ Наполеона также погибъ—дополнительный актъ служилъ тому яснымъ доказательствомъ. Правительство опредѣлило себя какъ совокупность учрежденій дѣйствующихъ или во имя народа, или въ предѣлахъ, ограниченныхъ правами народа. Единственнымъ верховнымъ источникомъ власти считалось теперь право народа. Съ этимъ-то политическимъ элементомъ и приходилось считаться Констану. Правительство дѣйствуетъ во имя народа; этотъ принципъ, говоритъ онъ, полезенъ для ограниченія власти правительства, но не обезпечиваетъ самъ по себѣ личной свободы. Нужно еще опредѣлить, какія права имѣетъ самъ народъ, какъ источникъ политической власти, — въ чемъ заключаются права народнаго суверенитета, — какое полномочіе можетъ онъ дать своему правительству. Если права народа (или общества) надъ отдѣльною личностью неограниченны, — если въ системѣ народнаго представительства, онъ можетъ передать представителямъ власти это неограниченное право надъ личностію, начало личной свободы отъ этого не укрѣпится. Исторія знаетъ примѣры необузданнаго деспотизма, основаннаго на волѣ народа. Во имя правъ народа и народнаго блага можно казнить людей сотнями, конфисковать ихъ имущество, ссылать ихъ цѣлыми кораблями, какъ это дѣлали террористы и

директорія. Не забудемъ, что и военный деспотизмъ Наполеона въ своей основѣ имѣлъ также народную делегацію. Вслѣдствіе этого Констанъ и начинаетъ свои «принципы политики» съ опредѣленія границъ народнаго суверенитета *).

«Дополнительный актъ», говоритъ онъ, признаетъ начало народнаго суверенитета, т. е. верховность общей воли надъ волею всѣхъ недѣлимыхъ. Этотъ принципъ совершенно необходимъ въ конституціонномъ государствѣ. Мало того: онъ фактически примѣняется въ каждой государственной формѣ. Теократія, королевская власть, аристократія, когда онѣ господствуютъ надъ умами—суть общая воля. Если онѣ потеряли господство надъ умами — онѣ суть просто сила. Въ первомъ случаѣ онѣ законны, во второмъ—незаконны. Но признаніе этого принципа въ политикѣ ведетъ къ необходимости опредѣлить природу и объемъ народнаго суверенитета. Безъ точнаго и яснаго его опредѣленія, побѣда теоріи сдѣлалась бы бѣдствіемъ въ практическомъ ея примѣненіи. Абстрактное признаніе народнаго суверенитета не увеличило бы свободы недѣлимыхъ; если бы этому суверенитету былъ приписанъ несоотвѣтствующій объемъ, свобода погибла бы, не смотря на этотъ принципъ, и даже вслѣдствіе его.

Эта предосторожность тѣмъ болѣе необходима, что политическія партіи, какъ бы ни были чисты ихъ намѣренія, отказываются всегда отъ ограниченія суверенитета. Онѣ смотрятъ на себя, какъ на законныхъ наслѣдниковъ суверенитета, и щадятъ, даже въ рукахъ враговъ, свою будущую собственность. Онѣ не любятъ той или другой формы правленія, того или другаго правительственнаго класса; но позвольте имъ организовать власть по своему, поручить ее своимъ представителямъ, и онѣ сочтутъ себя въ правѣ дать ей самые широкіе размѣры.

Когда мы утверждаемъ, продолжаетъ Констанъ, что власть парода неограниченна, мы создаемъ въ человѣческомъ обществѣ и оставляемъ на волю случая—власть саму по себѣ слишкомъ обширную и вредную, въ чьихъ бы рукахъ она ни находилась. Дайте ее одному, нѣсколькимъ, всѣмъ, — результаты будутъ одинаково дурны. Вы будете обвинять за этотъ произволъ представителей власти, будете нападать, смотря по обстоятельствамъ, на монархію, аристократію, демократію, смѣшанное правленіе, представительную систему. Вы будете неправы; должно обвинять степень власти, а не ея обладателей,—орудіе, а не руку имъ владѣющую. Исторія представляетъ много примѣровъ деспотической власти, сосредоточенной въ немногихъ рукахъ; власть эта причиняла много зла; зло вызвало реакцію, но реакція направлялась противъ представителей власти, а не противъ самой

*) Cours, t. I, p. 1 и слѣд. Сравни также ib. p. 273—285.

власти. Вмѣсто того чтобы ограничить власть, ее перемѣщали изъ однѣхъ рукъ въ другія *). Лицамъ этимъ казалось, что онѣ одержали великую побѣду; въ сущности они привели къ новому бѣдствію. Констанъ обвиняетъ Руссо за то, что онъ пустилъ въ ходъ эту теорію. Возражая въ 1820 г. противъ министра иностранныхъ дѣлъ, предлагавшаго какую-то деспотическую мѣру и призывавшаго въ свое оправданіе авторитетъ Руссо, Констанъ говоритъ: «всякая мѣра, имѣвшая въ виду ограниченіе свободы, опиралась на авторитетъ Руссо: не смотря на его любовь къ свободѣ, его сочиненія цитируются всѣми защитниками деспотизма. Руссо служилъ предлогомъ для деспотизма потому, что онъ имѣлъ чувство свободы, но не ея теоріи». Мы видѣли выше вслѣдствіе какихъ соображеній Руссо присталъ къ своему государственному идеалу, и какое вліяніе этотъ идеалъ имѣлъ на систему террористовъ. Констанъ въ первыхъ же своихъ памфлетахъ **) возставалъ противъ абсолютнаго примиренія принципа народнаго суверенитета, требовалъ ограниченія его посредствомъ «принциповъ». Тогда «принципы» играли въ его твореніяхъ довольно отвлеченную роль; теперь они приняли ясный и опредѣленный образъ—правъ личной свободы. Права личности суть основаніе самой справедливости; поэтому права личности предшествуютъ правамъ общества.

Поэтому ограниченіе правъ народнаго суверенитета совершенно необходимо. Ограниченіе это необходимо въ интересахъ личной свободы и въ силу началъ справедливости. Прежде всего ограниченіе правъ народнаго суверенитета основано на томъ, что *личность вступаетъ въ общество съ извѣстными правами, которыми она пользуется независимо отъ общественнаго авторитета.* Есть сфера личной дѣятельности, куда не можетъ вторгаться самое необузданное народное самодержавіе; есть дѣянія, которыя не могутъ быть оправданы никакими соображеніями государственной пользы. «Народъ не имѣетъ права казнить невиннаго, ни обращаться какъ съ виновнымъ ни съ однимъ неосужденнымъ гражданиномъ. Посему народъ не можетъ предоставить этого права ни одному изъ своихъ представителей. Народъ не имѣетъ права посягать на свободу мнѣній, на религіозную свободу, на судебныя гарантіи, — и ни одинъ деспотъ и никакое собраніе не могутъ дѣлать этого, ссылаясь на народное полномочіе. Итакъ каждый деспотизмъ незаконенъ: ничто не можетъ санкціонировать его, даже народная воля».

Но провозгласить ограниченіе народнаго суверенитета въ принципѣ еще недостаточно. Необходимо еще обезпечить эти ограниченія прочными гарантіями личной свободы. Гарантій этихъ Констанъ ищетъ въ организаціи го-

*) Констанъ намекаетъ здѣсь на революцію и теорію Руссо.

**) См. первую статью.

сударственной власти. «Ограниченіе народнаго суверенитета, говоритъ онъ, дѣйствительно и возможно. Она будетъ гарантирована, во-первыхъ, силою, обезпечивающею всѣ истины, признанныя общественнымъ мнѣніемъ, во-вторыхъ, болѣе положительнымъ образомъ, посредствомъ раздѣленія и равновѣсія государственныхъ властей». *).

Въ этомъ стремленіи нельзя не видѣть ключа ко всей государственной теоріи Констана. Вся его теорія государственныхъ властей останется непонятною, если мы не будемъ постоянно имѣть въ виду этой господствующей идеи всей его философіи.

Первымъ результатомъ этой философіи была теорія раздѣленія властей, которую Констанъ заимствовалъ отчасти у Монтескье, отчасти у одного изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей революціи—Клермонъ-Тоннера **). Онъ прибавилъ къ ней и свои оригинальныя черты, рѣзко отличающія его отъ представителей абстрактной конституціонной теоріи. Отъ Монтескье онъ отличается тѣмъ, что требуетъ осуществленія не только идеи раздѣленія властей, отвлеченной Монтескье отъ англійскихъ учрежденій, но осуществленія ея въ формѣ англійскихъ учрежденій, которыя, по мнѣнію Констана, осуществляютъ эту идею вполнѣ. Вотъ почему въ сочиненіяхъ послѣдняго мы не видимъ своеобразныхъ политическихъ комбинацій Сійеса, у котораго отвлеченная идея раздѣленія властей приняла форму, мало напоминавшую англійскія учрежденія. У Констана мы не видимъ стремленія разрѣшить всѣ государственные вопросы путемъ чисто-механическихъ комбинацій. Онъ не старается создать искусственныхъ тѣлъ въ родѣ трибуната, сената и т. д., представляющихъ отвлеченныя понятія. Напротивъ, вездѣ у него замѣчается стремленіе дать государственнымъ властямъ реальное содержаніе, чтобы онѣ представляли дѣйствительный общественный интересъ, и сами были бы столько же частью государственнаго механизма, сколько дѣйствительною общественною силою. Это стремленіе естественно привело Констана къ необходимости основать государственныя учрежденія не на простой идеѣ поголовнаго народнаго суверенитета, не на безформенной массѣ гражданъ, какъ дѣлали его предшественники, а на разныхъ общественныхъ силахъ, имѣющихъ *историческое* значеніе и происхожденіе. Въ этомъ отношеніи ученіе Констана составляетъ переходную ступень отъ школы абстрактныхъ конституціоналистовъ къ школѣ доктринеровъ, развившейся подъ вліяніемъ корифеевъ исторической науки во Франціи.

Болѣе всего оригинальныя воззрѣнія Констана отразились на его ученіи о королевской власти. Понятіе о королѣ, какъ объ особомъ элементѣ госу-

---

*) Cours, I. p. 282.

**) Stanislas de Clermont-Tonnerre.

дарственнаго устройства, совершенно исчезло подъ вліяніемъ революціи и прежнихъ конституціонныхъ теорій. Конституціонная теорія 1791 г. по отношенію къ монархической власти имѣла одну цѣль—уничтожить ея исключительное, своеобразное положеніе въ ряду государственныхъ установленій и поставить ее на одну линію съ прочими государственными властями, дѣйствующими по народному порученію. Король въ конституціи 1791 г. является частью конституціоннаго механизма, основаннаго на отвлеченной идеѣ народнаго суверенитета. Разумѣется, объ историческомъ значеніи этого элемента не могло быть рѣчи. «Король» въ 1791 г. не напоминалъ ничего прошлаго; онъ превратился въ простой терминъ, который съ большимъ удобствомъ могъ быть замѣненъ какимъ угодно названіемъ. Конституція не признавала за королемъ никакого исключительнаго положенія—онъ былъ представителемъ исполнительной власти, т. е. одной изъ властей, организованныхъ конституціею. Констанъ видитъ въ королевской власти много такого, чего не видѣли его предшественники. Во первыхъ, онъ ставитъ королевскую власть отдѣльно отъ другихъ государственныхъ властей.

До настоящаго времени, говоритъ онъ *), въ политическихъ организаціяхъ различали *три* рода властей. Я различаю въ конституціонномъ государствѣ *пять* властей, по существу своему различныхъ (de natures diverses), именно: 1) власть королевскую, 2) власть исполнительную, 3) постоянную представительную власть (de la durée), 4) власть, представляющую общественное мнѣніе, 5) судебную власть.

Постоянная представительная власть сосредоточена въ наслѣдственномъ собраніи (т. е. въ палатѣ перовъ), представительство мнѣнія ввѣряется избирательному собранію, исполнительная власть — министрамъ, судебная — трибуналамъ. Первыя двѣ власти (т. е. два представительныхъ собранія) издаютъ законы, третья заботится объ ихъ исполненіи, четвертая прилагаетъ ихъ къ отдѣльнымъ случаямъ. Королевская власть стоитъ по срединѣ, но *выше* всѣхъ остальныхъ; эта власть—вмѣстѣ посредствующая и верховная, не имѣющая надобности нарушать равновѣсіе властей, а напротивъ прямо заинтересованная его сохраненіемъ.

Гдѣ же основанія этой власти? Въ чемъ состоитъ ея главная задача?

Для того, чтобы власть эта могла занимать такое верховное и нейтральное положеніе среди другихъ властей, ея права должны быть основаны не на идеѣ народнаго суверенитета и на началахъ народнаго представительства, а на совершенно самостоятельныхъ основахъ. Констанъ не выяснилъ этихъ особыхъ основаній и принциповъ королевской власти, но по крайней мѣрѣ стремится къ этому.

---

*) Cours, I, стр. 19.

«Различіе, установленное мною,—говоритъ онъ,—между исполнительною и королевскою властью, вызоветъ удивленіе. Это различіе, всегда игнорируемое, чрезвычайно важно. Оно, можетъ быть, *есть ключъ* къ каждой политической организаціи. Я не приписываю себѣ честь этого различенія; зародышъ его можно найти въ сочиненіяхъ весьма просвѣщеннаго человѣка, который погибъ во время нашихъ смутъ, подобно почти всѣмъ просвѣщеннымъ людямъ» *).

«Въ монархической власти, говоритъ Клермонъ-Тоннеръ, есть двѣ различныхъ власти: власть исполнительная, облеченная положительными прерогативами, и власть королевская, опирающаяся на воспоминанія и религіозныя преданія.»

Въ этихъ словахъ К. Тоннера нельзя не замѣтить нѣкоторой реакціи противъ отвлеченныхъ конституціонныхъ теорій, которыя видѣли въ королѣ только главу исполнительной власти. Онъ полагалъ, что въ королѣ есть что-то кромѣ «народной делегаціи». За это онъ и поплатился 10 августа. Но чрезъ двадцать лѣтъ Констанъ воспользовался указаніемъ своего предшественника. Конституціонная монархія, говоритъ онъ, создала нейтральную власть въ лицѣ короля, окруженнаго *преданіями* и *воспоминаніями*, облеченнаго силою мнѣнія, на которомъ основано его политическое могущество. Когда Гизо въ своей исторіи французской цивилизаціи выяснилъ — какія *преданія* и *воспоминанія* связаны съ идеею королевской власти, теорія конституціоннаго монархизма была готова.

Итакъ, Констанъ требуетъ для короля верховнаго и независимаго положенія; требуетъ же онъ этого именно въ интересахъ дѣйствительнаго равновѣсія всѣхъ другихъ властей, которое безъ этого никогда не установится. Различныя конституціонныя власти, говоритъ онъ, власть судебная, исполнительная и законодательная—суть три пружины, долженствующія (каждая въ своей сферѣ) содѣйствовать общему движенію; но когда эти три двигателя разстроены, пришли въ столкновеніе, мѣшаютъ другъ другу, необходима новая сила, которая могла бы поставить ихъ на мѣсто. Эту силу нельзя помѣстить ни въ одну изъ названныхъ властей, ибо это приведетъ къ уничтоженію другихъ властей. Капитальный недостатокъ прежнихъ конституцій заключался именно въ томъ, что въ нихъ не было такой нейтральной власти, уравновѣшивающей всѣ другія. Сумма власти, которою долженъ бы быть облеченъ монархъ, сосредоточивалась въ рукахъ одной изъ трехъ государственныхъ властей. Иногда такое значеніе получала законодательная власть (долгій парламентъ въ Англіи, конвентъ во Франціи);

*) Авторъ говоритъ о Клермонъ-Тоннерѣ. Онъ былъ дважды предсѣдателемъ учредительнаго собранія и погибъ въ 1792 г. 10 августа, во время ужаснаго возстанія, положившаго конецъ монархическому правленію во Франціи.

иногда перевѣсъ переходилъ на сторону административной власти; въ обоихъ случаяхъ значеніе другихъ властей ослабѣвало, и деспотизмъ одной власти уничтожалъ всѣ гарантіи личной свободы. Напротивъ, въ настоящемъ конституціонномъ государствѣ (Констанъ указываетъ на Англію) равновѣсіе властей поддерживается значеніемъ короля. Когда власть имѣетъ опредѣленное значеніе въ государственномъ управленіи, ни одинъ законъ не можетъ быть изданъ безъ участія двухъ палатъ; ни одно распоряженіе не можетъ быть исполнено безъ подписи министра; ни одинъ приговоръ не можетъ быть произнесенъ иначе — какъ независимымъ судомъ. Но разъ эти предосторожности приняты, посмотрите—какъ англійская конституція пользуется королевскою властью для прекращенія борьбы между властями и устраненія ихъ увлеченій. Если исполнительная власть грозитъ порядку, король увольняетъ министровъ. Если дѣятельность верхней палаты уклоняется отъ своего назначенія, король даетъ ей новое направленіе, назначая въ ея среду новыхъ перовъ; палата ли депутатовъ принимаетъ угрожающее положеніе, король пускаетъ въ дѣло свое veto или распускаетъ палату.

Такъ конституціонная монархія создаетъ эту нейтральную, уравновѣшивающую власть, столь необходимую для правильной свободы. Существованіе такой власти заставляетъ всѣ прочія держаться въ предѣлахъ, указанныхъ закономъ. Этого мало: благодаря независимости и верховности короля, устанавливается настоящая самостоятельная и отвѣтственная исполнительная власть. Конституція, объявляя монарха неотвѣтственнымъ и министровъ — отвѣтственными, проводитъ *рѣзкую черту различія между властью монархическою и исполнительною* *). Отвѣтственность въ государственномъ правѣ всегда предполагаетъ самостоятельность въ той сферѣ дѣятельности, за которую лицо несетъ отвѣтственность; отвѣтственность исполнительной власти обусловливается тѣмъ, что ей отведена опредѣленная сфера дѣятельности, въ которой она дѣйствуетъ самостоятельно. Если бы министры были только пассивными органами, было бы нелѣпо и несправедливо обязывать ихъ отвѣтственностью предъ палатами.

Какова же сфера, въ которой министры дѣйствуютъ самостоятельно? Въ чемъ должна состоять отвѣтственность министровъ?

Намъ кажется, что на послѣдній вопросъ нельзя отвѣтить, не отвѣтивъ предварительно на первый. Отвѣтственность министровъ устанавливается въ виду ихъ дѣятельности, а не наоборотъ. Между тѣмъ, Констанъ слѣдуетъ совершенно другому пути. Онъ выводитъ самостоятельность исполнительной власти изъ ея отвѣтственности. Вслѣдствіе этого въ его конституціонной теоріи нѣтъ ученія отъ исполнительной власти во всемъ ея объемѣ. Ни принципъ, ни пред-

*) Подъ именемъ исполнительной власти Констанъ всегда разумѣетъ министровъ.

меты дѣятельности исполнительной власти, ни значеніе ея въ ряду другихъ властей не выяснены авторомъ. Его исключительно занимаетъ вопросъ объ отвѣтственности министровъ. Можетъ быть, это зависитъ оттого, что вообще ученіе объ исполнительной власти входитъ въ конституціонныя теоріи только своею отрицательною стороною; конституціоналисты останавливаются только на гарантіяхъ, необходимыхъ для устраненія произвола администраціи. Въ качествѣ такой *системы гарантій*, какъ самъ Констанъ опредѣляетъ конституцію, конституціонное право мало обращаетъ вниманія на положительную сторону учрежденій вообще и исполнительной власти въ особенности. Должно при этомъ замѣтить, что настоящаго ученія объ исполнительной власти во времена Констана еще не существовало. Оно обязано своимъ происхожденіемъ теоріямъ административнаго права, которыя были разработаны такими людьми, какъ Кормененъ, Макарель, Фукаръ, Серриньи, Вивьенъ, Батби, Гнейстъ, Л. Штейнъ и друг. Констанъ по-неволѣ долженъ былъ остановиться исключительно на «системѣ гарантій».

За то эта сторона вопроса разработана имъ довольно подробно. Онъ посвятилъ ей много мѣста въ своихъ изслѣдованіяхъ о конституціи *) и кромѣ того особый трактатъ **). Всѣ разсужденія Констана относительно этого предмета проникнуты тою же мыслью, которая лежитъ на основаніи всѣхъ его политическихъ воззрѣній. Министры, по его мнѣнію, должны быть отвѣтственны, потому же, почему монархъ долженъ быть неотвѣтственъ въ видахъ конституціонной свободы. Отвѣтственность министровъ, говоритъ Констанъ, есть необходимое условіе каждой конституціонной монархіи. Не безъ намѣренія помѣстилъ онъ въ концѣ своего трактата «объ отвѣтственности министровъ», главу, посвященную вопросу о личной свободѣ ***).

Нельзя однако сказать, чтобы Констанъ разсматривалъ вопросъ объ отвѣтственности министровъ исключительно съ точки зрѣнія индивидуальной свободы. Онъ устанавливаетъ различные виды отвѣтственности министровъ, сообразно различному характеру ихъ дѣйствій. Министры могутъ быть привлечены къ отвѣтственности:

1) За злоупотребленіе власти,

2) За незаконныя распоряженія, вредныя для общественнаго блага, но не касающіяся интересовъ частныхъ лицъ,

3) За посягательство противъ свободы, безопасности и собственности частныхъ лицъ.

Въ первыхъ двухъ случаяхъ, по мнѣнію Констана ****), министръ является

*) Cours. I, p. 70—89, ib. p. 192—196 etc.

**) De la responsabilité des ministres. ib. p. 383—440.

***) Глава XIV.

****) Онъ развиваетъ это мнѣніе особенно подробно въ своей брошюрѣ „объ отвѣтственности министровъ".

общественнымъ дѣятелемъ, нарушившимъ довѣріе націи и правительства, въ третьемъ—обыкновеннымъ преступникомъ, ничѣмъ не отличающимся отъ частныхъ лицъ, совершившихъ преступленіе. Въ первыхъ двухъ случаяхъ его должно преслѣдовать какъ министра, въ послѣднемъ—какъ частное лицо. Вслѣдствіе этого, въ первыхъ двухъ случаяхъ онъ отвѣтственъ предъ палатами, въ послѣднемъ—предъ обыкновенными судами.

Послѣдній разрядъ преступленій, говоритъ Констанъ, не имѣетъ ничего общаго съ кругомъ правъ и обязанностей министровъ. Если министръ, въ припадкѣ страсти, похититъ женщину, или, въ припадкѣ гнѣва, убьетъ человѣка,—онъ, какъ простой нарушитель общихъ законовъ, долженъ быть наказанъ обыкновенными судами. Тоже должно сказать относительно другихъ подобныхъ преступленій. Министръ, посягающій на свободу или собственность гражданина, дѣйствуетъ не какъ министръ, а потому отвѣтственность его не должна опредѣляться никакими особыми правилами; онъ долженъ отвѣтствовать предъ обыкновенными судами.

Вѣдомству палатъ подлежатъ, слѣдовательно, только политическія дѣйствія министровъ. Въ этомъ отношеніи Констанъ является защитникомъ наибольшей умѣренности палатъ во всѣхъ политическихъ процессахъ. Онъ считаетъ эту умѣренность за одинъ изъ отличительныхъ признаковъ конституціонной свободы. Строгія мѣры противъ министровъ, въ родѣ казни графа Страффорда, суть признаки неразвитой политической жизни. Онѣ несогласны съ самымъ понятіемъ политической отвѣтственности, и узаконеніе ихъ значительно затруднило бы широкое примѣненіе началъ отвѣтственности къ конституціонной жизни.

Всѣ начала политической свободы требуютъ, по мнѣнію Констана, чтобы поводы и предметы политической отвѣтственности министровъ не были точно и строго опредѣлены закономъ. Обвинительной власти палатъ должна быть предоставлена самая широкая свобода; такою же свободою долженъ пользоваться и верховный судъ, при опредѣленіи степени виновности министровъ. Обвинительная власть и судъ, замкнутые въ тѣсныя рамки закона, который не можетъ всего предусмотрѣть, не достигали бы своей цѣли.

Есть, говоритъ авторъ, тысячи способовъ начать безполезную или несправедливую войну, направлять начатую войну или слишкомъ медленно, или поспѣшно, или небрежно, вести переговоры или слишкомъ настойчиво, или слишкомъ слабо, потрясать государственный кредитъ рискованными предпріятіями, или плохо задуманными экономическими мѣрами, или наконецъ, разными злоумышленіями, искусно маскированными. Если бы каждый изъ этихъ способовъ вредить государству—долженъ былъ предусматриваться и специфироваться закономъ, кодексъ отвѣтственности превратился бы въ политическій и историческій трактатъ; да и въ этомъ случаѣ законъ могъ бы предусмотрѣть только прошедшее, но не будущее. А въ будущемъ—каждый

министръ, не уклоняясь отъ буквы закона, нашелъ бы возможность повредить государству. Вотъ почему даже такой строго-юридическій народъ какъ англичане, не создали точныхъ правилъ для отвѣтственности министровъ. Вся совокупность возможныхъ министерскихъ преступленій обозначается у нихъ общимъ и нѣсколько темнымъ терминомъ high crimes and misde meanours.

Благодаря такой неопредѣленности отвѣтственности министровъ, палаты какъ будто пріобрѣтаютъ надъ ними неограниченную и безконтрольную власть. Но этотъ произволъ по необходимости долженъ быть смягченъ парламентскою практикою. Палаты облекаются такою властью не для того — чтобы казнить и уничтожать своихъ противниковъ, а для того—чтобы вредныхъ для государства лицъ устранять отъ дѣлъ. Устраненіе же это не предполагаетъ позорной казни провинившагося министра. Для интересовъ страны, свободы и справедливости совершенно достаточно произнесенія надъ министромъ приговора, лишенія его должности, или простаго выраженія недовѣрія со стороны палатъ. Свобода націи и ея интересы не нуждаются въ казни министра, лишеннаго власти, т. е. всякой возможности вредить. В. Гастингсъ не былъ наказанъ; но этотъ тиранъ Индіи явился на колѣняхъ предъ палатою перовъ,—и голоса Фокса, Шеридана и Борка отомстили за оскорбленное человѣчество. Лордъ Нортъ не былъ даже обвиненъ. Но одной угрозы въ обвиненіи было достаточно для полнаго паденія его самого и его политики. Каждый подобный процессъ приводитъ къ торжеству началъ здравой политики, безъ жалкихъ сценъ казни государственныхъ лицъ.

Ни смерть, ни ссылка того или другаго лица,—такъ заключаетъ Констанъ,—никогда не были нужны для спасенія народа. Спасеніе народа—въ немъ самомъ. Народъ, боящійся жизни или свободы министра, лишеннаго власти,—презрѣнный народъ. Онъ похожъ на рабовъ, убивающихъ своихъ господъ изъ страха — чтобы они не явились къ нимъ съ хлыстомъ въ рукахъ.

Итакъ, гражданская свобода ограждается отвѣтственностью министровъ предъ обыкновенными судами; политическая свобода обезпечивается широкою властью палатъ и юридическою неопредѣленностью министерскихъ преступленій. Эта же неопредѣленность и отсутствіе регламентаціи министерской дѣятельности даютъ послѣдней тотъ необходимый просторъ, какимъ вообще должна пользоваться исполнительная власть.

Эти разсужденія объ отвѣтственности министровъ были бы неполны, еслибы въ конституціонномъ государствѣ отвѣтственность сосредоточивалась въ лицѣ однихъ министровъ. Вся администрація должна раздѣлять съ нимъ эту отвѣтственность; въ противномъ случаѣ свобода и безопасность гражданъ въ большинствѣ случаевъ не будетъ обезпечена. Поэтому отвѣтствен-

ность подчиненныхъ агентовъ администраціи должна служить необходимымъ продолженіемъ и дополненіемъ къ отвѣтственности министровъ *).

Такъ установляетъ Констанъ различіе и раздѣленіе между королевскою и исполнительною властью, необходимое, по его мнѣнію, для конституціонной свободы. Нельзя не признать, что въ этомъ отношеніи онъ пошелъ гораздо дальше своихъ предшественниковъ, которые видѣли въ королѣ главу исполнительной власти, или главу законодательной и исполнительной власти **), но никто не признавалъ короля властью — по природѣ и цѣли своей отличною отъ другихъ конституціонныхъ властей.

Также рѣзко отличается королевская власть и отъ власти законодательной. Послѣдняя сосредоточивается въ рукахъ двухъ палатъ. Онѣ же служатъ и высшей гарантіей политической свободы.

Являясь представителями общественнаго мнѣнія, онѣ служатъ главнымъ выраженіемъ общей воли; ихъ можно назвать націею въ миніатюрѣ. Понятно, что ученіе о народномъ представительствѣ есть центръ тяжести конституціонной теоріи вообще и теоріи Констана въ особенности.

Какіе элементы общества должны войти въ составъ палатъ? Какъ должны быть они организованы? Констанъ требуетъ, какъ мы видѣли выше, двухъ палатъ: одной наслѣдственной, другой выборной. Мы остановимся сначала на послѣдней, такъ какъ она главнымъ образомъ связана съ ученіемъ о народномъ суверенитетѣ, которое Констанъ сдѣлалъ исходною точкою своей теоріи.

Палата представителей состоитъ изъ извѣстнаго количества депутатовъ отъ гражданъ. Слѣдовательно, необходимо опредѣлить прежде всего, кто можетъ избирать и быть избраннымъ въ число представителей. Вопросъ этотъ тѣмъ болѣе важенъ, что этимъ правомъ, по мнѣнію Констана, исчерпываются всѣ политическія права гражданъ. Политическія права, говоритъ онъ, состоятъ въ правѣ быть членомъ различныхъ государственныхъ и мѣстныхъ властей и участвовать въ ихъ избраніи ***). Это положеніе какъ бы совершенно согласуется съ опредѣленіями «декларацій правъ», гдѣ, между прочимъ, говорится, что каждый гражданинъ имѣетъ право участвовать въ составленіи законовъ—лично или чрезъ своихъ представителей. Но нечего вдаваться въ слишкомъ большія подробности, для того, чтобы увидѣть, какъ глубоко различіе между началами Констана и принципами 89 г. «Принципы»

---

*) Этому важному вопросу посвящена XI глава „Принциповъ политики“. Cours I, p. 90 и слѣд.

**) Такъ Блакстонъ въ своихъ комментаріяхъ на англійскіе законы говоритъ, что законодательная власть принадлежитъ королю и парламенту вмѣстѣ, а исполнительная — одному королю.

*** Cours I, стр. 249.

узаконяютъ непосредственную демократію столько же, сколько и представительное правленіе; Констанъ видитъ въ представительствѣ единственное спасеніе для страны; «принципы» даютъ понятію гражданина довольно широкій объемъ, Констанъ съуживаетъ его. Понятіе «парода», по его мнѣнію, не можетъ быть распространено на всѣхъ лицъ, живущихъ на государственной территоріи.

Констанъ никогда не былъ сторонникомъ всеобщей подачи голосовъ и равныхъ политическихъ правъ всѣхъ гражданъ. Ему приходилось высказываться нѣсколько разъ относительно этого предмета; онъ касается его въ своихъ коментаріяхъ на «дополнительный актъ», и въ разсужденіяхъ о конституціи Бурбоновъ.

«Дополнительный актъ» сохраняетъ старое начало конституцій имперіи—всеобщую подачу голосовъ, но сохраняетъ и многостепенные выборы. Имперія, какъ мы видѣли, была построена на фикціи поголовнаго суверенитета народнаго, но ослабляла значеніе этого принципа посредствомъ многостепенныхъ выборовъ и тѣмъ, что выборы не давали избраннымъ никакой делегаціи, которую они получатъ только «сверху». Дополнительный актъ возстановилъ значеніе выборовъ, т. е., уничтожилъ положеніе Сіейса, что le pouvoir vient d'en haut, но сохранилъ многостепенные выборы. Констанъ объявляетъ себя врагомъ такихъ выборовъ *). По его мнѣнію, прямые выборы одни могутъ дать Франціи настоящее конституціонное правительство. Но система прямыхъ выборовъ требуетъ, по мнѣнію Констана, ограниченія числа активныхъ гражданъ и установленія особыхъ условій для пользованія политическими правами. Главнѣйшее изъ такихъ условій есть цензъ или имущественныя условія политической правоспособности. Дополнительный актъ, говоритъ Констанъ, не требуетъ никакихъ имущественныхъ условій для права активнаго гражданства, потому что при многостепенныхъ выборахъ они *фактически* сосредоточиваются въ рукахъ собственниковъ; но если бы избирательныя коллегіи были замѣнены прямыми выборами, введеніе ценза было бы необходимо **).

Ни одно государство, продолжаетъ онъ, не признаетъ своимъ полноправнымъ членомъ—всякаго, кто находится на его территоріи. Самая абсолютная демократія различаетъ два класса лицъ: въ одномъ помѣщаются иностранцы и недостигшіе гражданскаго совершеннолѣтія, въ другомъ—совершеннолѣтніе и родившіеся въ странѣ граждане. Есть, слѣдовательно, принципы, на основаніи коихъ устанавливается различіе правоспособныхъ отъ неправоспособныхъ гражданъ. Эти принципы состоятъ, между прочимъ, въ

*) Ib. p. 39 и слѣд.
**) Ib. p. 53 и слѣд.

томъ, что необходимо обладать извѣстной степенью просвѣщенія и быть прямо заинтересованнымъ въ пользахъ государства, чтобы участвовать въ его дѣлахъ. Въ демократіяхъ принципы эти не имѣютъ широкаго примѣненія; они должны имѣть его въ государствахъ конституціонныхъ и вообще въ государствахъ новаго времени. Рожденіе въ странѣ и зрѣлый возрастъ—недостаточныя условія для политической правоспособности. Лица, по бѣдности своей, находящіяся въ постоянной зависимости отъ другихъ, обреченныя на ежедневный трудъ,—эти лица не просвѣщеннѣе дѣтей въ общественныхъ дѣлахъ и столько же заинтересованы въ нихъ, какъ и иностранцы. Констанъ не думаетъ вредить рабочимъ классамъ. Онъ не отрицаетъ въ нихъ ни патріотизма, ни готовности пожертвовать жизнью за родину. Онъ отрицаетъ въ нихъ то сознаніе пользъ и нуждъ государства, которое могутъ получить лишь лица, имѣющія досугъ. Посему собственность (какъ главное условіе досуга) одна можетъ служить основаніемъ политической правоспособности.

Удивительно странное дѣло! У Констана хватило мужества объявить религію индивидуальнымъ фактомъ, а не стало рѣшимости объявить политическія права такимъ же фактомъ! Этотъ странный, фальшивый принципъ приводитъ его къ нѣкоторымъ положеніямъ, которыя съ большимъ правомъ могли бы принадлежать какому нибудь свирѣпому олигарху, чѣмъ либеральному Констану. Съ величайшею горестью читаемъ мы, напримѣръ, слѣдующее мѣсто:

Обращаясь къ общественному мнѣнію Франціи, онъ говоритъ: «замѣтьте, что необходимая цѣль не-собственниковъ есть пріобрѣтеніе собственности—всѣ средства, которыя вы имъ дадите, они употребятъ для этой цѣли. Если къ свободѣ умственной и экономической, которую вы имъ должны дать, вы присоедините политическія права, *которыхъ вы имъ не должны*, эти права въ рукахъ массы послужатъ къ *захвату собственности*. Одинъ знаменитый писатель замѣтилъ (Констанъ не говоритъ, кто этотъ писатель), что когда классъ не-собственниковъ облеченъ политическими правами, въ политикѣ случается одно изъ трехъ: или они дѣйствуютъ сами по себѣ и тогда разрушаютъ общество, или они дѣйствуютъ по внушенію власти и тогда являются орудіемъ тиранніи, или они подчиняются вліянію претендентовъ на власть и дѣлаются орудіемъ партій».

Итакъ, заключаетъ Констанъ, необходимо, чтобы во всѣхъ представительныхъ государствахъ—всѣ собранія представителей были составлены изъ собственниковъ.

Мы далеки отъ мысли заподозрить Констана въ какихъ нибудь нечистыхъ намѣреніяхъ. Скорѣе всего мы склонны назвать это странное положеніе естественнымъ выводомъ изъ общаго ложнаго принципа. Кромѣ того можно представить нѣсколько объясненій относительно того, какъ Констанъ дошелъ

до такого взгляда, и многія изъ этихъ объясненій могутъ говорить въ его пользу.

Во-первыхъ, Констанъ, выставляя классъ собственниковъ какъ общую основу представительства, становился въ рѣзкое противорѣчіе съ воззрѣніемъ прежняго времени. Онъ требуетъ, чтобы члены палаты депутатовъ представляли извѣстный реальный интересъ. Прежнія конституціи дѣлали изъ депутатовъ представителей извѣстнаго количества гражданъ, между которыми было распредѣлено общее количество всѣхъ депутатовъ.

Констанъ не желаетъ, чтобы депутатъ представлялъ только отвлеченное число и говорилъ про себя: «я столько-то тысячъ гражданъ». Онъ хочетъ, чтобы каждый депутатъ могъ сказать: «я представляю то-то, такую-то силу». Вотъ почему Констану не нравится и система многостепенныхъ выборовъ. Эта система удовлетворяетъ началамъ поголовнаго суверенитета, при которомъ законодательство можетъ успокоиться, если каждая секція гражданъ обезпечена депутатомъ. Какъ выберутъ граждане этихъ депутатовъ — все равно. Напротивъ, когда законодатель требуетъ, чтобы каждый депутатъ представлялъ *нѣчто*, тѣсная и непосредственная связь между депутатами и избирателями совершенно необходима, и оно достигается только съ помощію прямыхъ выборовъ. Многостепенные выборы удаляютъ депутата отъ массъ, которыя онъ представляетъ, на столько, что онѣ его не знаютъ и мало имъ заинтересованы, а онъ знаетъ только кругъ своихъ ближайшихъ избирателей и заинтересованъ только ихъ интересами.

Дать народному представительству реальную почву, сдѣлать изъ него дѣйствительную, разумную силу,—такова задача Констана.

Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ былъ бы умѣреннѣе въ своихъ выводахъ, еслибы воспоминанія о временахъ террора изгладились изъ его памяти. Но какъ только призракъ 1793 года представлялся ему, его консервативная ревность не знала границъ *). Ему казалось, что единственный классъ, заинтересованный сохраненіемъ государства, есть классъ собственниковъ; всѣ остальные суть только орудія разрушенія. Итакъ, первоначальная мысль Констана состояла въ замѣнѣ формальнаго представительства, возведеннаго въ перлъ созданія Сійесомъ, началами реальнаго представительства,—представительства не извѣстной цифры гражданъ, ничего не выражающей, а представительства извѣстныхъ интересовъ. Но воспоминанія о террорѣ заставили Констана признать единственнымъ законнымъ интересомъ—интересъ собственниковъ.

Этого мало. Представительство *собственности вообще* не кажется Констану достаточной гарантіей прочности государственнаго устройства. Онъ

*) См., напр., ib. p. 56.

различаетъ недвижимую и движимую собственность. Только первая (т. е. поземельная собственность), по его мнѣнію, составляетъ истинно консервативный элементъ *), и только этотъ элементъ долженъ составлять все содержаніе палаты депутатовъ. Съ большимъ основаніемъ можно предположить, что эта часть теоріи Констана развилась подъ вліяніемъ англійскихъ учрежденій, построенныхъ главнымъ образомъ на элементѣ землевладѣльческой аристократіи.

И этихъ ограниченій мало для Констана. Сосредоточить всю законодательную власть въ рукахъ одного собранія, даже составленнаго изъ собственниковъ, опасно. Только распредѣленіе законодательной дѣятельности между двумя палатами можетъ обезпечить правильный порядокъ.

Главное сосредоточіе консервативнаго элемента составляетъ палата перовъ. Она главнымъ образомъ заинтересована спокойствіемъ гражданъ **); она составляетъ главную опору монархіи. Ни одинъ англичанинъ не вѣрилъ бы въ прочность конституціи — будь палата перовъ уничтожена. Составленная изъ лицъ, наслѣдственно облеченныхъ высшими почестями, она прямо заинтересована строгимъ соблюденіемъ конституціи и составляетъ надежный противовѣсъ увлеченіямъ палаты депутатовъ. Эта наслѣдственная палата главнымъ образомъ представляетъ всѣ преданія страны, поддерживаетъ неприкосновенность ея основныхъ законовъ, и противится каждому неконституціонному акту.

Въ рукахъ этихъ двухъ палатъ сосредоточиваются важнѣйшія функціи государственнаго управленія: законодательство, высшій надзоръ за администраціею, верховный судъ по политическимъ процессамъ и т. д. Но для того, чтобы дѣятельность палатъ не выходила изъ границъ, не грозила свободѣ гражданъ и самой конституціи,—необходимо создать для нихъ надежный противовѣсъ въ королевской прерогативѣ. Существованіе палатъ безъ такого противовѣса грозитъ странѣ многими бѣдствіями. Констанъ возстаетъ противъ прежнихъ воззрѣній на народное представительство. Прежніе представители разсматривали себя какъ средоточіе народнаго суверенитета, а потому считали себя неограниченными повелителями Франціи. Конституціонная теорія Констана не даетъ неограниченной власти даже народу—тѣмъ менѣе можно допустить неограниченность представителей.

Во-первыхъ, они могутъ увлечься своимъ правомъ издавать законы до такой степени, что страна будетъ наводнена законами не только ненужными, но даже вредными. Каждое учрежденіе, говоритъ Констанъ, имѣющее спеціальную задачу, любитъ выказывать свою дѣятельность, изъ удовольствія

*) Ib. p. 57 и слѣд. Впослѣдствіи Констанъ отказался отъ этой теоріи.
**) Ib. стр. 35 и слѣд.

дѣйствовать и изъ желанія доказать свою необходимость. Лица, коимъ поручено останавливать бродягъ, способны захватить даже мирнаго путешественника. Тоже происходитъ и съ представительными собраніями. Можно сказать, что многочисленность законовъ есть болѣзнь представительныхъ правленій. Посему королевское veto является необходимымъ средствомъ для ограниченія излишняго усердія палатъ.

Но veto есть средство скорѣе пальятивное, чѣмъ радикальное. Притомъ его нельзя употреблять слишкомъ часто. Для полнаго обезоруженія палатъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, король долженъ имѣть право *распускать* ихъ.

Еслибы король не имѣлъ права распускать палату представителей, она скоро сдѣлалась бы неограниченною властью въ государствѣ. Въ такомъ случаѣ представители народа были бы не защитниками свободы, а кандидатами въ тираны,—и тиранія, ими установленная, была бы самою ужасною изъ всѣхъ тираній. Въ представительномъ правленіи народъ можетъ быть свободенъ только тогда, когда палата представителей будетъ сдержана въ надлежащихъ предѣлахъ.

Силу же, сдерживающую палату, нельзя сыскать въ ея средѣ. Доказываютъ, говоритъ Констанъ, что въ хорошо составленной палатѣ всегда можно разсчитывать на благоразумное большинство. Но горькій опытъ доказалъ, что это надежда тщетная.

Учредительное собраніе во Франціи состояло изъ самыхъ просвѣщенныхъ и уважаемыхъ людей. Въ средѣ его не было ста членовъ, желавшихъ уничтоженія монархіи; и не смотря на это, имъ было сдѣлано все, что нужно было для цѣлей радикальной революціонной партіи.

Большинство никогда не можетъ дѣйствовать какъ слѣдуетъ, если оно не найдетъ опоры въ силѣ, стоящей внѣ собранія. Крѣпко сплоченное и рѣшительное меньшинство легко завладѣетъ большинствомъ, и будетъ вести его по своему усмотрѣнію. Только королевская власть, независимая и стоящая внѣ собранія, можетъ возстановить надлежащій порядокъ.

Если право роспуска является достаточною мѣрою противъ палаты представителей, то по отношенію къ палатѣ перовъ необходимы другія мѣры. Она состоитъ изъ наслѣдственныхъ членовъ; поэтому роспускъ ея въ данную минуту не устранилъ бы опасности. При новомъ созывѣ палатъ, прежніе члены явились бы на свои мѣста. Поэтому каждая конституція должна предоставить королю право возобновлять составъ палаты перовъ введеніемъ въ ея составъ новыхъ членовъ. Конституція не должна ограничивать числа членовъ этой палаты; король долженъ имѣть неограниченное право создать во всякое время нѣсколько новыхъ перовъ, которые измѣнятъ общее направленіе ея политики.

Такова, въ общихъ чертахъ, конституціонная теорія Констана. Она во многихъ отношеніяхъ сходна со всѣми конституціонными теоріями, но пред-

ставляетъ въ то же время многія черты, составляющія отличительные признаки не столько теоріи Констана, сколько той эпохи, въ которую приходилось ему дѣйствовать.

Мы остановимся на этихъ характеристическихъ чертахъ, прежде чѣмъ приступимъ къ окончательной оцѣнкѣ его теоріи. Черты эти, какъ легко можно припомнить, состоятъ въ слѣдующемъ:

Идея личной свободы и ограниченіе всѣхъ государственныхъ властей во имя этой идеи развита имъ до конца. Прежнія конституціонныя теоріи довольствовались ограниченіемъ верховной власти правами народа. Констанъ требуетъ ограниченія народныхъ правъ правами личности.

Организація государственной власти имѣетъ одну цѣль—гарантію личной свободы. Въ виду этого требованія построена имъ теорія раздѣленія властей.

Предложенное имъ раздѣленіе властей рѣзко отличается однако отъ всѣхъ предыдущихъ попытокъ въ этомъ родѣ. Въ конституціи 1791 года, въ конституціи Сійеса, всѣ власти основаны прямо на народной делегаціи; онѣ представляютъ собою волю народа, дѣйствующую въ томъ или другомъ направленіи; онѣ дѣйствуютъ во имя народа, во имя закона, во имя разныхъ отвлеченныхъ принциповъ. Въ конституціонной теоріи Констана только одна власть или, вѣрнѣе, отдѣлъ власти построенъ прямо на народной делегаціи—это палата представителей. Всѣ другія власти построены на другихъ началахъ; онѣ представляютъ не народъ, а извѣстный элементъ общества и государственнаго устройства, и дѣйствуютъ прямо отъ *своего имени*. Таково значеніе королевской власти и палаты перовъ. Исполнительная и судебная власти имѣютъ одинъ общій источникъ—королевскую власть. Правда, онѣ поставлены въ независимое положеніе, но далеко не имѣютъ того верховнаго значенія, какое давалось имъ въ прежнихъ конституціонныхъ теоріяхъ.

Мы видѣли уже, подъ вліяніемъ какихъ обстоятельствъ сложилась эта теорія Констана. Абстрактное, чисто логическое построеніе государства на отвлеченной идеѣ поголовнаго народнаго суверенитета, казалось, отжило свой вѣкъ. Констанъ сочеталъ конституціонныя категоріи и принципы съ историческими элементами французскаго общества, возвратившимися въ эту страну послѣ паденія Наполеона. Потребность подобной организаціи ощущалась давно. Сійесъ мечталъ уже о подобіи монархической конституціонной власти; но при отсутствіи всякихъ историческихъ элементовъ во Франціи, изъ этой идеи вышелъ «великій избиратель». Констанъ создалъ уже настоящаго «короля». Сенатъ Сійеса, «отвлеченное понятіе о палатѣ перовъ», долженъ былъ превратиться въ настоящую палату перовъ.

Но имѣли ли эти нововведенія какое нибудь вліяніе на конечные результаты конституціонной теоріи? Для чего Констанъ далъ новыя основанія королевской власти, палатѣ депутатовъ и т. д.? Нельзя не замѣтить, что цѣль

его ничѣмъ не отличается отъ цѣли другихъ конституціоналистовъ—государственное міросозерцаніе его осталось то же самое. Эта цѣль—обезпеченіе личной свободы путемъ формальныхъ гарантій. Почему онъ требуетъ для короля особеннаго положенія? Потому что власть короля должна поддерживать равновѣсіе между другими государственными властями. Это маятникъ огромной государственной машины. Констанъ видитъ въ королѣ эту уравновѣшивающую власть (pouvoir régulateur). Аттрибуты этой власти въ концѣ концовъ выводятся имъ изъ этой потребности равновѣсія. Въ прежнихъ конституціяхъ, говоритъ онъ, нѣкоторыя изъ государственныхъ властей, кромѣ обыкновенныхъ своихъ аттрибутовъ, пользовались еще извѣстной степенью власти, необходимой для установленія *единства* въ государственномъ управленіи. Вслѣдствіе этого такія власти получили преобладающее вліяніе, нарушали *равновѣсіе* въ государственномъ управленіи. Посему эта излишняя сумма власти должна быть сосредоточена въ рукахъ лица, стоящаго внѣ другихъ государственныхъ властей. Чѣмъ же становится король—представителемъ единства въ управленіи или средствомъ для равновѣсія властей? Все ученіе Констана стремится къ тому, чтобы дать королю только послѣднее значеніе. Если бы король служилъ представителемъ единства въ государственномъ управленіи, ему необходимо было бы дать извѣстную степень положительнаго вліянія на ходъ администраціи. По «королю» Констана не предоставляется ничего подобнаго. Всѣ его аттрибуты отличаются чисто отрицательнымъ характеромъ, суть такъ-сказать коррективныя мѣры относительно властей, нарушившихъ равновѣсіе. Таковы: право роспуска палатъ, veto, право назначенія новыхъ перовъ, смѣны министровъ и т. д. Пока власти находятся въ равновѣсіи, король можетъ бездѣйствовать, ибо власть законодательная вручена палатамъ, власть исполнительная—министрамъ, судебная—судамъ и т. д. Король же царствуетъ, но не управляетъ.

Тоже должно сказать относительно другихъ властей. Для чего Констанъ ввелъ «настоящую» палату перовъ? Чтобы устроить противовѣсъ палатѣ депутатовъ и т. д.

Во всей этой массѣ властей не видно только одной—власти, представляющей единство управленія. Прежнія конституціи имѣли такія власти. Конвентъ былъ дѣйствительно верховнымъ повелителемъ Франціи; Наполеонъ былъ настоящимъ императоромъ. Конституціонныя же власти Констана должны наблюдать равновѣсіе.

Результатомъ такого равновѣсія будетъ полная свобода; результатомъ свободы—полное примиреніе всѣхъ партій, общественное единство Франціи, разрозненной революціею, и соединеніе всѣхъ въ одинъ свободный народъ.

Констанъ сильно разсчитывалъ на этотъ результатъ. Въ 1816 г., возвращаясь во Францію, онъ написалъ небольшую брошюру *), въ которой онъ

*) De la doctrine politique qui peut réunir les partis en France, 1-е изд. 1816, 2-е 1819 г.

горячо и убѣдительно доказываетъ, что конституціонная свобода соединитъ всѣ партіи вокругъ трона и конституціи. Достаточно обезпечить равенство предъ закономъ, свободу совѣсти, личную безопасность, свободу слова, и страна будетъ обезпечена отъ всѣхъ партій

Ему не пришлось однако увидѣть осуществленія этого предсказанія. При Людовикѣ XVIII онъ горячо боролся противъ старыхъ партій. Онѣ заставили его удалиться отъ дѣлъ при Карлѣ X. Онъ удалился, и въ тишинѣ кабинета занимался исторіею религій. Іюльская революція, казалось, снова призывала его къ политической дѣятельности. Къ сожалѣнію, 8 декабря 1830 г. онъ умеръ. Въ 1831 г. его тѣло перенесено въ Пантеонъ. Но оставленная имъ конституціонная теорія не умерла и не похоронена въ Пантеонѣ. До настоящаго времени его имя служитъ знаменемъ для лицъ, понимающихъ свободу и начало государственнаго устройства такъ, какъ понималъ ее Констанъ. Поэтому мы и постарается сдѣлать общую оцѣнку значенія его теоріи для современной Франціи.

IX.

13 апрѣля 1655 г. молодой король Франціи Людовикъ XIV явился въ парламентъ, въ охотничьихъ сапогахъ, съ бичемъ въ рукѣ, и объявилъ смущеннымъ его членамъ, что онъ не потерпитъ съ ихъ стороны никакого противодѣйствія. 21 января 1793 г. голова послѣдняго неограниченнаго короля была показана народу. Въ 1614 г. на соборѣ земскихъ членовъ ораторъ третьяго сословія сравнилъ всѣ сословія Франціи съ тремя братьями. Ораторъ отъ дворянства, отвѣчая предъ королемъ на эту рѣчь, говорилъ слѣдующее про третье сословіе: «сословіе, составленное изъ люда городскаго и сельскаго, причемъ послѣдній находится въ феодальной зависимости отъ дворянства и духовенства, а первый состоитъ изъ мѣщанъ, купцовъ, ремесленниковъ и нѣсколькихъ чиновниковъ;—и этотъ людъ, забывая свое положеніе и всѣ свои обязанности, безъ согласія тѣхъ, кого онъ представляетъ, осмѣливается равняться съ нами!» Въ 1789 г. третье сословіе объявляетъ себя *всѣмъ*, и первыя два вѣрятъ ему, и не только вѣрятъ ему, но добровольно накладываютъ на себя руки.

Не надо быть особенно проницательнымъ политикомъ и историкомъ, чтобы усмотрѣть, что между тѣмъ временемъ, когда король говорилъ: «государство—это я», и тѣмъ, когда онъ превратился въ Людовика Капета, а его жена въ veuve Capet,—между тою эпохою, когда vilain былъ бранымъ словомъ, и тою, когда ces chiens d'aristocrates сдѣлались всѣ «подозрительными» —разница не во времени и прогрессѣ, а разница въ принципахъ. Этого мало. Каждое время имѣетъ свои принципы и даже свои преобладающіе принципы. Но разница между различными періодами французской исторіи заключается въ томъ, что въ каждомъ изъ нихъ мы видимъ *одинъ*,

не просто преобладающій, а безусловно господствующій принципъ. Прочіе «принципы» лежатъ въ это время подъ спудомъ, дожидаясь случая и времени, когда имъ можно будетъ добиться безусловнаго господства.

Что бы ни говорили про французовъ, а это самый логическій народъ въ свѣтѣ,—въ томъ смыслѣ, что ни одинъ народъ не умѣетъ довести каждую идею до конца и дать ей полное практическое примѣненіе такъ, какъ они. Дайте имъ организовать монархію—и они организуютъ ее такъ, что ни одному «элементу» рѣшительно нечего будетъ дѣлать въ государствѣ. Вручите имъ теорію раздѣленія властей—и они раздѣлятъ такъ, что властямъ придется или бездѣйствовать, или захватывать чужія права. Другіе народы тоже имѣли дѣла съ принципами; но они не забывали жизни, а потому и не видѣли никогда такого полнаго господства принциповъ. Королевская власть монарховъ Германіи была въ принципѣ столь же абсолютна, какъ и власть королей Франціи,—палка Фридриха II стоила хлыста Людовика XIV. Но de facto короли никогда не уничтожали вполнѣ ни сословной, ни муниципальной жизни. Принципы сіяли здѣсь не такъ ярко, но жизнь была гораздо полнѣе; реформы были менѣе послѣдовательны, но прогрессъ—непрерывнѣе и постояннѣе.

Въ качествѣ самаго логическаго народа въ свѣтѣ, французы являются и самымъ революціоннымъ. Разсматриваемая съ логической точки зрѣнія, революція есть доведеніе извѣстной идеи до крайнихъ ея выводовъ, и притомъ выводовъ не жизненныхъ (т. е. не вызываемыхъ требованіями жизни), а логическихъ, требуемыхъ силлогизмомъ. Какой бы общественный переворотъ ни переживала Франція, общественное сознаніе не останавливалось только на однѣхъ практическихъ причинахъ, вызвавшихъ реформу, и на ея ближайшихъ практическихъ послѣдствіяхъ, а вело дѣло туда, куда можетъ вести его отвлеченная и безпощадная логика.

Эта логическая способность отличала французовъ во всѣ эпохи ихъ развитія. Благодаря ей каждая часть общества рано достигала полнаго самосознанія и умѣла опредѣлить свое положеніе среди другихъ. Нигдѣ сословное раздѣленіе не было такъ глубоко, и нигдѣ каждое сословіе не видѣло съ такою ясностью, чѣмъ ему предстоитъ быть въ силу логической необходимости. Въ XIV столѣтіи можно было предсказать, чѣмъ сдѣлается третье сословіе въ XVIII. Политическіе планы Этьена Марселя ничѣмъ не отличаются отъ плановъ людей 1789 г. «Общественное единство и административное однообразіе; равное распространеніе политическихъ и гражданскихъ правъ; передача суверенитета изъ рукъ короля въ руки народу; превращеніе сословныхъ земскихъ чиновъ въ народное представительство; безграничное вліяніе Парижа; демократическая диктатура и терроръ во имя общаго блага; введеніе національныхъ цвѣтовъ и т. д. *)». Такъ думалъ человѣкъ

*) См. A. Thierry. Essai sur l'histoire du tiers-état, I p. 54.

въ 1355 г.! Знаменитый историкъ, у котораго мы заимствуемъ это извѣстіе, прибавляетъ: «Марсель жилъ и умеръ во имя идеи ускорить, посредствомъ народныхъ массъ, дѣло общей нивеллировки.... Но его несчастіе и преступленіе состояло въ томъ, что онъ имѣлъ *безпощадныя убѣжденія.*» Эти «безпощадныя убѣжденія» были идеею третьяго сословія. Когда ему пришлось сказать свое рѣшительное слово въ эпоху революціи 1789, оно сказало то, что было сказано въ 1355 г.

То же самое можно сказать и о другихъ элементахъ французскаго государства. Феодальная аристократія понимала свое призваніе также, какъ и третье сословіе. Въ теоріи Марселя не было мѣста дворянству и духовенству; въ феодальномъ обществѣ не было мѣста третьему сословію. Феодаламъ нужны были порабощенный народъ и безгласная центральная власть—они добились полнаго угнетенія вилановъ и королей-лѣнивцевъ. И міръ не представлялъ, да врядъ-ли и представитъ когда нибудь такое униженіе королевской власти. Первые Капетинги владѣли только пятью департаментами нынѣшней Франціи, да и на этомъ пространствѣ власть ихъ была стѣснена разными Монфорами, Монлери, Шюизе, Куси и т. д. На народъ Капетинги не имѣли никакого вліянія—врядъ-ли они имѣли съ нимъ какія нибудь отношенія. Владѣлецъ послѣдняго замка имѣлъ для народа большее значеніе, чѣмъ король. Дѣлать королямъ было нечего, да они ничего и не дѣлали. Современныя хроники говорятъ объ нихъ мало и въ юмористическомъ тонѣ. Анжуйская лѣтопись дѣлаетъ слѣдующій отзывъ о двухъ корольхъ: «мы видѣли праздное правленіе короля Роберта; сынъ его, нынѣшній *корольекъ*, не уступаетъ отцу въ постыдной лѣни *)». Обновителю французской монархіи Людовику VI пришлось дѣйствовать съ слабыми средствами и направлять ихъ на довольно незначительныя предпріятія. Но молодой король и всѣ его преемники сразу почувствовали, что они представители какой-то великой идеи, или, вѣрнѣе, что королевская власть—великая идея. Оттого всѣ свои предпріятія они выполняли съ такимъ достоинствомъ и важнымъ видомъ, что предпріятія ихъ стали дѣйствительно великимъ дѣломъ. Взятіе какого нибудь замка Шюизе имѣло для исторіи Франціи такое же значеніе, какъ завоеванія Людовика XIV. Причина этого заключается въ томъ, что Людовикъ VI бралъ замокъ Шюизе съ тѣмъ же духомъ и тѣми же идеями, съ какими Людовики XI и XIV брали обширныя области. Людовикъ VI разрушилъ замки феодаловъ потому, что обязанность государей — подавлять могущественною рукою, *по первобытному праву своей должности*, кичливость тирановъ». Прелаты уже на колѣняхъ молятъ короля, «какъ намѣстника Божія, какъ живой образъ божества», избавить ихъ отъ притѣсненій

*) См. Грановскаго, аббатъ Сугерій.

феодаловъ. Еслибы Людовикъ бралъ замки, какъ брали ихъ другіе сильные феодалы, монархическая власть не развилась бы во Франціи въ такихъ объемахъ. Но онъ совершилъ всѣ эти предпріятія, во имя высокихъ представленій о королевской власти, и его ничтожные походы положили основаніе могущественному государству. Народъ началъ вѣрить въ эти громадныя притязанія, и короли сдѣлались средоточіемъ народной жизни. Логика довершила остальное. Людовикъ XIV былъ естественнымъ выводомъ изъ такихъ посылокъ, какъ Филиппъ Красивый и Людовикъ XI.

Что насъ поражаетъ въ исторіи Франціи—это то, что каждый элементъ ея государства имѣетъ свою особенную, исключительную идею, осуществленіе которой парализировало или уничтожало другіе элементы. Можетъ быть, эта исключительность происходитъ отъ того, что зарожденіе идей каждаго элемента совпадаетъ съ эпохою крайняго его упадка, и является какъ реакція противъ господствовавшаго до тѣхъ поръ элемента. Людовикъ VI начинаетъ дѣйствовать немедленно послѣ такихъ монарховъ, какъ Филиппъ и Генрихъ I. Идеи третьяго сословія образуются подъ вліяніемъ неслыханнаго феодальнаго гнета. Слѣдовательно, и идея каждаго элемента была не только продуктомъ обыкновеннаго самосознанія, а еще результатомъ отрицанія предшествующаго порядка. Каждый элементъ, вступая на политическую арену, стремится не только занять въ государствѣ извѣстное положеніе, но и устранить другія начала. Короли не только объединили Францію, но и убили всякую мѣстную жизнь,—не только подчинили своей власти феодаловъ, но сдѣлали изъ нихъ ливрейную аристократію, — не только подвели общины подъ контроль своей администраціи, но и уничтожили всякое самоуправленіе. Словомъ, каждый элементъ не только старался получить мѣсто для себя, но и захватить то, что законнымъ образомъ принадлежало другимъ, — каждый стремился занять то мѣсто, которое до тѣхъ поръ занималъ его противникъ. Каждый предпринималъ обширную работу «отрицанія». Въ этомъ смыслѣ всѣ элементы французскаго государства были элементами революціонными; торжество каждаго изъ нихъ приводило къ полному уничтоженію всего предшествовавшаго, и развитіе «торжествующаго» останавливалось у предѣловъ полѣности, послѣ утраты всѣхъ жизненныхъ началъ. Были-ли признаки жизни въ аристократіи и королевской власти — въ моментъ появленія Мирабо, Дантона и Робеспьера? Слѣдовательно, нѣтъ ничего удивительнаго, если новые элементы не только стремились совершенно поставить себя на мѣсто прежнихъ, но по необходимости становились на это мѣсто.

Для того чтобы стать на мѣсто своихъ противниковъ, всѣ элементы прибѣгали къ одному средству — захватывали въ свои руки всю государственную власть и дѣлали изъ нея орудіе для своихъ цѣлей. Посему нечего удивляться, что во всѣ времена власть имѣла во Франціи какой-то абсолютный, почти деспотическій характеръ. Всѣ партіи имѣли одинаковыя пред-

ставленія о власти: онѣ расходились между собою только въ двухъ пунктахъ: кому должна принадлежать эта власть? Что составляетъ задачу этой власти?

Понятно, къ чему приводило различное пониманіе этихъ двухъ вопросовъ, при одинаковости воззрѣній на силу и право власти. Каждая партія, захватывая власть въ свои руки, считала себѣ дозволеннымъ *все;* она объявляла себя послѣднею инстанціею политики. Vae victis!

Каждый элементъ, дѣлаясь *властью*, выступалъ всегда съ претензіями на безграничное, абсолютное господство; претензіи эти возводились въ отчетливую, ясную теорію. Нигдѣ феодальное землевладѣніе не достигало такого самосознанія — какъ во Франціи. Феодисты въ своихъ сочиненіяхъ высказываютъ такіе принципы, которые сдѣлали бы честь Людовику XIV. «Между собою и твоимъ вилланомъ нѣтъ никого, кромѣ Бога», говоритъ Пьеръ-де-Фонтенъ.

Воззрѣнія Людовика XIV извѣстны всѣмъ. Онъ выработалъ даже цѣлую теорію «просвѣщеннаго абсолютизма». Его теорія осталась въ наслѣдство и послѣдующимъ государственнымъ людямъ Франціи. Аббатъ Дюбуа, разговаривая съ лордомъ Стенгопомъ, объяснилъ ему, что король Франціи всегда будетъ богаче англійскаго короля, ибо можетъ по своему произволу располагать имуществомъ всѣхъ своихъ подданныхъ. Благородный лордъ спросилъ аббата, не въ Турціи ли онъ обучался политическимъ наукамъ?

Нужно ли доказывать, что и народные представители въ 1789 г. имѣли такое же отчетливое представленіе о своихъ правахъ?

Вотъ, сколько намъ кажется, первое основаніе, почему Франція неспособна усвоить начало конституціонной монархіи — этого зданія, воздвигнутаго на мирномъ и параллельномъ развитіи самыхъ разнообразныхъ элементовъ. До настоящаго времени, каждый «элементъ» во Франціи стремился къ безусловному господству надъ всѣми другими. Будетъ ли иначе впослѣдствіи, мы не знаемъ; но опытъ исторіи показываетъ, что Франція не знала «теоріи сдѣлокъ». Феодалы, дѣйствовавшіе по праву завоеванія, смѣнились королями съ ихъ божественнымъ правомъ, и эти послѣдніе пали передъ народнымъ самодержавіемъ.

Сдѣлаемъ еще шагъ въ глубину этого вопроса.

Установленіе того, что конституціонная теорія называетъ сочетаніемъ и равновѣсіемъ элементовъ, обусловливается главнымъ образомъ тѣмъ, чтобы всѣ части общества, принимали постоянное и дѣятельное участіе въ государственной жизни. Только въ этомъ случаѣ возможно одновременное, параллельное движеніе во всѣхъ классахъ общества, совокупная работа ихъ надъ всѣми политическими вопросами и разрѣшеніе этихъ вопросовъ, сообразно интересамъ не одного класса, а всѣхъ слоевъ общества. При этомъ только условіи, каждый политическій актъ будетъ имѣть истинно-національное или

земское значеніе. Такой же *земскій* характеръ получаетъ и все государственное устройство. Являются учрежденія, которыя всѣми частями общества одинаково признаются за свои, родныя. Франція же — страна прежде всего *не земская*. Если какой нибудь классъ или элементъ не имѣетъ въ ней преобладающаго значенія, онъ или вовсе устраненъ отъ участія въ политической жизни, или воздерживается отъ нея по разсчету, въ ожиданіи лучшихъ временъ. Дождавшись этого времени, «элементъ» становился во главѣ государства и дѣлалъ свое дѣло, къ которому онъ считалъ себя призваннымъ, доводилъ его до конца при помощи своихъ государственныхъ установленій, можно сказать — своего государства. Затѣмъ онъ какъ бы оканчивалъ свое политическое поприще. Страна отрекалась отъ него навсегда. Феодальная аристократія имѣла большое значеніе въ свое время. Весь міръ казался созданнымъ для феодаловъ. Королевская власть держалась въ сторонѣ, третье сословіе молчало. Королевская власть была *ничѣмъ*, въ ожиданіи того времени, когда она стала *всѣмъ*.

То, что Сійесъ сказалъ про третье сословіе, можно примѣнить ко всѣмъ «элементамъ» французскаго государства. Каждый изъ нихъ былъ *ничѣмъ* (rien), прежде чѣмъ онъ сдѣлался *всѣмъ* (tout). Каждый изъ нихъ колеблется между этими двумя крайностями — онъ или все, или ничего, и повидимому не желаетъ быть ничѣмъ инымъ. «Пока я не буду всѣмъ, я не желаю вовсе участвовать въ государственной жизни», вотъ что говоритъ каждый «элементъ».

Аристократія имѣла свою идею и свои учрежденія, равно какъ монархія и послѣ буржуазія; всѣ они оставались вѣрны своей идеѣ и не могли принять никакой другой; примиреніе ихъ съ какимъ бы то ни было инымъ порядкомъ было невозможно.

Про Бурбоновъ говорили, что они ничему не научились и ничего не забыли. Это выраженіе съ полнымъ правомъ можетъ быть примѣнено ко всѣмъ политическимъ партіямъ, дѣйствовавшимъ во Франціи. Иначе это и быть не могло. Во Франціи каждая партія являлась представительницею не только извѣстнаго политическаго ученія, но извѣстнаго государственнаго порядка, построеннаго исключительно на ея идеѣ. Съ паденіемъ этого порядка, съ замѣною его инымъ, построеннымъ на противоположныхъ началахъ, — его существованіе дѣлалось нелѣпостью, и нелѣпость этого положенія сильнѣе всего сознавалась отжившими элементами. Отъ нихъ требовали, чтобы они заняли мѣсто въ новомъ обществѣ и въ новомъ государствѣ. Да развѣ это было возможно? Они могли принести въ это новое государство безмѣрныя претензіи, основанныя на воспоминаніяхъ о прежнемъ порядкѣ, и сожалѣніе о томъ, что эти претензіи не могутъ быть осуществлены. Въ этомъ смыслѣ никто ничего не забывалъ и никто ничему не научался. Всѣ были для этого слишкомъ логичны. Феодальный порядокъ палъ, но Бу-

ленвилье въ самый разгаръ королевскаго могущества утверждаетъ, что государственный суверенитетъ принадлежитъ аристократіи. Фулонъ наканунѣ революціи провозглашаетъ, что народу надлежитъ ѣсть сѣно. Эти люди не могли думать иначе; тысячи гильотинъ не могли превратить ихъ въ «патріотовъ». Когда они оставляли Францію при первомъ взрывѣ революціи, они были логичны — у нихъ не было ничего общаго съ отечествомъ. Когда они думали воздвигнуть зданіе конституціи «на всѣхъ элементахъ страны», они были не логичны, какъ это доказали послѣдствія.

Каждая партія, выносившая свою идею и сдѣлавшая изъ нея всѣ выводы, теряла свое значеніе, дѣлалась безполезною, такъ-сказать, вывѣтривалась и теряла почву. Это случалось съ монархизмомъ, съ аристократіею, происходитъ теперь съ буржуазіею.

На смѣну послѣдней все больше и больше выступаетъ рабочее сословіе. Поступь, воззрѣнія и образъ дѣйствія этого сословія носятъ тѣ же характеристическіе признаки — какъ и дѣятельность предшествовавшихъ элементовъ. Послушайте, напримѣръ, одного изъ самыхъ энергическихъ ораторовъ этого класса — Прудона.

«До 1840 г. рабочіе классы были *ничто*; ихъ не отличали отъ буржуазіи, хотя и de facto и de jure они были отдѣлены отъ нея еще съ 1789 г. Теперь они вдругъ, вслѣдствіе своего противоположенія собственникамъ и капиталистамъ, превратились въ *нѣчто* и, какъ буржуазія въ 1789 г., стремятся сдѣлаться *всѣмъ*».

Сдѣлается ли рабочій классъ всѣмъ? Прудонъ въ этомъ не сомнѣвается. Онъ одинъ, по его мнѣнію, сознаетъ себя и имѣетъ опредѣленную идею, тогда какъ буржуазія потеряла сознаніе и идею.

«Что сдѣлалось съ буржуазіею съ 1789 г., спрашиваетъ онъ? Гдѣ ея стремленія? Между тѣмъ, какъ бѣдный рабочій классъ хочетъ *пересоздать политическій строй*, богатой и образованной буржуазіи нечего сказать. У нея нѣтъ ни значенія, ни политической роли — нѣтъ ни мысли, ни воли. Она то революціонна, то консервативна, легитимна, доктринерна, то слѣдуетъ *золотой серединѣ;* одну минуту она увлекается представительнымъ правленіемъ, послѣ теряетъ самый разумъ. Знаетъ или не знаетъ это буржуазія, но ея роль кончена; она не можетъ идти далеко, не можетъ воскреснуть. Да почіетъ она съ миромъ!»

Правъ или не правъ Прудонъ —это другой вопросъ, но несомнѣнно то, что онъ вѣрно выражаетъ взглядъ новаго «элемента» на прежніе, а воззрѣнія эти очень ясны и вполнѣ гармонируютъ со всѣмъ ходомъ французской исторіи. Является новый элементъ, всѣ другіе должны быть имъ поглощены, и весь государственный порядокъ долженъ быть построенъ на новыхъ началахъ. Новая сила приноситъ новый порядокъ — вотъ формула политической исторіи Франціи. Прудонъ высказываетъ это съ поразительною ясностью.

Для политической дѣятельности, говоритъ онъ, нужно три вещи: *самосознаніе*, т. е. ясное представленіе о своемъ достоинствѣ, значеніи, о своемъ положеніи въ обществѣ, о задачѣ своей и т. д.

Какъ продуктъ этого самосознанія, является ясное представленіе объ *идеѣ* извѣстнаго класса, т. е. общая формула всѣхъ принциповъ, задачъ и проч. извѣстнаго класса.

Наконецъ классъ, обладающій самосознаніемъ и идеею, долженъ умѣть вывести и примѣнить къ жизни всѣ практическія послѣдствія идеи.

Въ какомъ же положеніи находится рабочій классъ?

Съ 1848 г. онъ достигъ самосознанія; онъ обладаетъ идеею — и идеею *прямо противоположной* (qui est en parfait contraste) буржуазной идеѣ.

Но рабочіе еще не умѣютъ дѣлать выводовъ, *ибо* они вотируютъ вмѣстѣ съ буржуазіей и повинуются многимъ буржуазнымъ предразсудкамъ.

И это ясно. Великій публицистъ въ этихъ немногихъ словахъ охарактеризовалъ все прошедшее и, можетъ быть, все будущее Франціи.

Итакъ является классъ, котораго стремленія прямо противоположны началамъ прежняго порядка. До тѣхъ поръ, пока этотъ классъ не достигъ настоящей зрѣлости, онъ долженъ сдѣлать «всѣ выводы» и поглотить дряхлые остатки стараго общества.

Такіе принципы плохая основа для принциповъ конституціонныхъ.

При такой безпощадной борьбѣ партій, изъ коихъ каждая нуждалась въ неограниченной власти, личная свобода не могла получить никакого развитія. Самая идея принадлежитъ не Франціи. Личная свобода развивается лишь тамъ, гдѣ личность можетъ дѣйствовать, такъ-сказать, въ одиночку; а этого можно достигнуть въ странѣ, гдѣ благодаря отсутствію классовъ, радикально противоположныхъ другъ другу, личность можетъ принадлежать къ націи вообще, а не только къ одному изъ ея отдѣловъ. Напротивъ, въ странѣ, раздѣленной на партіи, личность должна пристать тѣломъ и душою къ одной изъ партій, дѣлить съ нею удачи и неудачи, подчиняясь въ неудачѣ — неограниченной власти противниковъ, господствуя надъ ними также неограниченно въ случаѣ удачи. Вотъ почему личность во Франціи никогда не дѣйствуетъ сама, но въ массѣ, въ партіи, и любитъ неограниченную власть этой партіи.

За тѣмъ конституція требуетъ сочетанія разныхъ силъ. Французская политическая жизнь всегда строилась на одной силѣ, которой и принадлежала вся полнота государственной власти. Эта сила или эта власть не любила никакихъ дроблений, ограниченій, формулъ, раздѣленій. Она любила однородность и единство.

Каждый элементъ, достигшій преобладанія, становится властью и при томъ властью исключительною. Она не допускала раздѣловъ и не любила сочетаній.

Теорія раздѣленія властей нравилась людямъ 1789 г., но они допускали ее съ тѣмъ, чтобы въ государствѣ была собственно одна власть — народные представители. Мы не видимъ въ конституціи 91 г. ни одной власти, построенной на какомъ нибудь иномъ началѣ, кромѣ начала народной делегаціи. Король — одинъ изъ уполномоченныхъ народа; онъ облеченъ исполнительною властью и оставленъ при одномъ суспензивномъ veto. Палаты перовъ или вообще второй палаты не существуетъ. Почему? Потому что «нація подобна недѣлимому: у нея можетъ быть одна, а не двѣ воли. Если двѣ палаты согласны между собою — одна изъ нихъ безполезна, если не согласна — одна изъ нихъ вредна»!

Этотъ взглядъ выработался во Франціи задолго до революціи. Еще Тюрго писалъ къ доктору Прейсу по поводу конституцій отдѣльныхъ Штатовъ Сѣверной Америки: «я не доволенъ этими конституціями. Въ большей части изъ нихъ я вижу слѣпое подражаніе Англіи; вмѣсто того, чтобы свести всѣ власти къ одной — народной, вы установили нѣсколько политическихъ тѣлъ — палату представителей, совѣтъ и губернаторовъ, только потому, что въ Англіи есть двѣ палаты и король».

Пока народное представительство было властью, представители желали быть единою и концентрированною властью, безъ всякаго равновѣсія.

И это было совершенно логично. Конституція для массы французовъ не была средствомъ уравновѣшенія властей, въ видахъ огражденія личной свободы. Она была для буржуазіи средствомъ сдѣлаться *всѣмъ*, что и случилось. Случилось это поэтому, что буржуазія стала властью, отрѣзала отъ Франціи дворянство и духовенство, и возвела на эшафотъ королевскую власть.

Потребовать отъ буржуазіи «равновѣсія», значило потребовать, чтобы она отказалась отъ своихъ державныхъ правъ, дала частичку всей своей власти королю, духовенству и дворянству. Въ 1814 г. она могла сдѣлать эту уступку; во времена имперіи она отвыкла отъ своего самодержавія и стремилась *хотя* къ «свободѣ», которую Бурбоны такъ или иначе должны были дать ей.

Притомъ она не теряла надежды сдѣлаться «властью». Констанъ, провозглашая свободу, провозгласилъ въ то же время и господство «собственниковъ». Что означали «избирательныя условія» какъ не господство буржуазіи?

Конституція обманула надежды конституціоналистовъ; они думали создать свободу, а пришли къ возстановленію буржуазіи какъ «власти». Возстановленіе это случилось не вдругъ. Сначала и королевская власть, и два старшихъ сословія попытались возвратить себѣ кое-что изъ потеряннаго. Подобно буржуазіи они думали, что конституція нужна не для огражденія личной свободы, а для достиженія власти. Сдѣлаться властью имъ не удалось, но задержать окончательное торжество буржуазіи удалось. За то іюльская рево-

люція окончательно порѣшила съ королемъ и аристократіею, какъ элементами стараго порядка. Іюльская монархія была «коронаціею буржуазіи», какъ говоритъ Прудонъ.

Что же дальше?

Въ 1848 г. рабочему классу растолковали, что народъ, peuple, — онъ. Точно также въ 1789 г. Сійесъ толковалъ это буржуазіи. Что станетъ дѣлать рабочее сословіе? Отвѣтъ несомнѣненъ—постарается сдѣлаться властью, и для этой цѣли выступитъ съ собственнымъ государственнымъ устройствомъ. Будетъ ли это государственное устройство представительнымъ правленіемъ, этого нельзя сказать навѣрное. Навѣрное можно сказать только, что торжество рабочаго сословія дастъ Франціи новыя собственныя формы, а вмѣстѣ съ ними и новое государственное устройство. Будетъ ли это непосредственная демократія, представительство съ одной или двумя палатами, цесаризмъ съ образчиками палатъ, федерализмъ, централизація — этого никто сказать не можетъ.

Всѣ требуютъ только для Франціи новаго общества и новаго государства. Всѣ понимаютъ, что настоящее зданіе не крѣпко и что *увѣнчаніе* его врядъ ли помогло бы дѣлу.

Ни расширеніе правъ законодательнаго корпуса, ни преобразованіе сената, ни серьезная отвѣтственность министровъ — не въ силахъ вселить вѣры въ настоящее государственное устройство Франціи.

Повернетъ ли Франція къ учрежденіямъ іюльской монархіи? Но оцѣнка этимъ учрежденіямъ окончательно сдѣлана въ 1848 г. Подобно тому, говоритъ Прудонъ, какъ Наполеонъ I желалъ передѣлать старый порядокъ посредствомъ своихъ солдатъ, Людовикъ Филиппъ стремился пересоздать его посредствомъ своихъ мѣщанъ. Онъ управлялъ не посредствомъ религіи, силы, инстинктовъ, но посредствомъ интересовъ. При немъ образовался промышленный феодализмъ, царствованіе котораго продолжается и по сей день».

Возвратится ли страна къ установленіямъ 1793 г.? Этого также не желаютъ. Капитальный недостатокъ движенія 1848 г., говоритъ Лабуле, состоитъ въ стремленіи подражать идеаламъ прошедшаго времени. Всѣмъ хотѣлось поиграть въ революцію — игра не удалась. Хуже всего то, продолжаетъ онъ, что республиканцы хотѣли пересоздать общество. Рѣчь шла объ измѣненіи идей и взглядовъ цѣлаго общества, объ извращеніи условій труда, о преобразованіи началъ кредита и т. д.

Можетъ быть, это очень дурно; но несомнѣнно, что въ этомъ состояло главное стремленіе людей 1848 г., и теперь оно остается главнымъ стремленіемъ рабочаго сословія. Когда эти идеи осуществятся въ той или другой формѣ, общество получитъ и новое государственное устройство.

Въ настоящее время масса образованныхъ и необразованныхъ людей смотритъ на современное правительство какъ на нѣчто временное, преходя-

щее. Само правительство такъ смотритъ на свои учрежденія; въ глазахъ самого императора конституція Франціи недостроенное зданіе; достроить же его теперь нельзя.

Нельзя его достроить, потому что Франція хочетъ строить новое зданіе, а каждое новое зданіе строится снизу; строить же политическое зданіе снизу, значитъ измѣнять его общественныя условія.

Чего же можетъ надѣяться конституціонная теорія въ такой странѣ, въ такомъ обществѣ, при такомъ политическомъ устройствѣ?

Она хочетъ пересоздать страну посредствомъ свободы и надѣется, что свобода сольетъ всѣ партіи въ одно цѣлое. Особенно рельефно высказываетъ эту надежду Э. Лабуле *). «Партіи, говоритъ онъ, многочисленны во Франціи. Это очень понятно въ странѣ, пережившей столько революцій. Каждая партія имѣла власть въ своихъ рукахъ; каждая въ своемъ паденіи унесла съ собою надежды и желанія, которыхъ не оставляютъ въ одинъ день. Главнѣйшія изъ этихъ партій суть: легитимисты, клерикалы, орлеанисты, конституціоналисты и соціалисты. Каждая изъ этихъ партій враждебно смотритъ на другія. Вражда эта усиливается тѣмъ гнетомъ, который поочереди испытываетъ каждая партія. Введите свободу — все измѣнится. Будучи преслѣдуемы, партіи живутъ въ тѣни какъ мученики; выведите ихъ на широкую сферу политической жизни — *онѣ умрутъ*. Пусть легитимисты примутъ участіе въ политической жизни — они забудутъ свои вѣковыя преданія и сдѣлаются гражданами свободной Франціи. Тоже сдѣлаютъ и всѣ другія партіи—онѣ полюбятъ свободныя учрежденія и поставятъ ихъ выше стремленій своихъ партій».

Выставлять такія теоріи — значитъ надѣяться, что всѣ партіи откажутся отъ стремленія къ государственной власти. Надежда—возможная только для тѣхъ, кто повидимому забываетъ вѣковой характеръ французской исторіи.

Конституціонная партія думаетъ разрѣшить всѣ трудности политики раздѣленіемъ властей. Вся политика партій держится на стремленіи создать единство власти, построенной на одномъ началѣ.

Партія эта думаетъ ограничить объемъ правъ власти, въ чьихъ бы рукахъ власть эта ни находилась. Всѣ партіи всегда понимали власть какъ средство доводить свои иден до конца.

Спеціально г. Лабуле надѣется, что будущее либеральное тѣло французской народности составится изъ умѣренныхъ представителей каждой партіи, причемъ представители крайнихъ воззрѣній потеряютъ всякое значеніе. Г. Лабуле не видитъ въ этихъ крайнихъ представителяхъ каждой партіи ничего важнаго. Исторія Франціи показываетъ, что во всѣ времена, во всѣхъ обще-

*) Le parti liberal, son programme et son avenir.

ственныхъ движеніяхъ, наибольшую важность представляли именно представители крайнихъ воззрѣній каждой партіи, стремившейся стать властью. Не было бы монархіи безъ Людовика XI и Ришелье, революціи — безъ террористовъ.

Не сольются всѣ партіи въ одно мирное общество тамъ, гдѣ общество это не сплочено исторіею, гдѣ каждая партія представляетъ идею, радикально противоположную идеямъ другихъ партій, и имѣетъ особое историческое призваніе, несогласное съ видами другихъ общественныхъ сферъ.

Дѣйствительно, то, что мы называемъ исторіею Франціи, не есть исторія параллельнаго развитія всѣхъ общественныхъ силъ, а какъ бы исторія различныхъ элементовъ, одинъ за другимъ дѣйствовавшихъ во Франціи. Въ каждую эпоху своего развитія Франція вліяла на человѣчество одной какой нибудь идеей, представляемой однимъ изъ элементовъ ея государственнаго строя. Въ этомъ отношеніи у нея не было соперниковъ: идея, выработанная ею въ извѣстную минуту, достигала полнаго и всесторонняго развитія. Нигдѣ идеи не принимали такихъ истинно-грандіозныхъ формъ, какъ здѣсь. Это понятно. Каждая идея была продуктомъ всей массы общественныхъ силъ, направленныхъ въ одну сторону. Повидимому, всѣ силы Франціи уходили на то, чтобы послѣдовательно давать міру типы рыцаря, короля, республиканца. Кто могъ въ XIII и XIV вѣкѣ сравниться съ грандіозно-изящнымъ типомъ французскаго рыцаря? Не всѣ ли монархи XVII и XVIII столѣтія были блѣдною копіею съ «великаго короля» Людовика XIV? Кто изъ демократовъ и демократиковъ разныхъ народовъ сравнится съ величіемъ царственнаго Мирабо или льва-Дантона?

Велико было историческое значеніе Франціи, разсматриваемое съ этой стороны. Многимъ обязано человѣчество этимъ идеямъ, принимавшимъ плоть и кровь въ такихъ типахъ. Но чего стоили Франціи эти услуги, оказанныя человѣчеству? Увы! Нерѣдко Франція проигрывала въ той же мѣрѣ, въ какой выигрывало человѣчество. Франція выработала типъ изящнѣйшаго рыцаря — какъ бы для того, чтобы послѣ изгнать аристократическій элементъ изъ своей общественной организаціи; давала міру блестящіе образцы королей, и послѣ отсѣкала королевскую власть отъ своего государства; выставляла фалангу блестящей демократіи и всю ее приносила въ жертву тупоумной демагогіи.

Съ такими пріемами Франціи никогда не удавалось создать земскаго государства. Эпохи ея исторіи суть циклы развитія и исключительнаго господства извѣстныхъ началъ. Послѣдній изъ такихъ цикловъ начинается эпохою революціи.

Великая революція имѣетъ то роковое значеніе, что она не только закончила историческое развитіе трехъ силъ, на которыхъ держался старый порядокъ, но и заключила на время историческое развитіе Франціи. Ни одна

изъ прежнихъ историческихъ партій не можетъ дать ничего новаго. Онѣ сами со страхомъ ждутъ чего-то новаго отъ невѣдомой еще силы. Вслѣдствіе этого почти никто не ждетъ конституціи, а всѣ ждутъ революціи.

Старыя партіи хотятъ революціи для себя, и боятся ея другъ отъ друга; всѣ вмѣстѣ опасаются ея отъ новой партіи, которую зовутъ четвертымъ сословіемъ, пролетаріями, соціалистами и рабочими и которая сама себя зоветъ народомъ. *Въ виду* этой революціи, партія, обладающая властью, хочетъ удержать за собою неограниченное господство, и думаетъ, что оно недостаточно неограниченно; другія партіи согласны лучше на неограниченное господство военной диктатуры, чѣмъ на успѣхъ другой партіи; *для этой* революціи новая партія выноситъ господство диктатора, во первыхъ, потому что онъ давитъ другія партіи,—во вторыхъ, потому что онъ приберегаетъ неограниченную власть для нихъ.

И зданіе конституціи остается недостроеннымъ.

ОТДѢЛЪ III.

ВОПРОСЫ ДНЯ.

РУССКАЯ ОБЩИНА ПЕРЕДЪ СУДОМЪ Г. ШЕДО-ФЕРРОТИ *).

Etudes sur l'Avenir de la Russie. Dixième étude; le Patrimoine du peuple. Par D. K. Schédo-Ferroti. Berlin. 1861.

«Рѣчи изъ устъ его вѣщихъ
сладчайшія меду лилися».

I.

Изображеніе общины.

Съ тѣхъ поръ, какъ Россія стала пользоваться благодѣяніями западной цивилизаціи, у нея никогда не было недостатка въ цивилизаторахъ, просвѣщавшихъ «грубую массу». Графъ де-Местръ, совѣтовавшій русскому правительству не освобождать крестьянъ, заключить тѣсный союзъ съ католичествомъ и іезуитами, противодѣйствовать наукѣ, наполняющей человѣка гордостью; юнкеры, возстающіе противъ земскихъ учрежденій, судебной реформы и зародышей свободы печатнаго слова—во имя здравыхъ началъ политики, изученной ими во французскомъ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ,—мало ли чего не испытала Россія? Ее заставляли быть орудіемъ реакціи, втянули въ Священный союзъ, къ явному ущербу ея національныхъ интересовъ,—желаютъ сдѣлать изъ нея орудіе революціи, полагая, что она удовлетворяетъ *началамъ* соціализма, — стремятся сдѣлать изъ нея послѣдній пріютъ *здравыхъ* аристократическихъ принциповъ. Всѣ партіи, терпящія или потерпѣвшія уже крушеніе на западѣ, какъ бы шлютъ свои идеалы на эту непочатую почву, въ эту *страну будущаго*. Въ самомъ дѣлѣ, кому же и осуществлять всѣ эти идеалы, какъ не странѣ *будущаго?* Россія, видите, не имѣетъ прошедшаго; поэтому она не можетъ имѣть своихъ преданій, *своей* національной политики, своихъ учрежденій. Она будетъ имѣть то, что ей дадутъ, — сдѣлается тѣмъ, во что ее превратятъ. Не имѣя сама никакихъ народныхъ идеаловъ, она должна подражательно работать надъ тѣмъ, надъ чѣмъ нѣкогда самостоятельно работала ея

*) Написано въ 1869.

умственная метрополія. Нужно только направить ея работу, эту *тяглую* силу русскаго народа, къ надлежащей цѣли. Указать эту цѣль—дѣло цивилизаторовъ. Ихъ ужасно занимаетъ, чѣмъ сдѣлается этотъ страшный ребенокъ, — занимаетъ тѣмъ болѣе, что съ ребенка снимаютъ, наконецъ, вѣковыя цѣпи рабства и пробужденіе титана отзывается сильными судорогами въ западныхъ окраинахъ Россіи.

Разумѣется, главный предметъ заботъ всѣхъ воспитателей составляетъ та часть русскаго народа, которая съ ихъ точки зрѣнія наиболѣе подлежитъ воспитанію,—самая несовершеннолѣтняя часть русскаго народа — мужики. Чѣмъ сдѣлается русскій мужикъ? Есть надъ чѣмъ задуматься, особенно теперь. Прежде мужикъ стоялъ на своемъ мѣстѣ, т. е. находился въ отеческой опекѣ помѣщиковъ и администраторовъ. Теперь мужикъ имѣетъ самоуправленіе, участвуетъ въ земскомъ собраніи, назначается присяжнымъ, избирается въ члены уѣздныхъ и даже губернскихъ управъ. Не много ли этого?

Много, отвѣчаютъ разные оберегатели русской земли.

Такой же отвѣтъ даетъ и авторъ разсматриваемой нами брошюры. Г. Шедо-Ферроти что ни годъ, то выпускаетъ новый этюдъ «о будущности Россіи». Изъ десяти до нынѣ вышедшихъ этюдовъ, три спеціально относятся къ крестьянскому вопросу (1, 6 и 10). Значитъ, авторъ интересуется этимъ дѣломъ,—интересуется дѣйствительно, не изъ какой либо корысти, и ничѣмъ не можетъ быть успокоенъ. Можетъ быть, это безпокойство напускное и поддерживаемое искусственными средствами, но все-таки—безпокойство.

Въ настоящемъ этюдѣ, на который мы намѣрены обратить вниманіе читателей, авторъ безпокоится о крестьянской землѣ, du patrimoine du peuple. Собственно говоря, онъ не разсуждаетъ «о скудости и богатствѣ» народа, а исключительно объ одной формѣ крестьянской собственности — объ общинномъ владѣніи.

Изъ всѣхъ явленій русской жизни, община наиболѣе вызываетъ возраженій со стороны пропагандистовъ цивилизаціи. Экономисты извѣстной школы наотрѣзъ отказались имѣть дѣло съ этимъ «безобразіемъ». Либеральная партія видитъ въ общинѣ средство къ угнетенію личности, а потому отвергаетъ ее во имя свободы. Защитники охранительныхъ началъ видятъ въ ней всѣ принципы соціализма, комунизма и анархіи. Г. Шедо-Ферроти—вполнѣ просвѣщенный человѣкъ и, какъ большая часть офранцузившихся россіянъ, немножко эклектикъ, а потому смотритъ на общину со всѣхъ вышеозначенныхъ точекъ зрѣнія.

Если бы авторъ ограничился критикою общины и общиннаго землевладѣнія, мы врядъ ли стали бы говорить объ этомъ трудѣ; его сочинитель не имѣетъ ни историческихъ, ни теоретическихъ свѣдѣній для того, чтобы

представить настоящую критику этого важнаго установленія. Брошюра сія важна тѣмъ, что авторъ, представивъ курьезную критику общины, предлагаетъ разныя мѣры къ ея реорганизаціи, т. е. возводитъ свои выводы на степень проекта закона, projet de loi, и требуетъ немедленнаго его примѣненія къ практикѣ, sans le moindre rétard (стр. 97 и мног. друг.). Иначе-де Россія погибнетъ.

Кто же этотъ преобразователь общины? Гдѣ его право дѣлать свои мечтанія закономъ?

Прежде всего, знаетъ ли онъ общину, ея историческое и національное значеніе, ея современное положеніе? Для того, чтобы уяснить себѣ этотъ, смѣемъ думать, существенный вопросъ, возьмемъ на себя терпѣніе и изложимъ сначала догматически, безъ критики, все ученіе автора со всѣми его положеніями и выводами.

Авторъ имѣетъ въ виду два рода читателей: во-первыхъ, русскихъ; во-вторыхъ, иностранцевъ. Первые, по его мнѣнію, достаточно знакомы съ исторіею и современнымъ положеніемъ общины (его бы устами медъ пить!), а потому могутъ понять всѣ разсужденія г. Шедо-Ферроти, безъ этого вступленія. Вторые, напротивъ, нуждаются въ такомъ введеніи, безъ чего изслѣдованіе автора будетъ для нихъ неясно. Ce n'est donc qu'à l'usage de nos lecteurs étrangers que nous donnons ici quelques notices sur la propriété communale, telle que la loi et la coutume l'ont établie en Russie (стр. 2).

Вотъ въ чемъ заключаются эти notices. Общинное землевладѣніе не есть древняя русская и общеславянская форма собственности. Изученіе исторіи (авторъ ссылается на одного Карамзина) доказываетъ, *что до конца XVI вѣка* она была неизвѣстна Россіи. Свободные крестьяне нѣкогда были фермерами крупныхъ землевладѣльцевъ и сидѣли на ихъ землѣ, пока это нравилось самимъ крестьянамъ. Такой порядокъ вещей былъ невыгоденъ ни для помѣщиковъ, ни для крестьянъ, ни для правительства. Помѣщики не были обезпечены рабочими, рабочіе теряли драгоцѣнное время въ безпрестанныхъ переходахъ; правительство не имѣло возможности взимать во время подати. Вслѣдствіе этого, правительство, въ видахъ общей пользы, сочло нужнымъ усадить дѣтей, т. е. установить крѣпостное право. Крѣпостное право породило общинное землевладѣніе. Помѣщики находили для себя невыгоднымъ имѣть дѣло съ каждымъ плательщикомъ въ отдѣльности, а потому предпочли сноситься со всею общиною. Община, какъ административная единица, существовала прежде развитія общиннаго землевладѣнія (sic!). Она и сдѣлалась средствомъ вотчиннаго управленія. Послѣ этого община является въ исторіи съ двоякимъ характеромъ: она получаетъ значеніе административной единицы и единицы хозяйственной. Крестьяне обязаны были отбывать въ пользу помѣщиковъ разныя повинности и барщину, за что пользовались опредѣленнымъ участкомъ земли, отведеннымъ въ общее ихъ пользованіе.

Такъ какъ повинности лежали на всей общинѣ, что члены отвѣчали другъ за друга—отсюда произошла круговая порука.

Такъ какъ повинности распредѣлялись поровну между членами общины, то и земля раздѣлялась между ними поровну, ибо подати отбывались съ земли. Отсюда раздѣлъ земель, дробившихся нерѣдко на крошечные участки. Члены общества должны были пользоваться равными участками и всѣ имѣли право на землю. Неуравнительность раздѣловъ и появленіе новыхъ членовъ требовали постоянно новыхъ раздѣловъ земли.

Такъ произошли *передѣлы* земель. Всѣ *начала* общиннаго землевладѣнія развились, слѣдовательно, благодаря помѣщичьей власти и держались благодаря крѣпостному праву.

Несмотря на такое гнусное ея происхожденіе, общинная форма землевладѣнія, къ немалому удивленію г. Шедо-Ферроти, держится крѣпко (стр. 10). Не смотря на право, предоставленное крестьянамъ Полож. 19 февр., превращать общинную форму въ участковую, послѣдняя никакъ не проникаетъ въ народъ.

Въ другомъ мѣстѣ авторъ объясняетъ это упорство крестьянъ тѣмъ, что приговоръ о превращеніи общиннаго владѣнія въ участковое долженъ быть утвержденъ большинствомъ $^2/_3$ голосовъ, а большинство членовъ общины суть нерадивые и пьяные крестьяне, которые низачто не хотятъ выпустить земли изъ своихъ недостойныхъ рукъ (стр. 27). Благодаря этому упорству, община со всѣми ея невыгодными послѣдствіями, остается принципомъ общественной жизни крестьянъ.

Невыгодныя послѣдствія эти заключаются прежде всего въ томъ, что община, будучи связана круговою порукою своихъ членовъ, имѣетъ надъ этими послѣдними почти неограниченное право, вторгается во всѣ подробности крестьянскаго быта. До чего доходитъ эта опека (cette véritable tutelle, стр. 11), можно, по мнѣнію автора, видѣть изъ слѣдующихъ *фактовъ*, разсказанныхъ имъ не безъ краснорѣчія. – Когда весеннее солнце сгоняетъ снѣгъ, общественная сходка собирается и *опредѣляетъ* время, когда должны начаться полевыя работы. Староста посылаетъ десятскихъ, которые обходятъ всѣ хижины и возвѣщаютъ всѣмъ волю общины. Всѣ спѣшатъ повиноваться этому приказанію; каждый вытаскиваетъ плуги и сохи изъ амбаровъ, исправляетъ упряжь, куетъ лошадей, и — въ назначенный день всѣ люди уже на работѣ... Община распоряжается не только работами, но и всѣмъ временемъ крестьянъ. Крестьянинъ не можетъ отлучиться изъ села безъ позволенія общины (sans le consentement de l'assemblée communale). Права общины идутъ даже гораздо дальше ея законной власти; обычай, сей тиранъ людей, отдаетъ въ ея полное и безотчетное распоряженіе всего крестьянина.

Таковы эти предварительныя свѣдѣнія о русской общинѣ. Авторъ хорошо

сдѣлалъ, что предназначилъ ихъ для иностранныхъ читателей. Эти охотно ему повѣрятъ. Столь же охотно повѣрятъ ему и русскіе чтецы французскихъ брошюръ, изучающіе Россію за границей. Но вообразите себѣ книгу г. Шедо-Ферротти, переведенною на русскій языкъ и попавшуюся въ руки грамотнаго крестьянина или почтеннаго сельскаго дворянина!

1. Изученіе исторіи не только не доказываетъ, что общинное землевладѣніе *не существовало* до конца XVI вѣка, а доказываетъ напротивъ, что первоначально оно имѣло всеобщее значеніе, рядомъ съ которымъ едва-едва пробивало себѣ дорогу личное землевладѣніе. Община, и какъ административная, и какъ хозяйственная единица, существовала за нѣсколько столѣтій до установленія крѣпостнаго права. Авторъ полагаетъ, что русская община имѣла значеніе административное, подобно западно-европейскимъ общинамъ *), но не имѣла хозяйственнаго значенія. Для доказательства этого совершенно новаго положенія автору необходимо предположить, что общины *никогда не владѣли землей* отъ своего имени, т. е., что вся земля всегда была владѣльческою, на которой въ качествѣ фермеровъ сидѣли крестьяне. Малѣйшее знакомство съ исторіею нашего права показало бы автору, что общины развились не на владѣльческихъ земляхъ, а на черныхъ, и не подъ вліяніемъ владѣльцевъ, а помимо не только владѣльческаго, но и правительственнаго вліянія.

Количество того, что г. Шедо-Ферротти называетъ частными, т. е. владѣльческими (онъ не говоритъ о монастырскихъ) землями, первоначально было весьма не велико, — до того не велико, что на черныя и дворцовыя земли можно смотрѣть какъ на общее правило, а на частныя—какъ на исключеніе. Значеніе землевладѣльческаго класса усиливается только съ развитіемъ помѣстной системы, которая не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что гг. Шедо-Ферротти и К° называютъ «крупнымъ землевладѣніемъ».

Владѣніе черными землями было предоставлено цѣлой общинѣ, которая раздавала земли новымъ поселенцамъ, отстаивала ихъ передъ судомъ, мѣнялась землями съ другими владѣльцами и даже имѣла право продавать ихъ. Община издавна распоряжалась раскладкою податей и повинностей между членами общины, но ихъ «животамъ и промысламъ». Все это существовало задолго до установленія крѣпостнаго права **). Установленіе крѣпостнаго права было ничѣмъ инымъ, какъ превращеніемъ свободныхъ общинъ въ несвободныя.

---

*) Это сравненіе доказываетъ, что авторъ не знакомъ даже съ исторіею западно-европейскихъ общинъ.

**) См. акты въ собраніи государств. грам. и дог., акты юрид., А. А. Э. и т. д. Мы, впрочемъ, не думаемъ, чтобы авторъ рѣшился возиться съ актами. Посему осмѣливаемся предложить ему книгу г. Бѣляева „Крестьяне на Руси“.

Когда установилась община въ этомъ видѣ—опредѣлить не только трудно, но почти не возможно. Можетъ быть, г. Шедо-Ферроти обладаетъ какими нибудь неизданными матеріалами, почерпнутыми имъ изъ никому невѣдомыхъ архивовъ. Чтобы ему подѣлиться съ публикой и ученымъ міромъ? На основаніи же имѣющихся матеріаловъ, только слѣдующіе факты не подлежатъ сомнѣнію.

Московское государство застало общину на земляхъ: дворцовыхъ, монастырскихъ, черныхъ и частныхъ. Нѣкоторыми изъ этихъ земель она владѣла на общинномъ правѣ и несла съ нихъ съ незапамятныхъ временъ подати. Какъ административная единица, община существовала вездѣ, т. е. вездѣ существовало выборное общинное начальство, которое завѣдовало дѣлами общины. Въ XVI же столѣтіи общины были призваны къ обще-государственному управленію, когда намѣстники и волостели изворовавшись, были отставлены отъ судныхъ дѣлъ и фанансоваго управленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, губное дѣло, судъ и финансовое управленіе было «положено на души крестьянъ», т. е. на нихъ отвѣтственность. Слѣдовательно, не государство своими указами создало общины, а община пригодилась для государственнаго управленія, въ періодъ государственной слабости. Разница между XVI ст. и предыдущими заключается въ томъ, что въ этомъ столѣтіи дѣятельность общинъ увеличилась новыми дѣлами, возложенными на нихъ государствомъ. Новое значеніе общинъ вліяло и на ихъ организацію. Она получила болѣе казенный характеръ. Положивъ важнѣйшіе судебные и финансовые вопросы на души крестьянъ, правительство необходимо должно было усилить власть общины надъ ея членами и подчинить ее своему собственному надзору. Мало-помалу, община изъ «вольнаго союза», какимъ она была прежде, превратилась въ закрѣпощенную общину. Еще Иванъ Грозный далъ ей право не выпускать своихъ членовъ и возвращать бѣглыхъ на старыя мѣста. Мало-по-малу, круговая порука, бывшая прежде вольнымъ ручательствомъ членовъ другъ за друга, превратилась въ обязательную отвѣтственность. Татарскій правежъ явился впослѣдствіи средствомъ выколачивать съ крестьянъ недобранныя деньги. Но поземельное значеніе общины отъ этого не измѣнилось. Общинная земля всегда разсматривалась какъ средство данное крестьянамъ, «съ чего имъ быть сытымъ и платить государевы подати».

Итакъ, община развилась не только помимо «крупныхъ землевладѣльцевъ», но и государства. Она развилась прежде ихъ и замѣняла собою государство тамъ, гдѣ его не было. Чѣмъ, напр., г. Шедо-Ферроти объяснитъ тотъ всѣмъ извѣстный фактъ, что сѣверо-восточная часть Россіи, менѣе всего знавшая вліяніе государства и вовсе почти незнавшая крѣпостнаго права, знала однако общину и какую общину! *Міръ*, котораго такъ не любитъ авторъ, дѣлалъ великія вещи. Знаетъ ли г. Шедо-Ферроти, что русскій народъ колонизировалъ всѣ громадныя пространства сѣверо-восточной

Россіи, безъ всякой правительственной помощи, и долго жилъ, не зная никакого правительства? Что же у него было? Міръ и умѣнье дѣйствовать міромъ.

Фискальное управленіе московскаго государства и крѣпостное право видоизмѣнили общину сообразно своимъ цѣлямъ, во многихъ отношеніяхъ исказили ее, но не создали. Если она существуетъ въ настоящее время, то это—не благодаря крѣпостному праву и фискальнымъ мѣрамъ, *а не смотря* на крѣпостное право,—именно потому, что она глубоко коренится въ обычаяхъ и преданіяхъ народа.

2. Послѣ блестящаго историческаго очерка слѣдуетъ столь же блестящее изложеніе современнаго состоянія общины. *Состояніе* это характеризуется безграничнымъ правомъ общины надъ ея членами. Ниже мы подробно разсмотримъ этотъ вопросъ. Теперь остановимся на двухъ примѣрахъ этого деспотизма, на которыхъ исключительно останавливается и самъ авторъ.

По его мнѣнію, члены общины не могутъ оставлять своего мѣстожительства безъ разрѣшенія мірской сходки (стр. 12 и 13). Паспорты выдаются желающимъ идти на заработки, или въ другое мѣсто, по опредѣленію схода, который можетъ и продолжить отпускъ и требовать отпущенныхъ раньше срока. Изъ этого мы имѣемъ право заключить, что г. Шедо-Ферроти мало знакомъ съ Положеніемъ 19 февраля, гдѣ нѣтъ ничего подобнаго. Такихъ стѣснительныхъ мѣръ не существуетъ даже относительно перехода крестьянъ изъ одного общества въ другое и совершеннаго выхода крестьянина изъ общины.

Правила объ увольненіи крестьянъ изъ сельскихъ обществъ изложены, какъ извѣстно, въ ст. 130—140 общ. полож. о кр. На основаніи сихъ статей, увольнительныя свидѣтельства выдаются волостнымъ старшиной (ст. 132) безъ всякаго приговора общества. Увольнительный приговоръ требуется, на основаніи примѣч. къ той же статьѣ, *только* въ тѣхъ случаяхъ, «когда на увольненіе изъ общества требуется, на основаніи мѣстныхъ положеній, согласіе общества». Слѣдовательно, согласіе общества, на точномъ основаніи закона, требуется только въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Въ какихъ же? Это изложено въ ст. 139—148 мѣстн. полож. для губ. великор., новор. и бѣлор. *). Ст. 139 говоритъ слѣд.: «Независимо отъ правилъ, установленныхъ въ ст. 130—140 общ. полож., *въ продолженіе первыхъ девяти лѣтъ, со времени утвержденія настоящаго положенія*, при увольненіи крестьянъ изъ обществъ, требуется согласіе помѣщика (объ этомъ обстоятельствѣ г. Шедо-Ферроти благоразумно умалчиваетъ) и общества. Итакъ, на первыя только 9 лѣтъ, т. е. до 1870 г., установлено это правило. Но и изъ него, въ видахъ облегченія перехода крестьянъ, существуютъ многія исключенія, изложенныя въ ст.

*) Сравн. также ст. 140—146 мѣстн. полож. для губ. малоросс.

140—148. Во всякомъ случаѣ, сіе стѣсненіе явилось въ видахъ обезпеченія исправнаго отбыванія повинностей въ пользу помѣщиковъ на первое время дѣйствія Положенія, и не имѣетъ *ничего общаго* съ организаціею общины и ея *деспотическою* властью.

Еще менѣе связи имѣетъ это правило съ временною отлучкою крестьянъ — съ этимъ droit de locomotion, какъ называетъ его авторъ. Паспорты выдаются слѣдующимъ образомъ: староста выдаетъ крестьянину, желающему отлучиться, свидѣтельство, что къ увольненію его препятствій нѣтъ (ст. 58, п. 10 общ. полож.). На основаніи этого свидѣтельства волостной старшина выдаетъ ему паспортъ (ib. ст. 87 п. 8). И больше ничего! Право, было бы хорошо, прежде чѣмъ сообщать «иностраннымъ читателямъ» клеветы на Россію, почитать мудрое Положеніе 19 февраля, которое такъ не нравится почитателямъ г. Шедо-Ферроти.

Второй *примѣръ* не менѣе замѣчателенъ. Члены общины не могутъ приступить къ сельскимъ работамъ безъ разрѣшенія міра. Когда состоится мірской приговоръ о началѣ работъ, староста шлетъ десятскихъ возвѣщать всѣмъ волю общества. То же повторяется на стр. 25. Гдѣ нашелъ авторъ такія вещи — сказать невозможно. Разумѣется, не въ положеніяхъ 19 февраля. Врядъ ли есть основаніе предполагать, чтобы онъ самолично изучалъ народные обычаи. Въ подтвержденіе своей картины онъ ссылается только на нѣсколько строкъ «Дня». Строки эти гласятъ слѣдующее: «Всѣ общественныя сельскія дѣла рѣшаются на сходкѣ, такъ что ни соха, ни борона, ни коса, ни серпъ, не могутъ показываться въ полѣ безъ предварительнаго опредѣленія мірской сходки». «День» говоритъ здѣсь не о законѣ, а объ обычаѣ весьма разумномъ *). Это значитъ, что крестьяне всегда и во всемъ привыкли дѣйствовать *міромъ* и считать его компетентнымъ судей во всѣхъ важныхъ случаяхъ. Для крестьянъ же земледѣльцевъ, разумѣется, очень важно опредѣлить время разныхъ полевыхъ работъ—пора или не пора сѣять? пора или не пора жать, косить сѣно, возить хлѣбъ? Эти вещи лучше рѣшать міромъ. На сходкѣ, молодой услышитъ разумный совѣтъ отъ стариковъ, старики—другъ отъ друга. Рѣшеніе міра какъ-бы освящаетъ начало работъ, призываетъ благословеніе Божіе на начинаніе земледѣльца. Да! безъ благословенія отъ міра, крестьянинъ не приступаетъ ни къ чему важному. На народномъ языкѣ подобныя рѣшенія міра такъ и называются «благословеніемъ» — благословите, братцы, хлѣбъ сѣять! Ну, чтожъ тутъ общаго съ «деспотизмомъ» общины? Такъ, изъ прекраснаго и благороднаго обычая можно сдѣлать нѣкое безобразіе только потому, что онъ не согласенъ съ

*) Хотя онъ существуетъ далеко не во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи.

началами какой-то «личной свободы», изученной въ популярныхъ сочиненіяхъ французскихъ публицистовъ....

Блестящій очеркъ конченъ. Представивъ такую картину, авторъ считаетъ себя въ правѣ приступить къ критикѣ общины. Послѣдуемъ за нимъ въ этотъ любопытный отдѣлъ.

II.

Критика общины.

Авторъ не принадлежитъ къ числу безусловныхъ порицателей общины. Во первыхъ, онъ знаетъ нѣкоторые, хоть и не всѣ, аргументы какъ за общину, такъ и противъ этого учрежденія. Во вторыхъ, дѣлая умозаключеніе, онъ имѣетъ въ виду оба разряда сихъ аргументовъ.

Въ брошюрѣ своей г. Шедо-Ферротн занимается разсмотрѣніемъ четырехъ аргументовъ противъ и пяти за общинное владѣніе (стр. 40 и слѣд.).

Аргументы contra состоятъ, по его мнѣнію, въ слѣдующемъ: 1) общинное землевладѣніе, благодаря установившемуся обычаю передѣла земель, дѣлаетъ невозможнымъ всякій прогрессъ въ земледѣліи. Но и независимо отъ *передѣла* полей, общинное владѣніе вообще убиваетъ энергію земледѣльца, ибо только одна частная, наслѣдственная, собственность развиваетъ желаніе трудиться. 2) Раздѣлъ земель приводитъ къ такому дробленію участковъ, что они вслѣдствіе этого теряютъ всякую цѣнность. Притомъ черезполосица этихъ участковъ заставляетъ крестьянъ нерѣдко тратить все свое время на переѣзды отъ одного поля къ другому. 3) Круговая порука приводитъ къ тому, что трудолюбивые и рачительные домохозяева должны отвѣчать за лѣнивыхъ и безпутныхъ, *вслѣдствіе чего* они не могутъ достигнуть надлежащаго благосостоянія. 4) Произвольное право общины надъ ея членами приводитъ къ уничтоженію личной свободы крестьянъ.

Аргументы за общинное владѣніе суть: 1) право каждаго совершеннолѣтняго крестьянина — требовать себѣ земли отъ общины—устраняетъ для Россіи всякую возможность пролетаріата. 2) Въ хозяйствахъ зажиточныхъ, дѣти наслѣдуютъ отъ родителей ихъ богатство (капиталы, скотъ, земледѣльческія орудія); напротивъ, въ бѣдныхъ семьяхъ дѣти не наслѣдуютъ *бѣдности* родителей, ибо они имѣютъ право на самостоятельный поземельный участокъ. 3) Давая каждому молодому человѣку землю, община даетъ ему возможность завести свой домъ,—жениться, что способствуетъ приращенію народонаселенія. 4) Общинное владѣніе расширяетъ классъ собственниковъ и способствуетъ развитію охранительныхъ элементовъ, что гарантируетъ Россію отъ потрясеній и переворотовъ. 5) Надѣляя общины землею и объявляя ихъ неотчуждаемыми, законъ даетъ русскому народу прочное достояніе не только для современнаго, но и для будущихъ поколѣній.

Мы, по справедливости, можемъ раздѣлить всю массу этихъ аргументовъ (за и противъ общиннаго землевладѣнія) на два разряда: а) аргументы, касающіеся самаго принципа общиннаго владѣнія; б) аргументы, касающіеся нѣкоторыхъ практическихъ условій, среди которыхъ *въ настоящее* время дѣйствуютъ общины. Къ первому разряду, какъ каждый можетъ согласиться a priori, и какъ мы увидимъ ниже, изъ аргументовъ contra могутъ быть отнесены первый и четвертый. Напротивъ, *всѣ* аргументы pro говорятъ именно о принципѣ общиннаго владѣнія. Ко второму разряду мы отнесемъ 2-й и 3-й изъ аргументовъ contra.

Итакъ, прежде всего общинное владѣніе препятствуетъ развитію народнаго богатства. Авторъ съ особенною любовью останавливается на этомъ аргументѣ. Отчего же, однако, общинное владѣніе имѣетъ такое печальное послѣдствіе? Во первыхъ, оттого, что крестьяне владѣютъ своими участками не наслѣдственно, а временно. Обычай передѣла полей приводитъ къ тому, что участокъ, сегодня принадлежащій одному, завтра можетъ перейти къ другому (стр. 15). Поэтому никто не рѣшается дѣлать никакихъ улучшеній въ своемъ участкѣ, затрачивать капиталъ въ землю, принадлежащую ему временно. Затѣмъ, черезполосица участковъ заставляетъ крестьянъ терять много времени (стр. 15). Позвольте! Мы говоримъ пока о самомъ принципѣ общиннаго владѣнія, а не о раздѣлѣ и передѣлѣ земель. Эти аргументы—сами по себѣ. Вопросъ идетъ теперь о томъ: способствуетъ или не способствуетъ общинное землевладѣніе приращенію народнаго богатства? Да или нѣтъ? На это врядъ ли кто можетъ дать положительный отвѣтъ, и менѣе всѣхъ — г. Шедо-Ферроти. Онъ же кстати и не даетъ нигдѣ этого отвѣта и, во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ, прибѣгаетъ къ раздѣлу и передѣлу. Нельзя же дать на это положительный отвѣтъ—по нижеслѣдующимъ причинамъ.

Западная Европа построила всю свою цивилизацію на началѣ личнаго владѣнія. Поэтому политическая экономія могла дѣлать свои выводы на основаніи фактовъ, представляемыхъ этою цивилизаціею. Мы нисколько не думаемъ отрицать ея выводы. Мы твердо вѣруемъ во всю пользу личнаго землевладѣнія. Но каждый согласится, что политическая экономія, донынѣ разработываемая только западными учеными, не могла должнымъ образомъ изучить послѣдствій общиннаго землевладѣнія—въ примѣненіи его ко всей системѣ народнаго хозяйства. Сдѣлать это должнымъ образомъ могутъ только русскіе ученые, а они этого до настоящаго времени *не сдѣлали*. Не сдѣлали же они этого отчасти потому, что они были до настоящаго времени робкими учениками западной науки,—отчасти потому, что общинное землевладѣніе донынѣ было поставлено въ такія условія, при которыхъ развитіе народнаго богатства было крайне затруднительно. Г. Шедо-Ферроти совершенно вѣрно замѣчаетъ (на

стр. 18), «что тѣ крестьяне, которымъ удалось разбогатѣть, составили свое состояніе благодаря торговымъ и промышленнымъ предпріятіямъ, но не земледѣлію». Мы выразили бы полное удивленіе, если бы авторъ указалъ намъ крестьянина, который бы разбогатѣлъ, сидя на своемъ участкѣ.

Обыкновенный крестьянскій надѣлъ составлялъ отъ 2—3 десятинъ на душу, т. е. на тягло отъ 6—9 десятинъ. Мы беремъ здѣсь обыкновенный надѣлъ въ помѣщичьихъ земляхъ въ черноземной полосѣ Россіи. У государственныхъ крестьянъ онъ доходилъ, правда, до 15 десятинъ на тягло; но это нисколько не улучшало положенія крестьянъ, по очень простой причинѣ. Земля, отводимая въ пользованіе государственныхъ крестьянъ, далеко не вся могла быть обработываема. Часть ея *обязательно* не подлежала обработкѣ и должна была пустовать, не смотря на слезныя просьбы крестьянъ поднять эту цѣлину. Автору сей рецензіи случалось видѣть, какъ прекраснѣйшій черноземъ отдавался въ наймы по 1 рублю за десятину, потому что на степи этой, благодаря попеченію палатъ госуд. имуществъ, росъ ковыль вмѣсто травы. Размѣръ же земель, отведенныхъ подъ роспашку, обыкновенно, не превышалъ крестьянскаго надѣла въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Спрашивается, какое богатство можно стяжать на 9 десятинахъ? Предположите, что эта земля находится въ рукахъ непьяницы и буяна, а ревностнѣйшаго домохозяина; предположите, что онъ владѣетъ ею наслѣдственно и затрачиваетъ на нее все новые и новые капиталы; но, и при этихъ условіяхъ, пріобрѣтеніе такого состоянія, при которомъ можно выписывать газеты «Вѣсть» и «Новое Время» — вещь довольно затруднительная. Для этого должно предположить, что сіи 9 десятинъ находятся близъ центра промышленности,—что пути сообщенія организованы хорошо,—что торговля находится не въ рукахъ кулаковъ, а честныхъ торговцевъ (честность же эта зависитъ отъ развитія конкуренціи, безъ которой каждый сдѣлается плутомъ); нужно предположить извѣстный уровень образованія, безъ котораго невозможно стремленіе къ раціональному хозяйству и улучшеніямъ, и многое еще нужно предположить. Было ли все это у крестьянъ? Не только у крестьянъ, да и у помѣщиковъ не было всѣхъ этихъ условій, и отсутствіе ихъ отразилось на жалкомъ состояніи хозяйства тѣхъ и другихъ. Станетъ ли г. Шедо-Ферроти утверждать, что хозяйство нашихъ землевладѣльцевъ находится въ блестящемъ положеніи? Я знаю, что онъ можетъ сказать: да, оно скверно, но — благодаря реформѣ 19 февраля. Нѣтъ, не благодаря! Оно было скверно всегда, и реформа 19 февраля потому сдѣлалась для нихъ *тяжелой жертвой*, что хозяйство ихъ прежде было куда какъ скверно. Вы бросаете народу упрекъ за его бѣдность — почему же вы не бросаете его землевладѣльцамъ, которые, имѣя два столѣтія даровой трудъ и всѣ льготы, не стали богаты? Мы не слѣдуемъ примѣру г. Шедо-Ферроти и не упре-

каемъ наше личное землевладѣніе за то, что оно не сдѣлало богатымъ наше дворянство. Бѣдность не порокъ.

Между тѣмъ, личное землевладѣніе находилось въ гораздо лучшихъ условіяхъ, чѣмъ общинное. Если послѣднее, даже при равныхъ условіяхъ съ первымъ, не могло дать народу богатства, то при неравныхъ оно должно было привести къ худшимъ результатамъ. Условія же были неравны. Землевладѣльцы имѣли даровой трудъ; крестьяне имѣли только свой, а въ помѣщичьихъ имѣніяхъ minimum половину изъ него должны были отдавать владѣльцу. Заболѣй крестьянинъ — участокъ его не обработанъ и самъ онъ въ долгахъ. Умри онъ — его дѣти нищіе. Землевладѣльцы не несли никакихъ податей; крестьянинъ несъ ихъ всѣ; онъ отбывалъ всѣ натуральныя повинности, платилъ подушную подать. Удовольствія землевладѣльцевъ не приносили государству почти ничего; главный государственный доходъ всегда состоялъ изъ пошлинъ на водку. Читалъ ли когда нибудь г. Шедо-Ферроти роспись государственныхъ доходовъ? Задавалъ ли онъ себѣ вопросъ: что если принять изъ сей росписи откупную сумму, а имѣ акцизъ на вино — не уменьшились ли бы доходы казны на цѣлую четверть и даже треть?

И не смотря на все это, общины содержали государство въ теченіе многихъ столѣтій. Не только прежде, но и въ настоящее время, земли, находившіяся въ пользованіи крестьянъ, суть *единственныя*, приносящія дѣйствительный доходъ государству. Владѣльческія земли мало участвовали въ составленіи государственнаго бюджета; казенныя земли, находившіяся въ непосредственномъ завѣдываніи администраціи, приносили и приносятъ доходъ, едва покрывающій расходы по управленію. Чѣмъ же объяснить эту доходность крестьянскихъ земель, какъ не трудомъ, упорно и постоянно къ ней прилагаемымъ? Благодаря силѣ тяглаго человѣка, Россія выросла. Ничтожное московское княжество сдѣлалось великою имперіею. Шведъ униженъ, татары поглощены, Польша покорена, Турція изгнана изъ Южной Россіи. И всѣ эти подвиги совершены благодаря генію государей, опиравшихся на свой вѣрный тяглый народъ. Общинное землевладѣніе покрывало всѣ расходы государства во всѣхъ его реформахъ, войнахъ и предпріятіяхъ. Въ виду этого *одного* факта, не въ правѣ ли мы усомниться въ *непреложности* принципа, что одно личное землевладѣніе есть источникъ народнаго богатства! Наши землевладѣльцы также вѣрно служили своему отечеству. Но служили—*лично*, а не своимъ имуществомъ. Этого отъ нихъ и не требовалось. Для чего давалось служивымъ людямъ помѣстье? *Чтобъ имъ было съ чего государеву службу служить.* Для чего давалась земля крестьянину? *Чтобъ было съ чего государевы подати платить.* Вотъ вамъ отвѣтъ исторіи. Не смѣшивайте же той роли, которую играло личное землевладѣніе на западѣ, незнавшимъ почти общиннаго землевладѣнія, съ тою, которую оно занимало у насъ.

Нѣтъ, слѣдовательно, ничего удивительнаго, если до настоящаго времени роль общиннаго землевладѣнія, въ дѣлѣ производства народныхъ богатствъ, не могла выясниться. Роль его заключалась только въ слѣдующемъ: давать крестьянамъ возможность *быть сытыми* (только) и платить государственныя повинности.

Значеніе общиннаго землевладѣнія, какъ настоящаго экономическаго фактора, выяснится только при одномъ условіи, о которомъ авторъ не говоритъ ни слова, но о коемъ можно было бы поговорить съ гораздо большей пользой, чѣмъ о «раздѣлѣ и передѣлѣ земель», этой сказкѣ «о бѣломъ бычкѣ» противниковъ общины. Это условіе — пересмотръ и радикальное измѣненіе *устава о земскихъ и государственныхъ повинностяхъ*. Тогда, между прочимъ, по достоинству можно оцѣнить *завѣреніе* гг. просвѣтителей, что общинное землевладѣніе убиваетъ всякую предпріимчивость, лишаетъ трудъ всякой энергіи.

Почему крестьяне не затрачиваютъ капиталовъ въ землю? Почему они не осушаютъ болотъ? Почему не устроиваютъ искусственнаго орошенія полей? (Стр. 15).

А прежде всего, мм. гг., потому, что имъ нечего затрачивать. Личное землевладѣніе было просвѣщеннѣе и, по самой своей природѣ, должествовало быть предпріимчивѣе. Между тѣмъ, много ли оно осушило болотъ, устроило ирригацій,—много ли вообще оно затратило капиталовъ въ землю, не смотря на то, что постоянно брало деньги въ опекунскомъ совѣтѣ на улучшеніе своихъ имѣній? Но мы не станемъ за это винить нашихъ землевладѣльцевъ, равно какъ и крестьянъ. Мы, напротивъ, склонны думать, что ни тѣмъ, ни другимъ до настоящаго времени не для чего было бы «вкладывать капиталы въ землю».

Стремленіе вкладывать капиталъ въ землю является не вслѣдствіе того, что человѣкъ «любитъ землю», которую онъ обрабатываетъ (какъ говоритъ авторъ), а потому что надѣется на хорошій отъ этого доходъ.

Могли ли крестьяне и личные собственники разсчитывать на хорошій % съ затраченнаго капитала?

Нѣтъ! Почему?

Потому что, не смотря на сравнительно плохіе урожаи и скудость продуктовъ въ большинствѣ русскихъ губерній, цѣны на хлѣбъ стояли всегда почти плохія. Это знаетъ каждый хозяинъ.

Для чего же было увеличивать количество продуктовъ? Для того, чтобы они гнили въ скирдахъ, ожидая пріѣзда мѣстнаго кулака?

Подождемъ же хорошихъ путей сообщенія; подождемъ сближенія торговыхъ центровъ; подождемъ увеличенія запроса. Тогда и община обнаружитъ «энергію» въ трудѣ и станетъ вкладывать въ землю все новые и новые капиталы. Тогда и разрѣшится окончательно вопросъ, одно ли личное земле-

владѣніе способствуетъ развитію и прогрессу сельскаго хозяйства. Если даже предположимъ, что отдѣльные домохозяева не обнаружатъ надлежащей «энергіи», то не подлежитъ сомнѣнію, что при благопріятныхъ экономическихъ условіяхъ *весь міръ* будетъ удобрять землю, хоть бы съ помощію той «деспотической» власти, которую міръ имѣетъ надъ «личностью».

Поставьте общину, относительно податей и повинностей, въ условія равныя съ личнымъ землевладѣніемъ; подождите нѣсколько лѣтъ результатовъ этой реформы; посмотрите, чѣмъ сдѣлается крестьянинъ при такомъ положеніи,—да тогда и говорите о *принципахъ* общиннаго землевладѣнія.

Затѣмъ, объ общинахъ, *нынѣ* освободившихся изъ крѣпостной зависимости (а о нихъ-то единственно и говоритъ г. Шедо-Ферроти), даже послѣ вышеуказанной реформы также ничего нельзя будетъ сказать въ теченіе 49 лѣтъ. До того времени они не будутъ настоящими собственниками своихъ земель и, по прежнему, будутъ находиться въ исключительномъ положеніи — ибо они купили свою землю не на наличныя деньги, а *въ долгъ*, т. е., они задолжали правительству и, вслѣдствіе этого, ежегодно выплачиваютъ ему круглую сумму. Г. Шедо-Ферроти должно быть извѣстно, что купецъ, торгующій въ долгъ,—землевладѣлецъ, купившій имѣніе въ долгъ, должны обладать большимъ умѣньемъ, ловкостью, и находиться въ весьма благопріятныхъ обстоятельствахъ, чтобы, такъ сказать, отрицательное имущество сдѣлать положительнымъ. Полагаемъ, что и въ крестьянскомъ хозяйствѣ дѣйствуютъ тѣ же условія. Если, слѣдовательно, чрезъ 49 (нынѣ чрезъ 40) лѣтъ крестьяне побѣдоносно выйдутъ изъ своего затруднительнаго экономическаго положенія—это будетъ служить новымъ и неопровержимымъ доказательствомъ, что общинное землевладѣніе не противорѣчитъ «началамъ» политической экономіи.

Надо только ждать. Но дѣло въ томъ, что, не смотря на всю консервативность принципа *выжиданія*, наши консерваторы обнаруживаютъ такую разрушительную ревность, по отношенію ко всему сдѣланному настоящимъ царствованіемъ, что никакая сдѣлка, по ихъ мнѣнію, невозможна. Вотъ, напр., г. Шедо-Ферроти требуетъ немедленнаго измѣненія общиннаго землевладѣнія, sans le moindre retard. За что же, однако?

Будемъ продолжать разборъ вышеприведенныхъ аргументовъ. Кромѣ обвиненія общины въ томъ, что она не даетъ крестьянамъ богатѣть, она обвиняется въ деспотизмѣ надъ своими членами. Настоящее положеніе крестьянъ, говоритъ авторъ (стр. 28), не удовлетворяетъ ни одному изъ условій настоящей гражданской свободы. Можетъ ли крестьянинъ дѣйствовать и не дѣйствовать, по своему усмотрѣнію? Нѣтъ, равно какъ онъ лишенъ возможности дѣлать то, чего законы не воспрещаютъ (г. Шедо-Ферроти, очевидно, читалъ Монтескье); община-де *обязана* (кѣмъ?) властью назначать ему день, когда онъ долженъ производить работы; имѣетъ ли онъ право зависѣть отъ

своихъ обязанностей, а не отъ людей? Еще менѣе. *Ибо, не смотря* на самое добросовѣстное исполненіе обязанностей, община можетъ отказать ему въ правѣ отлучиться изъ деревни, и т. д. и т. д.

Мы видѣли уже выше значеніе примѣровъ, выставленныхъ г. Шедо-Ферроти въ качествѣ неопровержимыхъ доказательствъ деспотизма общины. Но, можетъ быть, авторъ говоритъ правду? Можетъ быть, только примѣры подобраны имъ неудачно. Поищемъ же общихъ основаній, для разрѣшенія этого запутаннаго вопроса.

То, что г. Шедо-Ферроти называетъ деспотизмомъ общины, можно бы точнѣе назвать *властью*, авторитетомъ общины надъ отдѣльными ея членами. Власть эта основана отчасти на обычаѣ, отчасти на законѣ.

Ту долю авторитета *міра*, которая основана на *обычаѣ*, на преданіяхъ, нельзя поколебать никакими мѣропріятіями. Уничтожьте вы общинное владѣніе; запретите общинѣ называться обществомъ; объявите, что крестьяне считаются *отдѣльными* жителями села или деревни—и все-таки крестьяне будутъ собираться для обсужденія своихъ дѣлъ и, во всѣхъ важныхъ случаяхъ, дѣйствовать міромъ. Міръ для нихъ потребность. Его авторитетъ они привыкли уважать и любить. Здѣсь закону дѣлать нечего.

Обсужденію г. Шедо-Ферроти можетъ подлежать только власть общины, основанная на законѣ. Въ этомъ отношеніи, противъ либеральнаго положенія г. Шедо-Ферроти, мы приведемъ возраженіе крайне консервативное. Мы осмѣлимся замѣтить ему, что, по нашему мнѣнію, крестьяне должны жить подъ какою нибудь властью. Надо кому-нибудь заниматься раскладкою податей и ихъ взиманіемъ, наблюдать за благочиніемъ въ селахъ, совѣщаться и ходатайствовать объ общественныхъ пользахъ и нуждахъ, увольнять членовъ общества и принимать новыхъ, распоряжаться участками общинной земли, и т. д. Словомъ, необходимо, чтобы кто-нибудь вѣдалъ тѣ дѣла, которыя ст. 51 общ. полож. предоставлены сельскому сходу, а ст. 78—сходу волостному. Безъ власти, г. Шедо-Ферроти, быть никакъ нельзя. Если же это правда, то, по нашему сужденію, которое совпадаетъ и съ стремленіемъ «Положенія о крестьянахъ», лучше всего, чтобы этою властью былъ самъ міръ и избранныя имъ лица. Лучше же это потому, что, во 1-хъ, у правительства нѣтъ средствъ такъ уравнительно распредѣлить участки земли, разложить подати, какъ это можетъ сдѣлать міръ; никто, какъ міръ, не можетъ такъ знать объ его пользахъ и нуждахъ, мѣстныхъ условіяхъ и средствахъ. Во 2-хъ, исполнительная власть съ наибольшей выгодой можетъ быть поручена лицамъ, избраннымъ міромъ, потому что сіи послѣднія подлежатъ его контролю и отвѣтственны предъ нимъ. Если бы обязанности сельскаго старосты (ст. 58—65 полож. о кр.) и волостнаго старшины (ib. ст. 81—86) были возложены на лицъ, независимыхъ отъ міра и не имъ избранныхъ, въ такомъ случаѣ тотъ произволъ, о которомъ такъ вопіетъ г. Шедо-

Ферротн, расцвѣлъ бы въ полномъ блескѣ. Наконецъ, въ 3-хъ, такой способъ организаціи общинной власти выгоднѣе и для самого правительства, ибо *ничего ему не стоитъ*. Гдѣ взяло бы наше далеко не богатое государственное казначейство средствъ назначить чиновниковъ на жалованьи, для исполненія обязанностей сельскихъ старостъ, сборщиковъ податей и волостныхъ старшинъ? Наконецъ, предположимъ, что оно отыскало бы эти средства. Было ли бы затѣмъ правительство увѣрено, что обязанности эти будутъ исполняться лучше, — что, напр., недоимки будутъ поступать исправнѣе и притомъ безъ *окончательнаго* разоренія крестьянъ? Чиновниками, слѣдовательно, нельзя замѣнить міра; ихъ власть будетъ, по многимъ соображеніямъ, невыгоднѣе самаго деспотическаго міра. Друзьямъ «личной свободы», къ коимъ принадлежитъ и г. Шедо-Ферротн, остается одно убѣжище: возстановить власть помѣщиковъ, съ вотчинною полиціею и прочими аттрибутами. Съ чѣмъ ихъ и поздравляемъ!

Итакъ, противъ власти міра въ принципѣ, по вопросамъ, указаннымъ Полож. 19 февраля, ничего нельзя возразить. По всѣмъ дѣламъ, порученнымъ міру, не можетъ быть лучшей и болѣе компетентной власти. *Вопросъ*, слѣдовательно, состоитъ только въ томъ, должны ли вообще существовать такія дѣла? Такъ, напр., если существуетъ правило, что крестьянинъ не можетъ быть уволенъ изъ общества безъ согласія извѣстной *власти*, то не подлежитъ сомнѣнію, что этою властью долженъ быть міръ или его избранные, а не становой приставъ. Г. Шедо-Ферротн, прежде чѣмъ гремѣть противъ деспотизма общины, слѣдовало разрѣшить себѣ вопросъ: почему вообще, для увольненія членовъ общества, требуется согласіе власти? *).

Итакъ, почему крестьянинъ не можетъ выйти изъ общества безъ согласія власти? Потому что, для выхода, крестьянинъ долженъ соблюсти нѣкоторыя условія, а подлежащая власть должна удостовѣрить, что онъ соблюлъ эти условія.

Главнѣйшія изъ сихъ условій суть слѣдующія:

1. Крестьянинъ, выходя изъ общества, долженъ отказаться отъ надѣла и сдать обществу находящійся въ его пользованіи участокъ земли.

2. Необходимо, чтобы къ увольненію крестьянина не было препятствій, по отправленію рекрутской повинности.

3. Чтобы на немъ не было никакихъ мірскихъ, казенныхъ и помѣщичьихъ недоимокъ до 1 января слѣд. года.

---

*) Читатель изъ вышеизложеннаго, конечно, помнитъ, что г. Шедо-Ферротн, по незнанію „Положенія“ разрѣшеніе временныхъ отлучекъ смѣшиваетъ съ совершеннымъ увольненіемъ изъ общества. Мы показали, что на выдачу паспортовъ *никогда* не требуется согласія общества; на совершенное увольненіе изъ общества приговоръ схода требуется только въ теченіе первыхъ 9 лѣтъ отъ изданія Положенія.

4. Чтобы на немъ не было никакихъ безспорныхъ взысканій.

5. Чтобы онъ не состоялъ подъ судомъ и слѣдствіемъ.

Изъ этого видно, что крестьянинъ можетъ быть удержанъ въ обществѣ, не для удовольствія общины и не по ея произволу, а въ виду гарантіи финансовыхъ потребностей государства, удовлетвореніе которыхъ возложено на общину. Эти условія, разъ когда они существуютъ (а они пока не могутъ не существовать), требуютъ участія общины или общиннаго начальства въ увольненіи крестьянина изъ общества, ибо никто не можетъ такъ хорошо знать положенія этого крестьянина, какъ общинное начальство, обязанное слѣдить за исправнымъ отбываніемъ податей и повинностей, ведущее очередные рекрутскіе списки и т. д. Вотъ почему община или вѣрнѣе общинное начальство имѣетъ право выдавать крестьянамъ увольнительные приговоры!

Изъ этого видно, что, такъ называемая г. Шедо-Ферроти, деспотическая власть *міра* зависитъ не отъ организаціи міра и ея общихъ началъ, а отъ финансовой системы государства, на которую общины не могутъ имѣть никакого вліянія.

Съ своей же стороны, финансовая система имѣетъ большое вліяніе на организацію общества, и видоизмѣненіе этого вліянія зависитъ отъ дальнѣйшихъ успѣховъ нашего законодательства. Къ числу явленій общиннаго быта, на коихъ особенно сильно отразилось вліяніе финансовой системы, принадлежитъ и *круговая порука*. Г. Шедо-Ферроти не знаетъ мѣры своему негодованію, по поводу этого ужаснаго учрежденія.

Благодаря круговой порукѣ, говоритъ онъ (стр. 20), тяжесть налоговъ падаетъ на трудолюбивыхъ и рачительныхъ крестьянъ. Такъ, напр., обязанность доставлять лошадей для чиновниковъ при ихъ разъѣздахъ или для подводъ войска, по закону, падаетъ на всѣхъ обывателей *). На этомъ основаніи каждый членъ долженъ нести эти повинности по очереди. Петръ, напр., отбывъ свою очередь, долженъ бы спокойно ожидать, пока Павелъ, Яковъ, Матвѣй и т. д. отбудутъ свою. Но, вотъ, лошадь Павла испорчена по нерадѣнію ея хозяина, Яковъ запалилъ свою лошадь, Матвѣй продалъ свою, чтобы заплатить долгъ въ кабакъ, и, вслѣдствіе сего, лошадь честнаго и трезваго Петра снова должна отбывать повинность. То же самое бѣдствіе постигаетъ честныхъ и трезвыхъ—по отношенію къ денежнымъ повинностямъ. Въ моментъ взысканія подати, — когда лѣнивые и развратные (débauchés) крестьяне объявили сходу (сходу никто ничего подобнаго не

*) Опять грубое незнаніе закона. Обязанность доставлять лошадей для разъѣздовъ чиновниковъ не имѣетъ ничего общаго съ подводной повинностью. Для этой цѣли содержатся при каждой волости особыя почты. Слѣдовательно, отдѣльные крестьяне не обязаны давать своихъ лошадей для проѣзжающихъ чиновниковъ.

объявляетъ), что они могутъ заплатить только половину, или ничего не могутъ дать,—опять приходится браться за трезвыхъ, зажиточныхъ и трудолюбивыхъ....

Мы во многихъ отношеніяхъ согласны съ г. Шедо-Ферроти; мало того: мы прибавимъ къ его картинѣ еще нѣсколько мрачныхъ чертъ, вѣроятно упущенныхъ имъ изъ виду. Когда наступаетъ моментъ платежа, «пьяницы» приходятъ не на сходъ, гдѣ имъ дѣлать нечего, а къ трудолюбивому Петру. Выручи Петръ! Петръ и выручаетъ, но какой цѣной! Страшные проценты грозятъ нерадивому; проценты еще ничего, но обыкновенно онъ долженъ поступать къ радивому въ батраки и за ничтожную сумму нерѣдко работать все лѣто, т. е. всю рабочую пору. Разъ попавши въ должники, крестьянинъ не можетъ уже выйти изъ этого грустнаго положенія. Зависимость его отъ невольнаго патрона почти никогда не уничтожается, а значеніе и вліяніе «радивыхъ» растетъ съ каждымъ днемъ. Если они тратятъ свои деньги на лѣнивцевъ, то смѣемъ увѣрить г. Шедо-Ферроти, они тратятъ ихъ не даромъ. Взамѣнъ нѣсколькихъ десятковъ рублей, «благоразумно и рачительно» истраченныхъ, они пріобрѣтаютъ перспективу въ непродолжительное время удвоить свой капиталъ,—пользоваться, въ теченіе долгаго времени, почти даровымъ трудомъ своихъ батраковъ и держать въ полной зависимости значительное число своихъ сообщинниковъ. Кромѣ сихъ матеріальныхъ выгодъ рачительные крестьяне могутъ стяжать и не матеріальныя. Поставивъ массу общины въ полную отъ себя зависимость, они дѣлаются полными хозяевами въ общинѣ и по своему произволу могутъ распоряжаться всѣмъ ея достояніемъ,—вліять неотразимо на всѣ ея рѣшенія. Надо ли измѣнить для своего сына срокъ рекрутской очереди—можно! Стоитъ только подставить какого-нибудь бобыля. Надо ли подобрать себѣ выгодный участокъ—и это можно: община вся въ рукахъ. Пусть г. Шедо-Ферроти спроситъ у кого-нибудь изъ заграничныхъ русскихъ, немного знающихъ Россію (если таковые имѣются), что такое «міроѣды»? Изъ описанія примѣтъ этихъ существъ, онъ несомнѣнно убѣдится, что *міроѣдъ*, увы, — его *рачительный Петръ*!

Къ чему же мы прибавили эту черточку къ картинѣ автора? Съ самою невинною цѣлью: съ цѣлью показать, что круговая порука *въ настоящее время* невыгодна не только для рачительныхъ, а можетъ быть еще больше—для нерадивыхъ крестьянъ. Но община сама по себѣ все-таки не заслуживаетъ упрековъ за это учрежденіе.

Прежде чѣмъ бросать этотъ упрекъ нашему народному учрежденію, слѣдуетъ спросить себя—сами ли крестьяне обязались круговою порукою или законъ обязалъ ихъ круговою порукою?

Отвѣтъ, полагаемъ, будетъ несомнѣненъ. Круговая порука имѣетъ чисто легальное происхожденіе и объясняется финансовыми потребностями госу-

дарства. Въ качествѣ такого легальнаго учрежденія она сама по себѣ не есть учрежденіе несправедливое. Во-первыхъ, оно было необходимо. Г. Шедо-Ферроти самъ высказываетъ положеніе—общины-де наши развились потому, что власть желала по финансовымъ вопросамъ имѣть дѣло не съ каждымъ плательщикомъ въ отдѣльности, а со всею общиною. Это положеніе невѣрно относительно общаго происхожденія общинъ, но въ отдѣльности, относительно круговой поруки, вѣрно. Правительство не только не хотѣло, да, не могло имѣть дѣла съ каждымъ плательщикомъ въ отдѣльности. Общинные счеты, раскладки, разверстки всегда были до такой степени сложны и запутаны, что распутать ихъ кромѣ общины никто не могъ. Правительственныя учрежденія и лица никогда не могли бы съ точностію отвѣтить—какая доля податей лежитъ на Петрѣ, Карпѣ, Иванѣ. Это могла знать только община, которой и была поручена раскладка податей. Затѣмъ, круговая порука вполнѣ согласуется съ началами политической справедливости. Община, призванная къ самоуправленію и облеченная всѣми правами свободнаго юридическаго лица, по справедливости, должна нести отвѣтственность за свои дѣянія. Безъ отвѣтственности общественныя права не имѣютъ, такъ сказать, нравственнаго принципа, — легко превращаются въ разгулъ-произволъ. Если общественное учрежденіе, при пользованіи своими правами, не руководится чувствомъ долга, оно не имѣетъ права на существованіе. Общественное право есть какъ бы общественная должность, а всякая общественная должность необходимо построена на началахъ отвѣтственности. Круговая порука есть ничто иное, какъ солидарность членовъ общины, побуждающая ихъ смотрѣть другъ за другомъ, — сдерживать разгульныхъ и нерадивыхъ, дабы всякая община была не только физическою, но и нравственною силою. Личная отвѣтственность никогда не можетъ возвысить человѣка до такого благороднаго сознанія, какъ отвѣтственность солидарная. «Дайте намъ свободу, предоставьте намъ завѣдываніе нашими общественными дѣлами: мы будемъ разумно пользоваться своими правами, мы отвѣчаемъ другъ за друга» — вотъ что каждая корпорація какъ-бы высказываетъ, начиная существовать. Наконецъ, круговая порука не только была и остается единственно прочною гарантіею для правительства въ исправномъ поступленіи податей, но очевидно необходима и *для свободы* самихъ общинъ. Круговая порука устраняетъ необходимость и даже возможность вмѣшательства правительственныхъ органовъ въ дѣла, предоставленныя завѣдыванію міра и избранныхъ имъ лицъ. Когда цѣлое юридическое лицо отвѣчаетъ предъ правительствомъ за все про все, послѣднему не для чего уже вмѣшиваться во внутренній распорядокъ общины. Это уже ея дѣло.

Почему столь хорошее само по себѣ учрежденіе привело къ такимъ плачевнымъ результатамъ? Причину этого должно искать, конечно, не въ существѣ круговой поруки, какъ это дѣлаетъ г. Шедо-Ферроти, а въ усло-

віяхъ, при которыхъ ей приходилось дѣйствовать. Вся же совокупность этихъ условій можетъ быть сведена къ одному—къ исключительному и жалкому экономическому положенію крестьянъ, о которомъ мы говорили выше. Круговая порука *теперь* дурна не потому, что всѣ повинности фактически лежатъ на богатыхъ, а потому, что крестьянину, неимѣющему въ данную минуту денегъ, ничего больше не остается дѣлать, какъ придти къ богатому и занять у него денегъ за какіе угодно проценты или поступить къ нему въ батраки. Причина зла заключается, слѣдовательно, *въ необходимости для крестьянина самаго невыгоднаго займа* — каждый разъ, когда у него нѣтъ денегъ. Необходимость же эта зависитъ, во 1-хъ, отъ того, что, при современномъ экономическомъ положеніи крестьянства, ни одинъ мужикъ не можетъ имѣть сбереженій и запаснаго капитала, а, во 2-хъ, отъ того, что въ нуждѣ крестьянину не къ кому прибѣгнуть, кромѣ своего богатаго собрата. Изъ сего ясно слѣдуетъ, что устранено это зло можетъ быть также двоякимъ способомъ: 1) улучшеніемъ экономическаго положенія крестьянъ, при которомъ имѣлась бы возможность составлять сбереженіе про черный день, и 2) организаціею сельскаго кредита, который бы давалъ возможность крестьянамъ получать деньги (въ случаѣ нужды) не за жидовскіе проценты и не превращаясь въ батрака. Достиженіе перваго изъ сихъ условій зависитъ отъ времени и отъ условій, о которыхъ мы говорили выше. Второе же условіе зависитъ отъ воли людей, и — пусть всѣ люди, любящіе Россію, позаботятся объ этомъ; право, это лучше, чѣмъ кричать о «пьяницахъ», недостойныхъ ни земли, ни воли!

III.

Продолженіе.

Г. Шедо-Ферроти, не смотря на явное свое нерасположеніе къ общинѣ въ настоящемъ своемъ положеніи, не можетъ, однако, безусловно согласиться съ аргументами ея противниковъ. Это видно изъ того, что онъ, съ нѣкоторыми ограниченіями, допускаетъ справедливость главнѣйшихъ положеній ея защитниковъ. Это обстоятельство чрезвычайно важно, ибо, какъ мы видѣли выше, всѣ аргументы защитниковъ общиннаго землевладѣнія касаются самаго принципа этой формы собственности, а не побочныхъ вопросовъ, подобно только-что разсмотрѣннымъ аргументамъ. Разсмотримъ эти положенія и эти ограниченія, допускаемыя авторомъ.

Во первыхъ, общинное землевладѣніе устанавливаетъ для каждаго взрослаго члена общины *право* требовать себѣ участокъ земли и тѣмъ устраняетъ въ Россіи возможность пролетаріата.

Допустить справедливость этого положенія — значитъ освятить принципъ общиннаго землевладѣнія, по отношенію къ его главной и общей цѣли. Къ

величайшему нашему удовольствію, авторъ не только допускаетъ всю справедливость этого положенія, но и самъ рисуетъ жалкое положеніе западныхъ пролетаріевъ и всѣ ужасы, которыми грозитъ это печальное явленіе строю западно-европейскихъ государствъ (стр. 29 и слѣд., а также заключеніе). Но, во всякомъ случаѣ, говоритъ онъ (стр. 46 и слѣд.), аргументъ этотъ требуетъ большаго ограниченія. Защитники общины правы въ томъ отношеніи, что эта форма владѣнія значительно уменьшаетъ въ государствѣ число лицъ, *ничего не имѣющихъ*. Но, затѣмъ, община предохраняетъ отъ пролетаріата, но не отъ пауперизма. Члены общины не могутъ почти никогда достигнуть настоящаго благосостоянія. Передѣлъ полей и круговая порука (опять!) приводятъ въ нищету большинство нашего сельскаго населенія.

Любопытно было бы узнать, гдѣ существуетъ такая форма собственности, которая бы сама по себѣ, безъ крѣпостнаго труда и другихъ облегчительныхъ условій (да и эти средства не всегда приводятъ къ желанной цѣли), устанавливала бы всеобщее благосостояніе. Нѣсколько примѣровъ выяснятъ намъ значеніе личной собственности, въ этомъ отношеніи. Каждому, напр., извѣстно, что въ началѣ среднихъ вѣковъ въ западной Европѣ аллодіальная (т. е. полная) собственность была, такъ сказать, общимъ правиломъ, а феодальная едва прокладывала себѣ дорогу *). Благодаря этому обстоятельству, почти вездѣ, рядомъ съ крупнымъ землевладѣніемъ существовала масса мелкихъ собственниковъ, составлявшихъ истинную силу въ государствѣ. Кончилось же тѣмъ, что, вслѣдствіе экономическихъ и политическихъ обстоятельствъ, мелкая личная собственность вездѣ была поглощена собственностью феодальною, т. е. крупною и несвободною. Результатомъ этого порядка вещей было подавленіе народныхъ силъ и страшный упадокъ монархической власти, которая послѣ съ большими усиліями должна была прокладывать себѣ дорогу къ народу, черезъ цѣлые ряды феодальныхъ владѣльцевъ. Съ помощію разныхъ усилій, французскіе крестьяне, напр., освободились — и освободились съ землею, которою они владѣли не на общинномъ правѣ. Незадолго до революціи Неккеръ говоритъ, что во Франціи существуетъ несмѣтное число (immensité) мелкихъ собственниковъ. Но собственники эти (полными ихъ назвать нельзя, наслѣдственными — можно) были обременены феодальными (или сеніоральными) повинностями и, кромѣ того, они несли всѣ подати въ пользу государства. Что же изъ этого вышло? Были ли крестьяне временъ стараго порядка богаты?

Опытъ исторіи доказываетъ затѣмъ, что мелкая свободная собственность обыкновенно недолго удерживается въ странѣ. Наглядньмъ примѣромъ

*) Окончательно укрѣпилась феодальная собственность при преемникахъ Карла Великаго.

этому можетъ служить Англія, гдѣ классъ йоменовъ, еще во времена Эдуарда III составлявшій всю силу англійскаго войска, исчезъ и поглощенъ крупною собственностью.

Это доказывается самимъ авторомъ (стр. 52). Вотъ что онъ говоритъ: «Если бы, вслѣдствіе простой отмѣны существующаго порядка вещей, крестьянамъ было предоставлено полное и безусловное право собственности на участки, полученные ими отъ общины, экономическое положеніе крестьянства по всей вѣроятности сдѣлалось бы столь шатко, какъ и во время крѣпостнаго права, и въ одинъ прекрасный день, если не все, то значительная часть крестьянства очутилась бы снова на земляхъ, принадлежащихъ эксплуататорамъ-капиталистамъ.... Безпечные и неразсчетливые крестьяне наши не замедлили бы воспользоваться правомъ свободной собственности, какъ средствомъ добывать себѣ наличныя деньги для удовлетворенія—одни дѣйствительныхъ нуждъ, другіе—страсти къ вину, и—кусокъ за кускомъ—ихъ поля снова перешли бы во владѣніе помѣщиковъ, ихъ земля присоединилась бы къ помѣщичьей землѣ, отъ которой она была отдѣлена въ 1861 г.». Кажется ясно?

Жалкое же экономическое положеніе крестьянъ (или пауперизмъ ихъ) зависитъ ли отъ общинной формы землевладѣнія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ данъ выше. Ограничимся общими замѣчаніями относительно вопроса, который мы затрогивали только вскользь. Кромѣ круговой поруки, въ бѣдности крестьянъ авторъ обвиняетъ еще раздѣлъ и передѣлъ полей.

Въ отношеніи раздѣла, г. Шедо-Ферроти впадаетъ въ странное противорѣчіе съ самимъ собою. Онъ признаетъ сначала, что право каждаго взрослаго крестьянина требовать себѣ участокъ земли есть лучшая гарантія противъ пролетаріата, а, затѣмъ, доказываетъ, что осуществленіе этого права есть страшное зло. Въ самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе чего происходитъ новый раздѣлъ полей? Являются нѣсколько новыхъ взрослыхъ членовъ, требующихъ надѣла. Общинѣ необходимо создать для нихъ нѣсколько новыхъ участковъ. Какъ она ихъ создаетъ? Выдѣляетъ ихъ изъ другихъ участковъ, которые всѣ въ равной степени должны будутъ измѣниться. Если бы авторъ указалъ другой способъ надѣлять новыхъ членовъ, за это, конечно, можно бы было поблагодарить его. Но онъ, какъ увидимъ ниже, требуетъ *наслѣдственнаго владѣнія* участками (l'usufruit perpétuel et héréditaire, стр. 79). Изъ примѣненія этого принципа выйдутъ весьма странныя вещи.

Во-первыхъ, такой законъ будетъ означать, что вся земля, отведенная въ пользованіе общины, переходитъ въ потомственное владѣніе *наличныхъ ея членовъ*. Слѣдовательно, пріемъ въ среду ея новыхъ членовъ *со стороны* становится положительно невозможенъ. Допустить такой порядокъ вещей (при которомъ въ общину не можетъ поступить никто, кромѣ рожденныхъ отъ наличныхъ членовъ общины) нельзя, на точномъ основаніи существую-

щихъ законовъ. Всѣмъ и каждому извѣстно, что въ Россіи всегда имѣется достаточное количество людей, имѣющихъ право или обязанность избирать себѣ родъ жизни (св. зак. т. IX ст. 619 п. 2). Послѣ изданія Положенія 19 февраля, число этихъ лицъ значительно увеличилось массою бывшихъ дворовыхъ людей. Куда же они будутъ приписываться? Въ мѣщане? Но количество городскихъ обывателей и безъ того достаточно велико, а экономическое положеніе ихъ еще хуже крестьянскаго. Это доказывается страшнымъ количествомъ лежащихъ на нихъ недоимокъ и тѣмъ, что множество мѣщанъ, при первой возможности, стремится записаться въ сельское общество. Въ купцы? Но для этого нужно имѣть большіе капиталы, которыхъ невозможно предполагать у большинства «обязанныхъ» избрать себѣ родъ жизни. Остается, слѣдовательно предположить, что всѣ вышеозначенныя лица припишутся въ дворянское сословіе, къ немалому ужасу «охранительныхъ элементовъ». Но къ дворянству, равно какъ и къ духовенству, приписаться нельзя. Лица, обязанныя избрать себѣ родъ жизни, должны приписываться къ одному изъ податныхъ сословій, отбывающихъ въ пользу государства разныя денежныя и натуральныя повинности. Для того же, чтобъ имъ *было съ чего* отбывать эти повинности, они должны имѣть извѣстныя средства къ существованію, которыя и даются имъ *надѣломъ*. Итакъ, почти ежегодно значительной массѣ лицъ необходимо размѣститься въ сельскихъ общинахъ. Примѣненіе же «закона» г. Шедо-Ферроти лишило бы ихъ возможности исполнить это требованіе закона, а это будетъ создавать ежегодно порядочную сумму пролетаріевъ.

Но можетъ быть съ этимъ еще можно помириться. Пусть будетъ масса пролетаріевъ изъ разночинцевъ, лишь бы предохранить наличное крестьянство отъ пауперизма. Для этого объявимъ наслѣдственность участковъ. Но, увы! община состоитъ не только изъ наличныхъ членовъ, а также изъ будущихъ, которые, при существующихъ законахъ о наслѣдствѣ, всѣ будутъ имѣть право на землю. Вслѣдствіе этого, дробленіе участковъ, которое кажется автору причиною бѣдности, останется во всей своей силѣ. Дробленіе это только приметъ другую форму и притомъ форму, несогласную съ принципомъ общиннаго управленія.

При нынѣ существующемъ передѣлѣ земель, всею общиною, достигается одна цѣль, весьма существенная — *равенство всѣхъ участковъ земли*, что даетъ возможность распредѣлить подати, лежащія на мірѣ, по этимъ равнымъ участкамъ; а это значительно облегчаетъ какъ раскладку, такъ и взиманіе податей. Когда же земля будетъ дробиться, такъ сказать, внутри каждой семьи, общинная собственность распадется на такіе неправильные участки,—на такія несоразмѣрныя доли, что правильная раскладка податей сдѣлается физическою невозможностью. Одинъ крестьянинъ оставилъ наслѣдство 12 сыновьямъ (это бываетъ), другой—семи, третій—пяти, четвертый—

тремъ. Извольте найдтись въ этой путаницѣ! Г. Шедо-Ферроти, для полноты его теоріи, слѣдовало бы требовать для общиннаго землевладѣнія *майоратовъ*; но тогда куда же дѣнутся *кадеты*? Опять новая масса пролетаріевъ?

Впрочемъ, о дробленіи участковъ и передѣловъ ихъ авторъ говоритъ не только въ вышеизложенномъ отношеніи. Его пугаетъ главнымъ образомъ то, что участки отводятся *въ разныхъ мѣстахъ*, а не въ одномъ кускѣ, и, во-вторыхъ, что участки эти не остаются постоянно въ рукахъ одного и того же владѣльца, а, при новомъ передѣлѣ, по жребію переходятъ чрезъ 6, 12 или 15 лѣтъ изъ однѣхъ рукъ въ другія. Вслѣдствіе этого, 1) крестьянинъ теряетъ много времени, при переѣздѣ отъ одной полосы къ другой, и 2) никто не хочетъ старательно обработывать свой участокъ, который черезъ нѣсколько времени можетъ перейти въ другія руки.

Участки отводятся крестьянамъ *въ трехъ* поляхъ, на которыя дѣлится распашная земля. Каждому, кто знакомъ съ системою трехпольнаго хозяйства, извѣстно, что вся распашная земля разбивается на три *клина*: а) для озимаго посѣва, б) для яроваго и в) подъ паръ. Каждый изъ этихъ клиновъ разбивается затѣмъ на участки, находящіеся въ пользованіи отдѣльныхъ крестьянъ. Вслѣдствіе этого, у каждаго крестьянина имѣются участки для яроваго, для озимаго посѣва и подъ паромъ. Бѣгать отъ одного участка къ другому ему нѣтъ никакой надобности, ибо время обработки каждаго изъ нихъ вовсе *не совпадаетъ*; когда онъ трудится надъ озимымъ посѣвомъ, ему нечего дѣлать надъ яровою полосой. Вотъ что дѣлаетъ крестьянинъ. Послѣ уборки хлѣба, онъ ѣдетъ на озимыя полосы и засѣваетъ ихъ. Кончивъ эту работу (въ августѣ или началѣ сентября), онъ ѣдетъ на участокъ, предназначенный для яроваго посѣва, и подымаетъ его «подъ зябь». Весною онъ засѣваетъ его яровымъ хлѣбомъ (ячменемъ, овсомъ, гречихой и т. д.). Послѣ весенняго посѣва, онъ обыкновенно можетъ или идти въ извозъ, или на сѣнокосъ. Въ іюнѣ (въ Петровку) онъ ѣдетъ на паровой клинъ (который служитъ мѣстомъ пастбища для скота и потому въ черноземной полосѣ Россіи называется *толокой*) и подымаетъ его подъ озимый посѣвъ. Что же общаго имѣетъ эта всѣмъ извѣстная дѣйствительность съ картинкою, представленною авторомъ? Если вѣрить ему (а иностранцы, иностранные русскіе и русскіе иностранцы повѣрятъ), то каждый подумаетъ, что крестьянинъ нашъ, какъ угорѣлый, бѣгаетъ отъ одного клочка (lopin) земли къ другому, не знаетъ какъ раздѣлить между ними свое время, съ горя бросаетъ все и идетъ въ «заведеніе». Совершенно напротивъ! Крестьяне находятъ возможность не только обработать свои полосы, но и наниматься у помѣщиковъ для разныхъ полевыхъ работъ.

Можно, конечно, возразить на это, что было бы лучше раздѣлить крестьянскія земли на самостоятельные участки и, затѣмъ, предоставить дальнѣйшее

раздѣленіе ихъ на три поля самимъ хозяевамъ. Но врядъ ли это было бы удобно. Во-первыхъ, по отношенію къ одному клину, именно къ паровому, это *положительно* невозможно. Паровой клинъ до іюня мѣсяца служитъ дополненіемъ къ пастбищнымъ мѣстамъ *). На нихъ ходитъ крестьянскій скотъ. Крестьянскому же скоту всегда удобнѣе ходить вмѣстѣ, ибо тогда общество можетъ приставить къ нему одного общаго пастуха; въ противномъ же случаѣ, каждому крестьянину пришлось бы приставлять къ своему скоту особаго пастуха, т. е. лишиться помощи своихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, пригодной для другихъ хозяйственныхъ работъ. Если же этотъ одинъ клинъ необходимо отбить отъ другихъ, то и всѣ другіе также должны быть отдѣлены, ибо всѣ они по очереди поступаютъ подъ паровой клинъ. Эти и подобныя имъ соображенія суть мотивы чисто-хозяйственнаго характера, находятся въ связи съ господствующею нынѣ системою земледѣлія въ Россіи и доказываютъ одно общее положеніе, которое необходимо всегда имѣть въ виду при обсужденіи нашихъ общинныхъ порядковъ — именно, что наше крестьянское хозяйство имѣетъ не только индивидуальный, но и общинный характеръ, т. е., *что крестьяне хозяйничаютъ не только сами по себѣ, но и міромъ*.

Но независимо отъ соображеній чисто-хозяйственнаго характера, невозможность раздѣленія полей въ *каждомъ участкѣ отдѣльно* обусловливается однимъ обстоятельствомъ, не принятымъ во вниманіе г. Шедо-Ферроти. Обстоятельство это заключается въ томъ, что для этой цѣли пришлось бы предварительно раздѣлить крестьянскую землю на постоянные и неизмѣнные участки, что, при существующей системѣ передѣла крестьянскихъ земель, положительно невозможно. Если бы *теперь* каждый участокъ былъ раздѣленъ на три клина, то при каждомъ новомъ передѣлѣ полей, всѣ эти «клины и поля» неизбѣжно перепутались бы. При составленіи новыхъ участковъ, нерѣдко пришлось бы прирѣзывать часть пароваго клина къ полю яровому, часть яроваго — къ озимому. Существующая же система хороша именно тѣмъ, что *она постоянно поддерживаетъ правильный сѣвооборотъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ*, т. е. благодаря ей, всѣ имѣющіеся клины *правильно* и *по очереди* поступаютъ подъ яровой, подъ озимый посѣвъ и подъ паръ.

Такимъ образомъ, система распредѣленія крестьянскихъ участковъ не можетъ быть признана причиною обѣдненія крестьянскаго сословія. Посмотримъ, можно ли сказать тоже самое относительно способа распредѣленія полей между крестьянами, т. е. способа передѣла земель. Выше мы говорили о самомъ *принципѣ* передѣла; теперь разсмотримъ его *способъ*.

---

*) До іюня мѣсяца скотъ на луга не выпускается, ибо до тѣхъ поръ трава на нихъ сохраняется для сѣнокоса. Выгонной же земли далеко недостаточно для корма.

Авторъ нападаетъ главнымъ образомъ на то, что участки не остаются въ рукахъ одного и того же хозяина, но при каждомъ новомъ передѣлѣ переходятъ изъ однѣхъ рукъ въ другія. Причина этого заключается въ распредѣленіи участковъ по *жребію*, причемъ каждый хозяинъ, какъ въ лотереи, не знаетъ—какой участокъ достанется ему на долю. Вслѣдствіе этого, говоритъ авторъ, ни одинъ крестьянинъ не прилагаетъ достаточнаго труда къ землѣ, которая можетъ чрезъ нѣсколько времени перейти въ другія руки, и участокъ, бывшій въ рукахъ хорошаго хозяина, попадаетъ чрезъ нѣсколько времени въ руки недостойныя.

Не разсматривая сначала этихъ вредныхъ послѣдствій передѣла, разсмотримъ пока его способъ, такъ сказать, въ принципѣ. Для большаго удобства даже согласимся съ авторомъ, что нынѣ существующій способъ весьма вреденъ. Чѣмъ же его замѣнить? Для этого представляются два средства: или наслѣдственность участковъ, или раздѣлъ земли не по жребію, а по взаимному соглашенію всѣхъ членовъ общества. О наслѣдственности участковъ мы говорили выше и, полагаемъ, нѣтъ надобности возвращаться къ этому предмету. Что касается втораго способа, то онъ также противорѣчитъ всѣмъ условіямъ общиннаго землевладѣнія.

Мы видѣли выше, что общинная земля, вслѣдствіе экономическаго и фискальнаго значенія общины, всегда должна быть распредѣлена на равные между собою участки, — равные не только по размѣру, но и по качеству земли. Съ этою цѣлью, каждой общинѣ необходимо при раздѣленіи своей земли части составить ихъ такимъ образомъ, чтобы они въ отношеніи удобной и менѣе удобной земли, входящей въ нихъ, были совершенно равны, т. е. чтобы каждый участокъ былъ дѣйствительнымъ эквивалентомъ другаго. Достигнуть такого результата невозможно иначе, какъ составляя участки безотносительно, не имѣя въ виду тѣхъ или другихъ лицъ; ибо, въ противномъ случаѣ, и безъ того трудное дѣло составленія участковъ усложнилось бы безконечными ссорами и спорами между этими лицами. Далѣе, участки, составляемые *въ виду* тѣхъ или другихъ лицъ, всегда составлялись бы подъ ихъ вѣдѣніемъ, а это обстоятельство можетъ имѣть весьма плачевный исходъ: именно, крестьяне богатые и вліятельные получали бы выгодные, бѣдные и невліятельные — невыгодные участки земли. Напротивъ, когда участки формируются безотносительно, въ виду ихъ дѣйствительнаго равенства между собою, каждый членъ общества (не зная заранѣе, какой участокъ выпадетъ ему на долю) лично заинтересованъ тѣмъ, чтобы участки были дѣйствительно равны.

Справедливая въ принципѣ, существующая система передѣла полей не можетъ сама по себѣ имѣть такихъ дурныхъ результатовъ и на практикѣ. Общіе передѣлы полей въ томъ видѣ, какъ мы ихъ представили, случаются весьма рѣдко. Обыкновенно (особенно въ многоземельныхъ губерніяхъ) всегда

остается часть земля, хотя раздѣленная на участки, но не находящаяся въ обработкѣ. Совокупность этихъ участковъ называется *залежью* или *новиною*. Когда въ общинѣ является новый членъ, то почти всегда есть возможность надѣлить его землею, не трогая существующихъ уже участковъ. Вслѣдствіе этого, существующіе участки могутъ оставаться во владѣніи своихъ хозяевъ весьма продолжительное время. Далѣе, даже при отсутствіи запасныхъ участковъ, община, по правилу, рѣдко прибѣгаетъ къ всеобщему передѣлу полей. Обыкновенно, новые члены надѣляются землею при внесеніи ихъ въ народную перепись, т. е. при ревизіи, которая бываетъ неособенно часто. Этотъ порядокъ вещей конечно будетъ нарушенъ тѣмъ, что количество сихъ запасныхъ участковъ сократится и даже вовсе исчезнетъ. Но это означаетъ только, что все на свѣтѣ имѣетъ свой предѣлъ — земля тоже. Все количество участковъ можетъ быть исчерпано. Но и противъ этого зла есть противоядіе. Самое существенное средство помочь горю заключается въ облегченіи стѣснительныхъ правилъ перехода отдѣльныхъ крестьянъ изъ одного мѣста въ другое. При способности русскаго народа въ колонизаціи, обширныя и нетронутыя пространства восточной и юго-восточной Россіи могутъ принять въ себя избыточное населеніе Россіи центральной. Наконецъ, можно надѣяться, что съ улучшеніемъ экономическаго быта крестьянъ, общины будутъ въ состояніи воспользоваться предоставленнымъ имъ правомъ пріобрѣтать новыя земли, подобно тому какъ многіе крестьяне покупаютъ уже землю въ свою личную собственность.

Возраженія противниковъ общины могутъ касаться, слѣдовательно, не общаго принципа передѣловъ и не главнѣйшаго его послѣдствія. Они могутъ касаться только передѣловъ земли между наличными членами общества. Община рѣшаетъ иногда, что участки, находящіеся во владѣніи ея членовъ, неравны, а потому приступаетъ къ новому передѣлу. *Подобные* передѣлы, если они повторяются часто (а въ нѣкоторыхъ обществахъ это бываетъ), дѣйствительно вредны. На нихъ должно смотрѣть, какъ на *злоупотребленіе* общины своими правами; этотъ фактъ, напр., можетъ быть въ нѣкоторой степени приравненъ къ худшему примѣру — къ тому, когда ирландскій помѣщикъ сгоняетъ своихъ фермеровъ съ пашенныхъ земель, для того, чтобы устроить на нихъ паркъ. Лучше сказать, это право общины *можетъ* привести къ большимъ злоупотребленіямъ; но кто же уничтожаетъ право, въ виду могущихъ возникнуть изъ него злоупотребленій?

Во всякомъ случаѣ, и это злоупотребленіе имѣетъ предѣлъ. Ни одна община не рѣшается тронуть полей раньше истеченія полнаго круга сѣвооборота, т. е. раньше трехъ лѣтъ.

Мы нарочно остановились такъ долго на «ограниченіяхъ», сдѣланныхъ авторомъ, относительно перваго и важнѣйшаго аргумента защитниковъ общиннаго владѣнія. Относительно другихъ аргументовъ, г. Шедо-Ферроти

говоритъ весьма мало или соглашается съ ними безусловно, какъ, напр., съ 5 (см. выше).

Такова, напр., его критика положенія, что общинное землевладѣніе, давая возможность молодымъ людямъ основывать новыя семьи, способствуетъ увеличенію народонаселенія. Что онъ говоритъ объ этомъ? Что участковое владѣніе въ Малороссіи не препятствуетъ развитію народонаселенія (стр. 48). Аргументъ не совсѣмъ солидный. Вопросъ этотъ надо бы разсмотрѣть съ болѣе широкой точки зрѣнія. Какое племя множилось быстрѣе, подчинило своей власти и колонизировало большее число областей — великорусское или малорусское? Почему малороссійское племя почти ничего не сдѣлало для колонизаціи Новороссіи, пока великоруссы, размножившись при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, не укрѣпились, не создали русскаго государства и не открыли своимъ собратамъ доступа въ обширныя степи южной Россіи? Далѣе, ужь если сравнивать увеличеніе народонаселенія въ связи съ формою землевладѣнія, то необходимо для этого сравненія брать тѣ страны, въ коихъ вліяніе личнаго землевладѣнія дошло до послѣднихъ результатовъ. Не извѣстно ли, напр., всѣмъ и каждому, что народонаселеніе Франціи не прирастается, а уменьшается? Что дѣлала бы западная Европа безъ возможности эмиграціи?

Защитники общиннаго землевладѣнія говорятъ, далѣе, что оно увеличиваетъ въ странѣ количество поземельныхъ собственниковъ, и потому усиливаетъ въ ней такъ называемые консервативные элементы. «Да, говоритъ, авторъ; но нашихъ крестьянъ нельзя назвать настоящими собственниками; они не имѣютъ права располагать своею собственностью по своему усмотрѣнію, и потому не имѣютъ къ землѣ настоящей привязанности, какую имѣетъ полный собственникъ». Это значитъ—общинная собственность была бы полезна, если бы... она не была общинною собственностью! Почему же крестьянинъ не имѣетъ привязанности къ землѣ? Раздѣлы, передѣлы... Опять! Toujours lui, partout lui! Эти «раздѣлы» рѣшительно — «каменный гость» г. Шедо-Феротти.

Но выводъ..... выводъ изъ всего этого? Оставить или не оставить общину?

Оставить. Община, говоритъ г. Шедо-Ферроти, должна остаться собственностью земель, отданныхъ всей совокупности ея членовъ (стр. 55). Авторъ требуетъ этого во избѣжаніе пролетаріата, — для устраненія антагонизма, существующаго между зажиточными и бѣдными классами въ западной Европѣ; авторъ требуетъ общины, потому что при ней осуществляется равновѣсіе капитала и труда *).

*) Стр. 54. „Certaines modifications introduites dans le fond et la forme de son administration peuvent la rendre apte à résoudre d'une manière tout-à-fait satisfaisante la grande question de l'équilibre entre la propriété et le travail.

Изъ этого слѣдуетъ, что

1) авторъ признаетъ за *общиною* право собственности на землю;

2) онъ желаетъ ее потому, что не хочетъ пролетаріата;

3) еще потому, что не хочетъ антагонизма между разными классами.

Мы просимъ читателей имѣть въ виду, что авторъ согласенъ со всѣми этими положеніями. Это необходимо для критики *его теоріи* общиннаго землевладѣнія, къ которой мы и приступаемъ.

IV.

Новая теорія общины.

Изъ куля въ рогожу.
Русская пословица.

Знаменитый публицистъ Прудонъ избралъ девизомъ своихъ «экономическихъ противорѣчій» гордую фразу—destruam et ædificabo — разрушу и создамъ. Въ устахъ Прудона сей девизъ означалъ: сначала—я представлю критику, а послѣ—теорію учрежденій. Г. Шедо-Ферроти примѣръ Прудона понравился. Онъ тоже представилъ сначала критику, а послѣ—теорію общины.

Нельзя сказать, чтобы, приступая къ своей теоріи, авторъ имѣлъ въ виду задачи особенно скромныя. Онѣ формулируются имъ самимъ слѣдующимъ образомъ. Какъ сдѣлать, чтобы, сохраняя общину во всей ея силѣ, устранить вредныя *ея* результаты для экономическаго благосостоянія крестьянъ? Какъ устранить пауперизмъ, подавленіе личной свободы общиною, отупленіе (l'abrutissement) массъ, подчиненныхъ постоянной опекѣ? Мы докажемъ, говоритъ онъ, что эти плачевныя явленія не суть неизбѣжныя послѣдствія общиннаго землевладѣнія (въ этомъ мы никогда и не сомнѣвались); мы докажемъ, что сочетаніе личной свободы и экономическаго благосостоянія совмѣстимы съ общинною формою. Мы должны поставить наше сельское населеніе въ такія условія, при которыхъ крестьяне сдѣлались бы свободными гражданами въ общинѣ, облеченной правами самоуправленія (des citoyens libres dans la commune autonome (стр. 55 и слѣд.).

Для того, чтобы достигнуть этихъ блестящихъ результатовъ, нужно только немножко измѣнить сельскую общину. Общій пріемъ, употребляемый авторомъ для этой цѣли, заключается въ томъ, что онъ желаетъ сохранить всѣ принципы общиннаго землевладѣнія, но въ тоже время — парализировать примѣненіе ихъ къ дѣлу.

Какъ ни странно это положеніе, мы не замедлимъ доказать его несомнѣнными аргументами.

Общій принципъ, лежащій въ основаніи общиннаго землевладѣнія, говоритъ авторъ (стр. 57), состоитъ въ томъ, что земля, воздѣлываемая общиною, принадлежитъ не отдѣльнымъ ея членамъ, а общинѣ, какъ юридиче-

скому лицу. Этотъ принципъ полезенъ, и его необходимо удержать. Если онъ не принесъ ожидаемой пользы государству, то это потому, что законъ стремился надѣлить землей всѣхъ взрослыхъ членовъ общины и, такимъ образомъ, осуществить «коммунистическій» принципъ — право человѣка на землю. Отдѣльные члены общины не могутъ имѣть безусловнаго права на землю. На землѣ нѣтъ ни права, ни свободы — безусловныхъ. Землею можетъ пользоваться лишь тотъ, *кто этого достоинъ*. Кто же достоинъ владѣть землею? Г. Шедо-Ферроти отвѣчаетъ на это категорическимъ образомъ: тотъ, кто исправно вноситъ подати, т. е. причитающуюся съ него часть податей, совокупность коихъ лежитъ на общинѣ (стр. 61). Какъ только крестьянинъ оказывается неисправнымъ плательщикомъ, онъ долженъ лишиться своего участка земли. Авторъ находитъ крайне нераціональными и несправедливыми существующія нынѣ мѣры взысканія недоимокъ съ неисправныхъ плательщиковъ (стр. 59). Взысканія эти обращаются на личность и движимое имущество неисправнаго плательщика, но не на принадлежащій ему участокъ земли. Община можетъ арестовать неисправнаго плательщика, отдать на общественныя работы, въ заработки, но не можетъ отнять у него участка! Крестьянинъ пользуется священнѣйшими правами личной свободы (какъ, напр., правомъ передвиженія) условно, т. е. съ разрѣшенія общины; только право на землю принадлежитъ ему безусловно. Но всѣ интересы справедливости требуютъ, чтобы община имѣла право отнимать участокъ, сдѣлавшійся безплоднымъ въ рукахъ неисправнаго плательщика. Ей должно быть предоставлено право продавать съ аукціона (au plus offrant) такіе участки, съ тѣмъ чтобы сумма, вырученная за него, *отдавалась неисправному плательщику*, за вычетомъ недоимки (стр. 62).

Не правы ли мы, сказавъ, что г. Шедо-Ферроти признаетъ принципы, но отвергаетъ самые естественные ихъ результаты? Это было бы, впрочемъ, еще ничего. Если бы только этимъ грѣшила брошюра автора, мы или вовсе не говорили бы объ ней, или упомянули бы вскользь, курьезу ради. Но дѣло въ томъ, что авторъ этимъ (по наружности нелѣпымъ) пріемомъ прикрываетъ нѣчто весьма неблаговидное. Подъ видомъ *сохраненія* принциповъ онъ вводитъ совершенно новыя начала, примѣненіе коихъ должно окончательно подорвать общинное землевладѣніе.

Повидимому, онъ признаетъ общинное землевладѣніе; на дѣлѣ же, онъ объявляетъ, что владѣніе землею обусловливается какими-то «достоинствами».

Думалъ ли авторъ о томъ, куда поведетъ это начало? Къ чести его предположимъ, что не думалъ...

Авторъ объявляетъ себя защитникомъ здравыхъ экономическихъ и политическихъ началъ. Мы должны объявить ему, къ величайшему нашему сожалѣнію, что предлагаемый имъ принципъ есть самое страшное соціалистическое начало. Въ самомъ дѣлѣ, сопоставимъ слѣдующія изреченія:

Г. Шедо-Ферроти:
«Землею долженъ владѣть тотъ, кто сего достоинъ».
Сенъ-Симонъ:
Каждому по его способностямъ;
каждой способности по ея труду».

Разница между этими соціалистами только та, что по теоріи Сенъ-Симона цѣнитъ и вознаграждаетъ трудъ и способности «отецъ», а по теоріи Шедо-Ферроти — полицейскій чиновникъ.

Эта разница, правда, несущественная и можетъ быть изглажена превращеніемъ «отца» въ полицейскаго чиновника или послѣдняго — въ «отца». Но вотъ и существенныя различія. Сенъ-Симонъ подъ именемъ «способности» разумѣлъ высшія духовныя качества человѣка и ихъ проявленіе въ самомъ разнообразномъ трудѣ. Г. Шедо-Ферроти для оцѣнки *способности* вырабатываетъ критеріумъ самаго канцелярскаго, бюрократическаго достоинства. Исправный *плательщикъ податей!* Что можетъ быть ýже, низменнѣе подобнаго воззрѣнія? Далѣе, Сенъ-Симонъ примѣнялъ это правило ко *всѣмъ видамъ собственности*, а г. Шедо-Ферроти—только къ общинному землевладѣнію. Это значитъ, что первый былъ лучше знакомъ съ политическою экономіею, чѣмъ послѣдній. Первый выставилъ общее начало для всего экономическаго быта; второй не задалъ себѣ даже труда спросить: «а что, если это начало примѣнить ко всѣмъ видамъ собственности? Что, если постановить, что и личною собственностью можетъ владѣть только тотъ, кто того *достоинъ*».

Результаты бы вышли необыкновенные и вовсе непріятные для многихъ почитателей г. Шедо-Ферроти. Что́, если бы законъ объявилъ въ прежнее время, что дворянскія имѣнія, на которыхъ лежитъ недоимка, должны быть немедленно проданы? Если бы законъ не отдавалъ предварительно такія имѣнія въ опеку, въ администрацію,—не продавалъ бы движимости или иногда не слагалъ бы даже недоимокъ по всемилостивѣйшимъ манифестамъ—много бы осталось дворянскихъ имѣній? Если бы теперь законъ объявилъ, что за малѣйшую неаккуратность относительно государственныхъ или земскихъ податей и сборовъ, всѣ землевладѣльческія имѣнія будутъ немедленно проданы—не возопіяли бы (и *весьма справедливо*) всѣ сіи землевладѣльцы?

Предлагая такія вещи, г. Шедо-Ферроти вводитъ не только новый экономическій, но и юридическій принципъ. Юридическій принципъ, доселѣ господствовавшій въ нашемъ законодательствѣ, заключается въ томъ, что при всѣхъ взысканіяхъ начальство сначала прибѣгаетъ къ слабѣйшимъ мѣрамъ и только при безуспѣшности послѣднихъ переходитъ къ сильнѣйшимъ. Это начало проникаетъ и Положеніе 19 февраля. Такъ въ (ст. 188 общ. полож.) положеніи о *выкупѣ* (ст. 127 и слѣд.) обществу, для пополненія недоимокъ съ неисправнаго плательщика, предоставляется принимать слѣдующія мѣры:

1) Обращать на возмѣщеніе недоимки *доходъ* съ принадлежащаго недоимщику въ собственность *недвижимаго имущества*;

2) отдавать недоимщика или кого либо изъ членовъ его семейства въ заработки;

3) опредѣлить къ недоимщику опекуна или назначить вмѣсто него старшимъ въ домѣ другаго члена той же семьи;

4) подвергнуть продажѣ принадлежащее недоимщику *лично* недвижимое имущество, за исключеніемъ усадьбы;

4) продать ту часть движимаго имущества и строеній недоимщика, которая *не составляетъ* необходимости въ его хозяйствѣ;

6) отобрать у недоимщика часть отведенныхъ ему полевыхъ угодій или даже весь его полевой отдѣлъ.

При семъ, ст. 127 замѣчаетъ, что послѣднія три мѣры, означенныя въ п. 4, 5 и 6, общество можетъ принимать только въ крайнихъ случаяхъ, когда всѣ другія средства окажутся недостаточными.

Таковы истинныя и справедливыя юридическія начала! Авторъ, напротивъ, желаетъ отбросить всѣ мѣры, кромѣ послѣдней (6). На какомъ основаніи? О! на самомъ либеральномъ! Община, говоритъ онъ (стр. 83), имѣетъ право на свою землю, но не на своихъ членовъ (какъ будто всякое учрежденіе, облеченное властью надъ извѣстнымъ кругомъ лицъ, имѣетъ на нихъ *хозяйское* право!). На этомъ основаніи она можетъ лишать своихъ членовъ за неисправное отбываніе повинностей только того, что она имъ дала, т. е. земли. Она не можетъ посягать на ихъ свободу, т. е., напр., отдавать ихъ въ заработки. Крестьянинъ долженъ быть свободенъ.... умирать съ голоду!

Да! Il est inépuisable, le vocabulaire de l'hypocrisie et de l'injustice *), говорилъ одинъ знаменитый французскій публицистъ.

Согласимся, впрочемъ, что отдача въ заработки — «мѣра ужасная». Но вѣдь изъ мѣръ, указанныхъ законодательствомъ, только одна «посягаетъ» на личную свободу; прочія касаются ограниченія имущественныхъ правъ неисправнаго плательщика, и система сихъ ограниченій восходитъ отъ мѣръ слабѣйшихъ къ сильнѣйшимъ, какъ этого требуютъ всѣ начала справедливости.

Впрочемъ, у автора свои понятія о справедливости — и понятія самыя либеральныя, до того либеральныя, что онъ приноситъ имъ въ жертву всѣ основные и азбучные юридическіе принципы. Такъ, напр., п. 6 ст. 188 общ. полож. предоставляетъ обществу въ крайнихъ случаяхъ отбирать у неисправнаго плательщика принадлежащій ему участокъ полевой земли. Можетъ быть это—мѣра суровая, но весьма юридическая, ибо община, какъ *собственница*

*) Онъ неистощимъ — этотъ словарь лицемѣрія и несправедливости.

земель, можетъ отбирать земли въ случаяхъ, указанныхъ закономъ, отъ лицъ, у коихъ участки этой земли находятся *въ пользованіи*. Самъ г. Шедо-Ферроти признаетъ, что земля принадлежитъ общинѣ, а не отдѣльнымъ ея членамъ. Не смотря на это, онъ возмущается противъ отобранія участковъ у неисправныхъ плательщиковъ. Участокъ, по его мнѣнію, долженъ быть *проданъ*, и бывшій его владѣлецъ вознагражденъ. На какомъ основаніи? Если бы крестьянинъ имѣлъ право собственности на участокъ, это было бы понятно. Правительство, напр., надѣляя крестьянъ помѣщичьею землею, справедливо сочло своею обязанностію вознаградить помѣщиковъ за утраченное ими *право*. Но крестьянинъ, теряя свой участокъ, по словамъ самого г. Шедо-Ферроти, не теряетъ никакого права. За что же его вознаграждать? Съ одной стороны, авторъ глумится надъ правомъ каждаго крестьянина требовать себѣ участка земли, а съ другой—требуетъ для него вознагражденія во имя этого же права.

На первый взглядъ, теорія г. Шедо-Ферроти кажется весьма либеральной и можетъ вызвать рукоплесканія наивныхъ либераловъ. Смотрите, въ самомъ дѣлѣ, какія рѣчи (стр. 61). Отобраніе участка у неисправнаго плательщика было бы *вопіющею* несправедливостью, ибо плательщикъ этотъ, неисправный въ послѣднее время, могъ быть исправнымъ и хорошимъ хозяиномъ прежде; онъ могъ сдѣлать разныя улучшенія въ своемъ хозяйствѣ и удобрить землю такъ, что цѣна ея возвысилась благодаря его трудамъ. Было бы, слѣдовательно, несправедливо лишить его плода его тяжкихъ трудовъ...

Но, увы! подъ этой либеральной пѣной кроется самый ядовитый змій. Всякій благоразумный читатель, вникнувъ въ сущность предложенія автора и сравнивъ его съ «суровымъ» Положеніемъ 19 февраля, можетъ сказать слѣдующее:

«Положеніе» даетъ право общинѣ отбирать участки у неисправныхъ плательщиковъ. Это весьма строгая мѣра; но обществу дано право прибѣгать къ ней только въ крайнихъ случаяхъ и, притомъ, участки отбираются не навсегда. Община можетъ увидѣть, что крестьянинъ исправился, положитъ гнѣвъ на милость и отведетъ ему новый участокъ. Напротивъ, при системѣ г. Шедо-Ферроти, крестьяне будутъ лишаться своихъ участковъ *навсегда*, ибо общины будутъ не въ правѣ возвращать прежнимъ владѣльцамъ участки, проданные въ другія руки. Авторъ самъ не скрываетъ этихъ прекрасныхъ результатовъ своей мѣры. На стр. 69 онъ говоритъ: «*необходимо, чтобы пользованіе участками общинной земли могло быть утрачено* въ наказаніе за *лѣность* и *дурное поведеніе*».

Какъ же примѣнить эту педагогическую мѣру? Для того, чтобы продавать участки, необходимо найти покупателей; кто же будетъ покупать участки, на которые онъ никогда не пріобрѣтетъ права полной собственности,—кто согласится быть условнымъ владѣльцемъ такого участка? Авторъ понялъ

затруднительность этого положенія, а поэтому, въ виду осуществленія своей мѣры, онъ требуетъ, чтобы владѣніе участками общинной земли было *наслѣдственно*, и владѣльцамъ должно быть предоставлено право полнаго распоряженія своимъ имуществомъ (стр. 62). Видите, что значитъ тронуть одинъ изъ принциповъ стройной системы общиннаго землевладѣнія: реформаторъ становится на скользкій путь и невольно приходитъ къ совершенному уничтоженію общиннаго землевладѣнія. Авторъ недавно признавалъ за общиною полное право на землю, а теперь приходитъ къ наслѣдственности участковъ. Что же остается за общиною? Обязанность лишать владѣльцевъ ихъ участковъ за неисправный вносъ податей. Нечего сказать: стоитъ общинамъ продолжать свое существованіе при такомъ богатомъ кругѣ дѣятельности! Общины, слѣдовательно, будутъ существовать исключительно, какъ орудіе фискальной власти государства. Недавно еще авторъ возмущался деспотизмомъ общины, гремѣлъ противъ ея авторитета, основаннаго не только на обычаѣ и законѣ; теперь онъ требуетъ уничтоженія всѣхъ этихъ правъ, кромѣ одного — права пускать по міру крестьянъ за неисправный взносъ податей.

Итакъ, ежегодно часть крестьянъ будетъ *навсегда* лишаться земли. По всѣмъ соображеніямъ оказывается, что этимъ самымъ будетъ у насъ развиваться пролетаріатъ, и затѣмъ вся общинная земля фактически сосредоточится въ рукахъ немногихъ владѣльцевъ. Между тѣмъ, авторъ не задолго передъ симъ говорилъ объ опасности сосредоточенія земли въ немногихъ рукахъ и радовался вмѣстѣ съ славянофилами, что въ Россіи никогда не будетъ пролетаріата и «антагонизма». Положеніе затруднительное. Авторъ стремится выйти изъ него такимъ образомъ.

Для того, чтобы воспрепятствовать чрезмѣрному сосредоточенію земель въ однѣхъ рукахъ, онъ предлагаетъ установить maximum того количества участковъ, кои могутъ быть сосредоточены въ однѣхъ рукахъ (стр. 91 и слѣд.). По мнѣнію г. Шедо-Ферроти, въ рукахъ одного крестьянина можетъ быть сосредоточено отъ 3—5 участковъ земли. Участковъ—какой величины? Въ настоящемъ ли ихъ объемѣ или въ томъ, какой установится впослѣдствіи по наличному числу членовъ общины, изъ которой будутъ изгнаны всѣ неисправные и нерадивые? Это бы слѣдовало опредѣлить заранѣе, принимая во вниманіе, что авторъ требуетъ немедленнаго примѣненія его принциповъ къ практикѣ. Къ сожалѣнію, авторъ не пытается этого сдѣлать, да хоть бы и попытался, врядъ ли труды увѣнчались бы успѣхомъ. Опредѣлить maximum можно только при существованіи *соизмѣримыхъ* и *равныхъ* между собою участковъ, что возможно *только* при существующей нынѣ системѣ передѣловъ и раздѣловъ полей, и положительно *невозможно* при наслѣдственности участковъ, предлагаемой авторомъ. Одинъ крестьянинъ умеръ и раздѣлилъ свое наслѣдство между 7 сыновьями, и владѣніе каждаго изъ нихъ будетъ *участокъ;* другой оставилъ только двухъ сыновей, и ихъ доли

будутъ также *участки*. Какъ же мы примѣнимъ ко всему этому разнообразію однообразный maximum? Г. Шедо-Ферроти слѣдовало бы простереть свои регламентаторскія способности дальше; ему слѣдовало бы требовать закона, ограничивающаго количество дѣтей, которое могутъ приживать крестьяне; слѣдовало бы объявить, что существованіе болѣе чѣмъ трехъ или четырехъ сыновей у крестьянина будетъ признано доказательствомъ de l'inconduite et de la débauche, — что участки такихъ крестьянъ будутъ проданы лицамъ, ведущимъ себя умѣренно и т. д.

Для того, чтобы выйти изъ этого новаго затрудненія, г. Шедо-Ферроти прибѣгаетъ... къ новому раздѣлу земель (стр. 79). Этотъ новый раздѣлъ долженъ раздѣлить всю крестьянскую землю на постоянные и наслѣдственные участки, а потому авторъ называетъ его *послѣднимъ*. Но кто же произведетъ этотъ послѣдній раздѣлъ, составитъ этотъ Doomsday-book русскаго государства? Авторъ основательно полагаетъ, что у правительства нѣтъ къ тому никакихъ средствъ, ибо такого рода кадастръ потребовалъ бы нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ усиленной работы, да и тогда не достигъ бы желанной цѣли. «Но, говоритъ г. Шедо-Ферроти, достовѣрно, что *удивительная изобрѣтательность* и духъ *справедливости* самого народа преодолѣютъ эту трудность». Видите какъ: «пьяницы и нерадивые», въ случаѣ нужды, вдругъ превращаются въ мудрый и справедливый народъ! Ужь если онъ такой мудрый и справедливый, то почему бояться передѣловъ въ настоящей ихъ формѣ? Стыдно вамъ, господа!

Итакъ, народъ самъ на себя наложитъ руку и дастъ г. Шедо-Ферроти правильные и постоянные участки. Но вѣдь въ слѣдующемъ поколѣніи сіи правильные и соизмѣримые участки превратятся въ неправильные и несоизмѣримые?

Положимъ однако, что наше законодательство съумѣетъ найтись въ путаницѣ наслѣдственныхъ участковъ,—что оно выработаетъ maximum, къ полному удовольствію г. Шедо-Ферроти. Но что же выйдетъ изъ закона, который дозволилъ бы сосредоточеніе нѣсколькихъ участковъ въ однѣхъ рукахъ? Самъ авторъ отвѣтитъ намъ на это. Онъ говоритъ, какъ мы видѣли выше, что законъ, который бы дозволилъ крестьянамъ продавать землю *частнымъ владѣльцамъ*, весьма скоро привелъ бы ихъ къ полному обезземеленію, — что, при общей бѣдности сельскаго сословія, земля составляетъ ихъ единственное имущество, которое крестьяне весьма охотно тратили бы на пріобрѣтеніе наличныхъ денегъ легкимъ способомъ — продажею земли по клочкамъ. Почему же то, что кажется автору *опаснымъ* для общины со стороны частныхъ владѣльцевъ, — кажется ему *необходимымъ*, въ примѣненіи къ самимъ членамъ общины? Между тѣмъ опасность грозитъ не меньшая. Община, получивъ право немедленно продавать земли неисправныхъ плательщиковъ, не воспользуется ли столь легкимъ средствомъ для уплаты недоимокъ безъ

всякихъ «непріятностей»? Богатые крестьяне также будутъ аплодировать этой мѣрѣ. Хотя при настоящихъ общинныхъ порядкахъ они имѣютъ много средствъ держать «нерадивыхъ» въ крѣпостной почти зависимости, но, когда имъ удастся скупить всѣ участки, они совершенно успокоятся въ сладостномъ упованіи, что ихъ батраки, въ настоящее время имѣющіе нѣкоторые шансы уйти изъ ихъ рукъ, никогда уже не избавятся отъ ихъ власти. Хуже всего то что на первое время и бѣдные крестьяне не будутъ особенно противъ новаго закона. Такъ или иначе, имъ представится случай уступить свой участокъ за деньги и на нихъ пожировать нѣсколько времени. Словомъ, весь планъ г. Шедо-Ферроти имѣетъ одну весьма ясную и опредѣленную цѣль—тихимъ и пріятнымъ для всѣхъ манеромъ перевести землю изъ рукъ «недостойныхъ» въ руки «достойныя»,—усилить, затѣмъ, принципъ наслѣдственности участковъ и, наконецъ, разрушить общину.

Это оказывается изъ разсмотрѣнія нѣкоторыхъ дополнительныхъ мѣръ, предлагаемыхъ имъ въ связи съ продажею участковъ. Крестьянинъ, потерявшій свой участокъ, по мнѣнію г. Шедо-Ферроти (стр. 80), *немедленно* долженъ лишиться права голоса на сходѣ *); ибо каждый крестьянинъ представляетъ на сходѣ только свой участокъ земли, потерявъ который, онъ ничего не будетъ уже представлять. Такимъ путемъ бобыли будутъ отданы въ полную власть міра, составленнаго изъ крестьянъ rangés et laborieux. Вмѣстѣ съ тѣмъ большинство $^2/_3$ голосовъ (требуемое нынѣ для превращенія общиннаго владѣнія въ участковое и составляемое лѣнтяями, заинтересованными въ *передѣлахъ* земли) измѣнитъ свой характеръ. Радивые крестьяне, составляя большинство, не замедлятъ нанести послѣдній ударъ общинѣ. «Въ тотъ день, заключаетъ авторъ (стр. 99), когда законъ о неправоспособности неисправныхъ плательщиковъ будетъ приведенъ въ дѣйствіе, — когда отъ трудолюбивыхъ и рачительныхъ крестьянъ будетъ зависѣть высказаться о системѣ передѣловъ, — нѣтъ сомнѣнія, что этотъ порядокъ будетъ уничтоженъ мірскими приговорами, постановленными не только большинствомъ $^2/_3$ голосовъ, но и единогласно»...

Одно послѣднее затрудненіе. Для того, чтобы достигнуть всѣхъ этихъ благихъ результатовъ, нужно предварительно обезземелить весьма много крестьянъ, которые и не замедлятъ составить пролетаріатъ и начать «антагонизмъ». Количество этого имѣющаго образоваться пролетаріата можно съ достовѣрностію опредѣлить, на основаніи самой брошюры г. Шедо-Ферроти. Она постановляетъ, что въ рукахъ «рачительнаго» крестьянина можетъ соединиться отъ 3 до 5 участковъ. Это значитъ, что $^2/_3$, а можетъ быть и $^4/_5$ нашего крестьянства могутъ навсегда лишиться земельнаго надѣла. Это дастъ

*) Le payeur inexact perd le droit de voter aux réunions communales... La privation du droit de vote doit être *immédiate* et *inconditionnelle*, стр. 80.

Россіи милліоновъ 30 пролетарієвъ. Какъ съ этимъ быть? Авторъ блистательно преодолѣваетъ это затрудненіе, т. е. прямо снимаетъ масву, подъ которой онъ недавно скорбѣлъ о грустныхъ послѣдствіяхъ антагонизма и пролетаріата. Разъ когда эта маска снята, мы можемъ послушать откровенную рѣчь автора, которою мы и заключимъ изложеніе его теоріи.

Защитники системы передѣловъ, говоритъ онъ (стр. 65), озабочиваются участью крестьянъ, лишенныхъ земли. Называя ихъ «пролетаріями», терминомъ заимствованнымъ изъ словаря западной Европы, они сожалѣютъ о жалкой ожидающей ихъ участи. Но они не понимаютъ того, что эта жалкая участь есть только послѣдствіе лѣности и дурнаго поведенія крестьянъ; они (защитники передѣловъ) не думаютъ далѣе о томъ, что невыгоды, ожидающія всѣхъ или большую часть крестьянъ, лишенныхъ земли, будутъ для послѣднихъ благодѣтельными уроками, которые не замедлятъ ихъ исправить, заставивъ ихъ почувствовать всю тяжесть послѣдствій безпечности и разврата.

Да воздастся каждому по дѣломъ его! Работникамъ да будетъ наградою— матеріальное благосостояніе; лѣнивцамъ да будетъ наказаніемъ — нищета. Вотъ вердиктъ, произнесенный строгою справедливостью.

Авторъ не смущается даже тѣмъ, что этотъ «вердиктъ справедливости» поразитъ дѣтей за ошибки ихъ отцовъ. Мысль — гарантировать дѣтей отъ послѣдствій ошибокъ ихъ отцовъ, говоритъ онъ (стр. 67), имѣетъ *нѣчто* привлекательное. Но, по серьезномъ размышленіи, она оказывается нераціональною. Первый принципъ здравой морали, — принципъ, признанный всѣми религіями міра, состоитъ въ томъ, что всѣ послѣдствія нашихъ дѣяній будутъ соотвѣтствовать ихъ природѣ, и что рано или поздно добродѣтель будетъ награждена, порокъ—наказанъ. Самымъ совершеннымъ состояніемъ человѣческаго общества было бы то, при которомъ эти послѣдствія немедленно и *неизбѣжно* слѣдовали бы за дѣйствіями, — при которомъ порочный былъ бы увѣренъ, что онъ не избѣжитъ *ни одного* изъ послѣдствій разврата и лѣни.

Современный законъ объ общинномъ землевладѣніи благопріятствуетъ совершенно другому порядку вещей. Лѣнивецъ и пьяница (стр. 68) можетъ кутить, сколько ему угодно, въ полной увѣренности, что дурныя послѣдствія его поведенія отразятся *только на немъ*, но не на его дѣтяхъ. Онъ говоритъ себѣ: «чтобы я ни сдѣлалъ, какъ бы я ни промотался—мои дѣти не пропадутъ; община должна будетъ дать имъ землю». Такимъ образомъ, наши развратные крестьяне избавлены человѣческимъ закономъ отъ силы закона божественнаго, который хочетъ *), чтобы человѣкъ переносилъ *всѣ*

*) Не знаемъ, какой религіи держится г. Шедо-Ферроти (тѣмъ больше, что онъ ссылается на всѣ разомъ), но смѣемъ увѣрить его, что христіанская религія *не хочетъ* ничего подобнаго. Ученіе Христа Спасителя уничтожило всѣ ученія о Немезидахъ, о наказаніи дѣтей за родителей въ 9 поколѣніи и т. д. Предъ Божественнымъ правосудіемъ каждый отвѣчаетъ самъ за себя. Тѣмъ паче, *такъ* должно быть въ человѣческомъ правосудіи.

послѣдствія своихъ дѣйствій. И законъ избавляетъ его отъ самаго суроваго, горестнаго послѣдствія—отъ упрековъ въ раззореніи семьи, нищетѣ дѣтей, и въ этомъ-де заключается безнравственность гарантировать дѣтей отъ послѣдствій безнравственности родителей.

Вамъ, читатели, горько читать эти изреченія канцелярскаго макіавелизма; ваше нравственное сознаніе возмущается отъ этихъ призываній Бога и его вѣчной правды для прикрытія одного стремленія — какъ бы надлежаще устроить поступленіе податей. Но каково *переписывать* слово за словомъ, букву за буквой, эти перлы современной охранительной публицистики? Къ счастью, мы избавлены отъ опроверженія этихъ заключительныхъ мыслей автора. Есть вещи, которыя опровергаются самимъ ихъ изложеніемъ. Польскій катехизисъ всѣ газеты напечатали и перепечатали, но никому не пришло въ голову его опровергать — изъ уваженія къ читателю.

V.

Мораль этой басни.

Оставимъ всѣ разсужденія о «пролетаріатѣ и антагонизмѣ». Они не по сердцу и не подъ силу автору, и онъ ихъ выбросилъ за бортъ самымъ откровеннымъ образомъ. Его дѣло «надлежащее поступленіе податей»—эта quasi легальная точка зрѣнія нашихъ охранителей. Что же! Станемъ и на эту точку зрѣнія. Но врядъ ли и здѣсь они могутъ ожидать надлежащаго авантажа. Вопросимъ же еще разъ Положеніе 19 февраля, въ чемъ сотоятъ его стремленія? Такъ какъ возраженія г. Шедо-Ферроти касаются главнымъ образомъ двухъ пунктовъ — именно:

что Положеніе напрасно стремится обезпечить всѣхъ крестьянъ и что поэтому оно неблагоразумно даетъ каждому взрослому крестьянину коммунистическое право требовать себѣ участокъ земли, — то мы и постараемся изслѣдовать:

1) Зачѣмъ Положеніе дало общинѣ землю?

2) Почему оно даетъ землю каждому взрослому крестьянину?

Первый вопросъ совершенно удовлетворительно разрѣшается: 3 ст. общ. полож. о кр. говоритъ, что крестьянамъ отводится въ постоянное пользованіе опредѣленное количество полевой земли и другихъ угодій, *для обезпеченія ихъ быта и для выполненія обязанностей предъ правительствомъ* (а до выкупа ими земель — и предъ помѣщикомъ).

Это значитъ, что земля дана крестьянамъ, чтобъ имъ было съ чего жить и съ чего отбывать государевы подати. Слѣдовательно, Положеніе въ сущности удерживаетъ начало древней русской общины. Г. Шедо-Ферроти хочетъ, чтобы 3 ст. читалась такимъ образомъ: земля отведена крестьянамъ для выполненія обязанностей предъ правительствомъ. Слова же «для обезпеченія ихъ быта» должны быть вычеркнуты.

Эти стремленія могли бы имѣть какой нибудь смыслъ, если бы подати лежали на землѣ—и притомъ на всей землѣ, а не на общинной только. Но дѣло именно въ томъ, что подати и повинности лежатъ не на землѣ, а *отбываются съ земли* — подобно тому, какъ прежде дворянство служило съ земли, т. е. съ своихъ помѣстій. Мало того. Подати и повинности (въ томъ видѣ, какъ онѣ существуютъ теперь) не только не лежатъ на землѣ, но и не могутъ на ней лежать, ибо весьма многія изъ нихъ лежатъ на крестьянахъ *лично*.

Сюда относится *подушная подать*, *рекрутская повинность*, и многія другія натуральныя и денежныя повинности. Такъ, напр., на обязанности крестьянъ оставляется исполненіе *личныхъ работъ*, нужныхъ для устроенія и исправнаго содержанія грунтовыхъ, почтовыхъ, торговыхъ и военныхъ дорогъ. Словомъ, всѣ натуральныя повинности отбываются крестьянами лично.

Такимъ образомъ, крестьяне являются тяглымъ государственнымъ сословіемъ, которое личнымъ своимъ трудомъ отбываетъ большую часть государственныхъ и земскихъ потребностей. Отъ того-то они и называются податнымъ сословіемъ. Поэтому государство, желая обезпечить для себя трудъ этого тяглаго сословія, сочло нужнымъ предварительно *обезпечить его бытъ*. Бытъ крестьянъ, независимо отъ соображеній о «пролетаріатѣ и антагонизмѣ», долженъ быть обезпеченъ потому, что крестьяне обязаны предъ государствомъ многими денежными и натуральными повинностями, лично на нихъ лежащими. Бытъ сей долженъ быть обезпеченъ за всѣми крестьянами въ равной степени, ибо вышеозначенныя подати и повинности лежатъ на нихъ и должны быть распредѣлены также въ равной степени. Совершенное лишеніе крестьянина участка земли можетъ имѣть юридическое основаніе только въ томъ случаѣ, если крестьянинъ будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ избавленъ отъ всѣхъ государственныхъ податей и повинностей. Такъ смотритъ на этотъ вопросъ и «Положеніе». Въ положеніи объ устройствѣ дворовыхъ людей, мы находимъ слѣдующую замѣчательную статью (32).

«Дворовые люди, уволенные отъ обязательныхъ отношеній къ владѣльцамъ прежде опредѣленнаго для сего двухлѣтняго срока, освобождаются, *до истеченія сего срока*, отъ платежа всякаго рода казенныхъ податей и сборовъ, а также отъ денежныхъ и натуральныхъ земскихъ повинностей, въ томъ числѣ и отъ отправленія рекрутской повинности. По истеченіи сего срока, пользуются сими льготами: тѣ изъ дворовыхъ, кои будутъ приписаны къ сельскимъ обществамъ или къ волостямъ — въ теченіи 6 лѣтъ, а тѣ, которые припишутся къ городскимъ обществамъ—въ теченіи еще двухъ, считая съ окончанія двухлѣтняго».

Почему? Потому что дворовые не получили надѣла, а потому имъ не *съ чего было* государеву службу служить. Получивъ же надѣлъ отъ общества, которое захотѣло ихъ принять, имъ надо было еще *устроить свой бытъ*, а потому, законодательство считало своею обязанностью продолжить для нихъ льготные годы.

Итакъ, крестьяне, и притомъ *всѣ крестьяне*, потому имѣютъ «коммунистическое» право на землю, что они всѣ несутъ въ равной мѣрѣ государственныя повинности. Вотъ почему отобраніе участка у неисправнаго плательщика и является въ Положеніи исправительною мѣрою, употребляемою лишь въ *крайнихъ* случаяхъ. Г. Шедо-Ферроти требуетъ немедленнаго лишенія неисправнаго плательщика его участка, но не говоритъ — слагаются ли, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ такого крестьянина всѣ повинности. Должно ли государство тотчасъ лишиться извѣстной тяглой единицы?

На томъ основаніи, далѣе, что повинности лежатъ на всѣхъ крестьянахъ въ равной степени, они, независимо уже отъ экономическихъ условій, должны имѣть равныя права участія въ мірскомъ управленіи. Всѣ они одинаково должны имѣть право голоса на сходѣ. Иначе нельзя ожидать уравнительнаго распредѣленія повинностей, правильной раскладки податей и равномѣрнаго распредѣленія участковъ земли, съ которыхъ должны отбываться подати. Посему «Положеніе» и постановляетъ (ст. 47 общ. полож.), что сельскій сходъ составляется изъ крестьянъ домохозяевъ, принадлежащихъ къ составу сельскаго общества. Мало того, съ дворовъ многотягольныхъ *) дозволяется присылать на сходъ двухъ или болѣе крестьянъ, если сіе согласно съ мѣстнымъ обычаемъ».

Эти крестьяне-домохозяева *представляютъ* на сходѣ не землю, какъ говоритъ авторъ, а свою личность, на которой лежатъ самыя разнообразныя повинности, отбываемыя ими за землю и съ земли. Посему совершенное лишеніе крестьянина права участія на сходѣ, доколѣ сей крестьянинъ находится въ обществѣ, было бы вопіющею несправедливостью. Вотъ почему, на основаніи Положенія, права голоса на сходѣ совершенно лишается только тотъ, кто по приговору общества, постановленному большинствомъ $^2/_3$ крестьянъ, имѣющихъ голосъ на сходѣ, удаляется изъ него, какъ порочный и вредный человѣкъ. Но затѣмъ устраненіе крестьянъ отъ участія въ сходахъ, безъ удаленія ихъ изъ общества, допускается какъ мѣра временная, во всякомъ случаѣ не долѣе, какъ на три года (общ. полож. ст. 51 п. 2). Г. Шедо-Ферроти требуетъ немедленнаго и совершеннаго удаленія всякаго неисправнаго плательщика, но не поясняетъ, освобождается ли послѣдній отъ всѣхъ лежащихъ на немъ податей и повинностей? Если освобождается, то за что же государство каждый годъ будетъ лишаться значительнаго количества тяглыхъ лицъ? Если не освобождается, то не приметъ ли на себя государство упрекъ въ вопіющей несправедливости? А еще блаженный Августинъ спрашивалъ— quid sunt regna, remota justicia, nisi magna latrocinia?

---

*) Т. е. изъ нераздѣлившихся семей, владѣющихъ нѣсколькими участками, каковыя встрѣчаются весьма часто въ Великой Россіи.

Для чего мы нашли нужнымъ остановить вниманіе читателей на брошюрѣ, которая съ научной точки зрѣнія неважна и незамѣчательна? Потому что она важна и замѣчательна во многихъ отношеніяхъ, кромѣ научнаго. *Важна* она тѣмъ, что она представляетъ блестящій образчикъ идей, имѣющихся въ обращеніи между самозванными представителями охранительныхъ началъ. Литературѣ отъ времени до времени приходится вступать въ борьбу съ брошюрами точь-въ-точь такогоже содержанія. Развѣ, напр., презрѣнная брошюра «Земля и Воля» имѣетъ другой характеръ? Развѣ неизвѣстный авторъ ея не доказываетъ, что «пьяницы и нерадивые» не должны имѣть ни земли, ни воли? А сколько статеекъ подобнаго же содержанія приходится пропускать безъ всякаго вниманія? Брошюра г. Шедо-Ферроти важна именно тѣмъ, что въ ней собранъ весь запасъ учености, аргументовъ и «либерализма» псевдоохранителей—во всемъ блескѣ ихъ ничтожества. *Замѣчательна* разбираемая брошюра тѣмъ, что на ней лучше всего можно видѣть, какъ всѣ попытки видоизмѣнить сельскій бытъ регламенторскими мѣропріятіями должны пасть предъ условіями суровой дѣйствительности, какъ нельзя въ настоящее время тронуть ни одного начала общины и общиннаго землевладѣлія, не поколебавъ всей системы государственнаго финансоваго управленія, — какъ всѣ подобные забавы и опыты могутъ привести къ тому, что въ одинъ прекрасный день государственная казна будетъ пуста, а исполнительная власть будетъ имѣть на своихъ рукахъ массу бобылей — по иностранному «пролетаріевъ».

Мы нисколько не скрываемъ отъ себя, что положеніе общинъ и многія условія ихъ экономическаго существованія далеко неудовлетворительны. Полагаемъ, что съ теченіемъ времени многія изъ этихъ условій измѣнятся. Мы желаемъ не менѣе самого автора, чтобы стѣснительныя условія экономической дѣятельности крестьянства уничтожились,—чтобы возможность передвиженія ихъ и даже переселенія облегчилась, — чтобы, словомъ, община наша сдѣлалась настоящимъ вольнымъ союзомъ свободнаго крестьянства. Но мы твердо убѣждены, что вмѣшательство правительства во внутренній бытъ общинъ не улучшитъ, а ухудшитъ положеніе не только общинъ, но и государства. Шутить и легкомысленно измѣнять условія, при которыхъ живетъ 60 милліоновъ народа — опасно. Если общинѣ суждено когда нибудь измѣниться, если даже она обречена на совершенное уничтоженіе, то пусть это совершится тѣмъ же путемъ, какимъ создалась и сложилась община — путемъ народнаго обычая. Не законъ, а обычай создалъ общину; пусть обычай и произнесетъ надъ нею оправдательный или обвинительный приговоръ.

Положеніе 19 февраля мудро отнеслось къ общинѣ. Оно во всемъ надѣется на здравый смыслъ и пр[illegible]ія народа больше, чѣмъ на силу регламентаціи. Намъ не остается [illegible] больше, какъ [illegible]жать примѣ[illegible] Положенія.

Г. Шедо-Ферроти заключилъ свою брошюру нѣсколькими десятками статей проекта «новаго закона». Заключимъ нашу рецензію только тремя «статьями».

1. Оставьте общину неприкосновенною, ибо она содержала Русское государство при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ и вы не знаете — чѣмъ она можетъ сдѣлаться при благопріятныхъ условіяхъ.

2. Расширяйте сколько возможно эти благопріятныя условія; введите уравнительность податей, организуйте сельскій и земскій кредитъ, поощряйте развитіе путей сообщенія, устройство сельскихъ школъ, и т. д.

3. Предоставьте затѣмъ, на точномъ основаніи Положенія 19 февраля, самимъ крестьянамъ высказаться за или противъ общиннаго землевладѣнія.

И засимъ повторимъ слова, которыя въ 1861 г., вся Россія повторяла вслѣдъ за Государемъ:

«Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго!»

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ УЧРЕЖДЕНІЯ ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРСТВЪ ВЪ РОССІИ *).

I.

Въ 1702 г., послѣ покоренія Петромъ Великимъ нѣкоторыхъ шведскихъ провинцій, нѣкогда принадлежавшихъ Россіи, онѣ были ввѣрены попеченію князя Меншикова, получившаго титулъ губернатора. Вскорѣ послѣ основанія Петербурга, начала образовываться первая въ Россіи губернія, Ингерманландская, впослѣдствіи послужившая образцомъ для другихъ губерній, учрежденныхъ въ 1708 г. Административное устройство этой первой губерніи было заимствовано изъ Швеціи; вѣрнѣе сказать, Петръ Великій нашелъ шведскія учрежденія въ покоренныхъ шведскихъ и затѣмъ остзейскихъ провинціяхъ и распространилъ ихъ на всю Россію. Задолго до общаго учрежденія губерній, мы встрѣчаемся съ Ингерманландскою губерніей и въ ней съ губернаторами, потомъ генералъ-губернаторами, ландрихтерами (въ русскомъ переводѣ *земскими судьями*), президентами и т. д.

Вступивъ на путь заимствованій, законодательство вмѣстѣ съ тѣмъ уклонилось, по отношенію къ внутреннему управленію, отъ пути, которому дотолѣ слѣдовало московское правительство. Послѣднее, раздвигая свою власть на западъ, югъ и востокъ, приносило всюду свои собственныя учрежденія

*) Написано въ 1869 г. *Примѣчаніе.* Въ послѣднее время въ нашей литературѣ были указаны многія практическія неудобства генералъ-губернаторской должности. Сознавая всю важность этого вопроса, мы рѣшились представить нѣсколько соображеній, основанныхъ на историческихъ и научныхъданныхъ. Кромѣ *Полнаго Собранія Законовъ*, мы пользовались *Русскимъ Архивомъ*, *Русскимъ Историческимъ Сборникомъ* (преимущественно статьею Д. П. Трощинскаго, „О министерствахъ“) и важными документами, изданными г. Калачевымъ при его разборѣ сочиненія г. Андреевскаго *О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ.*

Какъ только какая нибудь область подпадала владычеству Москвы, тотчасъ въ ней появлялись воеводы, приказныя избы, дьяки; мѣстнымъ жителямъ предписывалось выбрать старостъ и цѣловальниковъ для дѣлъ мірскихъ, земскихъ и государевыхъ, и чрезъ нѣсколько времени область эта во всемъ становилась похожа на всякій московскій уѣздъ и поступала въ завѣдываніе какого нибудь центральнаго приказа, который и управлялъ ею на основаніяхъ общихъ съ другими областями, состоявшими въ его управленіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ московское правительство не любило имѣть дѣло съ обширными областями. Первою заботою его было раздѣленіе обширной области на мелкіе административные округи, причемъ каждый изъ нихъ получалъ вполнѣ самостоятельное значеніе и сносился съ центральнымъ московскимъ управленіемъ непосредственно. Воевода самаго небольшаго городка получалъ царскіе указы прямо въ свои руки, обо всемъ отписывалъ его царскому величеству прямо въ Москву. Между какой нибудь Старой Русой и Москвой не было посредствующихъ инстанцій. Вслѣдствіе этого значеніе «старшихъ городовъ» утрачивалось не только въ политическомъ, но и въ административномъ отношеніи. И это имѣло важное значеніе. Когда прежній политическій центръ сохраняетъ значеніе высшаго административнаго центра для цѣлой области, чрезъ него сносящейся съ высшимъ управленіемъ, область эта привыкаетъ смотрѣть только на свое ближайшее начальство, которое, въ ея глазахъ, и олицетворяетъ собою *правительство*. Въ глазахъ мѣстнаго населенія такой центръ и такое правительство являются знаменемъ особливаго, исключительнаго положенія въ государствѣ, особенно если мѣстность эта удерживаетъ нѣкоторыя особенности прежняго времени. Всего этого Москва избѣгла раздробленіемъ Россіи на мелкіе административные округи. Какъ велико было число этихъ округовъ, видно изъ того, что въ первые годы царствованія Михаила Ѳедоровича, когда отъ Россіи отпали многія области, было около 120 городовъ, имѣвшихъ самостоятельное воеводское управленіе и сносившихся прямо съ Москвой. Впослѣдствіи число ихъ увеличилось. И среди этихъ 120—150 мелкихъ центровъ, Москва была настоящимъ хозяиномъ. Государственное единство скрѣплялось тою связью, какую Москва старалась поддерживать непосредственно съ низшими классами народонаселенія. Послѣдніе всегда тянули къ московскому государю, который, въ свою очередь, понимая это, всегда поддерживалъ ихъ значеніе. Небольшой объемъ административныхъ округовъ давалъ низшимъ классамъ мѣстнаго населенія возможность принимать участіе въ мѣстной администраціи. Многіе важные вопросы финансоваго и полицейскаго управленія были оставлены на попеченіи мірскаго выборнаго начальства. Воеводы, въ глазахъ закона, имѣли главною задачею «беречь крестьянъ и посадскихъ людей отъ сторонъ», то-есть, главнымъ образомъ отъ служилыхъ и приказныхъ людей. Въ то же время, въ виду многочисленныхъ злоупотребленій воеводъ, имъ запрещалось

вмѣшиваться въ мірское хозяйство и во многія отрасли финансоваго управленія, ввѣреннаго выборнымъ людямъ, которые и сосплись прямо съ Москвой. Прибавимъ, что въ тѣ времена низшее народонаселеніе не было еще такъ заслонено отъ правительства высшими сословіями, какъ это случилось въ XVIII столѣтіи, вслѣдствіе окончательнаго развитія крѣпостнаго права и чрезвычайнаго усиленія дворянскихъ выборныхъ должностей.

Система московской администраціи представляла много невыгодныхъ сторонъ, но общее ея направленіе благопріятствовало государственному единству. И оно росло, не смотря на всѣ матеріальныя препятствія, на плохое состояніе путей сообщенія, на разбросанность народонаселенія, на обширность территоріи. Благодаря московской системѣ, всякое расширеніе русскаго государства было въ то же время расширеніемъ русскаго народа.

Новая система явилась въ нашемъ законодательствѣ въ то время, когда Россія столкнулась съ провинціями, гдѣ прежнія средства московскаго «объединенія» были слишкомъ слабы. Раздробить остзейскія провинціи на мелкіе уѣзды было не такъ легко, какъ нѣкогда область Великаго Новгорода. Поднять значеніе низшаго населенія на западныхъ окраинахъ было не такъ удобно, какъ въ другихъ мѣстахъ. Притомъ Россія сама себѣ связала руки крѣпостнымъ правомъ, и ей пришлось щадить права «шляхетства» въ присоединенныхъ губерніяхъ, подобно тому, какъ она поднимала его значеніе у себя дома. Словомъ, западныя окраины труднѣе было переварить, чѣмъ то, что дотолѣ переварила Москва. Изъ этого конечно не слѣдовало, что прежнюю систему надо было бросить; но такъ случилось, и нельзя не признать факта, что провинціи, присоединенныя къ русской державѣ въ XVIII столѣтіи, остаются доселѣ или вовсе не русскими, или не совсѣмъ русскими областями.

Для управленія вновь присоединенными провинціями, Петръ Великій считалъ полезнымъ воспользоваться тѣми установленіями, которыя уже имѣлись въ этихъ провинціяхъ. Мало того, онъ распространилъ ихъ на всю Россію.

Для внутренней Россіи новыя учрежденія были не безполезны. Ими было положено первое основаніе той «губерніи», которою мы пользуемся въ настоящее время. Централизація управленія въ московскихъ приказахъ, выгодная въ политическомъ отношеніи, представляла большія невыгоды въ административномъ. Въ уѣздѣ не было органовъ управленія въ настоящемъ значеніи этого слова. Всѣ органы уѣзднаго управленія являлись первою, низшею инстанціей, не имѣвшею возможности удовлетворить сколько нибудь важнымъ потребностямъ народонаселенія и правительства. Нѣкоторыя дѣла вовсе были изъяты изъ-подъ ихъ завѣдыванія. За всѣмъ должно было обращаться въ Москву, гдѣ сосредоточивались и среднія, и высшія инстанціи управленія. Этимъ инстанціямъ приходилось рѣшать всѣ дѣла внутренняго управленія. Несовершенство мѣстныхъ органовъ прежде смягчалось тѣмъ,

что общины и выборные люди несли всю тягость управленія. Правительство надѣялось на нихъ больше чѣмъ на своихъ собственныхъ агентовъ. Былъ моментъ въ исторіи нашего мѣстнаго управленія, когда правительство даже вовсе хотѣло уничтожить всѣхъ приказныхъ людей въ уѣздѣ, кромѣ воеводы. Такъ, въ одномъ указѣ Ѳедора Алексѣевича мы читаемъ: «чтобы въ городахъ быть однимъ воеводамъ, а горододѣльцамъ, сыщикамъ, губнымъ старостамъ, ямскимъ прикащикамъ, осаднымъ, пушкарскимъ и житничнымъ головамъ не быть.... чтобы впредь отъ того градскимъ и уѣзднымъ людямъ въ кормахъ и подводахъ лишнія тягости не было». Слѣдовательно, все мѣстное управленіе должно было впредь держаться на воеводахъ, съ одной, и выборныхъ земскихъ должностяхъ, съ другой стороны. Но крѣпостное право, усиливавшееся все больше и больше, убивало значеніе мѣстнаго крестьянства, а городскія общины, разоренныя тяжкими поборами, не могли представить надежнаго матеріала для самоуправленія. Единственнымъ сословіемъ, способнымъ взяться за уѣздное управленіе, были служилые люди; но они были слишкомъ заняты полковой службой и не имѣли права уклоняться «отъ посылокъ и полковыхъ дѣлъ» для гражданской службы. Вслѣдствіе этого должность воеводы остается единственнымъ средствомъ мѣстнаго управленія и средствомъ крайне ненадежнымъ. Сосредоточеніе всѣхъ дѣлъ въ рукахъ воеводы вело къ смѣшенію властей и накопленію массы дѣлъ, а это, въ свою очередь, порождало медленность и произволъ.

Петръ Великій желалъ дать мѣстности самостоятельное управленіе, которое замѣнило бы завѣдываніе изъ Москвы прежнихъ четвертей и дворцовъ. Должность губернатора казалась ему наилучшимъ средствомъ замѣнить прежніе территоріальные приказы. Съ учрежденіемъ губерній, въ мѣстности являются двѣ инстанціи (а затѣмъ и больше), которыя дѣйствуютъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ высшаго въ государствѣ учрежденія, сената. Учреждая должность губернаторовъ и преобразуя должность воеводъ, Петръ Великій призывалъ и мѣстное дворянство къ участію въ управленіи. Учреждаются ландратскія коллегіи, гдѣ выборныя отъ дворянства лица засѣдаютъ съ губернаторомъ, и «онъ между ними не яко властитель, но яко президентъ». Преобразовывается городское самоуправленіе. Учреждаются «вышніе и нижніе суды», и тѣмъ полагается начало раздѣленію властей въ мѣстномъ управленіи.

Идея губерніи въ такой формѣ не погибла въ нашемъ законодательствѣ. Она сдѣлалась любимою мечтой Екатерины II, которая и дала Россіи знаменитое *Учрежденіе*.

II.

Учрежденіе о губерніяхъ было полнымъ и всесторонним развитіемъ началъ, нѣкогда указанныхъ Петромъ Великимъ, но не осуществившихся при

немъ, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ. При Екатеринѣ II потребность въ мѣстныхъ преобразованіяхъ чувствовалась сильнѣе чѣмъ прежде, и средствъ къ ихъ осуществленію было гораздо больше.

Послѣ смерти Петра Великаго всѣ его мѣстныя учрежденія погибли. Остались только должности губернаторовъ и воеводъ, окруженныхъ канцеляріями, въ коихъ были сосредоточены какъ административныя, такъ и судебныя дѣла. Выборныя должности, имѣвшія такое значеніе въ древней Россіи, исчезли. Самыя приказныя должности имѣли мало средствъ для исполненія своихъ обязанностей. Губерніи и другіе административные округи были слишкомъ велики. Вся Россія была раздѣлена на 10 губерній. Надъ губерніями, управлявшимися небольшимъ количествомъ приказныхъ людей, стояли коллегіи, въ коихъ сосредоточивалось все внутреннее управленіе государствомъ, подобно тому, какъ прежде въ московскихъ приказахъ. Вредныя послѣдствія этого порядка вещей были неисчислимы. Императрица сама излагаетъ ихъ во введеніи къ *Учрежденію*. По великой обширности губерній, говоритъ она, оныя недостаточно снабжены какъ правительствами, такъ и надобными къ управленію людьми; въ одномъ и томъ же мѣстѣ, гдѣ вѣдомо правленіе губерніи, или казенные доходы и счеты, обще съ благочиніемъ или полиціею, и сверхъ того еще уголовныя дѣла и гражданскіе суды отправляются.... Происходящее отъ того неустройство весьма ощутительно, съ одной стороны медленность, упущенія, волокита суть естественныя послѣдствія таковаго неудобнаго и недостаточнаго положенія.... Съ другой стороны, отъ медлительнаго производства возрастаютъ своевольство и ябеда, обще съ другими пороками.»

Для исправленія этихъ злоупотребленій императрица рѣшила принять слѣдующія мѣры:

1. Раздѣлить имперію на губерніи меньшаго объема чѣмъ прежнія. Предполагалось, что губернія, «дабы могла быть порядочно управляема», должна имѣть отъ 300—400 т. жителей. На самомъ же дѣлѣ число губерній, вмѣсто прежнихъ 10, увеличено до 40.

2. Всю совокупность судебныхъ и административныхъ дѣлъ раздѣлить между спеціальными установленіями, дѣйствующими болѣе или менѣе самостоятельно, на точномъ основаніи законовъ. Съ этою цѣлію коллегіи, до тѣхъ поръ сосредоточенныя въ столицѣ, были распредѣлены по губерніямъ, подъ именемъ палатъ.

3. Личный составъ мѣстной администраціи оживить множествомъ выборныхъ отъ состояній должностей.

4. Общее наблюденіе за администраціей и сословіями и направленіе администраціи сообразно видамъ высшаго правительства предоставить генералъ-губернатору или, какъ тогда именовалась эта должность, государеву намѣстнику.

5. Генералъ-губернаторовъ поставить подъ непосредственное наблюденіе императорскаго величества и сената.

Такимъ образомъ мы видимъ въ новой губерніи различные элементы администраціи, о которыхъ прежде не было рѣчи.

Во-первыхъ, мы видимъ многочисленные органы *управленія*, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Вся совокупность административныхъ вопросовъ распредѣлена между спеціальными органами, положившими конецъ прежнему смѣшенію вѣдомствъ. Казенная палата, приказъ общественнаго призрѣнія, губерское правленіе — таковы новыя административныя силы, замѣнившія прежнія воеводскія и губернаторскія канцеляріи. Судебная часть была построена на совершенно новыхъ основаніяхъ. Она отдѣлена отъ администраціи. Гражданскій судъ совершенно отдѣленъ отъ уголовнаго. Въ первыхъ двухъ инстанціяхъ допущено широкое выборное начало для всѣхъ сословій. Третья инстанція, замѣнившая прежнія юстицъ- и вотчинную коллегіи, осталась правительственнымъ судомъ, общимъ для всѣхъ сословій.

Кромѣ общихъ правительственныхъ установленій, учреждены еще особыя установленія для сословныхъ дѣлъ. Дворянскія корпораціи съ депутатскимъ собраніемъ, городовыя установленія и т. п. Все это является вмѣстѣ съ учрежденіемъ о губерніяхъ.

Такое разнообразіе учрежденій и сравнительная съ прежнимъ временемъ самостоятельность ихъ потребовала учрежденія особаго органа для *общаго за ними надзора*.

Такимъ органомъ явился генералъ-губернаторъ или государевъ намѣстникъ.

По смыслу учрежденія о губерніяхъ, намѣстникъ былъ поставленъ далеко отъ администраціи и суда въ собственномъ смыслѣ этого слова. Учрежденіе (ст. 82) категорически выражается, что онъ не есть судія. Должность его (ст. 81) есть «строгое и точное взысканіе чинить со всѣхъ ему подчиненныхъ мѣстъ и людей, о исполненіи законовъ и опредѣленнаго ихъ званія и должностей». Такой общій надзоръ или, вѣрнѣе, попеченіе объ исполненіи законовъ, составляетъ сущность генералъ-губернаторской должности. Положительныя административныя мѣры требуются отъ него въ рѣдкихъ, можно сказать, исключительныхъ случаяхъ. Такъ, онъ долженъ пресѣкать всякаго рода злоупотребленія, а напаче роскошь безмѣрную и разорительную, обуздывать излишество, безнутство, моговство, тиранство и жестокости (послѣдніе постановленія имѣютъ въ виду злоупотребленія власти помѣщиковъ); генералъ-губернаторъ долженъ вступаться за всякаго, кого по дѣламъ волочатъ, останавливать исполненіе несправедливыхъ рѣшеній, донося о томъ сенату, а въ важныхъ случаяхъ—императорскому величеству; долженъ принимать мѣры въ случаѣ голода и недостатка жизненныхъ припасовъ; въ мѣстахъ пограничныхъ долженъ охранять государственную безопасность; въ случаѣ возмущенія, долженъ принимать мѣры къ его усмиренію и т. п.

Такія функціи указывали на двоякій характеръ этой должности. Большинство дѣлъ, предоставленныхъ вѣдѣнію намѣстника, указываютъ на намѣреніе законодателя сдѣлать эту должность обыкновеннымъ, нормальнымъ губернскимъ учрежденіемъ, ввести ее въ кругъ прочихъ мѣстныхъ установленій, подобно тому какъ это сдѣлано съ должностію нынѣшнихъ губернаторовъ. Но историческія обстоятельства того времени придали должности намѣстниковъ такой оттѣнокъ, вслѣдствіе котораго она не могла остаться обыкновеннымъ губернскимъ установленіемъ. Для объясненія этого обстоятельства, намъ необходимо войдти въ нѣкоторыя юридическія тонкости, весьма важныя для пониманія всѣхъ метаморфозъ намѣстнической должности.

III.

Должность государева намѣстника, какъ замѣчено выше, имѣла значеніе органа главнаго надзора надъ губернскими установленіями.

Опредѣленіе это, конечно, не выясняетъ вполнѣ всѣхъ характеристическихъ особенностей этой должности. *Надзоръ* имѣетъ обширное и разнообразное значеніе. Разнообразіе это зависитъ отъ степени власти его органовъ.

Надзоръ можетъ ограничиваться наблюденіемъ за формальнымъ соблюденіемъ закона и выражаться въ правѣ протеста противъ незаконныхъ постановленій присутственныхъ мѣстъ и донесенія высшему начальству о неправильныхъ ихъ дѣйствіяхъ. Такое значеніе имѣлъ надзоръ, производившійся нашими прежними прокурорами, число которыхъ во времена Екатерины II было весьма велико.

Второй видъ надзора заключается въ наблюденіи за правильнымъ и однообразнымъ примѣненіемъ закона и за самыми дѣйствіями разныхъ должностныхъ лицъ, съ правомъ останавливать своею властію рѣшенія присутственныхъ мѣстъ и отрѣшать чиновниковъ, не заслуживающихъ довѣрія правительства. Этотъ надзоръ графъ Сперанскій называлъ надзоромъ съ правомъ *исправленія* (мы сказали бы *распоряженія*). Такою властію облеченъ былъ губернаторъ, какъ *хозяинъ* губерніи. На этомъ основаніи испрашивается его согласіе на опредѣленіе должностныхъ лицъ, назначеніе которыхъ зависитъ отъ губернскихъ властей; ему принадлежитъ право ревизіи всѣхъ присутственныхъ мѣстъ (кромѣ судебныхъ); онъ можетъ останавливать постановленія земскихъ собраній и т. д. Такой надзоръ не выходитъ изъ круга губернскихъ учрежденій, онъ есть главный мѣстный надзоръ. Цѣль его—единство мѣстной администраціи.

Наконецъ, надзоръ можетъ имѣть въ виду соглашеніе всей дѣятельности административныхъ мѣстъ съ видами высшаго правительства; онъ выражается въ руководствѣ мѣстной администраціи путемъ общихъ предписаній, циркуляровъ, въ разрѣшеніи сомнѣній, возникающихъ въ подчиненныхъ установленіяхъ, въ принятіи чрезвычайныхъ политическихъ мѣръ въ затруд-

нительныхъ случаяхъ и т. д. Въ противоположность двумъ вышеуказаннымъ видамъ мѣстнаго надзора, онъ называется надзоромъ государственнымъ и сосредоточивается въ высшихъ государственныхъ установленіяхъ. Въ Россіи права этого надзора вообще предоставлены сенату и министерствамъ.

Надзоръ, учрежденный въ лицѣ государева намѣстника, соединялъ въ себѣ права двухъ послѣднихъ видовъ надзора, то есть, главнаго мѣстнаго и общаго государственнаго. Это соединеніе обусловливалось состояніемъ администраціи въ XVIII вѣкѣ.

Порученіе генералъ-губернатору административнаго надзора понятно само собою. Но высшій политическій надзоръ, порученный ему, обусловливался особыми, спеціальными соображеніями.

Екатерина II въ своихъ реформахъ преслѣдовала одну цѣль, которая была завѣтною мечтой Петра Великаго въ первыя семнадцать лѣтъ его реформъ (1701—1718). Цѣль эта заключалась въ томъ, чтобы между верховною властью и ея непосредственными органами, съ одной, и мѣстными учрежденіями, съ другой стороны, не было посредствующихъ *среднихъ* властей, въ родѣ коллегій. При Петрѣ Великомъ такой порядокъ вещей существовалъ около десяти лѣтъ. Губернское управленіе было поставлено подъ непосредственный надзоръ сената и самого государя. Учрежденіе коллегій измѣнило этотъ порядокъ, что принесло болѣе вреда, чѣмъ пользы. Екатерина II по вступленіи на престолъ горько жаловалась на систему русской администраціи. Жалобы эти могутъ быть формулированы слѣдующимъ образомъ: губерніи заслонены отъ высшаго правительства коллегіями, которыя распоряжаются ими вполнѣ безконтрольно. Посему необходимо поднять значеніе мѣстныхъ властей и поставить ихъ въ непосредственное отношеніе къ власти верховной. Первый шагъ къ этой важной реформѣ былъ сдѣланъ указомъ 21-го апрѣля 1764 (П. З. З., № 12.137), извѣстный подъ именемъ наставленія губернаторамъ. Вотъ что говорится въ этомъ замѣчательномъ указѣ: «Все цѣлое не можетъ быть отнюдь совершенно, если части его въ непорядкѣ и неустройствѣ пребудутъ. Главныя же части, составляющія цѣлое отечество наше, суть губерніи, и онѣ самыя тѣ, которыя болѣе всего исправленія требуютъ, что современемъ мы, Богу намъ поспѣшествующу, и дѣйствительно исправить и тѣмъ исполнить наши намѣренія потщимся. А нынѣ почитая *самонужнѣйшимъ къ тому приступомъ прямое существо* губернаторскія должности, предпріяли мы дать въ нижеслѣдующихъ статьяхъ нѣкоторыя общія губернаторамъ нашимъ правила.» Первымъ изъ такихъ правилъ постановленіе, измѣнившее отношеніе губернатора къ верховной власти. «Губернаторъ, какъ повѣренная отъ насъ особа и какъ глава и хозяинъ всей врученной его смотрѣнію губерніи, состоять имѣетъ подъ собственнымъ нашимъ и сената нашего вѣдѣніемъ, почему и указы только отъ насъ и сената нашего пріемлетъ». Затѣмъ губернатору вѣряются обширныя права

надзора, въ общихъ чертахъ напоминающаго надзоръ, учрежденный потомъ въ лицѣ государева намѣстника. Эти начала были впослѣдствіи развиты и въ учрежденіи о губерніяхъ.

Императрица мало заботилась о развитіи высшихъ установленій; ей важно было имѣть хорошихъ мѣстныхъ правителей. Поэтому, учрежденіе о губерніяхъ возстановило порядокъ, существовавшій въ 1708—1718 гг. Весь надзоръ за мѣстнымъ управленіемъ былъ сосредоточенъ въ сенатѣ и въ рукахъ генералъ-прокурора. Но, принимая во вниманіе, что намѣстники пользовались личною дружбой и полною довѣренностью императрицы, можно сказать, что они дѣйствовали совершенно самостоятельно, сосредоточивая въ своихъ рукахъ не только главный мѣстный, но и общій административно-политическій надзоръ. Они сдѣлались представителями не только мѣстной администраціи, но и политики государства, и проводниками высшихъ политическихъ соображеній.)

Такая система въ будущемъ едва ли могла послужить къ укрѣпленію государственнаго единства. Проведенная во всей строгости и послѣдовательности, она скорѣе могла удалить страну отъ необходимой государственной централизаціи и привести къ системѣ разрозненныхъ сатрапій и многимъ замѣшательствамъ. Государственное единство и политическая централизація достигаются вовсе не тѣмъ, что во главѣ областей ставятся лица облеченныя чрезмѣрною властью. Государственное единство зависитъ отъ совокупнаго дѣйствія системы однообразныхъ установленій, дѣйствующихъ на твердомъ основаніи общихъ законовъ. Когда всѣ граждане поставлены подъ охрану однообразныхъ законовъ, когда на этихъ законахъ основываются общія для всѣхъ права, дѣло объединенія государства кончено. Англія, напримѣръ, не знала чрезвычайныхъ мѣстныхъ властей; напротивъ, ея административная система есть система самоуправленія. Франція до революціи имѣла своихъ интендантовъ съ обширною властью. Которая же изъ этихъ двухъ странъ раньше достигла дѣйствительнаго государственнаго единства? Государственная централизація есть не что иное какъ торжество общаго закона надъ племенными, сословными и корпоративными особенностями, которыя принято называть слишкомъ вѣжливымъ и почетнымъ именемъ «историческихъ особенностей.»

Разница между чрезвычайными должностями, въ дѣйствіяхъ своихъ опирающимися не столько на общій законъ, сколько на личное свое усмотрѣніе, и системой нормальныхъ установленій—есть различіе между личною политикой и ея случайностями и твердымъ, закономѣрнымъ управленіемъ страной. Въ послѣднемъ случаѣ исполненіе воли высшаго правительства имѣетъ гораздо больше шансовъ на успѣхъ, такъ какъ господство субъективной воли (отъ которой зависитъ *случайность* въ администраціи) въ системѣ нормальныхъ установленій по возможности ослаблено и уравновѣшено. Напротивъ,

въ системѣ чрезвычайныхъ должностей личной волѣ предоставленъ полный просторъ. Высшая власть издаетъ общее распоряженіе, но субъективное усмотрѣніе правителя является верховнымъ судьей его годности, удобства, сообразности съ «историческими условіями», и неоднократно выраженная воля государственной власти можетъ остаться мертвою буквой.

IV.

Должность государева намѣстника, по «Учрежденію о губерніяхъ», носила въ себѣ зародышъ двухъ совершенно различныхъ системъ. По духу «Учрежденія», намѣстникъ долженъ былъ составить часть мѣстныхъ установленій, имѣть ту долю надзора, которая впослѣдствіи была предоставлена губернаторамъ. Но историческія обстоятельства придали должности намѣстника особый характеръ чрезвычайной власти. Мало-по-малу стало ясно, что намѣстникъ не можетъ составить одно цѣлое съ губернскими учрежденіями. Сначала онъ былъ поставленъ внѣ ихъ, какъ нѣчто особое. Впослѣдствіи эта должность признана пригодною только для нѣкоторыхъ мѣстностей имперіи, но излишнею для массы русскихъ губерній.

Начало этому превращенію должности намѣстника положено самою великою учредительницей губерній. Въ 1781 году, когда «Учрежденіе о губерніяхъ» начало приводиться въ дѣйствіе, императрица отступила отъ первоначальнаго плана отождествить губернію съ намѣстничествомъ. Въ росписаніи намѣстничествъ, составленномъ въ 1781 году, 13-го іюня (П. С. З. № 15.171), исчисляется сорокъ губерній, на которыя раздѣлена была имперія. Но изъ этихъ сорока губерній составилось только двадцать намѣстничествъ, причемъ приблизительно на каждое намѣстничество приходилось по двѣ губерніи. Московская губернія составила отдѣльное намѣстничество. Петербургская и Выборгская другое, причемъ намѣстникъ (подъ именемъ главнокомандующаго) назначался только въ отсутствіи государыни. Затѣмъ всѣ губерніи, кромѣ новороссійскихъ, малороссійскихъ и остзейскихъ, соединены по двѣ подъ управленіе одного намѣстника. Новороссійское намѣстничество заняло огромное пространство. Сюда отошли губерніи: Саратовская, Астраханская, Азовская и Новороссійская, ввѣренныя князю Потемкину. Три малороссійскія губерніи отданы въ управленіе графа Румянцева. Рижская губернія осталась особымъ генералъ-губернаторствомъ. Ревельская не вошла въ составъ генералъ-губернаторствъ; она осталась въ управленіи самостоятельнаго губернатора.

Такъ сразу была разорвана связь между намѣстниками и губернскими учрежденіями. Вмѣстѣ съ тѣмъ была нарушена основная мысль Екатерины II, чтобы между губерніями и высшимъ правительствомъ не было никакихъ посредствующихъ инстанцій. Такою посредствующею инстанціей явился тотъ

же намѣстникъ. Мѣстное управленіе, по смыслу «Учрежденія», сосредоточенное въ системѣ коллегіальныхъ и полуколлегіальныхъ установленій, съ генералъ-губернаторомъ во главѣ, теперь раздѣлилось между двумя администраціями: губернскою и генералъ-губернаторскою.

Генералъ-губернаторское управленіе, основанное на полномочіи государева намѣстника, разумѣется, имѣло больше значенія, чѣмъ система мѣстныхъ коллегій. Вслѣдствіе этого тѣ недостатки мѣстной администраціи, противъ коихъ писала Екатерина II, и которые она думала уничтожить посредствомъ усиленія мѣстныхъ установленій и правильнаго распредѣленія между ними дѣлъ, возобновлялись въ генералъ-губернаторскомъ управленіи.

Недостатки новой системы не выяснились при Екатеринѣ II. Великая женщина умѣла выбирать людей и подготовлять ихъ для государственной дѣятельности. Личный составъ намѣстниковъ въ 1781 г. былъ дѣйствительно замѣчателенъ. Потемкинъ, Румянцевъ, Мельгуновъ, Сиверсъ—таковы были эти довѣренныя лица императрицы.

Чрезвычайная власть, ввѣренная такимъ лицамъ, могла принести значительную пользу въ то время. Грубое общество, хотя исповѣдовавшее вольтеріанскую вѣру, но давившее крестьянъ; чиновничество, воспитанное въ школѣ казнокрадства и взяточничества; экономическія бѣдствія страны,—словомъ все, что произвело пугачевщину, могло быть нѣсколько исправлено сильною, энергическою властью просвѣщенныхъ намѣстниковъ. До насъ дошли нѣкоторые отрывки изъ жизни этого удивительнаго общества. Такъ генералъ-губернатору ярославскому и вологодскому Мельгунову пришлось имѣть дѣло съ слѣдующими лицами. «Кадниковскій исправникъ Безобразовъ любилъ поколотить встрѣчнаго и поперечнаго. Однажды онъ встрѣтился на улицѣ со священникомъ и не утерпѣлъ: учинилъ побои. И *дароносицу*, которую священникъ держалъ какъ щитъ отъ лютаго исправника, повредилъ, и клокъ бороды вырвалъ.... Мельгуновъ велѣлъ вологодскому губернатору «войти въ тончайшее разсмотрѣніе сего дѣла». Но оно скоро кончилось мировою. Составъ присутственныхъ мѣстъ также буйствовалъ. Чиновники вологодской казенной палаты произвели канцеляристу Мишурину побои, отъ коихъ онъ «умре». Дворянскій засѣдатель яренскаго земскаго суда и тамошній стряпчій удавили расправнаго судью.... Всѣ эти исторіи и множество имъ подобныхъ случились въ продолженіе только *шести первыхъ мѣсяцевъ* 1788 года. Но что значили эти побои и «умертвія», производимыя чиновниками, въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣлали магнаты? Генералъ-аншефъ и кавалеръ Св. Андрея Первозваннаго, богатый воронежскій помѣщикъ, графъ Петръ Антоновичъ Девіеръ изъ двухъ пушекъ перестрѣлялъ весь ѣхавшій къ нему земскій судъ! Что же оставалось дѣлать генералъ-губернаторамъ, какъ не пользоваться своимъ надзоромъ съ «правомъ исправленія»? *)

*) См. *Русскій архивъ*, т. III, статья о Мельгуновѣ.

Энергія намѣстниковъ направилась если не противъ крупныхъ, то противъ мелкихъ буяновъ. Въ намѣстничествѣ Мельгунова былъ одинъ молодой канцелярист Иванъ Носковъ, который самъ признался, что «пьетъ до безчувствія и имѣетъ сообщество съ распутными.» Начальство рѣшило, что на службѣ его держать нельзя. Мельгуновъ распорядился слѣдующимъ образомъ: «Носкова, какъ человѣка въ такихъ молодыхъ лѣтахъ, коихъ ему только тридцать, оставившаго службу, и потому обращающагося въ праздности, дабы онъ болѣе въ общественную и свою собственную тягость не шатался, отослать въ военную контору, для написанія въ армейскіе полки, въ солдаты.»

Изъ этого видно, какую власть имѣли намѣстники. Все внутреннее управленіе лежало на нихъ. Они зависѣли непосредственно отъ верховной власти, а между собою сносились какъ полусуверенные государи. *Учрежденіе о губерніяхъ* мало опредѣляло подробности административной дѣятельности намѣстниковъ. Поэтому они были, такъ сказать, сами себѣ закономъ и управляли областью по своему усмотрѣнію. Такъ *Учрежденіе* рекомендуетъ намѣстникамъ заботиться о предотвращеніи голода, не указывая однако, что они могутъ сдѣлать для этого. Мельгуновъ въ голодный 1786 годъ просто предписалъ исправникамъ, чтобъ они слѣдили за непремѣннымъ засѣвомъ полей. «Чтобы незасѣянныхъ полей нигдѣ не оставалось, или вы будете отвѣчать мнѣ честью!» значилось въ его ордерѣ. Если дѣло касалось не одного, а двухъ намѣстниковъ, то оно разрѣшалось, такъ сказать, международнымъ способомъ, путемъ соглашенія двухъ намѣстниковъ. Любопытная переписка ярославскаго намѣстника, Мельгунова, съ новгородскимъ, Сиверсомъ, представляетъ много доказательствъ этому. Они размежевывали между собою по взаимному соглашенію свои владѣнія, утверждали разные откупа и подряды, относительно вина и соли и т. д. Въ числѣ этихъ писемъ читаемъ между прочимъ слѣдующее (отъ графа Сиверса къ Мельгунову): «Тверскаго намѣстничества Весьегонскій городовой магистратъ мнѣ представляетъ, что Ярославскаго намѣстничества, Моложскаго уѣзда, въ селѣ Остолоповѣ бываетъ неуказная ярмарка, и на оную не малый съѣздъ обывателей, отчего и дѣлается гражданамъ подрывъ. А какъ подобная сему ярмарка, бывшая Весьегонскаго уѣзда, въ разстояніи отъ того села Остолопова трехъ верстъ, въ разсужденіи производимаго отъ ней подрыву мною уничтожена, для того ваше высокопревосходительство покорнѣйше прошу приказать помянутую ярмарку, яко состоящую на самой границѣ обоихъ уѣздовъ, въ прекращеніе могущихъ быть во всѣхъ припасахъ подрывовъ, уничтожить.» Такъ *надзоръ*, задуманный императрицей, перешелъ въ *управленіе* въ высшей степени *личное*. Графъ Сперанскій имѣлъ право въ 1821 году слѣдующимъ образомъ охарактеризовать положеніе мѣстнаго управленія: «Губернскія мѣста, говорилъ онъ, въ прямомъ смыслѣ не имѣютъ надъ собою мѣстнаго надзора. Гражданскій

губернаторъ, бывъ предсѣдателемъ губернскаго правленія, не можетъ надзирать ни самъ за собою, ни за мѣстами ему равными. Прокуроръ имѣетъ въ сихъ мѣстахъ одно право предъявленія. Надзоръ со властью исправленія по общему учрежденію принадлежитъ генералъ-губернаторамъ. Но тамъ, гдѣ званіе сіе существуетъ, дѣйствіе его, *яко личное и съ точностію неопредѣленное*, непрестанно колеблется между самовластіемъ и послабленіемъ ...»

Учрежденіе министерствъ и постепенное развитіе губернаторской должности окончательно выяснило неудовлетворительность намѣстниковъ какъ органа нормальнаго мѣстнаго управленія.

V.

Учрежденіе министерствъ въ 1802 году имѣло цѣлію преобразовать заново организацію высшей исполнительной власти. Исполнительная власть до того времени была организована крайне неудовлетворительно. Екатерина II. какъ мы видѣли, обращала главное вниманіе на учрежденія мѣстныя. Высшее управленіе держалось при ней не столько достоинствомъ учрежденій, сколько рѣдкими качествами лицъ, коимъ были поручены отдѣльныя отрасли управленія подъ непосредственнымъ надзоромъ самой императрицы *). Павелъ I, вообще недовѣрчиво относившійся къ преобразованіямъ своей матери, въ 1797 году задумалъ возвратиться къ старому порядку. Вслѣдствіе этого въ столицѣ были возобновлены уничтоженныя коллегіи, должности государевыхъ намѣстниковъ сокращены, среднія судебныя инстанціи въ губерніи уничтожены. Послѣдняя мѣра была весьма полезна, ибо сокращала количество инстанцій. Но затѣмъ реформа 1797 года представляла важныя неудобства. Графъ Сперанскій опредѣляетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: «*первое*, что въ немъ (порядкѣ) установленъ былъ, такъ сказать, двойной комплектъ однѣхъ и тѣхъ же коллегій: ибо губернскія мѣста не что другое суть какъ тѣ же самыя коллегіи, тому же самому сенату и въ той же степени подчиненныя, и тѣми же самыми дѣлами управляющія. Отсюда множество стѣсненій и затрудненій. *Второе*, хотя надзоръ генералъ-губернаторовъ по неопредѣлительности его былъ недостаточенъ, но съ упраздненіемъ его губернскія мѣста остались уже безъ всякаго главнаго мѣстнаго надзора, кромѣ прокурорскаго, который и вездѣ слабъ, а въ отдаленныхъ губерніяхъ

*) По закону высшій надзоръ за управленіемъ сосредоточивался въ лицѣ сената и генералъ-прокурора. Сами по себѣ эти средства были недостаточны. Но императрица полагала возможнымъ восполнить этотъ недостатокъ, учредивъ въ областяхъ мѣстныхъ генералъ-прокуроровъ въ лицѣ намѣстниковъ. Мы видѣли, что, при невозможности раздѣлить надзоръ „съ правомъ исправленія“ отъ управленія, мы получили не намѣстничій надзоръ, а намѣстническое *управленіе*.

почти ничтоженъ, ибо прокуроръ никакой власти въ губернскихъ мѣстахъ не имѣетъ». Порядокъ этотъ держался не долго. Въ 1802 году дано новое устройство сенату, и положено основаніе учрежденію министерствъ.

При учрежденіи министерствъ законодатель имѣлъ въ виду образовать постоянные органы высшей исполнительной власти, распредѣливъ между ними дѣла сообразно ихъ роду и качеству *). Вмѣстѣ съ тѣмъ преобразовался на новыхъ началахъ и высшій надзоръ за администраціей. Вмѣсто того, чтобы сосредоточивать надзоръ по всѣмъ частямъ управленія въ рукахъ одного учрежденія или лица (сената и генералъ-губернатора), законодательство раздѣлило его по отраслямъ дѣлъ, поручивъ эти отрасли отдѣльнымъ лицамъ. Сенатъ остался лишь учрежденіемъ объединяющимъ этотъ надзоръ, разбитый по отдѣльнымъ вѣдѣніямъ. Не входя здѣсь въ разборъ достоинства учрежденія министерствъ, нельзя не замѣтить, что они, въ самой идеѣ своей, стали въ прямое противорѣчіе съ учрежденіемъ генералъ-губернаторствъ. Во-первыхъ, должность генералъ-губернаторовъ затрудняла осуществленіе одной изъ цѣлей, предположенныхъ правительствомъ при учрежденіи министерствъ. Цѣль эта состояла въ осуществленіи завѣтной мысли Петра Великаго и Екатерины II—уничтожить всѣ среднія инстанціи между губернскимъ и высшимъ управленіемъ. Поэтому министерства объявлены не среднимъ установленіемъ, замѣнившими коллегіи, а высшею исполнительною властію, частью правительствующаго сената. Эта мысль руководила законодательствомъ въ 1802 году и въ полной силѣ удержана въ 1810 г. Между тѣмъ, что же такое были генералъ-губернаторы какъ не средняя инстанція между губернскимъ управленіемъ и высшею исполнительною властью? Во-вторыхъ, генералъ-губернаторскій надзоръ, по существу своему противорѣчитъ началамъ министерскаго надзора. Послѣдній касался одного рода дѣлъ, но дѣйствовалъ на всемъ пространствѣ государства. Графъ Канкринъ справедливо называлъ организацію министерствъ *линеарною*, въ томъ смыслѣ, что каждая линія управленія: администрація, полиція, финансы имѣютъ главнаго министра, линія же каждаго министерства идетъ отдѣльно чрезъ всѣ инстанціи. Напротивъ, генералъ-губернаторское управленіе дѣлало изъ своего района замкнутую область, гдѣ надзоръ и власть намѣстника распространялись на всѣ части управленія, заслоняя ихъ отъ высшей власти. Тотъ же Канкринъ называлъ такое устройство островнымъ, федеративнымъ. Въ третьихъ, учрежденіе министерствъ должно было сосредоточить всю силу политической власти въ высшихъ установленіяхъ, оставивъ всѣмъ подчиненнымъ учрежденіямъ только административное значеніе, точно опредѣленное

*) Этимъ восполнился недостатокъ высшей исполнительной власти, прежде (особенно при Павлѣ I) сосредоточенной въ лицѣ генералъ-прокурора.

дѣйствующими законами. Генералъ-губернаторы, напротивъ, имѣли значеніе представителей высшей политической власти въ мѣстности.

Какъ разрѣшить эти противорѣчія? Въ эпоху учрежденія министерствъ объ этомъ не было рѣчи. Самыя противорѣчія эти не вышли еще наружу. Напротивъ, учрежденіе министерствъ всѣми считалось за естественное продолженіе политики Екатерины II, и императоръ Александръ I могъ спокойно думать, что онъ царствуетъ по духу и разуму своей бабки. Важныя политическія дѣла отвлекли его отъ внутренней политики, и только послѣ вѣнскаго конгресса онъ могъ приняться за внутреннія преобразованія. Тогда правительство ясно увидѣло необходимость согласовать двѣ должности, построенныя на двухъ совершенно различныхъ началахъ, — министра и генералъ-губернатора. Лучшіе политическіе умы и опытнѣйшіе администраторы приняли участіе въ этомъ согласованіи. Но оно, какъ мы сейчасъ увидимъ, привело къ весьма неудовлетворительнымъ результатамъ.

VI.

Въ 1816 году, по высочайшему повелѣнію, былъ составленъ проектъ новаго учрежденія намѣстничествъ. Въ силу этого проекта, имперія должна была раздѣлиться на 12 намѣстничествъ; каждое изъ нихъ предполагалось составить изъ 3—5 губерній. Намѣстничество ввѣрялось намѣстнику, при которомъ состоялъ совѣтъ съ правами совѣщательнаго установленія; голосъ намѣстника одинъ имѣлъ рѣшительное значеніе. Въ завѣдываніи этого совѣта и во власти намѣстника сосредоточивались всѣ части управленія: судебная, полицейская, хозяйственная, духовная, учебная, почтовая и т. д., кромѣ дѣйствующей арміи и флота. Намѣстникъ не управляетъ прямо никакою частью, но ему подчинены всѣ начальствующія лица. Онъ можетъ мѣнять всѣхъ должностныхъ лицъ (кромѣ губернатора, вице-губернатора, предсѣдателей палатъ и прокуроровъ). Представленія свои онъ дѣлаетъ прямо императору чрезъ комитетъ министровъ и получаетъ высочайшія повелѣнія чрезъ это же учрежденіе. Сенатъ присылаетъ свои указы прямо къ нему. Министры посылаютъ свои распоряженія губернскимъ властямъ не иначе какъ чрезъ намѣстниковъ. Чрезъ нихъ же и подчиненныя власти дѣлаютъ свои представленія высшему правительству. Намѣстнику принадлежитъ важное право останавливать исполненіе указовъ сената и предписаній министровъ.

Этотъ проектъ не былъ приведенъ въ исполненіе, можетъ быть, потому что онъ встрѣтилъ сильную оппозицію въ тогдашнихъ министрахъ, особенно въ министрѣ финансовъ, графѣ Гурьевѣ, которому означенный проектъ былъ переданъ на разсмотрѣніе по высочайшему повелѣнію.

Графъ Гурьевъ справедливо доказывалъ, что чрезвычайная власть, предоставляемая намѣстникамъ, парализуетъ дѣятельность министерствъ. Онъ со-

глашался съ тѣмъ, что учрежденіе министерствъ и внутреннее управленіе представляли нѣкоторые недостатки, порождавшіе важныя злоупотребленія. Но эти недостатки и злоупотребленія не обусловливали учрежденія власти, по существу своему противорѣчившей началамъ министерскаго управленія. Напротивъ, графъ Гурьевъ полагалъ, что причина недостатковъ внутренняго управленія заключается «*главнѣйшимъ образомъ* въ необразованіи, соотвѣтственно началамъ министерскихъ управленій, подвѣдомыхъ имъ или мѣстныхъ управленій».

Изъ проекта самого графа Гурьева видно, что онъ соглашался съ необходимостію намѣстниковъ, но не въ томъ видѣ, въ какомъ предлагалъ ихъ проектъ. По мысли графа, *управленіе* высшее и мѣстное должно сосредоточиться въ министерствахъ съ одной и въ губернскихъ установленіяхъ съ другой стороны; главный же мѣстный *надзоръ* долженъ быть ввѣренъ намѣстникамъ, причемъ должность ихъ должна организоваться такъ, чтобы они не могли задерживать дѣйствія высшихъ и низшихъ исполнительныхъ властей.

Мнѣніе графа Гурьева, кажется, возымѣло надлежащее дѣйствіе въ высшихъ сферахъ управленія. По крайней мѣрѣ правительство въ принципѣ отказалось отъ мысли сдѣлать изъ намѣстниковъ органы высшаго управленія и стремилось превратить ихъ въ орудія главнаго мѣстнаго надзора. Кромѣ того, правительство пришло еще къ тому важному заключенію, что теоретическая разработка этого важнаго вопроса не можетъ принести той пользы, какъ указанія опыта.

Вслѣдствіе этого, въ 1819 году, генералъ-адъютанту Балашову высочайше повелѣно было взять въ свое завѣдываніе пять губерній (Рязанскую, Тульскую, Орловскую, Воронежскую и Тамбовскую), съ тѣмъ чтобы «онъ доказалъ возможность примѣненія на дѣлѣ проекта о намѣстничествахъ». Балашовъ началъ дѣйствовать только съ 1823 года, и въ теченіи трехъ лѣтъ представлялъ свои соображенія и проекты. Въ то же самое время графъ Сперанскій (въ 1821 г.) составилъ свой проектъ преобразованія мѣстныхъ учрежденій. Этотъ проектъ показываетъ, какъ мало можно было сдѣлать изъ генералъ-губернаторской должности, и въ какой степени разошлась уже она съ общими губернскими установленіями.

Императоръ Александръ I, поручая Балашову въ 1819 году пять губерній, изложилъ ему свой взглядъ на должность намѣстника. Сущность этого взгляда заключается въ слѣдующемъ. При восшествіи своемъ на престолъ, императоръ замѣтилъ, что внутреннее управленіе соединено въ лицѣ генералъ-прокурора и подъ его всеобщимъ надзоромъ раздроблено на нѣсколько десятковъ мѣстныхъ управленій. Такое соединеніе власти въ высшихъ сферахъ и раздробленіе ея въ низшихъ сопряжено со значительными неудобствами. Посему императоръ призналъ за благо подраздѣлить государственное управленіе: съ этою цѣлію учреждены министерства, комитетъ министровъ, преобразо-

ванъ государственный совѣтъ. Для довершенія же преобразованія необходимо учрежденіе генералъ-губернаторовъ. Новые генералъ-губернаторы должны отличаться отъ намѣстниковъ Екатерины II. Послѣдніе, по мнѣнію императора, слишкомъ были обременены подвѣдомственными имъ дѣлами (то-есть заняты были *управленіемъ*, въ собственномъ смыслѣ) и оттого имѣли мало времени заниматься тѣми, которыя, по обстоятельствамъ или ихъ усмотрѣнію, должны были привлечь ихъ особенное вниманіе. Затѣмъ императоръ слѣдующимъ образомъ опредѣлилъ соотношеніе разныхъ частей администраціи. «Министры, по обязанности своей, должны давать направленіе каждый своей части, а подвѣдомственныя мѣста и лица въ губерніяхъ должны дѣлать распорядки и исполненія по предписаніямъ министровъ на основаніи законовъ и уставовъ; генералъ-губернаторъ же всегдашній наблюдатель всякаго распорядка и всякаго исполненія въ порученныхъ ему губерніяхъ, или ежеминутный инспекторъ всѣхъ частей внутренняго управленія въ его округѣ.» Для помощи генералъ-губернатору полагается совѣтъ.

На основаніи инструкціи и проекта, Балашовъ началъ дѣйствовать во ввѣренныхъ ему губерніяхъ. При этомъ онъ постепенно вырабатывалъ проектъ генералъ-губернаторскаго управленія, которое, по волѣ императора, предполагалось распространить на всю имперію, если опытъ пяти губерній, ввѣренныхъ Балашову, окажется удачнымъ.

Основныя начала проекта Балашова сходны съ тѣми, которыя мы видѣли въ замѣчаніяхъ графа Гурьева и инструкціи Александра I, съ нѣкоторыми лишь измѣненіями.

Генералъ-губернаторы, писалъ Балашовъ, должны быть безпрерывными инспекторами всѣхъ частей управленія и вмѣстѣ съ тѣмъ главными начальниками полиціи.

Министры направляютъ дѣятельность подчиненныхъ властей, а генералъ-губернаторъ наблюдаетъ за исполненіемъ предписаній высшаго правительства. Въ такомъ видѣ, говоритъ онъ, генералъ-губернаторы *не могутъ быть непріятны министрамъ и неполезны службѣ*. Польза, ожидаемая отъ генералъ-губернаторской должности, состояла въ томъ, что они будутъ наблюдать, «чтобы министерскія части одна другой не вредили, а ни которая никого свыше мѣры предписанной не стѣсняла».

Устраняя генералъ-губернаторовъ отъ дѣйствительнаго управленія, Балашовъ, по необходимости, долженъ былъ признать самостоятельность губернаторовъ. «Губернаторъ, говоритъ онъ, есть хозяинъ своей губерніи и, слѣдовательно, его *надзору* подлежать должны распорядки по предписаніямъ гг. министровъ по ихъ частямъ; но по исполнительной части онъ находится самъ подъ главнымъ надзоромъ генералъ-губернатора и, какъ по той обязанности, такъ и по другой, долженъ состоять подъ повелѣніемъ комитета министровъ.» Переводя эти слова на болѣе понятный языкъ, выходитъ слѣ-

дующее. Губернаторъ есть *хозяинъ* губерніи, слѣдовательно вся отвѣтственность за внутреннее управленіе лежитъ на немъ. На немъ же лежитъ надзоръ за исполненіемъ законовъ и министерскихъ предписаній въ низшихъ установленіяхъ. Но по скольку онъ самъ исполнительная власть, его дѣйствія подлежатъ двойному контролю—генералъ-губернатора и комитета министровъ, то-есть двухъ установленій, которыя сами не несутъ прямой отвѣтственности за порядокъ внутренняго управленія, но могутъ стѣснять своими распоряженіями лицо, прямо отвѣтственное за этотъ порядокъ. Балашовъ очень опредѣленно выражается объ отличіи генералъ-губернаторской и губернаторской отвѣтственности. Послѣдняя, какъ власть управляющая, отвѣчаетъ за то «правильно ли онъ распорядился или исполнилъ», а генералъ-губернаторъ, какъ власть надзирающая, за то «не допустилъ ли онъ въ молчаніи и въ невзысканіи неправильнаго распорядка или исполненія». Итакъ, заключаетъ Балашовъ, я полагаю управленіе лежащимъ на губернаторѣ, а надзоръ за управленіемъ и за самимъ губернаторомъ лежащимъ на генералъ-губернаторѣ».

Мы ничего не имѣли бы противъ этой легкой и пріятной обязанности, еслибъ она не парализовала дѣятельность лица, на которомъ лежитъ вся серьезная часть администраціи. Балашовъ самъ сознается, что отвѣтственность, устраиваемая имъ для губернатора, тяжеле той, которую онъ возлагаетъ на генералъ-губернатора. «Отвѣтственность губернаторская, говоритъ онъ, возможна при одной только, много при двухъ губерніяхъ, иначе замедлитъ крайне теченіе дѣлъ; отвѣтственность же генералъ-губернаторская допускаетъ подъ надзоръ *неопредѣлительное* число губерній.» Но очевидно, что надзоръ, о которомъ говорилъ Балашовъ, можетъ съ удобствомъ быть сосредоточенъ въ лицѣ правительствующаго сената и министра внутреннихъ дѣлъ, тѣмъ болѣе, что тогда только администрація достигнетъ дѣйствительнаго единства. Замѣчательно, что Балашовъ самъ высказалъ эту мысль.

«Въ государствѣ меньшей обширности,—читаемъ мы у него,—можетъ быть достаточно управленія однихъ губернаторовъ по губерніямъ, не составляя изъ нихъ округовъ или областей. Въ обширномъ государствѣ могутъ быть также такіе края, которые не составляютъ цѣлой области или большаго округа, а губернію и даже менѣе оной. Въ сихъ случаяхъ нѣтъ нужды въ генералъ-губернаторахъ, а достаточно одного губернатора, въ отношеніи къ которымъ министръ внутреннихъ дѣлъ имѣетъ общую надъ всѣми обязанность генералъ-губернатора.»

Но если бы Балашовъ допустилъ предположеніе, что вся имперія раздѣлена на мелкія губерніи, безъ соединенія ихъ въ округи, на что тогда нужна была бы должность генералъ-губернатора?

Не удивительно, что такой проектъ, основанный на противорѣчіяхъ, не могъ получить одобренія законодательной власти. Балашова, конечно, нельзя винить въ этихъ несообразностяхъ; онѣ зависѣли отъ несостоятельности са-

маго учрежденія, которое ему пришлось защищать; ему предстояло примирить учрежденіе министерствъ, какъ общей для всей имперіи исполнительной власти, съ чрезвычайною должностію генералъ-губернаторовъ. Удивительно ли, что онъ не успѣлъ въ этомъ предпріятіи?

Не смотря на весь свой талантъ, самъ Сперанскій не могъ ничего сдѣлать въ этомъ отношеніи. Его проектъ есть образецъ политической ловкости, удачныхъ комбинацій, но онъ не достигаетъ своей цѣли.

Сперанскій принималъ въ своемъ проектѣ признанное уже правительствомъ основное положеніе, что должность генералъ-губернатора состоитъ въ *надзорѣ* за мѣстнымъ управленіемъ. Но онъ понималъ также, лучше чѣмъ кто-либо другой, что нѣтъ возможности, въ такой сильной должности какова генералъ-губернаторская, провести границу между надзоромъ и управленіемъ. Поэтому онъ предполагалъ, сколько возможно, ослабить личное вліяніе генералъ-губернаторовъ на мѣстную администрацію, парализовать возможность личнаго произвола.

Онъ предполагалъ изъять генералъ-губернаторовъ изъ круга мѣстныхъ учрежденій, что, какъ онъ справедливо доказывалъ, давно уже было сдѣлано на дѣлѣ. Поэтому должность генералъ-губернаторовъ должна быть отнесена къ кругу *государственныхъ* установленій. «Генералъ-губернаторъ есть не что иное какъ министерство, дѣйствующее на мѣстѣ и принадлежащее къ общему всѣхъ министерствъ составу, къ сенату. Такимъ образомъ министерское установленіе будетъ имѣть два вида: одинъ общій, въ коемъ всѣ дѣла раздѣляются по предметамъ, другой мѣстный, въ коемъ дѣла раздѣляются по округамъ. Изъ сего само собою уже слѣдуетъ,—продолжаетъ онъ,—что нѣтъ никакой причины давать сему установленію видъ средній, ни къ тому, ни къ другому порядку не принадлежащій. Сей средній видъ въ многосложности управленія было бы нѣчто излишнее, а потому вредное».

Такъ думалъ Сперанскій обойти важное затрудненіе, представлявшееся составителямъ проекта,—не допускать между мѣстнымъ и высшимъ управленіемъ никакихъ посредствующихъ властей. Сперанскій разрѣшаетъ этотъ вопросъ тѣмъ, что относитъ генералъ-губернаторовъ къ государственнымъ (то-есть высшимъ) установленіямъ, и затѣмъ утверждаетъ, что они не будутъ составлять никакой средней инстанціи, какъ будто перемѣна названія измѣнитъ сущность дѣла! Мало этого: генералъ-губернаторы, дѣйствующіе какъ *среднее* установленіе, менѣе стѣснили бы высшее правительство, чѣмъ въ случаѣ возведенія ихъ на степень «министерства, дѣйствующаго на мѣстѣ».

Но кончинѣ императора Александра I, эти проекты поступили на усмотрѣніе новаго правительства. По высочайшему повелѣнію былъ составленъ особый комитетъ, который долженъ былъ окончательно разсмотрѣть дѣло о генералъ-губернаторахъ. Постановленія этого комитета вывели впервые во-

просъ о мѣстномъ управленіи на настоящую дорогу, а потому они заслуживаютъ большаго вниманія.

VII.

Засѣданіе комитета, долженствовавшаго рѣшить участь Балашовскаго проекта, происходило 7-го мая 1827 года. Результаты совѣщанія были весьма неблагопріятны для этого сановника. Образованіе округовъ, по мнѣнію комитета, даетъ каждому изъ нихъ значеніе отдѣльной отъ цѣлаго части или даже особаго владѣнія. Комитетъ полагалъ, что въ политическомъ отношеніи это дѣленіе будетъ вредно, въ административномъ безполезно. Учрежденіе намѣстниковъ нисколько не улучшило бы положенія губерній. Въ подтвержденіе этого заключенія, комитетъ привелъ весьма убѣдительные мотивы. Вотъ что мы читаемъ въ журналѣ его: «Твердость, единство и сила управленія зависятъ отъ совершенства установленій, отъ хорошаго выбора лицъ, а не отъ безмѣрной ихъ власти. Напротивъ того, эти установленія теряютъ свою силу и разрушаются, когда высшіе сановники (какъ сіе нерѣдко бывало) употребляютъ данныя имъ полномочія на то, чтобы затруднять или останавливать законное теченіе дѣлъ и одинъ другому противодѣйствовать. Желаемый порядокъ въ губерніяхъ тогда только учредится, когда будутъ поставлены точныя и единообразныя правила для всѣхъ мѣстъ управленія и суда, когда мѣста сіи зависѣть будутъ отъ одного центральнаго верховнаго правительства, которое бы руководствовало каждаго по одинаковымъ началамъ и, такъ сказать, единымъ движеніемъ».

Комитетъ справедливо признавалъ эти начала годными для общаго государственнаго управленія. Къ сожалѣнію, онъ призналъ слишкомъ обильныя исключенія изъ этого правила въ пользу разныхъ пограничныхъ губерній. Посторонніе вліянія были слишкомъ сильны, чтобы комитетъ могъ ихъ преодолѣть. Но нельзя не питать къ нему глубокой признательности за то, что онъ далъ руководящія начала, которымъ рано или поздно (дай Богъ чтобы не слишкомъ поздно) должны подчиниться всѣ русскія губерніи.

Начала эти просты и плодотворны. Они не только не ослаблены реформами настоящаго царствованія, но постоянно продолжаютъ развиваться.

Когда генералъ-губернаторы были признаны неудовлетворительными органами надзора, такъ какъ при ихъ чрезмѣрной власти этотъ надзоръ переходилъ въ управленіе, законодательство ввѣрило главный надзоръ въ мѣстности губернатору. Это было правильное разрѣшеніе задачи. Такая власть, какъ губернаторская, удовлетворяя потребностямъ административнаго надзора, на сколько это нужно для поддержанія единства въ мѣстной администраціи, вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ перейти въ чрезвычайную политическую власть, уничтожающую значеніе другихъ установленій.

Всѣ отрасли мѣстной администраціи завѣдуются установленіями, имѣю-

щими свою опредѣленную степень власти. Отношенія губернатора къ нимъ различны. Онъ или наблюдаетъ только за порядкомъ производящихся въ нихъ дѣлъ, въ рѣдкихъ случаяхъ принимая участіе въ особенно важныхъ актахъ, или дѣйствуетъ чрезъ подвѣдомственныя ему мѣста.

Въ такомъ смыслѣ начертанъ наказъ губернаторамъ въ 1837 г., когда вообще произошли важныя реформы въ мѣстномъ управленіи. *Наказъ* опредѣляетъ двоякую дѣятельность губернатора: какъ высшаго представителя власти и охранителя законовъ, и какъ администратора. Какъ представитель высшей власти, онъ предсѣдательствуетъ въ губернскомъ правленіи, которое и является непосредственнымъ органомъ высшаго правительства. Какъ блюститель порядка и законовъ, онъ пользуется правомъ ревизіи и непрерывнаго надзора. Какъ администраторъ, онъ до послѣдняго времени имѣлъ обширный кругъ дѣлъ, коими онъ завѣдывалъ чрезъ приказы общественнаго призрѣнія, строительно-дорожныя и прочія коммиссіи и комитеты, которыхъ было чрезвычайно много.

Такимъ образомъ *наказъ* соединилъ въ лицѣ губернатора два элемента, до тѣхъ поръ разъединенные. Учрежденіе о губерніяхъ разсматривало его какъ *правителя*. Власть надзора принадлежала генералъ-губернатору. Съ видоизмѣненіемъ этой должности нужно было подумать объ организаціи надзора въ каждой губерніи, какъ этого желала императрица Екатерина. Естественнѣе всего было возложить его на губернатора. Но наше законодательство не сразу пришло къ такому разрѣшенію вопроса и лишь пройдя чрезъ Балашовскіе проекты, убѣдились въ возможности имѣть въ мѣстности представителя власти, не парализующаго дѣятельности другихъ учрежденій, и организовать мѣстный надзоръ, не переходящій въ управленіе.

Понятно, что при такомъ характерѣ мѣстнаго надзора, можно достигнуть двухъ важныхъ цѣлей: подчиненія всего управленія непосредственно высшему правительству и постепеннаго развитія самостоятельности мѣстныхъ установленій. Законъ 1837 года представлялъ однако важные недостатки. Судебная власть не была освобождена отъ вліянія администраціи; сословное самоуправленіе не имѣло достаточной самостоятельности; участіе общества въ общихъ дѣлахъ мѣстнаго управленія было ничтожно.

Нынѣшнему царствованію принадлежитъ дальнѣйшее развитіе началъ мѣстнаго управленія. Судебная реформа 1864 года освободила судъ изъ-подъ вліянія администраціи. Судебныя учрежденія вовсе вышли изъ круга губернскихъ установленій. Введеніе земскихъ учрежденій въ значительной степени сократило кругъ административныхъ дѣлъ, подлежавшихъ вѣдѣнію губернатора. Губернаторъ болѣе и болѣе получаетъ значеніе высшаго представителя власти и органа надзора, существованіе коего не должно препятствовать ни участію общества въ административныхъ дѣлахъ, ни самостоятельности другихъ учрежденій.

Нынѣшнее губернское управленіе, вообще говоря, построено на твердыхъ основаніяхъ. Нельзя не видѣть въ немъ задатковъ для еще лучшаго порядка вещей. Для полнаго его успѣха необходимо твердо держаться за самостоятельность земскаго и городскаго управленія, независимость и силу суда. Это требуетъ возможно большей свободы слова и печати и обѣщаетъ то счастливое положеніе вещей, при которомъ сила государственной власти и твердость закона обусловливаются общественной свободой.

Такъ организованы губерніи, управляемыя на *общемъ основаніи*. Губерніи съ *мѣстными особенностями* представляютъ иной порядокъ вещей.

VIII.

Послѣ того, какъ мнѣніе комитета разрушило всѣ комбинаціи Балашова, должность генералъ-губернатора уже не возобновлялась въ формѣ органа губернскаго управленія вообще. Согласно мнѣнію комитета, должность эта была признана необходимою лишь для нѣкоторыхъ мѣстностей имперіи, представляющихъ какія нибудь особенныя условія. Другими словами, въ губерніяхъ, управляемыхъ на общемъ основаніи, должность генералъ-губернаторовъ утратила свое значеніе. За то въ губерніяхъ съ особенными учрежденіями она вступила въ новую фазу своего развитія. Окончательно новое ея значеніе опредѣлено въ «инструкціи генералъ-губернаторамъ», составленной въ 1853 г., и вошедшей въ составъ II св. зак.

По духу и смыслу этой инструкціи, означенная должность не имѣетъ ничего общаго ни съ должностію намѣстниковъ по «учрежденію о губерніяхъ», ни съ тѣмъ, чѣмъ сдѣлались фактически намѣстники послѣ «учрежденія». Она не введена въ кругъ губернскихъ установленій, какъ этого желало «учрежденіе»; она не имѣетъ значенія средней инстанціи между губернскимъ и высшимъ управленіемъ. Напротивъ, генералъ-губернаторы получили то значеніе, котораго Сперанскій, въ своемъ проектѣ, желалъ для намѣстниковъ, — значеніе министерства дѣйствующаго на мѣстѣ, то-есть они фактически принадлежатъ къ разряду высшихъ государственныхъ властей. Этого мало. Проектъ Сперанскаго сосредоточивалъ въ должности намѣстниковъ только функціи надзора, предоставивъ самое управленіе губернскимъ властямъ и министерствамъ. По смыслу дѣйствующихъ законовъ, генералъ-губернаторства сдѣлались органами управленія, стоящими отдѣльно отъ министерствъ, какъ исключеніе изъ общаго закона.

Правда, инструкція стремится сохранить основный взглядъ «учрежденія», что генералъ-губернаторы суть власть, надзирающая за порядкомъ мѣстнаго управленія. Она нѣсколько разъ высказывается въ этомъ смыслѣ (ст. 294, 296, 315). Но затѣмъ другія статьи даютъ генералъ-губернатору право высшаго управленія во вѣренной ему мѣстности. Управительная власть гене-

ралъ-губернатора рѣзко отдѣлена отъ власти обыкновенныхъ губернскихъ властей, ему подчиненныхъ. Инструкція противополагаетъ губернскія власти, какъ органы администраціи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, генералъ-губернатору, какъ чрезвычайной политической власти. Онъ поставленъ внѣ губернскаго управленія, не входитъ въ кругъ губернскихъ учрежденій, подобно губернатору. Онъ не обставленъ цѣлою системой мѣстныхъ учрежденій, какъ губернаторъ, — при немъ дѣйствуютъ только канцелярія и чиновники особыхъ порученій (345—350). Слѣдовательно, законъ по всѣмъ вопросамъ управленія разсчитываетъ только на личную дѣятельность генералъ-губернатора. Онъ освобождаетъ генералъ-губернатора отъ подробностей мѣстной администраціи, ввѣряя ему только нѣкоторыя дѣла, какъ власти чрезвычайной. Любопытны статьи инструкціи, опредѣляющія предметы дѣятельности генералъ-губернатора. Въ этихъ статьяхъ заключаются не столько предписанія, сколько совѣты, не всегда удобоисполнимые. Такъ генералъ-губернатору (ст. 302) предписывается «устремлять все свое вниманіе на духъ и нравственное направленіе во всѣхъ сословіяхъ и устранять всякій поводъ къ ложнымъ понятіямъ, превратнымъ толкованіямъ и гибельному лжемудрствованію». Далѣе (ст. 309): «слѣдуя коренному убѣжденію, что земледѣліе есть главнѣйшая и самая прочная основа народнаго богатства, генералъ-губернаторъ пользуется всякимъ случаемъ для указанія истинныхъ и прямыхъ способовъ къ развитію и улучшенію сельскаго хозяйства во всѣхъ его многоразличныхъ и разнообразныхъ отрасляхъ, покровительствуя, поощряя и одобряя всѣ полезныя въ томъ отношеніи предпріятія». Не менѣе трудными представляются и слѣдующія предписанія (ст. 310 и 312): «Генералъ-губернаторъ не оставляетъ безъ вниманія фабричную, заводскую и ремесленную промышленность, *направляя ее къ предметамъ необходимыхъ и дѣйствительныхъ нуждъ и потребностей и къ выгодамъ какъ производителей, такъ и потребителей*». Онъ же долженъ поощрять всѣ частныя и общественныя предпріятія, «*давая имъ*, сколь возможно, *соотвѣтствующія видамъ правительства направленія*».

Итакъ, вопервыхъ, генералъ-губернаторъ вообще не причисляется къ мѣстнымъ административнымъ властямъ; вовторыхъ, спеціально ему назначенныя административныя обязанности не могутъ имѣть серьезнаго практическаго значенія. Въ итогѣ остается чрезвычайная политическая власть, которая и составляетъ всю сущность генералъ-губернаторской должности.

Политическая власть генералъ-губернаторовъ проявляется въ слѣдующихъ трехъ отношеніяхъ: 1) Чрезъ нихъ высшее правительство приводитъ въ исполненіе свои законы и распоряженія. 2) Отъ нихъ узнаетъ оно о пользахъ и нуждахъ края. 3) Имъ принадлежитъ направленіе мѣстной администраціи, сообразно видамъ высшаго правительства. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ генералъ-губернаторы значительно затрудняютъ движеніе админи-

страціи, ни въ чемъ не гарантируя ни большей правильности, ни большаго успѣха правительственныхъ мѣръ.

Въ губерніяхъ, управляемыхъ на общемъ основаніи, каждая мѣра правительства предписывается къ исполненію посредствомъ общаго закона или общаго же распоряженія, независимо отъ субъективнаго усмотрѣнія того или другаго должностнаго лица. Каждое изъ этихъ должностныхъ лицъ знаетъ, что его губернія не должна и не можетъ составлять исключеніе изъ общаго правила. Напротивъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуетъ генералъ-губернаторская должность, высшее правительство не можетъ дѣйствовать путемъ обыкновенныхъ общихъ предписаній и законовъ. Необходимость «исключеній» для данной мѣстности, такъ сказать, узаконяется и обусловливается субъективнымъ усмотрѣніемъ генералъ-губернатора. Это субъективное усмотрѣніе вліяетъ и на изданіе общей мѣры, и на приведеніе ея въ исполненіе. «Никакая новая мѣра, или особое распоряженіе, относящіяся до благоустройства, общей пользы и казеннаго интереса въ краѣ, не предпринимаются иначе какъ по предварительномъ истребованіи соображеній и заключенія генералъ-губернатора» (ст. 329). Затѣмъ «распоряженія министровъ и главноуправляющихъ передаются къ исполненію въ губернію не иначе, какъ чрезъ генералъ-губернаторовъ» (ст. 328).

Получивъ распоряженіе, генералъ-губернаторъ не только наблюдаетъ за его исполненіемъ (для чего достаточно было бы и обыкновеннаго губернаторскаго надзора), но еще согласуетъ дѣйствія подчиненныхъ ему лицъ съ «видами верховнаго правительства», что открываетъ уже обширную возможность самаго разнообразнаго примѣненія общаго закона.

Благодаря такой чрезвычайной власти, высшее управленіе не можетъ имѣть прямыхъ отношеній къ мѣстной администраціи и непосредственно вліять на ходъ мѣстнаго управленія. Мѣстныя власти поставлены въ совершенную зависимость отъ генералъ-губернаторовъ, а послѣдніе, въ свою очередь, находятся въ весьма условной зависимости отъ высшаго правительства. Губернаторы (II т. Св. З., ст. 686), за немногими исключеніями, не могутъ дѣлать высшему правительству никакихъ представленій мимо генералъ-губернаторовъ, по тѣмъ дѣламъ, по которымъ послѣдніе предоставили себѣ излагать собственныя свои мнѣнія, или представленіе коихъ (мнѣній) требуется отъ нихъ самыми правилами ихъ власти. Генералъ-губернаторы могутъ дѣлать всѣ распоряженія для исправленія замѣченныхъ ими упущеній, а мѣстныя власти только извѣщаются объ этомъ «для соблюденія порядка и единства въ ходѣ дѣлъ» (335). Въ той губерніи, гдѣ находится генералъ-губернаторъ, его власть дѣйствуетъ на всѣ части ввѣреннаго ему управленія (ст. 291).

Сами генералъ-губернаторы поставлены въ совершенную независимость отъ высшаго управленія. Они сносятся съ министерствомъ какъ равные съ равными (ст. 333 прим.). Имъ предоставлено важное право непосредствен-

наго доклада императорскому величеству обо всѣхъ предметахъ, «кои признаютъ нужными и необходимыми», хотя имъ и предписывается пользоваться этимъ правомъ съ должною осмотрительностію. Они имѣютъ не менѣе важное право получать непосредственно высочайшія повелѣнія, относящіяся до ввѣреннаго имъ края, съ обязанностью лишь доводить до свѣдѣнія министровъ о существѣ этихъ повелѣній (ст. 324 и 326). Пользуясь такою властью, они имѣютъ громадное вліяніе и на весь составъ мѣстной администраціи. Они имѣютъ право, «при всякой открывающейся вакансіи, замѣщеніе коей зависитъ отъ высшаго правительства, (слѣдовательно вице-губернаторовъ и самихъ губернаторовъ, предсѣдателей палатъ, директоровъ гимназій и т. д.), ходатайствовать отъ опредѣленіи на сіи должности чиновниковъ лично имъ извѣстныхъ», и ходатайство это, прибавляетъ законъ, не оставляется, *безъ особыхъ причинъ*, безъ уваженія. Слѣдовательно, это право фактически равносильно праву, предоставленному министрамъ относительно опредѣленія высшихъ чиновниковъ (ст. 144 общ. нак. мин.).

Такимъ образомъ, путемъ различныхъ видоизмѣненій, должность генералъ-губернаторовъ обратилась изъ простой административной въ исключительную политическую должность. Признанная несостоятельною для губерній, находящихся подъ господствомъ общаго закона и прямо подчиненныхъ высшему государственному управленію, она перенесена была въ мѣстности, объявленныя исключеніемъ изъ общаго права. Здѣсь она быстро развилась, благодаря именно этому исключительному положенію означенныхъ мѣстностей. Здѣсь она возвысилась до системы личнаго управленія, способствуя въ свою очередь выдѣленію ввѣренныхъ генералъ-губернаторамъ мѣстностей изъ-подъ общаго управленія. Идеаломъ такого порядка вещей представляется должность намѣстника бывшаго Царства Польскаго. Прочіе генералъ-губернаторы хотя не достигли этого образца, но приближались къ нему. Политическія послѣдствія такого порядка были весьма важны.

IX.

Какое значеніе имѣетъ законъ, въ силу котораго извѣстная мѣстность ставится въ особыя административныя условія?

Прежде всего въ такой мѣстности предполагаются какія-либо особенности, не подлежащія дѣйствію общаго закона. Особенности эти возводятся на степень закона, конкуррирующаго съ общими государственными установленіями и превращающаго мѣстность въ нѣчто совершенно отличное отъ общаго состава государства.

Наше законодательство, по отношенію къ тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ существуютъ генералъ-губернаторы, пошло именно этимъ путемъ. Общая формула принятой политики составлена тѣмъ же комитетомъ, который отвергъ планы

Балашова. По мнѣнію комитета, есть нѣкоторыя части имперіи, гдѣ назначеніе генералъ-губернаторовъ можетъ быть полезно. «Не говоря о двухъ столицахъ, есть отдаленныя губерніи, въ коихъ необходимы особыя правила для управленія: въ губерніяхъ пограничныхъ мѣстное положеніе и другія обстоятельства обязываютъ начальниковъ заниматься разными посторонними дѣлами, какъ-то сношеніями политическими, торговыми и пр. Таковы губерніи: сибирскія, Оренбургская, кавказскія, Новороссійскій край, Лифляндія, Эстляндія и Курляндія. Всѣ онѣ должны быть исключены въ семъ отношеніи изъ общаго порядка, для внутренности государства учреждаемаго». Такимъ образомъ Сибирь, отдаленная отъ центральныхъ мѣстъ имперіи на нѣсколько тысячъ верстъ, при плохихъ путяхъ сообщенія, при существованіи народностей, которыя пока нужно удерживать въ повиновеніи силою, поставлена въ одинъ разрядъ съ балтійскими провинціями, удаленными отъ столицы не болѣе чѣмъ любая изъ центральныхъ губерній. Далѣе, сибирскому генералъ-губернатору еще приходится заниматься дипломатическими сношеніями съ Китаемъ, съ киргизскими ордами и т. д., но сомнительно чтобъ управленію остзейскихъ провинцій необходимо было заниматься политическими сношеніями.

Какъ бы то ни было, но теорія «мѣстныхъ особенностей» пустила глубокіе корни въ нашемъ законодательствѣ. Къ числу «отдаленныхъ и особенныхъ губерній» отнесены двѣ категоріи мѣстностей—наши восточныя и сибирскія губерніи, съ одной; и западныя и югозападныя губерніи, съ другой стороны. Серединная полоса Россіи осталась внѣ серьезнаго вліянія генералъ-губернаторской должности. Были, правда, учреждены генералъ-губернаторы въ обѣихъ столицахъ, существовало долгое время малороссійское генералъ-губернаторство; но, какъ извѣстно, эти должности не получили здѣсь такого развитія какъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Малороссійское генералъ-губернаторство никогда не имѣло значенія особенной политической власти. Генералъ-губернаторъ сдѣлался просто совершенно безполезною, посредствующею инстанціей между мѣстнымъ и столичнымъ управленіемъ. Это повело, въ нынѣшнее царствованіе, къ упраздненію харьковскаго генералъ-губернаторства. Никакого ущерба отъ этого ни для мѣстной, ни для общей администраціи не произошло. Точно также въ 1866 году была признана излишнею должность с.-петербургскаго генералъ-губернатора. И никто изъ жителей столицы не почувствовалъ ея отсутствія. Должность московскаго генералъ-губернатора имѣетъ иное, почетное назначеніе. Присутствіе въ первопрестольномъ городѣ представителя власти, окруженнаго особеннымъ почетомъ и блескомъ, сообразно со значеніемъ Москвы какъ второй столицы.

Начала, въ силу которыхъ одна и та же должность существуетъ при двухъ столь противоположныхъ условіяхъ, въ Сибири и Вильнѣ, среди киргизовъ и среди балтійскихъ культуртрегеровъ, очевидно, должны быть раз-

личны. Мѣстности на восточныхъ окраинахъ или недавно покорены русскимъ оружіемъ, или населены племенами, не перешедшими еще первоначальныхъ культурныхъ формъ. Киргизская и калмыцкая орда, горное кавказское племя, то кочующія, то занимающіяся разбоемъ, вотъ что представляетъ *народонаселеніе*. Пути сообщенія плохи. Границы или не опредѣлены, или плохо защищены. При такихъ условіяхъ государственныя формы прививаются тамъ плохо. Государство русское расположено тамъ, такъ-сказать, военнымъ станомъ. Много нужно усилій, чтобы киргизъ, абхазъ, чеченецъ или калмыкъ вошелъ въ составъ русскаго государственнаго общества. При такихъ условіяхъ дѣятельность вполнѣ самостоятельной, даже чрезвычайной власти генералъ-губернатора можетъ быть полезна, какъ переходная мѣра. И здѣсь, однако, институтъ генералъ-губернаторовъ сопряженъ съ большими невыгодами. Но отъ учрежденія чрезвычайной власти въ полудикихъ областяхъ, которыя еще нужно пріучить къ государственной жизни, до распространенія этой должности на всѣ губерніи, гдѣ имѣются какія-нибудь филологическія и культурныя особенности, — шагъ большой. Франція имѣла основаніе учредить генералъ-губернаторство въ Алжирѣ, для арабовъ. Но что сказали бы тамъ на предложеніе учредить генералъ-губернаторовъ въ Эльзасѣ и Лотарингіи для нѣмцевъ?

X.

Великая Екатерина, издавая свое *учрежденіе о губерніяхъ*, желала, чтобъ оно сдѣлалось общимъ закономъ для всѣхъ подвластныхъ ей областей. Такое же значеніе должны были получить и прочіе ея законодательные акты, то-есть *жалованная грамата дворянству* и *городовое положеніе*. Правительство, насколько это отъ него зависѣло, энергически выполняло волю императрицы. Но со смертію ея, пало и ея предпріятіе.

3-го іюля 1783 года было введено въ Лифляндіи *учрежденіе о губерніяхъ*. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ландратская коллегія, этотъ органъ феодальнаго дворянства, пользовавшійся огромною властью, была неосторожно оставлена. Должно замѣтить, что это установленіе было отмѣнено еще шведскимъ правительствомъ въ 1694 году, какъ несогласное съ выгодами шведской короны. Вообще шведская корона оставила очень немного изъ такъ-называемыхъ привилегій Тевтонскаго ордена, и продолжай русское правительство его политику, Остзейскій край давно сдѣлался бы географическимъ терминомъ. Но нѣмцы успѣли обойти законъ 1694 года. Ландратская коллегія продолжала собираться и сдѣлалась обычнымъ учрежденіемъ. Оно оставлено было и Екатериной. Послѣдствія этой уступки не замедлили обнаружиться. Въ октябрѣ 1783 года маіоръ Блуменъ принесъ, отъ имени лифляндскаго земства, жалобу правительствующему сенату. Въ жалобѣ этой говорилось, что рыцар-

ство отстраняло земцевъ не только отъ всѣхъ сеймовыхъ дѣлъ, но и отъ выбора судей и чиновниковъ въ разныя должности, на что земцы имѣли право въ силу *Учрежденія о губерніяхъ*. Далѣе Блуменъ указывалъ, что члены рыцарства, «даже не владѣющіе деревнями, допущены къ выбору и опредѣлены въ судьи даже не въ своихъ округахъ, да и выборъ былъ сдѣланъ не изъ общества, а изъ представленныхъ *ландратскою коллегіею* кандидатовъ». Затѣмъ тотъ же Блуменъ обратилъ вниманіе правительства на то, что ландратская коллегія существуетъ незаконно и причиняетъ земству всевозможныя притѣсненія и обиды. Дерзость ея доходитъ до того, что она издаетъ и публикуетъ законы.

Дѣло Блумена, можетъ быть, и осталось бы безъ послѣдствій, но въ 1785 г. произошло новое столкновеніе между общими законами имперіи и такъ называемыми привилегіями рыцарства и бюргерства. 1785 годъ памятенъ для Россіи вслѣдствіе двухъ важныхъ актовъ: *Жалованной граматы дворянству* и *Городоваго положенія*. И тотъ и другой актъ радикально расходились съ феодальною организаціей лифляндскаго дворянства и цеховымъ устройствомъ города Риги. Рыцарство и магистратъ пришли въ ужасъ отъ повелѣнія императрицы ввести эти акты въ Лифляндію. Они возопили о привилегіяхъ. Генералъ-губернаторъ принялъ эти жалобы и представилъ императрицѣ. Но императрица твердо рѣшилась поддержать достоинство короны. Она не сочла нужнымъ переговариваться съ рыцарями и бюргерами чрезъ своего генералъ-губернатора. Она послала ему рескриптъ, въ коемъ ему внушалось, что на разсмотрѣніе такихъ претензій существуетъ въ Россіи правительствующій сенатъ. Дѣлать было нечего. Генералъ-губернаторъ представилъ все дѣло, при своемъ рапортѣ и мнѣніи, въ сенатъ.

Сенатъ нашелъ, что рижское и ревельское намѣстническія правленія напрасно медлятъ приводить въ исполненіе высочайшую волю, и что это происходитъ отъ перѣшимости мѣстнаго управленія. Далѣе сенатъ полагалъ, что *Жалованною граматою дворянству* могутъ быть недовольны только немногіе дворяне, которые, *не вникая въ пользу общую, основывались на какихъ-то обычаяхъ и закоренѣлыхъ мнѣніяхъ*, вступили съ *не дѣльными* представленіями. Напротивъ, вся масса дворянства желаетъ скорѣе воспользоваться монаршими щедротами, объявленными въ *Дворянской граматѣ*. Урезонивъ рыцарство, правительствующій сенатъ обратился съ увѣщаніемъ и къ «мѣстнымъ правительствамъ». Вотъ что говоритъ онъ намѣстническимъ правленіямъ. «Намѣстническія правленія, *забывъ долгъ каждаго правительственнаго мѣста* судить по точной силѣ и разуму законовъ, удалились отъ предписаннаго порядка». Не меньше досталось и генералъ-губернатору. Ему строго напоминалось, что онъ есть блюститель законовъ и первое орудіе монаршей волп. Въ заключеніе сенатъ предписываетъ генералъ-губернатору привести въ дѣйствіе *Жалованную грамату* и *Городовое положеніе* въ «самоскорѣйшемъ вре-

мени»; «если, противъ всякаго чаянія встрѣтятся съ коей-либо стороны какія препятствія или медленность (значитъ, тогдашній сенатъ и не думалъ, чтобы можно было противиться монаршей волѣ двукратно выраженной), таковыхъ да отошлетъ, куда по указаніямъ слѣдуетъ, для суда».

Покончивъ дѣло съ граматой и положеніемъ, сенатъ обратилъ вниманіе и на вопросъ о ландратской коллегіи, поднятый Блуменомъ. Было произведено тщательное историческое изслѣдованіе этого учрежденія, и результаты этого изслѣдованія изложены въ докладѣ, представленномъ сенатомъ государынѣ императрицѣ. Вотъ какіе факты показало изслѣдованіе. Ландраты учреждены шведскимъ правительствомъ въ 1643 году, но не въ качествѣ коллегіи, а простаго совѣщательнаго собранія при генералъ-губернаторѣ. Ихъ назначеніе было помогать послѣднему «въ споспѣшествованіи королевскаго величества интереса и пользы». На дѣлѣ вышло не такъ. Генералъ-губернаторская должность была неудовлетворительна не только въ рукахъ нашего, но и шведскаго правительства. Ландраты, по смыслу шведскаго законодательства, должны были избираться изъ среды мѣстнаго дворянства. Этого было довольно, чтобы должность эта сдѣлалась орудіемъ ландтага и, опираясь на него, получила безмѣрныя права. Ландтагъ избиралъ изъ своей среды двѣнадцать ландратовъ, которые сохраняли эту должность пожизненно. Постепенно въ рукахъ этой могущественной коллегіи сосредоточились всѣ виды власти: судебная, исполнительная, распорядительная, право распредѣленія налоговъ и т. д. Шведское правительство скоро увидѣло невыгоды такого порядка вещей. Убѣдившись, что ландратская коллегія далеко вышла за предѣлы предоставленной ей власти, король, въ 1694 году, 20-го декабря, торжественно уничтожилъ это учрежденіе. Насталъ періодъ замѣшательства. Лифляндія отошла отъ Швеціи. При присоединеніи ея къ Россіи рыцарство хлопотало въ разныя времена о сохраненіи полезнаго для него учрежденія. Правительство нѣкоторое время отмалчивалось. Наконецъ въ 1710 году канцлеръ Головкинъ объявилъ отъ имени императора, что «относительно жалованья, чина и почести ландратовъ, разрѣшеніе отложено до удобнѣйшаго времени». Такимъ образомъ эта коллегія осталась не гарантированною русскимъ закономъ. Но, при слабости центральной власти, она продолжала свое существованіе какъ фактъ. При Екатеринѣ II настало время переборки всѣхъ мѣстныхъ привилегій. Императрица созвала въ 1767 году знаменитую коммиссію. Цѣль ея состояла въ составленіи общихъ законовъ для всѣхъ областей имперіи. Это давало собранію высокое національное значеніе. Балтійскимъ рыцарямъ и бюргерамъ предписано было прислать исправныя и засвидѣтельствованныя копіи со всѣхъ конфирмованныхъ привилегій и правъ, съ тѣмъ что если они ко времени открытія собора не будутъ присланы, «то все оное за право впредь принято не будетъ». Рыцари прислали, что могли но объ указѣ, уничтожавшемъ ландратскую коллегію, умолчали. Императрица

была введена въ обманъ и указомъ 1783 года повелѣла оставить коллегію. Жалоба Блумена раскрыла глаза правительству. Намѣстническое правленіе, volens-nolens, прислало наконецъ этотъ важный документъ.

Разсмотрѣвъ все дѣло, сенатъ находилъ, что, если шведское правительство уничтожило коллегію какъ вредную, то и впослѣдствіи она не сдѣлалась установленіемъ болѣе полезнымъ. Напротивъ, вредъ приносимый ею, весьма великъ. Не говоря уже о разныхъ безпорядкахъ, она присвоиваетъ себѣ высочайшую власть, производитъ самовольно поборы, въ которыхъ никому не даетъ отчета, не допускаетъ къ выборамъ нематрикулованное дворянство, которое имѣетъ на то право въ силу *Жалованной граматы*. «Словомъ, говоритъ сенатъ, когда вся Россія признаетъ въ священной ея величества особѣ милосердую и щедрую мать отечества, пекущуюся неусыпно о благоденствіи своихъ вѣрноподданныхъ дарованіемъ безчисленныхъ выгодъ и преимуществъ, ландратская коллегія дерзаетъ при каждомъ случаѣ дѣлать возраженія, выводитъ превратные толки, приводя такимъ образомъ дѣло въ сущее замѣшательство».

Это противодѣйствіе, оказываемое ландратскою коллегіей, по мнѣнію сената, тѣмъ болѣе непростительно, что Россія обладаетъ уже губернскими учрежденіями, которыя во всѣхъ частяхъ стоятъ выше нѣмецкихъ порядковъ. «Слѣдовательно, замѣчаетъ сенатъ, всѣ встрѣчающіяся тому препоны, *наводимыя пронырствомъ и хитростями малаго числа неблагонамѣренныхъ людей, вовсе истребить должно,* и никакое побочное установленіе, не имѣющее притомъ законнаго начала, болѣе терпимо уже быть не можетъ».

Замѣчательный докладъ сената вызвалъ энергическій указъ императрицы. Въ немъ было изображено: «Должности ландратовъ въ намѣстничествѣ рижскомъ, и такъ называемыя ландратскія коллегіи уничтожить, и впредь въ сіе званіе никого не изопрать; данныя же на содержаніе ландратовъ *деревни* (!) принять въ вѣдомство казенныхъ палатъ, обратя доходы съ нихъ на другія полезныя государству издержки».

XI.

Политика Екатерины II радикально измѣнилась съ восшествіемъ на престолъ Павла I. Онъ отмѣнилъ почти всѣ учрежденія императрицы и возстановилъ прежнія привилегированныя учрежденія. Для того чтобы понять всю важность этой реформы, намъ нужно вкратцѣ вспомнить, что сдѣлано учрежденіемъ о губерніяхъ, жалованною граматой дворянству и городовымъ положеніемъ.

Согласно этимъ установленіямъ, всѣ отрасли мѣстной администраціи и суда ввѣряются отчасти выборнымъ должностнымъ лицамъ. Нѣкоторыя учрежденія суть чисто правительственныя, другія выборныя, прочія представляютъ

смѣшанный составъ. Общее управленіе мѣстностію, наблюденіе за исполненіемъ законовъ, разрѣшеніе сомнѣній, охраненіе круга вѣдомства каждаго установленія—ввѣряются намѣстническому правленію и намѣстнику. Имъ же принадлежитъ и высшая полицейская власть. Затѣмъ судъ получаетъ сословную организацію въ двухъ первыхъ инстанціяхъ. Каждое сословіе, дворяне, граждане и крестьяне, пользуются своимъ судомъ въ этихъ двухъ инстанціяхъ. Они замѣщаютъ или всѣ, или почти всѣ должности этихъ судебныхъ учрежденій по выбору. Палаты, какъ верхняя инстанція, суть правительственныя установленія. Уѣздная полиція также ввѣрена выборнымъ должностямъ. Такимъ образомъ сословія получили широкое участіе въ мѣстной администраціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ сословія не имѣли никакой феодальной организаціи. Жалованная грамата открывала доступъ въ дворянское сословіе всякому отличившемуся по службѣ. Это прямо противорѣчило началамъ балтійскаго матрикулованнаго дворянства. Городовое положеніе не знало замкнутыхъ корпорацій. Каждая гильдія и каждый цехъ были открыты для каждаго, безъ различія христіанскихъ исповѣданій. Это пугало замкнутые и строго нѣмецкіе цехи и гильдіи балтійскихъ городовъ.

Реформа 1796 года разрушила этотъ порядокъ. Въ Россіи вредъ ея не былъ абсолютенъ, ибо на мѣстѣ уничтоженныхъ не явилось никакихъ новыхъ учрежденій. Но въ балтійскихъ провинціяхъ результатъ былъ другой. Тамъ, вмѣсто управленія равнаго и доступнаго для всѣхъ сословій, явились рыцарская и бюргерская олигархія. Отъ учрежденій императрицы остались слѣдующія мѣста и лица: a) генералъ-губернаторъ, губернаторъ и губернское правленіе; b) казенная палата съ вице-губернаторомъ; c) приказъ общественнаго призрѣнія и d) губернскій прокуроръ.

Дворянскія собранія замѣнены старыми ландтагами, къ великому удовольствію матрикулованнаго дворянства. Возстановленіе ландтага требовало реставраціи ландратской коллегіи, какъ его постояннаго исполнительнаго комитета. Всѣ права этой коллегіи были возстановлены. Она сдѣлалась ревностною блюстительницей привилегій и имѣла на то всѣ средства. Никакое высочайшее повелѣніе не могло быть приведено въ исполненіе безъ ея посредства. Въ случаѣ несогласія правительственныхъ мѣръ съ такъ называемыми привилегіями, она имѣла право протеста и входила съ представленіями прямо къ императору. Но и ландратской коллегіи было мало для огражденія «вольностей». Для этой цѣли имѣлся еще дворянскій конвентъ, который отчасти соотвѣтствовалъ нашему дворянскому депутатскому собранію. Но вмѣсто невинныхъ функцій нашего учрежденія, ему предоставлена власть весьма большая. Такъ какъ ландтагъ собирается чрезъ каждые три года, то конвентъ имѣлъ значеніе постояннаго его комитета, дѣйствующаго именемъ ландтага въ небытность послѣдняго. Ему принадлежитъ, между прочимъ, власть утверждать законодательныя предложенія ландратской коллегіи. Про-

чее управленіе строго соотвѣтствовало этимъ коренным установленіямъ. Высшій судъ ввѣрялся гофгерихту. Гофгерихтъ замѣнилъ палаты гражданскаго и уголовнаго суда, но захватилъ себѣ гораздо больше власти. Согласно закону 1796 года, онъ начисто состоитъ изъ дворянъ, занимающихъ свои должности пожизненно. Президентъ назначается изъ дворянъ самимъ императоромъ. Вице-президентъ (въ наше время эту должность занималъ извѣстный г. фонъ-Боккъ) утверждается изъ числа мѣстныхъ дворянъ сенатомъ. Затѣмъ въ гофгерихтѣ засѣдаютъ три ландрата, избранные самимъ гофгерихтомъ изъ числа 12 засѣдающихъ въ ландратской коллегіи, 8 ассессоровъ и оберъ-фискаловъ, также избираемые самимъ гофгерихтомъ изъ числа мѣстныхъ дворянъ. Духовное управленіе ввѣрено оберъ-консисторіи и главному церковному управленію. Оберъ-консисторія дѣйствуетъ подъ предсѣдательствомъ одного изъ ландратовъ и состоитъ изъ членовъ, избираемыхъ дворянствомъ какъ изъ дворянъ, такъ и изъ духовенства. Главное церковное управленіе состоитъ изъ четырехъ ландратовъ.

Таковы установленія, данныя дворянству закономъ 1796 года. Имъ вполнѣ соотвѣтствовали и уѣздныя установленія, гдѣ дворянству дано еще больше простора. Бюргерство также не осталось безъ надлежащихъ установленій. Магистраты, съ зависящими отъ нихъ мѣстами и лицами, дѣйствовали по образцу дворянскихъ установленій.

Такимъ образомъ ничего не осталось отъ учрежденій императрицы, и правительственныя власти въ краѣ были поставлены въ трудное положеніе. И генералъ-губернаторы, и губернаторы съ губернскими правленіями тонутъ въ этомъ морѣ ландтаговъ, гофгерихтовъ, магистратовъ, не имѣя возможности опереться на общій законъ, ибо имъ тотчасъ противопоставятъ какую нибудь «привилегію». Дѣло дошло до того, что губернскій прокуроръ, который въ русскихъ губерніяхъ имѣлъ такое значеніе для судебныхъ мѣстъ, былъ отстраненъ отъ нихъ въ балтійскихъ провинціяхъ. Его надзоръ ограничивался губернскимъ правленіемъ. «Око русскаго царя» было признано безполезнымъ для безпристрастныхъ гофгерихтовъ и магистратовъ.

Извѣстный патріотъ Д. П. Трощинскій характеризовалъ положеніе дѣлъ слѣдующими правдивыми и мѣткими словами:

«Губернское правленіе, которое, яко представляющее въ себѣ лицо самаго государя и охраняющее неприкосновенность его власти, долженствовало бы пользоваться законнымъ первенствомъ въ губерніи, въ большей части дѣйствуетъ не само-собою непосредственно на губернскія и уѣздныя власти и на жителей губерній, но или посредствомъ ландратской коллегіи, или посредствомъ магистрата. Поверхность губернскаго правленія есть самая малозначущая надъ властями и судами, зависящими непосредственно отъ сихъ двухъ учрежденій, надъ судами, которыхъ члены опредѣляются, отрѣшаются, увольняются, предаются суду, показываются и замѣщаются ими же самими, и которые по необходимости состоятъ у нихъ въ слѣпомъ повиновеніи.

«Всѣ сіи лифляндскія власти состоятъ въ непрестанной борьбѣ съ правительствомъ,

и, въ случаѣ неисполненія его предписаній, находятъ оправданія или въ особенномъ лифляндскомъ законодательствѣ, которое не можетъ быть извѣстно генералъ-губернатору во всѣхъ его изворотахъ, или въ древнихъ привилегіяхъ, заключающихся въ неопредѣленныхъ и разновременныхъ конфирмаціяхъ, которымъ нельзя отыскать начала, и которыя никогда не могли быть объяснены и сведены вмѣстѣ, ни во время польскаго, ни во время шведскаго, ни во время россійскаго управленія, не взирая на всѣ приложенныя къ тому старанія и усилія.»

Такимъ образомъ край, вмѣсто того чтобъ управляться общимъ для всѣхъ закономъ, при участіи значительной части народонаселенія, отданъ на жертву рыцарству и бюргерству, этимъ двумъ бичамъ феодальной Европы.

XII.

«Да, конечно», скажетъ кто-нибудь: «привилегіи эти не ладятъ съ государственнымъ единствомъ Россіи. Но вѣдь въ томъ-то и состоитъ задача генералъ-губернатора, чтобы сдерживать эти привилегіи въ должномъ повиновеніи».

Чѣмъ? Силою? Но исторія убѣдительнымъ образомъ доказываетъ, что сила плохая опора въ подобныхъ случаяхъ. Да и кто знакомый съ тѣмъ, что дѣлается въ привилегированныхъ мѣстностяхъ, не улыбнется, когда ему заговорятъ о силѣ генералъ-губернаторскаго управленія?

Законъ, повидимому, предоставляетъ генералъ-губернатору самыя обширныя права. Юристъ, изучающій генералъ-губернаторскую инструкцію, поражается этимъ количествомъ перуповъ, сосредоточенныхъ въ одной рукѣ. Но, повидимому, управляемые разсуждаютъ объ этомъ предметѣ иначе. Въ ихъ глазахъ эти обширныя права нерѣдко имѣютъ значеніе драконовъ и иныхъ чудовищъ, намалеванныхъ на китайскихъ щитахъ. Высшее правительство готовитъ какую-либо общую мѣру. «Это до насъ не касается, говорятъ они. У насъ есть свои особенности, которыя генералъ-губернаторъ долженъ принять во вниманіе. Его должны спросить. Если его представленіе не видоизмѣнитъ общаго закона, то онъ можетъ, по крайней мѣрѣ, на мѣстѣ ослабить его силу, примѣняясь къ мѣстнымъ условіямъ».

Самъ генералъ-губернаторъ, каковъ бы ни былъ его образъ мыслей, какъ бы онъ ни былъ свободенъ отъ предразсудковъ, преданъ Россіи и государю, ѣдетъ во вѣренный ему край съ предвзятою идеей, отъ которой онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ освободиться. Эта предвзятая идея состоитъ въ томъ, что край этотъ есть нѣчто особое отъ остальнаго государства. Вступивъ въ должность, онъ тотчасъ попадаетъ въ водоворотъ мѣстныхъ политическихъ интригъ. Онъ сразу видитъ себя предметомъ всѣхъ опасеній, надеждъ, тревогъ, поклоненія, лести. Онъ видитъ вокругъ себя разныхъ господъ, которые всѣми считаются политическими дѣятелями. Они

говорятъ ему о разныхъ политическихъ интригахъ, стараются привлечь его то на ту, то на другую сторону. Мѣстность, гдѣ возможны политическія партіи и политическіе интересы, не есть ли въ самомъ дѣлѣ совершенно особый край, не имѣетъ ли онъ право на особое управленіе? И политическія партіи въ нашихъ генералъ-губернаторствахъ умѣютъ изъ всякой нерѣдко неважной административной мѣры дѣлать политическій вопросъ, если только мѣра эта противорѣчитъ ихъ интересамъ.

Иногда говорятъ: генералъ-губернаторъ есть представитель русскихъ интересовъ и общаго закона во ввѣренномъ ему краѣ. Сколько иронiи въ этомъ выраженіи: *быть представителемъ русскихъ интересовъ въ Россіи!* Почему отъ курскаго и воронежскаго губернатора не потребовать того же? Неужели въ самомъ дѣлѣ служеніе русскимъ интересамъ въ Россіи есть рѣдкая и трудная доблесть?

Понятно какой характеръ, при такихъ условіяхъ, принимаетъ мѣстное управленіе. Во внутреннихъ губерніяхъ Россіи управленіе находится въ рукахъ разныхъ мѣстъ и лицъ, которыя отвѣчаютъ каждое за свою часть, а потому дѣйствуютъ довольно самостоятельно. Въ генералъ-губернаторствахъ мы видимъ противоположеніе двухъ видовъ власти. Одинъ разрядъ дѣйствуетъ на основаніи извѣстныхъ учрежденій съ точно опредѣленными правами. Другой—власть генералъ-губернаторская, дѣйствуетъ безъ всякаго учрежденія и пользуется самыми обширными полномочіями. Понятно, что эта послѣдняя власть совершенно поглощаетъ первыя. Персоналъ этихъ властей находится въ безусловной зависимости отъ генералъ-губернатора. Отъ него зависитъ ихъ опредѣленіе, перемѣщеніе, повышеніе и высылка за политическую неблагонадежность. Нужно неслыханное мужество, чтобы вступить въ коллизію съ такою властью, даже имѣя законъ на своей сторонѣ. Чиновники очень хорошо знаютъ, что циркуляръ генералъ-губернатора для нихъ гораздо важнѣе общаго закона, и что, дѣлаясь пассивными орудіями его власти, они ничѣмъ не рискуютъ. Если дѣло не пойдетъ на ладъ, они не будутъ отвѣчать, ибо генералъ-губернаторъ прикроетъ все своею безотвѣтственностью.

Зло не останавливается на этомъ. Если бы по крайней мѣрѣ генералъ-губернаторъ самъ могъ дѣйствовать вполнѣ самостоятельно, то все-таки можно было бы ожидать нѣкоторыхъ результатовъ. Но онъ связанъ по рукамъ и ногамъ. Ему приходится согласовать свои дѣйствія не столько съ видами высшаго правительства, сколько съ интересами господствующихъ мѣстныхъ классовъ. Могущественныя корпораціи опираются на свои привилегіи и смѣются надъ его усиліями. Малѣйшій рѣшительный шагъ навлекаетъ на него гоненіе. Мѣстные олигархи имѣютъ свои партіи въ столицѣ. Они начинаютъ систематическую травлю при помощи своихъ сильныхъ друзей. Заграничная печать открываетъ свои столбцы нападкамъ всякаго рода.

Простой губернаторъ, если на него нападутъ за то, что казенная палата или мировой посредникъ исполняетъ законъ, спокойно можетъ отвѣтить, что они дѣйствовали въ предѣлахъ закона, а потому сами отвѣчаютъ за свои дѣйствія; если же жалующійся недоволенъ ихъ дѣйствіями, то онъ можетъ жаловаться высшему правительству. Генералъ-губернаторъ не можетъ дать этого отвѣта. Онъ понимаетъ, что всѣ мѣстныя установленія находятся въ его власти, и что ни для него, ни для нихъ законность извѣстнаго дѣйствія не можетъ служить достаточнымъ объясненіемъ.

Но не можетъ ли по крайней мѣрѣ чрезвычайная власть послужить къ разрѣшенію такихъ исключительныхъ задачъ, какъ, напримѣръ, задача обрусенія?

Обрусеніе! Но на это дѣло нужны другія средства. Спросите, какъ римляне превращали въ римскихъ гражданъ жителей Малой Азіи, какъ французы, пруссаки, австрійцы онѣмечивали и офранцуживали свои инородческія области. Во всѣхъ этихъ странахъ *выгоднѣе* было быть нѣмцемъ, французомъ, римляниномъ, чѣмъ иностранцемъ. Цари гордились титуломъ римскаго гражданина. Луи-Филиппъ съ удовольствіемъ принялъ званіе гражданина Лондона. Въ Россіи вопросъ поставленъ иначе. «Вашъ чинъ?» спрашивалъ квартальный у пьянаго буяна, взятаго въ часть. «Нѣмецъ», отвѣчалъ тотъ.

Дѣло обрусѣніяможетъ подвинуться впередъ, когда къ этому великому дѣлу будутъ призваны всѣ общественные элементы, дружественные Россіи. Мы желаемъ обрусить разныя мѣстности. Но самое лучшее средство для того — обращаться съ ними такъ же, какъ съ русскими областями, изгнавъ всѣ «мѣстныя условія» изъ нашей политической практики.

О СВОБОДѢ РУССКОЙ ПЕЧАТИ *).

По поводу пересмотра нашихъ законовъ о печати.

I.

Высочайшій рескриптъ 2 ноября — явленіе чрезвычайно важное для будущихъ судебъ нашей журналистики. Журналистика (за исключеніемъ *Вѣсти*, которая не умѣла и на этотъ разъ воздержаться отъ своей манеры бороться съ своими литературными противниками науськиваніемъ не-литературнаго свойства) отнеслась къ нему разумно и честно; она подвела итоги своей дѣятельности за послѣдніе четыре года, кратко повторила основанія, заставляющія желать наибольшей свободы слова, — и затѣмъ возложила свое упованіе на благоразуміе и честность членовъ новой коммиссіи. Послѣдніе не будутъ имѣть основанія жаловаться, что они были осаждаемы разными вліяніями, препятствовавшими свободѣ ихъ собственныхъ мнѣній. Если вліянія эти найдутся, то источникомъ ихъ будетъ не журналистика. Она сосредоточилась въ томъ, полномъ достоинства, молчаніи, въ какомъ недавно еще русскій народъ ожидалъ Положенія 19 февраля. Дай Богъ ей дождаться такого же положенія! Да и что и говорить журналистикѣ? Доказывать необходимость свободы слова? Слава Богу, для нашего общества прошло то время, когда такія доказательства были необходимы. Необходимость свободы слова сознаютъ всѣ, «самые бѣсы вѣруютъ и.....трепещутъ», какъ говоритъ апостолъ. Доказывать, что русская печать благоразумно воспользовалась дарованными ей правами? Но кто же, безъ крайней недобросовѣстности и явнаго тупоумія, рѣшится утверждать противное? Доказывать, что въ Россіи вер-

*) Эти статьи написаны мною по поводу пересмотра законовъ о печати 6 апрѣля 1865 г. Три изъ нихъ напечатаны въ Суд. Вѣстникѣ. Изъ трехъ другихъ, напечатанныхъ въ Голосѣ, я выбралъ одну, такъ какъ она касается вопроса, незатронутаго въ Суд. Вѣстн.

ховная власть такъ сильна, что ей не могутъ повредить два-три невинно щебечущихъ журнала? И въ этомъ никто не сомнѣвается. Мало того. Враги развитія русскаго народа относятся къ либеральному щебетанью разныхъ публицистовъ весьма благосклонно. Послѣдніе имъ *нужны*, вопервыхъ потому, что «щебетанье» отклоняетъ общественное мнѣніе отъ серьезныхъ практическихъ вопросовъ, вовторыхъ потому, что эти красноватые обрѣзки чужихъ мнѣній весьма пригодны въ качествѣ невиннаго пугала, которое можно, отъ времени до времени, показывать кому слѣдуетъ.

Стало быть, въ чемъ же дѣло? Всѣ убѣждены если не въ пользѣ, то въ безвредности свободы слова. И однако есть люди (къ счастью, ихъ немного), которые желаютъ его стѣсненія.

Всѣ вѣрятъ въ общій принципъ, но слишкомъ многіе сомнѣваются въ возможности его примѣненія. Примѣръ въ исторіи не новый. Вся языческая древность умомъ постигала существованіе единаго Бога; на дѣлѣ поклонялась истуканамъ. Всѣ французы вѣрятъ въ великіе принципы 1789 г.; на дѣлѣ боготворятъ гг. Пістри и Гаусмана. Словомъ, отъ вѣры въ принципъ до проведенія этого принципа въ плоть и кровь законодательства, юстиціи, общественной и государственной жизни — еще далеко. Ученые мужи и опытные публицисты утверждаютъ, что каждый принципъ, облеченный въ форму закона, долженъ гармонировать со всѣмъ общественнымъ бытомъ и со всею системою законодательства данной страны. Еще Монтескье доказалъ это весьма убѣдительно. И конечно не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что между отдѣльнымъ закономъ и всею системою политики и законодательства должна господствовать полная гармонія.

Поэтому мы въ правѣ ожидать, что нашъ будущій законъ о печати будетъ, такъ сказать, органическою частью всего нашего законодательства и будетъ соотвѣтствовать общественнымъ и государственнымъ установленіямъ Россіи. Но въ чемъ состоитъ общій духъ нашего законодательства, нашихъ общественныхъ и государственныхъ учрежденій? Уловить и опредѣлить такія вещи дѣло весьма затруднительное. Невозможно ожидать, чтобы коммиссія для пересмотра законовъ о печати, и все общество принялись за изслѣдованіе такого сложнаго вопроса по поводу одного частнаго закона. Готовыми же понятіями, очевидно, довольствоваться нельзя. Кто-то выразился, что начала русскаго общественнаго и государственнаго быта можно выразить въ трехъ словахъ: самодержавіе, православіе и народность. Эти термины вѣрны и выражаютъ реальные предметы, но они слишкомъ общи. Что такое самодержавіе? Было самодержавіе, прикрѣпившее крестьянъ, — есть державный царь, который ихъ освободилъ; было самодержавіе, установившее инквизиціонный процессъ, — и есть другое, которому мы обязаны введеніемъ устнаго и гласнаго судопроизводства. То же можно сказать и о другихъ началахъ. Опытъ русской исторіи доказываетъ, что самодержавіе видоизмѣня-

лось даже въ теченіе каждаго отдѣльнаго царствованія. Іоаннъ Грозный — до и послѣ смерти Анастасьи Романовны; Екатерина II — до и послѣ французской революціи; Александръ I — до и послѣ 1815 г. Нѣкоторыя лица готовы были возвести въ теорію эти частные случаи, подъ именемъ теоріи двухъ половинъ царствованія. Но мы твердо помнимъ правило Бекона, по которому одна противорѣчащая инстанція способна уничтожить теорію, построенную на множествѣ утвердительныхъ. Противъ вышеприведенной теоріи у насъ есть не одна, а двѣ противорѣчащихъ инстанціи. Первая блистательная инстанція — царствованіе Петра Великаго, который оставался вѣренъ съ того момента, когда входилъ съ своей бомбардирской ротой въ Москву, послѣ взятія Азова, до того, когда онъ палъ жертвою своего великодушія. Другая, не менѣе блестящая инстанція — нынѣшнее царствованіе. Государь, котораго благодарное общество не назвало великимъ потому, что за нимъ усвоено болѣе лестное имя Освободителя, создалъ царствованіе не менѣе цѣльное и законченное, какъ и царствованіе Петра. Начала, внесенныя имъ въ государственную жизнь, такого свойства и силы, что всѣ частныя ея явленія суть ихъ естественныя послѣдствія, и должны съ ними сообразоваться по естественной логикѣ событій.

Съ этой точки зрѣнія мы и намѣрены обсудить возможное положеніе нашей печати и характеръ законовъ, опредѣлявшихъ до настоящаго времени это положеніе. Мы назвали политику нынѣшняго царствованія логическою и послѣдовательною. Поэтому намъ необходимо, прежде всего, отыскать во всей массѣ современнаго законодательства такой актъ, котораго начала руководили бы всѣмъ послѣдующимъ законодательствомъ, давали бы тонъ всѣмъ политическимъ актамъ, подобно тому какъ воинскій уставъ и генеральный регламентъ господствуютъ въ законодательствѣ Петра Великаго.

Такою, выражаясь языкомъ музыкантовъ, *доминантою*, въ нынѣшнемъ законодательствѣ является Положеніе 19 февраля. Свобода народа была первымъ словомъ всѣхъ преобразованій. Всѣ помнятъ, какъ началось и совершилось преобразованіе крестьянскаго быта. Всѣ помнятъ, съ какимъ величественнымъ спокойствіемъ народъ ждалъ своей свободы, какъ спокойно приведено въ дѣйствіе «Положеніе».

Причину этого спокойствія иные объясняютъ пассивнымъ характеромъ народа, зависящимъ отъ великаго множества финской крови, обращающейся въ его жилахъ. Другіе просто привычкою къ повиновенію; третьи регулярною арміею; четвертые мудрыми мѣропріятіями. Есть однако лица, которыя думаютъ, что причина «хорошаго поведенія» народа въ трудную и соблазнительную для него эпоху, заключается, во-первыхъ, въ томъ безграничномъ довѣріи, которое онъ издавна питалъ къ верховной власти, слѣдовательно въ твердости нѣкоторыхъ нравственныхъ его убѣжденій; во-вторыхъ, въ томъ, что крестьянское дѣло велось открыто, безъ всякихъ заднихъ мыслей и при

свободномъ содѣйствіи всѣхъ лучшихъ силъ общества. Недоразумѣнія были; интрига пользовалась ими; но всѣ ея козни разбивались о безхитростную прямоту «Положенія» и посредниковъ.

Положеніе 19 февраля вліяло на послѣдующее законодательство въ отношеніяхъ — матеріальномъ и формальномъ.

Матеріальныя начала 19 февраля сдѣлались неизсякаемымъ источникомъ новыхъ реформъ. Вопервыхъ, правительство сознало необходимость подвести всю массу крестьянства подъ одни общія начала управленія. Учрежденія бывшихъ государственныхъ крестьянъ оказались несостоятельны и пали. Система самоуправленія, прежде построенная на узко-сословномъ началѣ, съ преобладаніемъ одного сословія надъ другими, не выдержала критики новаго времени; явилось земское, всесословное самоуправленіе. Инквизиціонный процессъ и сословное раздѣленіе органовъ суда обанкротились; оказалась нужда въ выборной земской юстиціи, независимыхъ правительственныхъ судахъ, въ институтѣ присяжныхъ. Тѣлесное наказаніе — этотъ символъ народнаго рабства — отмѣнено. Рекрутская повинность облегчена. Словомъ, всѣ учрежденія, соотвѣтствовавшія идеѣ крѣпостнаго права, рухнули или готовы рушиться. Новыя понятія хлынули всюду, въ правительственную практику, въ финансовую систему, въ частныя отношенія, въ воспитаніе. Да будетъ свѣтъ!

Формально, крестьянская реформа заранѣе опредѣлила характеръ будущихъ преобразованій. Положеніе 19 февраля имѣло успѣхъ, независимо отъ своей великой цѣли, потому, что оно просто и ясно формулировало свои начала, не оставляя ничего злохитростному толкованію и интригѣ. Посмотрите, напримѣръ, на слѣдующее опредѣленіе (ст. 1): «Крѣпостное право на крестьянахъ, водворенныхъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, и на дворовыхъ людей, отмѣняется на всегда»; или (ст. 25): «крестьяне не могутъ быть подвергаемы никакому наказанію иначе, какъ по судебному приговору или по *законному* распоряженію поставленныхъ надъ ними правительственныхъ и общественныхъ властей»; и т. д. Прочитавъ такія опредѣленія, всякій пойметъ, что онъ имѣетъ дѣло съ правительствомъ, увѣреннымъ въ своей силѣ, а потому прямодушнымъ и честно относящимся къ обществу. Такое правительство можетъ быть увѣрено въ содѣйствіи лучшихъ силъ общества, а силы эти въ состояніи дѣйствовать прямо и открыто — единственное условіе, при которомъ они соглашаются дѣйствовать. Словомъ, въ отношеніяхъ между обществомъ и правительствомъ незамѣтно той фальши, которая заставляетъ правительство притворяться, а общество лгать.

Та же самая правда господствуетъ въ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ 1864 года, въ судебныхъ уставахъ, въ законахъ, облегчившихъ финансовыя тягости народа. Посему, всѣ эти законы, вмѣстѣ съ положеніемъ 19 февраля, составляютъ одно цѣлое, по духу, основной мысли и общему характеру.

Можно ли сказать то же самое про наши законы о печати? Если мы огра-

ничимся простымъ ихъ сравненіемъ съ прежнимъ законодательствомъ по этому предмету — да. Они являются произведеніемъ одной и той же мысли — внести въ общество нѣсколько больше свободы. Но осуществленіе этой великой идеи, въ примѣненіи къ печати, рѣзко отличается отъ всѣхъ предыдущихъ актовъ. Причина этого различія, конечно, не въ томъ, что мысль, руководившая нашими реформами, измѣнила себѣ, но въ томъ, что наши законы о печати есть вѣрная копія, снимокъ съ законодательства страны, гдѣ фальшь и ложь цѣлыхъ 18 лѣтъ служили основаніемъ государственной и общественной жизни. Они продуктъ совершенно другой логики, другаго міросозерцанія. Различіе въ характерѣ нашего законодательства о печати съ другими актами нынѣшняго царствованія — происходитъ отъ того, что законодательство, съ пути творчества, вступило на путь заимствованія, отъ народнаго идеала обратилось къ французскому министерству внутреннихъ дѣлъ.

Французское законодательство порицаютъ почти всѣ. Мы не принадлежимъ къ числу отчаянныхъ антагонистовъ императора Наполеона. Многое прощается ему потому, что онъ былъ логиченъ. Вотъ какъ онъ самъ объясняетъ свою политику во введеніи къ конституціи 1852 г.: «Франція, въ теченіе пятидесяти лѣтъ, движется подъ вліяніемъ административныхъ, судебныхъ, религіозныхъ, военныхъ и финансовыхъ учрежденій консульства и первой имперіи. Почему не принять намъ и политическихъ учрежденій этой эпохи?»... Другими словами, Наполеонъ III, обращаясь къ прежнимъ правительствамъ Франціи, говорилъ: «друзья мои! Каждый изъ васъ, захватывая власть, какъ это сдѣлалъ мой дядя и какъ это дѣлаю я, давали народу нѣсколько отвлеченныхъ фразъ, написанныхъ на бумагѣ, и называли это конституціею; на дѣлѣ же вы преспокойно пользовались богатымъ наслѣдіемъ власти, которое вамъ оставилъ дядюшка. Я тоже имъ воспользуюсь, но безъ тѣхъ негодныхъ фразъ, которыя всѣмъ надоѣли».

Что дѣлать! Ложь въ обществѣ и неправда въ правительствѣ — иногда печальный, но неизбѣжный продуктъ исторіи народа; Наполеонъ III понималъ, что нравственныя убѣжденія общества не на его сторонѣ, какъ они не были на сторонѣ Людовика-Филиппа и Бурбоновъ; что каждое правительство до него было только средствомъ успокоенія народа посредствомъ матеріальной силы; поэтому ни одно изъ нихъ не могло опираться на самодѣятельность общественныхъ силъ. Не могъ сдѣлать этого и Наполеонъ III. Ему нужно было *правительство*, но не общество. Вслѣдствіе этого «общество» было изгнано отовсюду и повсюду: изъ муниципальнаго управленія, изъ департаментовъ, изъ законодательнаго корпуса — посредствомъ офиціальныхъ кандидатуръ; общественное начало было извращено даже въ судѣ; можно ли было терпѣть его въ литературѣ? Нѣтъ. Императору нужны были предостереженія, конфискаціи, суды исправительной полиціи, купленные жур-

налисты. Все это скверно, но не онъ создалъ общество, среди котораго ему удалось захватить власть. Повторяемъ, онъ былъ логиченъ. Общества не слышалось нигдѣ — его даже никто не видѣлъ. Что такое Франція? Меры, подпрефекты, префекты, министры, армія, рабское большинство законодательнаго корпуса, сенатъ—le reste de la poussière, какъ говаривалъ Наполеонъ I.

Такая ли мысль руководила преобразованіями, пересоздавшими нашъ общественный строй? Повсюду въ мѣстномъ управленіи мы встрѣчаемся съ выборными должностями. Выборные старосты и старшины, предводители, городскіе головы, гласные земскихъ собраній и члены управъ. Кромѣ того независимый судъ, независимый институтъ присяжныхъ, выборные мировые судьи. И все это создано верховною властью, которая отъ этого не утратила своихъ державныхъ правъ. Скажите, неужели для *этого* нуженъ французскій законъ о печати или — вѣрнѣе — противъ печати? Но тогда, поскорѣе, нужно издать законы противъ выборовъ, противъ судовъ, противъ крестьянскихъ учрежденій, противъ земскихъ собраній и т. д. Или «ça viendra», какъ говоритъ партія *Вчери?* Неужели въ виду такого открытаго, честнаго отношенія верховной власти къ народу нуженъ законъ, который бы пріучилъ печать ко лжи, а общество къ недовѣрію къ правительственнымъ мѣрамъ? Но пусть намъ прежде всего докажутъ необходимость лжи въ политической жизни, такую необходимость, что ее надо вводить даже туда, гдѣ она не вызывается общественными условіями. Правительство опирается на довѣріе всего общества, можетъ дѣйствовать прямо, всѣ законодательные акты ясно доказываютъ это—и вдругъ одному закону дается такое содержаніе, какъ будто правительство вчера насильемъ достигло своей власти, опирается на одну матеріальную силу и боится всякаго проявленія общественнаго мнѣнія...

Такимъ образомъ, первою задачею новаго законодательства о печати, должно бы быть возстановленіе *жизненной правды* въ отношеніяхъ правительства къ литературѣ. Неправды этой много, какъ это мы постараемся разъяснить въ слѣдующей статьѣ.

II.

Фактъ назначенія коммиссіи *для пересмотра цензурнаго устава*, доказываетъ, что настоящій законъ о печати неудовлетворителенъ. Конечно, понятіе объ этой неудовлетворительности различно. Иные полагаютъ, что печати дано слишкомъ много правъ; другіе, — что печать слишкомъ стѣснена. Мы не станемъ теперь разбирать вопросъ о цензурномъ уставѣ съ точки зрѣнія количества правъ, которыми пользуется или должна пользоваться печать. Намъ кажется, что этотъ вопросъ разрѣшится самъ собою при разъясненіи другаго, болѣе существеннаго вопроса. Въ какомъ положеніи должна вообще

стоять печать по отношенію къ правительству? Должно ли правительство разсматривать ее какъ необходимое зло, котораго чѣмъ меньше, тѣмъ лучше, какъ бочку съ порохомъ, готовую взлетѣть отъ первой искры, или какъ дружественную силу, необходимую для всесторонняго развитія народа? Нѣкоторыя части закона 6 апрѣля доказываютъ, что этотъ важный вопросъ не былъ разрѣшенъ удовлетворительно. Постараемся прежде всего охарактеризовать этотъ законъ.

Положеніе нашей печати до 1865 г. можно назвать крѣпостнымъ; послѣ 1865 г. какъ бы осаднымъ. Если для полнаго разъясненія нашей мысли нужно сравненіе, мы привели бы слѣдующее. Предположимъ, что крестьяне, освобожденные отъ крѣпостной зависимости, вмѣсто того чтобы получить систему выборныхъ должностей, дѣйствующихъ подъ наблюденіемъ независимыхъ посредниковъ, были бы поставлены подъ господство какого нибудь исключительнаго закона, исключительныхъ и чрезвычайныхъ властей, долженствующихъ «сдерживать дикую толпу.» Наше правительство поступило иначе. Оно не только дало крестьянамъ либеральное устройство, но распространило дѣйствіе многихъ началъ «Положенія» на другіе виды крестьянскаго сословія. Почему же печать была поставлена въ другое положеніе?

Обыкновенно приводятъ тому много основаній. Нѣкоторыя изъ этихъ основаній имѣютъ, повидимому, всѣ качества вѣрности и солидности до такой степени, что они сдѣлались ходячими фразами, общимъ мѣстомъ въ устахъ не только защитниковъ репрессивныхъ мѣръ, но и просвѣщенныхъ либераловъ.

Первое изъ этихъ основаній состоитъ въ томъ, что свобода слова не можетъ быть терпима въ неограниченной монархіи. «Въ моей головѣ не укладывается возможность совмѣщенія этихъ двухъ вещей», говоритъ не одинъ либеральный консерваторъ или консервативный либералъ. «Возможна ли свобода слова безъ политической свободы?»—съ надменной улыбкой повторяетъ другой. Есть головы, въ которыхъ дѣйствительно многое не укладывается. Но въ иномъ видѣ представляется дѣло тому, чья голова свободна отъ доктринерскихъ формулъ и кто не поддастся на велерѣчивыя фразы.

Положеніе, приведенное нами, можетъ означать одно изъ двухъ: или что неограниченная власть не можетъ гарантировать свободы слова, или что она не можетъ его вынести. И въ томъ и въ другомъ смыслѣ глубокая ложь этого положенія очевидна.

Неограниченная монархія не можетъ, говорятъ, гарантировать свободы слова, этого драгоцѣннѣйшаго дара Божьяго. Но кто далъ право *ревнителямъ* порядка взводить такія обвиненія на неограниченную монархію? Мы вправѣ сказать имъ: если самодержавіе не можетъ обезпечить свободу слова, то можетъ ли оно оградить другія права своихъ подданныхъ? Конечно, можетъ, а стало быть можетъ обезпечить за гражданами свободу слова, подобно тому,

какъ оно даровало народу личную и имущественную свободу. Поставьте печать подъ охрану закона и суда — и дѣло будетъ сдѣлано.

Слѣдовательно, не то имѣется въ виду при завѣреніяхъ, что неограниченная монархія несовмѣстима съ свободою слова. Затаенный смыслъ этой фразы состоитъ въ томъ, что неограниченная монархія не можетъ выдержать свободы печати, что послѣдняя для нея опасна. Это одинъ изъ тѣхъ софизмовъ, которые опираются на туманное, неопредѣленное положеніе и могутъ держаться до тѣхъ только поръ, пока туманъ не разогнанъ и неопредѣленность не устранена. Объясните прежде всего, *что* можетъ выдержать неограниченная монархія, съ чѣмъ она вообще не можетъ ужиться? Опытъ исторіи доказываетъ, что неограниченную монархію постоянно увѣряли, что она не можетъ ужиться съ тѣмъ и съ другимъ, не можетъ существовать безъ того и другаго. Монархія вводила то, съ чѣмъ (какъ ее увѣряли) она не можетъ ужиться, отказывалась отъ того, безъ чего (какъ говорили ей) она не можетъ существовать — и предсказаніе политиковъ блистательно *не* подтверждалось. При Екатеринѣ II государственные мужи завѣряли ее, что монархія погибнетъ съ уничтоженіемъ пытки. Пытка уничтожена, монархія осталась. Вездѣ, до 1858 г., утверждали, что монархія не мыслима безъ крѣпостнаго права. Да и можно ли было въ томъ сомнѣваться, если самъ графъ де-Местръ, сей учитель нашей реакціонной партіи, убѣдительно доказалъ это? Обыкновенно думали, что дворянство, опирающееся на крѣпостное право, есть единственная опора престола, безъ которой онъ рухнулъ бы въ массу дикой черни. Но вотъ дикая чернь не только освобождена, но засѣдаетъ въ земскихъ собраніяхъ, въ управахъ, на скамьѣ присяжныхъ. Рушился ли престолъ? Крикъ отчаянія вырвался изъ груди г. Герцена: «Александръ II сильнѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ!» съ грустью сказалъ онъ. Кто не знаетъ, что людямъ извѣстной партіи всѣ реформы нынѣшняго царствованія кажутся противными принципу самодержавія? Не отъ такихъ вещей падаютъ царства и народы. Банкротство, расхищеніе казны, злоупотребленіе подчиненныхъ властей, неправильная система податей, разорительныя войны,—вотъ гдѣ опасность для власти, какъ учитъ насъ исторія. И что же? Наше самодержавіе не всегда было такъ счастливо, какъ теперь. Оно переживало годины финансовыхъ бѣдствій, не имѣло хорошихъ органовъ администраціи, надежнаго суда, масса народа страдала подъ гнетомъ крѣпостнаго права,—и оно все вынесло. Оно не только само могущественно, но и поддерживаетъ все русское государство. Если бы самодержавіе слушалось политическихъ доктринеровъ, то они давно бы поставили его въ странное положеніе. Пришлось бы, съ ихъ голоса, заявить всему свѣту что самодержавіе не способно къ прогрессу вообще. Почему? спросили бы его. «Мои политики доказываютъ, что неограниченная власть неспособна къ такимъ реформамъ».—Почему вы не вводите того, другаго? «Мои политики

говорятъ, что я этого не выдержу». Вѣрное и хорошее понятіе имѣютъ эти политики сами и даютъ другимъ о самодержавной формѣ правленія! Къ тому оно неспособно, этого оно не выдержитъ. Точно дѣло идетъ о слабомъ младенцѣ, а не о могучемъ учрежденіи, выстоявшемъ вѣка на славу своего народа! Гдѣ же предѣлъ тѣхъ предметовъ, съ которыми можетъ ужиться неограниченная монархія?

Для краткости, мы прибѣгаемъ опять къ сравненію. Международное право учитъ, что есть соединенія государства съ государствомъ, которыя вредятъ его самостоятельности, и другія, при которыхъ они сохраняютъ свою независимость. Сюда относятся напр. союзы. Этотъ же принципъ можетъ быть примѣненъ и къ монархической власти. Она не совмѣстна съ тѣмъ, что могло бы ограничить ея права. Такъ напр. попытка верховнаго тайнаго совѣта, этого органа крамольныхъ олигарховъ, была противна началамъ самодержавія. Но печать? Уменьшаетъ ли она хоть на одну іоту право монарха? Стѣсняетъ ли она хоть въ чемъ нибудь свободу его дѣйствій? Не остается ли монархъ полнымъ распорядителемъ судебъ страны, послѣ того какъ объявлена полная свобода печати, ограниченная лишь отвѣтственностью предъ судомъ?

«Все это такъ, говорятъ противники свободы слова. Мы сами видимъ въ литературѣ полезный органъ общественнаго мнѣнія. Каждая страна съ развитіемъ общества, должна дать нѣкоторыя льготы журналамъ и газетамъ. Но печать все-таки опасное оружіе въ рукахъ толпы; она — средство критики правительственныхъ дѣйствій; она можетъ распространять вредныя понятія въ народѣ и подрывать основы существующаго порядка; ея памфлеты и корреспонденціи могутъ привести къ дезорганизаціи внутренняго управленія, посѣять пагубный раздоръ между начальниками и подчиненными, ослаблять необходимую дисциплину и т. д. Вслѣдствіе этого нужно поставить печать въ такое положеніе, чтобы она не могла привести ни къ какимъ вреднымъ послѣдствіямъ». Словомъ, свобода печати *зло*, но зло иногда необходимое; поэтому когда правительство *вынуждено* уступить и допустить это зло, оно должно какъ можно больше ослабить его.

Сказать, что печать, какъ органъ общественнаго мнѣнія, есть зло, нѣчто враждебное правительству, значитъ предположить, что правительство управляетъ обществомъ противъ его воли, и что общество, въ свою очередь, готово вредить ему всѣми силами. Каждое изъ правительствъ современной Франціи могло сказать это. Каждое изъ нихъ достигало власти благодаря усиліямъ извѣстной партіи. Оно держалось, только опираясь на эту партію. Поэтому оно всегда могло разсчитывать на непримиримую вражду всѣхъ остальныхъ фракцій общества. Правительство должно было держаться осторожно и отнимать у враговъ всѣ средства вредить себѣ. Въ числѣ этихъ средствъ находилась и печать. Обуздывая печать, Наполеонъ III отнималъ

оружіе у легитимистовъ, орлеанистовъ, республиканцевъ, соціалистовъ и т. д. Побѣжденное общество клало оружіе къ ногамъ побѣдителя. Это понятно. Но гдѣ основаніе нашу *русскую* печать разсматривать какъ оружіе, данное въ руки враговъ правительства?

Во-первыхъ, гдѣ эти враги? Если они есть, то ихъ произведенія являются за границей, гдѣ имъ открыты прусскіе, австрійскіе, французскіе и турецкіе журналы. Тамъ бывшіе повстанцы и фонъ-Бокки съ Ширренами прославляютъ русское имя. Но гдѣ домашніе враги, опасные династическимъ интересамъ, пользамъ государства, достоинству администраціи? У кого изъ насъ есть свой претендентъ на престолъ, свой проектъ демократической республики, свои планы народнаго представительства? — Мало того. Не доказала ли печать, въ теченіе этихъ четырехъ лѣтъ, что она сходится, сливается съ правительствомъ по всѣмъ капитальнымъ вопросамъ внѣшней и внутренней политики? Правильное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, успѣхъ земскихъ учрежденій, судебной реформы, умиротвореніе окраинъ Россіи — таковы были цѣли верховной власти; къ этому же стремилась и печать. Гдѣ то правительственное предпріятіе, которое было бы задержано или искажено вслѣдствіе такъ называемой оппозиціи печати? Не печать задерживаетъ введеніе русскаго языка въ прибалтійскихъ губерніяхъ, на что послѣдовало высочайшее повелѣніе многократно повторенное; не печать препятствуетъ окончательному разрѣшенію крестьянскаго вопроса въ западныхъ губерніяхъ; не она подговариваетъ латышей не переходить въ православіе; не она противится сліянію всѣхъ племенъ, населяющихъ Россію, въ одно цѣлое. Но воззрѣнія, вынесенныя изъ посѣщеній французскихъ административныхъ мѣстъ и чтенія французскихъ газетъ, слишкомъ живучи. Русскій человѣкъ забываетъ свою русскую няню и ея безхитростныя пѣсни, но не можетъ забыть догматическихъ фразъ французскаго гувернера.

Благодаря такимъ воззрѣніямъ, печать, освобожденная отъ предварительной цензуры, была подчинена не общему закону, опредѣляющему мѣру свободы каждаго гражданина и карающему правонарушенія, а исключительному режиму (да простятъ намъ это французское слово), какого законодательство настоящаго царствованія не прилагало до тѣхъ поръ ни къ какой отрасли народной дѣятельности. Положеніе печати, подъ вліяніемъ этого закона, равно какъ и положеніе властей, поставленныхъ надъ журналистикой, было въ высшей степени натянуто. Власти были поставлены въ такое положеніе, какъ будто печать что-то разрушаетъ; многіе журналисты, не постигшіе сути дѣла, тоже пришли къ тому заключенію, что они, должно быть, нѣчто ломаютъ; а наивная часть публики, еще болѣе обманутая внѣшнимъ характеромъ закона о печати, смотрѣла на администрацію и журналистику, какъ на двѣ враждебныя, борющіяся силы. Въ сущности же никто не боролся, никто

ничего не ломалъ, не разрушалъ и некого было воздерживать отъ антиправительственныхъ дѣйствій.

Иначе и быть не могло. Печать наша очень хорошо поняла, что законъ 6 апрѣля не былъ плодомъ побѣды общества надъ правительствомъ, послѣ которой начинается оргія побѣдителей, ни вынужденною уступкою общественному мнѣнію. Происхожденіе свободы слова таково же, какъ происхожденіе свободы крестьянъ, земскихъ учрежденій, судебной реформы. Это одинъ изъ актовъ великаго «освобожденія», свободный даръ монарха своему народу. Къ чему же это облекать въ одежду, вытканную въ странѣ, которая ни въ чемъ не походитъ на нашу Россію, и при томъ вытканную въ такое время, когда правительству этой страны нужно было насиліемъ прикрывать свое беззаконіе?

Къ счастью, фальшь внѣшней формы скоро разсѣялась предъ правдою практики. Большинство журналовъ скоро поняло свое назначеніе. Они поняли, что призваніе ихъ заключается въ мирной разработкѣ насущныхъ вопросовъ русской жизни. Благодаря серьезному, практическому направленію журналистики, безвозвратно погибли утопическія, мечтательныя стремленія и теоріи, развившіяся подъ крыломъ охранительной цензуры. Оглядываясь на свое прошлое за послѣдніе четыре года, печать ни въ чемъ не можетъ себя упрекнуть.

III.

Мы показали, что ограниченіе свободы слова въ нашемъ отечествѣ не есть необходимое, логическое послѣдствіе существующей у насъ формы правленія. Такимъ образомъ, главнѣйшій изъ софизмовъ защитниковъ стѣсненій печати разбивается. Теперь намъ слѣдуетъ разсмотрѣть другой софизмъ, менѣе важный въ теоріи чѣмъ первый, но на практикѣ болѣе опасный.

Софизмъ этотъ заключается въ томъ, что если самодержавіе, какъ верховный принципъ нашего государственнаго устройства, и не нуждается само по себѣ въ стѣсненіи печати, то всѣ другія государственныя и общественныя установленія, не имѣющія такихъ прочныхъ основъ, рушатся, если будутъ поставлены подъ удары свободной печати. «Положимъ, говорятъ защитники этого мнѣнія, что народъ нашъ не только повинуется монарху, но вѣруетъ въ него. Но что сказать о подчиненныхъ учрежденіяхъ — о генералъ-губернаторахъ, губернаторахъ, судахъ? Въ такомъ ли положеніи находятся сословія и сословныя учрежденія, права разныхъ мѣстностей, пользующихся привиллегіями? Допустите смѣлую критику этихъ установленій — и немедленно права разныхъ сословій будутъ осмѣяны, одна часть народонаселенія возстановлена противъ другой, авторитетъ подчиненныхъ властей подорванъ — словомъ самодержавіе, недосягаемое въ своемъ принципѣ, бу-

детъ ежедневно страдать въ своихъ проявленіяхъ. Это, рано или поздно, расшатаетъ самый принципъ.»

На первый разъ эти возраженія кажутся неопровержимыми. Но въ нихъ таится таже внутренняя неправда, какъ и та, о которой мы уже говорили.

Во первыхъ, мы не знаемъ такихъ учрежденій, которыя бы въ данную минуту могли воплощать идею самодержавія во всемъ ея объемѣ. Классы русскаго общества, высшія и низшія государственныя должности, тотъ или другой племенной оттѣнокъ народонаселенія — представляютъ-ли идею самодержавія до такой степени, что критика, касаясь ихъ, неминуемо должна коснуться и основъ государственной власти? Когда самодержавіе объявляло свою солидарность съ тѣмъ или другимъ общественнымъ классомъ, съ тою или другою горстью народонаселенія? Съ какого времени можно утверждать, что, затрогивая интересы, напр. крупнаго землевладѣнія, нельзя не затронуть правъ монарха, который будто-бы съ нимъ солидаренъ? Правда, на западѣ Европы, король стоялъ во главѣ феодальнаго общества, былъ, такъ сказать, вершиною феодальной іерархіи. Такъ смотрѣлъ на себя напр. Людовикъ XV и его преемникъ. Отъ этого реформа Тюрго, скромная и, такъ сказать, застѣнчивая, сравнительно съ нашей крестьянской реформой, пала отъ противодѣйствія могущественной аристократіи. Наши государи считали себя постоянно представителями *всей земли*. Они никогда не допускали такой кастовой іерархіи, какую зналъ западъ. Они въ каждую минуту опирались на всю «землю» и могли разсчитывать на содѣйствіе всѣхъ ея силъ. Что касается той или другой формы администраціи, то въ этомъ отношеніи наши государи дѣйствовали еще свободнѣе. Никогда не ставили они себя въ зависимость отъ извѣстныхъ должностей. Иванъ Грозный нашелъ, что намѣстники и волостели не выгодны правительству и народу. Онъ «отставилъ» ихъ, «ради великихъ продажъ и убытковъ». Въ концѣ XVII вѣка народъ жаловался, что большое количество приказныхъ людей, дѣйствовавшихъ въ уѣздѣ, для него убыточно. И вотъ при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, а затѣмъ при Петрѣ Великомъ, состоялось распоряженіе: «чтобы въ городахъ быть однимъ воеводамъ, а горододѣльцамъ, сыщикамъ, губнымъ старостамъ, ямскимъ приказчикамъ, осаднымъ, пушкарскимъ и житничнымъ головамъ не быть... чтобы впредь отъ того градскимъ и уѣзднымъ людямъ въ кормахъ и подводахъ лишнія тягости не было». Нужно ли вспоминать о радикальныхъ реформахъ Петра Великаго и Екатерины II? Но всѣ эти смѣлые опыты блѣднѣютъ предъ рѣшительною политикою нынѣшняго царствованія. Въ наше время сословная организація и правительственныя учрежденія подверглись строгой критикѣ: съ одной стороны — самой власти, и общества — съ другой. Множество прежнихъ должностей «отставлено», масса новыхъ введена. Всѣмъ извѣстна ѣдкая критика обличительной литературы, противъ пользы которой трудно было бы возражать. Сколько иллюзій разбито однимъ

«Губернскими очерками»! Но кто рѣшится сказать, что вслѣдствіе увлеченій литературы народонаселеніе возбуждено противъ установленныхъ властей, отказываетъ имъ въ повиновеніи, сопротивляется ихъ распоряженіямъ! Мало того. У насъ есть установленія, которыя, въ силу предоставленной имъ свободы дѣйствій, легко могутъ прійти въ столкновеніе съ органами правительства. Пререканія между земскими учрежденіями и губернаторами весьма возможны. Но видимъ-ли мы систематическое противодѣйствіе съ ихъ стороны видамъ правительства? Мы знаемъ только рѣдкіе случаи столкновеній земскихъ учрежденій съ администраціей. Но если даже признать, что въ этихъ пререканіяхъ виновато земство, могутъ-ли быть они приписаны вліянію и происканъ печати? Напротивъ, смѣло можно сказать, что вслѣдствіе даже и не полной свободы нашего печатнаго слова, чувство законности все больше и больше проникаетъ въ наше общество. Критика печати обличаетъ незаконныя дѣйствія, въ какой бы сферѣ они ни проявились, и популярность того или другаго учрежденія не можетъ спасти отъ осужденія его незаконный актъ. Мировые судьи, земскія учрежденія пользуются симпатіей журналистики. Но пусть укажутъ случай, гдѣ бы печать одобрительно отнеслась къ незаконному поступку мироваго судьи, или земскаго собранія?

Жалѣть приходится не объ увеличеніяхъ печати, а о другомъ обстоятельствѣ, которое вредитъ правильному развитію новыхъ учрежденій. Смѣло можно сказать, что дѣятельность новыхъ учрежденій была бы плодотворнѣе при большемъ развитіи гласности, которая служитъ и стимуломъ и уздою всякой общественной дѣятельности.

Это обстоятельство невольно наводитъ насъ на соображеніе, еще болѣе убѣждающее въ необходимости свободы печати именно въ нынѣшнее царствованіе.

Нашъ общественный и государственный бытъ до 1861 г., не только не допускалъ свободы печати, но, такъ сказать, не нуждался въ ней. Участіе общества въ администраціи проявлялось въ весьма малой степени; порабощеніе народной массы не допускало возможности обсужденія отношеній, установившихся между классами общества; канцелярская тайна тяготѣла надъ всѣми дѣйствіями властей. Кромѣ того и политическая, и общественная мысль была направлена на вопросы мало относящіеся до нашего внутренняго быта. «Мысль» имѣла къ тому полную возможность. Внутри, продовольствіе было обезпечено крѣпостнымъ трудомъ, такъ что верхнимъ слоямъ общества оставалось много того, что Аристотель называетъ «философскимъ досугомъ.» Досугъ этотъ наполнялся различнымъ образомъ. Образованное общество занималось Гегелемъ и Жоржъ-Зандомъ. Политика умиротворяла и охраняла Европу. Зашевелились карбонаріи: мы живо заинтересовываемся ихъ уничтоженіемъ; случилась іюльская революція: мы озабочиваемся, хотя

наше дѣло — сторона. Нынѣшнее царствованіе сдѣлало двѣ вещи. Во первыхъ, уничтоживъ даровой «досугъ», заставило всѣхъ и каждаго загляпуть внутрь своего хозяйства, слѣдовательно, внутрь Россіи. Во вторыхъ, оно призвало общество къ публичной дѣятельности. Въ законодательство и общественныя отношенія проведено два, невѣдомыхъ до тѣхъ поръ, начала: *личной свободы* и *равноправности*. Какъ бы ни искажали смыслъ реформъ ихъ противники, начала ими проведенныя не умрутъ болѣе въ нашей средѣ.

Теперь рождается вопросъ: могутъ-ли учрежденія, предполагающія участіе общества въ государственной жизни и имѣющія цѣлью обезпеченіе личной свободы и равноправности, жить и развиваться безъ свободы печати? Каждое учрежденіе, имѣющее общественное значеніе, можетъ дѣйствовать успѣшно только подъ контролемъ общества; личной свободѣ грозитъ гибель, а равноправности постоянное нарушеніе, если общественное вниманіе хоть на минуту забудетъ объ нихъ, если каждое явленіе, противное этимъ началамъ, не будетъ оглашено въ печати, возбуждая общественное вниманіе и призывая всѣхъ къ исполненію закона.

Такимъ образомъ ни одна изъ тѣхъ реформъ, которыми по справедливости гордится нынѣшнее царствованіе, не можетъ быть окончательно осуществлена, войти въ сознаніе народа, безъ содѣйствія свободной печати. Всѣ желаютъ успѣшнаго окончанія крестьянскаго дѣла. Но гдѣ будетъ отражаться каждая неправильность, каждое уклоненіе отъ закона, если органы печати будутъ безмолвствовать? «До царя далеко», доказывалъ посредникъ сеньковскимъ крестьянамъ. До царя дѣйствительно далеко, да и странно было бы доводить лично до царя о каждомъ неправильномъ проступкѣ администраціи. Но до редакціи любой газеты очень близко.

Прибавимъ еще. Не надо закрывать себѣ глаза на то, что многія изъ новыхъ учрежденій могутъ быть опасны безъ свободы печати. Въ нынѣшнее царствованіе создано много независимыхъ должностей, особенно по судебному вѣдомству. Независимость суда есть одно изъ коренныхъ условій дѣйствительности правосудія, но извѣстно, что легко можетъ перейти въ произволъ. Гдѣ-же искать обезпеченія противъ такого оборота дѣла? Въ правительственной власти? Но власть отказалась отъ участія въ правосудіи, давъ судебнымъ установленіямъ обезпеченіе противъ посягательствъ со стороны администраціи. Легко представить себѣ результатъ, если при независимости юстиціи будетъ устранена возможность свободной и откровенной критики судебныхъ рѣшеній и отдѣльныхъ дѣйствій судебной власти. Примѣръ старыхъ французскихъ парламентовъ ясно показываетъ, во что обращается судъ, получившій извѣстную долю самостоятельности по отношенію къ правительству и заручившійся молчаніемъ общества.

Но этимъ не ограничивается вредъ отъ стѣсненія свободы слова. До настоящаго времени Россія была очень счастлива. Пуская въ народное обра-

щеніе новыя понятія, законодательство давало имъ вмѣстѣ съ тѣмъ прочную, объективную форму, облекало ихъ въ плоть и кровь. Начала, внесенныя въ нашу жизнь послѣ 1861 г., воплотились въ сельскомъ самоуправленіи, въ земскихъ учрежденіяхъ, въ новыхъ судахъ. Общество, такимъ образомъ можетъ созерцать и любить эти начала въ объективной, реальной формѣ, въ пространствѣ и времени. Когда оно говоритъ о свободѣ, — его уму представляются освобожденные крестьяне, сельскія общества, земскія учрежденія, реформа городскаго управленія. Когда оно разсуждаетъ о равноправности, — его воображенію невольно представляются новые суды. Словомъ, всѣ его помыслы получаютъ опредѣленное направленіе и практическую цѣль. Съ этими практическими цѣлями невольно должны сообразоваться всѣ теоріи, умозрѣнія и даже мечтанія. Всѣ они должны выражаться въ ясныхъ, опредѣленныхъ формулахъ, имѣть дѣйствительное отношеніе къ явленіямъ практической жизни. Иначе общество ихъ не слушаетъ и не обращаетъ на нихъ вниманіе.

Представимъ же себѣ, что съ ограниченіемъ свободы слова, заглохнутъ учрежденія, вызванныя къ жизни нынѣшнимъ царствованіемъ, что померкнутъ отчетливые, живые образы, воплощавшіе начала, къ которымъ стремится каждое образованное общество. Умственная жизнь общества не заснетъ. Мысль, разъ пробудившись, не умираетъ, но она можетъ принять другое направленіе. Отъ живыхъ, реальныхъ учрежденій, отъ истинно практическихъ цѣлей, общественная мысль можетъ снова обратиться къ тѣмъ фантастическимъ, неосуществимымъ представленіямъ, которыя составляютъ жизнь и пищу всякой мысли, оторванной отъ дѣйствительности. Этотъ результатъ для насъ не новъ. Было время, когда печати нашей приходилось витать въ сферахъ чистаго мышленія. Что же произвела она удобопримѣнимаго, практическаго? Даже и теперь еще нельзя сказать, чтобы взоры печати обращались всегда на насущные вопросы нашей жизни. Въ 1870 году произойдетъ окончательное прекращеніе обязательныхъ отношеній крестьянъ. Приготовила ли литература хоть что нибудь для выясненія этого вопроса? Между тѣмъ вопросъ не малый; по поводу его въ разныхъ мѣстахъ задумываются преобразованія, которыя могутъ исказить наше крестьянское устройство. Предполагается напр. уничтоженіе нашей общины. Изучена ли наша община? Можемъ ли мы отстоять ее отъ враждебныхъ покушеній, или намъ придется спасовать передъ доводами такъ называемыхъ экономистовъ? Готовится измѣненіе податей и повинностей. Что сдѣлано по этому вопросу, кромѣ общихъ, малоцѣнныхъ соображеній? Какъ контролируетъ печать дѣятельность нашихъ земскихъ учрежденій? Могутъ сказать, что законъ 13 іюня 1867 г. препятствуетъ настоящей гласности по земскимъ дѣламъ. Это справедливо, но отчасти. Упомянутый законъ препятствуетъ вполнѣ свободному обнародованію *преній*, происходящихъ въ земскихъ собраніяхъ, но не резуль-

татовъ ихъ дѣятельности, которые, напротивъ, должны быть опубликованы, на основаніи 110 и 112 ст. о земск. учреж. Прибавимъ, что «Правительственный Вѣстникъ», постоянно печатая отчеты земскихъ управъ, даетъ богатый матеріалъ для обсужденія. Что сдѣлано по вопросу.... Но списокъ вышелъ бы слишкомъ длиненъ. Зато мы съ успѣхомъ занимаемся вопросами о допотопной исторіи, о реорганизаціи труда и пр. — и все это величаемъ соціальными вопросами. Конечно, и эти «соціальные вопросы» небезъинтересны, но при одномъ условіи — чтобы они вытекали изъ жизненной практики того народа, для котораго мы работаемъ. Быть работниками на все человѣчество — мысль очень заманчивая, но весьма непрактичная. Что мы выиграли отъ того, что въ теченіе пятидесяти лѣтъ разыгрывали въ Европѣ роль умиротворителей и охранителей? Ничего, кромѣ того, что эта Европа собрала на нашу же голову горячіе уголья. Не болѣе выиграемъ и теперь, если станемъ играть роль просвѣтителей—реформаторовъ.

Все сказанное до сихъ поръ, конечно, не можетъ быть принято за упрекъ нашей печати. Напротивъ, надо удивляться, какъ, не смотря на всѣ невыгодныя условія, печать наша занималась такъ усердно и такъ успѣшно разными практическими вопросами. Приведенные факты доказываютъ только, что печать сохранила еще многіе недостатки того времени, когда она, не имѣя возможности работать надъ практическими вопросами, странствовала въ области фантазій, не имѣя предъ глазами практическихъ цѣлей, гонялась за отвлеченными идеалами, имѣвшими извѣстное вліяніе и въ нашемъ обществѣ

Эти послѣдніе остатки непрактичности и духовнаго плѣна русской печати могутъ быть стерты только ея свободой.

IV.

Въ послѣднее время намъ часто приходится слышать о вредныхъ направленіяхъ въ печати вообще и въ нашей журналистикѣ въ особенности. «Каждому правительству, — говорятъ люди компетентные, — должно принадлежать право преслѣдовать направленія, вредныя общественному спокойствію и благосостоянію». Замѣтимъ, «направленія», а не дѣянія и непосредственныя воззванія къ дѣйствіямъ. Клевета и воззванія преслѣдуются вездѣ, хотя и по отношенію къ этимъ довольно осязательнымъ явленіямъ точныя законодательныя опредѣленія довольно трудны. Направленіе же есть нѣчто неуловимое, а потому положительно неподдающееся юридическому опредѣленію. Всѣ это слышали и даже сознаютъ, но доказательства этого въ нашей печати еще слабы. Постараемся облегчить разрѣшеніе этого запутаннаго вопроса.

«Человѣкъ этотъ имѣетъ вредное направленіе». Что же онъ сдѣлалъ? «Онъ ничего не сдѣлалъ». Ну, такъ сказалъ? «Нѣтъ, и не сказалъ». Такъ

что же? «Но онъ, очевидно, одобряетъ дурные поступки и враждебно относится къ благимъ дѣйствіямъ правительства». Вотъ въ сжатомъ видѣ, вопросъ «о направленіяхъ». Первый признакъ «направленія» заключается въ томъ, что обвинительная власть, преслѣдуя его, не можетъ указать ни на одинъ осязательный фактъ, въ родѣ дѣйствія или положительнаго сужденія. Затѣмъ «вредное направленіе» отличается отъ вреднаго поступка въ печати тѣмъ, что въ послѣднемъ случаѣ мы судимъ не только о посылкахъ автора, но и о выводахъ его на основаніи его же собственныхъ словъ. Напротивъ, при опредѣленіи «направленія» - посылки принадлежатъ автору, а выводы лицу, преслѣдующему это направленіе. Понятно, какъ широкъ такой пріемъ и какой просторъ даетъ онъ самымъ произвольнымъ комбинаціямъ. Кто можетъ сказать, какіе выводы слѣдуетъ сдѣлать изъ тѣхъ или другихъ посылокъ, кромѣ самого автора? Итакъ, съ чисто-юридической и логической точки зрѣнія, опредѣленіе и преслѣдованіе «направленія» невозможно.

Но защитники теоріи «вредныхъ направленій» и не нуждаются въ юридическихъ основаніяхъ. Съ своей точки зрѣнія, они совершенно правы. Юридическія основанія нужны для опредѣленія тѣхъ проступковъ печати, которые могутъ подлежать *судебному* преслѣдованію. Напротивъ, «направленіе» преслѣдуется не судебнымъ порядкомъ. Слѣдовательно, теорія вредныхъ направленій должна быть построена не на юридическихъ, а на административно-политическихъ соображеніяхъ. Такое-то направленіе *признано* вреднымъ, ergo—оно должно быть преслѣдуемо и пресѣчено административнымъ порядкомъ.

Еслибъ печать была совершенно изъята отъ вѣдѣнія судебной власти, тогда этой простой и удобоприемлемой теоріи было бы совершенно достаточно; но, конечно, тогда не могло бы быть и рѣчи о свободѣ печати. Въ настоящее же время идетъ рѣчь объ опредѣленіи положенія печати законодательнымъ порядкомъ, а всякій законъ долженъ быть *юридическою* нормой, слѣдовательно, имѣть юридическое основаніе и форму. Для законодательства вопросъ о направленіи представляетъ непреодолимыя трудности. Когда законъ имѣетъ въ виду опредѣлить дѣятельность судьи, онъ поступаетъ очень просто: сначала онъ опредѣляетъ, какія дѣянія считаются преступными, затѣмъ указываетъ, на основаніи какихъ признаковъ можно опредѣлить, есть ли преступность въ каждомъ отдѣльномъ дѣяніи, и, наконецъ, указываетъ мѣру наказанія. Суду, имѣющему дѣло съ частнымъ случаемъ, остается рѣшить, подходитъ ли данное дѣяніе подъ понятіе извѣстнаго преступленія, и, затѣмъ, примѣнить указанное закономъ наказаніе. Но такая дѣятельность закона и суда возможна только въ отношеніи къ *дѣяніямъ*, представляющимъ извѣстные осязательные признаки. По отношенію къ «направленіямъ» она невозможна.

Когда законъ принужденъ допустить преслѣдованіе направленій, ему

приходится коренным образомъ измѣнить свой юридическій характеръ. Онъ не можетъ выяснить и опредѣлить ни понятія, ни состава преступленій этого рода, ни опредѣлить съ точностью мѣры наказанія. Всѣ эти существенныя опредѣленія должны быть предоставлены на усмотрѣніе администраціи. Поэтому, административная власть сразу получаетъ бо́льшее право, чѣмъ судебная. Судъ ограничивается констатированіемъ факта, что извѣстное дѣяніе есть преступленіе, общее понятіе и составъ котораго опредѣленъ закономъ. Администрація, преслѣдующая направленіе, должна сдѣлать больше: ей предстоитъ доказать, что такое-то направленіе вредно, что журналъ систематически держится его и что въ такихъ-то статьяхъ это направленіе обнаруживается положительно. Слѣдовательно, всѣ функціи, раздѣленныя между законодательною и судебною властями, когда рѣчь идетъ о преступленіяхъ (опредѣленіе преступленія и его составъ съ одной, и подведеніе даннаго случая подъ опредѣленіе закона, съ другой стороны) соединяются въ представителяхъ администраціи, когда рѣчь идетъ о направленіи, которое, во всякомъ случаѣ, менѣе опасно, чѣмъ преступленіе.

«Но, — возразятъ намъ, — законъ можетъ же опредѣлить, какія направленія вредны, и такимъ образомъ дать юридическое основаніе дѣятельности администраціи?» Нѣтъ, мы не желали бы быть на мѣстѣ законодателя, которому было бы дано такое трудное порученіе. Конечно, еслибъ онъ могъ соображаться только съ воззрѣніями, господствующими въ данную минуту на разныя направленія, то легко вышелъ бы изъ затрудненія. Но мы замѣтили уже, что законодатель долженъ стоять выше «дня и его злобы», выше интересовъ минуты. Онъ долженъ возвести отдѣльные факты къ общимъ началамъ. Вредъ или польза извѣстнаго направленія опредѣляется не приговоромъ минуты, а ходомъ исторіи, подобно тому, какъ законы человѣческаго развитія лучше всего познаются изъ той же исторіи. Предположимъ, что законодатель, отрѣшась отъ мимолетныхъ увлеченій, развертываетъ исторію Россіи хотя бы за послѣднее десятилѣтіе, и отыскиваетъ, какія въ ней были «вредныя направленія».

Вотъ что скажетъ ему исторія: недавно еще самыми вредными направленіями въ нашей печати считались сепаратизмъ и нигилизмъ. Противники того и другого въ то время разсуждали слѣдующимъ образомъ: «Сепаратистъ — республиканецъ. Онъ не хочетъ монархическаго единства, а желаетъ федеративной республики. Къ тому же, онъ сочувствуетъ революціоннымъ замысламъ въ Польшѣ и Литвѣ, и пр.» Еще сильнѣе говорили противъ нигилизма: «Нигилистъ отвергаетъ всѣ основы существующаго порядка: семью, собственность, религію. Онъ говоритъ о возстаніи дѣтей противъ родителей, неимущихъ противъ имущихъ, подчиненныхъ противъ начальствующихъ, человѣка противъ Бога, а тѣмъ болѣе противъ власти. Допу-

стить такое направленіе значитъ отдать общество на жертву шайкѣ злонамѣренныхъ людей».

Проходитъ нѣсколько времени — и слышатся уже совершенно другіе голоса. По мнѣнію нѣкоторыхъ (чтобъ не сказать многихъ), сепаратизмъ и нигилизмъ не только не опасныя, но даже благонамѣренныя направленія, и вотъ какіе аргументы приводятся въ защиту того и другого: «Сепаратистъ прежде всего поборникъ историческаго права. Онъ не хочетъ подчиненія всѣхъ мѣстностей одному общему и равному для всѣхъ праву, потому что видитъ въ этомъ революціонную мѣру; онъ желаетъ сохраненія привилегій, скрѣпляющихъ избранные классы общества съ центральною властію. Онъ сочувствуетъ польской и нѣмецкой аристократіи, и потому тѣсно связанъ съ интересами крупнаго землевладѣнія. Крупное же землевладѣніе есть надежнѣйшая опора власти. Слѣдовательно, сепаратистъ есть первый другъ сильнаго правительства». Что касается нигилизма, то польза его очевидна. Нигилизмъ даетъ умамъ отвлеченное направленіе, пріучаетъ ихъ къ мирной разработкѣ теоретическихъ вопросовъ и такимъ образомъ отвлекаетъ ихъ отъ жгучихъ интересовъ практической дѣйствительности, въ которую нигилисты не хотятъ вмѣшиваться, равнодушно предоставляя ее другимъ. Пока нигилисты спорятъ о происхожденіи человѣка, эмансипаціи женщинъ, новыхъ основаніяхъ брачнаго союза, администрація можетъ спокойно дѣлать свое дѣло. Этого мало. Нигилизмъ осмѣиваетъ національную политику, патріотическое чувство; слѣдовательно, съ одной стороны, содѣйствуетъ сепаратизму, а съ другой — противодѣйствуетъ революціоннымъ стремленіямъ поборниковъ общаго права, то-есть, вмѣстѣ съ сепаратистами, служитъ интересамъ правительства.

Итакъ, два «чудовища» прежняго времени оказались надежными, благонамѣренными союзниками порядка. Если теперь нигилисты и сепаратисты и считаютъ себя неблагонамѣренными, то это по недоразумѣнію. По мнѣнію же нѣкоторыхъ компетентныхъ лицъ, всѣ они въ свое время окажутся благонадежными чиновниками. Зато, вмѣсто этихъ пугалъ, выступилъ на арену новый Пифонъ, извѣстный подъ именемъ старой русской или московитской партіи. Г-ну Шедо-Ферроти принадлежитъ честь перваго открытія этого явленія. Онъ тогда же указалъ на несомнѣнное родство этихъ мужей съ г. Герценомъ и сумасбродными авторами «Молодой Россіи». Теорія г. Шедо-Ферроти имѣла громадный успѣхъ; теперь она господствуетъ въ нѣкоторыхъ сферахъ. Вотъ въ чемъ она состоитъ. Старая русская партія есть не что иное, какъ замаскированная революція. Она не выноситъ никакихъ мѣстныхъ особенностей, никакихъ историческихъ привилегій. Всѣ вѣками созданныя права должны пасть подъ ея ударами. Оппозиція ея не имѣетъ мирно-отвлеченнаго характера прежняго времени; она устремляетъ свои пытливые взоры на каждый практическій вопросъ, возникающій въ управленіи. Уставная гра-

мата, разверстаніе угодій, состояніе народныхъ школъ, дѣятельность суда, взаимное отношеніе классовъ населенія, исполненіе повелѣній высшей власти — вотъ что ее занимаетъ. Стремясь распространить всюду господство общаго государственнаго права Россіи и русскаго языка, она хочетъ самыя власти сдѣлать орудіемъ этихъ преступныхъ замысловъ. Если власти не соглашаются дѣйствовать съ нею заодно, она начинаетъ противъ нихъ опасную агитацію, разъединяетъ начальниковъ и подчиненныхъ, пріучая послѣднихъ критически относиться къ распоряженіямъ первыхъ, смотрѣть, на сколько предписанія непосредственнаго начальства согласуются съ установленными законами. Такимъ образомъ, зловредное направленіе старой русской партіи сообщается даже нѣкоторымъ органамъ администраціи и препятствуетъ правильному теченію дѣлъ...

Положеніе законодателя становится затруднительнымъ. Онъ готовъ, можетъ быть, отбросить, для скорости, сепаратизмъ и нигилизмъ и ограничиться «старою русскою партіей» для своихъ практическихъ цѣлей, но не можетъ не остановиться предъ слѣдующимъ вопросомъ: какъ формулировать направленіе этой партіи, воспрещая его? Сепаратизмъ и нигилизмъ выставляютъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя начала, которыя не ладили съ извѣстнымъ міросозерцаніемъ, а потому могли быть признаны за *вредныя*. Но «старая русская партія» поразительна именно тѣмъ, что всѣ начала совпадаютъ съ принципами, освященными нашимъ законодательствомъ. Если законодатель обратитъ вниманіе на возраженія противниковъ этой партіи, онъ начнетъ думать, что имѣетъ дѣло съ весьма «отсталыми» людьми. За ними усвоено названіе «благонамѣренныхъ» по преимуществу; о нихъ говорятъ, что они правительственнѣе самого правительства; но, люди, нестѣсняющіеся въ выраженіяхъ, величаютъ ихъ доносчиками, шпіонами, гасильниками просвѣщенія, и намекаютъ на денежную помощь, оказываемую имъ отъ правительства. Законодатель спрашиваетъ себя, противъ какихъ же началъ, признанныхъ «сводомъ», грѣшитъ наша опасная партія... и не находитъ удовлетворительнаго отвѣта.

Что же ему дѣлать? Да, положеніе его безвыходно. Законодательство не можетъ ни осудить, ни одобрить никакихъ направленій, именно потому, что оно не въ состояніи ихъ опредѣлить, подвести подъ общія понятія и категоріи. Слѣдовательно, если положеніе нашей печати на будущее время должно быть опредѣлено *закономъ*, подобно собственности, хозяйственной и промышленной дѣятельности гражданъ,— вопросъ о направленіяхъ долженъ быть оставленъ въ сторонѣ. Между свободою направленій съ одной и административнымъ усмотрѣніемъ съ другой стороны — нѣтъ средины. Если законъ не можетъ съ точностью опредѣлить, какія направленія вредны, и указать твердыхъ основаній для судебнаго ихъ преслѣдованія, ему предстоитъ одно изъ двухъ: или вовсе исключить вопросъ о направленіяхъ изъ

законодательства о печати, или предоставить опредѣленіе направленій и самое ихъ преслѣдованіе усмотрѣнію администраціи.

Мы не принадлежимъ къ числу абсолютныхъ противниковъ административнаго усмотрѣнія. Повторять обвиненія противъ «произвола администраціи» очень легко, но это не значитъ разрѣшить вопросъ. Есть много вопросовъ чисто практическихъ, гдѣ администрацію нельзя связывать положительными предписаніями закона, по той простой причинѣ, что законъ не можетъ предвидѣть всѣхъ сложныхъ комбинацій и задачъ практической жизни. Но мы должны заранѣе согласиться, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ допущено административное усмотрѣніе, нѣтъ уже рѣчи о строго законной, юридической почвѣ. Почва, на которой дѣйствуетъ административное усмотрѣніе, совершенно другая.

Въ сферѣ управленія есть вопросы, къ которымъ административное усмотрѣніе можетъ быть примѣнено съ большимъ удобствомъ и безъ опасности для спокойствія и благосостоянія гражданъ. Всякое законодательство, въ томъ числѣ и наше, предоставляетъ исполнительной власти право принимать въ исключительныхъ случаяхъ чрезвычайныя мѣры. Даже пробѣлы въ законодательствѣ могутъ быть до нѣкоторой степени восполняемы административными распоряженіями. Такія права доказываютъ, повидимому, возможность въ нѣкоторыхъ сферахъ управленія обходиться безъ содѣйствія строгихъ законныхъ опредѣленій. Мнѣнія такого рода проникли и въ важный вопросъ о печати, подъ вліяніемъ примѣра Наполеона III и его системы предостереженій. Это мнѣніе, намъ кажется, должно быть устранено изъ законодательства о печати. Свобода, предоставляемая въ нѣкоторыхъ случаяхъ административному усмотрѣнію, не есть произволъ и не должна вести къ произволу. Предполагается, что административная власть въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣняетъ собою власть законодательную; но она должна дѣйствовать такъ, какъ бы въ данномъ случаѣ дѣйствовала высшая законодательная власть, т. е. примѣняясь къ общимъ началамъ права данной страны. Предполагается далѣе, что административная власть дѣйствуетъ сама собою въ данномъ случаѣ не потому, чтобъ этотъ случай не могъ быть вообще разрѣшенъ законодательствомъ, а потому, что настоятельная потребность не дозволяетъ дожидаться разрѣшенія вопроса въ законодательномъ порядкѣ. Подходитъ ли вопросъ «о направленіяхъ» подъ одинъ изъ такихъ случаевъ? Безъ всякаго затрудненія можно отвѣтить, что нѣтъ. Законодательство, передавая вопросъ о направленіяхъ административному усмотрѣнію, какъ бы сознаетъ, что онъ вообще *не можетъ быть разрѣшенъ законодательнымъ порядкомъ*, не поддается точному опредѣленію. Законодательство какъ бы объявляетъ себя несостоятельнымъ и надѣется, что административная власть разрѣшитъ то, чего не могутъ сдѣлать лучшіе юристы, входящіе въ составъ законодательнаго учрежденія. Въ такомъ случаѣ «усмотрѣніе» перестаетъ

быть исключеніемъ, а возводится на степень общаго правила — печать лишается защиты закона.

Этого мало. Право «усмотрѣнія» вообще, предоставляемое администраціи, стоитъ на юридической почвѣ и не вырождается въ произволъ потому только, что административная власть пользуется этимъ правомъ подъ строгою отвѣтственностью, которая и заставляетъ ее держаться общихъ началъ законодательства. Можно ли примѣнить эту гарантію законности къ вопросу о направленіяхъ? Полагаемъ, что нѣтъ, потому что «направленія» не могутъ быть подведены ни подъ какія законодательныя начала. Опредѣленіе вреда направленія, по существу своему, предполагаетъ, какъ мы доказали, произволъ, слѣдовательно, исключаетъ всякую отвѣтственность.

Такимъ образомъ, мы совершенно покидаемъ юридическую почву. Мы имѣемъ дѣло не съ законодательствомъ и основаннымъ на немъ юридическимъ бытомъ, а съ дѣйствіями, которыя несвязаны никакими опредѣленіями закона. Конечно, законодательства разныхъ странъ и народовъ знаютъ и случаи исключительнаго управленія: оно учреждается, какъ учитъ государственное право, въ чрезвычайныхъ случаяхъ такъ-называемой государственной необходимости. Страна, переживающая государственный переворотъ или только-что вышедшая изъ тревожнаго состоянія, пользуется этимъ, во всякомъ случаѣ печальнымъ, средствомъ. Находится ли современная печать въ такомъ положеніи?

Предположимъ, однако, что чрезвычайное положеніе печати, основанное на преслѣдованіи «направленій», возможно и необходимо въ данную минуту въ виду какихъ-нибудь высшихъ цѣлей. Достигается ли этимъ то, что предположено?

Опытъ прошедшаго и настоящаго времени отрицаетъ возможность такого результата. Когда развились и проповѣдовались въ нашемъ обществѣ теоріи, признанныя потомъ вредными, какъ не подъ господствомъ предварительной цензуры, имѣвшей полную возможность прекратить разомъ всякое направленіе? Предварительная цензура положительно ставитъ въ привилегированное положеніе каждаго, кто не захочетъ вносить залога и высказывать прямо свои убѣжденія, отдѣлываясь отдаленными намеками. Предварительная цензура страшна для того, кто говоритъ прямо, что думаетъ, и все что думаетъ, т. е. оканчиваетъ каждую статью положительнымъ выводомъ. Но «вредное направленіе» проводится не одними положительными средствами — для такого пріема нужно только нѣкоторое умѣнье формулировать свои идеи. Предположите, что человѣкъ имѣетъ направленіе, признанное вреднымъ, что онъ хочетъ даже этимъ порисоваться, но, въ то же время, онъ до смерти боится полиціи и, сверхъ того, не хочетъ высказывать своихъ убѣжденій. Онъ говоритъ намеками, которые имѣютъ всю прелесть недосказанности, указываютъ на туманные, но восхитительные выводы и въ то же время на

нѣкоторый мученическій вѣнецъ. Какъ вы думаете, который изъ двухъ пріемовъ опаснѣе для порядка?

«Но, — скажутъ намъ, — преслѣдованіе вредныхъ направленій не есть предварительная цензура». Совершенно вѣрно. Однако, если даже предварительная цензура ничего не можетъ сдѣлать противъ направленій, что же можетъ сдѣлать обвинительно-карательная? Она можетъ поразить честнаго дѣятеля, говорящаго откровенно на весь бѣлый свѣтъ, предъ лицомъ правительства и народа; а ловкаго промышленника, ограничивающагося простымъ опроверженіемъ доводовъ своихъ противниковъ и невысказывающаго никакихъ своихъ убѣжденій, она не поймаетъ.

Не достигая своего назначенія, преслѣдованіе направленій можетъ вредить правильному развитію печати и общественнаго мнѣнія. Какъ только начинается такое преслѣдованіе, тотчасъ всѣ мнѣнія, господствующія въ литературѣ, раздѣляются на двѣ категоріи: преслѣдуемыхъ и непреслѣдуемыхъ. Непреслѣдуемыя немедленно возводятся преслѣдуемыми на степень *покровительствуемыхъ*. И тогда вотъ что происходитъ: если «покровительствуемые» высказываютъ свое убѣжденіе, самое искреннее, «враги» тотчасъ говорятъ, что они поддѣлываются, угодничаютъ, и кредитъ этого мнѣнія подорванъ въ массѣ. Если они захотятъ опровергнуть неправильное мнѣніе «вредныхъ», вредные обзываютъ ихъ доносчиками, шпіонами — и сраженіе почти выиграно. Если они найдутъ, что «враги» ограничиваются одними отрицательными пріемами и не выражаютъ никакихъ категорическихъ сужденій, — они сейчасъ говорятъ, что многое бы сказали, да не смѣютъ; масса же думаетъ, что подъ этими намеками скрываются Богъ вѣсть какія глубокомысленныя теоріи, тогда какъ на самомъ дѣлѣ «намеки» нерѣдко прикрываютъ нравственное и умственное убожество «вредныхъ».

Такимъ образомъ, вмѣсто преслѣдованія выходитъ привилегія, и привилегія огромная, благодаря которой общество живетъ въ чаду намековъ и увлекается приманкою теорій, закутанныхъ въ тройное покрывало. Не лучше ли же дать просторъ всѣмъ мнѣніямъ? Не лучше ли дать возможность сказать каждому: довольно пустыхъ фразъ, давайте сюда ваши теоріи, если онѣ у васъ есть; тогда и будемъ спорить... Сколько словъ и обаятельныхъ именъ превратилось бы въ пустой звукъ при такомъ порядкѣ!

Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ наша заграничная литература, которая была, къ счастью для насъ, свободна. Заграницею писали наши недовольные, слѣдовательно, «отрицаніе всего» было ихъ прямымъ назначеніемъ. Они отрицали страшно, безпощадно и имѣли громадный успѣхъ, пока не потребовалось положительныхъ теорій и сужденій для массы предпринятыхъ преобразованій. Но первая же крупная реформа — крестьянская, умалила ихъ значеніе, была ихъ первымъ «сорвалось». Срываніе пошло дальше и дальше. Общество требовало положительныхъ идеаловъ, а они отвѣчали золотыми

граматами... Общество отъ нихъ отвернулось. Теперь они изрѣдка напоминаютъ о своемъ существованіи какими-то глупыми прокламаціями. Вотъ до чего дошло умственное банкротство этой нѣкогда сильной партіи!

Такимъ образомъ, намъ кажется, прежде всего слѣдовало бы уничтожить тѣ препятствія, которыя затрудняли свободную борьбу мнѣній и ставили всѣ литературныя партіи въ фальшивое положеніе; слѣдовало бы уничтожить совершенно предварительную цензуру для журналовъ, потому что это есть средство создавать себѣ привилегированное положеніе и прятаться отъ свободной полемики. Вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимо было бы изгнать вопросъ о направленіяхъ изъ новаго законодательства, чтобъ всѣ партіи могли вести истинно-литературную борьбу подъ защитою и бдительнымъ надзоромъ закона и суда и не имѣли возможности прибѣгать къ такимъ аргументамъ, какъ «доносъ, инсинуація» и тому подобнымъ гнуснымъ средства, позорящія всякую журналистику и прикрывающія умственное ничтожество и малодушіе.

ПРОЕКТЪ ГУБЕРНСКОЙ РЕФОРМЫ *).

I.

Въ 1862 году, указомъ 25-го декабря, преобразована организація нашей полиціи, уѣздной и городской. Затѣмъ, послѣ нѣкоторыхъ частныхъ измѣненій въ кругѣ губернскихъ учрежденій, въ 1865 году послѣдовала довольно радикальная реформа губернскихъ правленій. Но объ эти реформы самимъ законодательствомъ считались мѣрами временными, за которыми должно было послѣдовать коренное измѣненіе всѣхъ учрежденій вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ настоящее время доходятъ до слуха публики нѣкоторыя свѣдѣнія о проектѣ, имѣющемъ въ виду означенную цѣль. Главнымъ образомъ, этотъ проектъ стремится къ преобразованію губернаторской должности. Но значеніе губернатора въ мѣстной администраціи таково, что всякое существенное измѣненіе въ этой должности неизбѣжно должно отразиться на положеніи всѣхъ другихъ установленій. Къ такимъ результатамъ, повидимому, и ведетъ новый проектъ. Предполагаемое имъ видоизмѣненіе губернаторской должности клонится къ совершенному уничтоженію однихъ установленій (губернскаго правленія) и преобразованію другихъ (всѣхъ административныхъ мѣстъ, въ особенности полицейскихъ учрежденій). Кромѣ губернскихъ правленій, ближайшее отношеніе имѣетъ проектъ къ устройству полиціи, такъ что мы можемъ раздѣлить его содержаніе на двѣ существенныя части: первая часть относится къ должности губернатора и другихъ губернскихъ установленій; вторая къ устройству полиціи. Сначала поговоримъ о первой части проекта.

Содержаніе этой части можно выразить въ двухъ словахъ: *проектъ хочетъ усилить власть губернаторовъ*. Въ этомъ состоитъ сущность всѣхъ предполагаемыхъ перемѣнъ и общая мысль всего проекта. Съ этой точки зрѣнія мы его и разсмотримъ.

---

*) Изъ „Голоса“.

Но прежде чѣмъ мы будемъ разсматривать *измѣненія*, взглянемъ на то, что *существуетъ*. Если сущность реформы заключается въ *усиленіи* власти губернатора, то сущность современнаго порядка заключается, вѣроятно, въ *слабости* этой должности или недостаточной ея силѣ. Такъ ли это? Пусть отвѣчаетъ самъ законъ, занесенный во II т. свода изд. 1857 года и не только не отмѣненный, но еще дополненный послѣдовавшими узаконеніями.

Ст. 357-я II т. св. зак. слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ должность губернатора: Губернаторъ есть первый въ губерніи блюститель верховныхъ правъ самодержавія, пользъ государства и повсемѣстнаго, точнаго исполненія законовъ, уставовъ, высочайшихъ повелѣній и т. д. Губернаторъ обязанъ дѣйствіемъ данной ему власти охранять повсюду общественное спокойствіе, безопасность всѣхъ и каждаго и соблюденіе установленныхъ правилъ, порядка и благочинія. Наконецъ, губернаторъ печется о предохраненіи жителей ввѣренной ему губерніи отъ какихъ-нибудь дѣйствій, принимаетъ различныя мѣры для обезпеченія общаго благосостоянія губерніи и т. д.

Изъ этого видно, что законъ различаетъ въ губернаторской должности три рода функцій: 1) представителя высшей власти; 2) органа главнаго мѣстнаго надзора, и 3) администратора, завѣдывавшаго непосредственно разными отраслями мѣстнаго управленія.

Кругъ вѣдомства обширный, можетъ быть, слишкомъ обширный; ему соотвѣтствовала немалая степень власти.

Какъ первый исполнитель законовъ и правительственныхъ распоряженій, онъ стоялъ выше всѣхъ другихъ губернскихъ властей (ст. 360 — 363 и 689 ст. II т.).

Какъ власть, надзирающая за исполненіемъ законовъ и охраненіемъ интересовъ государства, губернаторъ вліяетъ на всѣ части управленія. Его надзору подчинены были всѣ, безъ изъятія, правительственныя мѣста и лица (въ прежнее время подчинены были и суды). Право надзора проявлялось въ различныхъ формахъ. Начиная съ наблюденія за сохранностью суммъ и цѣлостью зданій, и кончая дѣлопроизводствомъ, порядкомъ отправленія служебныхъ обязанностей — все подлежало его контролю (ст. 364-я, 365-я, 366-я, и 667-я — 674-я). Одинъ изъ важнѣйшихъ способовъ этого надзора — «ревизія» или «обозрѣніе губерній» имѣлъ весьма важное значеніе. На основаніи 938-й ст. II т., «внезапнымъ и частнымъ ревизіямъ губернатора подлежали *всѣ, безъ изъятія*, губернскія и уѣздныя присутственныя мѣста. Надзоръ состоялъ не въ простомъ наблюденіи за порядкомъ и въ правѣ донесенія въ случаѣ безпорядковъ, но въ правѣ принимать положительныя мѣры для прекращенія неправильныхъ дѣйствій, взысканія съ виновныхъ и надлежащаго направленія дѣла» (364-я ст.). Независимо отъ этого, губернатору предоставлялось право принимать непосредственное участіе въ актахъ различныхъ присутственныхъ мѣстъ, когда они (акты) по своей важности, тре-

бовали усиленнаго правительственнаго надзора. Такъ, онъ присутствуетъ въ казенной палатѣ при производствѣ торговъ и подрядовъ для вѣдомствъ, неподчиненныхъ министерству финансовъ (ст. 1,020-я II т. по прод. 1868 года), въ палатѣ государственныхъ имуществъ при подобныхъ же случаяхъ (прилож. къ ст. 1,213-й, п. 7-й), распоряжается взысканіемъ недоимокъ и пріемомъ рекрутъ и т. д. Вотъ что говоритъ законъ о власти губернатора по отношенію къ дѣламъ казеннаго управленія: «Губернаторы, по обязанности охранять исполненіе законовъ и пользы казны, имѣютъ наблюденіе за дѣйствіями и состояніемъ *всѣхъ* управленій по дѣламъ казеннымъ во ввѣренной имъ губерніи» (ст. 549-я).

Эти права губернатора не только не ослабѣли, но усилились вслѣдствіе узаконеній 1866 года. До 1866 года существовало нѣкоторое сомнѣніе относительно правъ губернаторскаго надзора въ такихъ административныхъ мѣстахъ, которыя не входили въ кругъ губернскихъ установленій и подчинялись непосредственно своему спеціальному начальству (напримѣръ, акцизныя управленія). Въ 1866 году 357-я ст. дополнена въ томъ смыслѣ, что губернатору, какъ представителю высшей правительственной власти въ губерніи, предоставлено право производить общую и внезапную ревизію во всѣхъ упомянутыхъ установленіяхъ. Даже *контрольныя палаты* не исключены изъ этого общаго правила (ст. 13-я учреж. контр. пал. примѣч.). Далѣе, въ томъ же году губернаторамъ предоставлено право заявлять свое несогласіе при опредѣленіи административными губернскими мѣстами разныхъ чиновниковъ, буде онъ, губернаторъ, признаетъ этихъ чиновниковъ неблагонадежными (доп. къ ст. 377-й II т. по прод. 1868 года). Ему же предоставленъ ближайшій надзоръ за преуспѣяніемъ мѣстныхъ женскихъ учебныхъ заведеній вѣдомства императрицы Маріи (прим. 2-е къ 357-й ст. II т. тамъ же). Кромѣ правительственныхъ учрежденій, губернаторскому надзору подчиняются и общественныя. Съ его разрѣшенія и по его приказанію собираются и распускаются сословныя и земскія собранія. Онъ утверждаетъ большинство выборныхъ должностныхъ лицъ; его присмотру и утвержденію подлежатъ важнѣйшіе акты этихъ собраній... Много можно бы привести доказательствъ обширныхъ правъ губернатора въ этомъ отношеніи; но и изъ приведеннаго можно видѣть, какими правами пользовался губернаторъ въ дѣлѣ надзора.

Наконецъ, законъ ввѣрялъ непосредственной административной дѣятельности губернатора множество отраслей мѣстнаго управленія. Общественное призрѣніе и народное продовольствіе, строительная и дорожная часть, народное здравіе и статистика — таковы крупнѣйшія изъ этихъ отраслей, кромѣ множества другихъ. Достаточно сказать, что губернаторъ по 352-й ст. св. зак. (изд. 1857 года) предсѣдательствовалъ въ пятнадцати различныхъ комитетахъ, къ которымъ, послѣ 1861 года прибавилось еще губернское по

крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, въ первое время крестьянской реформы требовавшее всего времени губернатора.

Такова была и отчасти есть эта должность, проникавшая всюду, вмѣшивавшаяся во все, начиная съ отправленія правосудія и кончая постройкою мостовъ и опекунскими дѣлами. Не отсутствіемъ, а избыткомъ власти страдала губернаторская должность; губернаторъ, по закону, долженъ былъ столько видѣть, столько предусмотрѣть, направить, отвратить, указать, поставить на видъ, разрѣшить и запретить, что добросовѣстное отправленіе имъ своихъ обязанностей съ каждымъ годомъ становилось затруднительнѣе. Оно было бы вовсе невозможно, еслибъ самъ законъ не положилъ предѣловъ губернаторской дѣятельности.

Составители «общаго наказа губернаторамъ» (1837), очевидно, понимали, что взвалить все управленіе губерніею на одно лицо невозможно. Это противорѣчило бы общей идеѣ «учрежденія о губерніяхъ», въ силу котораго губернское управленіе раздѣлялось между самостоятельными коллегіями, противорѣчило бы, наконецъ, физическому закону. Поэтому, въ «наказѣ губернаторамъ» (вошедшемъ во II томъ св. законовъ) мы встрѣчаемъ весьма свѣтлую и плодотворную идею: устранить губернатора, сколь возможно, отъ непосредственной администраціи, отъ *личной* дѣятельности. Стоитъ прочесть 359-ю ст. II т., чтобъ убѣдиться въ этомъ. На основаніи этой статьи, губернаторъ, при исполненіи своихъ обязанностей, долженъ: a) въ точности сообразоваться съ порядкомъ, для каждаго рода дѣлъ установленнымъ; b) дѣйствовать не прямо отъ своего лица, но или чрезъ губернскія правленія, или чрезъ состоящіе подъ его предсѣдательствомъ комиссіи и комитеты. Прямыми предписаніями отъ своего лица онъ могъ дѣйствовать по дѣламъ казеннаго и судебнаго управленія, а равно и по вѣдомству другихъ учрежденій, невходящихъ въ кругъ губернскихъ; но случаи участія губернатора въ такихъ дѣлахъ были опредѣлены закономъ, а по всѣмъ остальнымъ дѣламъ онъ относился къ означеннымъ учрежденіямъ только какъ надзирающая власть. Наконецъ, лично же дѣйствовали губернаторы въ чрезвычайныхъ дѣлахъ — въ дѣлахъ, подлежащихъ особенной тайнѣ или предоставленныхъ ихъ *исключительному* вѣдѣнію.

Такимъ образомъ, законъ старался избѣгать личнаго губернаторскаго управленія даже по такимъ дѣламъ, которыя входили въ сферу административной дѣятельности губернатора. Онъ долженъ былъ дѣйствовать чрезъ колегіальныя установленія, т. е. какъ предсѣдатель разныхъ комиссій и комитетовъ. Не говоримъ уже о такихъ, болѣе или менѣе самостоятельныхъ колегіяхъ, какъ палата государственныхъ имуществъ и казенная: онѣ управляли своими частями независимо, подъ главнымъ надзоромъ губернатора и подъ условіемъ участія его въ постановленіяхъ общаго присутствія этихъ учрежденій въ нѣкоторыхъ случаяхъ, а равно и утвержденія имъ нѣкото-

рыхъ, особенно важныхъ постановленій. Личная дѣятельность губернатора, по закону, *была исключеніемъ*.

Но и при такихъ условіяхъ губернаторы были слишкомъ обременены дѣлами, а съ другой стороны ихъ вмѣшательство не благопріятствовало отправленію правосудія и администраціи мѣстныхъ хозяйственныхъ нуждъ. Судебная реформа и введеніе земскихъ учрежденій значительно видоизмѣнили губернаторскую должность, или, лучше сказать, не столько видоизмѣнили, сколько свели ее на настоящую почву. Судебная реформа способствовала окончательному отдѣленію суда отъ администраціи; земскія учрежденія сократили кругъ административной дѣятельности губернатора. Приказы общественнаго призрѣнія, дорожныя комиссіи, комиссіи народнаго продовольствія и многія другія комиссіи и комитеты, въ которыхъ предсѣдательствовалъ губернаторъ, закрыты, и дѣла ихъ переданы въ земскія учрежденія. По отношенію къ земскимъ учрежденіямъ губернаторъ дѣйствуетъ, какъ власть надзирающая, а не управляющая.

Словомъ, изъ двухъ функцій этой должности — надзора и управленія — послѣдняя, въ силу недавнихъ реформъ, сократилась, а первая расширилась и опредѣлилась точнѣе. Правительство, очевидно, находило, что дѣятельность губернатора должна удовлетворять *потребности главнаго мѣстнаго надзора*, на сколько это нужно для единства въ губернской администраціи и охраненія интересовъ общаго закона и государства. Никто не думалъ, что дѣйствовать такимъ образомъ значитъ ослабить власть губернатора. Власть эта не можетъ пострадать отъ того, что судъ будетъ независимъ въ своей сферѣ и каждое учрежденіе дѣйствовать самостоятельно въ предѣлахъ своего регламента.

Прошло нѣсколько времени; является проектъ, имѣющій цѣлью усилить власть губернатора. Чѣмъ вызвано такое стремленіе — сказать трудно. Въ чемъ должно состоять это усиленіе — опредѣлить еще труднѣе.

На сколько извѣстны по слухамъ основныя положенія проекта, можно замѣтить, что всѣ заключающіяся въ немъ соображенія сосредоточиваются вокругъ трехъ главныхъ пунктовъ: права личнаго участія въ мѣстной администраціи, права изданія распоряженій, имѣющихъ силу закона, и уничтоженія губернскихъ правленій съ замѣною ихъ губернскими совѣтами.

Губернаторъ, по мнѣнію составителей проекта, *есть главный начальникъ всей мѣстной администраціи*, вслѣдствіе чего ему принадлежитъ право *личнаго участія* въ дѣлахъ управленія, непосредственныхъ распоряженій по предметамъ и случаямъ, особую важность имѣющимъ, и надзоръ за дѣйствіями всѣхъ мѣстныхъ установленій гражданскаго вѣдомства, *кромѣ судебныхъ и контрольныхъ*.

Повидимому, здѣсь нѣтъ ничего новаго. Мы выше сказали, въ какихъ размѣрахъ принадлежитъ губернатору право надзора и въ настоящее время

Составители проекта даже отступаютъ отъ прежнихъ узаконеній, не распространяя губернаторскаго надзора на контрольныя палаты. Въ настоящее же время онѣ подлежатъ его ревизіи наравнѣ со всѣми другими учрежденіями. Затѣмъ и въ настоящее время губернатору принадлежитъ право непосредственныхъ распоряженій по дѣламъ особой важности. Отличительная же черта проекта заключается въ томъ, что губернатору присвоивается право *личнаго участія въ управленіи*.

Трудно сообразить, какой размѣръ и какой характеръ получитъ это личное участіе. До настоящаго времени законъ старался не отступать отъ того общаго начала, по которому губернаторъ не долженъ быть обремененъ подробностями мѣстной администраціи. Желая имѣть въ губернаторѣ *власть надзирающую*, законъ устранялъ его отъ мелочей личнаго управленія. Въ проектѣ новаго законодательства — эта нота замѣняется, повидимому, другою, совершенно противоположною: губернаторъ долженъ сдѣлаться *администраторомъ* въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Но какимъ же образомъ осуществить это личное участіе въ дѣлахъ? Долженъ ли будетъ губернаторъ предсѣдательствовать во всѣхъ административныхъ установленіяхъ, подобно тому, какъ онъ нѣкогда предсѣдательствовалъ въ приказѣ общественнаго призрѣнія, въ дорожной комиссіи и т. д.? Будутъ-ли всѣ дѣла вершиться не иначе, какъ съ губернаторскаго утвержденія, подобно такъ-называемымъ распорядительнымъ дѣламъ, производимымъ въ губернскомъ правленіи? Но что же сдѣлается тогда съ самостоятельностью разныхъ административныхъ мѣстъ, необходимою въ виду различія вѣдомствъ, къ которымъ они принадлежатъ?

Вотъ какъ, по слухамъ, объясняется это недоразумѣніе: «необходимо, сохранивъ за административными мѣстами ту долю самостоятельности, которая обусловливается подчиненіемъ ихъ различнымъ министерствамъ и самымъ существомъ завѣдываемыхъ ими частей, въ то же время настолько ввести ихъ въ составъ общаго губернскаго управленія и настолько подчинить власти губернатора, насколько этого требуетъ единство управленія»... Такая постановка вопроса очень опредѣлительна; но изъ нея можно видѣть всю трудность выполненія задачи. До настоящаго времени законъ думалъ о единствѣ администраціи въ губерніи и достигалъ ея отчасти правомъ общаго надзора, предоставленнымъ губернатору, отчасти участіемъ губернатора въ дѣлахъ особенной важности. Прежнія средства грѣшили въ томъ отношеніи, что губернаторскій надзоръ распространялся неравномѣрно на разныя установленія губернской администраціи. Казалось, дальнѣйшее движеніе законодательства въ этомъ отношеніи могло бы состоять въ равномѣрномъ подчиненіи этому надзору всѣхъ частей управленія. Проектъ прибѣгаетъ, напротивъ, къ расширенію личнаго участія, т. е. того, что было прежде исключеніемъ изъ общаго правила. Посмотримъ же, что предлагаетъ проектъ для достиженія этой цѣли.

Вопервыхъ, предполагается возвысить іерархическое положеніе губернаторской должности. Нынѣ губернаторы состоятъ въ IV, а управляющіе палатами въ V классѣ. Проектъ предлагаетъ возвысить должность губернатора до III класса, вице-губернатора до IV, оставивъ «управляющихъ» въ V классѣ. Слѣдовательно, послѣдніе, по своему іерархическому положенію, будутъ относиться къ губернатору, какъ нынѣшніе совѣтники губернскихъ правленій.

Но іерархическое положеніе еще ничего не значитъ само по себѣ. Дѣятельность «управляющихъ» должна быть руководима губернаторомъ. Съ этою цѣлью «губернатору предоставляется право пріостанавливать право приведенія въ исполненіе постановленій мѣстныхъ учрежденій и должностныхъ лицъ (кромѣ суда и контроля), донося о томъ высшему правительству». Право очень важное; но остается узнать, какъ губернаторъ осуществитъ его. Для того, чтобъ пріостановить распоряженіе, надо его знать. Стало быть, губернатору придется перечитывать журналы всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, подобно тому, какъ это дѣлали прежніе прокуроры. Стало быть, онъ будетъ завалепъ такою громадою письменныхъ работъ, которая не дастъ ему возможности заняться «администраціею» въ собственномъ смыслѣ, и дѣятельный надзоръ превратится въ формальный. А такой падзоръ нисколько не способствуетъ единству и быстротѣ администраціи. Изъ того, что журналъ казенной палаты пролежитъ нѣсколько времени у губернатора, не выйдетъ никакого усиленія его власти. Но, можетъ быть, законъ укажетъ, какія именно дѣла должны идти на губернаторскій просмотръ, съ тѣмъ, чтобъ губернаторъ могъ пріостанавливать неудобное постановленіе?

Дѣйствительно, проектъ перечисляетъ въ общихъ чертахъ дѣла, по которымъ губернаторъ принимаетъ личное участіе. Сюда принадлежатъ *всѣ* производства, сопряженныя съ казеннымъ интересомъ, а также опредѣленіе чиновниковъ на службу, наложеніе административныхъ взысканій, назначеніе слѣдствій о преступленіяхъ по должности и всѣ представленія о награжденіи служащихъ въ губерніи лицъ (кромѣ суда и контроля). Но всѣ означенныя права въ большей или меньшей степени принадлежатъ губернатору и теперь. Простое ихъ расширеніе не произведетъ никакой коренной реформы въ мѣстномъ управленіи. Можетъ быть, разница будетъ заключаться только въ томъ, что губернаторъ будетъ участвовать въ большемъ количествѣ дѣлъ казеннаго управленія — къ большему своему обремененію.

О послѣднемъ средствѣ, предлагаемомъ въ проектѣ — расширеніи правъ ревизіи, нельзя распространяться долго: права эти и теперь достаточно велики. Есть, правда, одно новое предположеніе о подчиненіи ближайшему надзору губернатора мѣстныхъ гимназій и училищъ. Мы не думаемъ, чтобъ этотъ надзоръ принесъ существенную пользу. Вопервыхъ, губернаторъ и въ настоящее время имѣетъ право дѣлать дирекціи замѣчанія о всѣхъ усмотрѣнныхъ имъ злоупотребленіяхъ, дурномъ направленіи учениковъ и т. д.,

и этихъ правъ совершенно достаточно для гарантіи правительственныхъ интересовъ. Болѣе сильное вмѣшательство администраціи въ педагогическіе вопросы, въ отправленіе учителями своихъ обязанностей и т. д., врядъ-ли приведетъ къ плодотворнымъ результатамъ. Дѣло воспитанія, преподаванія — дѣло, по существу своему, совершенно спеціальное, требующее особыхъ свѣдѣній, особой подготовки, которыхъ не дастъ никакая административная практика.

Такимъ образомъ, мѣры, предлагаемыя проектомъ для усиленія личнаго участія губернатора въ управленіи, повидимому, не увеличиваютъ значительно объема того «участія», которое предоставлено губернаторамъ въ настоящее время. Но онѣ обѣщаютъ внести крайнюю неопредѣленность въ запутанныя и безъ того уже отношенія губернатора къ мѣстнымъ учрежденіямъ и въ значительной степени ослабить благодѣтельные результаты современныхъ реформъ. Благодаря этимъ реформамъ, въ должности губернатора начиналъ преобладать элементъ *надзора*, съ которымъ совмѣщалась въ извѣстной степени самостоятельность мѣстныхъ правительственныхъ и общественныхъ установленій. Преобразованія, предлагаемыя проектомъ, могутъ замѣнить опредѣленный закономъ надзоръ неопредѣленностью *личнаго управленія*, а изъ этой неопредѣленности самъ собою возникнетъ произволъ, передъ которымъ исчезнетъ даже та доля самостоятельности мѣстныхъ учрежденій, «которая обусловливается подчиненіемъ ихъ различнымъ министерствамъ и самымъ существомъ завѣдываемыхъ ими частей».

Проектъ полагаетъ, что съ помощью такихъ мѣръ можно будетъ достигнуть единства въ мѣстной администраціи. Но «единство администраціи» — терминъ крайне неопредѣленный. Проектъ, очевидно, имѣетъ въ виду нѣкоторую разрозненность мѣстнаго управленія, происходящую отъ того, что каждое министерство имѣетъ въ губерніи свои органы, непосредственно ему подчиненные и дѣйствующіе по его указаніямъ. Но эта разрозненность сглаживалась правами общаго надзора, предоставленнаго губернаторамъ. Теперь проектъ желаетъ водворить окончательное единство въ управленіи, присовокупивъ къ правамъ надзора право личнаго управленія: мѣстныя установленія будутъ подчиняться *прежде* губернатору, а *потомъ* высшему правительству, исполнять сначала предписаніе начальника губерніи, а потомъ министра; словомъ, губернаторъ долженъ получить значеніе средней инстанціи между мѣстными властями и министерствомъ. Выйдетъ-ли изъ всего этого единство—трудно сказать. Если назовемъ единствомъ такой порядокъ, при которомъ всѣ учрежденія дѣлаютъ то, что предписываетъ губернаторъ, то да. Но если имѣть въ виду единство государственной администраціи, то нѣтъ. При полновластіи губернаторовъ, каждая губернія скоро сдѣлается замкнутымъ царствомъ, съ особымъ характеромъ администраціи, съ своими порядками. Общія распоряженія высшаго правительства будутъ исполняться раз-

лично, смотря по желанію начальниковъ губерніи. Ни одно министерство не будетъ увѣрено, что его предписаніе будетъ исполнено вездѣ въ одномъ и томъ же смыслѣ; воля начальника губерніи будетъ въ состояніи парализовать каждое распоряженіе отдѣльнаго министерства.

Проектъ предвидѣлъ это затрудненіе и стремится устранить его, подчинивъ губернатора всѣмъ министрамъ. Онъ говоритъ, что «губернаторы, состоя въ подчиненіи правительствующему сенату и *непосредственномъ вѣдѣніи министра внутреннихъ дѣлъ*, въ то же время зависятъ отъ каждаго министра въ предѣлахъ его вѣдомства». Еслибъ дѣйствительно губернаторы были поставлены въ зависимость отъ всѣхъ министровъ, трудно было бы найти губернатора, способнаго справиться съ такими разнообразными отношеніями. Но изъ словъ проекта видно, что губернаторъ будетъ находиться въ дѣйствительной зависимости только отъ министра внутреннихъ дѣлъ, который, такимъ образомъ, при помощи новой губернаторской должности, пріобрѣтетъ первенствующее вліяніе на ходъ мѣстнаго управленія. Губернаторъ, непосредственный органъ своего министра, будетъ поставленъ въ начальственное отношеніе къ органамъ другихъ министерствъ, и такимъ образомъ, управленіе наше, раздѣленное на вѣдомства въ высшихъ сферахъ, сольется въ одно цѣлое и зависящее отъ одного вѣдомства въ администраціи мѣстной... Нуждается или не нуждается Россія въ такомъ перевѣсѣ одного учрежденія передъ остальными—это другой вопросъ. Для насъ достаточно заявить, что именно къ этому результату можетъ привести предполагаемая реформа губернскаго управленія.

О другихъ предположеніяхъ проекта мы поговоримъ въ слѣдующей статьѣ.

II.

Въ числѣ губернскихъ установленій есть одно, котораго фактическое положеніе далеко не соотвѣтствуетъ тому, чѣмъ оно должно быть по закону. Это — губернское правленіе. Законъ стремится поставить его очень высоко. «Губернское правленіе—говоритъ ст. 714-я II т. св. зак.—есть высшее въ губерніи мѣсто, управляющее оною въ силу законовъ, именемъ императорскаго величества». Затѣмъ, «губернское правленіе ни отъ кого, кромѣ императорскаго величества и правительствующаго сената, указовъ и предписаній не получаетъ» (ст. 890-я). Наконецъ: «вошедшее въ законную силу постановленіе губернскаго правленія ни имъ самимъ, ни какимъ-нибудь мѣстомъ или лицомъ, кромѣ императорскаго величества и правительствующаго сената, измѣнено или отмѣнено быть не можетъ». Изъ этого видно, что законъ весьма серьезно смотрѣлъ на роль губернскаго правленія. Теперь возникаетъ вопросъ о необходимости его уничтоженія. Гдѣ же должно искать мотивовъ къ такой радикальной реформѣ? На сколько намъ извѣстно содержаніе новаго

проекта, онъ ищетъ ихъ въ *фактическомъ ничтожествѣ* этого высшаго губернскаго установленія. Коллегіяльное устройство губернскихъ правленій, по его мнѣнію, очевидно имѣло цѣлью обезпечить правильность административныхъ распоряженій зрѣлымъ ихъ обсужденіемъ. Но цѣль эта не была достигнута. Проектъ ищетъ причины этой неудачи въ самомъ ихъ учрежденіи. «Замѣчено, что на долю каждаго изъ членовъ губернскаго правленія падало столько труда, непосредственно къ нему относящагося, что они не могли основательно познакомиться съ дѣлами, поступающими въ общее присутствіе изъ другихъ отдѣленій, такъ что въ этомъ общемъ присутствіи дѣло рѣшалъ одинъ членъ, знавшій дѣло, или даже дѣлопроизводитель. На этомъ основаніи губернаторы относились къ опредѣленіямъ губернскихъ правленій съ нѣкоторою *рѣзкостью* и не стѣснялись давать имъ предложенія, часто *діаметрально противоположныя* тѣмъ заключеніямъ, которыя представлялись на ихъ утвержденіе. Результатомъ такого положенія дѣлъ было то, что колегіи губернскихъ правленій существовали только на бумагѣ и что, вслѣдствіе того, отношенія губернатора къ губернскому правленію почти не разнятся отъ его отношеній къ канцеляріи.

Всѣ эти факты совершенно вѣрны. Мы, меньше чѣмъ кто нибудь другой, намѣрены отвергать, что губернаторы относились къ опредѣленіямъ губернскихъ правленій съ «нѣкоторою рѣзкостью» и что губернскія правленія мало отличались отъ губернаторской канцеляріи. Замѣтимъ кстати, что эти факты лучше всего доказываютъ, что губернаторы и въ настоящее время пользуются достаточною дозою власти и что едва-ли есть основаніе стремиться къ ея усиленію. Но врядъ-ли можно согласиться съ выводомъ, который составители проекта дѣлаютъ изъ этихъ фактовъ. Сущность этихъ выводовъ можно выразить слѣдующимъ образомъ: такъ какъ губернскія правленія de facto имѣютъ весьма мало значенія предъ губернаторомъ, то лучше вовсе закрыть ихъ. Члены губернскаго правленія, обиженные губернаторскою рѣзкостью, могутъ еще разсуждать такимъ образомъ. Они съ полнымъ основаніемъ могутъ сказать: такъ какъ насъ не хотятъ слушать, то лучше вовсе и не спрашивать нашего мнѣнія. Но законодатель не можетъ разсуждать такимъ образомъ. Съ нашей точки зрѣнія выводить необходимость закрытія губернскихъ правленій изъ того, что они стушевались предъ губернаторскою властью, значитъ открыто освящать факты, хотя бы весьма печальные, значитъ говорить прямо: губернаторы дѣйствуютъ произвольно—узаконимъ этотъ произволъ! Если идти по этому опасному пути, то, можетъ быть, намъ скоро придется сказать: новые суды, земскія учрежденія, всѣ мѣстныя управленія стушевались предъ усиленною властью губернатора — значитъ они безполезны; закроемъ ихъ и поручимъ всѣ дѣла губернатору и его канцеляріи. Нѣчто подобное и существовало до знаменитаго «учрежденія о губерніяхъ» (1775 г.). Но вотъ какъ наша великая законодательница характеризовала

такое положеніе дѣлъ: «Губерніи недостаточно снабжены какъ правительствами, такъ и надобными для управленія людьми; въ одномъ и томъ же мѣстѣ, гдѣ вѣдомо правленіе губерніи, и казенные доходы и счеты, обще съ благочиніемъ и полиціею и, сверхъ того, еще уголовныя дѣла и гражданскіе суды... Происходящее отъ того неустройство весьма ощутительно; съ одной стороны медленность, упущеніе и волокита суть естественныя слѣдствія такого неудобнаго и недостаточнаго положенія, гдѣ дѣло одно другое останавливаетъ... съ другой стороны отъ медлительнаго производства возрастаютъ своевольство и ябеда обще съ другими пороками» (П. С. З. № 14,392).

Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ гарантія того, что губернаторъ лучше будетъ управлять губерніею безъ извѣстныхъ учрежденій? Составители проекта указываютъ на то, что члены губернскаго правленія, по множеству лежащихъ на нихъ занятій по своему отдѣленію, не могутъ быть хорошо знакомы съ дѣлами, поступающими въ общее присутствіе. Но губернаторъ обремененъ еще большимъ количествомъ дѣлъ, во всякомъ случаѣ большимъ, чѣмъ совѣтники губернскаго правленія. Если реформа, предлагаемая проектомъ, будетъ утверждена, то количество это возрастетъ до громадныхъ размѣровъ. Какимъ же образомъ губернаторъ будетъ съ ними знакомъ? Не попадетъ-ли онъ сразу въ руки дѣлопроизводителей?

Повторяемъ, изъ факта слабости губернскаго правленія никакъ нельзя сдѣлать заключенія о негодности этого учрежденія и о необходимости уничтожить его. Причину этой слабости съ гораздо большимъ основаніемъ можно искать въ чрезмѣрной власти губернаторовъ. Вмѣсто уничтоженія губернскаго правленія основательнѣе было бы предложить увеличеніе самостоятельности ихъ членовъ и уменьшеніе количества лежащихъ на нихъ дѣлъ. Тогда мы гораздо ближе подошли бы къ истиннымъ пользамъ края...

Но не будемъ ограничиваться этими общими, такъ сказать, теоретическими замѣчаніями. Станемъ по прежнему на твердую почву закона — спросимъ его, что хотѣлъ онъ сдѣлать изъ учрежденія губернскихъ правленій?

Опредѣлить значеніе и кругъ вѣдомства губернскихъ правленій независимо отъ должности губернатора почти невозможно. Губернаторъ, какъ предсѣдатель губернскаго правленія, дѣйствуетъ вмѣстѣ съ нимъ, т. е. съ общимъ его присутствіемъ, по извѣстному кругу дѣлъ. Лишь нѣкоторыя дѣла предоставлены непосредственному распоряженію какъ самого губернатора, такъ и отдѣльныхъ членовъ губернскаго правленія (совѣтниковъ и вице-губернаторовъ).

Такимъ образомъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ губернское правленіе дѣйствуетъ въ полномъ своемъ составѣ, въ другихъ въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ членовъ.

Первый разрядъ дѣлъ, въ свою очередь, распадается на двѣ группы. Во-первыхъ, есть дѣла, которыя, по своей важности, должны быть рѣшаемы не

иначе, какъ по большинству голосовъ, при полной самостоятельности этихъ голосовъ. Такія дѣла носятъ названіе *судныхъ* *). Въ прежнее время, когда губернское правленіе пользовалось обширными правами административной юрисдикціи, число этихъ дѣлъ было довольно велико. Реформа судебныхъ учрежденій сократила до нѣкоторой степени это число. Но несмотря на это, въ кругъ судныхъ дѣлъ входятъ весьма важные вопросы мѣстной администраціи. Таковы, напримѣръ, вопросы *подсудности*. Терминъ этотъ опять-таки не должно смѣшивать съ подсудностью судебнымъ мѣстамъ, которая разрѣшается этими мѣстами; законъ разумѣетъ здѣсь *разрѣшеніе пререканій о подсудности* (*компетенціи*) *между административными мѣстами* (ст. 278-я II т. по прод. 1868 года). Далѣе идутъ: отдача подъ судъ чиновниковъ всѣхъ административныхъ вѣдомствъ (суд. уст.; уст. угол. судопр. ст. 1,088, п. 1, 1,092, 1,093), дѣла по сомнѣнію въ законахъ, дѣла по наложенію денежныхъ взысканій за упущенія по службѣ и т. д. (см. прод. ко II т. св. зак. 1868 г. прилож. къ ст. 716, гл. II, ст. 15).

Затѣмъ, есть дѣла, которыя хотя и не требуютъ вполнѣ коллегіальнаго разрѣшенія, но, по важности своей, нуждаются въ предварительномъ обсужденіи общаго присутствія, такъ какъ въ ихъ пониманіи, въ способѣ рѣшенія и исполненія можетъ быть разность взглядовъ. Сюда принадлежатъ всѣ распоряженія, которыя ограничиваютъ чьи-нибудь права личныя и по имуществу; дѣла, сопряженныя съ казеннымъ или общественнымъ интересомъ или касающіяся состоянія всей губерніи или отдѣльныхъ обществъ; наконецъ, дѣла, въ которыхъ самъ губернаторъ встрѣтитъ затрудненіе и передастъ на разсмотрѣніе общаго присутствія (тамъ же, ст. 17-я и 18-я). Эти дѣла рѣшаются постановленіями присутствія съ утвержденія губернатора. Прежде (по св. зак. 1857 года) они назывались дѣлами распорядительными; теперь (по указу 1865 года) они называются *административными перваго разряда*.

Наконецъ, есть дѣла, не требующія ни коллегіальнаго разрѣшенія, ни коллегіальнаго разсмотрѣнія: они разрѣшаются личною властью членовъ губернскаго правленія. Прежде они назывались дѣлами исполнительными, теперь *административными второго разряда*. Разница между прежнимъ и новымъ закономъ въ этомъ отношеніи состоитъ еще въ томъ, что прежде къ разряду дѣлъ исполнительныхъ относились только дѣла, разрѣшаемыя вице-губернаторомъ и совѣтниками, а теперь къ разряду административныхъ дѣлъ 2-го разряда относятся и нѣкоторыя дѣла, разрѣшаемыя властью губерна-

*) Терминъ *судный* должно отличать отъ термина *судебный*. Судный значитъ — *коллегіальный*. Слѣдовательно судными дѣлами называются такія, которыя должны быть разрѣшаемы *коллегіально*, т. е. при равноправномъ участіи всѣхъ членовъ и по большинству голосовъ.

тора. Они переданы относительно дѣлопроизводства, въ губернское правленіе изъ губернаторской канцеляріи (тамъ же ст. 19—22-й).

Такимъ образомъ, губернское правленіе имѣетъ троякое значеніе, смотря по относительной важности разрѣшаемыхъ въ немъ дѣлъ:

1) *Коллегіи*, рѣшающей дѣла по большинству голосовъ, причемъ губернатору принадлежали только права предсѣдателя.

2) *Совѣщательнаго присутствія* при губернаторѣ, котораго (присутствія) мнѣнія и заключенія испрашивались по особенно важнымъ административнымъ дѣламъ. Губернатору предоставлялось утвердить или отвергнуть такое постановленіе.

3) *Совокупности единоличныхъ властей*, изъ которыхъ каждая дѣйствовала отдѣльно, въ предѣлахъ предоставленной ей компетенціи.

Читатель видитъ, что это троякое значеніе губернскаго правленія вполнѣ соотвѣтствовало постепенной, іерархической важности разрѣшаемыхъ въ немъ дѣлъ. Нѣкоторыя дѣла не могли подлежать ни личному разрѣшенію губернатора, ни разрѣшенію губернатора въ присутствіи (т. е. по выслушаніи мнѣнія послѣдняго): они разрѣшались коллегіяльно. Другія могли быть разрѣшены властью губернатора, но не иначе, какъ по выслушаніи заключенія общаго присутствія. Третьи могли быть разрѣшаемы личною властью каждаго члена по принадлежности. Эти законы выработаны временемъ и замѣчательными законодателями нашими. Тронуть ихъ можно развѣ на основаніи очень серьезныхъ мотивовъ. Стремленіе усилить власть губернатора врядъ-ли можетъ считаться такимъ серьезнымъ мотивомъ.

Замѣчательно, что первая реформа, коснувшаяся губернскихъ правленій въ нынѣшнее царствованіе, въ общихъ чертахъ настолько осталась вѣрна прежнему (и очень умному) порядку, но даже нѣсколько дальше развила его начала. Вопервыхъ, составъ губернскаго правленія усилился и кругъ его вѣдомства расширился. Прежде строительная и медицинская части, по закону, относились къ губернскому правленію (см. ст. 716-ю II т.); но такъ какъ существовали особыя установленія по этимъ предметамъ (врачебная управа, строительная и дорожная комиссіи), то оно почти не касалось этихъ вопросовъ. Съ введеніемъ земскихъ учрежденій, означенныя установленія закрыты. Но по скольку дѣла, въ нихъ производившіяся, остались въ вѣдѣніи правительства, они сосредочены въ губернскомъ правленіи. На этомъ основаніи къ числу членовъ правленія прибавились: губернскій врачебный инспекторъ, губернскій инженеръ и губернскій архитекторъ. Независимо отъ того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ общее присутствіе могутъ быть приглашаемы: губернскій и уѣздный предводители дворянства, управляющіе государственными имуществами, удѣльною конторою и казенною палатою, предсѣдатель губернской земской управы, голова «и другія лица, могущія быть полезными общему дѣлу своими познаніями и вліяніемъ». Такимъ образомъ

ст. 719-я II т., опредѣлявшая составъ губернскаго правленія, измѣнилась въ очень благопріятномъ смыслѣ. Законъ далъ возможность губернаторамъ пользоваться совѣтомъ и указаніями лучшихъ силъ губерніи; не его вина, что они привыкли *рѣзко* относиться къ совѣщательнымъ органамъ.

Далѣе, законъ 1865 года сосредоточилъ въ губернскомъ правленіи производство по многимъ дѣламъ, бывшимъ прежде въ канцеляріи губернатора.

Изъ этого видно, что законъ 1865 года стремился сдѣлать губернское правленіе дѣйствительно центральнымъ и верховнымъ административнымъ мѣстомъ въ губерніи.

Проектъ выводитъ наше законодательство на дорогу, радикально противоположную той, по которой оно шло со времени Екатерины Великой. Оказывается, что губернаторамъ не нужно ни *коллегіи*, ни *совѣщательнаго присутствія*. «Губернскія правленія—говоритъ проектъ—*упраздняются* Производство *административныхъ* дѣлъ нынѣшнихъ губернскихъ правленій сосредоточивается въ губернской канцеляріи».

Стало быть, проектъ признаетъ возможнымъ вести канцелярскимъ порядкомъ только административное дѣло. Для дѣлъ судныхъ нужно придумать особое учрежденіе. Такимъ установленіемъ является проектируемый *губернскій совѣтъ*. Разсмотримъ же это будущее установленіе, на сколько оно намъ извѣстно по слухамъ.

«Для *обсужденія* дѣлъ особой важности, или представляющихъ общій для администраціи интересъ, образуется — говорятъ намъ — въ каждой губерніи, подъ предсѣдательствомъ губернатора, губернскій совѣтъ.» Онъ состоитъ изъ вице-губернатора, прокурора окружнаго суда и всѣхъ лицъ, завѣдывающихъ отдѣльными административными учрежденіями въ губерніи. Затѣмъ, въ присутствіе его могутъ быть приглашаемы постороннія лица, подобно тому, какъ это дозволено нынѣшнимъ губернскимъ правленіямъ. Кругъ вѣдомства этого совѣта опредѣляется слѣдующимъ образомъ; онъ обсуждаетъ случаи, когда новоизданный законъ неудобенъ къ исполненію (на основаніи 75-й осн. зак.) *); административныя дѣла особой важности; вопросы о пререканіяхъ между административными мѣстами; проекты постановленій, издаваемыхъ губернаторомъ **); мѣры, принимаемыя въ чрезвычайныхъ случаяхъ; преданіе суду чиновниковъ, разсмотрѣніе жалобъ частныхъ лицъ на лицъ должностныхъ, тѣ дѣла, которыя самъ губернаторъ сочтетъ нужнымъ передать на разсмотрѣніе совѣта.

Такимъ образомъ, судныя и часть административныхъ дѣлъ будутъ обсуждаться въ проектируемомъ установленіи. Оно должно замѣнить собою

---

*) Эти дѣла обсуждались прежде въ общемъ собраніи всѣхъ палатъ.

**) Объ этихъ постановленіяхъ мы поговоримъ въ другой разъ.

губернское правленіе, какъ *коллегію* и, отчасти, какъ совѣщательное присутствіе. Но замѣнитъ ли? Въ этомъ позволительно сомнѣваться. Губернское правленіе было поставлено внѣ и выше другихъ административныхъ установленій именно съ тою цѣлью, чтобъ оно могло разрѣшать дѣла, въ которыхъ сталкивались интересы различныхъ учрежденій. Отдача подъ судъ чиновника не зависѣла отъ его ближайшаго начальства — губернское правленіе еще должно было разрѣшить вопросъ объ основательности обвиненія; разрѣшеніе пререканій между различными установленіями зависѣло также отъ него; теперь эти вопросы будутъ разрѣшаться представителями заинтересованныхъ учрежденій... Вотъ что намъ приходитъ на память по этому поводу. Петръ Великій, учреждая коллегіи, видоизмѣнилъ составъ сената, которому былъ ввѣренъ верховный надзоръ за управленіемъ. Онъ помѣстилъ въ него президентовъ коллегій, что казалось на первый взглядъ очень естественнымъ. Но скоро опытъ доказалъ невыгоду такого порядка. Оказалось, что президенты коллегій такъ заняты своими дѣлами, что не могли хорошо нести еще обязанности сенаторовъ, и, сверхъ того они потакали другъ другу, такъ что надзора никакого не выходило. Великій преобразователь тотчасъ выпроводилъ ихъ изъ сената и мотивировалъ свой поступокъ слѣдующимъ образомъ: «дабы чины сенатскіе партикулярныхъ дѣлъ не имѣли, но непрестанно трудились о распорядкѣ государства; и нынѣ сами будучи въ оныхъ (дѣлахъ) какъ могутъ сами себя судить?» (П. С. З. № 3,877-й). Нѣчто подобное произойдетъ и съ новыми совѣтами. При соприкосновеніи интересовъ отдѣльныхъ частей всѣ будутъ «радѣть» другъ о другѣ. Поступаетъ жалоба на административное лицо одного вѣдомства, если начальникъ, засѣдающій въ совѣтѣ, за него — другіе члены окажутъ поддержку, чая и для себя, въ подобномъ случаѣ, того же. И въ другихъ отношеніяхъ настоящей гарантіи для государства и частныхъ лицъ они не дадутъ. Если, по мнѣнію проекта, совѣтники губернскихъ правленій обременены дѣлами, то управляющіе отдѣльными частями обременены ими еще больше, и эти занятія совершенно спеціальны. Проектъ, въ защиту своего положенія, приводитъ, правда, что губернскій совѣтъ, по отношенію къ губернатору, будетъ независимѣе присутствія губернскаго правленія, которое состоитъ изъ лицъ, прямо подчиненныхъ губернатору. Это было бы совершенно справедливо, *предполагая, что управляющіе отдѣльными частями останутся въ нынѣ существующихъ отношеніяхъ къ губернатору*. Но тотъ же самый проектъ ставитъ ихъ въ *совершенно подчиненное отношеніе* къ губернатору, дѣлая ихъ простыми его докладчиками по дѣламъ своего вѣдомства. Вмѣсто однихъ «совѣтниковъ», являются другіе. Что же остается отъ предполагаемой «независимости»?

Но всякія сомнѣнія въ этомъ отношеніи исчезаютъ при соображеніи слѣдующаго обстоятельства. Такъ или иначе, губернское правленіе по суд-

нымъ дѣламъ дѣйствуетъ вполнѣ коллегіяльно, т. е. губернатору принадлежитъ власть простаго предсѣдателя. Такое постановленіе губернскаго правленія имѣетъ *рѣшительное* значеніе и можетъ быть отмѣнено только указомъ сената или высочайшимъ повелѣніемъ. Какое же значеніе будутъ имѣть постановленія губернскихъ совѣтовъ? Это видно изъ слѣдующаго предположенія:

«При разногласіи губернатора съ мнѣніемъ большинства, онъ представляетъ мнѣніе совѣта *министру внутреннихъ дѣлъ* для дальнѣйшаго *направленія* дѣла».

Это предположеніе не нуждается въ особенныхъ коментаріяхъ. Совѣтъ по коллегіяльнымъ дѣламъ будетъ имѣть голо съ не рѣшительный, а только совѣщательный. Губернаторъ можетъ пріостановить исполненіе его постановленія и аппелировать не къ комитету министровъ (что было бы еще понятно, такъ какъ здѣсь находятся главные представители всѣхъ вѣдомствъ), а къ одному министру, отъ котораго зависитъ *направленіе* дѣла. Это еще разъ показываетъ, какой громадный перевѣсъ получитъ одно министерство надъ всѣми остальными вѣдомствами, если только послѣднія согласятся принести такую жертву.

Представимъ же себѣ картину будущаго губернскаго управленія по началамъ проекта во всемъ ея объемѣ. Губернское правленіе уничтожено. Всѣ части администраціи подчинены нетолько надзору, но и управленію губернатора. Всѣ бывшія палаты и управленія составляютъ части губернской администраціи и «ведутъ свои дѣла при участіи въ нихъ губернатора, *по докладу ему* завѣдывающихъ этими частями всѣхъ сколько-нибудь важныхъ предметовъ; губернаторъ имѣетъ право пріостанавливать распоряженія начальниковъ отдѣльныхъ частей и предлагать имъ *къ исполненію* свои распоряженія». Немногія важныя дѣла обсуждаются губернскимъ совѣтомъ, неимѣющимъ рѣшительнаго голоса, потому что его постановленія находятся въ полномъ распоряженіи губернатора и министра внутреннихъ дѣлъ.

Это будетъ дѣйствительнымъ усиленіемъ власти губернаторовъ, но полнымъ крушеніемъ всѣхъ установленій, надъ которыми трудилось столько поколѣній нашихъ лучшихъ государственныхъ людей. Неужели окажутся справедливыми грустныя слова одного нашего сановника: nous n'avons pas d'institutions?

Мы сказали, что власть губернаторовъ усилится. Но вѣрно ли даже это? Власть не есть нѣчто такое, чѣмъ можно наполняться до излишества. Власть есть бремя и тяжкое бремя; она прежде всего — совокупность обязанностей. Навалите на человѣка слишкомъ много власти, т. е. обязанностей, и онъ не будетъ знать, что съ нею дѣлать. И теперь губернаторы (мы говоримъ о добросовѣстныхъ) чувствуютъ всю тяжесть своего положенія;

что же скажутъ они, когда *все* будетъ взвалено на нихъ однихъ, когда за *все* будутъ отвѣчать одни они?

Безъ преувеличенія можно сказать, что новый проектъ можетъ привести только къ двумъ результатамъ, едва ли утѣшительнымъ: или къ *бездѣйствію* губернаторовъ, или къ полной *парализаціи* мѣстнаго управленія, къ борьбѣ всѣхъ вѣдомствъ, губернатора съ «управляющими», министра внутреннихъ дѣлъ съ другими министерствами.

Между тѣмъ, всего этого можно избѣгнуть: стоитъ только улучшать и развивать ту сторону губернаторской дѣятельности, которая указана опытомъ предшествующихъ временъ и самымъ смысломъ губернаторской должности — *функцію надзора*, оставивъ въ покоѣ всѣ прочія губернскія установленія.

III.

Въ политикѣ, какъ наукѣ, и въ политикѣ, какъ практикѣ, давно пріобрѣлъ себѣ право гражданства слѣдующій афоризмъ: всѣ учрежденія извѣстной страны должны соотвѣтствовать общему принципу ея государственнаго устройства. Афоризмъ, повидимому, очень мудрый; но въ немъ иногда есть кое-что фальшивое. Скажемъ больше — онъ вообще нелюбезенъ, вѣроятно потому, что служитъ нерѣдко для прикрытія разныхъ, несовсѣмъ чистыхъ стремленій. Нужно ли, напримѣръ, доказать необходимость придавить печать, исказить земскія учрежденія — упомянутый афоризмъ наводитъ на богатѣйшіе аргументы. «Свобода печати несогласна-де съ нашею формою правленія, земскія учрежденія противорѣчатъ-де основнымъ правиламъ нашей верховной власти и т. д.». И печати много надо биться для опроверженія этихъ аргументовъ.

Такъ какъ мы начали говорить объ афоризмахъ, то приведемъ здѣсь кстати и другой, не менѣе мудрый. «Каждый народъ долженъ пользоваться полезными изобрѣтеніями другихъ народовъ».

Кто можетъ сказать что-нибудь противъ этого положенія? кто станетъ отрицать пользу заимствованія телеграфовъ, желѣзныхъ дорогъ, суда присяжныхъ и т. д.? Не сами ли мы указываемъ на необходимость слѣдовать примѣру западной Европы во многихъ отношеніяхъ?

Сегодня мы явимся противниками этого афоризма и защитниками предыдущаго. Мы увидимъ, какъ мало иногда имѣютъ смысла заимствованія и какъ вѣрно положеніе, что при реформѣ одной части законодательства нужно всегда имѣть въ виду общій его принципъ.

Дѣло идетъ объ одномъ правѣ, которое, по слухамъ, предполагается предоставить губернаторамъ, въ видахъ усиленія ихъ власти. Право это, по проекту административно-полицейской реформы, опредѣлено слѣдующимъ

образомъ: губернатору предоставляется право издавать постановленія и распоряженія въ *развитіе* дѣйствующихъ законоположеній о благоустройствѣ и благочиніи, а равно въ «предупрежденіе и пресѣченіе преступленій». Губернаторъ издаетъ эти постановленія не самолично, но по предварительномъ обсужденіи ихъ въ губернскомъ совѣтѣ. Но такъ какъ губернаторъ имѣетъ право, въ случаѣ несогласія съ нимъ большинства совѣтниковъ, представлять дѣло, для *дальнѣйшаго направленія*, министру внутреннихъ дѣлъ, то роль губернскаго совѣта по этимъ дѣламъ (какъ и по другимъ) не особенно важна. Губернаторъ отвѣчаетъ за свои постановленія, главнымъ образомъ, предъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. «О существѣ постановленій и распоряженій, издаваемыхъ губернаторомъ, онъ доводитъ до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ, въ лицѣ котораго сосредоточивается высшій въ этомъ отношеніи контроль». Частнымъ лицамъ предоставляется право жаловаться высшему правительству на постановленія и распоряженія губернатора.

Такъ, говорятъ, формулировано и такъ обставлено чрезвычайно важное, по своимъ практическимъ послѣдствіямъ, право, предоставляемое губернаторамъ. Всѣмъ извѣстно, какъ долго даже высшая судебная власть не имѣла права толкованія законовъ, а теперь единоличной власти губернатора предоставляется право издавать новыя постановленія въ развитіе дѣйствующаго законодательства...

Ст. 358-я II т. иначе смотритъ на власть губернатора; вотъ ея слова: «Будучи токмо *исполнителями* и, такъ сказать, оберегателями законовъ, они (губернаторы) не въ правѣ дѣлать новыхъ постановленій, ни отступать отъ существующихъ». Этотъ порядокъ вещей предполагается измѣнить. Прежде всего посмотримъ, на какомъ основаніи.

На сколько намъ извѣстно, это предположеніе проекта мотивируется слѣдующимъ образомъ. Нашъ кодексъ, говорятъ составители проекта, страдаетъ однимъ существеннымъ недостаткомъ: въ немъ «законы», въ собственномъ смыслѣ этого слова, поставлены въ рядъ, перемѣшаны съ мелкими, незначительными полицейскими правилами. Вслѣдствіе этого, нашъ сводъ страдаетъ изобиліемъ статей, которыя, съ теоретической и практической точки зрѣнія, имѣютъ далеко не одинаковое значеніе, а между тѣмъ, числятся безразлично въ числѣ «законовъ». Съ давнихъ уже поръ (съ 1862 года), во II-мъ отдѣленіи собственной Его Величества канцеляріи возникъ вопросъ объ отдѣленіи законовъ въ собственномъ смыслѣ отъ административныхъ постановленій. Это дало бы возможность лучшей кодификаціи нашего свода, избавило бы его отъ излишняго баласта. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предполагалось предоставить право изданія административныхъ распоряженій разнымъ властямъ, начиная съ министровъ. Это послѣднее предположеніе опиралось на примѣръ иностранныхъ государствъ, гдѣ министрамъ,

префектамъ и даже мерамъ предоставлено право издавать распоряженія, необходимыя для хода администраціи.

Разсуждая такимъ образомъ, II-е отдѣленіе, какъ средоточіе нашихъ кодификаціонныхъ работъ, стремилось сдѣлать очень хорошее заимствованіе изъ законодательно-административной практики европейскихъ государствъ. Дѣйствительно тамъ законы, отдѣлены отъ административныхъ распоряженій (Gesetz и Verordnung); дѣйствительно, тамъ право изданія административныхъ распоряженій принадлежитъ разнымъ представителямъ и органамъ исполнительной власти. Но въ какой мѣрѣ примѣнимъ этотъ порядокъ вещей у насъ?

При разрѣшеніи этого вопроса приходится вспомнить о двухъ аѳоризмахъ, приведенныхъ нами въ началѣ статьи. Согласенъ ли такой порядокъ съ существующею у насъ формою правленія? Можно ли вводить его только потому, что онъ дѣйствуетъ на Западѣ?

Западъ, какъ извѣстно, отличается отъ Россіи тѣмъ, что тамъ есть особыя представительныя учрежденія, которымъ принадлежитъ законодательная власть. Поэтому, тамъ давно выработалось основаніе для отдѣленія законовъ отъ административныхъ распоряженій. Правила, разсмотрѣнныя палатами и утвержденныя монархомъ, суть законы. Правила, изданныя на *основаніи законовъ* одною исполнительною властью, суть административныя распоряженія. Послѣднія должны держаться въ предѣлахъ законовъ, которые охраняются или высшими государственными установленіями (во Франціи сенатомъ, который можетъ уничтожать всякій незаконный актъ правительственной власти), или судами.

Въ Россіи законодательная и высшая исполнительная власть нераздѣльны. Каждое постановленіе, изданное въ письменной формѣ, утвержденное верховною властью и обнародованное для всеобщаго свѣдѣнія и исполненія, имѣетъ одинаково значеніе закона. На какомъ же основаніи одни изъ такихъ постановленій будутъ вноситься въ кодексъ, а другія нѣтъ? Но, не отдѣляя законодательной отъ высшей исполнительной власти, законодательство наше не даетъ подчиненнымъ органамъ исполнительной власти права издавать свои постановленія: они должны быть простыми исполнителями законовъ. И нельзя не согласиться, что, поступая такимъ образомъ, наше законодательство дѣйствовало совершенно логично и ко благу гражданъ. Въ странѣ, имѣющей самодержавное правительство, *необходимо*, чтобъ вся законодательная и распорядительная власть была сосредоточена въ лицѣ монарха. Его велѣніямъ подчиняются одинаково и подданные и правители. Правители могутъ требовать отъ подданныхъ только того, что узаконено государемъ императоромъ. Всякій законъ исходитъ отъ государя. Исполнительные органы дѣйствуютъ самостоятельно не столько, по сколько законъ ихъ уполномочиваетъ. Когда законъ молчитъ, а дѣло тре-

бустъ разрѣшенія, нужно обращаться къ верховной власти — вотъ формула самодержавнаго управленія.

Всѣ русскіе государи признавали эту формулу, старательно оберегая подданныхъ отъ распорядительной власти органовъ управленія: они требовали, чтобъ всѣ власти не отступали отъ буквы закона. Если въ административныхъ сферахъ возникало сомнѣніе, власти должны были обращаться къ правительствующему сенату. Если сомнѣніе могло быть разрѣшено на основаніи законовъ, сенатъ разрѣшалъ его; если нѣтъ — дѣло поступало въ комитетъ министровъ, т. е. на высочайшее разрѣшеніе.

Это сосредоточеніе распорядительной власти *только* въ особѣ государя было единственнымъ огражденіемъ возможной для насъ гражданской свободы и безопасности. Предоставить распорядительную власть исполнительнымъ агентамъ, при отсутствіи серьезной для нихъ отвѣтственности, значило бы лишить гражданъ этой послѣдней гарантіи.

До сихъ поръ мы говорили о предположеніи, возникшемъ во II-мъ отдѣленіи. Можетъ быть, мы и ошибаемся въ нѣкоторыхъ пунктахъ, можетъ быть, предполагаемое раздѣленіе законовъ и административныхъ распоряженій удобно, но для насъ важенъ фактъ, что оно еще не состоялось. Законодательство наше еще не разрѣшило, какія дѣла должны быть отнесены къ компетенціи законодательной власти, и какія къ вѣдомству власти исполнительной; а пока это разграниченіе не сдѣлано, нельзя бы, кажется, и говорить о предоставленіи губернаторамъ права издавать постановленія. Между тѣмъ, составители проекта, какъ слышно, не только говорятъ объ этомъ, но даже полагаютъ, что ждать этого «разграниченія» безполезно.

Не касаясь общаго вопроса о выдѣленіи административныхъ распоряженій изъ существующаго свода законовъ, предполагается *существенно* необходимымъ, *въ видахъ приданія административной власти должнаго значенія*, предоставить ей право издавать постановленія въ развитіе законовъ о благоустройствѣ и благочиніи, а также о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій.

Другими словами, такъ какъ нужно усилить власть губернаторовъ, то, не дожидаясь необходимыхъ приготовительныхъ работъ, предоставить имъ право чуть не законодательной дѣятельности по такимъ дѣламъ, которыя ближе всего касаются личной свободы и безопасности гражданъ!

Изъ этого ясно видно, что предположенія проекта не имѣютъ никакого отношенія къ предположеніямъ II-го отдѣленія. Послѣднія стремятся внести больше порядка въ нашъ законодательный матеріалъ, первыя говорятъ исключительно объ усиленіи власти губернаторовъ. Нѣтъ ничего общаго между этими стремленіями.

Какъ опредѣлится компетенція новой власти губернатора? гдѣ гарантіи неприкосновенности закона, безопасности гражданъ? Предположенія проекта,

въ этомъ отношеніи, довольно неопредѣленны; но эта самая неопредѣленность, такъ сказать, весьма опредѣлительна.

Вопервыхъ, кому ввѣрится контроль надъ губернаторскими постановленіями? Естественнѣе всего было бы ожидать, что онъ будетъ сосредоточенъ въ правительствующемъ сенатѣ, которому принадлежитъ право охраненія законовъ. Но, по смыслу проекта, высшій контроль въ этомъ отношеніи ввѣряется министру внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго зависитъ отмѣна постановленій, несоотвѣтствующихъ дѣйствующимъ законоположеніямъ или вообще неправильныхъ. Во Франціи это дѣло организовано въ такомъ же смыслѣ. Но не надо забывать, что во Франціи законы уже отдѣлены отъ административныхъ распоряженій и сила ихъ обезпечена довольно сильными гарантіями; тамъ законъ строго опредѣлилъ регламентаторскую власть префектовъ и министры отвѣтственны предъ палатой. И несмотря на это во Франціи иногда тяжко приходилось мѣстнымъ жителямъ отъ префектовъ, воображавшихъ себя императорами въ миніатюрѣ. У насъ исполнительная власть поставлена иначе, чѣмъ во Франціи; поэтому для охраненія закона и правъ гражданъ нужно гораздо больше гарантій. Законодательство наше искало этихъ обезпеченій во власти сената; теперь его средства увеличились независимостью суда; но ни сенатъ, ни судъ не призваны, по смыслу проекта, къ охраненію гражданскихъ правъ.

Вотъ что мы слышимъ о правахъ суда по отношенію къ этимъ распоряженіямъ: «предѣлы судебной власти относительно постановленій и распоряженій административныхъ властей, при примѣненіи ст. 29-й уст. о наказ., налаг. миров. суд. *), *ограничиваются лишь правомъ удостовѣриться*, исходятъ ли они отъ лицъ, на то уполномоченныхъ, не отмѣнены ли подлежащимъ высшимъ начальствомъ и распубликованы ли въ подлежащемъ порядкѣ во всеобщее свѣдѣніе».

Другими словами, суду предоставляется право только убѣдиться, такъ сказать, въ самоличности постановленія, удостовѣриться, что оно издано губернаторомъ при соблюденіи извѣстныхъ формальностей. Затѣмъ, онъ не имѣетъ уже права входить въ оцѣнку *законности* этого постановленія. Поводомъ къ такому обороту дѣлъ послужило, какъ слышно, одно столкновеніе санктпетербургской полиціи съ судебною властью. По поводу этого столкновенія касаціонный департаментъ правительствующаго сената изложилъ, что если судъ, на основаніи 29-й ст. уст. о наказ., имѣетъ право подвергать взысканію виновныхъ въ неисполненіи законныхъ требованій полиціи,

*) Статья эта гласитъ: «За неисполненіе законныхъ распоряженій, требованій и постановленій правительственныхъ и полицейскихъ властей, а равно земскихъ и общественныхъ учрежденій, когда этимъ уставомъ не опредѣлено за то другаго наказанія, виновные подвергаются денежному взысканію не свыше пятнадцати рублей».

то полиція, *какъ сторона обвиняющая*, обязана, по требованію суда, представить на его разсмотрѣніе доказательства, подтверждающія *законность* ея требованій, а судъ имѣетъ право эти доказательства *уважить* или *признать недостаточными*.

Такимъ образомъ, правительствующій сенатъ, какъ вѣрный блюститель закона и достоинства судебной власти, призналъ за нею право убѣждаться не только въ *подлинности*, но и въ *законности* административнаго постановленія; проникнутый началами новой судебной реформы, онъ ясно видѣлъ, что полиція въ судѣ *одна изъ сторонъ* и что обѣ стороны должны пользоваться должными гарантіями.

Проектъ, какъ слышно, измѣняетъ этотъ порядокъ вещей. Если распоряженіе *подлинно*, судъ обязанъ безмолвно примѣнять его; полиція будетъ не одною изъ сторонъ, состязающихся въ судѣ, а начальствомъ, предлагающимъ извѣстную мѣру «къ исполненію»; судопроизводство будетъ состоять не въ разбирательствѣ двухъ сторонъ, а въ безмолвномъ наказаніи одной по требованію другой. «Полиція указала, а судъ приговорилъ»—вотъ формула предполагаемаго судопроизводства...

Еще нѣсколько такихъ мѣропріятій, и немного останется отъ судебной реформы.

IV *).

Недавно мы, по слухамъ, сообщили о проектѣ реформы губернскихъ учрежденій и разобрали его основанія. Теперь намъ приходится судить о впечатлѣніи, произведенномъ нашими возраженіями, и говорить о новыхъ аргументахъ, слухи о которыхъ доходятъ до насъ со всѣхъ сторонъ. На этотъ разъ аргументы, съ помощью которыхъ хотятъ защитить новый проектъ, построены на совершенно другихъ основаніяхъ, чѣмъ прежніе. Прежде мы имѣли дѣло съ краткими, но очень выразительными формулами: «власть правительства надобно вооружить новыми средствами; надобно усилить власть губернаторовъ; надобно позволить имъ толковать и почти издавать законы» и т. д. Въ виду такихъ принциповъ, положеніе печати и общества было очень ясно: они знали, что губернаторъ, который теперь въ силахъ сдѣлать все возможное, отнынѣ будетъ имѣть власть еще большую; что если теперь власть губернатора во многихъ случаяхъ можетъ не стѣсняться предѣлами закона, то впредь онъ самъ будетъ издавать распоряженія, «имѣющія силу закона». Всѣ съ недоумѣніемъ смотрѣли на быстрый ростъ этой силы и невольно спрашивали себя: «что же останется отъ реформъ нынѣшняго царствованія»? Но всѣ, по крайней мѣрѣ, понимали, чего хочетъ

*) Послѣднія двѣ статьи написаны по поводу опроверженій, появившихся, какъ было слышно, въ административныхъ сферахъ, противъ разныхъ статей, въ томъ числѣ и нашихъ

проектъ и куда онъ ведетъ общество. Теперь оказывается, что ни общество, ни печать не понимали ясно цѣли и смысла предполагаемаго преобразованія, что оно построено на такихъ принципахъ, о которыхъ и не догадывалась печать

Оказывается, что проектъ долженъ осуществить слѣдующія идеи: *децентрализацію, единство въ управленіи*, и что въ основныхъ своихъ началахъ онъ согласенъ съ планами лучшихъ государственныхъ людей начала нашего столѣтія, каковъ, напримѣръ, планъ Сперанскаго.

Итакъ, съ почвы практической цѣлесообразности мы переносимся на почву научныхъ началъ и историческихъ преданій. Мы увидимъ ниже, что еслибъ проектъ стоялъ на почвѣ науки и исторіи, то никогда не поступилъ бы на разсмотрѣніе законодательныхъ учрежденій. Появленіе его въ административныхъ сферахъ объяснилось, по нашему разумѣнію, именно слабостью научныхъ и историческихъ свѣдѣній въ нашемъ обществѣ. Теперь проектъ ставится одновременно подъ защиту теоріи и исторіи. Посмотримъ, на сколько та и другая способны поддержать его.

Начнемъ съ теоріи.

Теоретическія начала, въ упомянутыхъ возраженіяхъ, представляются понятіями децентрализаціи и единства въ управленіи.

Проектъ находитъ, что мы страдаемъ сильною централизаціею и что намъ недостаетъ единства въ управленіи. Въ какой же степени проектъ можетъ устранить эти два недостатка? Приведетъ ли онъ къ децентрализаціи? Установитъ ли онъ единство въ управленіи?

Для разрѣшенія этихъ вопросовъ уяснимъ себѣ прежде всего понятіе *децентрализаціи*.

Подъ именемъ децентрализаціи вообще разумѣется такая система внутренняго управленія, при которой задачи администраціи сосредоточиваются, главнымъ образомъ, въ рукахъ мѣстнаго правительства; въ рукахъ же установленій центральныхъ остаются лишь функціи, необходимыя для поддержанія единства въ администраціи и однообразія въ исполненіи законовъ. Формула этого распредѣленія функцій власти можетъ быть выражена слѣдующимъ образомъ: въ вѣдѣніи мѣстнаго правительства сосредоточиваются задачи *дѣйствительнаго управленія*, въ рукахъ правительства центральнаго власть высшаго *надзора и направленія*. Вслѣдствіе этого, установленія мѣстныя получаютъ значеніе по преимуществу *административныхъ*, установленія центральныя *политическихъ* властей.

Изъ этого опредѣленія мы можемъ уже вывести первое, коренное условіе административной децентрализаціи. Мѣстнымъ установленіямъ сообщается такая степень власти, какая нужна для осуществленія обыденныхъ задачъ администраціи, но не можетъ быть дарована ни одна изъ функцій власти политической. Полновластіе органовъ мѣстнаго управленія будетъ не децентрализаціею, но или политическою *автономіею*, если эти права сообщаются

мѣстному представительству, или произволомъ, если они даны правительственному органу. Система персидскихъ сатрапій не была децентрализаціей; система нынѣшнихъ турецкихъ пашалыковъ—не есть децентрализація. Мѣстное правительство должно быть правительствомъ подзаконнымъ, т. е. дѣйствовать въ предѣлахъ закона, установленнаго высшею властью и охраняемаго судомъ. Въ такой только формѣ оно можетъ удовлетворять требованія государственнаго единства и блага мѣстныхъ жителей. Проектъ упускаетъ изъ виду и ту и другую цѣль, сообщая губернаторамъ право издавать административныя постановленія «въ развитіе дѣйствующаго законодательства». Такое право не вытекаетъ изъ потребностей административной децентрализаціи; оно возводитъ губернатора въ несвойственный ему санъ *политической должности*.

И дѣйствительно, въ чемъ состоятъ выгоды и задачи децентрализаціи? Удобство децентрализаціи вообще заключается въ томъ, что она даетъ возможность всѣ вопросы внутренняго управленія, по скольку они не касаются общегосударственныхъ интересовъ и не нуждаются въ высшихъ политическихъ соображеніяхъ, разрѣшать на мѣстѣ, примѣняясь къ мѣстнымъ удобствамъ и безъ большой проволочки времени. Такой порядокъ, при которомъ разрѣшеніе всякой мелочи зависитъ отъ центральнаго правительства, при которомъ постройка ничтожнаго моста должна ожидать нѣсколько лѣтъ разрѣшенія отдаленнаго министерства, незнающаго мѣстныхъ условій, затрудняетъ правильное теченіе общественной жизни, своевременное удовлетвореніе общественныхъ потребностей. Поэтому, мѣстнымъ властямъ необходимо дать извѣстную степень самостоятельности; но нужно ли возводить ихъ на степень политическихъ властей? Самостоятельность власти не предполагаетъ произвола. Судебная власть самостоятельна въ предѣлахъ, указанныхъ закономъ, и всѣ этимъ довольны; но что было бы при превращеніи нашихъ судей въ восточныхъ кади?

Идемъ далѣе. Административная децентрализація необходима для удобствъ мѣстной жизни. Но какими условіями должна быть обставлена децентрализованная власть? Вопервыхъ, опытъ всѣхъ временъ и народовъ доказываетъ, что если функціи административной власти ввѣряются во всемъ объемѣ одному лицу, представляющему собою «мѣстную власть», то такая децентрализація, вмѣсто пользы, приноситъ вредъ. При единоличномъ управленіи децентрализація превращается въ произволъ. Нагляднѣйшимъ примѣромъ этого могутъ служить прежніе французскіе интенданты. Во Франціи, при «старомъ порядкѣ», были разныя мѣстныя и центральныя учрежденія, были парламенты и мѣстныя собранія и министры. Не смотря на это, на самомъ дѣлѣ власть сосредоточилась въ лицѣ интендантовъ. И что же вышло? «Никогда — говорилъ Джонъ Ло маркизу д'Аржансону — я не повѣрилъ бы тому, что видѣлъ въ бытность свою контролеромъ финансовъ. Знайте, что

Франція управляется тридцатью интендантами. У насъ нѣтъ ни парламентовъ, ни собраній; отъ этихъ тридцати интендантовъ, зависитъ счастье и несчастье провинцій, ихъ довольство и скудость». Иначе и быть не можетъ. *Лицо*, являющееся «представителемъ» правительственной власти въ мѣстности, съ одной стороны, удалено отъ высшаго правительственнаго контроля, съ другой — ему безусловно подчинены всѣ вѣдомства и общественные органы. Поэтому, для него является двоякая возможность: злоупотребленій относительно высшаго правительства, и произвола относительно мѣстныхъ жителей. Интересы правительства, закона и общества одинаково не ограждены.

Поэтому-то всѣ разумные законодатели, децентрализируя административную власть, ставили ее въ условія двоякаго рода: они обставляли «представителей» власти *коллегіальными* учрежденіями, заботились о точномъ разграниченіи вѣдомствъ, о возможной самостоятельности каждаго учрежденія. Затѣмъ, они заботились о сообщеніи извѣстныхъ правъ мѣстному *обществу*, о призваніи его къ участію въ мѣстномъ управленіи. Они старались, чтобъ мѣстная власть дѣйствовала не среди безправнаго народонаселенія, а среди организованнаго и обезпеченнаго разными правами общества. Такъ поступили у насъ Петръ Великій и Екатерина II *). Эти стремленія всѣхъ мудрыхъ законодателей совпадаютъ и съ строгими требованіями теоріи. Когда во Франціи возникъ въ наукѣ и обществѣ вопросъ о децентрализаціи, всѣ лучшіе и благороднѣйшіе умы одинаково поняли этотъ вопросъ. «Дайте намъ провинцію, самостоятельную, живую провинцію» — вотъ общій голосъ политической школы, основанной Токвилемъ и Леономъ Фоше. Наполеонъ III, декретомъ 25-го марта 1852 года, затѣялъ нѣчто въ родѣ децентрализаціи. Но тутъ-то и оказалось, что правительство разумѣло подъ именемъ децентрализаціи одно, а публицисты и общество другое. Послѣдніе желали децентрализаціи потому, что имъ желалось вдохнуть въ провинціи новую жизнь, убитую всепоглощающимъ вліяніемъ Парижа. Но они понимали, что эта цѣль не можетъ быть достигнута однимъ усиленіемъ власти мѣстныхъ органовъ правительства, что если общество не приметъ участія въ мѣстной администраціи, провинція останется, попрежнему, мертва. Они понимали, что если префектъ получитъ нѣкоторыя права, прежде принадлежавшія центральной власти, свобода мѣстной жизни ничего отъ того не выиграетъ и мѣстность не сдѣлается живымъ организмомъ. Поэтому они отождествляли децентрализацію съ *самоуправленіемъ*.

Правительство второй имперіи преслѣдовало другія цѣли; оно хотѣло, для своихъ эгоистическихъ интересовъ, покрыть Францію цѣпью всевластныхъ своихъ агентовъ. Но такъ какъ оно умѣетъ маскировать свои скрытныя

*) Мы подробно скажемъ объ этомъ въ слѣдующей статьѣ.

побужденія громкими словами, то и назвало всю эту продѣлку «децентрализаціей». Вотъ какъ оно объяснило свой поступокъ: «Мысль, диктовавшая декретъ 25-го марта 1852 года, имѣла въ виду дать департаментамъ болѣе *личное* существованіе и для *этого* дала префектамъ больше свободы въ управленіи тѣми дѣлами, которыя до нихъ (департаментовъ) касаются». Другими словами, декретъ ограничился тѣмъ, что *расширилъ власть префектовъ*. Ожиданія общества были обмануты, и нѣтъ ничего удивительнаго, что защитники децентрализаціи обратились къ декрету съ суровымъ словомъ порицанія. Вотъ что говорилъ одинъ талантливый публицистъ г. Фьевé (Fiévée): «Децентрализація 1852 года есть домашняя сдѣлка между министромъ внутреннихъ дѣлъ и префектами. Дѣло пойдетъ скорѣе, — говорятъ намъ, — но пойдетъ ли оно лучше и въ болѣе благопріятномъ смыслѣ?» Другой писатель, Барантъ, говоритъ: «Въ послѣднее время придумали передать префектамъ нѣкоторые атрибуты центральной власти, чтобъ уменьшить, какъ говорятъ, централизацію. Но, въ сущности, это значитъ менѣе контролировать дѣйствія агентовъ власти, это значитъ идти тѣмъ же путемъ, который привелъ къ такому быстрому вырожденію должности интендантовъ».

Время доказало справедливость этихъ словъ. Власть префектовъ была усилена, но они не поддержали ни силы, ни достоинства власти. Децентрализація 1852 года еще разъ служитъ доказательствомъ, что безмѣрность правъ не доказываетъ силы власти и не ведетъ къ ней. Достоинство и сила власти могутъ быть поддержаны не личною силою одного должностнаго лица, а системою организованныхъ правительственныхъ и общественныхъ установленій, между которыми правильно распредѣлены всѣ задачи мѣстной администраціи.

Сдѣлаемъ выводъ изъ всего сказаннаго:

Децентрализація не должна сообщать органамъ мѣстной власти такихъ правъ, которыя, по существу или по условіямъ данной страны, должны быть сосредоточены въ рукахъ высшей политической власти.

Децентрализація административныхъ правъ не должна вести къ сосредоточенію ихъ въ одномъ лицѣ. Она достигаетъ своей цѣли только при условіяхъ коллегіальной организаціи, правильнаго распредѣленія вѣдомствъ и участія общества въ администраціи.

Что же хочетъ сдѣлать проектъ? Онъ сосредоточиваетъ всю силу мѣстной администраціи въ лицѣ губернатора, надѣясь, что это усиленіе губернаторской власти ни въ чемъ не ослабитъ самостоятельности отдѣльныхъ вѣдомствъ, независимости суда и общественныхъ учрежденій. Въ этомъ позволительно усомниться. Вопервыхъ, относительно начальниковъ отдѣльныхъ частей, мы уже видѣли, что проектъ ставитъ ихъ относительно губернатора въ такое положеніе, въ какомъ находятся въ настоящее время совѣтники губернскихъ правленій. Можно сказать даже, что это положеніе нѣсколько

хуже: совѣтники по нѣкоторымъ дѣламъ (суднымъ) постановляли опредѣленіе совмѣстно съ губернаторомъ *коллегіяльно*, т. е. по большинству голосовъ, причемъ каждый голосъ былъ вполнѣ самостоятеленъ. Словомъ, присутствіе губернскаго правленія по этимъ дѣламъ имѣло голосъ *рѣшительный*. Начальники отдѣльныхъ частей, будущіе члены губернскихъ совѣтовъ, по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ имѣютъ лишь голосъ *совѣщательный*. Губернаторъ, не согласившись съ мнѣніемъ *большинства*, пріостанавливаетъ исполненіе и представляетъ дѣло, для дальнѣйшаго направленія, министру внутреннихъ дѣлъ. Что касается дѣятельности каждаго учрежденія въ отдѣльности, то тутъ власть губернатора неограниченна: онъ можетъ пріостановить всякое распоряженіе начальника отдѣльной части. Спрашивается, можно ли назвать это положеніе *самостоятельнымъ?* Проектъ, какъ слышно, утверждаетъ, что начальники отдѣльныхъ частей будутъ самостоятельны на слѣдующемъ основаніи: они остаются-де представителями отдѣльныхъ центральныхъ вѣдомствъ; а такъ какъ эти вѣдомства самостоятельны, то и ихъ агенты могутъ прибѣгать подъ ихъ защиту въ случаѣ произвольныхъ дѣйствій губернатора. Такая аргументація, по нашему мнѣнію, называется, на добромъ латинскомъ языкѣ, petitio principii. Дѣло идетъ, какъ мы это доказали въ нашихъ прежнихъ статьяхъ объ уничтоженіи настоящихъ самостоятельныхъ центральныхъ вѣдомствъ предъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, а теперь, на основаніи этой предполагаемой независимости, построена гипотеза самостоятельности ихъ мѣстныхъ органовъ! Гипотеза навѣрное останется гипотезой, а произволъ губернаторовъ—фактомъ.

Затѣмъ, защитники проекта указываютъ, какъ мы слышали, на то, что расширеніе власти губернаторовъ не грозитъ самодѣятельности суда и земскихъ учрежденій. Дѣйствительно, проектъ прямо не упоминаетъ объ ограниченіи судебныхъ и общественныхъ органовъ въ пользу губернаторской власти. Но, вопервыхъ, объ этомъ ненужно упоминать: никогда и нигдѣ административная власть не уничтожала *законодательнымъ порядкомъ* правъ суда и общественныхъ учрежденій. Она просто *пересиливала* ихъ de facto. А всѣ условія для такого *пересиливанія* даются губернаторамъ. Развѣ правило, по которому судъ долженъ безмолвно примѣнять губернаторское постановленіе, не удостовѣряясь въ его законности, не есть такое условіе? Въ настоящее время органы суда и самоуправленія кое-какъ уравновѣшены съ властью губернатора. Но не надо забывать, что всѣ эти цѣнные дары нынѣшняго благодѣтельнаго царствованія существуютъ въ видѣ нѣжнаго зародыша, который требуетъ ухода, береженья. Они поставлены въ такія условія, что малѣйшее напряженіе власти въ административныхъ органахъ можетъ стереть ихъ съ лица земли. Нужно большое искусство для поддержанія равновѣсія между общественными учрежденіями и судомъ съ одной и губернаторскою властью съ другой стороны. До настоящаго времени это равно-

вѣсіе поддерживается. Но теперь одна чашка вѣсовъ наполняется новыми гирями: она перетянетъ, а другая останется.... на воздухѣ. Что можетъ спасти ее? Гласность? сила общественнаго мнѣнія? независимость магистратуры?... Но существуетъ ли еще все это у насъ въ надлежащей степени?

Далѣе, проектъ не ограничивается сосредоточеніемъ всей административной власти въ рукахъ губернатора: онъ усиливаетъ эту власть правами, которыя, какъ мы доказали, могутъ принадлежать у насъ только верховной власти. Губернаторы вооружаются правомъ дѣлать административныя постановленія, въ «развитіе дѣйствующаго законодательства». Эти постановленія безусловно обязательны даже для судовъ. Отнынѣ административная власть будетъ сама судьею законности своихъ дѣйствій. Изъ административной она превращается въ политическую.

Такова «децентрализація», которую обѣщаетъ проектъ. Это не децентрализація законномѣрной власти, а организація большаго или меньшаго произвола, который можетъ замѣнить собою все существующее управленіе.

Такую децентрализацію называютъ, какъ мы слышали, *единствомъ власти и управленія*. Разсмотримъ и этотъ аргументъ.

О какомъ единствѣ идетъ здѣсь рѣчь? Мы знаемъ только одно единство— государственное, требующее однообразныхъ для всей страны учрежденій и однообразнаго примѣненія законовъ. Проектъ, повидимому, имѣетъ въ виду другое единство — единство лишь мѣстной администраціи, которое можетъ быть достигнуто усиленіемъ власти губернатора. Смѣемъ думать, что такое «единство» не приведетъ къ тому, котораго мы такъ желаемъ.

Когда губернаторъ получитъ обѣщанныя ему права, онъ дѣйствительно можетъ съ увѣренностью сказать: «въ *моей* губерніи все дѣлается такъ, какъ я хочу». Единою мыслію проникнутся одинаково и дѣятельность полиціи, и отправленіе правосудія, и финансовая администрація, и земское управленіе. Да, «единою мыслію»; но какою? Будетъ ли эта мысль державнаго законодателя страны, мысль, проникшая всѣ учрежденія нашего государства, всѣ права и отношенія гражданъ, или субъективная, личная мысль начальника губерніи? Не обинуясь можно сказать, что *послѣдняя*. Губернаторъ, вооруженный новыми своими правами, проникаетъ во всѣ части управленія, всюду даетъ свое направленіе, вездѣ проводитъ свою «мысль» — единство управленія полное. Но будетъ ли оно способствовать государственному единству?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить примѣръ тѣхъ областей, гдѣ на мѣстѣ существуетъ власть, во всемъ напоминающая проектируемыхъ губернаторовъ: это тѣ области, гдѣ имѣются генералъ-губернаторы.... Мы неоднократно уже говорили объ этой, по нашему мнѣнію, совершенно лишней, а иногда и не безвредной власти; повторять сказанное было бы излишне.

Но то, что теперь существуетъ въ видѣ исключенія, въ силу новаго проекта сдѣлается общимъ правиломъ. Если теперь вновь вышедшій законъ не можетъ быть увѣренъ, что его исполнятъ въ надлежащемъ видѣ въ такомъ-то отдѣльномъ краѣ, то, по крайней мѣрѣ, онъ убѣжденъ, что найдетъ себѣ пріютъ въ серединныхъ губерніяхъ. Тогда же онъ потеряетъ и эту надежду. Каждый губернаторъ вправѣ будетъ сказать ему: «Чего ты отъ меня хочешь? Генералъ-губернаторы тебя не приняли, и я вправѣ сдѣлать то же. Развѣ я не равенъ имъ? Они состоятъ въ III-мъ классѣ, вмѣстѣ съ сенаторами — я то же. Имъ подчиняются всѣ части управленія — мнѣ то же. Я даже больше ихъ: имъ не предоставлено право издавать постановленій, въ виду развитія дѣйствующихъ законовъ, а мнѣ предоставлено. Стало быть.. .» Словомъ, всѣ невыгоды генералъ-губернаторскаго управленія, нынѣ являющіяся исключеніемъ, тогда могутъ сдѣлаться общимъ правиломъ. Предоставляемъ всѣмъ и каждому судить, какое единство водворится тогда въ управленіи.

Но да не подумаютъ читатели, что мы въ самомъ дѣлѣ полагаемъ, будто новый проектъ приведетъ къ такимъ результатамъ. Онъ, дѣйствительно, привелъ бы къ нимъ, еслибъ въ основаніи его лежала та мысль, которую мы только-что разобрали. Но дѣло въ томъ, что эта мысль и эти цѣли, указываемыя проектомъ, заключаютъ въ себѣ нѣчто самостоятельное. За стремленіемъ къ такъ-называемому единству въ мѣстномъ управленіи находится другое, болѣе глубокое стремленіе. Было бы странно думать о единствѣ въ мѣстномъ управленіи тогда, когда высшая администрація раздѣляется на самостоятельныя вѣдомства, называемыя министерствами. Стало быть, нужно прежде всего достигнуть единства *здѣсь*, а потомъ уже думать о единствѣ администраціи въ мѣстности.

Если министерства сохраняютъ свою самостоятельность и надлежащее вліяніе на ходъ мѣстнаго управленія, то губернаторы со всею своею властью будутъ поставлены въ очень невыгодное положеніе: они принуждены будутъ выдерживать перекрестный огонь разныхъ вѣдомствъ. Но дѣло въ томъ, что подчиненіе губернатору всѣхъ вѣдомствъ на мѣстѣ приведетъ къ подчиненію всѣхъ центральныхъ установленій вѣдомству одного министерства. Губернаторъ подчиненъ непосредственно министру внутреннихъ дѣлъ и только косвенно зависитъ отъ другихъ вѣдомствъ. Послѣднія могутъ писать, предписывать сколько имъ угодно; но, если губернаторъ наложитъ свое veto на распоряженіе должностнаго лица, приводящаго въ исполненіе ихъ распоряженіе, они ничего не въ состояніи будутъ сдѣлать. Напрасно станутъ они разсчитывать на вѣрноподданность и гражданскія доблести своихъ мѣстныхъ органовъ: каждый чиновникъ хорошо знаетъ, что для него важнѣе всего — расположеніе его *ближайшаго* начальства. Ближайшимъ же начальникомъ

всѣхъ служащихъ въ мѣстности будетъ губернаторъ; а губернаторъ, въ свою очередь, подчиненъ министерству внутреннихъ дѣлъ.

Слѣдовательно, скажутъ, мы достигли, повидимому, условій настоящаго «единства»? Нѣтъ, намъ кажется, мы попрежнему, далеки отъ этой желанной цѣли. Вопервыхъ, мы не думаемъ, чтобъ административное единство могло быть осуществлено въ формѣ *фактическаго* преобладанія одного вѣдомства надъ другими. Одно изъ благороднѣйшихъ свойствъ человѣческой природы состоитъ въ томъ, что человѣкъ никогда не подчиняется охотно господству факта: оно всегда возбуждаетъ въ немъ неудовольствіе. Вмѣсто желаемаго единства въ высшей администраціи, мы получимъ глухую, сдержанную, но всегда вредную борьбу недовольныхъ вѣдомствъ. Есть одинъ способъ достигнуть настоящаго единства въ администраціи: мы видимъ его въ подчиненіи всѣхъ вѣдомствъ одному высшему учрежденію, подобному, напримѣръ, прежнему, петровскому сенату....

Наконецъ, можно ли будетъ управиться съ новою, вызываемою къ жизни силою? Сомнительно. Положеніе губернаторовъ, по смыслу новаго проекта, радикально измѣнится: они не будутъ уже *первою административною властью въ губерніи* (это положеніе они имѣютъ и въ настоящее время) — они сдѣлаются большою и во многихъ отношеніяхъ независимою *политическою* силою. Ихъ сравненныхъ, въ іерархическомъ отношеніи, съ сенаторами и генералъ-губернаторами, нельзя будетъ держать въ прежней зависимости — они сдѣлаются вполнѣ автономическою властью. Какія послѣдствія могутъ явиться отъ столкновенія этихъ двухъ властей?...

Таково значеніе проекта съ точки зрѣнія теоретическихъ началъ. Въ слѣдующей статьѣ мы разсмотримъ его съ точки зрѣнія историческихъ данныхъ нашего законодательства — съ точки зрѣнія *историческаго преданія*.

V.

Въ предъидущей статьѣ, говоря о значеніи проекта губернской реформы съ теоретической точки зрѣнія, мы обѣщали разсмотрѣть его съ точки зрѣнія историческихъ данныхъ нашего законодательства. Задача довольно трудная, и трудна она не только потому, что изслѣдователю приходится имѣть дѣло съ массою матеріала, но и потому, что этотъ матеріалъ не приведенъ въ систему, нисколько не обработанъ. Мы смѣемъ думать, что еслибъ исторія нашей губерніи была выяснена наукою какъ слѣдуетъ, намъ не пришлось бы имѣть дѣло съ новымъ проектомъ губернской реформы: онъ не могъ бы явиться на свѣтъ. Но дѣло въ томъ, что исторія «губерніи» не обработана еще научнымъ образомъ; обширный сырой матеріалъ ждетъ еще изслѣдователя. Наконецъ, трудность нашей задачи усложняется еще тѣмъ,

что намъ предстоитъ выполнить ее въ размѣрахъ небольшей газетной статьи.

Къ счастью, начала, руководившія нашимъ законодательствомъ по этому предмету, до такой степени просты и ясны, съ такою логическою послѣдовательностью проходятъ чрезъ лучшіе памятники XVIII и XIX столѣтій, что они сами по себѣ, безъ научныхъ пособій, помогутъ намъ справиться съ обширнымъ сырымъ матеріаломъ. Вчитываясь въ указы Петра Великаго, граматы и учрежденія Екатерины II, мы поражаемся простотою и трезвостью взглядовъ этихъ великихъ законодателей. Не впадая въ преувеличеніе, можно сказать, что Россія не пережила этихъ взглядовъ, а только развиваетъ ихъ, даетъ имъ болѣе широкій объемъ и прилагаетъ къ большей массѣ подробностей.

Исторія губерніи начинается со времени Петра Великаго. До Петра Россія была раздѣлена на мелкія административныя единицы, носившія названія *уѣздовъ*. Въ уѣздѣ не было самостоятельныхъ властей въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Главная мѣстная должность—воеводы была приспособлена только къ пассивному исполненію предписаній центральнаго правительства. Для этого «исполненія» воеводы облечены были значительною властью, доходившею до произвола. Исполняя требованія центральнаго правительства, они могли не стѣсняться въ выборѣ средствъ. Нужно было взыскать подати—они ставили неисправимымъ плательщиковъ на правежъ; нужно было исправить дорогу—они гоняли тяглыхъ людей силою. Но настоящими правителями областей они не были: они не могли удовлетворять потребностямъ мѣстныхъ жителей. Возникала тяжба—воевода не могъ разрѣшить ее; его компетенція была ограничена, за рѣдкими исключеніями, 10 рублями. Уголовный судъ, первоначально ввѣренный во всемъ объемѣ губнымъ старостамъ, а гдѣ ихъ не было, воеводамъ, скоро былъ сокращенъ объемомъ слѣдствія, самый же приговоръ произносился московскимъ приказомъ. Словомъ, какую бы отрасль управленія мы ни взяли, сила мѣстныхъ властей оказывалась несостоятельною: за всѣми дѣлами нужно было обращаться въ Москву.

Въ Москвѣ управленіе уѣздами было распредѣлено между разными приказами. Главное мѣсто между ними занимали четверти и дворцы (напримѣръ, новгородская четверть, казанскій дворецъ). Но иногда роль областныхъ приказовъ играли такія установленія, которыя, повидимому, не имѣли ничего общаго съ мѣстнымъ управленіемъ: таковы разрядъ, посольскій приказъ и т. д. Важнѣйшіе вопросы восходили на разрѣшеніе царской думы.

Каждый уѣздъ сносился (за немногими исключеніями) съ своимъ приказомъ непосредственно. Іерархическихъ отношеній между воеводами не было. Каждый изъ нихъ получалъ предписаніе, царскія граматы на свое имя, прямо изъ приказа.

Изъ этого видно, что характеристическія черты правительственной организаціи въ до-петровскій періодъ состояли въ слѣдующемъ. Въ уѣздѣ находилась только низшая, первая инстанція власти. Въ Москвѣ сосредоточивалось все управленіе; для этого здѣсь существовали *двѣ* инстанціи: средняя (приказъ) и высшая (царская дума).

Бѣдность административной жизни мѣстности увеличивалась еще тѣмъ, что участіе общества въ мѣстномъ управленіи было весьма слабо. Служилое сословіе (будущее дворянство) закрѣпощено было на полковую и гражданскую службу центральному правительству, а потому не могло получить значенія мѣстнаго, независимаго сословія. Крестьянамъ и городамъ предоставлена была нѣкоторая самостоятельность въ ихъ внутреннихъ сословныхъ дѣлахъ, но участія въ общей администраціи у нихъ не было.

Такая система имѣла свои выгоды съ политической точки зрѣнія: она способствовала сплоченію государства въ одно цѣлое въ то время, когда государство принуждено было вести борьбу съ внѣшними и внутренними врагами. Но административные результаты ея были несостоятельны. Злоупотребленіе власти, расхищеніе казны, угнетеніе мѣстныхъ жителей—таково было общее положеніе дѣлъ по отзывамъ современниковъ.

При Петрѣ Великомъ этотъ порядокъ вещей измѣнился. Въ 1708 году Россія была раздѣлена на губерніи. Губернское управленіе получило значеніе прежнихъ областныхъ приказовъ. Центральная инстанція передвинута въ мѣстность. Губернаторъ, какъ главный правитель мѣстности былъ окруженъ выборнымъ совѣтомъ изъ мѣстныхъ дворянъ, подъ именемъ *ландратской коллегіи*. Это учрежденіе было коллегіей не по одному только имени: оно коллегіяльно рѣшало съ губернаторомъ всѣ дѣла. Губернатору было подчинено уѣздное начальство, измѣнившее только свое имя. Воеводы были переименованы въ комендантовъ, а въ большихъ городахъ въ оберкомендантовъ. Впослѣдствіи Петръ создалъ еще новую, среднюю единицу—провинцію, завѣдываніе которою было ввѣрено воеводамъ, получившимъ новую инструкцію. Городское сословіе еще раньше получило самостоятельную организацію съ выборнымъ управленіемъ. Судебная власть отдѣлена отъ административной; въ каждой административной единицѣ имѣлась своя судебная инстанція. Теченіе административныхъ дѣлъ заканчивалось въ мѣстныхъ инстанціяхъ. Общій надзоръ за ходомъ внутренняго управленія былъ ввѣренъ высшему государственному учрежденію—сенату, который и былъ единственною инстанціею въ столицѣ, вмѣсто прежнихъ двухъ. При сенатѣ имѣлся особый губернскій столъ, куда поступали изъ губерній всѣ дѣла и донесенія. При сенатѣ же состояли комиссары отъ губерній (отъ каждой по два) для принятія указовъ сената и сообщенія ему свѣдѣній изъ губерній.

Такимъ образомъ, губернская реформа Петра Великаго имѣла въ виду слѣдующія цѣли: децентрализацію правительственной власти; раздѣленіе

вѣдомствъ; увеличеніе числа инстанцій; призваніе общества къ участію въ мѣстной администраціи.

Мысль преобразователя не умерла въ нашемъ законодательствѣ. Но ни ему самому, ни ближайшимъ его преемникамъ не суждено было осуществить ее вполнѣ. Тогдашнія условія и средства Россіи не дозволяли этого. Россія все еще находилась въ напряженной борьбѣ съ сосѣдями—она завоевывала свое существованіе, пробивалась къ своимъ морямъ. Всѣ наличныя силы государства—люди и деньги, уходили на войну и реформу. Государство не могло дать много людей на губернскія установленія; да ихъ вообще было мало. Сословія, призывавшіяся къ участію въ мѣстномъ управленіи, сохраняли свой крѣпостной характеръ. Дворянство почти постоянно находилось въ полкахъ; двѣ трети его обязательно посвящали себя военной службѣ и только одна треть могла идти въ «гражданство». А гражданскихъ должностей теперь было очень много, и онѣ оставались незанятыми или занимались людьми недостойными.

Губернская реформа оказалась несостоятельною. Нужно было усилить средства центральнаго управленія. Въ 1718 году Петръ Великій приступилъ къ учрежденію новыхъ центральныхъ учрежденій—*коллегій*. Коллегіи, сравнительно съ прежними приказами, были шагомъ впередъ. Относительно своей организаціи, порядка дѣлопроизводства, распредѣленія между ними дѣлъ, онѣ вполнѣ удовлетворяли теоретическимъ взглядамъ того времени. Но, не смотря на это, учрежденіе коллегій заключало въ себѣ зародышъ паденія губернскихъ установленій. Коренная ошибка законодателя заключалась въ томъ, что онъ сосредоточилъ въ коллегіяхъ не только функціи высшихъ правительственныхъ властей, но и самое управленіе. Административная дѣятельность, только что перенесенная въ мѣстность, снова сосредоточилась въ столицѣ; мѣстныя власти были низведены на степень исполнительныхъ агентовъ коллегій. Съ внѣшней стороны, послѣ учрежденія коллегій, губернскія должности какъ будто продолжаютъ развиваться. Являются инструкціи разнымъ камерирамъ, рентмейстерамъ, но внутренняя сила губерніи изсякла. Мѣстныя должности выродились еще при Петрѣ; при его преемникахъ обнаружилась ихъ не только несостоятельность, но и безполезность. Уже Екатерина I возвратилась къ такой системѣ мѣстнаго управленія, которая во многихъ отношеніяхъ напоминала старое московское время.

Развитіе мѣстныхъ учрежденій получило новое движеніе при Екатеринѣ II. Нельзя не согласиться, что ей пришлось дѣйствовать при гораздо лучшихъ условіяхъ, чѣмъ ея великому предшественнику. Силы государства увеличились; Россія заняла почетное мѣсто въ ряду европейскихъ державъ; сословія сложились окончательно—оставалось дать имъ соотвѣтствующую

форму. Образованіе все больше и больше распространялось въ массѣ общества. И надо сказать, что Екатерина воспользовалась этими средствами *).

Первый шагъ къ преобразованію губернскаго управленія состоялъ въ освобожденіи губернаторовъ отъ безусловной подчиненности коллегіямъ. Это было сдѣлано въ 1764 году. Губернаторы поставлены подъ непосредственное вѣдѣніе императрицы и сената. Но полная реформа губернскихъ учрежденій послѣдовала, какъ извѣстно, въ 1780 году, когда вышла вторая часть учрежденія о губерніяхъ (первая вышла въ 1775 году). Медленно вырабатывалось знаменитое «учрежденіе»; но эта медленность проистекала не изъ однихъ внѣшнихъ затрудненій, на которыя ссылалась императрица. Еслибъ начало «учрежденія» вырабатывалось чисто-канцелярскимъ порядкомъ, оно было бы *написано* гораздо раньше: только неизвѣстно, вошло ли бы оно въ такомъ случаѣ въ жизнь. Но преобразовательница не довѣряла силамъ канцелярій. Для обсужденія реформъ, готовившихся по всѣмъ частямъ законодательства, она созвала, въ 1767 году, знаменитую комиссію для составленія новаго уложенія. Мы привыкли называть эту комиссію послѣднимъ земскимъ соборомъ. И въ самомъ дѣлѣ, это былъ земскій соборъ, потому что вся земля была тутъ... Обыкновенно этотъ соборъ считаютъ чѣмъ-то безслѣдно прошедшимъ въ исторіи нашего законодательства. Благодаря изданіямъ русскаго историческаго общества, мы знаемъ, что «соборъ» оставилъ глубокій слѣдъ своей дѣятельности и именно въ узаконеніяхъ, относящихся до сословій и мѣстнаго управленія. Богатый матеріалъ мнѣній и соображеній данъ былъ въ руки правительству. Учрежденіе о губерніяхъ явилось зрѣлымъ плодомъ мысли не только самой императрицы, но и представителей земли. Такимъ узаконеніямъ суждено жить долго.

Содержаніе «учрежденія» достаточно извѣстно нашему обществу уже потому, что оно въ общихъ чертахъ существуетъ и до настоящаго времени. Поэтому, мы ограничимся лишь тѣми указаніями, которыя нужны для нашей цѣли.

Вотъ начала «учрежденія»:

Каждая губернія признается самостоятельною административною единицею, которая заключаетъ въ себѣ всѣ установленія, необходимыя для администраціи всѣхъ частей управленія. Съ этою цѣлью центральные органы управленія, до тѣхъ поръ сосредоточенные въ столицѣ подъ именемъ коллегій, перенесены въ губернію подъ именемъ *палатъ*. За ними сохранено

*) Относительно этихъ и слѣдующихъ фактовъ ср. матеріалы, приложенные г. Калачовымъ къ его разбору сочиненія г. Андреевскаго о намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ; равно какъ и эти сочиненія: „Записку о министерствахъ“ Трощинскаго, моя „Высшая администрація Россіи XVIII вѣка и генералъ-прокуроры“ и мой же „Историческій очеркъ генералъ-губернаторствъ въ Россіи“ („Русскій Вѣстникъ“ 1869 года №№ 9-й и 10-й).

ихъ коллегіяльное устройство, съ нѣкоторыми лишь измѣненіями. Общество призвано къ участію въ управленіи на слѣдующихъ основаніяхъ: различные классы мѣстнаго общества окончательно получили сословную организацію; начала этой организаціи формулированы, главнымъ образомъ, въ дворянской жалованной граматѣ и городовомъ положеніи. Каждое сословіе участвуетъ въ административной жизни въ двоякомъ направленіи. Вопервыхъ, сословія по выбору замѣщаютъ должности; вовторыхъ, они получаютъ право самоуправленія, т. е. завѣдыванія своими сословными дѣлами чрезъ выборныхъ ими лицъ. Наконецъ, для цѣлей высшей губернской администраціи, для надзора за всѣми мѣстами и лицами и общихъ полицейскихъ цѣлей учреждается губернское правленіе съ губернаторомъ; это учрежденіе состоитъ при высшемъ представителѣ власти—государевомъ намѣстникѣ или генералъ-губернаторѣ, который воплощаетъ въ своемъ лицѣ права государственнаго надзора, охраненіе интересовъ короны и правъ всѣхъ и каждаго.

Въ такомъ видѣ учрежденіе о губерніяхъ удовлетворяло потребностямъ времени. Но въ немъ были нѣкоторые недостатки, которые должны были раскрыться рано или поздно. Одни изъ этихъ недостатковъ были тѣсно связаны съ условіями современной организаціи общества. Сюда должно отнести сословный характеръ судовъ и земской полиціи; слабость правъ крестьянства, что объясняется страшнымъ развитіемъ крѣпостнаго права. Эти недостатки могли уничтожиться только съ преобразованіемъ нашего общественнаго быта, когда выборныя должности построились на новыхъ, земскихъ основаніяхъ. Но другіе недостатки лежали въ самомъ «учрежденіи» и обнаружились тотчасъ при введеніи его въ дѣйствіе. Такимъ больнымъ мѣстомъ губернскихъ установленій была должность генералъ-губернатора.

Должность генералъ-губернатора создана для цѣлей *главнаго надзора* и тѣсно соединялась съ другими губернскими установленіями. Поэтому, *для каждой губерніи* полагался свой генералъ-губернаторъ. Но что такое главный надзоръ? Вопервыхъ, онъ можетъ состоять въ наблюденіи за правильностью дѣйствій мѣстной администраціи, за тѣмъ, чтобъ законъ примѣнялся однообразно во всѣхъ частяхъ управленія, и всѣ мѣста и лица держались въ предѣлахъ своего вѣдомства. Вовторыхъ, надзоръ можетъ имѣть цѣлію согласованіе дѣйствій администраціи съ общими видами высшаго правительства, направленіе администраціи въ извѣстномъ смыслѣ. Въ первомъ случаѣ надзоръ будетъ административный, во второмъ—*политическій*. Первый долженъ быть сосредоточенъ въ рукахъ мѣстнаго начальства, второй—высшаго; первый долженъ быть *мѣстнымъ*, второй—*государственнымъ* надзоромъ.

Ошибка Екатерины II заключалась именно въ томъ, что она соединила въ рукахъ намѣстниковъ оба вида надзора. Увлекшись мыслью совершенной самостоятельности мѣстнаго управленія, она хотѣла, чтобъ всѣ функ-

ціи административной власти имѣли своихъ представителей въ губерніи. Она какъ бы забыла о высшихъ установленіяхъ: для общаго государственнаго управленія остались въ столицѣ сенатъ и генералъ-прокуроръ съ состоявшими при немъ экспедиціями. Все почти было отдѣлено отъ общегосударственныхъ установленій и ввѣрено губернскому начальству. Генералъ-губернаторъ былъ не только блюстителемъ интересовъ закона и администраціи, но и высшею политическою властью въ мѣстности: онъ былъ въ маломъ видѣ генералъ-прокуроръ, дѣйствующій на мѣстѣ.

Несостоятельность такой попытки обнаружилась съ перваго раза. Гдѣ было найти такое множество *) государственныхъ людей, достойныхъ быть облеченными высшею политическою властью? Это было трудно, тѣмъ болѣе, что Екатерина смотрѣла очень серьезно на выборъ людей. Поэтому, въ 1781 году, при введеніи «учрежденія», было признано возможнымъ (скажемъ необходимымъ) не назначать генералъ-губернаторовъ въ каждую губернію. Стали соединять по двѣ губерніи (и больше) въ одно генералъ-губернаторство. Выборъ генералъ-губернаторовъ былъ сдѣланъ удачный. Мельгуновъ, Потемкинъ, Румянцевъ, Сиверсъ, Кречетниковъ—таковы были первые генералъ-губернаторы. Не смотря на это, скоро оказалось, что должность генералъ-губернаторовъ идетъ въ разрѣзъ съ другими губернскими учрежденіями. Иначе и быть не могло. Политическая должность, поставленная не на свое мѣсто, никогда не принесетъ пользы: туда, гдѣ нужна простая административная власть, не слѣдуетъ сажать власти политической. Генералъ-губернаторы, пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ, дѣйствовали по «своему усмотрѣнію» тамъ, гдѣ нужно было дѣйствовать по закону, вмѣшивались во все, пріостанавливали, видоизмѣняли, исправляли все—словомъ, парализовали дѣятельность мѣстныхъ учрежденій.

Императоръ Павелъ I уничтожилъ эту должность въ большинствѣ русскихъ губерній. Характеръ преобразованій Александра I былъ таковъ, что, повидимому, нельзя было ожидать возстановленія ея. Главный, государственный надзоръ былъ отдѣленъ отъ мѣстнаго и получилъ организацію въ лицѣ *министерствъ*. Для цѣлей мѣстнаго надзора, повидимому, совершенно достаточна должность губернатора. Она удовлетворяетъ цѣли единства администраціи, не стѣсняя и не искажая предписаній высшаго правительства; она поддерживаетъ законность въ мѣстной администраціи, не стѣсняя, въ то же время, самостоятельность отдѣльныхъ вѣдомствъ. Но къ этой простой мысли не сразу пришло наше законодательство.

Внѣшнія войны отвлекли вниманіе императора отъ внутреннихъ преоб-

*) Губерній полагалось 40.

разованій. Только послѣ 1815 года начали думать о губерніи. Положеніе дѣлъ въ губерніяхъ было не особенно утѣшительно. Должность губернатора оставалась въ неопредѣленномъ положеніи; поэтому она не вполнѣ и удовлетворяла своему назначенію. Слабость средствъ мѣстнаго надзора, хотя здѣсь, кромѣ губернатора, былъ еще и прокуроръ, сознавалась всѣми. Но правительство, вмѣсто того, чтобъ преобразовать должность губернатора, обратилось къ мысли возстановленія генералъ-губернаторовъ. Екатеринѣ II такая ошибка была бы простительна; но правительству Александра I это было непростительно. Оно имѣло уже министерства; оно могло сообразить, что, возстановляя должность генералъ-губернаторовъ, оно ставитъ между губерніею и высшимъ правительствомъ сильную власть, которая можетъ парализовать оба ряда учрежденій и препятствовать правильному ходу администраціи.

Мысль объ учрежденіи генералъ-губернаторствъ была особенно любезна извѣстному Балашеву, бывшему министру полиціи, который въ это время былъ безъ мѣста. Онъ взялся быть первымъ генералъ-губернаторомъ, составить образцовое намѣстничество и сочинить проектъ этого учрежденія для всей имперіи. Ему ввѣрены были пять губерній, изъ которыхъ составилось рязанское генералъ-губернаторство. Какъ онъ управлялъ ими—объ этомъ свидѣтельствуютъ мѣстные старожилы, которые и теперь еще помнятъ о такъ называемой ими «балашевчинѣ». Проектъ его ничѣмъ не лучше его управленія. Читая проектъ, невольно спрашиваешь себя: чего хотѣлось этому человѣку? По его мнѣнію, генералъ-губернаторы суть нѣчто среднее между губернаторомъ и министрами. Министрамъ принадлежитъ высшее управленіе, губернаторамъ низшее, а генералъ-губернаторъ только наблюдаетъ, чтобъ губернаторы исполняли распоряженіе высшихъ властей. «Въ такомъ видѣ—говоритъ Балашовъ—генералъ-губернаторы не могутъ быть *непріятны министрамъ* и неполезны службѣ».

Балашеву, дѣйствительно, надо было подумать, чтобъ не быть *непріятнымъ* министрамъ. Министры косо смотрѣли на генералъ-губернаторства. Гурьевъ, Канкринъ и другіе видѣли ясно, что изъ «проекта» не выйдетъ ничего хорошаго. Въ 1821 году Балашевъ представилъ свой проектъ. Къ тому же времени представилъ свои соображенія Сперанскій. Этотъ государственный человѣкъ только-что возвратился изъ изгнанія, куда онъ попалъ по милости той партіи, къ которой принадлежалъ и Балашовъ. Въ угоду сильнымъ людямъ, онъ написалъ свои соображенія въ балашовскомъ духѣ. Но, обладая большимъ образованіемъ и сильною логикою, онъ довелъ «принципы» Балашева до такихъ результатовъ, которые уже ясно доказали, куда пойдетъ дѣло. По мнѣнію Сперанскаго, должность генералъ-губернатора должна быть признана *государственнымъ*, а не *мѣстнымъ* установленіемъ; она есть *министерство, дѣйствующее на мѣстѣ*, т. е. генералъ-гу-

бернатору принадлежитъ такая же власть надъ всѣми вѣдомствами въ извѣстномъ краѣ, какая принадлежитъ каждому министру по своей части во всемъ государствѣ. И это писалъ Сперанскій, участвовавшій въ составленіи министерствъ, понимавшій ихъ значеніе и хорошо изучившій исторію мѣстнаго управленія! Грустно, что и въ жизни такихъ людей, какъ Сперанскій, бываютъ такія минуты!

Но другія лица хорошо понимали, что сдѣлается съ правами центральнаго правительства, когда появятся эти «министерства, дѣйствующія на мѣстѣ». Всѣ проекты пролежали подъ спудомъ до вступленія на престолъ императора Николая I-го. Въ 1826 году былъ составленъ комитетъ для разсмотрѣнія этихъ измышленій. Комитетъ, разсмотрѣвъ дѣло, нашелъ, что осуществленіе проекта было бы сущимъ вредомъ для государства. Приводимъ нѣсколько строкъ изъ журнала комитета, такъ какъ составители нынѣшняго проекта, какъ слышно, увлеклись идеями Балашова и вынужденною казуистикой Сперанскаго и даже будто бы ссылаются на него въ подтвержденіе достоинствъ своего собственнаго плана. Вотъ какъ комитетъ 1826 года отвѣчалъ на «идеи» Балашова: «Твердость, единство и сила управленія зависятъ отъ *совершенства установленій*, отъ хорошаго выбора лицъ, *а не отъ безмѣрной ихъ власти*. Напротивъ того, эти установленія теряютъ свою силу и разрушаются, когда высшіе сановники (какъ сіе нерѣдко бывало) употребляютъ данныя имъ полномочія на то, чтобъ затруднять или останавливать законное теченіе дѣлъ и одинъ другому противодѣйствовать. Желаемый порядокъ въ губерніяхъ тогда только учредится, когда будутъ точныя и однообразныя правила для всѣхъ мѣстъ управленія и суда, когда мѣста сіи будутъ зависѣть отъ одного центральнаго верховнаго правительства, которое бы руководствовало каждаго по одинаковымъ началамъ и, такъ сказать, единымъ движеніемъ».

Должность генералъ-губернатора въ большинствѣ русскихъ губерній пала; вмѣстѣ съ тѣмъ, пала и идея соединенія правъ высшей власти съ правами мѣстнаго надзора. Отнынѣ признано было, что для губерніи достаточно обыкновеннаго административнаго надзора. Этотъ надзоръ долженъ быть сосредоточенъ въ лицѣ губернатора.

Въ этомъ смыслѣ законодательство и организовало постепенно губернаторскую должность. Наказъ губернаторамъ 1837 года есть главный законодательный актъ по этому предмету. Организуя губернаторскую должность, правительство имѣло въ виду слѣдующія цѣли:

1) Чтобъ всѣ мѣста и лица губернскаго управленія дѣйствовали, по возможности, самостоятельно, въ предѣлахъ своихъ уставовъ, каждое по своей части, подчиняясь мѣстному надзору губернатора и высшему своего центральнаго вѣдомства.

2) Чтобъ надзоръ губернатора, приводя мѣстную администрацію къ должному единству, не нарушалъ, однако, особенностей каждаго вѣдомства.

3) Чтобъ права сословныхъ и общественныхъ учрежденій оставались неприкосновенными.

Эти начала получили новое развитіе въ нынѣшнее царствованіе. Особенно преобразилась должность губернатора. По наказу 1837 года, она имѣла двойственный характеръ: рядомъ съ правами надзора, губернаторъ соединялъ въ своемъ лицѣ право непосредственнаго управленія разными частями. Здѣсь онъ дѣйствовалъ чрезъ множество комиссій и комитетовъ, состоявшихъ подъ его предсѣдательствомъ. Таковы: приказъ общественнаго призрѣнія, строительная и дорожная комиссія, комиссія народнаго продовольствія и т. д. Съ введеніемъ земскихъ учрежденій и съ передачею имъ дѣлъ, вѣдавшихся въ прежнихъ установленіяхъ, эти обязанности губернатора значительно сократились. Функціи надзора выступили на первый планъ. Затѣмъ, участіе общества въ администраціи и права самоуправленія значительно расширились. Крестьянская реформа вызвала къ жизни новыя силы, прежде лежавшія подъ спудомъ, реформа городскаго устройства обѣщана *). Земскія учрежденія замѣнили прежній принципъ сословности установленій принципомъ всесословности.

Такимъ образомъ, строй губернскаго управленія, по логическому ходу событій, долженъ бы былъ представить слѣдующій видъ:

Тѣ части администраціи, которыя остались въ вѣдѣніи правительства, распредѣляются между самостоятельными установленіями разныхъ вѣдомствъ.

Задачи, переданныя обществу, вѣдаются независимыми земскими установленіями.

Интересы государственные охраняются правомъ губернаторскаго надзора.

Словомъ: правильная организація правительственныхъ установленій, возможно большая свобода общества, независимость суда—таково должно бы быть послѣднее слово губернской реформы.

Что дѣлаетъ проектъ? Онъ, очевидно, возвращается къ идеѣ екатерининскихъ намѣстничествъ, къ новому смѣшенію мѣстной административной власти съ высшею государственною. Вмѣсто правильнаго раздѣленія вѣдомствъ, онъ предлагаетъ ихъ смѣшеніе; вмѣсто развитія общественныхъ установленій—ихъ паденіе; вмѣсто независимости суда—его порабощеніе.

И въ какое время являются подобныя стремленія! Когда державная воля Преобразователя только-что объявила свободу народу и видоизмѣнила мѣстныя установленія въ новомъ, болѣе либеральномъ смыслѣ. Не будетъ ли этотъ проектъ имѣть видъ реакціи противъ лучшихъ пріобрѣтеній нашего

*) Теперь уже дарована. *Поздн. прим.*

времени? Не въ правѣ ли будутъ наши враги сказать: «Да, Россія сдѣлала было нѣсколько шаговъ впередъ, но теперь она, очевидно, обратилась вспять. Немногія уступки духу времени испугали правительство, и оно рѣшилось парализовать свои собственныя реформы»?

Желательно было бы лишить ихъ права смотрѣть такъ на политику нашего времени. Мысль нашихъ великихъ преобразователей, въ самыя тяжелыя для Россіи времена, въ періодъ напряженной борьбы съ сосѣдями, въ эпоху пугачовщины и турецкой войны, въ минуту безлюдья, финансоваго оскудѣнья и при господствѣ крѣпостнаго права, смѣло шла на встрѣчу гражданскому порядку и общественной свободѣ. Она искала этого порядка и свободы въ развитіи мѣстныхъ установленій, въ организаціи правительственныхъ властей и участіи общества въ управленіи, «ибо цѣлое — какъ говорила Екатерина II — не можетъ быть хорошо, если части находятся въ нестроеніи». Теперь ли время сворачивать съ этой дороги? Смѣемъ думать, что единственное наше спасеніе заключается въ томъ, чтобы честно и откровенно стать на почву истиннаго гражданскаго порядка, который немыслимъ безъ разумной общественной свободы.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

стр.

Теорія представительства. 1
Государственный строй древней Россіи. 50
I. Волость. 51
II. Отношенія князя и волости. 65
III. Противорѣчія древне-русскаго государственнаго быта. 75
Эпизодъ изъ исторіи церковнаго управленія. 88

ОТДѢЛЪ II.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Государство и прогрессъ 123
Парламентаризмъ во Франціи. 244

ОТДѢЛЪ III.

ВОПРОСЫ ДНЯ.

Русская община передъ судомъ Шедо-Ферроти 373
I. Изображеніе общины . . . . . —
II. Критика общины 381
III. Новая теорія общины 401
IV. Мораль этой басни. 410
Историческій очеркъ учрежденія генералъ-губернаторствъ въ Россіи 415
О свободѣ русской печати 450
Проектъ губернской реформы 474

КНИГОПРОДАВЦЕМЪ-ТИПОГРАФОМЪ

МАВРИКІЕМЪ ОСИПОВИЧЕМЪ ВОЛЬФОМЪ

ИЗДАНЫ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

АНДРЕЕВСКІЙ. Русское Государственное право. Томъ I. О правительствѣ. Ц. 3 р.
БАСТІА. Экономическіе софизмы. Ц. 1 р.
БУДЗИНСКІЙ. О силѣ судебныхъ рѣшеній. Ц. 1 р.
ВЫЗИНСКІЙ. Лордъ Маколей, его жизнь и сочиненія. Ц. 60 к.
ГАГЕМЕЙСТЕРЪ. О торговомъ и промышленномъ движеніи по Волгѣ. Ц. 75 к.
ГРАДОВСКІЙ. Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи. Ц. 2 р.
ГРИЗИНГЕРЪ. Іезуиты. 2 т. Ц. 3 р. 50 к.
ДОБРЯКОВЪ. Русская женщина. Ц. 1 р. 25 к.
ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ процессы. Ц. 1 р.
КУНО-ФИШЕРЪ. Три вступительныя лекціи изъ исторіи новой философіи. Ц. 40 к.
» Исторія новой философіи. 4 тома. Ц. 10 р.
ЛАВРОВЪ. Три бесѣды о современномъ значеніи философіи. Ц. 75 к.
ЛАНФРЕ. Исторія Наполеона I. 4 тома. Ц. 8 р.
ЛЫЖИНЪ. Столбовскій договоръ. Ц. 1 р. 50 к.
МАКОЛЕЙ. Полное собраніе сочиненій. 16 т. Ц. 25 р.
МИЛЛЬ. Система логики. 2 тома. Ц. 7 р. 50 к.
МИХАЙЛОВСКІЙ-ДАНИЛЕВСКІЙ. Полное собраніе сочиненій. 7 т. Ц. 25 р.
МОЛЕШОТТЪ. Вращеніе жизни въ природѣ. Ц. 1 р. 75 к.
МОЛЛЬ. Энциклопедія государственныхъ наукъ. Ц. 4 р.
МОРДОВЦЕВЪ. Самозванцы и Понизовая вольница. 2 т. Ц. 2 р. 50 к.
МЮЛЛЕРЪ. Лекціи по наукѣ о языкѣ. 2 т. Ц. 3 р. 75 к.
НАПОЛЕОНЪ III. Исторія Юлія Цезаря. 2 т. съ подп. на 3. Ц. 10 р.
ОЧЕРКИ Англіи. Ц. 2 р.
ПАСКАЛЬ. Мысли. Переводъ Бутовскаго. 2 т. Ц. 1 р. 50 к.
ПРЫЖОВЪ. Исторія кабаковъ въ Россіи. Ц. 2 р.
СПАСОВИЧЪ. Объ отношеніи супруговъ. Ц. 1 р.
» Права авторскія и контрафакція. Ц. 1 р.
ТУРУНОВЪ. Исторія древняго мира. Ц. 1 р. 50 к.
ФИЛОСОФІЯ и наука. Ц. 2 р.
ФИРХОВЪ. О древнихъ могилахъ и о постройкахъ на сваяхъ. Ц. 50 к.
ФИШЕЛЬ. Государственный строй Англіи. Ц. 2 р. 50 к.
ШЛОССЕРЪ. Всемірная исторія. Первое изданіе. 18 томовъ. Ц. 27 р.
» » Новое изданіе. 6 томовъ. Ц. 20 р.
ШМИТЪ. Исторія французской литературы. 2 т. Ц. 4 р.

.....

2007088090